УДК 355.422
ББК 68
Б75

Рекомендовано Советом военного факультета ГрГУ им. Я. Купалы.

Б75 **Боевое** братство славян на защите мира : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: С.А. Пивоварчик (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2011. – 456 с.
ISBN 978-985-515-432-8

Содержит материалы, в которых рассматриваются проблемы боевого содружества славян в разные исторические периоды – от средневековья до современности. Особое внимание уделяется важным историческим событиям – 600-летию Грюнвальдской битвы и 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Осмысление большого исторического опыта содружества славянских народов, уроков истории, выдающихся успехов и горьких поражений позволит лучше понять и объективно оценить нынешнее поступательное развитие славянского мира. Адресуется преподавателям, студентам, а также всем, кто интересуется военной историей Республики Беларусь.

УДК 355.422
ББК 68

ISBN 978-985-515-432-8

БОЕВОЕ СОДРУЖЕСТВО СЛАВЯН В XIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

УДК 94(47)

Е.В. Мельников, И.Е. Логинов

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ ДРУЖИН В VI – XIII вв.

В начале VI века на территории славянских племенных княжеств появлялись профессиональные хорошо укомплектованные оружием и доспехами боевые отряды. Их единственным занятием была война. На протяжении сотен лет они вбирали в себя все лучшее из техники и тактики боя, из того, что могли видеть, имея тесные взаимоотношения с народами Европы и Азии. Впоследствии, это позволило им стать одним из образцов войска периода раннего средневековья, оставившего после себя достойную летопись славных побед.

Ключевые слова: дружина, бояре, князь, структура, летопись, хроника, вооружение, шлем, щит.

Наиболее ранние упоминания о дружинах у славян относятся к VI – VII вв., их мы находим в древнем историческом источнике – «Чудеса св. Дмитрия Солунского». Причем, дружины упоминаются не единожды, и речь о них идет как об отборном воинском объединении, обладающем превосходной подготовкой, вооружением и броней [1, с. 265].

Также, упоминание о численности дружины русских князей, можно найти во фрагменте записок Ибн-Фадлана, который в 921 – 922 гг. в составе багдадского посольства совершил путешествие в земли волжских булгар. В его записках есть интересующее нас упоминание: «Один из обычаев царя русов тот, что вместе с ним в его очень высоком замке постоянно находятся четыреста мужей из числа богатырей, его сподвижников, причем находящиеся у него надежные люди умирают при его смерти и бывают убиты за него» [2, с. 58].

По мнению А.А. Горского, сведения Ибн-Фадлана вполне достоверны: «Численность дружины «царя русов», названная Ибн-Фадланом близка к истинной: так, по подсчетам основанным на археологических данных, княжества Гнезна – главного центра польских полян – в IX в. имели непосредственно при себе не более 200 дружинников» [3, с. 456].

Постепенно структура дружины приобретает своеобразную внутреннюю иерархию. В своей основе дружины подразделялись на «старшую» и «младшую» – такие названия во множестве пронизывают Славянские летописные своды. Если брать отдельно все термины, встречающиеся в источниках, то помимо деления на вышеназванные группы, дружинники делились еще и на подгруппы.

Бояре. Слово «боярин» имеет два значения. Первое – общеславянского происхождения, от слова «бои» – битва, то есть тот, кто сражается. Второе – от тюркского – богатый, знатный. Так или иначе, оба эти значения ассоциируются с дружинниками, так как родом их занятий была война, они же были знатными и богатыми, что варьировалось в соответствующих пределах богатства и знатности их князя. Основываясь на источниках, можно отметить, что боярство располагало достаточно высоким положением, выступало верховным слоем общества после князя [4, с. 31].

Мужи. На Руси это слово имело множественное значение. «Мужами» могли называть и воинов, и дружинников в целом, и бояр. Данное слово всегда отождествлялось с дружинниками, но не с простыми людьми, не принадлежащими к воинской касте. Чаще всего к слову «муж» добавляли и принадлежность упоминаемого человека к определенной группе дружины, что опять же во множестве подтверждается в русских летописях [4, с. 237].

Огнищане и гриди. Данные слова заимствованы от варягов, однако, это отнюдь не означает заимствование самой структуры дружины у викингов. Прежде всего, данное утверждение вытекает из того, что эти группы были распространены исключительно на Севере Руси. А именно Новгород наиболее тесно, ввиду своего положения, контактировал с выходцами со Скандинавского полуострова. Историк А.А. Горский, основывая свои выводы на русских летописных сводах, отметил, что и термин «огнищане», и термин «гриди» – довольно редко упоминался, и обозначали ими соответственно старших и младших дружинников. Однако, в целом, оба этих слова не всегда имели соответствующие значения [3, с. 234].

Отроки. Для определения данной категории в воинской касте славян следует рассматривать в качестве источников не только летописные своды, но и русские памятники права. Связано это с тем, что «отроки» выступают в источниках не только как младшие дружинники, но и как слуги бояр, князя, имеющих административные права, их появление относится к X веку [4, с. 14].

Детские. Их появление датируется в «Повести временных лет» 1097 годом. Благодаря источникам можно установить, что «детс-

кие» нельзя отнести к какой-либо категории воинской касты, так как они не составляли воинского образования, как такового. Они были близки к князю, но не всегда находились при нем, как другие его слуги из дружинников [5, с. 56].

Несколько слов следует сказать и о комплексе вооружения славянских дружинников. Он великолепно характеризуется выдержкой из Лаврентьевской летописи, относящейся к 1176 году, приведенной в монографии А.Н. Кирпичникова: «Выступи полк из загорья, все в бронях, яко во всякомъ леду» [7, с. 141].

Первоначально основным видом брони, как назывались ранее доспехи на Руси, являлась кольчуга, постепенно кольчуги приобрели дополнительную защиту – чешуйчатую броню поверх колец основной брони. К концу XII – началу XIII веков достаточно широкое распространение получили и другие формы брони, одеваемые, либо нашитые поверх кольчуги. Помимо этого в комплекс брони славянских дружинников входили наручи и поножи, кожаные чешуйчатые панцири. Голову воинов венчали шлемы, которые претерпевали некоторые изменения на протяжении веков. Уже первоначально древнерусские шлемы имели своеобразную коническую форму, которая заканчивалась острым навершием. Постепенно шлемы, многие из которых имели наносники, приобрели бармицу – кольчужную защиту, опускавшуюся на шею и плечи. К защитному комплексу дружинника относились и щиты, имевшие каплевидные, удлиненные формы, и обычные – круглые. Все щиты имели стальную, либо кожаную окантовку и умбоны (стальные чаши, крепившиеся в центре), форма которых была как полусферическая, так и коническая – наподобие формы шлемов.

Среди оружия славянских дружинников постепенно вырисовался определенный комплекс, который можно представить следующим образом:

- легковооруженный пеший дружинник – лук, стрелы, две-три сулицы (метательные копья-дротики), меч либо топор, щит (не во всех случаях);
- тяжеловооруженный пеший дружинник – копье, меч либо топор, щит;
- легковооруженный конный дружинник – лук, стрелы, топорик, меч либо сабля (сабля появляется уже в конце X – начале XI веках), щит;
- тяжеловооруженный конный дружинник – копье, меч (сабля), щит [7, с. 5].

Особенностью вооружения является неоднородность распространения оружия. Данные особенности обусловлены тем, что вооружение и броня противников славян на Севере и на Юге отличалась, поэтому для борьбы с европейскими рыцарями был выбран топор, а для противостояния кочевникам – лук и стрелы, копья и сабли.

Славяне, основой организации которых был родоплеменной строй, главным образом, вплоть до IX века, сражались пешими. С X века конь становиться для воина не только распространенным средством передвижения, но начинает применяться в боевых действиях. Именно тогда конная дружина приобретает роль решающей силы в определении исхода сражения, но на Севере, где природные условия не позволяли действовать на больших пологих пространствах, дружинники продолжали биться с врагом пешим строем [3, с. 10].

Главное, в бою, было не истребить противника, а обратить его в бегство, сломить его сопротивление. Поэтому воины стремились захватить стяг врага, вокруг которого он группировался, а с падением стяга рядовые воины не могли определить место нахождения центра своего войска. Начало сечи обычно знаменовалось стрельбой лучников, которые засыпали супостата тяжелыми и легкими стрелами, не давая ему продыха. Далее, при его приближении, в ход, помимо стрел, шли сулицы, которые если не находили живой цели, то тяжестью оттягивали щиты противника к земле, и он был вынужден их бросать. Затем шли плотные ряды копейщиков, стоявших так близко друг к другу, что между щитами не было промежутков, о такой строй – стену, состоящую минимум из трех рядов, разбивались не только конные кочевники, но и европейские рыцари. Потом в ход шло рубящее оружие – топоры, мечи, сабли и т.п. Нередко сеча переходила в рукопашную схватку, когда воины использовали ножи, маленькие топорики и … кулаки. Для решающего удара в сече к концу XII началу XIII века воеводы активно начали использовать конные полки, что были более маневренны. Такова была общая картина тактики ведения боя славянскими дружинниками [3, с. 14].

Подытоживая сказанное, следует отметить, что славянская дружина с самого начала своего существования имела строгий порядок и внутреннюю, слаженную структуру. На протяжении сотен лет она вбирала в себя все лучшее в тактике боя, использовавшееся другими народами Европы и Азии. Впоследствии, это позволило ей стать одним из образцов войска периода раннего средневековья, оставившего после себя достойную летопись славных побед.

Список литературы

1. Дьяконов, М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси / М.А. Дьяконов. – Л., 1988.
2. Крачковский, А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадблана о его путешествии на Волгу / А.П. Крачковский. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1956.
3. Горский, А.А. Древнерусская дружина / А.А. Горский. – М., 1989.
4. Амельченко, В.В. Дружины Древней Руси / В.В. Амельченко. – М., 1992.
5. Алешковский, М.Х. Курганы русских дружинников XI – XII / М.Х. Алешковский. – М.: Советская археология, 1960.
6. Рыбаков, Б.А. Киевская Русь и русские княжества / Б.А. Рыбаков. – М., 1976.
7. Кирпичников, А.Н. Военное дело на Руси XIII – XV вв. / А.Н. Кирпичников. – Л., 1976.
8. Клейн, Л. Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения / Л. Клейн, Г. Лебедев, В. Назаренко // История связей Скандинавии и России (IX – XX вв.). – Л., 1970.
9. Котенко, В.Д. Восточнославянская дружина и ее роль в становлении княжеской власти: X в. / В.Д. Котенко. – М., 1986.
10. Языковіч, Л.У. Атлас гісторыі Беларусі ад старажытнасці да нашых дзён / Л.У. Языковіч. – Мінск, 2006.

Логинов Игорь Евгеньевич, *преподаватель кафедры тылового обеспечения ГрГУ им. Я. Купалы, майор.*
Мельников Евгений Витальевич, *курсант военного факультета ГрГУ им. Я. Купалы.*

УДК 930:737(092 Давыд Городенский)

А.С. Рябков

ДАВЫД ГОРОДЕНСКИЙ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ И БЕЛОРУССКОЙ НУМИЗМАТИКЕ

В статье рассказывается об истории, подвигах Давыда Городенского как одного из уникальных личностей в истории Гродно.
Ключевые слова: Давыд Городенский, исторические источники, нумизматика, князь, вассал, каштелян, комтур, Тевтонский орден.

Одной из уникальных личностей истории Гродно является наместник великого князя литовского Гедимина и его зять служилый князь Давыд, которого даже литовские рыцари величали каштеляном Гродненским (capitaneus Grodnensis – именно так его называет

в своем труде польский хронист Ян Длугош). Этот замечательный полководец просто генетически должен был стать тем, кем он стал – защитником земли Великого княжества Литовского (ВКЛ). Ведь его прадедом был князь Александр Ярославич Невский, а отцом – князь Тимофей Довмонт, защитник Псковщины от датчан и немцев.

Эта история начинается в те далекие времена, когда великий князь Миндовг оскорбил своего вассала и родственника Довмонта Нальшанского, отняв у него жену. В феодальном обществе это смывается только кровью. И она пролилась. Довмонт участвует в заговоре также обиженных Миндовгом удельных князей Таутивила и Траняты, сыновей сестер Миндовга (первый – князь Полоцкий, а второй – князь Жемойтский). Довмонт по некоторым историческим источникам лично убил основателя ВКЛ, его двух малолетних сыновей Руклю и Рупеку, а заодно и свою бывшую жену [1, с. 62].

Но недолго победители торжествовали. Транята, заподозрив в злоумышлении против себя, приказал убить своего двоюродного брата Таутивила, но сам недолго носил золотой венец великого князя, так как был убит четырьмя слугами Миндовга. А когда на месть вышел из монастыря в Пинске князь-монах Войшелк, Довмонт не выдержал и, собрав 300 своих под покровом ночи убежал во Псков, где был принят служилым князем Псковской республики, приняв православие и став Тимофеем, впоследствии святым защитником Псковской земли [2, с. 284].

Понятно, что летописи – это достаточно путаные источники. Так, если внимательно прочитать хронику Литовскую и Жемойтскую, можно только удивляться тому, как просто интерпретируется одна и та же история, которая была рассказана выше. Конечно, Довмонт не был великим князем и погиб не в 1308 году, а правил долго и мудро (около 25 лет) Псковской землей. То, что его уважали, это факт. За службу он и был награжден новой женой Марией Дмитриевной, дочкой великого князя Дмитрия Александровича Владимирского, которая и подарила ему будущего защитника Гродненского княжества. Умирая в 1299 году, Довмонт-Тимофей, отправил сына на Родину, где он и стал служить вначале Витеню, а после его наследнику (то ли сыну, то ли брату, но отнюдь не конюху, как отмечают орденские хронисты) Гедимину [3, с. 46].

Гродненщина в начале XIV века постоянно терпела от набегов (рейдов) крестоносцев Тевтонского ордена.

Для Литвы Понеманье – важный источник людских и материальных ресурсов, а для крестоносцев – плацдарм для завоевательных походов.

Первый налет на Гродно случился в 1284 году, затем в 1295, а в начале XIV века рейды повторяются с ужасающей регулярностью:1305, 1306 (дважды), 1311 (трижды) [4, с. 213].

И поэтому неслучайно молодой князь Давыд в 16 – 17 лет, после смерти отца отправляется на службу к Витеню, а после его смерти в 1316 году служит Гедимину, новому великому князю. В 1305 году вместе со своим сюзереном он разбил около Гродно войско Бранденбургского комтура Конрада Лихтенхагена, в следующем году удачно отбил осаду Гродненского замка уже Кенигсбергского комтура Эберхарда Вирненбурга.

И, наконец, в 1314 году, бывший прусский ландмайстер Генрих фон Плоцке, а после переноса столицы Ордена в Пруссию в 1303 году, великий магистр Готфрид фон Гогенлоэ сделал его великим комтуром (историк ордена Николас фон Ерошин называет его братом Генрихом и маршалом) решается нанести удар на Новогрудок, столицу Великого княжества.

В Хронике Тевтонского ордена подробнейшим образом описывается этот трудный поход и рассказывается, каким образом попал в ловушку расставленную Гродненским старостой опытный немецкий рыцарь. Кстати, наш город в описании этого похода называется немецким хронистом Гарта, а отважный гродненский каштелян – Давид Городецкий. Хотя, скорее всего, Николас фон Ерошин допустил описку, переписывая хронику, написанную его предшественником Петром из Дусбурга [5, с. 131].

Поход, длившийся целых шесть недель вместо запланированных четырех, абсолютно без продовольствия, так как князь Давыд увел даже 1500 коней из тевтонского лагеря, закончился безрезультатно. Вернее, результатом была почти бескровная победа гродненской дружины во главе с каштеляном. Правда, Ерошин ничего не записал, вспоминая беды, случившиеся с рыцарями и то, что при походе на Новогрудок (в хронике – кривичская земля) один городок тевтонцы все-таки сожгли (его Ерошин называет Малая Ногардия).

Далее подвиги Давыда Городенского шли один за другим, до самого 1326 года, когда в последнем походе на Бранденбургскую марку предательский удар мазовецкого шляхтича Андрея Госта остановил биение сердца отважного воителя.

Кстати, если летописные источники мало уделяют внимания гродненскому старосте, то хронисты Ордена постоянно отмечают,

какой упорной была борьба с ним. Причем, судя по двум хроникам, в которых рассказывается об истории закрепления Ордена на прибалтийских землях – старосте Давыду отводится ничуть не меньше места, чем великим князьям. Вот выдержки из хроники Николаса фон Ерошина: «Когда они вернулись туда, где оставили запасных лошадей с продовольствием, вся их надежда и опора в лишениях была разбита напрочь, так как Давид Городецкий убил более тридцати их людей и забрал все, что там было – провизия и военное снаряжение – все, что помогло бы войску выйти из трудного положения. Он также захватил пятьсот лошадей и увел их к Гарте. Какие поднялись вопли и стенания, так как ни у кого не было хлеба и другого продовольствия. Из-за этого все войско затосковало и полностью лишилось боевого духа. На протяжении всего пути назад в безлюдной глуши они, голодая, были вынуждены есть лошадей. Многие отважные и удалые рыцари копались в земле в поисках кореньев, иные продлевали свою жизнь, поедая листья. Немало из них умерло из-за чувствительности организма, который не мог ни принять, ни переварить грубую пищу. Их большая надежда на вторую стоянку с провизией тоже рухнула. Когда они пришли туда, то там они ничего не нашли, даже людей, которые стояли лагерем и охраняли его. Все, ничего больше не было по дороге на родину, поэтому возвращение войска затянулось на большой срок. Из-за роковой ошибки, что они ушли оттуда (из-под Гарты), все они умерли. Они больше никого не встретят, ах, какая боль легла на сердце каждому из них. Вся их надежда и уверенность исчезла в один момент. Они не знали, что им нужно делать. Они бросали друг на друга взгляды, достойные сожаления, в которых ужас передавался от одного к другому. Сиявшие до этого надеждой, их румяные прекрасные лица теперь потухли и стали цвета земли от предстоящих им страшных лишений. Из-за грозящего меча голода никто не мог никому сострадать – все были одинаково равны перед ним. Страшная предстоящая нужда мучительно тяготила бурную душу маршала и как он себя открыто ни показывал веселым рыцарем Господа, то сейчас он рыдал, после чего отдал распоряжение войску, что каждый может скакать туда, куда он хочет, чтобы спасти свою жизнь». А вот выдержки из Хроники Петра из Дусбурга:

«337. ОБ УБИЙСТВЕ 55 ЛИТВИНОВ

В тот год, когда в пуще был паводок, Давид, кастелян Гарты, выйдя на битву с 800 мужами, разместив войско свое в укрытии, с

80 воинами вошел в волость Пруссии, называемую Вохеншторф, и, спалив немного домов, ушел с великой добычей, состоящей из людей и прочего. Брат Ульрих фон Дрилебе, комтур Тапиова, и брат Фридрих Квитц, товарищ его, с горсточкой людей погнались за ними, и, разрушив сначала мост, который должны были перейти литвины, они убили 55 человек из них, а всю добычу, которую те имели, отбили. Остальные бежали в свои укрытия и все вместе в страхе отступили, и столько тягот они претерпели в пути, что немногие из них вернулись целыми и невредимыми» [6, с. 323].

«349. О РАЗОРЕНИИ АЛЛОДА, ИЛИ ПОМЕСТЬЯ ДАВИДА ИЗ ГАРТЫ

В том же году, в Великий пост, три брата и 600 человек из Наттангии напали на аллод, или поместье Давида, кастеляна Гарты, и дотла сожгли его, и, не считая убитых, они увели с собой 38 человек и 100 коней со множеством прочего скота». Ненавидели его люто враги. Показатель – запись под № 349. Кстати, не только поместье Давыдишки было разграблено. В пламени пожара погибли все близкие старосты Давыда, включая его жену Бируту. Это произошло в 1324 году. А в 1323-м он помогал Псковской республике, прогоняя и наказывая за набеги на Псков рыцарей-датчан.

Славный был рыцарь. Кстати, легенд о нем сложено не мало, в частности о том, что его прах покоится возле старинной Коложи. Увы, захоронение не найдено.

Памятные монеты «Давыд Гарадзенскі» («Давыд Городенский») введены в обращение: 19 декабря 2008 года и стали знаковым событием в нумизматической жизни республики, т.к. это первая монета Республики Беларусь, которая посвящена деятелю Великого княжества Литовского. Сразу же вокруг этих двух монет началась интрига. На оборотной стороне монеты, где изображен предполагаемый портрет героя, указаны годы: 1314 – 1326 (годы службы князя Давыда). Хотя выехал из Псковской земли Давыд в 1299 году, а уже в 1305 участвовал в боевых действиях. Историки Гродненского музея обнаружили еще одно несоответствие. Именно о них сегодня спорят специалисты из Гродно и Минска. Первое – это год начала правления. На обратной стороне монеты указан 1314-й – это официальная дата, в учебниках по истории указана именно она. Но в Гродненском музее уверены, что начало правления Давыда – защитника Гродно – 1299 год. Именно эта дата встречается в летописях и именно ее нужно считать началом правления.

Вторая неточность – изображение Новогрудского замка XVI века на лицевой стороне. Специалисты же банка уверены: ошибок на памятной монете нет. Все данные проверены экспертами. Изымать из обращения их пока не собираются. По нашему мнению, грубых ошибок на монете нет. Это не монета, посвященная памяти Адама Мицкевича, где неправильно указан год смерти поэта. Во времена Давыда Городенского Новогрудский замок был деревянным, только одна главная башня каменная, но в учебниках истории показано именно такое изображение, какое на монете, а годы, указанные на оборотной стороне можно интерпретировать как годы самых напряженных боев старосты за родную землю. Необходимо больше выпускать монет на историческую тематику [7, с. 102].

Список литературы

1. Ткачев, М.А. Замки Беларуси / М.А. Ткачев. – Минск: Беларусь, 2002.
2. Насевіч, В. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Падзеі, асобы / В. Насевіч. – Мінск: Полымя, 1993.
3. Тарасаў, К.А. Памяць пра легенды / К.А. Тарасаў. – Мінск: Полымя, 1994. – 58 с.
4. Краўцэвіч, А. Тэўтонскі ордэн. Ад Ерусаліма да Грунвальда / А. Краўцэвіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993.
5. Краўцэвіч, А. Рыцары і дойліды Гародні / А. Краўцэвіч. – Кракаў, 2009.
6. Ермаловіч, М.Н. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М.Н. Ермаловіч. – Мінск: Беллитфонд, 2000.
7. Сагановіч, Г.К. Нарысы гісторыі Беларусі / Г.К. Сагановіч. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2001.

Рябков Александр Сергеевич, *преподаватель истории СШ № 28 г. Гродно, майор запаса.*

УДК 94(476).032:728.81(476)

Н.А. Иващенко

ЗАМКИ ГРОДНЕНЩИНЫ И БОРЬБА ПРОТИВ КРЕСТОНОСЦЕВ

В статье на примере замков в Новогрудке, Гродно, Лиды показываются особенности оборонительных сооружений на восточнославянских землях, эволюция оборонных сооружений на протяжении XII – XIV вв., борьба гарнизонов крепостей и местного населения против натиска крестоносцев в XIII – XIV вв.

Ключевые слова: крестоносцы, магистр, агрессия, ландшафт, кастели, машикули, бойницы, феодалы.

Конец XII – XIV вв. для народов Восточной Европы – время чрезвычайно сложное. Ордена крестоносцев начали захватнические войны против языческих балтских племён: эстов, ливов, латгалов. В начале XIII в. немецкие и датские феодалы под знаменем «крестовых походов» ворвались в Прибалтику. Ордену меченосцев в 1208 г. покорились ливы и латгалы, в 1219 г. датский король Вальдемар II захватил землю эстов. До 1238 г. крестоносцы подчинили себе земли пруссов.

Настала очередь и восточных славян обороняться от крестоносцев (особенно от Тевтонского ордена). Чтобы противостоять их экспансии великий князь Гедимин на главных направлениях рыцарской агрессии на Восток формирует мощный оборонительный «мураваны пояс» из замков в Лиде, Новогрудке, Крево, Гродно, Вильно, Троках и других местах. Необходимо отметить, что замкам в период средневековья придавалось большое значение. По военным законам того времени захват столичного замка означал победу над всей страной, княжеского или графского – над имением. Поэтому замки как субъекты государственной важности являлись в этот период объектами судьбоносных военно-политических событий.

При определении места под замок, его создатели руководствовались стратегическими особенностями местности и ландшафта, учитывали все преимущества, которые мог дать рельеф для обеспечения главной цели – безопасности и обороноспособности. Замки стремились возводить в труднодоступных местах: на обрывистых скалах, берегах стремительных рек, среди непроходимых болот. Поэтому средневековые замки органично вписывались в

окружающий ландшафт, доминировали над местностью и завершали её натуральные формы и особенности.

Природа и особенности рельефа, рисунок реки определяли и композиционную ось всего замкового комплекса или конфигурацию крепости. Так, Гродненский Верхний замок возник на правом, возвышенном берегу Немана, при впадении в него реки Городничанки на высшей рельефной отметке – на Замковой горе (32 м над уровнем воды), которая имела форму неправильного треугольника [1, с. 18 – 25; 2, с. 322, 366].

Большое значение для жизнедеятельности замка имело водообеспечение, так как частой причиной капитуляции осаждаемой крепости письменные источники называют отсутствие или дефицит питьевой воды. Князь Гедимин приказал заложить замок в Лиде на искусственно насыпанном острове, в болотистой низине при соединении рек Лидеи и Каменки. В восточной части Лидского замка при раскопках найдены остатки деревянных срубов колодцев. Из колодцев или других источников в пределах стен замка или вала вода бралась для заполнения рвов или «беркилов» (бассейнов или цистерн), в которые отводилась дождевая вода при помощи сложной системы труб. Чтобы решить эту проблему крепости наделялись у основания специальными башнями с потайными ходами к воде [2, с. 328; 11, с. 33].

В XIII в. в развитии военно-инженерного строительства славян произошли существенные изменения. Пассивную осаду, которая господствовала в X – XII вв., сменила новая тактика – более результативный активный штурм. Это было обусловлено появлением новой осадной техники: камнемётных и стенобитных машин-пороков, самострелов, бомбард. Всё это было ярким свидетельством развития не только военно-инженерного искусства, но и всей военной организации на славянских землях. В свою очередь это также не могло не привести к существенным изменениям в строительстве оборонительных сооружений, что мы проследим на примерах замков в Новогрудке, Гродно, Лиде.

Новогрудок – это один из первых наших городов, который столкнулся с крестоносцами Ливонского ордена. В 1250 г. магистр Ливонии Андрей фон Штирлянд прошёл через Сморгонщину, Крево, около Ивья, начал осаду Новогрудского замка. Как пишет хронист людей рыцари свободно резали, как быков, не жалея ни женщин, ни детей. Таким было начало трагедии, которую остановили только в 1410 году [7, с. 137; 11, с. 10].

В сентябре 1314 г. крестоносцы во главе с орденским магистром Генрихом фон Плоцке вновь осадили замок и начали его штурмовать с помощью камнемётов. Рыцари жгли, грабили и разоряли окрестности, превращая их в пустыню. Первый натиск иноземцев оказался безуспешным. Пришлось им разбить возле города лагерь. Назавтра войско начало новый штурм Новогрудка. Подниматься к вершине Замковой горы в доспехах рыцарям было сложно, поэтому они оставили их в обозе и двинулись налегке. Осаждённые мужественно отражали вражеские атаки, бросая на рыцарей громадные брёвна («катки») и камни, поражали их копьями, стрелами из луков и арбалетов. Осаждавшие понесли значительные потери.

К осаждённым же подоспела помощь – под стенами Новогрудка появился конный отряд во главе с гродненским каштеляном Давыдом. Вероятно, отряд был немногочисленным и на открытое сражение с крестоносцами воины не решились. Но князь Давыд действовал «не числом, а уменьем». Имея большой опыт сражений, он захватил военный лагерь рыцарей. В руки гродненцев попали всё военное снаряжение, провиант, боевые лошади и весь обоз неприятеля. Вдобавок отряд князя Давыда забрал весь провиант на промежуточных бивуаках, оставленный крестоносцами на обратную дорогу. Рыцари сняли осаду Новогрудка и, бросив раненых, начали спешно отходить. Все их попытки добыть продовольствие для себя и корм для лошадей пресекались летучими отрядами гродненцев. Последние жалкие остатки рыцарского войска вернулись домой лишь через шесть недель [8, с. 72; 9, с. 173; 10, с. 18; 11, с. 11].

Пройти ещё раз к Новогрудку захватчики решились лишь в 1391 г. Но и тогда отряд крестоносцев во главе с магистром ордена Конрадом Валленродом не добыл себе славы на крутых склонах новогрудской Замковой горы и был вынужден убраться восвояси. В 1394 г. войско магистра Конрада фон Юнингема и маршала Вернера Тетингера ещё раз признало своё бессилие перед неприступным Новогрудком [10, с. 19].

Думается, большую роль в обороне города от крестоносцев сыграла и древняя каменная башня, на долю которой выпали тяжкие испытания. Её верхние ярусы были сильно повреждены, и это заставило новогрудцев в конце XIV в. соорудить кирпичную башню. То, что её назвали Щитовой, говорит само за себя. Это был надёжный страж и щит средневекового города. На восточной стене на уровне четвёртого этажа сохранились остатки небольшого эркера – выступа, где, вероятно, висел набатный колокол. С его

помощью созывали население города в случае опасности [1, с. 98 – 99; 10, с. 19 – 20].

В XIII – XIV вв. ***Гродненские замки*** считались ключом к землям Белорусско-Литовского Понеманья. Овладеть ими постоянно стремились крестоносцы. Этот ключ не только запирал рыцарям водную и сухопутную дороги вглубь густонаселённой территории, но и оберегал богатый красивый город, который был значительным торгово-ремесленным, религиозным и культурным центром громадного региона на западных рубежах восточного славянства.

Первое столкновение городенцев с крестоносцами стало трагическим и во многом поучительным. Войско магистра тевтонцев Конрада Тирнберга в 1284 г. подошло к городу. Известный историк Теодор Нарбут, который внимательно изучал хроники крестоносцев, писал, что крестоносцы пришли покорять бежавших пруссов, которые поселились в окрестностях. Защитники успешно отбивали все штурмы противника. Им помогали пруссы, которые через родственников, оставшихся в Пруссии, вели разведку. Проводником у крестоносцев тоже был прусс по имени Скомунд, который ранее жил в Гродно. Перейдя Неман, крестоносцы приступили к осаде. Гарнизон («залога») города был спокоен – надеялись на мощь своих укреплений. Несмотря на упорное сопротивление защитников, после многочасового штурма крестоносцы ворвались в город. Помогла им в этом измена двух горожан (которые ранее жили в Пруссии и нашли приют в Гродно). Город подвергся разрушению. Жители частью были убиты, а многие оставшиеся в живых были уведены в плен. Про замок хронист умалчивает, что может свидетельствовать о том, что Верхний замок уцелел, а взят был только Нижний замок [2, с. 311; 7, с. 154; 9, с. 138 – 139; 10, с. 26; 11, с. 11].

Великий князь Витень отстроил город, вернул в него жителей, которые смогли убежать и прятались в лесах и болотах. По приказу князя были возведены новые укрепления, в том числе каменная башня (мураваная вежа), которая прикрывала дорогу и мост к замку. Гродненский замок уже в это время был уникальным в восточнославянском мире. Он имел каменные стены и каменные башни, построенные из плинфы и валуна. Крестоносцы совершили почти 20 походов на Гродно, однако замок взяли только трижды, и каждый раз причиной была не слабость защиты, а предательство или иная причина. Поэтому неприступность Гродненского замка объясняется большим умением местных строителей, которые за-

ковали его в каменную броню. Именно эти стены очень долгое время спасали замок от крестоносных штурмов и осад [11, с. 11 – 12].

Зимой 1296 г. возрождённый из пепла Гродненский замок был осаждён тевтонцами во главе с комендантом г. Бальги Зигфридом Райбергом. Крестоносцы приблизились к городу с левого берега Немана и попали на свежие следы военного отряда. Немцы бросились в погоню, догнали небольшой отряд наших воев и разбили его. Затем рыцари перешли по льду Неман и подошли к замку. Замок устоял, но жилые кварталы и окрестности города враг предал огню. Было уничтожено много жителей, 200 человек попали в плен, но сам Райберг, видимо, погиб под стенами замка.

Через несколько месяцев последовал новый поход крестоносцев на Гродно, который возглавил комендант г. Бальги Зухверт. Рыцари атаковали замок, но встретили такое сильное сопротивление, что вынуждены были отойти. Из замка в погоню за ними бросился сильный отряд и погнал грабителей так, что они даже не смогли сойти с дороги для грабежей и обеспечения припасами [2, с. 311; 7, с. 156; 9, с. 155; 10, с. 26].

Не смогли захватить Гродненский замок крестоносцы в 1305, 1306 и 1311 гг. [9, с. 163 – 164, 168; 13, с. 16 – 17], хотя численность вражеских отрядов порой достигала 6 тыс. человек.

В те трудные для Гродно времена выдающуюся роль в защите города, а также всей территории Понеманья, соседних земель и его населения сыграл кастелян (комендант) Гродненского замка князь Давыд. По всей Беларуси, Литве и Польше он прославился как мужественный защитник Гродно, Новогрудка, Пскова, гроза прусских, ливонских, датских и немецких рыцарей. Военный талант и ум Давыда были так велики, что Гедимин оказывал ему предпочтение перед своими братьями и сыновьями не только в военных делах, но и в отношениях с соседними землями Северо-Западной Руси.

Первая четверть XIV в. ознаменовалась сближением Великого княжества Литовского и Пскова под знаком объединения в борьбе против рыцарей Ливонского ордена. Большую роль в этой борьбе сыграл блистательный талант Давыда Городенского.

В 1322 г. в Новгородско-Псковской летописи сообщается о том, что гродненский «князь Давыдко» прибыл со своим войском защищать от рыцарей Псков. Тогда крестоносцы не решились на штурм. Однако в марте 1323 г., когда датские рыцари нарушили мир, захватили Гдов и побили псковских «гостей», вновь «послаша

псковичи к Давыду князю в Литву». Войско городенцев подоспело вовремя и отбило натиск датчан, отбросив их за пределы Псковской земли, а затем дошло до Ревеля, которым владел датский король [10, с. 27 – 28].

Однако в мае 1323 г. немецкие рыцари «в силе тяжце» снова напали на Псковщину. Они, «приехаша в кораблях, и в лодиях, и на конях…», подошли к Пскову и осадили его. Осада продолжалась 18 дней. В это время на выручку осаждённому городу пришёл князь Давыд Городенский со своей дружиной. Вместе с псковскими ратниками городенцы разгромили и прогнали остатки рыцарского войска за реку Великую [10, с. 28].

Блистательные победы гродненского кастеляна вызвали злобу и лютую ненависть у рыцарей, и они не упустили случая отомстить. В начале марта 1324 г., в Великий пост, большой отряд крестоносцев, минуя Гродно, тайно пробрался к родовому поместью князя Давыда Вертилишкам и дотла разрушил его. Было убито 33 человека, среди которых были любимая жена и малолетний сын Давыда Городенского. Ответом на это дерзкое преступление был поход Давыда в Мазовию и разгром им большого войска. В 1326 г. с 1200 всадников и союзным отрядом поляков он совершил опустошительный поход на Бранденбург, дойдя до Франкфурта-на-Одере. Неспособные противостоять разящим ударам Давыда Городенского, крестоносцы подкупили польского рыцаря Андрея Госта, который предательским ударом в спину убил полководца в его походном шатре [9, с. 181, 184, 189; 10, с. 28; 12, с. 17].

Пока был жив Давыд Городенский, рыцари с 1312 г. не отваживались нападать на Гродно. С гибелью храброго кастеляна закончилась полоса относительно спокойной жизни города. В начале осени 1328 г. громадное войско крестоносцев подошло к стенам Гродно. Большая его часть скрытно разместилась на подступах, а 400 человек начали грабёж и разорения предместья. После жестоких погромов они отошли. Жители, укрывшиеся за стенами замка, решили, что крестоносцы убрались восвояси, и вышли из укрытия. Воспользовавшись этим, рыцари двинулись на город, захватили замок, разграбили и сожгли его. Жизнь в Гродно наладилась только к середине XIV в. [9, с. 213].

В начале лета 1362 г. главный маршал Прусского ордена Геннинг Шиндекопф с большим отрядом двинулся на Гродно. Рыцари уже собрались переправиться вброд через Неман, как неожиданно их атаковали горожане. Видимо, потери в стане рыцарей были на-

столько большими, что противник отказался от попытки захватить город [10, с. 28].

Не только пруссаки, но и рыцари Ливонского ордена искали удачи под стенами древнего города. В 1364 г. немецкий граф фон Ханау возглавил в Ливонии войско, где было 40 князей из разных стран Европы. Английские рыцари переправились через Ла-Манш, чтобы «под знаменем святого Георгия» – покровителя всех крестоносцев – испытать судьбу под неприступным замком, известным всей рыцарской Европе. Однако замок выстоял вновь, и всю свою ярость пришельцы обрушили на население окрестных сёл. Рыцарский хронист отметил, что их войско «бесчеловечно опустошило окрестности Гродно, уведя много людей в неволю». Второй разорительный поход состоялся в августе 1373 г. [2, с. 311; 8, с. 101; 10, с. 29; 13, с. 18].

В 1375 г. войско префекта Ратенбурга герцога Альберта фон Заксена встретило ожесточённое сопротивление жителей Гродно. Главный отпор дали рыцарям простолюдины. Большинство грабителей были убиты и ранены, часть из них во главе с герцогом попали в плен, а остальные обратились в бегство. В 1377 и 1379 гг. прусские крестоносцы при участии 2 тыс. австрийских и других европейских рыцарей ещё дважды вторгались в земли Городненщины [2, с. 311; 10, с. 29; 13, с. 17].

Из-за междоусобицы Витовта и Ягайло в 1390 г. пришла новая беда. Замок, которым владел Витовт, выдерживал осаду королевского войска Ягайлы. После многократных штурмов вначале пал Нижний замок, а на 50-й день осады был взят и Верхний замок. В 1391 г. с помощью союзных ему рыцарей Витовт вернул себе Гродно. Однако противоестественный союз Витовта с крестоносцами был недолгим. В 1392 г. Островское соглашение примирило Ягайло с Витовтом, объединив их в борьбе с общим врагом – Прусским орденом. Ответом на это стал поход в начале 1393 г. большого рыцарского войска, усиленного иноземным пополнением. Гродненский замок после трёхдневного штурма был захвачен и разрушен. Спустя несколько лет он вновь восстал из руин. Однако в 1398 г. сильный ночной пожар, во время которого едва не погиб вместе с семьёй сам Витовт, обратил замок в пепел [10, с. 29 – 30; 13, с. 18 – 19].

Вскоре на пепелище вырос каменный замок, на долю которого также выпало немало бед. Уже в 1402 г. крестоносцы испытали его на прочность, но он выдержал все штурмы [13, с. 19].

Для своего времени Гродненский Верхний замок был исключительно мощным сооружением, где гармонично сочетались благоприятные для обороны «крепости самородные» и мощный комплекс каменных укреплений, за стенами которого спасалось местное население [1, с. 309 – 310, 313, 322; 10, с. 30; 11, с. 10 – 11].

Лидский замок – своеобразное военно-оборонительное сооружение XIV в. Он был возведён в те годы, когда натиск крестоносцев достиг наибольшей силы. Противостоять такому натиску тогда могли только оборонные сооружения, при строительстве которых учитывалась тактика осады войск, вооружённых первоклассной по тому времени военной техникой.

С XII по XIV в. в Северной Европе и Прибалтике распространился тип особых замков – кастелей. Прообразом таких сооружений были древнеримские военные лагеря. Основу их мощи составляли высокие каменные стены в виде четырёхугольника (реже трёхугольника), под защитой которых находился гарнизон. Особенно много кастелей построили ливонские рыцари на захваченных землях Прибалтики. Небольшие по своим размерам, эти укрепления были базой захватчиков, пунктами сбора дани с покорённых народов. Подобные крепости появляются на Беларуси в первой половине XII в. в Мире, Крево, Лиде.

Взяв за основу тип рыцарского кастеля, зодчие Лидского замка творчески подошли к решению сложной задачи. Исходя из местных строительных традиций, они создали мощное сооружение, которое могло надёжно защитить от врагов. Строители удачно использовали рельеф местности. На искусственном острове, насыпанном из песка и гравия, был возведён Лидский замок. Стены его в плане напоминают трапецию (перекошенный четырёхугольник), большое основание её смотрит на север, откуда чаще всего угрожала опасность. Стены в замках – кастелях составляли основу обороны. Основной массив стен Лидского замка и башен выложен из камня – крупные расположены в нижней части, а чем выше, тем размеры камней уменьшаются. Наиболее ответственные участки стен и все архитектурные детали имели кирпичную кладку. В верхней части стен замков-кастелей обязательно создавался ряд бойниц и проходила деревянная галерея-помост для воинов. В Лидском замке ниже бойниц уцелели сквозные отверстия от консольных балок, которые служили опорой для такой деревянной галереи-помоста, которая шла по периметру стен.

Главной составляющей кастеля являлась сторожевая башня-ворота в несколько ярусов. Наверху башня завершалась шатровой крышей с черепичным покрытием или боевой площадкой. Вынесенные за периметр стен угловые башни обеспечивали возможность ведения с них фланкирующего огня. В Лидском замке были построены 4-гранные башни, которые располагались по диагонали и ещё более усиливали его обороноспособность. Попасть в Лидский замок-кастель можно было только с помощью подъёмного моста, о существовании которого свидетельствует большая разгрузочная ниша во въездной башне [2, с. 359 – 360; 10, с. 32 – 33].

За долгое время своего существования Лидский замок видел немало завоевателей. После смерти Гедимина, когда Лида стала столицей удела князя Ольгерда, а потом его сына Ягайлы, между князьями начались распри за великокняжеский престол. Этим воспользовались крестоносцы. В 1384 г. после продолжительной осады и штурма они захватили замок. В декабре 1392 г. отряды рыцарей во главе с командорами Яном Румпенгаймом, Конрадом Лихтенштейнским и их союзником князем Витовтом переправились возле местечка Алитус через Неман и по скованным морозом болотам подошли к стенам Лидского замка. Вместе с ними за грабительским счастьем пришло и войско английских рыцарей, которое возглавлял молодой граф П. Нортумберлендский.

Противник разграбил город, «зажёг подзамче» и осадил замок. Князь Дмитрий Корибут, который руководил обороной, имел достаточно сил, но, напуганный осадой, решил оставить замок. Дождавшись ночи, он с гарнизоном направился в сторону Новогрудка. Врагу досталось большое количество оружия [10, с. 35].

Зимой 1394 г. крестоносцы вновь напали на Лиду. В походе приняли участие английские рыцари во главе с графом Бэдфордом, а также французский отряд. Но на этот раз захватчикам ничем не удалось поживиться. Жители сожгли свои дома и, закрывшись в замке, мужественно отражали все вражеские штурмы [10, с. 35 – 36].

Опираясь на свои оборонительные сооружения и замки, белорусское и прибалтийское население вело более чем 120-летнюю борьбу за независимость против крестоносной агрессии. На протяжении 1283 – 1340 гг. вооружённое население Беларуси и Литвы отражало натиск рыцарей в направлении Жемойтии и Чёрной Руси. Белорусско-прибалтийские крепости внесли значительный вклад в общее дело борьбы народов Восточной Европы против агрессии

рыцарей-крестоносцев. До конца XIV в. наступил период затишья, а после поражения тевтонцев в Грюнвальдской битве от объединённых сил белорусов, литовцев, русских, украинцев, поляков, последние уже не сумели подняться.

Список литературы

1. Аляксееў, Л.В. Гродна і помнікі Панямоння / Л.В. Аляксееў. – Мінск: Беларуская навука, 1996. – 191 с.
2. Архітэктура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце: у 4 т. Т.1: IX – XIV стст. / А.І. Лакотка [і інш.]; навук. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск: Бел. навука, 2005. – 392 с.
3. Гурэвіч, Ф.Д. Летапісны Новгородок (Старажытнарускі Наваградак) / Ф.Д. Гурэвіч. – СПб.: Агентство «РДК–принт», 2003. – 324 с.
4. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд / М. Ермаловіч. – Мінск: Выд. Цэнтр «Бацькаўшчына»; МП «Бесядзь», 1994. – 91 с.
5. Краўцэвіч, А. Гродзенскі замак: нарыс / А. Краўцэвіч. – Мінск: Юнацтва, 1993. – 48 с.
6. Краўцэвіч, А. Тэўтонскі ордэн. Ад Ерусаліма да Грунвальда / А. Краўцэвіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 46 с.
7. Краўцэвіч, А. Стварэнне Вялікага княства Літоўскага / А. Краўцэвіч. – Беласток: Вышэйшая Школа Публічнай Адміністрацыі імя Станіслава Сташыца, 2008. – 196 с.
8. Насевіч, В. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы / В. Насевіч. – Мінск: Полымя, 1993. – 160 с.
9. Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. – М.: Ладомир, 1997. – 384 с.
10. Ткачев, М.А. Замки Беларуси / М.А. Ткачев. – Мінск: Беларусь, 2005. – 200 с.
11. Ткачоў, М. «За няпоўныя сто гадоў – сто сорак крыжацкіх паходаў...» / М. Ткачоў // Цяжкі шлях да незалежнасці (з гістарычных чытанняў, прысвечаных угодкам Грунвальдскай бітвы). Спадчына. – 1991. – № 2.
12. Трусаў, А.А. Стары замак у Гродне XI – XVIII стст.: гіст.-археал. нарыс / А.А. Трусаў, В.Е. Собаль, Н.І. Здановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 152 с.
13. Jodkowski, J. Grodno / J. Jodkowski. – Гродно: ЧПУП Изд-во «Ламарк», 2009. – 126 с.

Иващенко Наталия Альбертовна, *кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси ГрГУ им. Я. Купалы.*

УДК 94(4)(1410)

Ф.В. Филиппов, Н.В. Кутафин, Ю.В. Шедов

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ПОБЕДНОГО ГРЮНВАЛЬДА

В статье анализируются различные историографические традиции битвы под Грюнвальдом.

Ключевые слова: историография, легенды, мифы, Грюнвальд, Жальгирис, Танненберг, хроники, летописи, Орден, крестоносцы, хоругвь.

Главным политическим событием в жизни Литвы, оказалась победа литвинско-польского войска над Тевтонским орденом в 1410 году в местечке Грюнвальд, объединившая Ягайло и Витовта – двух непримиримых врагов и близких родственников. Однако и эта славная битва обросла мифами.

Мифы начинаются уже с названия места битвы. Поляки упорно именуют его «Грунвальд», по-русски оно звучит как «Грюнвальд», что буквально означает по-немецки «Зеленый лес» (по-литовски – «Жальгирис»). Между тем, никакого «Грюнвальда», как считает Акунов, ни в означенной местности, ни поблизости, ни на сто верст вокруг нет и никогда не было, хотя одно из расположенных поблизости селение именовалось Грюнфельде, т.е. буквально «Зеленое поле», а другое – Танненберг (буквально – «Еловая гора»). Немецкие историки именуют Грюнвальдское сражение не «битвой под Грюнвальдом», а «битвой под Танненбергом», что представляется вполне логичным [1, с. 141].

Второй миф заключается в численности вооруженных сил противоборствующих сторон, сошедшихся в смертельной схватке на кровавом Танненбергском поле. Мы уже привыкли, что численность и потери войск обычно завышают. Завысили их на Чудской битве, завысили и на Куликовом поле, где от силы 25 000 погибших ратников Мамая русские летописцы пытались изобразить как чуть ли не миллион убитых татар. Средневековые хронисты в подобных случаях часто грешат преувеличениями. Так, французский историк Монстреле утверждал, что под Танненбергом войско короля Польши составляло 600 000 человек, что в битве пало более 60 000 воинов с обеих сторон и тому подобные неточности. В немецкой хронике войско противников Ордена исчисляется в 5 000 000 конных и пеших воинов и т.д. Но и историки советского периода еще сравнительно недавно всерьез утверждали, что силы Тевтонского ордена

под Грюнвальдом составляли якобы, более 40 000, а силы «славянской» антиорденской коалиции – до 90 000 конных и пеших бойцов. Между тем совершенно ясно, что таким громадным полчищам на поле под Танненбергом было бы негде даже стоять плотным строем, а не то чтобы еще драться, атакуя и обстреливая друг друга из пушек [2, с. 25].

Преувеличение сил противника, как и его потерь, характерно не только для нынешнего времени. К примеру, Новгородская первая летопись сообщает, что в результате Чудской битвы 1242 года пало 400 немцев, 50 взято в плен. А вот по сведениям «Ливонской рифмованной хроники» погибло 20 рыцарей и 6 взяты в плен. С учетом состава обычного рыцарского боевого строя XII – XIII вв. число убитых и плененных рыцарей и кнехтов могло достигать 78 человек.

С учетом пятишереножного построения крестоносцев в XIII в. можно предполагать, что численность клина составляла 30 – 35 рыцарей. Неудивительно, что большая часть из них сложила головы на поле боя. Такой состав клина предполагает его максимальную ширину в виде шеренги из 11 бойцов. Число кнехтов в подобного рода колоннах составляло более 300 человек. В итоге, при всех расчетах и допущениях, общая численность немецко-чудского воинства, принимавшего участие в сражении 1242 года против Новгорода, вряд ли превосходила четыре сотни человек, а, скорее всего, была даже меньшей. Поэтому потерь в 400 человек быть не могло (разве что вместе с новгородцами). Историк Р.Г. Скрынников тоже этот нюанс заметил. По его версии, 400 вышло из увеличения реальной цифры 40 в десять раз, как часто делали русские переписчики летописи более поздних времен [3, с. 122].

Но таковы были все битвы средневековой Европы! Из более чем скудных данных летописи о Невской битве, имевшей место двумя годами раньше, также вытекает аналогичная картина: максимум четыре-пять сотен дружинников с обеих сторон. Количество погибших новгородцев – 20 – доказывает это. По тем же летописным записям, мурманско-свейский (норвежско-шведско-финский) отряд погрузил убитых на две шнеки, а остальных – местных финнов – закопал тут же в земле. Учитывая объемы и вместительность шнек, можно смело предположить, что на каждую из ладей было помещено от силы по десять убитых рыцарей – больше бы суда не вместили, иначе бы мертвецам самим пришлось бы грести.

Таким образом, шведских и норвежских рыцарей погибло около двадцати, если не меньше. Примерно столько же пало у только

что крещеных финнов. С учетом убитых финнов потери отряда Биргера Ярла – около сорока человек, максимум – пятьдесят [4, с. 410].

Это маленькое отступление от основной темы наглядно демонстрирует, как можно высчитать приблизительное количество потерь и сил участников сражения.

Сейчас уже можно считать вполне доказанным фактом, что войско Тевтонского ордена и его союзников в 1410 году насчитывало около 12 000 человек, даже чуть меньше, а вот силы русско-польской коалиции составляли 26 500 – в два раза больше. Тем не менее, на ходе самого сражения это преимущество славян не отразилось.

Что же касается национального состава войска, приведенного под Танненберг королем Владиславом Ягайло и великим князем литовским Витовтом, то это «славянское» войско в действительности состояло из представителей разных народностей – русин, поляков, жемайтов, караимов, валахов [5, с. 65].

Надо заметить, что армянские наемники в описываемую пору ценились весьма высоко – недаром их нанимал и Мамай в битве на Куликовом поле. Витовт привел из своего крымского похода караимов (тюркских иудеев, признававших Тору, но отрицавших Талмуд) и поселил в Тракае (Троках). С тех пор караимы составляли нечто вроде лейб-гвардии литовского князя.

Татарская конница Витовта в 3 000 сабель под предводительством ордынского хана Джелал-эд-Дина представляла собой внушительную военную силу, она и начала битву, под ядрами пушек, геройски бросившись на позиции крестоносцев. Атака захлебнулась, но это был вклад в победу хана Джелал-эд-Дина.

Впрочем, национальный состав армии «немецких агрессоров» на поверку оказывается еще более пестрым, чем у славян. Верховный магистр Тевтонского ордена Ульрих фон Юнгинген привел под Танненберг представителей 22 народностей: немцев, фризов, фламандцев, валлонов, бургундцев, люксембургцев, швейцарцев, австрийцев и чешских силезцев и моравцев [4, с. 26].

Кроме подданных Ордена и наемников, сражавшихся за плату (упомянутые выше чехи, силезцы и моравцы, генуэзские арбалетчики, английские лучники и пр.), в составе орденского войска под Танненбергом участвовали венгерские, французские, английские, шотландские рыцари. Летописцы сохранили имена особенно прославивших себя доблестью на поле брани союзников Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии – знатного нормандца сира Жана

де Ферьера, сына сеньора де Вьевиля, пикардийца сеньора дю Буа д'Аннекена, венгерского графа-палатина Миклоша Гарая, трансильванского (семиградского) воеводы Стибора, приведшего под Танненберг 200 отборных воинов, и многих других. Большинство крестоносцев, прибывших на помощь Ордену из австрийских земель, сражались не в составе «иностранной» хоругви Святого Георгия, а под красно-бело-красным знаменем своего земляка – Великого комтура Тевтонского ордена брата Конрада фон Лихтенштейна – «правой руки» Верховного магистра Ульриха фон Юнгингена.

На стороне Тевтонского ордена участвовали во главе своих войск два знатнейших польских князя, находившихся в близком родстве с древнейшей польской династией Пястов – Казимир V Щецинский и Конрад VII Олесницкий по прозвищу Белый [6, с. 20].

Именно щецинский князь прислал Ягайле своего герольда с двумя мечами, тем самым вызывая его и Витовта на бой от имени Верховного магистра, маршала, рыцарей и союзников Ордена. Этим самым (подношением мечей) князь Казимир хотел унизить поляков и русин, как бы придать им мужества, которого, по его мнению, у них не было. Впрочем, существует и более прозаическая версия: орденское войско просто устало ждать наступления врага на солнцепеке, поскольку жаркое июльское солнце раскаляло боевые доспехи – так считает Акунов, явно больше симпатизируя Ордену, чем славянской коалиции. Ответ Ягайло, впрочем, был достаточно адекватен. Король сказал: «Мы никогда не просили помощи ни у кого, кроме Бога. И примем эти мечи от Его имени».

И вот два польских «немца» сражались под Грюнвальдом или Танненбергом, против своих же братьев-славян «аки львы», но были взяты в плен и помилованы из-за своего благородного происхождения – ситуация, которая никогда бы не возникла на Куликовом поле. Там «высокие» персоны вообще ретировались. Если хан Тохтамыш просто не приехал, то Дмитрий предпочел убраться подальше в простой одежде рядового ратника. И пока поляки бьются за немцев, сами немцы не спешат проливать кровь. Ливонский «филиал» Тевтонского ордена, несмотря на просьбы Верховного магистра о помощи, не прислал под Танненберг ни одного рыцаря или хотя бы горстку кнехтов, поскольку ландмейстер (провинциальный магистр) Тевтонского ордена в Ливонии Конрад фон Фитингоф предусмотрительно заключил с Витовтом сепаратное перемирие, которое не пожелал нарушать. Формально он имел на это полное право.

Дело в том, что брат Ульрих фон Юнгинген вел войну с Ягайлой и Витовтом не в качестве Верховного магистра всего Ордена Пресвятой Девы Марии Тевтонской в целом, а всего лишь в своем качестве магистра Ордена в Пруссии! Не случайно и польский летописец Ян Длугош в описании Грюнвальдской битвы именует Юнгингена исключительно магистром Пруссии (а не всего Тевтонского ордена). Не прислали ни одного воина в помощь своим прусским собратьям по Тевтонскому ордену и его комтурства, расположенные в Германии. Оттуда в качестве добровольцев прибыло лишь некоторое количество рыцарей-мирян, в Ордене не состоявших.

Несмотря на численный перевес русско-польского войска, битва началась неудачно для них. Атака татарской конницы захлебнулась под пушечными ядрами. К тому же кони попали в рвы-ловушки, а потом по ним ударила тяжелая конница тевтонов, окончательно втоптав в землю и смяв. Стрелы татар оказались бесполезными против рыцарских лат и кольчуг кнехтов. На левом фланге атака немцев с копьями смяла литвинские и жмайтские полки и те побежали. Преследуя бегущих литвинов и жмайтов, левое крыло тевтонских рыцарей натолкнулось на упорное сопротивление трех других литвинских хоругвей смоленского князя Симеона-Лингвена Ольгердовича (брата Ягайло), сломить которое Валленроде оказался не в силах. Занятно, что российские историки называют эти хоругви русскими, тогда как другие русские хоругви именуют литовскими. Но Смоленский полк – такой же литовский, как и остальные, ибо Смоленск входил в состав Литвы. Вклад же России в битву – этот как раз та самая татарская конница Джелал-эд-Дина московитско-ордынского хана Тохтамыша, союзника Витовта. Слава ей и почет! [3, с. 57].

На выручку бьющимся со смоленскими литвинами крестоносцам подоспел Великий комтур Лихтенштейн со своими австрийцами под красно-бело-красными стягами. Две смоленских хоругви, несмотря на мужественное сопротивление, были опрокинуты и пали. Остальные прикрыли фланг вступивших в бой свежих польских резервных войск, и в центре польского боевого порядка разгорелась жестокая рубка вокруг большого красного с белым орлом королевского знамени Краковской хоругви. Несмотря на значительный численный перевес поляков, крестоносцы ни в чем им не уступали и даже стали одолевать, но случилось непредвиденное событие, о котором как-то не пишут ни российские, ни белорусские, ни польские историки.

В оглушительном шуме и лязге тогдашних сражений команды были практически не слышны. Их заменяли сигналы, подаваемые знаками и знаменами. Знаменосец рыцарей Кульмерланда – вассалов Тевтонского ордена – Никкель фон Ренис подал своим соратникам не тот знак – знак к отступлению. Не то он что-то перепутал, не то ему что-то показалось – этого уже никто не знает. Загадка! Тем не менее, это происшествие, если и не изменило исход битвы, то дало к этому мощный импульс [4, с. 11].

Ложный знак вызвал большую сумятицу в рядах орденских войск. Заметив, что враги пришли в замешательство и показали спину, Витовт мгновенно среагировал и атаковал отступающих ленников Ордена. Услышав всеобщий ликующий крик: «Литва возвращается!», приободрились и поредевшие польские ряды, уже было готовые показать спину противнику.

В отчаянной попытке переломить ход событий Верховный магистр ввел в бой свой последний резерв – 16 отборных хоругвей, но вырвался далеко вперед, потерял в схватке шлем и был сражен ударами в лоб и в грудь. По одной из версий, конь Верховного магистра был ранен, а сам он выбит из седла и погиб под градом ударов разъяренных литвинов. По другой версии, злополучный Ульрих фон Юнгинген был насмерть сражен польским рыцарем Добеславом (Добко), поразившим его копьем в затылок, то есть напавшим на него сзади?! По третьей – у магистра имелась возможность бежать с поля боя, но он якобы гордо заявил: «Не дай мне Бог оставить это поле, на котором погибло столько доблестных мужей!».

Есть версия, что Юнгингена сразил татарин из числа ордынской союзной конницы Витовта. Однако мысль, что рыцаря-христианина убил мусульманин (правильней – иудей) так сильно не понравилась в Польше и Германии, что ее отбросили сразу же.

Польский же летописец Ян Длугош, считающийся авторитетом в истории Грюнвальдской битвы, в своем повествовании сообщает, что на теле убитого магистра были найдены только две раны, из которых одна была нанесена в грудь, другая – в лоб.

В жестокой битве вместе со своим магистром сложили головы маршал Шварцбург, Великий комтур Лихтенштейн и почти все верховные вельможи Ордена – «гроссгебитигеры (великие повелители), за исключением Великого госпитальера Вернера фон Теттингена, которому удалось бежать. Также «испили единую смертную чашу» 203 орденских рыцаря [6, с. 51].

Общее же число убитых с обеих сторон составило не менее 5 000 человек. По другим данным – лишь один Орден потерял 8 000 человек. Всего лишь около 1 400 крестоносцев из состава разгромленного орденского войска добрались до столицы Тевтонского ордена – Мариенбурга на Ногате, что совпадает с данными о 8 000 погибших (если учесть, что изначально крестоносцев было 12 000). Туда же по приказу короля Ягайло были с почетом отправлены в специальной повозке тела Верховного магистра и его соратников, одетые в чистые белые саваны. 19 июля 1410 года они были погребены в часовне Святой Анны Мариенбургского орденского замка. 51 хоругвь тевтонских рыцарей, их вассалов, «гостей» и союзников, захваченные в плен, были перенесены в Краковский кафедральный собор, где их можно было видеть еще в 1603 году.

Сочувствующие Ордену историки утверждают, что мифом является и то, что славяне под Грюнвальдом-Танненбергом боролись против немецкой агрессии. По мнению этих историков, на поле Грюнвальда в большей степени решались феодальные разборки и претензии на те или иные территории (в частности, Жмайтию). Вот, мол, почему так многонациональна была армия крестоносцев: здесь не только германские, венгерские и романские представители, но и славяне-чехи и даже поляки. Да, частично это верно. Но не следует забывать и того, что немцы и в годы правления Миндовга, и до него, и после, – все время упрямо продвигаются на восток и воюют то с Миндовгом, то с Александром Невским, то с Витенем, то с Гедимином. Причем сами русские князья Великого княжества Литовского и Новгорода вовсе не идут на запад, где их забытая родина Русь Рюгена и Полабья, но отражают нападения то тевтонских щитоносцев, то Ливонского ордена, то Тевтонского ордена. Русины и так смирились с полной потерей Рюгена (в год Грюнвальдской битвы на Рюгене умерла последняя руянская княжна славянского происхождения по фамилии Голицина), смирились с потерей Лабы (Эльбы) и Порусья (Пруссии). Экспансия Ордена на восток была мощной и стремительной.

Если бы не славная победа под Грюнвальдом, то неизвестно, где бы проходила западная граница Польши в наши дни. Река Одер, к западу от которой только и жили славяне до IX века, теперь стала самой западной границей их расселения! Победа под Грюнвальдом стала окончательным стоп-сигналом для немецкой экспансии.

Теперь Орден, по Торуньскому договору, уступал Витовту Жемайтию (в пожизненное владение), то есть северо-западную часть

территории современной Литвы, захваченную Тевтонским орденом в 1398 году. Правда, нельзя сказать, что крестоносцы совсем успокоились после поражения. Из-за Жемайтии Литва еще дважды отражала атаки Тевтонского ордена (в 1414 и 1422 гг.), пока немцы окончательно не отказались от претензий на эту землю по Мельнинскому мирному договору, заключенному в 1422 году [5, с. 124].

Грюнвальд же – это славная победа славянского оружия. Польша и Великое княжество Литовское – вот кто праздновал победу в июле 1410 года и итоги этой победы налицо.

Список литературы

1. Утраченная Русь. – Минск: Изд-во «Современная школа», 2009.
2. Грюнвальд-Танненберг: 1410 год. – М.: Изд-во «Наука», 1974.
3. История военного искусства. – М.: Эксмо, 2007.
4. Краўцэвіч, А. Тэўтонскі ордэн. Ад Ерусаліма да Грунвальда / А. Краўцэвіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993.
5. Краўцэвіч, А. Рыцары і дойліды Гародні / А. Краўцэвіч. – Кракаў, 2009.
6. Ермаловіч, М.Н. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М.Н. Ермаловіч. – Мінск: Беллитфонд, 2000. – С. 157 – 159.

Филиппов Феликс Васильевич, *преподаватель общевойсковой кафедры ГрГУ им. Я. Купалы, подполковник.*

Кутафин Николай Викторович, *старший преподаватель общевойсковой кафедры ГрГУ им. Я. Купалы, подполковник.*

Шедов Юрий Владимирович, *преподаватель общевойсковой кафедры ГрГУ им. Я. Купалы, подполковник.*

УДК 947+957(16 в.)

А.Н. Родионов

ВЛИЯНИЕ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ В СИСТЕМЕ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ВОЙСК СТЕФАНА БАТОРИЯ НА ОКОНЧАНИЕ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

В энциклопедических изданиях и в исторической периодике в основном нашла отражение внешняя политика Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) периода княжения Стефана Батория. О развитии военного искусства, внутренней политике, экономике, социальных отношениях и других сферах жизни общества в публикациях содержатся отрывочные сведения. Для историков характерна роман-

тизация и идеализация личности Батория. Заслугой авторов публикаций является накопление фактического материала, желание подать его с белорусской национальной точки зрения. В то же время приходится констатировать, что большая часть научных статей написана неспециалистами по военной истории. В данном исследовании предлагается рассмотреть деятельность Стефана Батория по реформированию системы комплектования войска в ходе ведения Ливонской войны.

Ключевые слова: комплектование, гофмейстер, династия, султан, царь, князь, замок, воевода, вассал.

27 сентября 1533 г. в семиградском (трансильванском) городе Шомлио (теперь Сильваней на территории современной Румынии) родился Иштван (в дальнейшем Стефан) Баторий (Batory). Иштван был третим последним сыном воеводы (князя) Семиградского (1477 – 1534). Происходил из древнего венгерского рода Баториев Шомлио. В тех местах не ценили человеческую жизнь, а князьям давали прозвище «Дракула» (Дракон). В 15 лет будущий полководец поступил на военную службу к королю Чехии и Венгрии Фердинанду I Габсбургу. Во время пребывания короля в Италии посещал Подуанский университет. Учился в Вене, хорошо знал немецкий, венгерский, итальянский и латинский языки, однако на польском и русском языке до конца жизни говорить не научился.

Вернувшись с учебы, Иштван поступил на службу к князю Трансильвании Иоанну (Яну) Сигизмунду (Жигимунту) Запольскому, участвовал в битвах. Был направлен в составе посольства в Вену для мирных переговоров, попал в плен к немцам. В плену находился около трех лет, занимался наукой, изучал труды римских историков. Получив свободу, вернулся на родину, и после смерти Иоанна Сигизмунда Запольского 25 мая 1571 г. стал князем Трансильвании, вассалом турецкого султана [1, с. 331]. Старший брат Батория Андрей занимал высокую должность гофмейстера венгерской короны.

В 1574 г. обстановка в Европе развивалась следующим образом. Королевство Польское осталось без хозяина: француз по происхождению Генрих Валуа бежал из Польши с казной. Царь Иван Грозный не захотел получить Польскую корону путем подкупа сейма и отказался в пользу императора Священной Римской империи Максимилиана и его сына эрцгерцога Эрнста. Союз двух христианских государей против Турции мог стать реальностью. Турция вела войну с Персией и военно-политическая обстановка для нее складывалась неблагоприятно. Тогда с помощью магнатов Зборовских и денег султана Стефан Баторий выставил свою кандидатуру на польский престол.

В ноябре открылся избирательный сейм. Вопреки сенату, провозгласившему королем Максимилиана II, мелкопоместная шляхта в большинстве протестанская 14 декабря 1575 г. провозгласила королевой 54-летнию принцессу Анну, сестру последнего Ягелона – Сигизмунда Августа, с условием что она выйдет замуж за Стефана Батория. Иностранец был идеальной кандидатурой, так как между Польшей и Литвой не мог возникнуть конфликт на династической почве, а главное устанавливалась перспектива хороших отношений с Османской империей. 8 февраля Баторий дал присягу о соблюдении религиозного мира на территории Речи Посполитой (далее – РП). Затем Баторий с войском вошел в пределы Польши. 18 апреля 1576 г. он въехал в Краков и уже 1 мая короновался. Конечно, не обошлось без уступок с его стороны. Баторий не имел права назначать после себя наследника, начинать и заканчивать войны без согласия сейма и сената, вводить новые налоги. Непременным условием его правления была женитьба.

Великим князем Литовским он был провозглашен после долгих переговоров с представителями ВКЛ, когда он специальной грамотой от 29 июля 1579 г. признал, что Польша и ВКЛ являются двумя равноправными державами в составе федеративного государства, обязался сохранить самостоятельность ВКЛ, расширять его границы, вернуть потерянные в ходе Ливонской войны земли, общие сеймы созывать по очереди, как в Короне (Польше), так и в ВКЛ, военачальниками в войске ВКЛ не назначать поляков [2, с. 258].

Современный исследователь Е. Бойтар так характеризовал деятельность Стефана Батория: «Каждый видел, что главной целью Батория было создание независимой Венгрии посредством уничтожения Турции и, что все остальное – а значит и польско-литовский трон – создавало для него лишь средство на пути к этой цели» [3, с. 174]. Но на практике Баторию приходилось гасить пожары войны на юге, сдерживать православную шляхту и казаков, вставших на защиту хрестианской веры. В период с 1474 по 1569 гг. татары совершили 75 походов на ВКЛ [4, с. 60]. Турки в те годы взяли Венгрию и вышли к границам Австрии.

Во время правления Батория представители русских родов в шляхте составляли 41 % [5, с. 23], а среди простого народа доминирующее большинство.

Вместе с короной Баторию досталась незавершенная Ливонская война (1558 – 1583 гг.) на Восточно-Европейском театре [6, с. 131]. Его противником в войне и политике стал Иван Грозный, который

имел богатый опыт ведения военных действий. В царство Ивана IV Грозного Великое княжество Московское одержало славные победы, присоединив Казанское (1552 г.) и Астраханское (1556 г.) ханства, Урал и Сибирь при этом ведя активную оборону на юге против Крымского ханства – вассала Османской империи [7, с. 483]. Причинами Ливонской войны были: 1) бесчинства протестантов по отношению к православным и католикам, проживающим в Ливонии и насаждение своих убеждений силой; 2) отказ магистра Ливонского ордена фон Плеттенберга выплатить московскому государю обязательную дань более чем за пятьдесят лет. В то время многие монархи пытались воевать с протестантами и искоренить ересь. Но никому в Западной Европе не удалось этого сделать. Фактически начальный период Ливонской войны был выигран Иваном IV уже в 1558 г. Великий магистр фон Фюрстенберг взятый в плен при капитуляции города Феллина был обласкан царем и получил в кормление город Любим, где через десять лет умер от старости.

Вступив в Ливонскую войну, Баторий проявил себя как полководец и политик, заключил союз со Швецией и всячески побуждал к активным действиям против Москвы турецкого султана и крымского хана. В ходе четвертого периода Ливонской войны Баторий осуществил три похода на восток в пределы Московского государства в 1579, 1580, 1581 гг. во время которых лично руководил войском [8, с. 92].

Военные действия развивались следующим образом. До конца 1576 г. соблюдалось перемирие между Краковом и Москвой. В январе 1577 г. пятидесятитысячное войско под командованием московского боярина Ивана Шереметьева вторглось в Северную Ливонию и осадило Ревель. Однако город взять не удалось. Летом царь Иван IV выступил из Новгорода в поход в польскую Ливонию. Большинство южных городов без боя сдались русским, держалась одна Рига. В 1587 г. московская рать овладела гордом Оберпаллен и осадила укрепленный замок Венден. 21 октября объединенный отряд литовцев под командованием Сапеги и шведов под командованием воеводы Бойэ совершил форсированный марш к Вендену и атаковал русских. Восемнадцатитысячная московская рать потеряла 6022 человека, 17 пушек и весь обоз. Надо заметить, что 1577 – 1578 гг. польские магнаты вели частную войну с Иваном Грозным [9, с. 147].

По вступлении на польский престол Стефан Баторий весной 1577 г. начал войну со своими подданными – жителями города Гдань-

ска (Данцига), которые не хотели признать Батория своим королем и желали вместо него видеть на польском престоле австрийского императора Максимилиана. Его союзники Ян Зборовский с поляками и казаки нанесли им поражение под Тщевом, при чем 4527 из них убили, 1000 человек полонили, шесть знамен взяли и, кроме того, большую добычу получили [10, с. 34]. Гданьску был представлен особый статус в обмен на контрибуцию, которая стала основой финансирования завершающего этапа Ливонской войны.

Чтобы обеспечить тыл на востоке в 1576 г. Стефан направил в Москву послов с предложением не нарушать перемирия. В грамоте Иван IV был назван не царем, а Великим князем, однако это не помешало выдать ответную грамоту о перемирии. В январе 1578 г. в Москве было подписано очередное перемирие сроком на три года [9, с. 149].

В предверии войны Баторий начал военную реформу. На первом этапе он создал выбранецкую пехоту и инженерные подразделения. Шляхетское ополчение было усилено наемниками из Германии и Венгрии. Была проведена большая работа по усовершенствованию артиллерии. На Беларуси артиллерийские орудия изготавливались с конца XIV в. В XVI в. литейные мастерские по производству орудий были в Несвиже, Слуцке, Уречье, Быхове, Могилеве и других городах. Ручное огнестрельное и холодное оружие изготавливали ремесленники в большинстве городов Беларуси. Часть оружия завозили из Польши, Венгрии, Германии, Голландии [1, с. 35]. Это способствовало изучению лучших иностранных образцов белорусскими мастерами. Особое внимание Баторий уделил развитию крупнокалиберной артиллерии для разрушения крепостных стен [11, с. 385].

Изучив опыт участия казаков в войнах против Османской империи, Баторий провел реформу казачества, сущность которой у всех летописцев описана в основном одинаково: «В 1576 г. Стефан Баторий, видя у казаков большую против турок и татар храбрость и отвагу, привел их в лучший порядок: определил им гетмана и старшину, даровал знамя, булаву, бунчук и печать с войсковым гербом, на которой изображен рыцарь с мушкетом на правом плече, левой рукой, упирающейся в левый бок, с саблей у того же левого бока и с рогом для ношения огнестрельного пороха и с перекривленным колпаком на голове; кроме того, после гетмана король назначил им обозного, двух судей, писаря, двух есаулов, войскового хорунжего и войскового бунчужного, полковников, полковых старшин, сотников

и атаманов; не дал король только пушек казакам, потому что казаки, разоряя турецкие города и крепости, сами достали себе пушки. Устроив казаков, король повелел им быть на страже против татар во всей готовности около днепровских порогов; рассуждая же об их храбрости, он с предсказанием заметил, что будет от тех юнаков когда-то РП вольная. В одно время с этим король учредил и запорожским казакам кошевого атамана и всю их старшину и пожаловал, как и гетману войсковые клейноты, только к печати их перед рыцарем прибавил стоящее копье, знаменующее бодрствующего воина. Кроме всего этого, помимо старого кладового казацкого города Чигирина дал еще низовым казакам для пропитания город Терехтемиров с уездом и монастырем для пребывания в нем больных на войне раненых. И всем казакам как городовым, так и запорожским, назначил жалованье по червонцу в год и по кожуху» [10, с. 44].

Король ввел реестровый список только на 6000 казаков (по опыту Хотинской битвы казаки могли выставить более 40 000 воинов, сведенных в 13 полков и отдельные отряды. – *прим. автора* [12, с. 99]); за которыми правительство признавало право свободного сословия, а что было сверх этих шести тысяч, то отчислялось от казацкого сословия и поступало в сословие людей посполитых. Внесенных в реестр 6000 человек, разделили на шесть полков: Черкасский, Каневский, Белоцерковский, Корсунский, Чигиринский и Переяславский; каждый полк подразделялся на сотни, сотни – на околицы, околицы – на роты; при полках полагалась земельная с поселениями собственность, которая давалась на ранг или чин каждому старшине и оттого носила название ранговой земли. Всем реестровым казакам определено было жалованье деньгами и сукнами; им были особые войсковые клейноты; назначен был центральный город с монастырем, шпиталем и смежной землей.

Цель Баториевской реформы была двоякая: с одной стороны король, внося в реестр казаков, хотел сделать их послушными своей воле и, так сказать, обезвредить для государства; а с другой стороны, давая казакам собственную организацию и признавая за ними право на сословное существование, король рассчитывал воспользоваться ими, как боевой и всегда готовой к походам силой. В лице казаков король Стефан Баторий имел не временное или случайно набранное войско, а постоянное, хорошо обученное, с высокой степенью боевой готовности, готовое в любое время противостоять врагам.

Многие из казаков, недовольные распоряжениями короля и не попавшие в реестр, бежали на низовья Днепра, и, в качестве ослушников королевской воли, оставались на Низу, складывались в отдельные и небольшие группы, общины или курени, представлявшие на первых порах своего рода землячества: курень Батуринский, т.е. община земляков, вышедших из Батурина; курень Каневский, т.е. община земляков, вышедших из Канева; то же нужно сказать о куренях Крыловском, Переяславском, Полтавском, Уманском, Корсунском, Калниболотском, Стеблиивском, Донском, Менском и других [10, с. 47, 48].

Каждый казак в походе имел следующее вооружение: мушкет, саблю, четыре пистоля (два за поясом, два в кобурах пришитых снаружи к шароварам), копье, чекан, кинжал, нож, компас, часы, рог для пороха, и патронташ на два-три ряда патрон, который носили на груди. Также использовали лук со стрелами, которые обеспечивали бесшумную и скоростную стрельбу, а для борьбы с кавалерией рогульки. В вооружении казаки превосходили воинов Западной Европы, которые были вооружены копьем (оборонительным оружием) или мушкетом (наступательным оружием) [13, с. 214 – 223].

В предверии войны Баторий поставил государственные финансы на прочную основу. Иностранные монеты были изъяты из обращения. После длительного перерыва стали функцианировать центры монетного производства в Вильно, Окуше, Познане, затем в Мальборке, Гданьске, Риге. Для РП чеканили монеты в Наги Бане (Семиградье) [14, с. 182]. Королевские доходы за время правления Батория удвоились, но на военные нужды было выплачено 577 679 злотых (это в то время, как некоторые магнаты ежегодно получали со своих имений миллионный годовой доход, а приданное дочерям составляло 100 000 злотых) [15, с. 176].

Иван Грозный готовил русскую рать, почти на пределе мобилизационного напряжения было набрано 39 681 человек [12, с. 374]. Стефан Баторий тоже не собирался выполнять условия перемирия. Он не очень надеялся на польских и литовских шляхтичей, которые желали служить только в кавалерии и дополнительно нанял в Германии и Чехии несколько полков пехоты, а также закупил в Западной Европе лучшие по тем временам пушки и нанял к ним прислугу. Приготовившись, таким образом, Баторий в июне 1579 г. послал в Москву гонца с объявлением войны. Причиной разрыва отношений он назвал вступление Ивана в Ливонию, несмотря на перемирие с Литвой.

Осенью 1579 г. войско Батория подошло к Полоцку, имевшему деревянные укрепления и небольшой гарнизон [12, с. 375]. Город защищал русский гарнизон под командованием воевод В.И. Телятевского, П. Волынского и Д.М. Щербатого (6000 человек). Под Полоцком войска Батория расположились следующим образом: у Двины стала венгерская пехота, у их лагеря был наведен понтонный мост. Ниже венгров, на берегу реки Полоти, стал лагерем воевода трокский Николай Радзивилл с литовскими войсками и польскими частными армиями (в польских источниках их именовали «охотниками»). По другую сторону Полоти была ставка короля и находились королевские войска. Их лагерь окружали повозки, соединенные железными цепями и установленные за глубоким рвом с насыпью, по образцу казачьего табора. Выше королевского лагеря расположился немецкий наемный отряд.

Осадные действия начались со стороны венгров. Были проведены подступы к стенам внешних укреплений, остававшихся на Заполотье, и открыта по ним бомбардировка из пушек. Видя невозможность здесь удержаться, осажденные подожгли укрепление и удалились в Большой город.

У стен Большого города осаждающие построили укрепление, откуда открыли огонь из осадных орудий. Ядра пробивали деревянные стены, но не разрушали их. Тогда стали бросать каленые ядра по способу, изобретенному Баторием во время венгерских междоусобных войн, но и против них полоцкие стены оказались неуязвимыми [9, с. 150]. С.М. Соловьев писал: «...жители, старики и женщины бросались всюду, где вспыхивал пожар, и тушили его». Отдавая должное врагу, король Стефан писал, что «московиты в обороне крепостей стойкостью и мужеством превосходят все иные нации».

Царь Иван, узнав об осаде Полоцка, двинул туда передовые отряды под начальством окольничих Бориса Шеина и Федора Шереметева. Но эти воеводы, увидев, что все дороги к Полоцку перегорожены войсками Батория, заняли небольшую крепость Сокол и отсиживались в ней, не предпринимая активных действий против противника, при этом препятствовали подвозу фуража и продовольствия к осаждавшим, избегая столкновений в чистом поле с высланными против них полками под начальством Кшиштофа Радзивилла и Яна Глебовича.

Во время приступов войско Батория несло существенные потери. Так в одной из схваток погиб предводитель венгерских на-

емников – Михай Вадаш, прежде отличившийся в войнах с турками. Осажденные делали смелые и неожиданные вылазки. Во время одной из них удалось уничтожить, уснувших после попойки вне лагеря, отряд немецких наемников [16, с. 426]. Вскоре в лагере осаждавших начался голод. Положение их осложнялось еще и тем, что начались проливные дожди, дороги размыло, обозные лошади падали, а ратники не могли найти сухого места даже под шатрами. Особенно страдали немцы, привыкшие воевать в богатых, густо населенных странах.

Не видя способа справиться с возникшими трудностями, король созвал военный совет. Большинство воевод высказалось за то, чтобы немедленно идти на приступ, но Баторий не согласился. «Если приступ не удастся, – говорил он, – что тогда останется делать? Отступить со стыдом!» Пообещав венграм большие награды, король уговорил их подобраться к стенам крепости и зажечь их одновременно со всех сторон [9, с. 151].

В первый же выдавшийся ясный день, 29 августа, венгры подкрались к стенам и с помощью факелов и углей подожгли их. Пламя быстро распространялось, и осажденные в течение целого дня не могли потушить пожары. После того как огонь сделал свое дело, сквозь разрушенную часть стены в крепость ринулись венгерские наемники. Но защитники успели вырыть в этом месте ров. Когда наемники ворвались в крепость, то были остановлены у рва залпом пушек. Понеся большие потери, они отступили [16, с. 427]. А король с большей частью войска в это время стоял на дороге к Соколу, боясь, что засевшие там русские воеводы, увидев зарево, двинутся на помощь Полоцку. Однако помощи не было, и осажденные стали думать о сдаче. Десять русских посланников спустились со стен, чтобы начать переговоры, но венгры убили их, поскольку не желали никаких переговоров, а хотели взять крепость приступом, чтобы потом разграбить. Особенно мадьяр прельщал православный собор Святой Софии, о богатствах которого ходили легенды.

На следующий день пожары и натиски осаждавших возобновились. Тогда стрельцы во главе с воеводой Волынским вновь послали людей для переговоров. На этот раз переговоры состоялись, и город был сдан с условием свободного выхода всем ратным людям. Причем некоторые прельщенные деньгами поступили на службу к королю Стефану, но большинство предпочли вернуться в Россию. Другие воеводы вместе с владыкой Киприаном заперлись в

соборе Святой Софии и были пленены после упорного сопротивления. В Полоцке Баторию досталось 38 пушек и богатая добыча.

В московских Разрядных книгах о капитуляции города записано: «Король Стефан Полоцк взял изменою, потому что изменили воеводы, что были худы, а милы были им жены, а как голов и сотников побили, то воеводы город сдали, а сами били челом королю в службу с детьми, с людьми и со стрельцами. Всего воинского люду в Полоцке было 6000. Сдал Полоцк королю Петр Волынский со стрельцами».

Среди тех, кто отличился под стенами Полоцка, был запорожский казак Корнила Перевал. Король дал казаку наследственное дворянство и герб с изображением натянутого лука со стрелой. Через десять лет потерявший в боях здоровье Корнила вышел в отставку и нажил сыновей Рыгора и Богдана, положив начало знаменитому роду Перевальских, которые со временем станут именоваться на польский манер Пржевальскими.

Вслед за Полоцком войска Батория до конца 1579 г. овладели и рядом близлежащих укрепленных городков и замков. Козьян и Красный казаки под началом Франтишка Жука взяли еще до начала осады Полоцка. Козьян разрушили сразу, а с Красным вышла иная история: приставив к стенам лестницы, казаки ворвались в крепость, захватили вместе с гарнизоном продовольствие и несколько бочек вина. Как следует, отпраздновав победу, казаки крепко уснули, а тем временем из замка Суша тихо подошел отряд из восьми сотен стрельцов. Перебив сонных победителей, они сожгли крепость.

После взятия Полоцка литовский отряд князя Константина Лукомского двинулся к крепости Туровля. Московские воеводы бросили крепость со всеми орудиями и припасами и бежали. На радостях князь и его воинство перепились и начали стрелять из орудий. От попадания мортирной бомбы деревянные постройки загорелись, и крепость выгорела дотла [9, с. 151,152].

Деревянная одинадцатибашенная крепость Сокол стояла на высоком холме при слиянии рек Нищи и Дриссы. Крепость защищал 5-тысячный гарнизон под командованием воеводы Ф.В. Шереметьева. Сокол был осажден в сентябре немецкой пехотой и польской кавалерией. Несколько каленых ядер подожгли деревянную стену. У командовавшего конным отрядом Шереметьева нервы не выдержали, и он пошел на прорыв. Польская кавалерия гнала русских несколько верст, зарубив многих, включая Шереметьева.

Пешие стрельцы под командованием воеводы Шеина под ударом немцев отступили в замок. Причем, около пятисот наемников на плечах русских ворвались в замок, однако стрельцам удалось закрыть ворота и перебить немцев всех до единого.

25 сентября 1579 г. Сокол был взят немцами, а уцелевшие русские перебиты. Командир наемников полковник Вейер говорил, что бывал он во многих битвах, но нигде не видел такого множества трупов, лежавших на одном месте. Больше на этом холме никто не селился, а окрестные крестьяне в 1912 г. еще находили там обломки оружия и кости. Взяв Сокол, Баторий совершил опустошительный рейд по смоленским и северским землям, а затем вернулся обратно.

Весть о потере Полоцка и Сокола настигла царя Ивана в Пскове. Он срочно двинулся в глубь страны и уже с дороги послал грамоту в замок Суша, в которой, против своего обыкновения, разрешил гарнизону отступить, но предварительно зарыть в землю иконы и испортить пушки и порох. Но гарнизон Суша не выполнил волю государя, а может быть, просто не успел. Каменный замок сдался, а шесть тысяч его защитников с ручным оружием отправились домой. Полоцкий воевода Миколай Дорогостайский взял в крепости 21 большое орудие, 136 гаковниц, 123 длинные ручницы, 100 бочек пороха весом две с половиной тысячи пудов и три тысячи железных ядер [9, с. 153]. Также были взяты крепости Ситну, Туровль, Нещерду [17, с. 185]. Итог кампании – отвоеванный торговый путь по Западной Двине и признание Батория Великим князем Литовским.

В конце 1579 г. Баторий вернулся в Вильно. Еще в середине сентября он отправил Ивану грамоту, в которой писал, что по восшествии на престол главным старанием его было сохранить мир со всеми соседями, и везде он в этом преуспел. Один только царь Иван прислал ему гордую грамоту, в которой требовал Ливонию и Курляндию. «Так как нам не годилось, – писал король, – исполнить это требование, то мы сели на коня и пошли под отчинный наш город Полоцк, который господь бог нам и возвратил: следовательно, кровь христианская проливается от тебя». Иван ответил: «Другие господари, твои соседи, согласились с тобою жить в мире, потому что им так годилось. А нам как было пригоже, так мы с тобою и сделали. Тебе это не полюбилось, а гордым обычаем грамоты мы к тебе не писывали и не делывали ничего. О Лифляндской же земле и о том, что ты взял Полоцк, теперь говорить нечего, а захо-

чешь узнать наш ответ, то для христианского покоя присылай к нам послов великих».

Начались переговоры, а тем временем Баторий лихорадочно готовился к продолжению войны. Он повсеместно занимал деньги у магнатов и ростовщиков, в этом королю хорошо помогал канцлер Ян Замойский. Родной брат Батория, князь Седмиградский вассал турецкого султана, прислал ему большой отряд венгров. Поскольку польские шляхтичи отказывались служить в пехоте, Баторий впервые в Польше ввел воинскую повинность. Было приказано в королевских имениях из двадцати крестьян выбирать одного, которого по выслуге срочного времени освобождать навсегда самого и все потомство от всех крестьянских повинностей. Между прочим, решение это позже привело к значительному увеличению безземельной шляхты [9, с. 153, 154].

Годовой бюджет РП в 1579 г. составил 150 000 злотых, что явно не хватало на ведение войны, поэтому литовские магнаты взяли обязательство выставить 10 000 воинов на свои средства [18, с. 6].

Не зная намерений польского короля, Иван Грозный должен был растянуть свои войска, послав полки и к Новгороду, и к Пскову, и к Кокенгаузену, и к Смоленску. На южных границах по-прежнему было неспокойно, потому там необходимо было оставить сильные полки, а на северо-западе надо было отбиваться от шведов.

Кампанию 1580 г. Баторий начинает военным походом из Гродно, но чтобы противник не разгадал его намерений, приказал войскам собраться под Часниками – городком на реке Уле, расположенном на равном расстоянии и от Смоленска, и от Великих Лук. До последнего момента русские не знали, куда двинет король свои войска.

Баторий выступил к Великим Лукам. Королевское войско насчитывало 50 тыс. человек, в том числе 21 тыс. составляла пехота. Деревянную крепость Велиж удалось быстро поджечь калеными ядрами, и гарнизон был вынужден сдаться. Затем сдался Усвят. Баторий стоял уже у Великих Лук, когда к нему в стан прибыли московские послы. Окрыленные успехом поляки и литовцы забыли о дипломатическом этикете – от самой границы московских послов встречали оскорблениями. Осажденные начали переговоры о сдаче, но венгры боясь лишиться добычи, ворвались в город и принялись резать всех кто попадался под руку. Поляки последовали их примеру, и Замойскому удалось спасти только двух русских воевод. 5 сентября 1580 г. Великие Луки пали.

Развивая успех, князь Збаражский с польской, венгерской и немецкой конницей разбил князя Хилкова под Торопцом. Невель был подожжен и сдался. Озерище сдалось сразу, не дожидаясь пожара. Защитники сильной крепости Заволочье отбили первый приступ, но затем все же сдались отряду Замойского.

Оршанский воевода Филон Кмита, которому уж очень не терпелось стать смоленским воеводой, с девятитысячным литовским отрядом двинулся к Смоленску. У деревни Настасьино под Смоленском его встретил русский отряд под началом Ивана Михайловича Бутурлина. Литовцы были разбиты и укрылись в обозе, а с наступлением темноты бежали. Русские лишь наутро обнаружили отсутствие неприятеля. Но конница Бутурлина настигла литовцев в сорока верстах от Смоленска на Спасских лугах. Трофеями русских стали несколько знамен, 10 пушек, 50 затынных пищалей и 370 пленных [9, с. 154, 155].

После взятия Великих Лук военные действия, несмотря на зиму продолжались, Стефан Баторий отправился в Полоцк. В феврале 1581 г. литвины ночью подошли к крепости Холм и заняли ее, затем выжгли Старую Руссу, в Ливонии взяли замок Шмильтен и вместе с Магнусом опустошили Дерптскую область до Нейгайзена, то есть до границы с Московским государством. С другой стороны шведский воевода Понтус Делагарди вступил в Карелию. В ноябре 1580 г. шведы взяли Кехсгольм, где, по сведениям литовских летописцев, было убито две тысячи русских. В Эстонии шведы осадили городок Падис, находившийся в шести милях от Ревеля. Гарнизон Падиса под начальством воеводы Чихаева, несмотря на страшный голод, держался. Тринадцать недель защитники не видели хлеба, съели всех лошадей, собак, кошек, сено, солому, кожи, по некоторым сведениям, были отдельные случаи поедания человеческого мяса. Наконец, в декабре 1580 г. шведы взяли Падис. В начале 1581 г. Делагарди ушел из Карелии и неожиданно появился в Ливонии под Везенбергом и осадил его. В марте 1581 г. город сдался при условии свободного выхода осажденных.

В марте 1581 г. московские воеводы ходили из Можайска в литовские земли, на Дубровин, Оршу, Могилев, Шклов, имели удачную битву с литовскими войсками и благополучно возвратились в Смоленск. Больше решительных действий не предприняли [17, с. 185].

Король Стефан в это время готовился к третьему походу. Он занял денег у прусского герцога, саксонского и бранденбургского курфюрстов. На польском сейме, собранном в феврале 1581 г., ко-

роль заявил, что мало радоваться успехам – надо пользоваться ими. И если поляки не желают или не надеются покорить все Московское государство, то по крайней мере они не должны слагать оружие до тех пор, пока не закрепят за собой всю Ливонию. Потом король объяснил, как ему вредно каждый год отрываться от войска и спешить на сейм для требования денежных поборов, что от этого собственное войско ослабевает, а у неприятеля появляется возможность восстановить свои силы, что запаздывание со сбором денег заставляет терять самое удобное для военных действий время. И король предложил, чтобы избежать этих проблем, ввести двухлетний побор. Сейм сначала воспротивился королевскому предложению, но потом согласился. Земские послы попросили короля, чтобы следующим, третьим, походом он постарался закончить войну, так как шляхта и особенно ее крестьяне совершенно изнурены поборами и не в состоянии далее платить.

Война войной, а мирные переговоры не прекращались. Русские послы Сицкий и Пивов ехали за королем Стефаном от Великих Лук до Варшавы. Затем приставы повели послов за королем к Полоцку. Всю дорогу послов бесчестили, не давали послам еду и их лошадям корма. Затем прибыли новые царские послы, думные дворяне Иван Пушкин и Федор Писемский. Им было дано указание соглашаться на передачу королю всей Ливонии за исключением только четырех городов. Но Баторий не только требовал всей Ливонии, а еще добавил к своим требованиям уступки Себежа и выплаты 400 тыс. венгерских золотых за военные издержки.

Летом 1581 г. войско Стефана Батория двинулось на главную цель, Псков, через который осуществлялась связь с ливонскими землями. По польским данным, с королем шло 100 тыс. человек (40 тыс. шляхетской и казачьей конницы, а также 60 тыс. наемников, для содержания которых требовались крупные средства), по тем же данным – в Пскове находилось 7 тыс. конницы и 30 тыс. стрельцов и вооруженные горожане. Для начала Баторий взял небольшую русскую крепость Остров в пятидесяти верстах от Пскова. Каменные станы Острова были разрушены осадными пушками, и крепость пала. Заметим, что у поляков и литвин осадной артиллерии почти не было. Наемной артиллерией командовал венгерский воевода Юрий Зиновьев, а прислуга состояла в основном из немцев и венгров.

18 августа передовые отряды Батория подошли к стенам Пскова. Русскими войсками в городе командовали князья Иван Петро-

вич Шуйский и Василий Федорович Скопин-Шуйский. Воеводы, увидев малочисленность авангарда королевского войска, пошли на вылазку и на несколько верст отогнали противника. 26 августа к городу подошли основные силы поляков во главе со Стефаном Баторием. Король приказал поставить свой шатер недалеко от стен Пскова, на московской дороге у церкви Николы Чудотворца.

Как говорилось в «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков»: «Государевы же бояре и воеводы не велели стрелять по шатрам днем, но все орудия для этого велели днем приготовить. Когда же были поставлены многие шатры и наступила ночь, приблизительно часу в третьем, повелели ударить по ним из больших орудий. Наутро же не увидели ни одного шатра, и, как рассказывали пленные, многие знатные паны были тут убиты». Есть сведения, что король сказал по этому поводу: «В Литве нет ни одной такой пищали, которая бы так далеко стреляла!».

1 сентября поляки приступили к осадным работам. Как гласит «Повесть...», «...начали копать большие траншеи от своих станов по большой Смоленской дороге к Великим воротам и к церкви Алексея, и также от нее к городу – к Великим, Свиным и Покровским воротам. За три дня выкопали пять больших длинных траншей. В траншеях, были выкопаны в земле большие землянки, как целые дома, и даже с печками, сто тридцать две большие избы и девятьсот четыре меньшие. В больших землянках расположились ротмистры и сотники, в меньших устроились жить гайдуки. Окопавшись землею, войска Батория приблизились к городу, так что между ними и городской стеной был только один городской ров. Из земли, которую выкапывали для траншей, насыпали огромные горы со стороны города, чтобы с городской стены не было видно передвижения войск. В насыпных земляных валах были оборудованы амбразуры.

Ночью 4 сентября поставили туры для обстрела города. 7 сентября в первом часу дня начали бить из орудий по городу – из трех тур, из двадцати пищалей; и били по городу беспрестанно весь день до ночи. Обстрел продолжили утром. Пять часов беспрестанно били из орудий и разбили три башни, а городскую стену во многих местах проломили. На следующий день, 8 сентября, поляки пошли на приступ. Им удалось захватить две башни – Покровскую и Свиную. На башнях были подняты королевские хоругви, и оттуда поляки открыли огонь по городу. Король был уверен, что штурм удался и его воины ворвались в Псков.

Осажденные, под Свиной башней, заложили мощный пороховой заряд. Раздался страшный грохот, и башня развалилась, ее обломки погребли под собой поляков. В пролом в стене и на Покровскую башню двинулись свежие силы русских ратников. Русским удалось не только вытеснить поляков из пролома в стене, но и ворваться во вражеские траншеи. По приказу воевод на помощь ратникам пришли женщины Пскова. Любопытно, что ратники и женщины Пскова шли бить литовцев, неся иконы и воспевая хвалу святому князю Довмонту [9, с. 156 – 160], выходцу из Литвы, родственнику Миндовга [19, с. 202].

Штурм города поляки провалили. Осажденные потеряли убитыми 863 человека, ранеными – 1626; а осаждавшие – более пяти тыс. человек убитыми. В числе убитых были и любимый воевода Батория венгр Бекеш Кабур (Габриэль или Гавриил, командующий венгерской конницей), великий венгерский (угорский) гетман Петр, пан Дерт Томас (англичанин), пан Мартын и другие. Вскоре пролом в стене осажденные заделали деревянной стеной и вырыли ров, обнесенный дубовым частоколом. Тогда король послал осажденным послание со словами: «Сдайтесь мирно вам будет честь и милость, какой не заслужите от Московского тирана, а народу льгота, неизвестная в России… В случае упрямства гибель вам и народу!». Осажденные ответили: «…Все мы готовы умереть за свою веру и за своего государя, но не сдадим града Пскова… Готовься к битве с нами, а кто кого одолеет, то Бог покажет» [16, с. 459].

После неудачного штурма под стены Пскова начали рыть девять подкопов. Однако этот план не удался, так как часть подкопов вышла на слуховые ходы, а другие сами обрушилась. 20 сентября из польского стана явился перебежчик – некий Игнаш. Раньше он был полоцким стрельцом, а после взятия Полоцка его добровольно-принудительно зачислили в королевское войско.

Поскольку Баторий не хотел уходить от Пскова, его воеводы предприняли даже заведомо обреченные на неудачу способы захвата города. 28 октября со стороны реки Великой под городскую стену пробрались гайдуки и каменотесы, которые закрывшись специально сделанными щитами, начали подсекать кирками и орудиями для разбивания камня каменную стену от Покровской угловой башни и до водяных Покровских ворот, чтобы вся стена, подсеченная, упала в реку Великую. Деревянную стену построенную для укрепления рядом с каменной, хотели зажечь. В то же время из-за реки Великой по городской стене, велся обстрел из орудий. Но осаж-

денные сорвали и эту попытку, бросая со стен зажженное смоляное тряпье.

Но Баторий не унимался и решил атаковать стены города через реку Великую. На другом берегу реки было построено несколько осадных батарей. Пять дней по стенам били тяжелые пушки. В конце концов часть стены рухнула, и 2 ноября поляки по льду реки пошли на приступ. Однако русские воеводы подтянули к стене напротив осадных батарей несколько десятков пушек. Причем на сей раз русские пушкари не вели контрбатарейной стрельбы, а, замаскировав пушки, ждали штурма. В итоге подбежавшие к пролому поляки были встречены страшным залпом из пушек и ручниц. Уцелевшие бросились назад, «оставив на льду реки мост из трупов» [9, с. 161, 162].

За два месяца осады войска Батория ходили 31 раз на приступ и понесли большие потери. Осажденные совершили 46 смелых вылазок. При этом осажденный гарнизон действовал в условиях полной блокады. Крупные силы русских стояли в Старице, в Новгороде, Ржеве и других городах и бездействовали. Русское войско не взаимодействовало с гарнизоном осажденной крепости, тыл поляков не подвергался ударам. Не добившись успеха под Псковом, Баторий поручил свое войско Замойскому, а сам уехал в Вильно. Численность осадной армии уменьшилась до 26 тыс. человек. Росло дезертирство. Не получая долго жалования, наемники уходили из войска [11, с. 382, 383].

После 2 ноября войска Батория заметно приуныли, дисциплина упала, и королевское войско прозевало стрелецкий полк Федора Мясоедова. Не только стрельцы, но и многочисленный обоз с продовольствием проследовал без единого выстрела через позиции осаждающих. Поляки заметили отряд, лишь, когда арьергард стрельцов проходил через городские ворота.

В 3 часа ночи 6 ноября польские войска начали скрытно снимать осадные орудия. К рассвету укрепления осаждающих были пусты. Неудачная осада Пскова вынудила Батория пойти на перемирие [20, с. 336]. 13 декабря 1581 г. в деревню Запольный Ям съехались польские и русские послы. Польшу представляли воевода Януш Шбаражский, гетман литовский Кшиштоф Радзивилл и секретарь (писарь), Михаил Гарабурда. Русскую сторону представляли князь Дмитрий Елецкий и думный дворянин, печатник Роман Олферьев-Безнин. В качестве посредника присутствовал Поссевино [9, с. 163].

6 января 1582 г. был заключен русско-польский Запольный мирный договор, согласно которому устанавливалось перемирие сроком на десять лет. 4 февраля остатки осадной армии ушли в Ливонию. Наибольшую выгоду из этой войны извлекла Швеция, захватившая Копорье, Ям, Нарву, и Ивангород. Россия потеряла выход к Балтийскому морю [11, с. 383]. Ливония как единое государство перестала существовать. На месте единых владений духовно-рыцарского ордена образовались три независимых княжества-герцегства: Курляндия, Ингерманландия и Лифляндия. Одним из важнейших последствий этой продолжительной войны было то, что огромная масса остзейцев всех чинов и званий хлынула в Московскую Русь и заселила южную границу по реке Оке с правом увеличения наделов в сторону Дикого поля. Часть из них влилась в донское казачество. Ремесленники, купцы и военные растеклись по Московскому государству и растворились в русском народе.

Согласно условиям перемирия Россия отказывалась в пользу РП от всех своих владений в Прибалтике и от владений своих вассалов и союзников: от Курляндии, уступая ее Польше; от 40 городов в Ливонии, переходящих к Польше; от города Полоцка с поветом (уездом); от города Велижа с округой. РП возвращала царю захваченные в течение последней войны псковские коренные земли: «пригороды» Пскова (то есть города Псковской земли – Опочку, Порхов и другие, попавшие в зону военных действий); Великие Луки, Невель, Холм, Себеж – исконные новгородские и тверские земли, захваченные в ходе последних трех лет войны.

В русском экземпляре договора за царем сохранялся титул «царь»; в польском варианте он не упоминался. В русском экземпляре царь именовался также «властитель Ливонский и Смоленский», а в польском «властителем Ливонским» именовался польский король, а титул «Смоленский» не принадлежал никому.

Историк Н.М. Карамзин, оценивая Запольный договор, назвал его самым невыгодным и бесчестным для России миром из всех заключенных до того времени с Литвой. Баторий не удовольствовался бы Ливонией; не оставил бы за Россией ни Смоленска, ни земли Северской, взял бы и Новгород [21, с. 616].

4 февраля 1582 г. последние польские отряды отошли от Пскова. Победа Батория в Ливонской войне не была случайной. Военная и денежная реформы, активная внешняя и внутренняя политика, а также полководческий талант Батория были залогом успеха.

К новой войне с Московским государством Баторий готовился до конца своих дней [7, с. 336]. Завоевав Московское государство и имея безграничные людские и материальные ресурсы, Баторий мог начать войну с Турцией. В 1583 г. Стефан Баторий занимается организацией почтовой связи в первую очередь для военных целей. Для частных писем устанавливает оплату независимо от расстояния в 4 польских гроша [2, с. 25].

Переведя страну на военное положение, Стефан Баторий во внутренней политике стремился укрепить королевскую власть и в то же время, поддерживая крепнувшее дворянство, утвердил вместо королевского суда в качестве высшей судебной инстанции шляхетские выборные трибуналы (для дворян Короны в 1578 г., для дворян Литвы в 1581 г.) [22, с. 42]. Борясь с произволом польских панов Стефан Баторий утвердил поправки ко 2-му литовскому статуту (1566 г.). Таким образом, дворяне (основа войска) получили формальную независимость от власти магнатов.

Чтобы победить Османскую Порту Римские папы стремились создать обширную антитурецкую Лигу. В нее должны были войти не только католические страны Европы, но и православное Московское царство. С этой целью папа Григорий XIII стремится примирить РП с московским царем, а также надеется распространить в Московском государстве католичество. В этом вопросе планы римской курии и Стефана Батория – ставленника турецкого султана не совпадали. Стефан Баторий опасался, что заключение мира с Иваном Грозным лишь усилит Московское государство. Хорошо ориентируясь в государственной и церковной жизни Московского государства, король РП считал утопией планы обращения Ивана Грозного в католичество. Баторий имел собственные планы и до конца жизни разрабатывал мощный удар по Москве с целью присоединения к РП, а затем объединенными силами захват Стамбула.

Во время Стефана Батория, часто при его поддержке, был открыт ряд иезуитских учебных заведений. На территории современной Беларуси в 1581 г. было положено начало иезуитским школам, в которых находились лучшие педагогические кадры. Учреждение учебных заведений было обусловлено не только потребностями католической церкви, но и потребностями войска в грамотных специалистах.

Король Стефан Баторий был совершенно равнодушен к вере, причем до такой степени, что при своем избрании успокоил поля-

ков, подозревавших его в ереси, тем, что он готов быть той веры, которая им угодна [23 с. 192].

Имя Батория непосредственно связано с Гродно. Король был поражен красотой города и его окружения. Вскоре он сделал город своей резиденцией и второй столицей РП [2, с. 24].

Причины выбора в пользу Гродно имели военное значение: через него проходила дорога из одной столицы (Кракова) в другую (Вильно) [24, с. 25]; Гродно был ближе Кракова к театру военных действий, что обеспечивало оперативное управление войсками; Беловежская и Гродненская пущи позволяли заготовить необходимое количества мяса для длительных походов войска, при этом добытые шкуры шли на изготовление снаряжения и одежды. Сам Баторий был страстным охотником, за одну охоту добывал до 20 кабанов.

В 1585 г. король ушел в глубокую депрессию, так как последняя сессия сейма была сорвана. 15 мая 1585 г. Баторий написал завещание, в котором обижался на поляков за их неблагодарность. Король пребывал в таком настроении около года, после чего умер в Гродно 12 декабря 1586 г., даже не исповедовавшись [25 с. 88]. Наиболее вероятная причина смерти пристрастие короля к вину. После смерти Батория в подвалах замка осталось 51 бочка крепкого венгерского вина [17, с. 6 – 15].

Своим примером Баторий доказал шляхте, что значит для блага государства умный и энергичный государь. После захоронения короля, РП начала погружаться в то же состояние хаоса, в котором она находилась, когда он начинал свое правление.

Созданные Баторием новые военные структуры доказали свое право на воинскую славу, введя Московское государство в смутное время и посадив на трон Романовых, а затем создали условия для развала РП. Но это другая история.

Список литературы

1. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Бел. Энцыкл.; рэдкал.: М.В. Біч [і інш.]; прадм. М. Ткачова; маст. Э.Э. Жакевіч. – Мінск: БелЭн, 1993. – Т. 1: А – Беліца. – 494 с., 8 к.: іл.

2. Гостев, А.П. Кронан. Летопись города на Немане (1116 – 1990 гг.) / А.П. Гостев, В.В. Швед. – Гродно: НВК «Пергамент», 1993. – 320 с.

3. Bojtar. Gaspar Bekiesz i ego nieporozumienia // Akcent. – 1992. – № 2 – 3 (48 – 49). – C. 174.

4. Ткачев, М.А. Замки Беларуси / М.А. Ткачев. – 2-е изд. – Мінск: Беларусь, 2005. – 200 с.

5. Козловская, Н. Шляхта ВКЛ во времена Стефана Батория: к вопросу о формировании политической элиты княжества / Н. Козловская // Стэфан Баторый у гістарычнай памяці народаў Усходняй Еўропы. – Гродна: ГЦДУЕ, 2004. – 328 с.
6. Родионов, А.Н. Войны и битвы восточных славян / А.Н. Родионов // Боевое братство славян на защите мира: материалы Респ. воен.-науч. конф. (Гродно, 18 марта 2009 г.) / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: А.Н. Родионов (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2009. – 408 с.
7. Советская Военная Энциклопедия: в 8 т. / пред. гл. ред. комиссии Н.В. Огарков. – М.: Воениздат, 1977. – Т. 3. – 672 с.
8. Военный энциклопедический словарь. – М.: Эксмо, 2007. – 1024 с.
9. Широкорад, А.Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва / А.Б. Широкорад. – М.: АСТ; Хранитель, 2007. – 842 с.
10. Яворницький, Д.І. Історія запорозьких козаків: у 3 т. / Д.І. Яворницький; редкол.: П.С. Сохань (голова) [та ін.]. – К.: Наук. думка, 1990. – Т. 2. – 560 с.
11. Разин, Е.А. История военного искусства / Е.А. Разин. – М.: Воениздат, 1957. – Т. 2. – 654 с.
12. Палий, А.И. Гетман Сагайдачный. Исторический портрет / А.И. Палий. – Умань, 2001.
13. Яворницький, Д.І. Історія запорозьких козаків: у 3 т. / Д.І. Яворницький; редкол.: П.С. Сохань (голова) [та ін.]. – К.: Наук. думка, 1990 – 1991. – Т. 1. – 592 с.
14. Рябневич, В.Н. Нумизматика Беларуси / В.Н. Рябневич; художн. П.П. Казей. – Минск: Полымя, 1995. – 687 с.
15. Колоцей, М. Стефан Баторий и его эпоха в оценке новейших польских учебных изданий по истории Польши / М. Колоцей // Стэфан Баторый у гістарычнай памяці народаў Усходняй Еўропы. – Гродна: ГЦДУЕ, 2004. – 328 с.
16. Шефов, Н.А. Битвы России / Н.А. Шефов. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 704 с.
17. Батюшков, П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края / П.Н. Батюшков. – СПб., 1890.
18. Марозава, С. Веліч правіцеля, спалучаная з трагедыяй чалавека / С. Марозава // Стэфан Баторый у гістарычнай памяці народаў Усходняй Еўропы. – Гродна: ГЦДУЕ, 2004. – 328 с.
19. Белорусская ССР: Краткая энциклопедия: в 5 т. / редкол.: И.П. Шамякин (гл. ред.). – Минск: Изд-во «Бел. Сов. Энциклопедия» им. Петруся Бровки, 1981. – Т. 5: Биографический справочник. – 740 с.
20. Советская Военная Энциклопедия: в 8 т. / пред. гл. ред. комиссии М.А. Моисеев. – 2-е изд. – М.: Воениздат, 1990. – Т. 1. – 543 с.; 30 л. ил.
21. Карамзин, Н.М. Предание веков / Н.М. Карамзин; сост., вступ. ст. Г.П. Макогоненко; комм. Г.П. Макогоненко, М.В. Иванова; ил. В.В. Лукашова. – М.: Правда, 1987. – 768 с.
22. Большая Советская энциклопедия: в 30 т. / А.М. Прохоров (гл. ред.). – 3-е изд. – М., Советская энциклопедия, 1970. – Т. 3: Бари-Браслет. – 640 с.
23. Коялович, М.О. Чтения по истории Западной России / М.О. Коялович. – СПб., 1884. – С. 192.
24. Трусаў, А.А. Стары замак у Гродне: гіст.-археал. нарыс / А.А. Трусаў, В.Е. Собаль, Н.І. Здановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 152 с.; іл.

25. Гродно: энцикл. справ. / Белорус. Сов. Энцикл.; редкол.: И.П. Шамякин [и др.]. – Минск: БелСЭ, 1989. – 438 с.

Родионов Александр Николаевич, *заместитель директора Института повышения квалификации и переподготовки кадров ГрГУ им. Я. Купалы, начальник военного факультета (2005 – 2010 гг.), полковник запаса.*

УДК 94(47).084.8;355.721

И.А. Полуян, А.В. Сохацкий, А.В. Андрусевич, Р.В. Панасеня, Р.Н. Кулик

ВОЕННЫЕ ГОСПИТАЛИ В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.

В статье рассматриваются основные принципы организации медицинского обеспечения русской армии, порядок работы военных госпиталей в период Отечественной войны 1812 года.

Ключевые слова: госпиталь, врач, действующая армия, аптечный магазин, перевязочный пункт, тыл, раненый, эвакуация.

Длительное отступление в начале войны, беспримерные по тем временам марши разрозненных русских армий для воссоединения, упорные оборонительные бои, связанные с большими санитарными потерями (только в Бородинском сражении русская армия потеряла более 19 000 ранеными), угрожающая эпидемическая обстановка; широкое применение в ходе военных действий огнестрельного оружия, особенно артиллерии – все это представляло для войсковых и госпитальных врачей значительные трудности [1, с. 76 – 77].

Не последнюю роль в решении военными медиками своей профессиональной задачи сыграло то обстоятельство, что к 1812 году была, в основном, сформирована военно-санитарная организация русской армии. Ее основы были изложены в утвержденном 27 января 1812 года «Учреждении для управления большой действующей армии», подготовленном специальной конференцией во главе с военным министром Барклаем де Толли. Согласно «Учреждению...», органом по управлению армией и ее хозяйством должен был служить главный полевой штаб армии, в ведение которого, в частности, входило устройство обозов, движение транспортов и госпиталей.

Важными составляющими частями «Учреждения...» являлись «Положение для временных военных госпиталей при большой действующей армии» и «Положение о развозных и подвижных госпиталях армии». Суть этих положений можно свести к следующему:

1) в составе армии учреждались развозные и подвижные госпитали, а в тылу армии – главные временные госпитали;

2) снабжение лекарствами и врачебными припасами – централизованное:

Петербургский главный аптечный магазин – армейские запасные аптекарские магазины – полковые аптеки;

3) общее руководство всей госпитальной частью по хозяйственной линии осуществлялось директором военных госпиталей, а по медицинской – главным доктором госпиталей;

4) непосредственно вблизи места сражения, в укрытиях или складках местности, развертывались полковые перевязочные пункты (ППП), обозначенные «флагом или другими какими-нибудь знаками, чтобы раненые, не блуждая, могли оное сыскать». Пункты предназначались для первичной перевязки всех раненых, остановки угрожающих кровотечений и подготовки раненых к эвакуации в развозные госпитали. Каждый пункт был оснащен перевязочным материалом, хирургическим инструментарием и обеспечивался медикаментами из полковой аптечной фуры;

5) за ППП следовала линия развозных госпиталей (РГ), предназначенных для оказания первой помощи раненым (обработка ран, операции, перевязки, иммобилизация), их питания и доставки в подвижные госпитали 1-й линии;

6) РГ в отношении направления раненых были прикреплены к подвижным госпиталям (ПГ), которые придавались корпусам и именовались по ним, а предназначались для лечения раненых и больных во время движения армии. В частности, ПГ 1-й линии обеспечивали размещение, питание и регистрацию раненых, производили необходимые операции, хирургическую обработку и перевязку ран, временную госпитализацию нетранспортабельных и окончательную – легкораненых, а также дальнейшую эвакуацию в ПГ 2-й линии. Последние, в свою очередь, госпитализировали раненых со сроками излечения до 40 дней и обеспечивали эвакуацию в главные временные госпитали всех, «долговременными болезнями одержимых», и тех, «которые и по излечении не в состоянии будут продолжать службу»;

7) наконец, главные военно-временные госпитали занимались лечением всех присылаемых раненых и больных и развертывались в соседних губерниях, не затронутых непосредственно военными действиями [1, с. 76 – 78].

В Отечественную войну 1812 года в русской армии, впервые в практике военно-врачебного дела, была введена новая лечебно-эвакуационная система, названная впоследствии дренажной.

Ведущим лечебным учреждением в начале XIX века был Московский военный госпиталь. Еще до начала Отечественной войны 1812 г. число больных в Московском военном госпитале превышало штатное количество коек.

Интенсивное пополнение армии и усиленное движение через Москву воинских частей, постепенно подтягиваемых к западным границам, привели к переполнению госпиталя. К 1 мая из Санкт-Петербургских госпиталей переводится в Московский военный госпиталь 50 служителей [2, с. 236 – 241].

В ночь на 12 июня 1812 г., не объявляя войны, Наполеон с 420-тысячным войском вторгся в пределы России. Еще до падения Смоленска Московский военный госпиталь был переполнен ранеными и больными настолько, что помещать вновь прибывающих было некуда.

После Бородинского сражения (26 августа – 7 сентября 1812 г.) в Москву было эвакуировано огромное число раненых. Наиболее тяжелые из них направлялись в Московский военный госпиталь и его филиал, расположенный в Головинском дворце. В этот период в госпитале насчитывалось до 2 000 раненых и больных, в Головинском дворце – свыше 7 000. Сотни раненых были размещены в московских больницах: Шереметьевской, Голицынской, Екатерининской, Мариинской и Павловской. Медицинские чины и госпитальная прислуга временных госпиталей пополнялись за счет личного состава Московского госпиталя [2, с. 257 – 267].

Спустя сутки после военного совета в Филях (принявшего решение об оставлении русскими частями Москвы) в ночь на 2 сентября началась эвакуация Московского военного госпиталя [2, с. 268 – 271].

Из донесения А.И. Татищева в Военное министерство от 3 ноября 1812 г. следует, что на 26 октября «со времени учреждения тех госпиталей прибыло в оные из Армии и других мест раненых и больных: штаб- и обер-офицеров 519, нижних чинов 23 646; из них выздоровели и отправлены в Армию штаб-офицеров – 12, обер-офи-

церов 242, нижних чинов 8 230, померло нижних чинов 217; затем в помянутых трех госпиталях состоит ныне налицо раненых и больных штаб- и обер-офицеров 265, нижних чинов 15 199. Из числа г. г. офицеров по повелению Его Светлости господина генерал-фельдмаршала Князя Голенищева-Кутузова отпущено с билетами для излечения ран к родственникам 100 человек» [3, с. 57 – 60].

Таким образом, находившийся в эвакуации Московский военный госпиталь служил основной базой, на которой строилась работа трех вышеперечисленных временных госпиталей. Благодаря вывезенным из Москвы материальным средствам его сотрудники смогли организовать в них полноценную лечебную работу.

Несмотря на лестный отзыв о Московском военном госпитале главного хирурга наполеоновской армии Ж. Ларрея, он использовался французами в основном для постоя войск и конюшен. Под конюшню была приспособлена и церковь Петра и Павла в Лефортово.

Состояние госпиталя вскоре после освобождения Москвы от французов отражено в рапорте А.И. Татищева на имя А.И. Горчакова от 26 ноября 1812 г.: «В бытность мою в Москве осматривал я здешний военный госпиталь, в котором состоит разных полков раненых и больных г.г. офицеров 12, нижних чинов 2 030, военнопленных французов 487, всего 2 529 человек. Во время занятия Москвы неприятелем, какие сожжены строения, принадлежащие госпиталю, имею честь представить при сем Вашему Сиятельству записку, докладывая при том, что все те сгоревшие строения, кроме двух бань и лаборатории, были ветхие и назначались по вновь проектированному плану к сломке... Главный же корпус госпиталя и другие строения состоят в целости...» [3, с. 60 – 63].

В Отечественную войну 1812 года положение медицинской службы существенно изменилось по сравнению с предыдущими военными конфликтами. В связи с развитием военной техники резко возросли потери от ранений, увеличилось количество безвозвратных потерь. Уже в первом сражении под Витебском русская армия потеряла убитыми 1 245 человек, 1 184 пропавшими без вести, 2 267 раненными.

Бородинское сражение выбило из строя 42,5 тысячи человек. Французы оставили на поле боя 58 000 убитых и раненых или 43 %. Таким образом, из различных источников можно сказать, что с 1812 по 1815 гг. русская армия потеряла 210 000 – 215 000 человек. Смертность среди раненых – 7 – 17 %.

Таким образом, объективные показатели подтверждают мнение об вполне удовлетворительном медицинском обеспечении русской армии и о громадном превосходстве над медицинской службой французской армии.

Врачей в русской армии, конечно, не хватало для своевременного и высококачественного лечения раненных и больных. Наконец, и это самое главное, решающую роль играло не столько количество, сколько качество! Знание и опыт русских врачей и всего медицинского персонала, их самоотверженность и высокий патриотизм помогали им творить настоящие чудеса и преодолевать любые трудности [3, с. 63 – 65].

Список литературы

1. Абашин, В.Г. Московский военный госпиталь / В.Г. Абрашин // Воен.-мед. журнал. – 2002. – № 9. – С. 76 – 78.
2. Гутикова, Л.В. Отечественная война 1812 года / Л.В. Гутикова. – М., 1997.
3. Громов, Е.В. Военная медицина / Е.В. Громов. – Л., 1989. – С. 57 – 65.
4. Большая Советская энциклопедия: в 30 т. / А.М. Прохоров (гл. ред.). – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – Т. 3: Бари-Браслет. – 640 с.
5. Коялович, М.О. Чтения по истории Западной России / М.О. Коялович. – СПб., 1884. – С. 192.
6. Трусаў, А.А. Стары замак у Гродне: гіст.-археал. нарыс / А.А. Трусаў, В.Е. Собаль, Н.І. Здановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 152 с.; іл.
7. Гродно: энцикл. справ. / Белорус. Сов. Энцикл.; редкол.: И.П. Шамякин [и др.]. – Минск: БелСЭ, 1989. – 438 с.

Полуян Игорь Александрович, *старший преподаватель военной кафедры ГрГМУ, майор медицинской службы.*

Сохацкий Александр Валентинович, *студент 4 курса лечебного факультета ГрГМУ.*

Андрусевич Александр Владимирович, *студент 4 курса лечебного факультета ГрГМУ.*

Панасеня Роман Валерьевич, *студент 4 курса педиатрического факультета ГрГМУ.*

Кулик Роман Николаевич, *студент 4 курса педиатрического факультета ГрГМУ.*

УДК 94(47).072:94(497.1)

И.О. Змитрович

РОССИЙСКО-СЕРБСКОЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 1809 – 1813 гг.

В статье рассматривается динамика основных военно-политических сообщений и процессов, составлявших содержание заключительного этапа Первого сербского восстания, который протекал в тесной взаимосвязи с русско-турецкой войной 1806 – 1812 гг. Именно военная и иная помощь России вынудила Порту признать в 1812 г. автономию Белградского пашалыка.

Ключевые слова: борьба, помощь, сотрудничество, восстание, военный союз, переговоры, дипломатия, договор.

В истории национально-освободительной борьбы южнославянских народов чрезвычайно важное место занимает Первое сербское восстание 1804 – 1813 гг. – самое широкомасштабное антиосманское выступление начала XIX в. в Юго-Восточной Европе. На первом этапе восстания (1804 – 1805 гг.) Россия оказывала восставшим значительную финансовую и политико-дипломатическую помощь, а также выработала свою общую стратегию на Балканах и определила место в ней Сербии.

Новый, более радикальный этап Первого сербского восстания, когда была поставлена задача уже полного освобождения от Порты, был тесно связан с русско-турецкой войной 1806 – 1812 гг. 10 июня 1807 г. была заключена конвенция о русско-сербском военном союзе. В Белград прибыл полномочный представитель России. С 18 июня 1807 г. русские войска и сербские повстанческие отряды вели совместные боевые действия против турецких войск и одержали победу у Штубика и Малайницы [1, с. 38].

В августе 1807 г. между Россией и Портой было заключено перемирие, которое распространялось и на Сербию. Весной 1809 г. война возобновилась. Сербы, не дожидаясь переправы войск Молдавской армии через Дунай, начали боевые действия против турок и первоначально одержали ряд побед в локальных сражениях [2, с. 91 – 92].

Используя задержку с переправой российских войск, турки напали на сербов, разбили их под Делиградом и стали быстро продвигаться к Белграду. Командующий Молдавской армией А.А. Прозоровский приказал генералу И.И. Исаеву перейти на правый

берег Дуная, захватить Кладово и установить связь с сербами, не продвигаясь далее. 2 июля 1809 г. отряд И.И. Исаева переправился через Дунай, но вскоре был вынужден занять позицию на острове посреди реки [3, с. 126].

Тем временем турки продолжили наступление и в начале августа 1809 г. подступили к Белграду. Свыше 100 тыс. сербов бежали на территорию Австрийской империи. Известия о критическом положении в лагере сербских повстанцев неоднократно побуждали генерала И.И. Исаева добиваться разрешения выступить на соединение с отступавшими отрядами сербов, но из-за болезни, а затем и смерти А.А. Прозоровского он так и не получил ответа на свои рапорты [4, с. 43].

Только генеральное наступление Молдавской (Дунайской) армии уже под командованием генерала П.И. Багратиона остановило продвижение турок. Обстановка в Сербии постепенно нормализировалась. В ноябре 1809 г. на состоявшейся в Белграде скупщине было принято решение направить к П.И. Багратиону депутацию, которой поручалось передать прошение о принятии сербов под непосредственное управление России. Однако князь П.И. Багратион считал, что принятие Сербии в русское подданство невозможно, т.к. это противоречит решениям Эрфуртской конвенции, подписанной Наполеоном и Александром I, и условиям проекта мирного договора с Портой [2, с. 135 – 136].

В начале 1810 г. агрессивные замыслы Наполеона в отношении России стали очевидными, и русское правительство стало спешить с заключением мира с Турцией. В инструкции новому главнокомандующему Молдавской армией Н.М. Каменскому отмечалось, что «при заключении мира с Портой царь повелел добиваться для сербов всех наивозможных выгод», чтобы Сербия «осталась совсем от Порты независимой и основала бы политическое свое существование и образ внутреннего у себя управления единственно под покровительством России» [2, с. 147 – 149].

В декабре 1810 г. к Н.М. Каменскому прибыла сербская депутация от руководителя восстания Карагеоргия с прошением ввести русские гарнизоны в сербские крепости и прислать чиновников «для сочинения законов и введения устройства в земле». Эти требования были сформулированы под влиянием оппозиционных Карагеоргию сербских руководителей, укрепивших свои позиции после успешных боев русских войск совместно с сербами. Введение русских гарнизонов в крепости, прибытие чиновников усложнили бы поло-

жение Карагеоргия и ограничили круг его действий, особенно по внешнеполитическим вопросам. Понимая это, Карагеоргий тем не менее был вынужден согласиться с требованиями оппозиции, которая надеялась на полную поддержку русских. Но правительство Александра I не стало вмешиваться во внутренние дела Сербии, в частности, из-за опасения дать повод Австрии подозревать Россию в намерении закрепиться там [2, с. 200 – 205].

В 1811 г. Россия стремилась начать с Османской империей переговоры о мире, т.к. была уже весьма реальной перспектива военного конфликта с наполеоновской Францией. «Непременным основанием» для мирного договора правительство Александра I выдвигало «признание Портою Дуная границею», что отвергалось турецкой стороной. Порта надеялась на близкое начало русско-французской войны, что сразу изменило бы обстановку на театре военных действий и позволило бы оттеснить русских на большое расстояние от Дуная [2, с. 221 – 223].

2 октября 1811 г. Молдавская армия под командованием М.И. Кутузова разгромила группировку турецких войск под Рущуком и блокировала ее на левом берегу Дуная. Боясь потерять основную часть армии, великий визирь Хуршид-паша был вынужден начать переговоры о мире. М.И. Кутузов собирался «выговорить» у Порты следующие привилегии для сербов: «чтобы турецкие войска не занимали сербских крепостей, кроме Белграда, а внутреннее в оной земле управление установлено было по собственному произволу нации и обеспечено ручательством России» [2, с. 242 – 243].

Однако такое решение вопроса не удовлетворило сербских повстанцев, и их руководители в конце ноября 1811 г. направили в Бухарест к М.И. Кутузову, а оттуда в Петербург очередную депутацию. На нее возлагалось «поручить от лица народа будущий жребий оного отеческому попечению господина главнокомандующего, ежели же мир не последует, представить нужды народа и просить о неоставлении их пособием, дабы могли держаться и далее против неприятеля». В столице России, куда депутация прибыла в марте 1812 г., посланцы сербского народа вновь просили принять сербов в подданство России, снабдить их оружием, боеприпасами, направить в Сербию новые подразделения русских войск и т.д. [2, с. 246 – 247]. Александр I подтвердил только то, что было сказано М.И. Кутузовым: при заключении мира с Турцией, что Россия приложит все усилия, чтобы возможно лучшим образом устроить участь сербского

народа, а до заключения мира командование Молдавской армии будет снабжать их боеприпасами и т.д. [4, с. 45].

В апреле 1812 г. возобновились прерванные русско-турецкие переговоры, но уже на новых ультимативных условиях, продиктованных М.И. Кутузовым. Он требовал от Порты обеспечить «мирное и спокойное существование сербов и предоставление им самим установить систему гражданского и внутреннего управления в своей стране и самим осуществлять управление, при этом суверенные права султана ни в коей мере не должны быть упущены или умалены [2, с. 251 – 253]. Безвыходность положения окруженных турецких войск вынудила Хуршид-пашу принять и этот крайне нежелательный для Порты пункт.

Церемония подписания окончательного текста договора между Россией и Турцией состоялась 16 (28) мая 1812 г. на последней конференции Бухарестского конгресса. Договор состоял из 16 статей. Сербский вопрос разрешался ст. VIII Бухарестского договора, которая в окончательной редакции гласила: «…Порта дарует сербам прощение и общую амнистию, и они ни коим образом не могут быть обеспокоены за прошедшие их деяния… Порта дарует сербам по их просьбе те самые выгоды, коими пользуются подданные ее островов Архипелажских и других мест, и даст им восчувствовать великодушие ее, представив им самим управление внутренних дел, определив меру их податей, получая оные из собственных их рук, и она учредит, наконец, все сии предметы обще с народом сербским [2, с. 254 – 255].

Бухарестский договор был ратифицирован русской стороной 11 июня 1812 г. Однако Порта задержала ратификацию, заявив об отказе признать статью, касавшуюся русско-турецкой границы на Кавказе, и статью VIII об автономии Сербии, которая была включена в мирный акт по требованию М.И. Кутузова, несмотря на упорное сопротивление турецких уполномоченных. Порта все же ратифицировала основную часть мирного договора без секретных статей. Обмен ратификационными грамотами состоялся 2 июля.

Согласно договоренности вывод русских войск из Сербии и сдача сербами крепостей должны были осуществляться только после заключения особой сербо-турецкой конвенции, основу которой должны были составить условия ст. VIII Бухарестского договора. Такой порядок, по замыслу русского командования, позволял выиграть время в надежде на то, что «будущие происшествия от-

кроют нам (русским) средства доставить Сербии лучший жребий» [2, с. 263 – 264].

Узнав содержание ст. VIII Бухарестского мира, Карагеоргий 17 июля 1812 г. созвал скупщину, на которой было решено направить своего представителя в штаб нового главкома Молдавской армии П.В. Чичагова и сообщить ему, что сербы не могут согласиться на сдачу туркам крепостей и оружия, как и не могут сами вести переговоры с турками. Сербы требовали признания своей независимости от Порты, соглашаясь уплачивать ежегодную дань. От русского командования они ждали помощи боеприпасами и просили оставить отряд русских войск в Сербии до окончания переговоров с Турцией. 21 июля Карагеоргий вновь писал П.В. Чичагову о разочаровании и огорчении сербов выводом русских войск [5, с. 28].

П.В. Чичагов 25 июля попытался объяснить, что вывод русских войск из Сербии был вызван нападением наполеоновской армии на Россию. «Самое благоразумие велит принять надежные меры к отражению врага, чего без совокупления всех войск наших сделать не можно, – писал он. – От успехов наших на главном месте военных действий зависит и самое благосостояние Сербии. Не одержав преимущества над неприятелем, мы не в состоянии будем оказать ей вспоможествование» [2, с. 227 – 228].

Во время пребывания сербских депутатов в Константинополе в сентябре – октябре 1812 г. и одной, и другой стороне было ясно, что им не удастся достичь соглашения, поэтому турки готовились к наступлению, а сербы – к обороне. Статью VIII Бухарестского мира сербская и турецкая стороны толковали по-разному, но сербы становились более уступчивыми, т.к. возможности маневрировать для них все ограничивались. Султан Махмуд II и великий визирь твердо решили покорить сербов, однако ждали исхода общеевропейской войны. Учитывая международную обстановку 1812 г., Порта не решалась напасть на Сербию и вела переговоры с повстанцами [6, с. 153 – 154].

В конце мая 1813 г. состоялись новые сербо-турецкие переговоры в Софии, на которых сербы объявили о своем согласии на все условия Порты за исключением двух пунктов. Они отказывались: а) сдавать оружие; б) впустить в города изгнанных ими турок, возвратить им отобранные земли и имущество [4, с. 46]. Порта, в свою очередь, торопилась покончить с сербской проблемой до того, как Россия и Австрия смогут в нее вмешаться.

Не дав никакого ответа сербской делегации, великий визирь приказал пашам Румелии (балканской части Османской империи) выступить в поход для покорения сербов. В первых числах июля 1813 г. османские войска общей численностью до 200 тыс. человек начали со всех сторон наступление на Сербию [2, с. 324 – 326].

К середине сентября турки заняли основную часть территории Сербии, а 23 сентября им был сдан без боя Белград. Падению столицы предшествовал переход Карагеоргия с рядом старейшин в сербскую область Австрийской империи. В занятой османскими войсками Сербии начался массовый террор. Турки не выполнили своего обещания пощадить всех добровольно сдавшихся [7, с. 289].

Первое сербское восстание было подавлено. В Белградском пашалыке была восстановлена власть султанского правительства. Процесс формирования национальной сербской государственности оказался не только остановленным, но и отброшенным назад. Но это не означало, что национально-освободительная борьба сербского народа в конце XVIII – начале XIX в. была бесплодной. Именно в ходе восстания сербами было завоевано право на политическую самостоятельность, реализованное позднее с помощью России.

Список литературы

1. Грачев, В.П. Некоторые вопросы политики русского правительства в отношении сербского восстания 1804 – 1813 гг. / В.П. Грачев // Советское славяноведение. – 1987. – № 2. – С. 32 – 48.
2. Первое сербское восстание 1804 – 1813 гг. и Россия: сб. документов: в 2 кн. / редкол.: И.С. Достян (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1983. – Кн. 2: Первое сербское восстание (1808 – 1813 гг.). – 398 с.
3. Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII – 70-е годы XIX в.) / редкол.: И.С. Достян (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1986. – 430 с.
4. Карасев, В.Г. Первая буржуазно-национальная революция на Балканах (К вопросу о характере сербского восстания 1804 – 1813 гг.) / В.Г. Карасев // Советское славяноведение. – 1983. – № 3. – С. 42 – 52.
5. Нарочницкий, А. Россия. Сербия и Черногория в начале XIX в. / А. Нарочницкий // Новая и новейшая история. – 1980. – № 3. – С. 22 – 30.
6. Международные отношения на Балканах: сб. ст. / редкол.: В.Н. Виноградов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1974. – 331 с.
7. Грачев, В.П. История первого сербского восстания 1804 – 1813 гг. в собрании В. Богишича / В.П. Грачев // Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время: сб. статей. – М.: Наука, 1974. – С. 271 – 291.

Змитрович Игорь Олегович, *кандидат философских наук, доцент кафедры истории славянских государств ГрГУ им. Я. Купалы.*

УДК 357.133

А.Н. Родионов

БОЕВОЙ ПУТЬ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ГРОДНЕНСКОГО ГУСАРСКОГО ПОЛКА

В статье анализируется боевой путь лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Отмечаются положительные и отрицательные стороны организации гусарских частей, характеризуется опыт участия Гродненского гусарского полка в войнах и кампаниях XIX – XX вв.

Ключевые слова: гвардия, гусары, полк, кампания, поход, знамя, титул, офицер.

Гвардия (итал. guardia – охрана, защита) отборная привилегированная часть войск. Появилась при рабовладельческом строе в виде отрядов телохранителей монархов и полководцев. В России первые гвардейские полки Преображенский и Семеновский, были созданы Петром I в 1690 г. [1, с. 183].

В 1721 г. император сформировал Конный полк. В апреле 1722 г. переименован в Лейб-Регимент (т.е. лейб-полк), а в 1730 г. переименован в Конную Гвардию (лейб-гвардии Конный полк). В России наименование «Лейб-гвардия» имели все гвардейские части. Количество гвардейских частей росло и в начале XX в. количество кавалерийских гвардейских частей составило 17. Гвардейская кавалерия была сведена в 1-ю и 2-ю гвардейские кавалерийские дивизии, а также гвардейскую конноартиллерийскую бригаду. Главное предназначение лейб-гвардии сводилось к защите трона от внешних и внутренних врагов. В мирное время основой службы гвардейской кавалерии являлась охрана дворцов членов императорской фамилии, участие в многочисленных парадах, полковых праздниках и различных торжествах, однако главной их задачей была боевая подготовка личного состава – строевая, конная, стрелковая [2, с. 3, 4].

Офицерский состав в гвардии, главным образом, состоял из представителей богатого, титулованного дворянства. Согласно табелю о рангах 1722 г. офицеры гвардии получали старшинство перед армейскими офицерами в два чина. Солдат набирали физически сильных, высокого роста, политически благонадежных.

В российской армии имелись две гвардейские части гусар. Первый лейб-гвардии гусарский полк ведет свою историю с 1796 г. и

прославился в войнах с наполеоновской армией, в русско-турецких войнах и в Первой мировой войне [1, с. 218].

13 июня 1806 г. военная коллегия по велению Александра I издала Указ, на основании которого был сформирован Гродненский гусарский полк (далее – Гр.Г.П.). Полк комплектовался личным составом из числа жителей Гродненской и других губерний Беларуси и отличился в русско-шведской войне, в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе [3, с. 55, 56].

17 февраля 1824 г. в память о сражении под Клястицами Гр.Г.П. переименован Клястицким, а позднее ему было присвоено имя Кульнева. С новым названием полк завоевывал славу для русской армии до окончания Первой мировой войны [4, с. 37].

Имя древнего Гродно не исчезло с боевых знамен и через два дня, 19 февраля 1824 г. Александр I выдал рескрипт на имя Великого Князя Константина Павловича о формировании лейб-гвардии Гродненского гусарского полка (далее – Л.Г.Гр.Г.П.) в составе 2-й бригады гвардейской кавалерийской дивизии резервного корпуса Цесаревича. Полк комплектовался в городе Седлеце (территория Польши 85 верст от Варшавы) частично из местной знати и белорусских рекрутов, преимущественно из крестьян. Особенностью комплектования был призыв брюнетов с небольшими бородками [2, с. 40].

В состав полка вошли представители 1-й гусарской дивизии (Лида) и Литовской уланской дивизии: Литовского полка (Слоним), Татарского полка (Несвиж), Волынского полка (Новогрудок), Польского полка (Слуцк). Всего отобрали 1 штаб-офицера, 41 обер-офицера, 36 унтер-офицеров, 641 рядового, 12 трубачей, 437 коней. По утвержденному штату в полку имелось четыре эскадрона и пеший резерв.

Первоначально штаб-квартира полка, 1-й, 2-й эскадроны, полковой лазарет дислоцировались в городе Седлеце; 3-й эскадрон в деревне Иганья в четырех верстах от города; 4-й эскадрон (Лунина) в деревне Слок-Ладский. В район дислокации полка были доставлены: оружие из Тулы, сукно и полотно из Петербурга и Дубны, конское снаряжение из Воронежа. Первым командиром полка по желанию царской семьи назначили генерал-майора Штрандмана Карла Густавовича.

4-й эскадрон формировал подполковник Лунин адъютант Великого Князя Константина Павловича, который в начале 1822 г. воз-

вратился на военную службу. Цесаревич считал его эскадрон лучшим [5, с. 176].

6 октября 1824 г. полк вступил в Варшаву: 1-й эскадрон разместился в казармах рядом с Лазенковским дворцом, 3-й эскадрон в деревне Пясечна, 4-й – в деревне Вильянове, пеший резерв – в крепости Модлин (Ново-Георгиевск).

С 1824 г. при Л.Г.Гр.Г.П. работала походная полковая церковь Святой Блаженной княгини Ольги, которая сопутствовала гусар в походах: при усмирении польского мятежа в 1831 г. и в Турецкую войну 1877 – 1878 гг. На окраине Варшавы, в местности, называемой «Лазенки», посреди казарм находился полковой храм, вмещающий до 700 молящихся человек. Однопрестольный каменный храм был построен в стиле русских церквей XVII в. формою в виде креста. Над среднею частью храма возвышался купол, оканчивающийся пятью золоченными главами. Над входом возвышалась каменная колокольня с 10-ю колоколами, общим весом 322 пуда, 34 фунта. Высота храма с крестом 25 саженей, ширина 11 саженей и длина 15 саженей. Стены снаружи облицованы: снизу на 3 аршина серым гранитом, выше до самых крыш белым кирпичем с терракотовыми украшениями; на крышах зеленая глазированная черепица. Внутри храма с трех сторон – бетонные хоры. Купол и все стены по штукатурке покрыты масляною краской со священными живописными изображениями и орнаментами. Полы из разноцветных терракотовых плиток. Иконостас деревянный, трехъярусный, сплошь вызолоченный, с такой же резьбою, с иконами художественной работы, писанными на дереве масляными красками. Отопление паровое; освещение электрическое.

Из достопримечательностей церкви Л.Г.Гр.Г.П. заслуживал особого внимания: 1) напрестольный крест (с алмазами) серебряно-вызолоченный – дар княгини Багратион-Имеретинской в 1846 г.; 2) Святые сосуды серебряные и плащаница – дар Великого Князя Павла Александровича (бывшего Шефа полка); 3) напрестольное большое Евангелие с драгоценными камнями и отчеканенными изящно словами: «ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ» на передней доске, – дар бывшего офицера полка князя Волконского; 4) камень с берегов реки Иордан в серебряном ковчеге, пожертвованный Великим Князем Николаем Николаевичем-старшим.

Невдалеке от храма располагался памятник бывшему офицеру полка, генерал-адъютанту М.Д. Скобелеву. Постройка храма производилась по Высочайше утвержденному плану строительным

комитетом. На сооружение было отпущено из сумм капитула орденов 30 000 рублей и военного министерства 40 000 рублей. Вся постройка обошлась в 100 000 рублей.

В событиях 14 декабря 1825 г. гродненские гусары участия не принимали. Однако после восстания на Сенатской площади командир 4-го эскадрона подполковник М.С. Лунин находился под надзором в Варшаве. 9 апреля 1826 г. он был арестован и осужден Верховным уголовным судом по 2-му разряду (политическая смерть и вечная каторга, впоследствии сокращенная до 10-летнего срока). Сестра Лунина К.С. Уварова писала, что гусары оплакивали своего командира [6, с. 68].

По прошествии трех лет со дня образования полка, в октябре 1827 г. состоялась церемония вручения штандарта, на концах которого были вензели императора и короны; в центре – серебряный двухглавый орел, на груди которого щит с изображением «Погони», под орлом буквы Л.Г.ГР.Г.П.; на вершине древка крепился шар с двухглавым орлом [5, с. 175].

Красочные штандарты были вручены и каждому гвардейскому эскадрону. От обычных знамен штандарты отличались меньшими размерами полотнища, формой и приспособлением на древке для надежного удержания его всадником. Штандарт в эскадроне нес специально назначенный для этого офицер (корнет).

В июне 1830 г. за успехи в боевой подготовке и ревностное отношение к службе гродненцы удостоились 15 серебряных труб с надписью «ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ ГРОДНЕНСКІЙ ГУСАРСКІЙ ПОЛКЪ 1830 Г.» [2, с. 42].

Первое боевое крещение гродненские лейб-гвардейцы получили при усмирении польского мятежа 1830 – 1831 гг. [2, с .7].

В Королевстве Польском, вскоре после подписания Александром I относительно либеральной Конституции, в сейме появилась легальная оппозиция, возникли тайные патриотические общества. В борьбе за национальную независимость поляки в ноябрьскую ночь 1830 г. подняли восстание и используя элемент внезапности, захватили в плен шестьдесят одного лейб-гусара, в том числе трех офицеров и четырех юнкеров. Остальные гродненцы не растерялись, быстро собрались и прибыли на защиту резиденции Великого князя. Однако нашлись и изменившие присяге два корнета, унтер-офицер Атаманчук и шесть гусар. Часть архива полка пропала при передислокации полка и списки гусаров, служивших в этот период [7].

Л.Г.Гр.Г.П. выполнял задачу по охране главной квартиры, а пеший резерв располагался в крепости Модлин. Польский генерал Хлопицкий предъявил модлинскому гарнизону ультиматум: разоружиться и сдаться без каких-либо смягчающих условий. Комендант крепости заколебался, но тут завидную твердость проявил командир пешего резерва Л.Г.Гр.Г.П. ротмистр Коханович. Он заявил, что если он выйдет из крепости, то только с полным вооружением, и ему никто не будет чинить препятствий, а иначе – взорвет пороховые погреба и похоронит вместе с собой личный состав гарнизона и тех, кто попытается войти в крепость. Благодаря воле и решимости Кохановича, позволили всем подразделениям покинуть крепость с подобающими по этому случаю почестями и при полной боевой экипировке. (Коханович в последствии заслужил чин генерал-майора и занимал ряд ответственных должностей в действующих армиях) [4, с. 41].

11 июля 1831 г. гродненские лейб-гусары четыре раза ходили в атаку против конницы и пехоты повстанцев у местечка Рационж. Этот день ознаменовался тем, что его узаконили как полковой праздник, в день Святой Блаженной княгини Ольги [2, с. 7].

В дальнейшем последовали бои: под Гроховом (близ Августова) ходили с Кульневским полком (бывший Гр.Г.П.) в атаку против конного отряда Пушета, у города Ленчицы сражались с польским ополчением, около города Гродиска – с отрядом Залевского, вблизи Варшавы, у деревни Крули-карни, – с отходившими повстанцами. Последняя акция в подавлении восстания – участие 25 и 26 августа в штурме Варшавы.

За отличия в усмирении мятежников полку 6 декабря 1831 г. дарованы права старой гвардии. (В молодой гвардии, образованной в 1813 г., старшинство перед армейскими офицерами исчислялось в один чин, в старой гвардии по-прежнему оставалось в два чина).

С окончанием боевых действий гродненцы покинули Польшу, вошли в состав 1-го округа и разместились в Селищенских казармах Новгородской губернии. На 22 года гродненские гусары были зачислены в военные поселения и стали именоваться пахотными солдатами [8, с. 56]. Одной из причин была неблагонадежность полка. Когда полк оказался на берегах Волхова и гусары ознакомились со своим лагерем, они пришли в ужас. Здесь все напоминало о кровавом подавлении восстания военных поселенцев, вспыхнувшее почти одновременно с польским мятежом – летом 1831 г. «Когда наши гусары вступили в округ, – читаем в летописи полка, – во

многих офицерских квартирах находились следы крови… на полу и стенах, а в эрзерциргаузе лежали целые горы обломков шпицрутенов, свидетельствующих о мерах наказания» [7, с. 485].

Полк перешел на новый штат – шестиэскадронного состава. Согласно штатному расписанию 1833 – 1835 гг. количество людей в гусарском эскадроне составляло: 6 обер-офицеров, 16 конных и 2 пеших унтер-офицера, 2 трубача, 2 барабанщика, 120 рядовых конных, 40 пеших, 1 нестроевой, а также 189 лошадей.

Срок службы лошадей в гвардейской кавалерии составлял 8 лет. Лошадь в гвардейском гусарском полку стоила 164 руб. при росте не ниже 2 аршина 1 вершка и не выше 2 аршина 3 вершка [9, с. 232]. У гродненских гусар были караковые кони (у трубачей без отметин): в 1-м эскадроне – чисто караковые, во 2-м – караковые белоногие, в 3-м – караковые со звездочкой, в 4-м те, которые не подходили в другие эскадроны, в 5-м – светло-караковые, в 6-м – караковые белоногие со звездочкой и отметиной [2, с. 41].

«Если хочешь быть красивым – поступи в гусары», советовал Козьма Прутков. Из всех мундиров прошлых веков гусарский был наиболее эффектным. Форма одежды и снаряжение гусар постоянно совершенствовались. До 1832 г. форма одежды у гродненских гусар была такая же, как у лейб-гвардейского гусарского полка.

Доломан (мундир) и ментик (накидка) оливкового цвета с воротниками и опушкой из черной овчины; чакчиры (узкие штаны) и ташка (кожаная сумка) малинового цвета; белый пояс с застежками и большими кутасами; вальтрап (накидка на седло) из черного барашка и малинового сукна, кивер (головной убор) малинового цвета с помпонами и козырьком. С 15 февраля 1832 г. по 27 февраля 1833 г. обмундирования и вальтрапы шили из сукна зеленого цвета. С 27 февраля 1833 г. по 7 мая 1855 г. цвет формы изменился: доломан и ментик был алый; кивер, чакчиры, вальтрапы, куртки и ташки – светло-синие [5, с. 175].

Прибор у рядовых был белого цвета, у офицеров серебряный. Обшлага и воротники красного цвета, офицеры при вицмундирах носили темно-зеленые рейтузы с галунным лампасом. В 1834 г. была установлена сабля нового образца и приказано носить ментики не на левом плече, а на спине. В 1837 г. ружья заменены карабинами. В 1839 г. ментики приказано шить так, чтобы можно надевать их поверх доломанов. В 1845 г. вместо киверов стали носить шапки из медвежьего меха с красным шлыком и султаном [9, с. 354]. С 7 мая 1855 г. опять вернулся оливковый цвет доломана, ментика,

венгерки (куртки), вальтрапа, фуражки, а также малиновый цвет чакчиры и ташки.

26 февраля 1838 г. в Л.Г.Гр.Г.П. прибыл после ссылки на Кавказе корнет М.Ю. Лермонтов. Явившись к командиру полка князю Д.Г. Багратиону, получил назначение состоять в 4-м эскадроне (Лунинском), которым командовал К. Войнилович. Поэт застал в полку 16 офицеров и десятки солдат в своем эскадроне, служивших вместе с декабристом М.С. Луниным.

Селищенские казармы дважды в год – во время ледостава и ледохода по реке Волхову – были отрезаны от внешнего мира. В полку господствовали псевдогусарские традиции (картежная игра и выпивки), быстро надоевшие поэту. В окрестных деревнях продолжали влачить полунищенское существование пахотные солдаты, свидетели и участники восстания военных поселян. Командир полка Д.Г. Багратион-Имеретинский стремился сделать полк лучшим в России. Видимо, Лермонтов исправно нес службу, только этим можно объяснить то, что ему дважды разрешили 8-дневный отпуск в Петербург.

Поселился Лермонтов в Селищенских казармах в доме для холостых офицеров на одной квартире с корнетом Николаем Александровичем Краснокутским (1819 – 1891 гг., позднее генерал-майор), который владел многими языками, занимался живописью, музыкой. По преданию, все стены своей комнаты Лермонтов исписал стихами. С подстрочного перевода, сделанного Краснокутским, Лермонтов написал вольный перевод сонета А. Мицкевича «Вид гор из степей Козлова» [10, с. 88, 233]. В это время Лермонтов также работал над произведениями «Демон», «Герой нашего времени», рисовал картины «Черкес», «Воспоминания о Кавказе [5, с. 176].

3 марта и ночь на 4 марта Лермонтов принимал участие в проводах офицера полка, талантливого скульптора и карикатуриста М.И. Цейдлера (1816 – 1892 гг., в последующем генерал-лейтенант), откомандированного из Л.Г.Гр.Г.П. в Отдельный Кавказский корпус. На вечеринке Лермонтов написал экспромт: «Русский немец белокурый. Едет в дальнюю страну».

9 апреля был опубликован высочайший приказ о переводе корнета Лермонтова в лейб-гвардии гусарский полк, однако 18 апреля Лермонтов подал рапорт о болезни и некоторое время еще оставался в Л.Г.Гр.Г.П. [10, с. 607, 648].

В 1848 г. полк был отправлен в «венгерский» поход, но был остановлен в Гродненской губернии в районе Слонима и вернулся в

Новгородскую губернию. В Восточной войне (1853 – 1856 гг.) гродненцы непосредственного участия не принимали, так как несли службу в Финляндии по охране побережья Балтийского моря от возможных англо-французских десантов [5, с. 176]. В 1857 г. полк ввели в штат 3-й кавалерийской бригады 2-й кавалерийской дивизии [4, с. 42].

Польское восстание 1863 г. было самым значительным. Правительство заблаговременно направило на территорию Польши воинские части, наиболее преданные российской власти. В их числе был и Л.Г.Гр.Г.П. На протяжении 1863 – 1864 гг. полк привлекался к проведению боевых операций против повстанцев под Будой-Заборовской (близ Варшавы), при местечке Даликове, у деревень Калушине и Мени, у реки Варты под Крушинами. Рубился с конницей Парчевского у деревни Игнацево, что неподалеку от Лодзи. Бои носили ожесточенный характер с многочисленными жертвами с обеих сторон.

В один из таких боев небольшой отряд гродненцев с шестьюдесятью охотниками из донских и линейных казаков оборонял населенный пункт Сендзиовицы. На горстку храбрецов обрушилась фаланга численностью в 1 500 человек, руководимая Тачановским, познанским помещиком, в 1863 г. командовавшим крупными отрядами на Куявии. В неравной схватке сложили головы почти все оборонявшиеся, но не отступили. Смертью храбрых пали штаб-ротмистр Граббе и корнет Ермолов. С подавлением восстания место постоянной дислокации полку установили – столица Королевства Польского – Варшава.

Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. и освобождение Болгарии от османского ига вошли в мировую историю как самые крупные события второй половины XIX в. Военные действия длились менее года. Отечественная и зарубежная историческая наука заботливо сохранили для поколений волнующие страницы, повествующие о той эпохе, страницы, в которых раскрывается освободительная миссия России и справедливая борьба славянских народов против поработителей.

После отмобилизования по штатам военного времени, Л.Г.Гр.Г.П. вместе с другими частями гвардейского корпуса в мае 1877 г. выступил по направлению Балкан. В конце августа в составе 3-й бригады 2-й кавалерийской дивизии он перешел государственную границу и поступил в распоряжение Плевенского отряда князя Карла Румынского. Гродненцы впервые столкнулись с армией южного соседа России, и дебют был удачным [4, с. 43].

12 октября в сражении при Горном Дубняке, в котором участвовали гусары, полностью капитулировал вражеский гарнизон. Развивая успех, кавалеристы последовательно нанесли поражение турецкой коннице под Телищем и Петровен. Нередко приходилось действовать поэскадронно, выполнять специфические задачи, где требовались быстрота, находчивость и решительность.

В середине ноября 1877 г. 1-й и 4-й эскадроны под началом полковника Остроградского провели дерзкую разведку Лютаковских укреплений и добыли важные сведения. 3-й эскадрон совместно с 4-м эскадроном Харьковского полка во главе с полковником Коссинским осуществили трудный, но очень важный поиск с целью установления связи с сербской армией. Разгром турецкой армии под Плевной решительно изменил обстановку в пользу России. К январю 1878 г. Российская армия и сербские войска снова выступили против Турции. Располагая всего 170-тысячной армией, Турция стремилась затянуть войну, полагая выиграть время обороной перевалов Балканского хребта. Турецкое командование считало, что в зимних условиях российские войска не сумеют преодолеть Балканы. Российское командование решило наступать, не дожидаясь благоприятных летних условий. Для перехода через Балканы вся армия была разделена на три отряда [4, с. 44].

Западным отрядом, численностью в 60 000 человек, командовал генерал-лейтенант И.В. Гурко (уроженец Могилевской губернии) [11, с. 180]. Отряд Гурко, в свою очередь, делился на передовой отряд, правый летучий отряд и на главные силы. Основу правого летучего отряда составляла 2-я гвардейская кавалерийская дивизия (командир генерал-майор Леонов). 19 – 20.12.1877 г. – Л.Г.Гр.Г.П. вошел в состав отряда. Кроме четырех эскадронов гродненских лейб-гусаров, в отряде сражались (также по 4 эскадрона): лейб-гвардии конногренадерский полк, лейб-гвардии драгунский полк, лейб-гвардии уланский Его Величества полк и конногвардейские артиллерийские батареи.

К наступлению готовились с особой тщательностью, проанализировав возможные действия противника, определив порядок всестороннего материального обеспечения, разработав схему движения и меры по охране колонн и т.д. Переход в заснеженных горах был осуществлен блестяще, и 23 декабря гродненцев поздравили с занятием Софии. Наступление продолжалось. В боевой летописи полка появились записи о взятии 25 декабря г. Ихтимана, 26 декабря об овладении Трояновским перевалом. Действуя в авангарде,

2 января 1878 г. при подходе к городу Филипполю перед воинами преградой встала вскрывшаяся ото льда река. Полковник Остроградский, который командовал 1-м и 4-м эскадронами, решил действовавших с ним лейб-гвардии гренадеров переправить на конях. Вброд на лошадях, лавируя между льдинами, кавалеристы перебросили на противоположный берег два с половиной батальона. Заключительный аккорд полка в войне – завершение разгрома армии Сулейман-паши [4, с. 45]. За доблесть и мужество полку 6 июля 1878 г. пожаловали Георгиевский штандарт с надписью: «За отличие в турецкую войну 1877 – 1878 гг.».

6 августа 1883 г. Л.Г.Гр.Г.П. были утверждены новые штаты мирного и военного времени (см. таблицу, с. 77). Служба в гвардейской кавалерии обходилась офицерам очень дорого – все обмундирование, снаряжение и лошади приобретались ими за свой счет. Форменная одежда подразделялась на парадную, обыкновенную (повседневную) и походную (форму военного времени), при этом она имела большое количество вариантов для ношения в строю и вне строя.

Прибор на форме в Л.Г.Гр.Г.П. был серебряный. Парадная шапка – из коричневого длинного меха с чешуей по прибору. Дно покрыто малиновым суконным треугольным шлыком, спускающимся на правый бок шапки. По краям и середине шлыка у нижних чинов – белая тесьма по прибору, у офицеров – серебряный галун с зигзагообразным рисунком. Спереди серебряная Андреевская звезда и над ней – кокарда. При парадной форме султан из белого волоса, у трубачей – алый. Фуражка с темно-зеленой тульей и малиновым околышем, все выпушки белые.

Доломан у нижних чинов темно-зеленый. Борта, полы и их задний разрез обшиты белыми шнурами. Спереди на груди располагались двойные шнуры в пять рядов с серебряными застежками-костыльками – продолговатыми пуговицами. На передней части пол по одному карману, обшитому шнуром. Наплечные шнуры с пуговицей заменяли погоны. Воротник – цвета доломана, скошенный обшит шнуром по верху и низу. По верхнему краю воротника, вплотную к шнуру нашита оранжевая тесьма. Обшлага также цвета доломана, со шнуром, образующим сложный узел. Под шнуром – оранжевая тесьма. У офицеров – филиграновые шнуры по прибору, вместо тесьмы – галуны по чинам. Ментик темно-зеленый с малиновой подкладкой. Воротник, борта, полы, карманы и обшлага обшиты черной мерлушкой; шнуры и костыльки – как на доломане.

На офицерских ментиках мех коричневого бобра; шнуры филиграновые.

Погоны у нижних чинов малиновые. Парадные чакчиры малиновые. По боковым швам нашита белая тесьма. Спереди – сложный узел из шнура. У офицеров галун по шву и узел из того же галуна. Повседневные чакчиры не имели узлов. Лядунка с серебряной Андреевской звездой. Перевязь с накладной золотой военной арматурой и вензелем «Н II» в венке на фоне темно-синего бархата обшита серебряным галуном с зигзагом. Портупея покрыта галуном по прибору. У нижних чинов портупея красной юфти, кушак – из белых шнуров с малиновыми перехватами. Офицерский кушак серебряный. Ташка малиновая с серебряным зубчатым галуном и вензелем «Н II». Петлицы пальто и шинели темно-зеленые с малиновой выпушкой. Вальтрап с закругленными передними и острыми задними концами темно-зеленого цвета с серебряными (у нижних чинов белыми) шнуром и лампасом, на задних углах – вензель «Н II» [2, с. 34 – 36].

Накануне Первой мировой войны была введена форма военного времени (походная). Она включала фуражку или папаху (зимой), китель (летом) или походный мундир (зимой) – у офицеров и гимнастерка – у нижних чинов; шаровары, заправленные в высокие сапоги со шпорами; (у нижних чинов – походные погоны); походное снаряжение (офицеры) или пояс (нижние чины); коричневые перчатки (офицеры); шашку на ременной портупее и револьвер с походным шнуром (офицеры) или шашку, стальную пику без флюгера, револьвер, драгунскую винтовку и патронную сумку (нижние чины). Защитная фуражка была зеленовато-серого цвета, с защитным кожаным козырьком, кокардой, подбородным ремнем. У офицеров защитный походный мундир, с 5 пуговицами такого же цвета, с 2 нагрудными карманами, остроконечным обшлагом с выпушкой (в гвардейской кавалерии); китель – по покрою и внешнему виду такой же, как походный мундир. Офицеры на карманах походного мундира и кителя выпушек не имели. Офицеры могли носить как галунные (т.е. мирного времени), так и походные (т.е. защитные, с цветными просветами) погоны. У нижних чинов – защитная гимнастерка с двумя карманами на груди, двумя пуговицами на воротнике и одной посередине разреза на груди. На гимнастерке нижние чины имели погоны с выпушкой малинового цвета. Погоны нижних чинов двусторонние, одна сторона – по цвету части, другая защитная. Для офицеров – пояс из красной юфти с двумя наплечными

ремнями и оцинкованной пряжкой, для нижних чинов – черной кожи с бляхой по прибору. Седловка при конском снаряжении кавалерийского образца – обыкновенная, т.е. седло с полным вьюком и со всеми принадлежностями; оголовье с чембуром [2, с. 39].

Перед Первой мировой войной полк дислоцировался в Варшаве [2, с. 7]. С августа 1914 г. Л.Г.Гр.Г.П. организационно входил в состав отдельной гвардейской кавалерийской бригады. 9 мая 1915 г. была сформирована Сводно-кавалерийская дивизия, в нее также вошел Л.Г.Гр.Г.П. 4 апреля 1916 г. Л.Г.Гр.Г.П. был исключен из состава Сводно-кавалерийской дивизии и вместе с лейб-гвардии уланским Его Величества полком и тремя гвардейскими казачьими полками включен с состав Сводной гвардейской кавалерийской дивизии (3-й гвардейской кавалерийской дивизии), сформированной в соответствии с приказом от 13 апреля 1916 г. Л.Г.Гр.Г.П. и лейбгвардии уланский Его Величества полк организационно были сведены в 5-ю гвардейскую кавалерийскую бригаду, входящую в состав Сводной гвардейской кавалерийской дивизии. В свою очередь Сводная гвардейская кавалерийская дивизия входила в состав гвардейского кавалерийского корпуса [2, с. 11].

В 1914 г. Гродненцы участвовали в Галицийской битве, Люблинской, Варшавско-Ивангородской и Ченстохово-Краковской операциях. Зимой 1915 г. в боях между Августовом и Гродно гусарские полки, входящие в состав 10-й русской генерала Ф.В. Сиверса, мужественно выполнили долг перед Отечеством [12, с. 179 – 183].

С февраля по март 1915 г. Л.Г.Гр.Г.П. находился в резерве, с марта по август принимал участие в боях и сторожевом охранении в районе рек Днепр, Прут, и Серeет, с конца августа по декабрь вел наступательные и оборонительные бои в районе Джуринского ручья, Кадлбдинского леса и деревень Буравка и Базар. С декабря 1915 г. по июль 1916 г. полк находился в резерве, в июле – августе участвовал в Краковской, а в октябре – ноябре во Владимир-Волынской операциях, с ноября 1916 г. по апрель 1917 г. – вновь в резерве, затем гусары несли сторожевое охранение на позициях в районе р. Стоход, С мая по июль были в резерве, в октябре в районе Шепетовки [2, с. 18].

В Первую мировую войну гвардейская кавалерия участвовала в большинстве сражений, подтвердив свою прекрасную боевую репутацию. Все гвардейские полки понесли значительные потери, вследствие чего существенно изменился их социальный состав [2, с. 4]. Многие офицеры и нижние чины были награждены, в том чис-

ле и полковой священник Николай Гончаров – орденом Святой Анны 3-й степени без мечей [13, с. 354].

В октябре 1917 г. в составе 5-й гвардейской кавалерийской бригады Л.Г.Гр.Г.П. был отправлен в Москву для поддержки сопротивлявшейся красногвардейским войскам Белой гвардии. Однако вследствие победы советской власти бригада была остановлена в городе Гжатске, где дислоцировалась ноябрь – декабрь. Здесь началась украинизация гусар. Гродненцы должны были образовать полк Гетмана Сагайдачного. В декабре эшелоны украинской бригады были направлены по маршруту Гжатск – Орша – Могилев – Киев, однако по дороге из Орши в Могилев красные разоружили их и военнослужащие были распущены по домам. Рядовой состав Гродненского гусарского полка устал воевать. Приказом Московского областного комиссариата по военным делам за № 236 от 4 марта 1918 г. Л.Г.Гр.Г.П. был расформирован [2, с. 15 – 18].

С началом гражданской войны в России многие гвардейские офицеры приняли самое активное участие в борьбе с большевиками [2, с. 4]. Рядовой состав активно сражался в частях Красной Армии. Большинство воинов сложили головы в братоубийственной схватке или навсегда покинули Родину.

В мае 1919 г. полковник В.Н. Андрианов собрал уцелевших офицеров полка и возродил гродненских гусар в армии Деникина. Эскадрон гродненцев участвовал в боях против Красной Армии на юге России, оборонял Крым, а осенью 1920 г. эвакуировался в Турцию. Позже в Париже было создано объединение Л.Г.Гр.Г.П., имевшее музей и филиалы в Югославии и США. Ветераны Л.Г.Гр.Г.П. очень долго поддерживали между собой товарищеские связи – в 1951 г. в полковом объединении насчитывалось 20 человек [8, с. 56].

В Л.Г.Гр.Г.П. проходили службу выдающиеся исторические личности:

Подполковник М.С. Лунин командир 4-го эскадрона с 1824 по 1826 гг., (18.12.1787 – 3.12.1845 гг., декабрист).

Корнет М.Ю. Лермонтов в 4-м эскадроне с 26.02.1838 г. по 18.04.1838 г. (великий русский поэт) [10, с. 648].

Корнет Н.А. Краснокутский в 1838 г. (1819 – 1891 гг., позднее генерал-майор), владел многими языками, занимался живописью, музыкой. [5, с. 176].

М.И. Цейдлер в 1838 г. (1816 – 1892 гг., в последующем генерал-лейтенант, талантливый скульптор и карикатурист).

В 1864 г. в полк молодым корнетом прибыл и через восемь лет убыл в Генеральный штаб М.Д. Скобелев – впоследствии известный военачальник, генерал от инфантерии. Участник Хивинского похода 1873 г., герой русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг., командующий 2-й Ахалтекинской экспедицией 1880 – 1881 гг. [1, с. 677].

В полку служил граф М.Т. Лорис-Меликов, впоследствии генерал-адъютант министр внутренних дел и шеф жандармов, член Государственного совета [4, с. 40].

Ю.Л. Елец (1862 – 20.05.1932 гг.) из семьи потомственных дворян Гродненской губернии. После окончания Академии Генерального штаба в 1888 г. получает направление для дальнейшего прохождения службы в Л.Г.Гр.Г.П. В 1895 г. историограф полка написал и издал в Варшаве «Памятку Гродненскому гусару», ставшую как бы катехизисом для каждого воина. В 1899 г. оставляет службу в Л.Г.Гр.Г.П. с тем, чтобы полностью посвятить себя творчеству писателя [14, с. 146].

Я.А. Чеховский (30.12.1879 – 31.07.1941 гг.) родился в Гродно, по окончании гимназии он был призван в Л.Г.Гр.Г.П. Службу проходил в Варшаве, где на кавалерийских занятиях на спор поднимал коня, придя в цирк на всю жизнь увлекся атлетикой, установил мировые рекорды, которые до сих пор не смогли повторить. Так в 1913 г. в Михайловском манеже Петрограда он пронес на вытянутой руке по кругу шесть солдат гвардейского полка. В 1918 г. Чеховского избрали вице-президентом Всероссийского союза борцов-атлетов. Занимаясь спортом Чеховский также активно снимался в кино [15, с. 354].

С 1898 г. в Л.Г.Гр.Г.П. служил Дон Хайме Бурбон, герцог мадридский (1870 – 1931 гг.). Добровольцем участвовал в походе в Китай 1900 г. (награжден орденами Святой Анны 4-й степени и Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом) и в русско-японской войне 1904 – 1905 гг. В 1909 г. увольняется в отставку с чином полковника и правом ношения мундира.

После окончания кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища в 1897 г. в Л.Г.Гр.Г.П. был выпущен корнетом В.Н. Готовский. Затем, окончив по 1-му разряду Николаевскую Академию Генерального штаба (1903 г.), принял участие в русско-японской войне. В 1913 г. закончил Офицерскую воздухоплавательную школу, стал летчиком. Первую мировую войну в 1914 г. он начал в должности начальника штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. За боевые отличия в мае 1916 г. произведен в полковники.

С октября 1917 г. В. Готовский выполнял обязанности помощника начальника ВВС, преподавал в Военной академии РККА. Его брат С. Готовский, тоже был полковником Л.Г.Гр.Г.П.

Крупным ученым и литератором был один из последних командиров Гродненского гусарского полка Н.Н. Головин (1875 – 1944 гг.). Как и Ю.Л. Елец он завершил свой жизненный путь в эмиграции [14, с. 148 – 152].

Л.Г.Гр.Г.П. имел георгиевских кавалеров:

3-я степень – генерал-майор К.Г. Штрандман, командир Л.Г.Гр.Г.П. Награжден – 18 октября 1831 г. «В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных 25 и 26 августа 1831 г. при штурме варшавских укреплений»;

4-я степень – полковник фон Кауфман Алексей Михайлович, командир Л.Г.Гр.Г.П. Награжден – 28 июля 1907 г.

Командирами (командующими) Л.Г.Гр.Г.П. были: генерал-майор К.Г. Штрантдман (19.02.1824 – 1831 гг.); генерал-майор Эсен Антон Антонович (03.03.1831 – 1837 гг.); генерал-майор, князь Д.Г. Багратион-Имеретинский (1837 – 1845 гг.); генерал-майор А.И. Брэверн (1845 – 1848 гг.); генерал-майор Р.Б. Берг (1848 – 1851 гг.); генерал – Г.В. Адеркас (1851 – 1856 гг.); генерал-майор М.А. Краснокутский (1856 – 1863 гг.); генерал-майор Д.А. Татищев; генерал-майор, граф А.В. Алсуфьев (1865 – 1872 гг.); генерал-майор, граф А.П. де Бальмен (1872 – 1875 гг.); полковник (с 1876 г. – флигель-адъютант, с 1878 г. – генерал-майор Свиты Его Величества) принц Альберт Саксен-Альтенбургский, герцег саксонский (1875 – 1881 гг.); генерал-майор, барон О.В. фон Вольф (1881 – 1884 гг.); генерал-майор У.М. Вострградский (1884 – 1892 гг.); генерал-майор О.Я. Зандер (1892 – ?); генерал-майор Шерпантье (? – 1906 гг.); генерал-майор Свиты Его Величества, князь Енгалычев Николай Александрович (18.08.1912 – 1914 гг.); генерал-майор Головин Николай Николаевич (25.07.1914 – 03.11.1914 гг.); (командующий) генерал-майор барон А.Г. Винекен (13.01 – 12.1915 гг.); (командующий) генерал-майор Э.Э. Генрици (11.03.1916 – 01.01.1917 гг.); полковник С.Н. Лазарев (05. – 11.1917 гг.); (командующий) полковник С.А. Домантович 2-й (11. – 12.1917 гг.).

В русской армии существовала традиция назначать кроме командира полка, также шефа полка. Шефами Гродненского гусарского полка в разные периоды пребывали: Великий Князь Константин Павлович. Цесаревич, второй сын Павла I, главнокомандующий польской армией в 1820 г. Ему предоставлялось безраздельное право выбора командира и офицеров полка (1824 – 17.05.1831 гг.); Его

Императорское Высочество Наследник, Цесаревич и Великий Князь Николай Александрович старший сын Александра II, наследник престола (08.9.1843 – 13.04.1863 гг.); Великий Князь Павел Александрович. Сын Александра II (29.05.1865 – 14.10.1902 гг.); Германская императрица Августа-Виктория [16, с. 9].

В списках полка числились императоры: Александр II (1864 – 1881 гг.), Александр III (1881 – 1894 гг.), Николай II (с 1894 г.), а так же великие князья Александр Александрович (1875 – 1881 гг.), Николай Александрович (1863 – 1892 гг.), Дмитрий Константинович (с 1867 г.). Таким образом шефством высокопоставленных особ достигались дополнительные гарантии в верности престолу элитарной верхушки вооруженных сил [5, с. 175].

Традиции гвардейских частей, которым были присвоены почетные наименование «Гродненские» были продолжены в Советской Армии. Приказом Верховного Главнокомандующего от 25 июля 1944 г. за освобождение города и крепости Гродно присвоены наименование «Гродненских» семнадцати воинским частям и соединениям из них двум гвардейским кавалерийским соединениям [17, с. 115].

Таблица – Штат Л.Г.Гр.Г.П.

Наименование чинов	Количество
1	2
Командир полка (генерал-майор)	1
Полковники	2
Эскадронные командиры (ротмистры)	6
Адъютант	1
Казначей	1
Квартирмейстер	1
Заведующий оружием	1
Обер-офицеры	24
Старший врач	1
Младший врач	1
Ветеринарный врач	1
Делопроизводитель	1
Чиновники для обучения музыкантов	1
Священник	1
Вахмистры	6
Взводный унтер-офицер	24
Младший унтер-офицер	48
Штаб-трубач	1
Трубачи	18

Продолжение таблицы

1	2
Ефрейторы	48
Рядовые	720
Пешие чины:	
Унтер-офицеры-берейторы (в мирное время)	2
Каптенармусы	8
Унтер-офицеры	7
Рядовые	46
Нестроевые нижние чины	22 (71)
Всего:	991 (1042)

Примечание: Штат Л.Г.Гр.Г.П. (утвержден 6 августа 1883 г.). В скобках указан штат мирного времени [2, с. 45].

Список литературы

1. Военный энциклопедический словарь / пред. гл. ред. комиссии Н.В. Огарков. – М.: Воениздат, 1983. – 863 с.
2. Дерябин, А.И. Первая мировая война 1914 – 1918. Кавалерия Российской Императорской Гвардии / А.И. Дерябин. – М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”», 2000. – 48 с.
3. Родионов, А.Н. Гродненский кадетский корпус / А.Н. Родионов // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1, Гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія. – 2006. – № 4 (45). – С. 51 – 57.
4. Иванов, Ю.С. Боевая летопись белорусских полков / Ю.С. Иванов; Управление воспитательной работы Министерства обороны Республики Беларусь. – Минск, 1994. – 80 с.
5. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка горада Гродна: Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: Г.П. Пашкоў, Я.М. Жабрун, І.П. Крэнь [і інш.]; маст. Э.Э. Жакевіч. – Мінск: БелЭн, 1999. – 712 с.
6. Эйдельман, Н.Я. Лунин / Н.Я. Эйдельман // Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. / А.М. Прохоров (гл. ред.). – 3-е изд. – Т. 15. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – 632 с.
7. Глухов, И. Гусар Гродненского полка / И. Глухов // Гродненская правда. – 1974. – 19 окт.
8. Армия. Журнал Вооруженных Сил Республики Беларусь. – 2002. – № 4.
9. Манжола, А.П. Тысячелетие русской конницы / А.П. Манжола. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2006. – 560 с.
10. Лермонтовская энциклопедия / В.А. Мануйлов (гл. ред.). – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 784 с.
11. Белорусская ССР: Краткая энциклопедия: в 5 т. / редкол.: И.П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Изд-во «Бел. Сов. Энциклопедия» им. П. Бровки, 1981. – Т. 5: Библиографический справочник. – 740 с.

12. Литтауэр, В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911 – 1920 / В. Литтауэр; пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2006. – 286 с.
13. Церковные ведомости. – 1915. – 15 нояб. (№ 48). – С. 534.
14. Черепица, В.Н. Преодоление времени (исторические очерки и миниатюры) / В.Н. Черепица. – Минск: БелНИИДАД, 1996. – 236 с.
15. Городна, Городзен, Гродна: нарысы / аўт. тэксту А. Марціновіч; фотаздымкі А. Ласмінскага. – Мінск: Маст. літ., 2008. – 112 с.
16. Бектинеев, Ш.И. Формирование Российской армии с белорусскими наименованиями / Ш.И. Бектинеев. – Минск: Арти-Фекс, 1999. – 116 с.
17. Гродна ў гады Вялікай Айчыннай вайны (1941 – 1945 гг.). Да 50-годдзя Вялікай Перамогі / І.П. Крэнь [і інш.]. – Гродна, 1995. – 208 с.

Родионов Александр Николаевич, *заместитель директора Института повышения квалификации и переподготовки кадров ГрГУ им. Я. Купалы, начальник военного факультета (2005 – 2010 гг.), полковник запаса.*

УДК 008+130.2

Ю.С. Севенко

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА (на примере «Грибоедовской Москвы» М.О. Гершензона)

Российское общество после Отечественной войны 1812 года переживало всплеск самосознания. Именно в этот период происходит становление русского национального сознания. Известный исследователь русской общественной мысли XIX века Михаил Осипович Гершензон вопросу формирования русского самосознания уделяет особое внимание в работе «Грибоедовская Москва», на подробном анализе которой мы остановимся в данной статье.

Ключевые слова: личность, искусство, эпоха, духовная атмосфера, дворяне, феноменология, семья, патриархальность.

Выход «Грибоедовской Москвы» в свет вызвал ряд положительных отзывов. «Грибоедовская Москва» – маленький шедевр непосредственного погружения в быт. В своих воспоминаниях А. Белый отмечает: «Все данные слагались Гершензоном в художественные картины; он владел даром очерка, соединяющего на-

уку с искусством. Стоило перевести данные очерков в зрительное восприятие, – вставали искусства» [1, с. 254].

Особенностью мыслителя было умение емко, в небольшой по объему работе изобразить характеристику и атмосферу конкретной эпохи. В «Грибоедовской Москве» перед нами возникает город первой трети XIX века во всем своеобразии. В описании автором Москвы мы находим не только исключительность города, одновременно перед нами предстает эпоха начала XIX века, в которой правление Александра отделяется от всех предшествующих – это время перелома – период формирования нового типа личности, направленной на самосозерцание и внутренний поиск.

Для Михаила Гершензона, всякая историческая катастрофа определяется двумя признаками: широтою ее социального охвата и особенностью ее воздействия на отдельную личность, на семью – ячейку общества, на отдельные группы населения [2, с. 323]. Гершензона-историка интересует социальная обусловленность личности не в абстрактных общественных отношениях, а в конкретную историческую эпоху. Ученый в «Грибоедовской Москве» проверяет свою теорию о соотношении индивидуального и социального на среднем для эпохи человеке, на разных поколениях одной дворянской семьи. В связи с чем он выделяет понятие «событие эпохи», которое состоит из частичных эпизодов или как определяет это мыслитель в рамках феноменологии «тончайших индивидуальных частиц» [2, с. 322], оказывающих непосредственное влияние на судьбы отдельных лиц. Задача историка – в каждом из таких эпизодов личных и семейных потрясений увидеть весь состав исторического события. Гершензон разрабатывает методологию целостного понимания эпохи: через анализ частных событий воссоздать общую канву истории. Главное для исследователя в этом процессе не воображать, а рассказывать, строго следуя фактам, изложенным в дневниках и переписке своих героев. Герои его книг в своей личности выражали не только общее и социальное, историческое, но и нечто надисторическое.

Мыслитель акцентирует свое внимание на первой половине XIX века, поскольку этот исторический период в духовную историю России вошел как время становления русского национального самосознания.

С помощью метода интеллектуальных биографий ученый воссоздает духовную жизнь, современной Грибоедову Москвы. Он пытается объективировать действительность, изображенную

в художественном произведении А.С. Грибоедова «Горе от ума». В «Грибоедовской Москве» прослеживается переход от литературных героев к реальным персонажам московской аристократии. В результате Гершензон воссоздает духовную атмосферу русского светского общества начала XIX века, с одной стороны, анализируя произведение Грибоедова, и с другой стороны, изучая внутреннюю жизнь дворянства посредством анализа писем средней дворянской московской семьи.

Ученый видит Москву первой трети XIX века глазами выдающегося с его точки зрения современника. Здесь происходит полное погружение исследователя в саму личность для того, чтобы проникнуть в образ прототипа и через него понять эпоху. Гершензон собирает сведения о Римской-Корсаковой, главной героине своей книги. В основу «Грибоедовской Москвы» легли частные письма из архива Римских-Корсаковых. Здесь наиболее важным становится описание жизненного уклада Марьи Ивановны Римской-Корсаковой, Москвы периода до Наполеоновской войны, времени выживания в эвакуации и возвращения назад.

Образ Марьи Ивановны Римской-Корсаковой, созданный Михаилом Гершензоном в «Грибоедовской Москве» – это переходный образ дворянской Москвы начала XIX века. Здесь все знают друг друга лично, историю рода каждого, между ними существует очень сложная система родства. Данная социальная система позволяет ее членам ощущать себя своими в этом круге. Несмотря на изменения, произошедшие в русском обществе после Отечественной войны 1812 года, оно сохранило свою патриархальность.

Эту патриархальность Гершензон наиболее полно воплотил в образе Римской-Корсаковой. Тех, кого она любит, любит крепко. У нее твердые представления о долге, чести и службе. Военную службу она понимала только в условиях того комфорта и блеска, которые были традиционны для мужчин ее круга, служба при штабе – вот наилучший вариант. Если совершен какой-либо проступок, то лучший способ – покаяться в содеянном. Гершензон рассматривает форму исповеди как раскаяния. Здесь исповедь выступает как необходимый элемент дворянской культуры. Можно кутить, дебоширить, участвовать в дуэлях, редко писать родным, но самое главное вовремя раскаяться, получить прощение. Если ты участвовал в дуэли, то исповедуйся, покайся перед родителями, начальством, и тебя простят. Если придерживаться этих принципов, то жить и служить будет легко и приятно.

Изображая Римскую-Корсакову, Гершензон показывает читателю роль женщины в обществе, то, что впоследствии развил Лотман. По мнению М.О. Гершензона, образ жизни, отраженный в «Грибоедовской Москве», остался почти неизменным вплоть до Крымской войны или, может быть, до отмены крепостного права.

Автор реконструирует жизнь российского дворянства первой половины XIX века. Для которого характерны отличительные признаки, как-то: салонная жизнь, ритуализированность, непринужденность и веселость. Характерной чертой работы Гершензона является особое выделение веселости, как одного из главных признаков светского общества. Он погружает нас в атмосферу повседневной жизни семьи Марьи Ивановны, которая ведет активную светскую жизнь, устраивает званые обеды и балы, при этом она вечно находится в долгу у разных поставщиков. Перед нами предстает веселящаяся Москва, когда все друг у друга на виду. Даже во время Отечественной войны, «вся Москва», переехав в Нижний Новгород, ведет обычный образ жизни. Кое-как обустроившись на новом месте, московское общество возобновляет балы и званые обеды. Веселье ради веселья – таков стандарт высшего общества. Привычная всем московская веселость и беззаботность должны были продолжаться в виде танцев и споров. С одной стороны, это была привычка, с другой – на светских раутах можно было узнать последние новости и получить поддержку. «У Архаровых и здесь собиралась вся Москва, особенно пострадавшие, терпевшие нужду» [2, с. 315]. Так за напускной веселостью скрывались горечь и боль за покинутый город, переживания за родных, которые воевали или остались в Москве. И совсем другим предстает перед нами празднование победы. Торжества следовали одно за другим с небольшими перерывами, три дня по всей Москве раздавались звон колоколов, музыка, город был пышно «иллюминован». Все праздновали возвращение к обычной жизни. Необходимо отметить, что эта веселость, присущая московскому обществу, воспринимается и анализируется Гершензоном как ритуальная веселость.

«Грибоедовская Москва» – это одна из работ, в которой анализируются и раскрываются психологические моменты формирования русской нации. Личные страдания, перенесенные русскими людьми в 1812 – 1814 годах, по мнению Гершензона, сильно повлияли на рост русского самосознания. Эти изменения отразились и на формах веселья дворянства. В 40-е годы XIX века, когда наметилось противостояние славянофилов и западников, на московских маскарадах широкой популярностью стали пользоваться русские

национальные костюмы, таким образом дворянство пыталось продемонстрировать свою русскость. Рассуждения о том хорош или плох патриотизм, служение Родине воспринимается как высшая форма проявления национального самосознания. И здесь же выделяется момент того, что дворяне, пережившие 1812 – 1814 гг. – это люди с совершенно новым самосознанием. Это тип Пушкина, Чаадаева, Тургенева, декабристов с их новым отношением к власти, обычаям, деньгам, религии, семье, крестьянам. По сути, в данный период происходит осознание и определение нового культурного пространства.

Для Гершензона в процессе переживания и сопереживания исторических событий формируется настоящее ядро русскости. Русскость предстает как результат рефлексии над историческими и политическими событиями современности. В процессе формирования русского национального самосознания рушится традиционный быт, изменяются стереотипы восприятия мира и опыт предшествующих поколений уже не в состоянии помочь ориентироваться новому поколению людей, которое искало себя. Результатом этих исканий, по мнению ученого, стало широкое распространение либерально-демократического направления в общественной мысли России. Именно представители либерально-демократического направления, процесс формирования их взглядов, наиболее интересовали Гершензона-исследователя.

Михаил Осипович Гершензон, анализируя процесс формирования русского национального сознания, выделил три компонента, необходимых для изучения духовной истории – это общеисторический контекст изучаемой эпохи, исследование интеллектуальных биографий и реконструкция повседневности исторического периода. В связи с этим Гершензона по праву можно считать новатором по истории повседневности в России. Он был одним из первых, кто обратил внимание на повседневность как органическую часть духовной культуры, которая формирует определенный тип личности в ту или иную историческую эпоху.

Список литературы

1. Белый, А. Начало века / А. Белый. – М.: Худож. лит., 1990. – 687 с.
2. Гершензон, М. Грибоедовская Москва / М. Гершензон // Избранное: в 4 т. – М.; Иерусалим: Университетская книга, 2000. – Т. 1: Мудрость Пушкина. – С. 310 – 380.

Севенко Юлия Станиславовна, *преподаватель кафедры гуманитарных наук ГрГМУ.*

УДК 94(47).073(092 М. Лермонтов)

А.Н. Родионов

ВОЕННАЯ СЛУЖБА ПОРУЧИКА МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА ЛЕРМОНТОВА

В статье анализируется служба М.Ю. Лермонтова в Российской армии. Отмечается влияние на формирование его мировоззрения и становление как поэта военного окружения и мест службы.

Ключевые слова: поэзия, казаки, пансион, университет, юнкер, гусар, лирика, ссылка, карьера.

Михаил Юрьевич Лермонтов родился 3(15).10.1814 г. в Москве, в семье капитана Ю.П. Лермонтова (1787 – 1831 гг.) и М.М. Арсеньевой (1795 – 1817 гг.). Рано оставшись без родителей, воспитывался у бабушки Е.А. Арсеньевой, которая дала внуку разностороннее образование. Детство Лермонтова прошло в имении бабушки в селе Тарханы (ныне село Лермонтово Пензенской области), где будущий поэт прислушивался к народным песням и преданиям о Степане Разине, Емельяне Пугачеве и других казаках. Глубокий след в памяти оставили поездки на Кавказ (1814, 1820, 1825 гг.). В 1828 – 1830 гг. Лермонтов учился в Москве в Благородном пансионе. С 1830 – 1832 гг. обучался в Московском университете, который покинул после столкновения с профессорами [1, с. 348].

В 1828 г. в возрасте 15-ти лет Лермонтов написал первые стихотворения и поэму «Черкесы» » [2, с. 637]. На его творчество оказало общее воздействие созданная Денисом Васильевичем Давыдовым (1784 – 1839 гг., русский поэт, военный писатель, герой Отечественной войны 1812 года, освобождал город Гродно, гусар, генерал-лейтенант), традиция «гусарской оды» и романса, где опоэтизирован тип «старого гусара» [3, с. 80]. В стихах Лермонтова отражается эта традиция. В произведениях: «Гусар» (1832 г.); «К портрету старого гусара» («Смотрите, как летит, отвагою пыля»; «К Н.И. Бухарову» (1838 г.), в лирических отступлениях в «Тамбовской казначейше» (1838 г.) и возможно, в «Бородино» (1837 г.) [4, с. 125].

Лермонтов мечтал о военной службе и знал, что его ожидали «маршировки, парадировки», всевозможные ограничения свободы, связанные с военной дисциплиной, но, приняв решение, он видел впереди не только забавы и пиры, но и долг – защиту родины. Ему

было трудно расстаться с его «неблагодарным кумиром» – литературной карьерой, но путь был выбран.

Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (далее – Школа юнкеров) была учреждена в Петербурге 9 мая 1823 г. приказом Александра I для обучения молодых дворян, которые поступали в гвардию из университетов или частных пансионов, не имея военного образования и подготовки [5, с. 1 – 5]. С 1825 г. Школа размещалась на набережной реки Мойки у Синего моста, в здании, построенном в 60-х гг. XVIII в. архитектором Ж.Б. Вален Деламотом. Военным ведомством здание было переделано для Школы юнкеров как снаружи, так и изнутри.

4 ноября 1832 г. Лермонтов успешно выдержал вступительные экзамены в Школу юнкеров. Приказ о зачислении его кандидатом датирован 10 ноября [6, с. 46]. 14 ноября отдан приказ по Школе юнкеров о зачислении Лермонтова на правах вольноопределяющего унтер-офицера лейб-гвардии гусарского полка. Восторженный Лермонтов писал в 1832 г. М.А. Лопухиной, что «если будет война», то он будет «везде впереди». Однако 27 ноября в манеже произошел несчастный случай с Лермонтовым: лошадь расшибла ему до кости ногу ниже колена. Лечение было долгим и только в середине апреля 1833 г. Лермонтов вернулся в Школу юнкеров. Тем не менее 8 июня Лермонтов успешно выдержал экзамен в первый (старший) класс и с 20 июня по 26 июля уже находился в летнем лагере военно-учебного заведения под Петергофом.

Командиром Школы юнкеров был в это время К.А. Шлиппенбах; непосредственным начальником Лермонтова по эскадрону – А.С. Стунеев. Помимо изучения военных дисциплин (артиллерия, военный устав, тактика, топография, фортификация и др.), выездов на лагерные учения в окрестности Петергофа в летние месяцы и участия в осенних маневрах близ Красного Села, воспитанники изучали также математику, историю (русскую и западноевропейскую), словесность, географию, судопроизводство, французский язык. Сохранились учебные тетради по ряду предметов. Записи в некоторых из них сделаны рукою Лермонтова, например, «Лекции из военного слова» (по теории словесности, которую читал В.Т. Плаксин), где часть вторая – автограф Лермонтова. По свидетельству товарищей, Лермонтова особенно интересовал этот предмет.

Среди преподавателей, чьи лекции должны были оставить след в сознании Лермонтова, следует назвать также Е.И. Веселовского, читавшего курс судопроизводства. Часть его лекций («История

российского законодательства») сохранилась в конспективных записях Лермонтова, где обращает на себя внимание обилие сведений, связанных с крепостным правом (его возникновение и особенности). Там же краткая запись: «Вольность Новгорода». О Новгороде и древних новгородцах Лермонтов слышал на лекциях по русской истории П.И. Вознесенского, автора специального труда на эту тему. Для Лермонтова, написавшего поэму «Последний сын вольности», стихотворения «Приветствую тебя, воинственных славян» и «Новгород», эти лекции представляли несомненный интерес.

Французский язык преподавал в Школе юнкеров Я.О. Борде, имевший обыкновение читать на занятиях вслух по-французски комедии Мольера и других драматургов. Борде любил обсуждать с воспитанниками политические новости. Можно предположить, что личность этого педагога вспоминалась Лермонтовым, когда он создавал образ одного из героев «Сашки» – гувернера-француза (поэма была начата, очевидно, в годы, близкие ко времени пребывания в Школе юнкеров). Общение с педагогами на лекциях и уроках, внеклассные встречи с ними способствовали расширению знаний, полученных Лермонтовым в Пансионе и Московском университете.

Аристократичная молодежь, преобладавшая в Школе юнкеров, свободное время обычно проводила в светских развлечениях и кутежах. Среда, окружавшая поэта в Школе юнкеров, в целом была далека от интеллектуальных запросов Лермонтова, хотя он отдал дань ее настроениям в юнкерских поэмах: «Петергофский праздник», «Уланша», «Гошпиталь». Пребывание поэта в Школе юнкеров в течение «двух страшных годов» отразилось на его творческой продуктивности. Лермонтов писал меньше, тайком от начальства, урывками, по вечерам, уединившись в одном из самых отдаленных классов. В таких условиях продолжал он работать над пятой редакцией поэмы «Демон» и романом «Вадим». Тогда же написаны «Хаджи Абрек» и ряд других поэм и стихотворений: «Юнкерская молитва», «На серебряные шпоры», «В рядах стояли безмолвной толпой» и, вероятно, закончен начатый еще в Москве «Измаил-Бей». По-прежнему Лермонтов любил рисовать. Изображал он чаще всего «кавказские виды и черкесов, скакавших по горам» (А.М. Меринский). Рисовал не только по вечерам, в одиночестве, но часто и во время занятий, делая наброски из жизни Школы юнкеров, портреты, карикатуры на преподавателей (Стунеев, В.И. Кнорринг и др.) и юнкеров (В.А. Вонляровский,

Н.И. Поливанов, Л.Н. Хомутов). Среди товарищей Лермонтова были любители литературы, ценившие дарование поэта и гордившиеся им. Некоторые из них сохранили рукописи Лермонтова (Меринский), тетради с его рисунками (Н.Н. Манвелов) [7, с. 626]. В Школе юнкеров учились М.И. Цедлер в последующем мемуарист и скульптор, а также Н.С. Мартынов (убийца Лермонтова) [4, с. 271]. Однако муштра и запрещение читать художественную литературу сильно ему досаждали, и он мечтал о скорейшем выпуске.

5 июня 1834 г. Лермонтов сдал публичные экзамены в Школе юнкеров и с 22 июня до начало августа проходил летние сборы в лагере под Петергофом, по окончании которых вернулся в Петербург. 22 ноября 1834 г. высочайшим приказом Лермонтов был произведен из юнкеров в корнеты и выпущен в лейб-гвардии гусарский полк (далее – Л.Г.Г.П.) [6, с. 58]. 4 декабря Лермонтов впервые в гусарском мундире посещает бал.

Довольно основательно изучив как военные, так и общеобразовательные дисциплины, он был разносторонне подготовлен и обладал достаточно широким общим и военным кругозором. В нем сложились черты военного человека [7, с. 626].

Вольнолюбивые традиции среди гусар способствовали развитию у Лермонтова привязанности к полку. В «Тамбовской казначейше» поэт писал: «… и скоро ль ментиков червонных Приветный блеск увижу я …» (лейб-гусары носили алые доломаны и ментики). Белая масть лошадей, присвоенная Л.Г.Г.П., навсегда стала любимой мастью Лермонтова. Службу он нес исправно, но не терпел педантизма в мелочах службы и быта. В издевательском тоне говорится об этом в поэме «Монго»: «…И не тянул ноги он в пятку, Как должен каждый патриот…». Свой протест против бессмысленных требований великого князя Михаила Павловича, командовавшего гвардией, Лермонтов осуществлял то явкой на развод караулов с миниатюрной саблей, то – на великосветский бал с неуставным шитьем на обшлаге и воротнике вицмундира. За это Лермонтова 18 февраля 1837 г. отправили под арест и поместили в одной из комнат верхнего этажа Главного штаба.

Служба в полку состояла не только из обычных военных занятий, учений, парадов, но и в обязательном посещении придворных балов. Правда, Л.Г.Г.П. значительно уступал в близости ко двору полкам Кавалергардскому и Конногвардейскому. Это порождало некоторую разобщенность между кавалергардами и конногвардейцами, с одной стороны и лейб-гусарами – с другой. Лермонтов был

зачислен в 7-й эскадрон Л.Г.Г.П., которым командовал Н.И. Бухаров – «столетья прошлого обломок… Гусар прославленных поток, Пиров и битвы гражданин». В полку еще сохранились старые вольнолюбивые традиции. Это проявилось и в том, что к стихотворению «Смерть поэта» и к его уезжавшему в ссылку автору офицеры-гусары отнеслись сочувственно и собирались дать Лермонтову по подписке прощальный обед. Однако М.Г. Хомутов – командир полка усмотрел в этом проявление протеста против царского приговора и не разрешил торжества. Было известно, что конногвардейцы и кавалергарды были на стороне Ж. Дантеса. И неслучайно позднее в «Кружке шестнадцати» из офицеров были только гусары.

Период первой ссылки был важен для становления личности поэта-воина. На Кавказе он встретился с новыми людьми: это были скромные труженики войны и сосланные декабристы. Здесь Лермонтов ощутил известное сочувствие к себе со стороны начальства и отсутствие постоянной слежки III отделения. В 1837 г. Лермонтов являлся наблюдателем, а в 1840 г. прямым участником боевых действий против горцев. Отношение его к военным действиям было противоречивым. С одной стороны, поэт всей душой был на стороне свободолюбивых народов Кавказа, однако, как Пушкин и декабристы, понимал, что у горцев нет надежды на завоевание полной независимости, и единственный выход состоит в присоединении к России. В «Мцыри» Лермонтов писал: «И божья благодать сошла. На Грузию! Она цвела. С тех пор в тени своих садов. Не опасаяся врагов, За гранью дружеских штыков» [8, с. 87].

Лермонтов был распределен в Нижегородский драгунский полк, который по планам 1837 г. должен был принять участие только в рекогносцировке Главного Кавказского хребта, не связанной с боевыми действиями. Доброжелатели Лермонтова – А.И. Философов, В.Д. Вольховский, П.И. Петров – стремились дать возможность поэту в боевой экспедиции 1837 г. заслужить «прощение». Их усилиями Лермонтова освободили от поездки в полк и прикомандировали к отряду А.А. Вельяминова в экспедицию на Кубань. Принято считать, что по этой причине он не принял участия в операции. Однако Лермонтов знал, что его хотят не только направить в экспедицию, но и «подать» царю на смотре, назначенном в Анапе, а фактически проведенном в Геленджике 20 – 21 сентября 1837 г. Срок этот был определен заранее. Весеннюю экспедицию 1837 г. Вельяминов планировал так, чтобы до царского смотра войска могли

отдохнуть и привести себя в порядок. Боевые действия начались 15 мая и закончились 2 сентября.

Однако непредвиденные обстоятельства нарушили эти планы. Весной 1837 г., когда экспедиция только еще готовилась, Лермонтов заболел. 13 мая находясь в Ставрополе, Лермонтов подал в штаб войск Кавказской линии рапорт «об освидетельствовании болезни его» и был помещен в ставропольский военный госпиталь, затем переведен в пятигорский госпиталь для лечения минеральными водами. Там он принимал ванны в Пятигорске и встретился с Вольховским и узнал о сроках экспедиции и смотра. 18 июля Лермонтова причислили к эскадрону Нижегородского драгунского полка, который дислоцировался в Анапе. В первой половине сентября с Кавказских минеральных вод через Ставрополь и укрепление Ольгинское Лермонтов выехал в Тамань, чтобы оттуда отправиться в Анапу или Геленджик, где находился отряд генерала Вельяминова, готовившийся к встрече Николая I.

Известно, что Лермонтов прибыл в Тамань только в 20-х числах сентября, узнал об отмене осенней экспедиции. 29 сентября Лермонтов вернулся из Тамани в укрепление Ольгинское, где получил предписание отправиться в свой полк в Тифлис. В Ольгинском, по-видимому, произошла встреча с Н.С. Мартыновым, которому Лермонтов должен был доставить пакет из Пятигорска с письмами и деньгами от родных Мартынова. Случайным ли было его опоздание на царский смотр в Геленджике или намеренным? Вряд ли состояние здоровья удерживало Лермонтова. Присутствовать на царском смотре он, очевидно, не хотел и принял по этому поводу твердое решение. Он предполагал быть в отряде после отъезда Николая I. Тем временем экспедиция была отменена. Лермонтова направили в полк, во 2-й дивизион, осуществлявший наблюдение за всей Ширванской провинцией, – в Шемаху. К этому времени относятся поездки Лермонтова с А.И. Одоевским и эпизод с перестрелкой в районе Кубы.

Месяцы, проведенные на Кавказе, сыграли большую роль в формировании мировоззрения поэта, в становлении его творчества. К тому же усилилась его неудовлетворенность военной службой, созрело решение выйти в отставку и посвятить себя исключительно литературной деятельности.

Благодаря хлопотам Е.А. Арсеньевой и В.А. Жуковского по представлению А.Х. Бенкендорфа 11 октября в Тифлисе был отдан высочайший приказ по кавалерии о переводе «прапорщика Лермон-

това в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк (далее – Л.Г.Гр.Г.П.) корнетом» и только 25 ноября Лермонтова исключили из списков Нижегородского полка.

Лермонтов не строил себе иллюзий в отношении места стоянки полка. В письме к П.И. Петрову на Кавказ от 1 февраля 1838 г. он писал о «приятном путешествии» в «великий Новгород, в ужасный Новгород». Поэт ехал в Селищенские казармы Новгородского удела военных поселений в 60 км от Новгорода; для него это край древней вольности, воспетый декабристами, с одной стороны, и место аракчеевских военных поселений – с другой. На места поселенных полков были поставлены части 2-й легкой кавалерийской дивизии, в том числе Л.Г.Гр.Г.П., принимавший участие в подавлении восстания в Польше в 1830 – 1831 гг. О кровавой истории Селищенских казарм Лермонтов, конечно, знал от С.А. Раевского, служившего в Департаменте военных поселений.

16 февраля 1838 г. Лермонтов выехал в Новгородскую губернию, в первый округ военных поселений, в распоряжение штаба Л.Г.Гр.Г.П. 26 февраля Лермонтов прибыл в Л.Г.Гр.Г.П. Явившись к командиру полка князю Д.Г. Багратиону, получил назначение состоять в 4-м эскадроне, которым командовал К. Войнилович. 4-й эскадрон формировал, а затем и командовал вплоть до ареста декабрист М.С. Лунин. Поэт застал в полку 16 офицеров и десятки солдат в своем эскадроне, служивших еще вместе с Луниным. Селищенские казармы дважды в год – во время ледостава и ледохода по реке Волхову – были отрезаны от внешнего мира. В полку господствовали псевдогусарские традиции (картежная игра и выпивки), быстро надоевшие поэту. В окрестных деревнях продолжали влачить полунищенское существование пахотные солдаты, свидетели и участники восстания военных поселян.

Командир полка Д.Г. Багратион-Имеретинский стремился сделать полк лучшим в России. Видимо, Лермонтов исправно нес службу, только этим можно объяснить то, что ему дважды разрешили 8-дневный отпуск в Петербург.

Поселился Лермонтов в Селищенских казармах в доме для холостых офицеров на одной квартире с корнетом Николаем Александровичем Краснокутским (1819 – 1891 гг., позднее генерал-майор), который свободно владел десятью языками, занимался живописью, музыкой. По преданию, все стены своей комнаты Лермонтов исписал стихами, которые сохранялись до тех пор, пока однажды в отсутствие полка, под видом ремонта не закрасили эти

драгоценные автографы. Только на одном из подоконников осталась вырезанная ножом фамилия поэта. С подстрочного перевода, сделанного Краснокутским, Лермонтов написал вольный перевод сонета А. Мицкевича «Вид гор из степей Козлова» [4, с. 233]. В это время Лермонтов также работал над произведениями «Демон», «Герой нашего времени», рисовал картины «Черкес», «Воспоминания о Кавказе», которые подарил офицеру полка А.И. Арнольди хорошо писавшему акварелью [9, с. 176].

В списках полка того времени можно встретить гусара Пауфлера, который был незаурядным композитором и корнета Казимира Домейко, брат которого Игнатий Домейко после участия в событиях 1831 г. эмигрировал в Чили, где стал выдающимся ученым. Воспоминания гродненских гусар по разному освещают пребывание М.Ю. Лермонтова в полку. Одни обратили внимание на то, что он хорошо ездит верхом, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами, ночует в чистом поле. Другие отмечали, что подчас у него бывали вспышки веселья, что он верховодил в разных затеях. Но часто бывал и угрюм, и скучен. На балах обыкновенно садился в угол и молча прислушивался к пению и шуткам собравшегося общества [10].

3 марта и в ночь на 4 марта Лермонтов принимал участие в проводах офицера полка, талантливого скульптора и карикатуриста М.И. Цейдлера (1816 – 1892 гг., в последующем генерал-лейтенант), откомандированного из Л.Г.Гр.Г.П. в Отдельный Кавказский корпус. На вечеринке Лермонтов написал экспромт: «Русский немец белокурый. Едет в дальнюю страну» [4, с. 607].

24 марта по ходатайству Е.А. Арсеньевой шеф жандармов А.Х. Бенкендорф сделал представление через военного министра графа А.И. Чернышева о прошении Лермонтова и переводе его в Л.Г.Г.П. 9 апреля был опубликован высочайший приказ о переводе корнета Лермонтова в Л.Г.Г.П., однако 18 апреля Лермонтов подал рапорт о болезни и некоторое время еще оставался в Л.Г.Гр.Г.П.

24 – 25 апреля Лермонтов возвратился в Петербург и только 14 мая прибыл в Л.Г.Г.П., расквартированный в Софии под Царским Селом. Он не терял надежды на отставку, нес опостылевшую после Кавказа плац-парадную службу, регулярно посещал балы, но чаще – среду литераторов. Участвовал в «Кружке шестнадцати».

22 сентября по приказанию великого князя Михаила Павловича за очередную гусарскую шалость Лермонтов был арестован. Находясь на Царскосельской гауптвахте, Лермонтов написал мас-

лом картину «Вид Кавказа» в подарок А.М. Хюгель (Верещагиной). 10 октября Лермонтов освобожден из-под ареста. В дальнейшем Лермонтов служил исправно и 6 декабря 1839 г. высочайшим приказом произведен из корнета в поручики.

В феврале 1840 г. произошло столкновение с Э. Барантом – сыном французского посла. 18 февраля (воскресенье) в 12 часов дня состоялась дуэль Лермонтова с Барантом за Черной речкой на Парголовской дороге при секундантах А.А. Столыпине (Монго) и виконте Р. д'Англесе. После дуэли Лермонтов, слегка раненый ниже локтя, заезжал к А.А. Краевскому.

Уже 20 февраля командир Л.Г.Г.П. Н.Ф. Плаутин потребовал от Лермонтова объяснения обстоятельств дуэли с Барантом. 10 марта было начато «Дело Штаба отдельного Гвардейского корпуса… О поручике Л.Г.Г.П. Лермонтове, преданном военному суду за произведенную им с французским подданным Барантом дуэль и необъявление о том в свое время начальству». Лермонтов заключен в Ордонанс-гауз. 15 марта В.Г. Белинский пишет в Москву В.П. Боткину: «Лермонтов под арестом за дуэль с сыном Баранта. Государь сказал, что если бы Лермонтов подрался с русским, он знал бы, что с ним сделать, но когда с французом, то три четверти вины слагается. Дрались на саблях, Лермонтов слегка ранен и в восторге от этого случая, как маленького движения в однообразной жизни. Читает Гофмана, переводит Зейдлица и не унывает. Если, говорит, переведут в армию, буду проситься на Кавказ. Душа его жаждет впечатлений жизни».

17 марта Лермонтов был переведен из Ордонанс-гауза на Арсенальную гауптвахту. 22 марта через А.В. Браницкого он пригласил на Арсенальную гауптвахту Баранта для личных объяснений по поводу своих показаний от 16 марта, которыми Барант был недоволен и требовал новой дуэли.

11 апреля великий князь Михаил Павлович изложил свое мнение по поводу приговора военно-судной комиссии в отношении Лермонтова: «… сверх содержания его под арестом с 10 марта, выдержать еще под оным в крепости в каземате три месяца, и потом выписать в один из армейских полков тем же чином…». В тот же день поступило предписание Николая I о срочном окончании дела о дуэли. 13 апреля на докладе Генерал-аудиториата по делу Лермонтова рукой Николая I написано: «Поручика Лермонтова перевесть в Тенгинский пехотный полк тем же чином; отставного поручика Столыпина и Браницкого освободить от подлежащей ответствен-

ности, объявив первому что в его звании и летах полезно служить, а не быть праздным. Впрочем быть посему. Николай. С.-Петербург 13 апреля 1840». Резолюция Николая I противоречила определению Генерал-аудиториата, который предлагал выдержать Лермонтова три месяца на гауптвахте, а потом уже выписать в один из армейских полков. 19 апреля военный министр граф А.И. Чернышев разъяснил великому князю Михаилу Павловичу, что Николай I «изволил сказать, что переводом Лермонтова в Тенгинский полк желает ограничить наказание». 27 апреля Лермонтов обратился письмом к великому князю Михаилу Павловичу с просьбой защитить его от требования А.Х. Бенкендорфа написать письмо к Баранту, признав ложность своих показаний на суде, что он стрелял в воздух. Великий князь Михаил Павлович направил письмо на высочайшее рассмотрение.

5 мая Лермонтов выехал из Петербурга на Кавказ. Прощальному вечеру у Карамзиных было посвящено стихотворение «Тучи» [4, с. 651]. Во время второй ссылки Николай I был беспощаден к Лермонтову. Царь выбрал для поэта Тенгинский полк, который действовал на наиболее опасных участках. В 1840 г. предполагалось осуществить операции преимущественно на правом фланге Кавказской линии. Передовую линию было решено перенести с реки Кубань на реку Лабу, а пространство между этой рекой и Верхней Кубанью заселить казачьими станицами. Для этой цели был сформирован Лабинский отряд Г.Х. Засса и десантный отряд И.Н. Раевского. На левом фланге планировалось закрепление на Кумыкской плоскости и в Салатавии. Это было возложено на Чеченский отряд генерала А.В. Галафеева. Однако в 1840 г. инициативу в свои руки взяли горцы. Ранней весной они нанесли ряд ударов в Черноморье и овладели некоторыми укреплениями. Уже в марте Шамиль осуществил военные операции в Чечне. Как правило, русские войска действовали с опозданием, давая возможность Шамилю распространить свое влияние на всю Чечню и даже окрестности Владикавказа. Операции русских войск носили скорее карательный, чем боевой характер, поэтому экспедиции 1840 г. себя не оправдали [8, с. 88].

Лермонтов 10 июня прибыл в Ставрополь и добился назначения в Чеченский отряд под начальством генерал-лейтенанта Галафеева на левый фланг Кавказской линии. Стеснительные условия службы в качестве командира взвода 12-й мушкетерской роты Тенгинского пехотного полка (поэт был определен по ходатайству

К.К. Данзаса в его батальон), по-видимому, Лермонтова тяготили. Он предпочел более свободную от повседневной опеки должность адъютанта в отряде Галафеева. Офицеры штаба – адъютанты, как их тогда называли – иногда прикреплялись заранее к какой-либо части боевого порядка, вели наблюдение за ее действиями, доносили об этом, а порой и сами организовывали действия этих частей.

6 июля отряд в котором находился Лермонтов, выступив из лагеря при крепости Грозной, переправился через реку Сунжу и ущелье Хан-Калу в Малую Чечню; с боями продвинулся в Дуду-Юрт и далее в Большую Атагу и Чах-Гери, к Гойтинскому лесу. После штыковой атаки у Ахшпатой-Гойте был совершен переход к аулу Урус-Мартан и к аулу Гехи. 11 июля отряд выступил из лагеря при ауле Гехи на Казах-Кичу, Грозная. В боевых донесениях отмечалось: «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов, во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик, имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны… Офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших солдат ворвался в неприятельские завалы» [11, с. 100].

Для выполнения такого поручения надо было обладать мужеством, хорошим кругозором, пониманием обстановки и решительностью. Служба таких адъютантов была сопряжена с большей опасностью, чем в строю. Так, в бою на реке Валерик потери в офицерах строевых частей составили 8 %, а среди адъютантов около 20 %. В стихотворении «Валерик» сказано: «Все офицеры впереди… Верхом помчался на завалы…». За этот бой поэт был представлен к ордену Владимира 4-й степени с бантом, но командир корпуса снизил представление до ордена Станислава 3-й степени, который Лермонтов не получил.

В журнале военных действий 20-й пехотной дивизии генерала Галафеева отмечены случаи бессмысленной жестокости по отношению к горцам. Занятые аулы после ночлега предавались огню, поля вытаптывались. Так, 37-й и 39-й донские казачьи полки 1 и 2 июля 1840 г. вытоптали все поля по берегу реки Сунжи на 30 верст. Уклонившись от роли взводного командира пехотного полка, Лермонтов избежал участия в карательной деятельности.

С 12 по 15 июля Лермонтов принял участие в перестрелке при следовании отряда через аул Ачхой, по рекам Натахи и Сунже до возвращения в крепость Грозную. Не достигнув решительного ус-

пеха в этой операции, Галафеев с опозданием направился на выручку генерал-лейтенанта Ф.К. Клюги фон-Клюгенау в Темир-Хан-Шуру. С 17 июля по 2 августа Лермонтов участвует в походе части отряда генерал-лейтенанта А.В. Галафеева в Северный Дагестан. По пути, в палатке у Миатлинской переправы, барон Д.П. Пален нарисовал карандашом портрет Лермонтова в профиль. Отряд прибыл 29 июля в Темир-Хан-Шуру, а 2 августа через Миатлинскую переправу выступил в направлении крепости Грозной. 9 августа отряд Галафеева прибыл в Герзель-аул и приступил к строительству запланированного укрепления, прекратив на время боевые действия. Во время этой паузы Лермонтов и другие офицеры получили кратковременные отпуска в Пятигорск и Кисловодск. В 20-х числах сентября 1840 г. Лермонтов возвратился на Большую Чечню [8, с. 89].

27 сентября отряд генерал-лейтенанта А.В. Галафеева выступил из крепости Грозной через Ханкальское ущелье к реке Аргун. Лермонтов был прикомандирован к кавалерийскому отряду. В бою 10 октября был ранен юнкер Руфин Иванович Дорохов (1805 – 1852 гг.), командовавший «сотней» отборных конных бойцов казаков-«охотников» (добровольцев), выбранных из кавалерии левого фланга Кавказкой линии. Генерал А.В. Галафеев назначил вместо него Лермонтова, отличившегося храбростью в бою при реке Валерик. В дальнейшем сотня именовалась Лермонтовским отрядом, которым он командовал с 10 октября и до конца ноября 1840 г., во время походов в Малую и Большую Чечню. П.А. Султанов, разжалованный в солдаты и служивший в отряде, писал об этой команде: «Поступить в нее могли люди всех племен, наций и состояний без исключения… Желавшему поступить назначался экзамен, состоявший в исполнении какого-нибудь трудного поручения. Если экзаменующийся не проваливался, то ему … брили голову…, приказывали отпустить бороду…, одевали по-черкесски и вооружали двухстволкой со штыком» [12, с. 158].

Кавалеристов отряда отличали отвага, удальство, преданность командиру, презрение к огнестрельному оружию. Отряд действовал отчасти как партизанский, занимаясь также разведкой. Лермонтов, приняв командование, проявил не только незаурядное дарование кавалерийского офицера, но и повседневную заботу о подчиненных, сумел найти путь к сердцам солдат, с которыми делил опасности боя и тяготы походной жизни. Отказавшись от всяких удобств, он вел тот же образ жизни, что и они, – спал на голой

земле, ел из общего котла, небрежно относился к соблюдению формы и своему внешнему виду. Лермонтов был доволен этим назначением, так как оно давало некоторую независимость и возможность отличиться, что было нужно для получения отставки. К.Х. Мамацев вспоминал: «Даже в этом походе он никогда не подчинялся никакому режиму, и его команда, как блуждающая комета, бродила всюду, появляясь там, где ей вздумается, в бою она искала самых опасных мест…». Лермонтов с командою отличился в делах 12 и 15 октября за Шалинским лесом и при переправе через реку Аргун.

Командующий конницей у генерала П.Х. Грабе, принявшего на себя руководство дальнейшими боевыми действиями, В.С. Голицин писал, что трудно было бы подобрать для этой «сотни» более подходящего командира. Лермонтов «… был всегда первый на коне и последний на отдыхе…» [11, с. 124]. Лермонтов как истинный гусар на практике применил умения и навыки полученные в Школе юнкеров и гвардейских гусарских полках. Первым в XIX в. партизанские операции провел Я.П. Кульнев в русско-шведской войне 1808 – 1809 гг. [13, с. 54]. В дальнейшем теорию и практику партизанской войны развил Д.В. Давыдов в 1812 г. [14, с. 153]. Опыт участия отдельных казачьих сотен в специальных операциях получил дальнейшее развитие на Кавказе. В одной из таких команд в 1878 г. служил В. Гиляровский [15, с. 62]. Вершины развития военной науки в применении отдельных казачьих сотен специального назначения в партизанских операциях Российская армия достигла в Первой мировой войне [16, с. 312].

Во второй половине октября Лермонтов с отрядом отдыхал в крепости Грозной после 20-дневной экспедиции в Чечне. В письме к А.А. Лопухину в Москву он пишет о походе и «команде охотников», которую получил «в наследство от Дорохова».

С 27 октября по 6 ноября Грабе совершил повторный, не оправдавший себя поход в Малую Чечню. 27 октября Лермонтов вновь выступил из крепости Грозной и отличился в делах 27, 28, 29 и 30 октября у аула Алды, в Гойтинском лесу и снова при реке Валерик.

С 9 по 20 ноября «Чеченский отряд» действовал в Большой Чечне. Во время очередной экспедиции в Чечню с 9 по 20 ноября Лермонтов был все время при генерал-лейтенанте А.В. Галафееве. 20 ноября в Герзель-ауле состоялся смотр этого отряда военным министром А.И. Чернышевым. Он нашел отряд в расстроен-

ном состоянии, отменил зимнюю экспедицию и распустил войска на зимние квартиры. С 20 ноября по декабрь Лермонтов находился в Ставрополе, где встречался с С.В. Трубецким, Л.В. Россильоном, И.А. Вревским, А.Д. Есаковым, Л.С. Пушкиным, М.А. Назимовым и др.

9 декабря А.В. Галафеев подал рапорт с приложением наградного списка и просьбой перевести Лермонтова «в гвардию тем же чином с отданием старшинства». 11 декабря военный министр граф А.И. Чернышев сообщил командиру Отдельного Кавказского корпуса о том, что Николай I разрешил предоставить Лермонтову отпуск на два месяца.

24 декабря командующий кавалерией действующего отряда на левом фланге Кавказской линии полковник В.С. Голицин подал рапорт командующему войсками Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютанту П.Х. Грабе с предоставлением к награждению Лермонтова золотой саблей с надписью «За храбрость», что предполагало возвращение в гвардию.

31 декабря состоялся Приказ № 365 о зачислении Лермонтова «налицо» в Тенгинском пехотном полку, т.е. в станице Ивановской Кубанской волости, где находился штаб полка. В конце 1840 г. Лермонтов прибыл в Тенгинский пехотный полк, но уже 14 января 1841 г. Лермонтову выдали отпускной билет на два месяца. В этот же день он выехал из Ставрополя в Петербург через Новочеркасск, Воронеж, Москву с надеждой на отставку [4, с. 652].

5 марта командир Отдельного Кавказского корпуса подал рапорт с представлением к награде Лермонтова за участие в экспедиции в Малой Чечне с 27 октября по 6 ноября 1840 г. В столице Лермонтов узнал, что его вычеркнули из Валерикского представления к наградам, подведя под общее положение. Из итогового представления за 1840 г. Николай I вычеркнул его сам. Но об этом стало известно после смерти поэта.

11 апреля Лермонтова вызвал дежурный генерал Главного штаба граф П.А. Клейнмихель и сообщил ему предписание в 48 часов покинуть столицу и отправиться на Кавказ в Тенгинский полк. Прямо от Клейнмихеля в сильном возбуждении Лермонтов приехал к А.А. Краевскому. Возвращаясь на Кавказ в 1841 г., поэт все еще собирался «…заслужить себе на Кавказе отставку…». В последних письмах бабушке от 9 – 10 мая и 28 июня 1841 г. опять задается вопрос: «выпустят ли» в отставку? П.А. Клейнмихель иезуитски ответил Е.А. Арсеньевой, что не советует поэту подавать

прошение об отставке, а сам 30 июня 1841 г. передал предписание Е.А. Головину о запрещении царя отпускать Лермонтова от «фронта» в Тенгинском пехотном полку, т.е. от неотлучной строевой службы, чтобы не давать повода «отличиться».

В письме к Арсеньевой от 9 – 10 мая 1841 г. Лермонтов писал: «…кажется, прежде отправлюсь в Шуру, где полк, а оттуда постараюсь на воды…». В это время ему была выдана подорожная в Темир-Хан-Шуру [8, с. 89]. О прибытии на Кавказ 13 июня Лермонтов рапортом доложил командиру Тенгинского полка полковнику С.И. Хлюпину. Отправляясь в отряд генерал-адъютанта П.Х. Грабе, Лермонтов заболел по дороге лихорадкой и получил от пятигорского коменданта позволение остаться в Пятигорске до излечения. 30 июня дежурный генерал Главного штаба граф П.А. Клейнмихель сообщил командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу Е.А. Головину о том, что Николай I, «заметив, что поручик Лермонтов при своем полку не находился, но был употреблен в экспедиции с особо порученною ему казачьею командою, повелеть соизволил… дабы поручик Лермонтов непременно состоял на лицо во фронте…». Подлинная резолюция царя гласила: «Зачем не при своем полку? Велеть непременно быть налицо во фронте, и отнюдь не сметь под каким бы то ни было предлогом удалять от фронтовой службы при своем полку».

Утром 15 июля к Лермонтову в Железноводск из Пятигорска приехали в коляске Е.Г. Быховец и Обыденная, которых сопровождали верхом юнкер А.П. Бенкендорф, М.В. Дмитриевский и Л.С. Пушкин. В немецкой колонии Каррас (Шотландка) товарищи организовали пикник. Между 6 – 7 часами вечера состоялась дуэль с Мартыновым у подножия Машука. Секунданты: М.П. Глебов, А.И. Васильчиков и, возможно, А.А. Столыпин и С.В. Трубецкой. Некоторые современники называли и других свидетелей дуэли (в частности, Р.И. Дорохова). Гроза. Лермонтов убит Мартыновым. Поздно вечером тело поэта перевезено в Пятигорск, в дом В.И. Чилаева.

17 июля состоялось медицинское освидетельствование лекарем И.Е. Барклаем де Толли в присутствии следственной комиссии тела Лермонтова, а затем погребение на Пятигорском городском кладбище. В метрической книге Пятигорской Скорбящей церкви за 1841 г., часть III, № 35 была сделана запись: «Тенгинского пехотного полка поручик Михаил Юрьев Лермонтов 27 лет убит на дуэли 15-го июля, а 17 погребен, погребение пето не было. Офицеры не-

сли прах любимого ими товарища до могилы, а слезы множества сопровождающих выразили потерю общую, незаменимую».

Только 12 августа Лермонтов был исключен из списка армии [4, с. 90]. 30 сентября комиссия военного суда в Пятигорске огласила «сентенцию», в которой приговорила Н.С. Мартынова, М.П. Глебова и А.И. Васильчикова «за дуэль с поручиком Тенгинского пехотного полка Лермонтовым (на оной ныне убитым)» к «лишению чинов и прав состояния».

3 января 1842 г. состоялась высочайшая конфирмация по военно-судному делу о Мартынове, Глебове и Васильчикове: «Майора Мартынова посадить в крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию, а титулярного советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной им в сражении тяжелой раны».

21 апреля по просьбе Е.А. Арсеньевой гроб с прахом Лермонтова привезен из Пятигорска в Тарханы и 23 апреля во втором свинцовом гробу прах Лермонтова погребен в фамильной часовне [4, с. 563].

Память о Лермонтове сохранена потомками. В 1881 г. начальник Николаевского кавалерийского училища (бывшая Школа юнкеров) А.А. Бильдерлинг по просьбе воспитанников приступил к организации первого в России Лермонтовского музея. В 1883 г. музей открылся. Позднее, накануне столетия со дня рождения Лермонтова, перед зданием училища (ныне Лермонтовский проспект, 54) 1 октября 1913 г. состоялась закладка памятника поэту. Памятник, изображающий поэта в военном мундире, был сооружен Б.М. Микешиным в 1914 г. и торжественно открыт лишь 9 мая 1916 г. В конце 1917 г. все коллекции Лермонтовского музея поступили в Пушкинский дом АН (в дальнейшем Институт русской литературы АН СССР) [4, с. 626].

В 1939 г. в Тарханах был открыт дом-музей Лермонтова преобразованный в ноябре 1944 г. в музей-усадьбу. В 1966 г. на базе музея-усадьбы создан музей-заповедник «Тарханы» общей площадью 91 га. В фондах музея находится 17 456 единиц хранения [4, с. 564].

Список литературы

1. Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. / А.М. Прохоров (гл. ред.). – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – Т. 14. – 624 с.

2. Лермонтов, М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. / М.Ю. Лермонтов; вступ. ст. и примеч. И.Л. Андронникова. – М.: Худож. лит., 1975. – Т. 1: Стихотворения. 1828 – 1841). – 648 с.
3. Советская Военная Энциклопедия: в 8 т. / пред. гл. ред. комиссии Н.В. Огарков. – М.: Воениздат, 1977. – Т. 3. – 672 с.
4. Лермонтовская энциклопедия / В.А. Мануйлов (гл. ред.). – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 784 с.
5. Потто, В. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища 1823 – 1873 / В. Потто. – СПб., 1873. – С. 1 – 5.
6. Мануйлов, В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова / В.А. Мануйлов. – М., 1964. – С. 46, 58.
7. Назарова, Л.Н. Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров / Л.Н. Назарова // Лермонтовская энциклопедия / В.А. Мануйлов (гл. ред.). – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 784 с.
8. Малков, С.Н. Военная служба Лермонтова / С.Н. Малков // Лермонтовская энциклопедия / В.А. Мануйлов (гл. ред.). – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 784 с.
9. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка горада Гродна. – Мінск: БелЭн, 1999. – 712 с.
10. Глухов, И. Гусар Гродненского полка / И. Глухов // Гродненская правда. – 1974. – 19 окт.
11. Щеголев, П.Е. Книга о Лермонтове / П.Е. Щеголев. – Л., 1929. – С. 100, 124.
12. Попов, А.В. Лермонтов на Кавказе / А.В. Попов. – Ставрополь, 1954. – С. 158.
13. Данилов, А. Белорусские гусары / А. Данилов // Армия. Журнал Вооруженных Сил Республики Беларусь. – 2002. – № 4. – С. 54.
14. Давыдов, Д.В. Военные записки / Д.В. Давыдов // предисл. О. Михайлова. – М.: Воениздат, 1982. – 360 с.
15. Гиляровский, В. Пластуны / В. Гиляровский // КЭМПО (Боевые искусства вчера и сегодня). – 1994. – № 6 (22). – Минск. – 64 с.
16. Ф. 2007. Штаб походного атамана при Верховном главнокомандующем (1915 – 1917).

Родионов Александр Николаевич, *заместитель директора Института повышения квалификации и переподготовки кадров ГрГУ им. Я. Купалы, начальник военного факультета (2005 – 2010 гг.), полковник запаса.*

УДК 94(47).081.4(092 М.Д. Скобелев)

И.А. Отока

ГЕНЕРАЛ М.Д. СКОБЕЛЕВ И ШТУРМ ПЛЕВНЫ В 1877 г.

В статье рассматриваются наиболее героические эпизоды, связанные с участием генерала М.Д. Скобелева в русско-турецкой войне 1877– 1878 гг. Основное внимание уделено рассмотрению его военных заслуг в организации трех штурмов важного стратегического пункта – г. Плевны.

Ключевые слова: юнкер, академия, Генштаб, орден, русско-турецкая война, блокада, редут, маневр, генеральное сражение.

Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. дала множество примеров героизма и мужества российских воинов, полководческого таланта генералов русской армии. Одной из знаковых фигур этой войны был генерал М.Д. Скобелев.

М.Д. Скобелев родился 17 сентября 1843 г. в военной семье. В 1861 г. поступил в Петербургский университет, но вскоре семейные традиции взяли верх, и он подал прошение царю о зачислении его юнкером в кавалергардский полк. Так началась его военная служба. В 1866 г. М.Д. Скобелев, блестяще сдав вступительные экзамены, поступил в академию Генерального штаба. После ее окончания в звании капитана был зачислен в штат офицеров Генерального штаба. Далее он принял активное участие в завоевании Средней Азии. Звание полковника и орден святого Георгия 4-й степени М.Д. Скобелев получил после успешного осуществления Хивинского похода, а чин генерал-майора и орден святого Владимира 3-й степени с мечами вместе с орденом святого Георгия 3-й степени и золотой шпагой с бриллиантами с надписью «За храбрость» – в 32-летнем возрасте за войну с Кокандом [1, с. 86].

В апреле 1877 г. началась русско-турецкая война, в которой Россия пришла на помощь братским славянским народам Балканского полуострова.

Генерал М.Д. Скобелев участвовал почти во всех крупных боестолкновениях в ходе русско-турецкой войны: 25 июня 1877 г. – в разведке и занятии г. Белы, 3 июля 1877 г. – в отражении турецкой атаки на г. Сельви, 7 июля 1877 г. – в занятии Шипкинского перевала и др. Среди многочисленных сражений войны большое значение имели три штурма Плевны. В Плевне сосредоточились крупные силы турок во главе с Осман-пашой, корпусу которого в городе была

поставлена задача задержать русскую армию на пути к Стамбулу и Адрианополю для укрепления последних. Российские штурмы города по существу закончились неудачей, но после непродолжительной блокады Плевна все-таки капитулировала.

Русские войска 7 июля 1877 г. заняли подступы к Плевне, а с утра следующего дня начали ее атаковать. Наступление главных сил с севера вначале развивалось успешно, но вскоре было остановлено подошедшими резервами противника. Плевна осталась в руках турок [1, с. 159]. М.Д. Скобелев в первом штурме Плевны активного участия не принимал, но при этом обстоятельно изучил специфику штурма, причины неудач и сделал для себя важные выводы.

18 июля 1877 г. российское командование предприняло вторую попытку овладеть Плевной. Согласно диспозиции отряд генерал-майора М.Д. Скобелева должен был прикрывать с севера ударную группировку русских войск, состоявший из Кавказской кавалерийской бригады, одного батальона Курского полка и артиллерии. Ему была поставлена задача не подпускать к Плевне турецкое подкрепление из г. Ловчи. Развитие событий привело к тому, что в бою под Плевной отряд генерала Скобелева принял самое непосредственное участие, связав Осман-паше руки там, где он менее всего мог ожидать [3, с. 104]. Впервые за три месяца войны он выступил как командир отдельного отряда и показал свой военный талант.

Генерал М.Д. Скобелев в ходе данного сражения разместил свой авангард на трех гребнях Зеленых гор и с рассветом начал наступление. Это оказалось полной неожиданностью для турок. Артиллерийская перестрелка длилась около часа. Осман-паша понял, что русских на Зеленых горах немного и сбить засевших там будет нетрудно. Наступавших турок оказалось так много, что держаться против них было трудно. Видя невозможность борьбы, генерал М.Д. Скобелев отвел свой авангард на первый гребень и приказал открыть огонь из всех орудий. Положение русских войск стало еще более напряженным, когда из Плевны выдвинулось восемь отрядов, еще не бывших в бою турецких войск. М.Д. Скобелев приказал выдвинуть на третий гребень оставшиеся в его последнем резерве три с половиной роты [6, с. 103].

В это время турецкие отряды подошли уже совсем близко к защитникам позиции. Когда турки были рядом, генерал М.Д. Скобелев поднял стрелковую цепь и бросил ее в штыковую контратаку. Турецкие войска, не выдержав натиска, отступили в Плевну. Преследуя неприятеля, русские войска ворвались следом за ним. Толь-

ко там турки, поддержанные свежими отрядами, стали наступать. На улицах Плевны закипел ожесточенный бой, но силы оказались неравными, и русским пришлось отступить. Вскоре последовал приказ об отходе по всему фронту [2, с. 150]. Таким образом, и вторая попытка овладеть Плевной закончилась неудачей для русской армии.

Генерал М.Д. Скобелев сумел задержать неприятеля в восемь раз более многочисленного и сильного в течение 12 часов, имея в своем распоряжении преимущественно казачьи части. Тогда даже было высказано мнение, что если бы его поддержали, можно было бы выиграть сражение. По итогам второго штурма Плевны М.Д. Скобелеву, как генералу с выраженной творческой инициативой, было решено 22 июля 1877 г. дать отряд из 3 батальонов пехоты, 2 эскадронов и 22 орудий для самостоятельного действия [5, с. 190]. Это назначение имело для Скобелева огромное значение.

Далее последовал третий штурм Плевны. Как отмечал позже сам М.Д. Скобелев, у него не было более яркого и патетического момента, чем атака на плевненские редуты 30 августа 1877 г. «Я был до 30 августа молодым, а после 30 августа сделался стариком», – говорил он [6, с. 143]. Время штурма выбрали неудачно. Всю ночь 30 августа 1877 г. шел ливень. В 6 часов утра началась бомбардировка Плевны, а штурм назначили на 15 часов. Главным объектом атаки генерал М.Д. Скобелев избрал редуты Каванлык и Иса-Ага, названные позднее его именем. На рассвете началась артиллерийская подготовка.

В пять с половиной часов утра с занятого турками третьего гребня Зеленых гор раздались первые выстрелы. Вслед за этим из Плевны показались части османской армии. Несмотря на все усилия русской армии турки не отходили со своей высоты. Осман-паша в подкрепление своим воинам посылал все новые и новые подразделения. Наступать далее становилось невозможно. В этот момент перед полками появился генерал М.Д. Скобелев и двинул все подошедшие к третьему гребню части в атаку, приказав им, во что бы то ни стало сбить турок. Сблизившись с турками, русские кинулись на них со штыками наперевес – в итоге гребень был взят.

После этого генерал М.Д. Скобелев приступил к подготовке отряда для выполнения основной задачи – взятия двух турецких редутов, располагавшихся на юго-западной окраине Плевны [2, с. 155]. Генерал вскоре отдал приказ Ревельскому полку идти в атаку. После он отправляет в бой и последний резерв в составе пяти батальонов.

Когда успех боя колебался, а русские солдаты стали отступать, генерал М.Д. Скобелев «решил бросить на весы единствен-

ный оставшийся в его распоряжении резерв – самого себя... М.Д. Скобелев быстро доскакал до оврага, спустился, вернее, скатился к ручью и начал подниматься на противоположный берег» [5, с. 192]. Появление генерала, идущего на врага, подняло дух солдат. Скобелев не только воодушевил войска, но был впереди до конца, одним из первых добрался до редута. В рукопашном бою у солдат появилось сознание безмерной ценности этого человека, которого нужно охранять как символ, как знамя. Генерала насильно посадили на лошадь и вывели из редута [6, с. 163]. Высшее командование могло произвести перегруппировку сил и овладеть городом. Но оно этого не сделало, полагая, что штурм окончился неудачей.

После этого штурма генерал М.Д. Скобелев был признан героем, в том числе императором, наследником престола и великим князем-главнокомандующим русскими войсками на Балканах [3, с. 139]. За проявленный героизм и мужество его произвели в чин генерал-лейтенанта, наградили орденом Станислава I-й степени и назначили начальником 16-й дивизии.

В целом значение битв под Плевной, несмотря на многие неудачи, сложно переоценить. Они повлияли на ход всей военной кампании 1877 – 1878 гг. и способствовали победе в войне. Страстно и неутомимо, в это время, работала мысль М.Д. Скобелева над разрешением славянского вопроса. И никогда Россия не была столь близка к решению этой проблемы, как после победы в русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг.

Список литературы

1. Белый генерал / М.Н. Алексеев [и др.]; под общ. ред. Т.А. Соколова. – М.: Патриот, 1992. – 537 с.
2. Луканов, И. Русские под Плевной / И. Луканов // Звезда. – 1978. – № 3. – С. 134 – 159.
3. Носков, И.Д. Михаил Скобелев / И.Д. Носков. – М.: Новатор, 1997. – 490 с.
4. Приказы генерала М.Д. Скобелева // Информационное агентство «Белые Воины» [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: http://www.russk.ru/vst.php?idar=319360. – Дата доступа: 25.01.2009.
5. Семанов, С. Судьба Белого генерала – до и после кончины / С. Семанов // Наш современник. – 2001. – № 2. – С. 188 – 196.
6. Шолохо, А.Б. Генерал Михаил Скобелев / А.Б. Шолохо. – М.: Вуз и школа, 2002. – 408 с.

Отока Иван Анатольевич, *студент факультета истории и социологии ГрГУ им. Я. Купалы.*

УДК 94 (47)

Е.В. Кухарева

САН-СТЕФАНСКИЙ ДОГОВОР И БЕРЛИНСКИЙ ТРАКТАТ В СУДЬБАХ СЛАВЯН БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В статье рассматриваются основные положения Сан-Стефанского договора и документов Берлинского конгресса применительно к славянским народам Балканского полуострова. Освещаются некоторые действия российской дипломатии в условиях войны с Турцией. Акцентируется внимание на позициях российского МИД в период подготовки и проведения Берлинского конгресса.

Ключевые слова: договор, трактат, империя, султанат, дипломатия, конференция, посол, делегация.

Восточный кризис 70-х годов XIX в., связанный с внутренним состоянием Османской империи и политикой султанского правительства в отношении славянских и иных нетитульных народов империи, завершился русско-турецкой войной 1877 – 1878 гг. Эта война сыграла важную роль в судьбах многонационального населения Балканского полуострова и народов Кавказа. Она побудила Россию выступить с новой программой решения Восточного вопроса – требованием независимости балканских народов, ранее получивших автономию.

3 марта 1878 г. в местечке Сан-Стефано, расположенном в 12 верстах от турецкой столицы, на берегу Мраморного моря был подписан русско-турецкий прелиминарный договор, проект которого был составлен послом России в Константинополе графом Н.П. Игнатьевым с учетом требований болгар. Договор отразил успехи России в войне и одновременно победу балканских народов в их борьбе за свободу. Сан-Стефанский договор расширял территорию Болгарии по сравнению с границами, намеченными Константинопольской конференцией: в частности, болгарам передавалась значительная часть Эгейского побережья. При этом турецкие войска лишались права оставаться в пределах Болгарии. Для покровительницы турок – английской дипломатии – такое положение представлялось неприемлемым [1, с. 236].

Британское правительство опасалось, что, включив Болгарию в сферу своего влияния, Россия станет средиземноморской державой. Вдобавок новые границы Болгарии так близко подходили к

Константинополю, что проливы и турецкая столица оказывались под постоянной угрозой удара с болгарского плацдарма. Ввиду этого Сан-Стефанский договор встретил со стороны Англии резко отрицательное отношение. Столь же мало отвечал Сан-Стефанский договор и интересам Австро-Венгрии. В Рейхштадте и Будапештской конвенции от 15 января 1877 г. было установлено, что не будет допущено создание большого славянского государства на Балканах. Чтобы предупредить образование такого государства, Константинопольская конференция разделила в своем проекте Болгарию на две части по меридиональному направлению; Западная Болгария должна была войти в сферу австрийского влияния [2, с. 212].

Н.П. Игнатьев же не пожелал считаться с этими проектами. По его плану Болгария должна была стать единым государством, которое охватывало бы большую часть Балканского полуострова. Кроме того, Сан-Стефанский договор предусматривал полную суверенность Черногории, Сербии и Румынии, предоставление румынскому княжеству Северной Добруджи, возвращение России юго-западной Бессарабии, передачу ей Карса, Ардагана, Баязета и Батума, а также небольшие территориальные приобретения для Сербии, а Босния и Герцеговина должна была получить статус автономии [3, с. 210].

Вскоре после подписания Сан-Стефанского прелиминария Восточный кризис вступил в свою последнюю, заключительную стадию. Английское правительство, еще ранее заявлявшее, что всякое русско-турецкое соглашение, изменявшее условия договоров 1856 и 1871 гг., не может быть признано действительным без согласия других держав, возражало против условий Сан-Стефано. Вместе с Австро-Венгрией оно потребовало созыва конгресса для обсуждения статей прелиминария, ссылаясь при этом на обещание российского канцлера А.М. Горчакова вынести на общеевропейское обсуждение вопросы, затрагивавшие интересы Европы [4, с. 48 – 49].

Для правительств Запада цель конгресса, открывшегося в Берлине 13 июня 1878 г. под председательством германского канцлера Отто фон Бисмарка, сводилась к ликвидации побед России в русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг. и утверждению западноевропейских держав на Балканах и Ближнем Востоке. Одновременно с этим представители западноевропейских правительств и Порты добивались ослабления вновь созданных славянских государств на Балканах, прежде всего Болгарии. Россия отправила на конгресс канц-

лера А.М. Горчакова, посла в Лондоне П.А. Шувалова, посла в Берлине П. Убри.

Наибольшую полемику на конгрессе вызвал болгарский вопрос. Речь шла не только о границах, но и о статусе обеих частей Болгарии. Предложения русской делегации о предоставлении широких политических прав и автономии Северной и Южной Болгарии были отвергнуты представителями западноевропейских государств и Турции [5, с. 295]. Оказавшись на конгрессе в полной изоляции, русская делегация была бессильна отстоять условия Сан-Стефанского договора. 13 июля 1878 г., спустя месяц после начала работы конгресса, был подписан Берлинский трактат, основные решения которого оставались в силе до Балканских войн 1912 – 1913 гг.

Главная задача, ради которой западноевропейские державы и Турция настаивали на созыве конгресса, была решена. Конгресс изменил в ущерб южным славянам и России условия Сан-Стефанского договора. Трактат признавал независимость Черногории, Сербии, Румынии, в то же время границы Черногорского княжества были урезаны по сравнению с русско-турецким прелиминарием таким образом, что экономика Черногории и Сербии попадала в зависимость от Австро-Венгрии. Оно лишалось общей границы с Сербией (ликвидировалась крайне нежелательная для Запада потенциальная возможность создания сильного объединенного сербско-черногорского государства, находящегося под патронатом России), а, кроме того, Австро-Венгрия получала право «временно» оккупировать Боснию и Герцеговину, якобы для проведения демократических преобразований, держать там войска, строить железные дороги и т.д. Она становилась фактически хозяином западной части Балканского полуострова [6, с. 129].

Условия Берлинского договора ослабляли также контроль России над управлением Болгарии и выработкой конституции. Автономное Болгарское княжество, согласно Берлинскому трактату, включало в себя лишь северную часть болгарских земель. Южная Болгария оставалась турецкой провинцией, названной «Восточная Румелия» и получала лишь незначительную внутреннюю автономию. Западным странам удалось урезать не только на 2/3 территорию, но и права болгарского государства, создав препятствия для экономического, политического и культурного развития болгарского народа. Лишив Болгарию южной части Черноморского побережья, отходившего ей по Сан-Стефанскому

прелиминарию, они затруднили торговые сношения балканских народов с государствами мира.

Берлинский конгресс, явившийся победой англо-австрийского блока, не был залогом умиротворения. Он не решил Восточного вопроса. Борясь против усиления позиций России на Балканах, западные державы одновременно выступили против независимости балканских народов. И, тем не менее, учиненное в Берлине разделение болгарских земель не выдержало испытания временем и потерпело крах через шесть лет. В результате Балканских войн 1912 – 1913 гг. прекратила существование доктрина статус-кво – территориальной целостности Османской империи, – порожденная и поддерживаемая Лондоном и Веной.

Список литературы

1. Виноградов, В.Н. Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. и освобождение Болгарии / В.Н. Виноградов. – М.: Наука, 1978. – 420 с.
2. Восточный вопрос во внешней политике России к. XVIII – н. XX в. / редкол.: В.А. Георгиев (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1978. – 434 с.
3. Международные отношения на Балканах, 1856 – 1878 гг. / редкол.: В.Н. Виноградов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1986. – 414 с.
4. История дипломатии: в 3 т. / под ред. В.П. Потёмкина. – М.-Л.: Госсоцэкономиздат, 1945. – Т. 2. – 896 с.
5. Россия и Балканы: из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.) / редкол.: И.С. Достян (отв. ред.) [и др.]. – М.: Институт Славяноведения и Балканистики РАН, 1995. – 308 с.
6. Хрестоматия по истории южных и западных славян: в 3 т. / под ред. В.Г. Карасева. – Минск: Университетское, 1989. – Т. 2. – 294 с.

Кухарева Евгения Валерьевна, *студентка факультета истории и социологии ГрГУ им. Я. Купалы.*

УДК 1(47)(091)

В.Н. Черепица

ОТКЛИКИ «ЛИТОВСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» (1886 – 1888) НА КОНЧИНУ СЛАВЯНОФИЛА И.С. АКСАКОВА

Взаимоотношение славянофилов с Православной Церковью всегда вызывало неподдельный интерес исследователей. Однако и сегодня в изучении этой проблемы больше вопросов, чем ответов. Последнее особенно характерно для белорусской историографии. В этой связи представляется весьма актуальным рассмотреть вопрос об отношении к видному славянофилу И.С. Аксакову (1823 – 1886) со стороны православного духовенства белорусских епархий и его печатного органа «Литовских Епархиальных Ведомостей» (1886 – 1888). Исследование этого вопроса позволяет убедиться в том, что жизнь и деятельность И.С. Аксакова на ниве науки, просвещения, религии, благотворительности, публицистики и политики была чрезвычайно близка местному православному духовенству, что в последующем послужило основанием для создания в 1909 году на белорусских землях «Общества славянской взаимности».

Ключевые слова: епархиальные ведомости, славянофилы, печать, публицистика, литургия, панихида, духовенство, литературная критика.

Скоропостижная кончина известного литератора и общественного деятеля Ивана Сергеевича Аксакова, последовавшая 27 января 1886 года, привлекла большое внимание к жизни и творчеству не только всей русской, но и славянской периодической печати. Ряд газет и журналов тех дней были буквально заполнены некрологами, статьями и заметками, так или иначе имевшими отношение к личности этого человека. Большой интерес к И.С. Аксакову проявили и «Литовские Епархиальные Ведомости» («ЛЕВ»), выходившие в столице Северо-Западного края Вильно. Причин для этого было немало: православному духовенству края импонировала четкая позиция публициста, направленная на ослабление здесь польско-католического влияния и поддержку сближения народа Западной России со всей остальной частью страны; столь же близкой им была и позиция покойного по славянскому вопросу; большое значение при этом имели и личные контакты между И.С. Аксаковым и местными уроженцами – профессором-историком С.-Петербургской Духовной Академии М.О. Кояловичем и многолетним редактором «ЛЕВ», протоиереем Иоанном Котовичем.

Уже в очередном 5-м номере издания, вышедшего в свет сразу после получения известия о смерти публициста, в его «неофици-

альном отделе» была помещена статья, озаглавленная «Память Западной России об И.С. Аксакове», в которой, в частности, говорилось: «27 января в 7 часов и 30 мин. вечера не стало одного из лучших сынов России – Ивана Сергеевича Аксакова… С неподдельным глубоким чувством откликнулось православное население Вильны на горестное известие о кончине И.С. Аксакова. 28 января в 10 час. утра была совершена в Св.-Духовом монастыре заупокойная литургия, а после оной Преосвященным Алексием – панихида. В тот же день в Пречистенском соборе по почину частных лиц в 3 часа пополудни была совершена панихида в присутствии попечителя Виленского ученого округа Н.А. Сергиевского, городского главы Н.И. Рубцова, генерал-майора П.М. Смыслова, действ. статск. советника Станкевича и др. Панихиду совершил настоятель собора, протоиерей о. Иоанн Котович – редактор «Епархиальных Ведомостей» и законоучитель реального училища со священниками Григорием Бывалькевичем и Иоанном Берманом – законоучителем Виленского Мариинского женского училища.

30 января совершили заупокойные литургии и панихиды во всех городских приходских и монастырских церквах: сам же Преосвященный Владыка в сослужении с высшим местным духовенством совершил торжественную литургию и панихиду в Св.-Духовом монастыре в присутствии генерал-губернатора И.С. Каханова, попечителя учебного округа Н.А. Сергиевского, губернатора Н.А. Тревеница, вице-губернатора П.Г. Погодина, городского головы Н.И. Руб-цова, начальственных лиц разных ведомств и всего здешнего русского общества. Здесь же присутствовали и участвовали в общем церковном пении воспитанники и воспитанницы всех учебных заведений Вильны. Во время причастия протоиерей Иоанн Котович произнес Слово по новопредставленному рабе Божием Иване Сергеевиче Аксакове».

В напечатанном в этом же номере «Ведомостей» «Слове» отмечалось: «В эти дни вся Россия, весь славянский мир и все образованные люди, для которых любовь к правде, родине и славянству, русскому народу, православной вере и самодержавной власти не пустые фразы, а дух и жизнь, оплакивают его гроб и свежую могилу…». Говоря о том, что «заслуги и значение деятельности покойного для России и славянства будут еще в полной мере оценены потомками будущих времен», священник Иоанн, тем не менее, отметил непреложность трудов и деятельности Ивана Сергеевича «для подъема русского национального духа и возвышения право-

славия в Западно-Русском крае». По мнению пастыря, «стремление И.С. Аксакова к воскрешению духовного единства русских людей и всего славянства в возможной силе» базировалось на его огромной любви к «родной земле и родному народу». В этом своем стремлении он был «самым энергичным представителем славянофильства, активным проводником этого учения в руководимой им периодической печати. Честное, правдивое и независимое слово Ивана Сергеевича было направлено на служение России и славянству, и эту работу он ставил выше всего, до самоотвершения… Его верность русско-славянским идеалам, доказанная всей его жизнью, приковывала к нему сердца всего славянского мира; не только друзья, но и враги отдавали ему дань своего уважения…».

Основное внимание в своем «Слове» протоиерей Иоанн Котович уделил тому, за что его высоко ценили и любили в Северо-Западном крае. Речь шла о том, что он первым из русских общественных деятелей, бесстрашно встал на защиту запуганной и униженной русской народности и православной веры в здешнем крае». Отмечалось также то, что в канун восстания 1863 года, «когда русская печать и власть как бы сознательно отдали свой край полякам и костелу» появился литературный орган Ивана Сергеевича «День», который с откровенной прямотой и открыто исповедовал великий грех русского общества и русских ученых – забвение про существование Белоруссии, общерусских основ ее жития и подвига ее сынов; он прямо ставил вопрос, что здешний народ – русский народ – господин и хозяин той земли, которую поляки прославили Польшей и этой ложью заслоняли глаза русскому обществу; «День» же Аксакова убеждал белорусов – основных представителей народа в Западном крае, стряхнуть с себя в своем домашнем быту польскую речь и польские обычаи, как символы былого рабства и как преграду к воссоединению с остальной православной Россией; он взывал к русским деятелям ни на минуту не забывать великое значение своего призвания в стране сей – миссионерство русской народности и православия. Слова И.С. Аксакова, исходившие из глубины сердца, преданного России, зажигали сердца читателей и давали силу их мыслям и делам».

Подчеркивая, что Иван Сергеевич был человеком не только слова и языка, но дела и истины, автор «Слова» особенно отмечал, что «ратуя за нашу окраину, он призвал к участию в борьбе лучшие местные и общерусские силы в крае, вдохнул в них жизнь и любовь к своему народу; масса корреспонденций, ученых трактатов, каса-

ющихся истории и быта страны сей, находили сочувственный приют в его органе, который сотнями бесплатно он распространял среди духовенства и образованных людей. Оживление жизни в Западной России было тогда весьма велико: взоры мыслящих людей постоянно обращались к Москве, к Аксакову, что думает, что скажет он. Почти все проекты преобразований в крае или проходили через его руки, или же не чужды были его указаниям и косвенного влияния. Православные храмы, братства при оных и в частности здешнее Св.-Духовское, которого он был почетным членом, и церковные школы, находили в нем надежного помощника и деятеля. Он лично от себя делал для них пожертвования, записывался в число братчиков во многих приходах, призывал к тому своих близких, знакомых и сочувствующих его деятельности. Если чувствовал или видел вялость или боязливость в действиях местных деятелей, то просил, убеждал, одобрял. Многие десятки тысяч денег, массы книг и церковной утвари явились от него в пособие местным скудным средствам или же на покрытие этой скудности. Вот вкратце заслуги и значение незабвенного Ивана Сергеевича Аксакова для Западного края, главное же, чего не забудет история – это озарение сознания русских людей относительно западно-русской страны, ставшего теперь непоколебимым…».

Рядом со «Словом» Иоанна Котовича в «ЛЕВ» был опубликован некролог «Иван Сергеевич Аксаков», в написании которого повидимому также принимала редакция данного издания. В некрологе были обозначены главные вехи биографии И.С. Аксакова (рождение в 1823 году в семье известного писателя С.Т. Аксакова, учение в Императорском училище правоведения, служба в Министерстве внутренних дел, выход в отставку и начало занятий литературной деятельностью, участие в Крымской войне в составе Серпуховского ополчения и др.), однако большая часть этой публикации была посвящена общественной и публицистической деятельности Ивана Сергеевича, направленная на сплочение общерусских и славянских сил, редактирование им таких изданий, как «Московский сборник», «Русская Беседа», «Парус», «День», «Москва», «Москвич» и «Русь», служивших рупором его общественных и мировоззренческих устремлений.

Как обычно для такого рода публикаций в некрологе сообщалось о болезни, которая свела И.С. Аксакова в могилу: «Иван Сергеевич скончался на 63 году от рождения; его крепкое по виду сложение обещало ему долгую жизнь. Но в последние десять-двенадцать

лет он страдал довольно частыми приступами катара легких, от которого каждый раз освобождался довольно легко. Постоянно пользовал его в это время доктор В.И. Ельцинский, от которого и получены эти подробности. Иван Сергеевич имел незначительную легочную эмфизему, которая делала приступы его обычного простудного катара довольно тяжелыми. Сердце у него было здорово, сколько может быть здорово сердце, проработавшее, проволновавшееся шестьдесят с лишком лет. С очень давних пор, почти с молодости, он страдал геморроем, в последние три недели, как сказывают, у него открылись очень сильные кровотечения. Сверх того, у Ивана Сергеевича в гортани был над голосовыми связками, с левой стороны, нарост с вишню величиной. В здоровом состоянии он его не беспокоил и не мешал ему ни дышать, ни говорить, но в болезненном состоянии порой мог угрожать отеком гортани, который мягко присоединяется и к простой катаральной жабе. Ему предлагали сделать операцию, но он не согласился. Между тем напряженная работа давала себя чувствовать. В прошлую зиму по совету своего врача он прекратил свои занятия и в феврале уехал отдыхать в Крым. В августе он возвратился в Москву и с восстановленными силами снова принялся за обычную работу. События последнего времени сильно волновали его. И вот, также как в прошлом году, в январе возобновились его недуги. От потери крови в последние дни он заметно ослабел, но работать не переставал. В воскресенье он опять почувствовал себя хуже, и вечером ездил советоваться о своем положении к доктору Г.А. Захарьину. Возвратился от него Иван Сергеевич в 12 часов ночи, причем, чувствуя себя крайне утомленным, сразу же лег в постель. В три часа ночи он пробудился, и уснуть уже не мог, пребывая в каком-то сонливом состоянии. Весь день до рокового часа (7 часов пополудни) он был в полном сознании и говорил о следующем номере «Руси». Лишь за полчаса до кончины он почувствовал себя дурно и потребовал священника, исповедался и причастился Св. Тайн. Перед приходом священника Иван Сергеевич просил супругу читать вслух приветствие Архангела «Богородица Дево, радуйся» и повторял за нею священные слова. Близкие Ивана Сергеевича вскоре собрались в квартиру, где их друг был уже мертв» [1, с. 315 – 326].

В 6-м номере «ЛЕВ», в его неофициальном отделе была помещена телеграмма от епископа Литовского и Виленского Алексия (Лаврова-Платонова) на имя А.Ф. Аксаковой – супруги покойного: «Плачу с Вами о кончине великого славянина и истинного русского

гражданина. Великие дела, славная память, великая скорбь славянству и России! Да утешит Вас Господь. Сейчас совершил первую панихиду. Литургию и панихиду совершил 30-го числа, то же будет во всех церквах города Вильны. Будет поминать и вся Китовская православная церковь. Епископ Алексий». В другой телеграмме, отправленной 30 января из Ковно в адрес С.-Петербургского Славянского общества говорилось: «Кружок русских православных людей, глубоко чувствуя общерусскую тяжелую утрату в смерти Ивана Сергеевича Аксакова, присоединяется ко всем русским людям с выражением своего искреннего соболезнования. Сегодня будет отслужена панихида преосвященным Смарагдом». На телеграмме имелось множество подписей. Информационное сообщение из Гродно: «30 января после заупокойной литургии, совершенной одним из соборных священников, преосвященным епископом Анастасием вместе с соборным духовенством была совершена панихида в присутствии всей местной интеллигенции. Перед панихидой преосвященный произнес речь, которую почитатели памяти покойного И.С. Аксакова выслушали с глубоким вниманием».

Следует отметить, что и сегодня «Речь на поминовении Ивана Сергеевича Аксакова», сказанная епископом Брестским, викарием Литовской епархии Анастасием (Опоцким) в Гродненском Софийском соборе, воспринимается вполне в духе нашей современности, в духе тех задач, которые стоят перед Россией и всем славянским миром. И это дает нам право привести ее тут почти в полном объеме: «Мы собрались здесь помянуть скончавшегося три дня тому назад Ивана Сергеевича Аксакова. Нужно ли объяснять, что это за человек был? Его знает не одна Москва, его знала вся русская земля, весь славянский мир, и Европа знала этого замечательного русского человека как одного из славных носителей и лучших выразителей идеи братства всех славянских народов, как славянского борца за народные начала в русской жизни. В борьбе за эти начала он проявился как личность поистине светлая, как звезда своего рода, свет которой был путеводным светом, для ума русского человека и отрадой для его сердца. Знала Ивана Сергеевича и православная церковь, которую он чтил как верный ее сын, который служил как может служить церкви просвященный мирянин, ревнующий о ее благосостоянии. Все эти качества покойного Ивана Сергеевича Аксакова были особенно оценены в наше смутное время, которое переживал не только весь славянский, но и русский мир.

Когда мусульманство давило православных славян, кто тогда сильнее Аксакова мог сказать слово за угнетенных? Кто живее его мог пробудить родственные к ним чувства и христианское сострадание? Кто лучше его мог выяснить значение братского союза между славянскими племенами для их настоящего и будущего? Он был своего рода пророком в славянском мире, пророком и утешающим, ободряющим страдания славян, и сильно обличающим неправды Западной Европы, хищные устремления ее лукавой политики, ищущей наживы в землях славянских, облитых кровью. И вот не стало этого пророка, замолкли вещие уста, говорившие такие речи, которые трогали и жестокие сердца!

Когда нашу Русь обуяло какое-то недовольство всем своим родным: когда у нас стали без разбора, огулом хулить все свое русское, не отличая притом хорошего от худого, когда это недовольство у многих развилось до неспособности замечать в окружающей жизни и выдающихся явлений добра и дошло до страсти раскрывать только язвы русской жизни, находить какое-то удовольствие в самопожирании, когда наши русские поклонники Запада возревновали о пересадке на русскую почву иноземного и с пренебрежением к своему родному русскому, как к чему-то отжившему и нездоровому, стали искать спасение во всякой иноземщине: кто тогда тверже Ивана Сергеевича отстаивал русское национальное достоинство? Кто трезвее его смотрел на русскую жизнь, – вернее отличал в ней хорошее от дурного, здоровое от больного и отжившего? Кто живее его мог изобразить ту уродливость, которая появилась в русской жизни от насильственных приставок к ней чужеземного, несвойственного духу русского человека? Кто убедительнее Ивана Сергеевича мог говорить о значении национальных начал для русской жизни, об уважении к святым завещаниям ее истории? Кто выразительнее его мог высказать думы русского человека, его радости и скорби в важные исторические моменты, которые мы переживали? Кто-то, не помню, высказал такую мысль, весьма вескую для оценки Аксакова: «Я чувствую себя русским человеком и довольствуюсь тем, что я русский вот в каких случаях: когда в церкви слышу древнецерковную мелодию священных славянских песнопений, когда слышу в широком поле задушевную русскую народную песню, и когда читаю речи Аксакова о наших русских делах». И вот не стало русского народного оратора, умевшего гармонически соединять в своей речи общечеловеческое с национальным, церковное с житейским, не стало русского народно-

го трибуна-златоуста! Кто же идет в замену ему, на его опустевшую кафедру? Не видно… Кафедра его, известная всем «Русь», кажется, навсегда опустела с той минуты, как сокрушилось и перестало биться навсегда сердце вещавшего на ней народного вития.

Когда у нас на Руси научились красноречиво говорить и писать; когда для многих чтение стало не школой для мышления и приобретения полезных знаний, а только приятным развлечением, убивающим способность серьезно думать об окружающей нас жизни; когда при том книгу мы возвели в должность главного руководства в жизни; когда мы привыкли вычитанные чужие мысли выдавать за свои собственные; когда таким чтением привыкли к фразе и научились искусству прикрывать его собственный образ мысли и чувств или отсутствие их; когда у нас развилась обширная торговля печатным словом об общественных делах, причем открылись мелочные лавки, где наравне с литературным хламом, нередко изменчески продается и святая правда за рубли и копейки. Тогда по правде ли, становится величайшею драгоценностью – слово, глубоко обдуманное, выношенное в уме, самостоятельно и заботливо помышляющем об общем благе, и в сердце, горячо любящим родину, – слово серьезное, правдивое, честное. Такое слово особенно ценно бывает, когда события, касаясь ложных общественных интересов, возбуждают в народе заботливые думы, глубоко затрагивают его чувство, а между тем вожди общественной мысли либо неискренне фразируют, либо вяло и темно толкуют, не давая серьезного, искреннего и сильного слова. Вот в такие-то моменты часто слышалось: «Что-то скажет наш Иван Сергеевич Аксаков?». И он говорил в подобные моменты такое слово, для которого нужно умение не только говорить правду, но и мощное гражданское мужество. И вот не стало этого самобытного, искреннего, правдивого писателя и мужественного гражданина, которого уважали и враги его!

Когда у нас усилился обычай браться за науку – не столько для того, чтобы образовать из себя человека, мыслящего и чувствующего истинно по-человечески, сколько для того, чтобы добиться права на известное положение с удобствами, когда самое образование получило у многих характер выучки для обыденных практических целей; когда в образовании многие стали более ценить выгодные специальности, предпочитая их общему образованию; когда специальность для многих, посвятивших ей себя стала тем же, чем, например, стал для плотника топор: тогда у нас разве-

лось множество специалистов, следующих в своей узкой области знаний, но не имеющих того, что называется образованием в высшем, христианском смысле этого слова. Образование, понимаемое в таком смысле непременно предполагает у человека истинно образованного цельное и правильное мировоззрение с определенными понятиями по главнейшим вопросам жизни и бытия; а такой-то основы образования и нет ныне у многих долго учившихся разным специальностям. Эта ученая дробность в наше время весьма усилилась и часто доходит до умственной и нравственной легкости, которая и сама себе не может дать отчета, какого мировоззрения держится она; а между тем она даже и гордится иногда тем, что не имеет никакого определенного мировоззрения, признавая отсутствие этой основы образования за лучший признак здравого ума с «реальным направлением»! Таких людей у нас теперь очень много. С ними можно прожить годы и не узнать: во что они веруют, что составляет заветную святыню их души? Это личности безличные, это умственные и нравственные потемки. Среди такого темного безличия отрадно встретить личность светлую и по образу мыслей, и по образу жизни, с определенным мировоззрением, с верно намеченными целями жизни, что бывает только у разумно верующего христианина. Такою поистине светлою личностью и был Иван Сергеевич Аксаков. Это был истинный христианин, не стыдившийся признавать православную церковь своей матерью, тогда как весьма многие из современных так называемых образованных людей признают, как бы недостойным образованного человека веровать и жить по-церковному. Для многих из таковых – придти в церковь значит не то, что исполнить свой святой долг, а сделать как бы уступку общему и старому обычаю, сделать снисхождение и как бы одолжение кому-то. А Иван Сергеевич считал за счастье и величайшую честь принадлежать православной церкви и служить ей словом и делом. Следы своего служения он оставил и в здешнем крае: он был одним из величайших ревнителей укрепления православия и русской народности в этой стране в ту пору, когда она была взволнована известным мятежом. Мы помним это время, когда Аксаков с ревностью, достойной истинного христианина и гражданина, служил благу этой страны. Его «День» изгонял отсюда мрак иезуитства и полонизма, воодушевлял нас к борьбе с ними. Вот какого человека потеряла русская земля. Помолимся, братья, и да успокоит Господь душу раба своего Иоанна в царствии небесном…».

Здесь же, в 6-м номере «ЛЕВ» давалось «Краткое описание перевезения тела и погребения И.С. Аксакова»: «К 9-ти часам утра 31 января (1886 года. – *В.Ч.*) в квартиру покойного собрались представители администрации, высшего московского общества, интеллигенции и печати; среди присутствующих находился и сербский воевода Пеко Павлович. После литии, отслуженной преосвященным Михаилом (Крыловым. – *В.Ч.*) последовал вынос тела. Гроб на руках вынесли близкие Ивану Сергеевичу люди – известные литераторы и Пеко Павлович. Во главе процессии вместе с епископом Михаилом следовало московское духовенство. За ним шли москвичи с образами святых православной церкви в знак глубокого уважения к памяти покойного. По пути процессии, проследовавшей по Волхонке и Моховой на Никитскую улицу, в университетскую церковь, стояли огромные массы народа. У церкви гроб был установлен на катафалк, на который было положено до семидесяти венков, установлена роскошная хоругвь от петербургской печати. Заупокойную литургию и панихиду совершили преосвященный Михаил, протопресвитер Сергиевский и университетское духовенство. Отдать последний долг Аксакову пришли многочисленные депутации, генералитет, профессора, представители общественных учреждений, печати, учащаяся молодежь. К отпеванию прибыл московский генерал-губернатор. Профессор богословия протоиерей Иванцов-Платонов и протопресвитер Сергиевский произнесли глубоко прочувственные речи.

После отпевания печальный кортеж тронулся по Моховой, через Охотнорецкую, Театральную и Лубянскую площади и Мясницкую улицу к вокзалу Ярославской железной дороги сквозь сплошные людские шпалеры по обеим сторонам пути. В 3 часа 20 минут процессия прибыла на вокзал, после чего гроб с покойным был поставлен в траурный вагон, куда были сложены все венки. После литии, отслуженной на платформе, духовенству и приглашенным лицам была предложена трапеза. В 4 часа 55 минут экстренный поезд из 14 вагонов, снаряженный Мамонтовым (Саввой Ивановичем, крупнейшим промышленником и меценатом. – *В.Ч.*) и заполненный сопровождающими останки покойного, отошел в Троице-Сергиевскую лавру. После отхода поезда оставшиеся на платформе пропели «Вечную память». Похоронами распоряжались А.А. Киреев, Д.Р. Самарин и князь Щарбатов.

Экстренный поезд с телом Аксакова прибыл в Сергиев Пасад в 6 час. 55 минут. После панихиды, совершенной иеромонахом Пал-

ладием, Сергиепосадский голова Амфитеатров в краткой речи выразил свое соболезнование великой для России потери. Траурная процессия заняла весь путь от станции железной дороги до Лавры. До утра прах был поставлен в затрапезной церкви преподобного Сергия Радонежского. Затем началось всенощное бдение, которое совершил наместник Лавры архимандрит Леонид, окончившееся в 10 часов вечера.

В 8 часов утра (1 февраля. – *В.Ч.*) над гробом И.С. Аксакова была отслужена ректором местной академии панихида; студенты академии возложили на гроб венок. После окончания панихиды был совершен вынос икон, гроба и огромного количества венков и живых цветов в сопровождении массы друзей, знакомых и почитателей покойного. Когда завершилась лития, начались речи. Выступили с чувством глубокой горечи и сострадания: М.Г. Черняев, Горский-Платонов, Ф. Миллер. Крестьянин-корреспондент (фамилия не указана. – *В.Ч.*) «Руси» горячо говорил о значении идей Аксакова для простого народа. Стихи, посвященные памяти покойного прочитал сверстник-одноклассник усопшего Дубовский. После предания праха Аксакова земле ленты с венков были сняты и переданы вдове. Венки прикрыли свежую могилу».

Помещались в виленском православном органе и отклики на похороны И.С. Аксакова: «Столичные газеты приводят текст надгробного слова М.Г. Черняева (военного и общественного деятеля, генерал-лейтенанта, командовавшего в 1876 году сербской армией. – *В.Ч.*): «Мы сказали последнее «прости» Ивану Сергеевичу Аксакову, но не скоро еще уляжется на Руси скорбь о его кончине, потому что смерть его не есть только горе семейное, горе частное, но есть горе общее, горе всей семьи народной…». «Современные Известия» вышли в траурной рамке и провожают почившего прочувственным воспоминанием дней юности, и приветствуют единодушие петербургской печати в ее выражении скорби. Большинство других газет поместили стихотворения и заметки по случаю погребения Аксакова. Сообщенные «Русским Курьером» слухи о том, что издание «Руси» будет продолжено Самариным, неверны. Здесь же помещены депеши Его Величества Государя Императора, Его Величества Николая Князя Черногорского, митрополита Сербского Михаила, епископа Литовского и Виленского Алексия, а также письмо А.С. Хомякова. Вдова покойного (А.Ф. Аксакова, урожденная Тютчева. – *В.Ч.*) намерена поселиться в Троице-Сергиевой лавре и заняться изданием произведений и

громадной переписки почившего, сохранившейся большей частью в порядке» [2, с. 45 – 51].

Особое место на страницах «Литовских Епархиальных Ведомостей» отводилось творческому наследию И.С. Аксакова. В 7-м номере издания по инициативе его редактора, протоиерея Иоанна Котовича было опубликовано обращение известного публициста к православному духовенству края в годы восстания 1863 года. Этому документу предшествовала заметка редактора, озаглавленная «Завещание Ивана Сергеевича Аксакова западнорусскому духовенству». Такое заглавие, – писал Иоанн Котович, – мы осмеливаемся поставить во главе этой заметки вполне обоснованно. По неизвестной нам причине этот документ не был в свое время помещен на страницах «Литовских Епархиальных Ведомостей», однако кроме напечатания в газете «День», Иван Сергеевич выпустил это завещание отдельными оттисками на больших листах, которое сотнями распространялось среди местного духовенства и несомненно сыграло свою положительную роль в формировании правильного отношения к явлениям и событиям того времени. В видах общественной пользы мы решились напечатать оный документ в дни прощания с великим патриотом и гражданином земли русской. Редакция надеется, что после прочтения этого завещания, мы не услышим больше нареканий на недостаток патриотизма в нашем духовенстве, на его двоедушие и холодность к истинным интересам края».

Ниже было помещено само завещание под заголовком редакции «Дня» – «Из Москвы к православным белорусам не из крестьян, а преимущественно к белорусскому духовному сословию (1863)». Обращение начиналось со слов: «Мы виноваты перед вами: простите нас. Последние события раскрыли нам глаза, ослепленные польской ложью, а вместе с тем раскрыли всю бездну нашей вины. Мы, русское общество, как будто забыли про существование Белоруссии; мы долго, долго коснели в неведении о той глухой, безвестной, но тем не менее достославной святой борьбе, которую вели белорусы за свою народность и веру – с могучими, сильными, искусными и богатыми, со всех сторон окружавшими их врагами – польщизною и латинством. Какие высокие подвиги совершило ты, белорусское духовенство – бедное, угнетенное, серое, лишенное всякой поддержки общественной и государственной, – подвиг долготерпения и мученичества. Ты старалось уберечь и поддержать в народе до лучших времен, – сквозь все превратности истории и

насильственно наложенную унию, – предания православия и память о единстве со всею великою Русью… И ты уберегло и поддержало: лучшие времена настали, и оправдывается божественное слово: «претерпевший до конца, той спасен будет».

Поистине ваши подвиги беспримерно велики, хотя творились они в тишине и во мраке, без блеска и треска, без тех громких рукоплесканий, в которых приемлют себе земную мзду за геройские подвиги своего алчного патриотизма – ваши угнетатели-поляки. Ваша борьба была тем труднее, что вы боролись честным оружием духа, шли нравственным христианским путем к чистой цели, тогда как враги ваши – по иезуитскому правилу, что цель оправдывает всякие средства, – противополагали вам адские козни и ухищрения. Ваша борьба была еще тем труднее, что все богатое, мощное, владеющее землею сословие, ваша русская знать и русская шляхта соблазнились выгодами власти, прельстились на житейские удобства и почести, и продали за них православие и русскую народность. Они ополячились, окатоличились; они, как это всегда бывает с отступниками, стали самыми злыми врагами народа и его веры – и, тем не менее, вы духовным мечом отстояли Русскую землю… Хвала вам по всей России! Только теперь вполне начинаем мы здесь признавать всю меру добра, свершенного вами, все достоинство ваших дел, – благословляем вас и посем, вам дань нашего братского сочувствия и участия.

Премудрость Божия послала ныне Белоруссии ряд испытаний, которыми как из горнила, искушаясь и очищаясь, белорусский народ возрождается к новой жизни. Он в первый раз выступил на поле истории, как исторический деятель; он явил себя миру в первый раз, как народ, – *Русский* народ, – *господин и хозяин* той земли, которую поляки всюду прославили Польшей, и ничто и никто отныне не отнимет у него этой чести. Польский мятеж обличил врага, которого Россия, из благодушия, пригревала у себя на груди, обнаружил перед целой Россией и всем светом коварство, дерзость и презрение к Русскому народу польского или ополяченного дворянства, и возбудил законную месть народную. Настоящие события – это как бы *баня паки бытия* для Белоруссии, по выражению Апостола; это ее крещение в новую общую с Россией, духовную и гражданскую жизнь, крещение – к невинной крови зарезанных поляками крестьян, замученных и повешенных поляками священников Белорусских – Прокоповича, Копанасевича, Рапацкого, дьячка Иозефовича, учителя Смольского и многих других! Отныне уже не пано-

вать над вами гордой польской шляхте, наглым польским официалистам и мелкой польской чиновничьей челяди! Пусть их уберутся к себе домой, в Польшу. Отныне Русская земля должна стать Русскою во всех проявлениях своей жизни, чтобы не было польского духа ни слыхом не слыхивать, ни видом не видать!... Спешите же изгладить последние признаки польского господства в вашей несчастной стране, залечить общественные раны, нанесенные вам польским гнетом, и так укрепить духовные силы вашей народности, чтобы и мысль о былой когда-то здесь Польше не могла взойти на сердце поляку.

Мы должны помочь вам указанием на те ваши раны, которые нам виднее отсюда со стороны. Русские, путешественники, посетившие ваш край из братского участия, передали нам про одно явление в быту духовенства и вообще православной русской среды, стоящей в общественном положении и по образованию выше простого народа, которое, не скрываем, нас смутило, огорчило и оскорбило. Мы разумеем здесь то, что в ваших школах, училищах и православных семинариях (было, да безвозвратно исчезло. – *Редакция «ЛЕВ»*) – учащиеся говорят между собой не иначе, как *по-польски!* Мало того: семейный домашний язык православных русских священников – польский; жены, сестры, дочери русских священников не употребляют другого языка, кроме польского… Они не дают себе труда (да и можно ли винить их, коли мужья, отцы и братья о том не заботятся?) выучиться по-русски, а белорусское наречие презирают, как хлопское. Они молятся Богу в православных русских церквах по польским молитвенникам! Правда ли это – хочется невольно спросить, но к несчастью, и спрашивать нечего: мы знаем, что это правда, – правда нам русским, в позор, а полякам в радость и утешение!

Мы, впрочем, не виним вас; мы знаем, что вам в течение столетий отделенных от России, невозможно же было развивать у себя русскую речь, когда язык общественной высшей, образованной среды был и есть язык исключительно польский, а местное народное наречие не в состоянии служить выражением для всех оттенков образованной мысли. Мы знаем также, что молитвенники польские употребляются у вас потому, что вам неоткуда взять русских, что плохая организация русской торговли духовными книгами не в состоянии удовлетворить народной потребности в этих книгах, что польские священники чуть ли не вдесятеро дешевле русским. Все это так. Но мы вправе ожидать час, и именно теперь усилий в борьбе,

работы над своими историческими привычками и стремлений высвободиться окончательно из-под польского духовного гнета во всех смыслах и отношениях. Посудите сами: можете ли вы называться представителями русской народности (а других она там и не имеет), если вы в ваших семействах избегаете русского языка и говорите на польском? Какого уважения и доверия можете вы ожидать от местного русского народа, если вам ближе, роднее и сподручнее язык врагов его веры и народности? Каким образом, можете вы уверить поляков, что ваш край не Польша, а Русь, когда вы, вожди и пастыри русского народа, вы, священники, отреклись от русской речи в своей общественной жизни? С тех пор как Белоруссия соединилась с Россией и завелись православные семинарии, в которых все предметы преподаются на русском языке, скажите сами, можно ли чем иным объяснить такое рабство пагубной для вашей народности привычки к польскому языку, как духовной ленью и нерадением? Впрочем, упрек наш обращен преимущественно к молодым людям, воспитавшимся и воспитывающимися в семинариях: старые священники, не учившиеся в этих заведениях, и их семейства, равно как и женщины духовного сословия, лишенные средств к образованию, могут еще быть извинены в том, что не знают другой речи, кроме польской; но молодые люди, вполне знакомые с русским языком, слушающие русские лекции и отвечающие в классах устно и письменно по-русски, не могут быть ничем оправданы в употреблении из своей среды польского разговора. Или вы не понимаете, какой страшный вред наносите вы тем русской народности? Или вашему чувству не претит делать польский язык орудием русской мысли, выражением русского чувства? Или вы не разумеете как безобразно, как неприлично вам польской речью осуждать незаконные притязания Польши, отстаивать права русской народности? Или не ясно нашему уму, если не сердцу, что, продолжая говорить по-польски, вы признаете, вы утверждаете сами за польским языком такое право общественности, которое, по мнению поляков, дает им самое законное право и на обладание всей вашей страной? Вы сами, упорствуя в этой начальной привычке, куете на свое порабощение оружие полякам, сами попираете свою духовную независимость!

Вы должны разучиться говорить и писать по-польски; польский язык должен быть вам противен, как язык угнетателей вашей народности и веры, как преграда к воссоединению вашему с остальной православной Русью, как символ позора и рабства – для вас, –

победы и торжества для поляков. Польскому языку место в Польше, а не в Руси. А разве Белоруссия не Русь, разве она Польша?

Одушевитесь же все, все без различия пола и возраста, истинной, плодотворной любовью к вашей народности! Как вера без дел мертва, так мертва и любовь к народности, если не сопровождается делами… Прокляните уста ваши, если они обрадуют поляков звуками польской речи, как проклинали уста свои евреи, в прекрасном псалме Давида, если они споют песнь на радость врагам Израиля! Наложите на себя обеты, обяжите себя крепкими узами друг другу данного слова, подчините себя взаимному наблюдению за взысканиями, назначьте себе сроки, работайте, усиливайтесь, трудитесь над искоренением следов латинства и полонизации. Пусть русская девица, не выучившаяся говорить по-русски, не найдет себе жениха между вами, пусть русский, употребляющий вместо русского польский язык, изгонится из вашего общества и лишится друзей. Стряхните с себя дремоту, вялость, дряблость, весь сор и пыль, наметенный на вас историей, и вспомните, наконец, ваше призвание теперь в вашем крае – есть миссионерство русской народности и православия. Дела вам много, так много, что есть к чему приложить всем, и не старым еще людям, свои силы – и такого дела, к которому одинаково призваны и мужья, и жены, и юноши, и девицы!

Если в наших словах есть что-либо резкое, то просим вас простить нас и не оскорбляться: они внушены нам любовью к вам, к вашему краю, и, наконец, опасением, что распространившаяся молва о вашем пристрастии к польскому языку не охладила к вам сочувствия простых людей в России, не остановила горячих порывов только что раскрывшегося братского сердца. Сделайте же так, чтобы русские путешественники через какие-нибудь полгода или год, не могли уже смущать русское общество известиями, которые и подали повод к нашему братскому посланию. Редакция газеты «День», ее сотрудники и все сочувствующие с нею. Москва, 22 июля 1863 г. [3, с. 81 – 86].

«Завещание» И.С. Аксакова, опубликованное в 7-м номере «ЛЕВ» вызвало глубокий интерес в среде белорусского православного духовенства: в адрес редакции стали поступать в большом количестве письма-отклики на опубликованный спустя много лет документ. Данное обстоятельство подтолкнуло редакцию поместить в «Неофициальном отделе» 15-го номера издания другой не менее интересный документ – «Письмо Ивана Сергеевича Аксакова к Высокопреосвященному Иосифу Митрополиту Литовскому

и Виленскому». В преамбуле к «Письму» от имени редакции сообщалось: «В 7-м номере «Лит.Еп.Вед.» напечатано достойное всякого внимания завещание приснопамятного И.С. Аксакова западнорусскому духовенству. В настоящем номере мы имеем возможность напечатать и его письмо к знаменитому западнорусскому деятелю митрополиту Иосифу по поводу того же завещания. Необинуясь причисляем это письмо к одному из выдающихся произведений почившего Ивана Сергеевича, в котором ум, сердце и ясновидение народного дела и данной исторической минуты сказались с обычной правдой и силой в простой форме письма. Ред.». Вот текст этого письма: «Громадность дела, свершенного Вами, жива, что когда-либо сознается теперь всею Православною Русью… Не только в церковных и светских летописях, но и в неумирающей памяти народов, имя Ваше будет благословляться, как имя духовного возродителя Западнорусского края. А возродивши ее духовно, Вы уготовили и истинное гражданское возрождение белорусского народа.

Посеянное Вами возрастет ныне истинным плодом. Ныне обличилось со всей яркостью правды, что если бы в 1839 году не свершилось воссоединения униатов, край, заявивший себя теперь перед всем миром краем русским и православным – может быть к 1863 году был бы уже окончательно окатоличен и ополячен. Ваше Высокопреосвященство, Вы первым положили начало духовному, нравственному развитию и просвещению края и в насажденных Вами учебных рассадниках воспитали и образовали деятелей белорусских – духовных и светских. Благодаря им, общественное сознание в Срединной России просветилось ныне вполне насчет Белоруссии, и отовсюду, с Севера и Юга, даже из отдаленной Восточной Сибири несется дань братского сочувствия и любви к белорусскому духовенству и народу. Этому делу сближения Западнорусского края с остальной Россией, служу и я, по мере моих сил и способностей, своей газетой «День».

Пусть гражданские и духовные власти исполняют свое призвание в пределах, им предназначенных, но пусть и Русское общество поддерживает благие начинания власти своим свободным сочувствием, своей непринужденной, неофициальной, чисто общественной деятельностью.

С этой целью и в этом смысле написано от имени всех русских, которым газета «День» служит органом, «Послание к белорусскому духовенству», которое напечатано в 30-м номере «Дня» и

которого три экземпляра я имею честь представить Вашему Высокопреосвященству. Я не считаю себя вправе действовать, хотя бы только словом увещевания, относительно Литовского православного духовенства, помимо и без ведома Вашего, но, не желая придавать моей деятельности, чисто общественной – характер официальный, я приму меры для распространения этого послания неофициальным путем, если мне будет допущено.

Уместно ли оно или неуместно, полезно ли или бесполезно, не могу судить, но вполне убежден, что оно безвредно и надеюсь, что во всяком случае и Ваше Высокопреосвященство как и все духовенство края взглянете на это «послание», как на дело искренней братской любви, преданности Православию и Русской народности.

Испрашивая себе Вашего Архипастырского благословения, с чувством глубочайшего уважения, имею честь быть Вашего Высокопреосвященства всепокорнейшим слугою Иван Аксаков, редактор газеты «День». Августа 2-го 1863 г. Москва [4, с. 11 – 14].

В вышеупомянутом 6-м номере «ЛЕВ» были напечатаны «Несколько слов об Иване Сергеевиче Аксакове», произнесенных его ближайшим другом – западнобелорусом М.О. Кояловичем перед студентами С.-Петербургской Духовной Академии сразу после панихиды, произведенной в академической церкви. Содержание этого выступления было значительно шире того, что было вынесено в заголовок публикации, ибо в нем М.О. Коялович выразил свое отношение не только к покойному, но и к драматической судьбе и других представителей славянофильства: «Упал третьего дня старый, но казалось надолго еще могучий русский, величественный дуб – Иван Сергеевич Аксаков. Склонилась безжизненно дорогая голова этого необыкновенного ратоборца за русскую и славянскую жизнь, пораженного в сердце не одним телесным недугом, но и жестокою нравственной болью о современных невзгодах русско-славянского мира».

Как ни привыкли мы к тому, что у нас замечательные люди преждевременно погибают и что, следовательно, русскому человеку тяжело живется на русской земле, но и при всем том нельзя не признать, что особенно поразительна судьба в наши времена почти всех главных представителей той литературной и общественной нашей среды, которой самым чистым выразителем был до вечера 27 числа настоящего месяца Иван Сергеевич Аксаков.

Н.А. Милютин – устроитель по чисто народным, славяно-русским началам жизни польской земли, загубленной польской шлях-

той и польскими ксендзами, поражен безнадежным ударом после того, как повелел в нашем высшем государственном учреждении пагубный наш конкордат с папой 1847 года.

Друг и сотрудник его князь Черкасский сражен тифом в Болгарии, почти ввиду готового было нам сдаться Царьграда и при заключении славного Сан-Стефанского договора, поруганного потом, как известно, Берлинским конгрессом.

Друг и сотрудник их обоих Ю.Ф. Самарин неожиданно погиб на чужбине, в Берлине, от руки немецкого хирурга, некстати и несчастливо сделавшего небольшую операцию.

Близкий им всем, необыкновенно даровитый и образованный Гильфердинг поражен тифом в Каргополе на пути к вторичному изучению на севере России драгоценных остатков нашей былинной древности.

Старейший всех их славянофил А.Н. Попов, автор многих изысканий и о Западной России и о панстве, и о людях 12 года, поражен среди необыкновенной работы по этому последнему вопросу параличом, прекратившим и умственную, а вскоре и физическую его жизнь.

Недавно разорвалось сердце цветущего силами и здоровьем известного славянофила-мыслителя и естествоиспытателя Н.Я. Данилевского среди новой его громадной работы по вопросу о дарвинизме.

И безграничное самоотвержение погибавших и губительные стихии природы приготовляли это в нашей современности слишком частое, почти непрерывное погребальное славянофильское шествие; но едва ли в такой же мере приготовляли его и разные стихии нашего общества, разрушительно действующие на все русское, особенно в наши последние времена, и даже как бы уже провозглашающие: vae victis! И до смерти Ивана Сергеевича раздавались надменные голоса о смерти славянофильства, и даже на второй день после его смерти, в органе соединенных сил жидовских и русских либеральных – некролог об Иване Сергеевиче закончен крайне лживым и крайне неприличным заверением о потере им будто бы значения в славянском мире, а в ближайшее время нет сомнения, часто будет вестись речь о том, что умер последний сильный славянофил, и с ним умерло само славянофильство.

Если бы это мнение было верно, то нужно было бы думать, что теперь свободно без нравственных стеснений будет гулять всякое западничество по широким русским долам и по гористым изви-

линам западно- и южнославянского мира, и все самобытно-русское и славянское будет беспрепятственно оскорбляемо и унижаемо, и по указаниям отдаленным – иноземным, и по ближайшим жидовско-польско-немецким. Но этого никак нельзя считать верным и этого никак нельзя думать.

Иван Сергеевич Аксаков – вернейший и чистейший выразитель славянофильских воззрений – не был лишь проповедником старых славяно-русских начал жизни, о которых так смело думают, что им уже не воскреснуть, т.е. будто бы они не живут в русско-славянском народе и будто уже мертва русско-славянская интеллигенция для их восприятия. Он был еще более вещим глашатаем того русско-славянского будущего, когда русские и славянские люди, настранствовавшись и помучившись на распутьях западноевропейской жизни, станут задумываться, приходить к своему народному самосознанию и собираться воедино для дружной самобытной работы, крайне нужной и для славянства, и для мировой цивилизации, самозабвенно приписываемой себе современной Западной Европой. Нельзя думать о падении дела Ивана Сергеевича Аксакова и просто потому, что такая сила самобытной земли и высокого подвига жизни не умирает, а создает и выдвигает последователей и продолжателей.

Об этом, надеюсь, свидетельствуют и ваши, господа, восприимчивые к добру и истине сердца и умы. Об этом теперь, без сомнения, внушительно свидетельствует старая, но всегда богатая мощными силами Москва, собирающаяся теперь пока в молчаливом, но красноречивом своем величии погребать своего достойнейшего гражданина и общерусского твердого стоятеля за православие, за Русь, за славянство, и невольно заставляющая теперь все нерусское в ней чувствовать тягостное уединение.

Нет сомнений, что и во всей России и во всем славянском мире немного найдется таких оскудевших внутренней силой мест, где бы не дрогнули русские и славянские сердца при известии об этой неожиданной и тяжкой утрате и не вызывала глубоких дум о России, о славянском мире.

Вы, господа, конечно, имеете уже немало сведений об Иване Сергеевиче Аксакове, как писателе, как общественном деятеле, еще больше их получите в эти дни, и достаточно имеете образования и развития, чтобы перед вами мог обрисовываться ясный образ этого дивного русского человека. Перед вами теперь, без сомнения, выступает со всей ясностью, то служение России, которое

предпочел и сам всегда совершал Иван Сергеевич и которое одинаково достойно и лучших славяно-русских сердец, и лучших славяно-русских умов.

В этом служении совмещались все лучшие начала русской славянской жизни без сепаратизмов и без насильственных поглощений, без разделений на касты и боль пагубной нивелировки, и все это подкреплялось не только умственной, но и нравственной силой, и, наконец, поднималось, что особенно нам дорого, на высоту начал вселенского православия. Отсюда и выходило, что то достоинство России, которое выдвигал Иван Сергеевич Аксаков, нелегко могло быть ниспровергнуто даже сильными противниками, и та вера в будущность России, которую он будил, нелегко падала даже при жестоких невзгодах.

Я глубоко убежден, что так будет и дальше и что пока так будет, т.е. пока на Руси будет сила и чистота русских убеждений, до тех пор имя Ивана Сергеевича Аксакова всегда будет живо помниться и много почитаться».

В дополнение к сказанному редакция «ЛЕВ» сообщала о том, что М.О. Коялович после завершения официальной части своего выступления «сказал несколько слов о своих близких отношениях с И.С. Аксаковым в течение более четверти века, о том обаянии, какое производила на него богатая, чистая душа Ивана Сергеевича, а также о последнем к нему письме Аксакова, письме, способном умирающего поднять на ноги и вызвать к энергичной деятельности» [5, с. 33 – 37].

Память о трудах и делах И.С. Аксакова получала и в дальнейшем свое отражение на страницах «ЛЕВ». В 4-м номере издания за 1888 год были опубликованы фрагменты из «Отчета Гродненского православного Софийского братства», в которых имя Аксакова и общественное движение, к которому он принадлежал, получили высокую оценку и вылились в «одну из светлых сторон деятельности Гродненского православного Софийского братства» – организацию публичных чтений». Организатором их явился член Совета Братства Иван Петрович Татлин. В «Памятной книжке Гродненской губернии» за 1881 год (с. 271) имеется следующая запись: «Татлин Иван Петрович, статский советник, директор Гродненской мужской гимназии, кавалер орденов Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св. Станислава 2-й степени. Имеет знак отличия по устройству бывших государственных крестьян и медаль в память усмирения мятежа 1863 – 1864 годов. Кандидат Мос-

ковского университета, на службе 21 год, в крае – с 1864 года, в должности – с 1875 года». Так вот, Татлин на общем заседании собрания Братства в январе 1888 года предложил «на благоусмотрение собрания» следующее:

«В одном из последних заседаний Совета Братства имя И.С. Аксакова внесено в синодик Гродненского православного Братства для вечного поминовения. Выразив этим уважение к деятельности этого русского человека, мы этим самым признали, что деятельность Ивана Сергеевича не должна исчезнуть бесследно для русского общества, иначе сказать, приняли на себя обязанность продолжить существование его системы воззрений в сознании и, по возможности, укрепить ее в самой жизни. Деятельность И.С. находится в тесной связи с главною целью Братства, как она выражена в 1 параграфе устава: «возвышение и укрепление духа православия и русской народности». В системе его воззрений истинно русский человек найдет разрешение многих вопросов, разрешением которых следовало бы заняться. Братству первому следует приступить к этому делу. Это общее дело окажет благие результаты и в том отношении, что, объединяя членов его, устанавливая между ними нравственное единство и возможное согласие во взглядах, придаст большую дружность в деятельности их по всем предприятиям Братства. На первых порах можно предложить такую программу этого дела: ежемесячно, а при более благоприятных обстоятельствах и чаще, назначаются собрания членов Братства для обсуждения произведений русского ума, имеющих целью возвышение и укрепление духа православия и русской народности. Аксаков, Хомяков, Кириевский, Самарин, дневник писателя Достоевского и др. окажут пособие для этой разработки славяно-русской системы воззрений. Г. попечитель женской гимназии разрешил воспользоваться залой женской гимназии для собраний членов Братства с означенной целью».

Общее собрание, находя это предложение вполне солидарным с целями Братства, с благодарностью его приняло и просило И.П. Татлина как инициатора предполагаемого предприятия, принять на себя труд его организации. При этом почетный председатель Братства, преосвященнейший Анастасий, вполне одобряя выбор для вышеозначенной цели произведений славянофильской школы, как содержащей в себе и богословскую точку зрения в духе православно-русского христианина, выразил желание, чтобы в ряду чтений не было обойдено сочинение покойного Ю.Ф. Самарина –

«Об иезуитах». Знакомство с этим сочинением весьма важно и поучительно для русского общества этого края, который был так недавно главной в России ареной действий этого ордена.

Свое предложение Иван Петрович Татлин в последующем и осуществил, прочтя пять лекций «Об основах учения славянофилов». В первой лекции Иваном Петровичем было объяснено, что «общество есть среда, в которой совершается сознательная, умственная деятельность известного народа, которая создается всеми духовными силами народными, разрабатывающими народное самосознание. Вследствие этого каждому русскому человеку необходимо ознакомиться с учением славянофилов, способствовавших развитию славянского самосознания. Они сами изучали и приглашали общество изучать формы древнего быта и законы своей страны, особенно характера и мировоззрение предков; приглашали хранить веру и дорогие учреждения старины, соответствующие характеру русского народа. Славянофилы считали несбыточной мечтой возвращение к допетровской России; а введение в России западного просвещения, без критики его, признавали делом, недостойным общества, как среды, разрабатывающей народное самосознание. Из взаимодействия основ древнерусской жизни и начал западной образованности должно возникнуть просвещение высшее, чем западное». Во втором чтении было изложено об основах русской жизни – православии, самодержавии и общине. В третьем – «о рационализме в религии, который возник под влиянием древнеримской образованности, скрывался в латинстве, резко выступил в протестантстве и окончательно погиб, от собственного развития, в философии, которая таким образом очистила место для более полной и святой веры, переданной христианским учением». В четвертом чтении «было объяснено о православии как о просветительном начале, объединяющем славян; о влиянии его на общественную и семейную жизнь русского народа». В пятом – «о православии как философии, т.е. о мысленном отношении православия к западной образованности. Для уничтожения вреда от образованности иноземной, противоречащей духу просвещения христианского, следует подвергнуть первую критику православного учения. Это должно быть общим делом всех людей верующих и мыслящих, знакомых с писаниями Св. Отцов и западной образованностью. Наша современная духовная литература окажет этому делу великую помощь».

Лекции И.П. Татлина привлекли большое число интеллигентных слушателей города Гродно, выражавших свое удовлетворение

по поводу того, что лекции эти полны живого интереса в умственном и нравственном отношении. Живой интерес, возбужденный лекциями к учению славянофилов проявился в желании слушателей собираться каждое воскресение в 8 часов вечера в помещение братской школы для собеседований по поводу решения многих вопросов, возникших из близкого знакомства с учением славянофилов. Со своей стороны И.П. Татлин, как сообщалось в издании обещал продолжать чтения об учении славянофилов. Причем он при дальнейшем изложении учения славянофилов намерен объяснить образование существующей формы правления из основ народного быта». Затем он изъяснит о древней общине и об общественном пользовании землей; прочтет о земских соборах; разъяснит вопросы: славянский, польский и еврейский» [6, с. 116 – 119].

Таким образом, в своих публикациях «ЛЕВ» не только давали оценку жизни и общественной деятельности И.С. Аксакову, его ближайшему окружению, но и показывали значение славянофильства для формирования общественной мысли Беларуси. В ряде номеров воззрения, было выражено стремление этого печатного органа укреплять в сознании славянского духовенства края и всех прихожан идею об особой роли славянофильства в исторических судьбах белорусов. Итогом этого воздействия во многом стало учреждение в 1909 году в Вильно «Общества славянской взаимности» и его отделений во всех губерниях Северо-Западного края [7, с. 365].

Сегодня, как и много лет назад, весьма злободневны слова из чешской газеты «Narodni Listy»: «Да, конечно, в Аксакове народ русский потерял одного из величайших деятелей, а все остальное славянство потеряло защитника и преданнейшего друга. Но потеряли ли мы его совсем и совершенно? Никоим образом. Люди такого духа и значения оставляют по себе для счастья народов светлый путь, ничем не заменяемый; это лучи светлых идей, которые освещают потомству путь и тогда, когда уже самая звезда потухла» [8, с. 264].

Список литературы

1. Литовские Епархиальные Ведомости. – 1886. – № 5.
2. Литовские Епархиальные Ведомости. – 1886. – № 6.
3. Литовские Епархиальные Ведомости. – 1886. – № 7.
4. Литовские Епархиальные Ведомости. – 1886. – № 15.
5. См. подробнее: Черепица, В.Н. Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1998. – С. 5, 9, 33 – 40, 44, 50, 107, 138, 142, 154, 164, 199, 213, 246.

6. Литовские Епархиальные Ведомости. – 1888. – № 4.
7. См.: Кон, А.А. Значение и задачи Отделения Общества Славянской Взаимности в Вильне при современных русско-польских отношениях. Посвящается Н.А. Хомякову (доклад, прочитанный А.А.Коном на открытии отделения 21 ноября 1909 г.) / А.А. Кон. – Вильно, 1909. – С. 3 – 33; Так ковалось единство // Славянский Набат. – 1998. – № 26.
8. Цит. по: Чванов, М.А. Где ты, кто ты, новый Иван Аксаков? / М.А. Чванов // Русский Вестник. – 1993. – № 34 – 35.

Черепица Валерий Николаевич, *кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских государств ГрГУ им. Я. Купалы.*

УДК 930(47):06.05

И.Е. Логинов, А.А. Шатров

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАГРАДНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Обычай награждать особыми знаками отличия за ратные и другие заслуги перед народом и государством сложился давно. Еще в древности у людей появилась потребность выражать признательность коллектива отдельным его членам за отличия перед ними. Вероятно, древнейшей формой такой благодарности стал обычай у первобытных охотников разрешать самым смелым и удачливым из них носить символы своего охотничьего мастерства – звериные клыки, когти, лапы, шкуры, перья и т.д.

Ключевые слова: орден, медаль, система, награда, эмаль, фалеристика, знак, украшение.

В античную эпоху уже существовала стройная система воинских наград, коллективных и индивидуальных. Так, к коллективным знакам отличая в Древнем Риме, относились: триумф – торжественный парад армии или отдельного подразделения после выдающейся, «действительной» победы, когда, по одному из условий триумфа, было убито не менее пяти тысяч врагов. Менее значительная победа могла быть ознаменована малым триумфом, «овацией» [1, с. 160].

За отличие в отдельном сражении воинское подразделение римлян могло получить право прикрепить к знаку своей когорты один из почетных знаков в виде венка или короны различной формы, в зависимости от характера совершенного подвига.

Такие же награды – ветки и короны – получали и все воины отличившегося подразделения, и отдельные особы – храбрые легионеры. Носили их на одежде. Так, высшей степенью награды такого рода был лавровый венок триумфатора. Миртовый венок получали удостоившиеся овации. Особую награду с помещенным на нем миниатюрным изображением крепостной стены носил храбрец, первым взошедший на стену вражеской крепости. Взбежавший первым на валы вражеского неприятельского лагеря, получал подобный венок, но с изображением стены несколько другой формы. Римлянин, спасший жизнь своему согражданину, удостаивался другого венка особой формы. Первым взошедшим в бою на вражеский корабль также получал особый венок. За другие подвиги в морских сражениях давался венок, называвшийся corona navalis. Существовали и иные виды знаков отличия – почетное копье с боевым наконечником или без него, в зависимости от характера подвига, золотые или серебряные запястья, цепочки, носившиеся на шее. Особой наградой, являвшейся первоначально знаком занимаемой должности, были так называемые фалеры – наградные металлические украшения, обычно круглой формы, с изображением головы Медузы Горгоны или Марса, либо звериных морд, обычно львиных. Фалеры изготавливались из серебра или бронзы, часто позолоченной. Название «Фалеры» дало имя и вспомогательной исторической дисциплине, изучающей всю совокупность знаков отличия, наград, – фалеристике [2, с. 105].

В средние века в Европе появились новые виды знаков отличия, получившие со временем название «орден», от латинского слова «ордо» – «организация», «отряд». В эпоху крестовых походов на Востоке возникали полувоенные-полумонашеские организации – ордена, члены которых наряду с благотворительностью активно участвовали в сражениях с «неверными». Такой организацией был, например, орден св. Иоанна Иерусалимского, первоначально возникший как братство монахов, содержавших в Иерусалиме странноприимный дом с больницей для пилигримов. Монахи ордена носили длинную черную одежду с нашитой на ней особой формы белым крестом. Позднее, когда после крестовых походов многочисленные ордена оказались в Европе, они, считавшие военное дело своей основной профессией, стали искать покровительства европейских монахов, отдавая свой меч на службу одному из них. Теперь суверен как глава ордена, мог сам посвящать в его члены отдельных лиц, имевших заслуги лично перед ним. Члены ордена

продолжали носить особую одежду, основным элементом которой был нашитый на ней крест особой формы. Постепенно крест стал металлическим, как правило, богато украшенным знаком, носившемся на ленте или на цепи, а рядом появилась звезда, первоначально также нашивавшаяся на одежду, а уже в XIX столетии ставшая металлической. Образовалось понятие «знаки ордена», включавшие в себя крест и звезду. Лицо, вступавшее в орден, получало право носить знаки этого ордена [3, с. 207].

После распада Римской империи в V веке новой эры прекратила свое существование и ее наградная система. Лишь спустя тысячелетие, в XIV веке, в одной из средневековых итальянских хроник отмечен факт награждения медалью.

А в России первый орден появился в самом конце XVIII в. Но до этого отечественная наградная система прошла долгий и довольно сложный путь развития.

В Древней Руси официальным знаком отличия – своеобразной предшественницей наших современных орденов и медалей – являлась гривна. Она представляла собой золотой нашейный обруч или цепь с подвешенным к ней слитком из драгоценного металла. Впервые такая награда упоминается древнерусским летописцем: «В лето 6576 прииде Володарь со половцы к Киеву, и изыде нощию во сретение им Александр Попович, и уби Володаря и брата его и иных множество половец изби, а иных в поле прогна. И ее слыша Володимср и возрадовался зело, и возложи нань гривну злату». Эта была не только почетнейшая, но и в прямом смысле дорогая награда: своего серебра и золота Русь в ту пору не добывала.

Однако предводитель дружинников из Ростова Великого Алеша Попович ее заслужил сполна. Ибо не было в ту пору для Южной Руси ничего более опасного и разорительного, чем нескончаемые половецкие набеги.

В многовековой борьбе за свое существование, свободу и независимость населявших нашу землю народов возникла и развивалась русская наградная система.

С XV века за отличия в ратной службе стали раздавать золотые, золоченые и серебряные монеты отечественной и иностранной чеканки, которые, однако, не входили в денежное обращение. И хотя эти знаки внешне не отличались от обычных монет, награждение ими носило характер не денежного подарка, а воинской почести, причем размер и вес их зависели от знатности и чина награждаемого. Так, «португал» с цепью мог получить только князь,

обычный «золотой» с цепью – воевода, золотую «новгородку» или «московку» – сотенный голова, а позолоченные или серебряные копейки предназначались для рядовых воинов – стрельцов, пушкарей, засечных сторожей, боярских и охочих людей и др.

Тогда же складываются определенные правила пожалования «золотыми». Началом такого акта служило получение с гонцом донесения воеводы, являвшегося своего рода представлением к награде. В нем излагался ход боевой операции и ее результаты и давалась оценка действиям воинов. К донесению прикладывались поименные списки начальников, участвовавших в операции, сведения о количественном составе войск. На основе донесения правительственными чиновниками составлялась наградная «роспись», подбирался соответствующий комплект «золотых» и дело докладывалось царю. Он назначал лицо, которому поручалось вручить знаки отличия и произнести соответствующую речь, причем дважды – сначала перед начальниками, затем перед всеми остальными воинами.

Престиж таких наградных знаков у русских людей был высок, что не без зависти отмечали иностранцы. Один из них, наблюдавший, как сражаются русские воины, поражался: «Чего нельзя ожидать от войска бессметного, которое, не боясь ни холода, ни голода и ничего, кроме гнева царского, с толокном и сухарями, без обоза и крова, с неодолимым терпением скитается в пустынях севера, и в коем за славнейшее дело дастся только маленькая деньга, носимая счастливым витязем на рукаве или шапке». Получали такие награды и мирные жители, если они принимали участие в отражении врага.

Однако уже в середине XVII века стали проявляться недостатки метрологических связей наградных знаков с монетами. Получив такой знак отличия, воин, конечно же, не мог не испытывать соблазна утилизировать свою награду. Вот почему стал подыскиваться новый вид почетного знака.

При правительнице Софье Романовой появились первые золотые медали. Их удостоились думный генерал Агей Шепелев и другие высокопоставленные лица, которые сопровождали царский двор при переезде из подмосковного села Коломенского в село Воздвиженское (недалеко от Троице-Сергиевой лавры) во время стрелецкого бунта в 1682 году. На этих медалях выбиты надписи, сообщавшие о данном событии и его дате, личности награжденного. Из-за дороговизны и сложности изготовления подобные знаки отличия не

получили широкого распространения. Поэтому еще много лет для награждения использовались монетовидные знаки.

И только при Петре I эта традиция изжила себя окончательно. Именно он, великий реформатор России, основал соответствовавшую потребностям времени и лучшим достижениям медальерного искусства отечественную наградную систему.

Традиционная круглая форма медалей в России установилась не сразу. Например, за взятие считавшейся неприступной турецкой крепости Измаил суворовские чудо-богатыри удостоились серебряной медали овальной формы. Наградной знак воинов, участвовавших в шведской кампании 1788 – 1790 годов, представлял собой продолговатый книзу восьмиугольник. Были медали в виде квадрата с закругленными углами.

Помимо медалей нижние чины Российской армии награждались крестами. Некоторые считают, что различие между ними чисто внешнее: кресты-де те же медали, правда более высокого достоинства. Это не так. Знаки отличия Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия занимали особое положение в наградной системе России.

В отличие от медалей ордена имели иной государственный статус, обусловленный их происхождением и особенно социальной ролью.

Происхождение орденов как особых знаков отличия связано с духовно-рыцарскими орденами, возникшими в Европе в эпоху крестовых походов. Это были мощные и многочисленные, нередко очень богатые военно-религиозные организации. Рыцари, принадлежавшие к какому-либо ордену, носили особую одежду, на которую нашивались выкроенные из ткани знаки определенной формы и расцветки.

Так, рыцари Тевтонского ордена носили белые плащи с черным крестом, рыцари ордена меченосцев имели на плащах изображение красного меча с крестом [4, с. 144].

Со временем большинство рыцарских орденов со своими средневековыми формами организации, уставами и обетами ушли в прошлое. Некоторые превратились в своего рода придворные клубы, членство в которых свидетельствовало об особом расположении и покровительстве монарха. Традиционным знаком принадлежности к ним оставался крест, дублировавшийся обычно звездой, которая также ведет свое происхождение от шитья на орденской одежде.

Позднее знаки отличий придворных орденов приобрели характер особых государственных наград. Старейшими такими орденами являются: английский орден Подвязки; бургундский, а затем австрийский и испанский орден Золотого Руна (1429 г.), шведский орден Меча (1522 г.), французский орден св. Духа (1579 г.) и др. Главной привилегией награжденных орденами первоначально являлось возведение их в рыцарское достоинство, а затем получение прав потомственного или личного дворянства. В дальнейшем характер предоставляемых награждением прав и привилегий менялся.

В России первой такой наградой был учрежденный Петром I в 1698 году орден св. апостола Андрея Первозванного. Вторым по времени установления стал женский орден св. великомученицы Екатерины (или Освобождения), учрежденный Петром I в 1714 году. Для награждения исключительно за военные заслуги предназначался учрежденный в начале 1725 года орден св. Александра Невского. Сам Петр пожаловать им никого не успел, а его преемница Екатерина I стала раздавать этот орден не только военнослужащим, но и придворным, и гражданским лицам.

Занявший российский престол в 1801 году Александр I вернулся к наградной системе, существовавшей при Екатерине II. В 1807 году он сделал чрезвычайно важный шаг в развитии русской наградной системы – ввел Знак отличия Военного ордена, более известный как Георгиевский крест. С 1815 года российские подданные уроженцы Польши стали награждаться польскими по происхождению орденами Белого Орла и св. Станислава. С 1831 года этими орденами стали жаловаться все подданные империи.

Указом императора Николая I от 9 августа 1844 года с целью уважения чувств лиц нехристианского вероисповедания на жалуемых им орденских знаках изображения святых и их монограмм заменялись государственным гербом России – черным двуглавым орлом.

В 1913 году Николай II учредил орден св. равноапостольной княгини Ольги. Тогда же был расширен состав знаков Военного ордена, в частности в него вошла носившаяся на Георгиевской ленте номерная медаль, имевшая четыре степени «За храбрость» [1, с. 160].

Военный орден св. Великомученика и Победоносца Георгия в эту систему старшинства не входил. Но по своему значению он шел за высшим знаком отличия России – орденом св. апостола Андрея Первозванного. Орденом св. Анны 4-й степени с надписью

«За храбрость» награждались офицеры за подвиги в бою. Таким образом, для гражданских лиц и военных в мирное время отсчет орденов начинался с ордена св. Станислава 3-й степени. Старшинство ордена св. Ольги установлено не было [4, с. 231].

К сожалению, в 1917 году естественное развитие отечественной наградной системы с ее достижениями и традициями было насильственно прервано. Например, Георгиевские кресты присуждались гласно, волеизъявлением солдатского коллектива, до чего советская наградная система так и не смогла подняться.

Накануне и особенно в годы Великой Отечественной войны необходимость заставила использовать многое, что было установлено в старое время. Были «реабилитированы» погоны и наименования некоторых воинских чинов, сформирована гвардия как отборная часть действующей армии. Были учреждены боевые знаки отличия, в частности орден Александра Невского. Статут носимого на оранжево-черной ленте солдатского ордена Славы трех степеней во многом повторял статут Георгиевского креста. Матросам гвардейских частей полагались бескозырки с оранжево-черными ленточками. Миллионы фронтовиков с гордостью носили на Георгиевской ленте медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». Кавалерам орденов и медалей СССР до 1948 года выплачивались небольшие денежные пособия.

Список литературы

1. Дуров, В.А. Ордена России / В.А. Дуров. – М.: Воскресенье, 1993.
2. Дуров, В.А. Русские и советские боевые награды / В.А. Дуров. – М.: Издательство Государственного ордена Ленина исторического музея, 1990.
3. Дуров, В.А. Русские награды XVIII – начала XX в. / В.А. Дуров. – М.: Просвещение, 1997.
4. Каданцев, П.С. Ордена России / П.С. Каданцев. – М.: Новое время, 1993.

Логинов Игорь Евгеньевич, *преподаватель кафедры тылового обеспечения ГрГУ им. Я. Купалы, майор.*

Шатров Андрей Александрович, *преподаватель кафедры тылового обеспечения ГрГУ им. Я. Купалы, подполковник.*

УДК 94(476).032.3

Л.Ю. Павлов

РОЛЬ РЕКВИЗИЦИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО И ВЕЩЕВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Любая война ложится тяжелым бременем на экономику государства, развязавшего или втянутого в военный конфликт. Первая мировая война оказалась для экономики России труднейшим испытанием, так как велась на огромном по протяженности фронте с привлечением большого количества людских ресурсов и носила затяжной характер.

Ключевые слова: реквизиция, мобилизация, интендантство, ресурсы, склад, продовольственный магазин, губерния, фураж.

Одним из первых к рассмотрению вопроса реквизиций в период Первой мировой войны на территории Беларуси подошел В.Н. Черепица. В своих работах «Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности», «Прифронтовые будни города-крепости Гродно» он осветил данную проблематику в рамках Гродненской губернии. Однако эта тема не стала центральной в данном труде. Необходимостью углубленной ее разработки, а также детального раскрытия системы управления реквизициями и было вызвано написание данной статьи.

Источниковую базу исследования составили документальные материалы Национального исторического архива Беларуси в городе Гродно.

Итак, что же являлось основанием для проведения реквизиций, какие нормативные документы определяли порядок их проведения? Право на проведение реквизиций было установлено «Положением о полевом управлении войск в военное время». Статья 138 данного документа гласила: «Сверх указанных в предыдущей статье способов в военное время и в период мобилизации все необходимое для обеспечения потребностей армии может приобретаться:

1) реквизициями в пределах Империи в местностях, подчиненных главнокомандующим или командующим отдельными армия-

ми, и за границею – в землях, занятых по праву войны, и в нейтральных государствах, занятых неприятелем; …» [2, с. 1].

«Реквизиция есть принудительное приобретение от жителей всякого рода местных средств, необходимых для удовлетворения потребностей армии, а равно – обязательный наряд местных жителей для производства всякого рода работ, вызываемых военными обстоятельствами» [2, с. 1]. Существовало два вида реквизиций: платные и бесплатные. Расчеты по платным реквизициям производились сразу по сбору необходимых средств наличными деньгами или путем выдачи реквизиционных квитанций с их оплатой впоследствии. В пределах своей страны назначались всегда платные реквизиции. На территории неприятельских государств, занятых российскими войсками, могли назначаться как платные, так и бесплатные реквизиции. В некоторых случаях бесплатные реквизиции могли назначаться в виде меры воздействия на местное население. Правом назначения реквизиции в период мобилизации обладал главный начальник военного округа, главнокомандующий или командующий армией. С момента начала военных действий это право распространялось до начальника дивизии включительно.

Важно отметить, что главной целью реквизиций являлась своевременность поставки необходимых материальных средств войскам. Они применялись в тех случаях, когда потребности воинских частей не могли быть удовлетворены иным способом.

Нормативным документом того времени, определяющим порядок проведения реквизиций было «Положение о порядке производства реквизиций на время войны и в период мобилизации», утвержденное приказом по Военному ведомству от 11 августа 1914 года № 499. Реквизиции осуществлялись специально назначенными для этих целей лицами от воинских частей. Начальники, отдающие распоряжения о проведении реквизиций, обязаны были определять: районы реквизиций; количество и ассортимент подлежащих реквизиции средств; время и порядок производства реквизиций; способы уплаты; порядок и пункты доставки реквизированных средств. Реквизиции производились:

«а) посредством местных гражданских или общественных властей уравнительною раскладкою на жителей, с доставкою в назначенные пункты без содействия войск, или с содействием их, по требованию гражданского начальства;

б) самими войсками, с участием или без участия местных властей;

в) назначением довольствия от хозяев по квартирам…» [2, с. 1].

Представитель военного ведомства, назначенный для производства реквизиций, обращался к властям (гражданским или общественным) с требованием доставить к определенному времени в определенный пункт, определенное количество средств. При этом указывался способ, каким будет оплачена реквизиция. Данное должностное лицо было наделено большими полномочиями. В случае уклонения местных властей от содействия, представитель воинской части обязан был обратиться к пользующимся уважением зажиточным местным гражданам с требованием доставить к определенному времени в определенный пункт, определенное количество средств. При необходимости, часть этих граждан могла быть задержана на время реквизиции в качестве заложников. В случае враждебного отношения со стороны населения, лицо, производящее реквизицию, приступало к сбору необходимых средств с использованием войск. Обходились магазины, склады, другие торговые учреждения, дома и квартиры. В присутствии нескольких местных граждан, силою приведенных в качестве свидетелей, производилась выемка средств, назначенных для реквизиции.

По окончании реквизиций представителям гражданских или общественных учреждений, или представителям населения выдавались деньги по утвержденным тарифам или установленным ценам, или реквизиционные квитанции. В случае выплаты денег, с лица, их получавшего, бралась расписка формы № 1.

При выдаче реквизиционной квитанции формы № 2, в ней подробно указывались дата, наименование, количество изъятых средств и прочая необходимая информация.

Квитанции для реквизиции средств заготавливались окружными довольствующими управлениями и выдавались лишь в те части, которым в период мобилизации необходимо было произвести реквизицию.

В ходе проведения реквизиций осуществлялся жесткий контроль со стороны комиссии за нижними чинами, назначенными для ее производства. Не допускалось изъятие материальных средств сверх установленных требований, бесцельная порча вещей и продуктов. Принимались необходимые меры к недопущению стирания границы между реквизициями и мародерством.

Все реквизированные средства в дальнейшем поступали в базисные продовольственные магазины, вещевые склады или не-

Таблица 1 – Расписка платных реквизиций (Форма № 1)

<table>
<tr><td colspan="16" align="right">Форма № 1</td></tr>
<tr><td colspan="16" align="center">Книжка расписок платных реквизиций</td></tr>
<tr><td colspan="10">(На русском языке). (На местном языке).</td><td rowspan="9">Линия отреза</td><td colspan="5" rowspan="4">№ 1
Платная реквизиция 15 марта 19 г.

Где: Город Х с пригородами</td></tr>
<tr><td colspan="10">№ 1</td></tr>
<tr><td colspan="10">15 марта 19 г.</td></tr>
<tr><td colspan="10">Где: город Х с пригородами.
Кому уплачены деньги: представителю гражданского
У-ния такому-то.</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Реквизи-ционные средства</td><td colspan="2">Цена.</td><td colspan="2">Сумма.</td><td rowspan="2"></td><td colspan="2">Цена.</td><td colspan="2">Сумма.</td><td rowspan="2">Реквизи-ционные средства</td><td colspan="2">Цена.</td><td colspan="2">Сумма.</td></tr>
<tr><td>Р.</td><td>К.</td><td>Р.</td><td>К.</td><td>Р.</td><td>К.</td><td>Р.</td><td>К.</td><td>Р.</td><td>К.</td><td>Р.</td><td>К.</td></tr>
<tr><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr>
<tr><td>Итого…</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td>Итого…</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td>Итого…</td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr>
<tr><td colspan="5">… руб. … коп. представителю управления города Х такому-то уплачено производившим реквизицию.</td><td colspan="5">… руб. … коп. получил представитель управления города Х</td><td colspan="5">Уплачено … руб. … коп. представителю городского управления города Х такому-то. Производивший реквизицию</td></tr>
</table>

Таблица 2 – Книжка реквизиционных квитанций (Форма № 2)

<table>
<tr><td colspan="8" align="center">Книжка реквизиционных квитанций</td></tr>
<tr><td>№ № по порядку</td><td></td><td>Реквизицион-ные средства</td><td>Количество</td><td>Район, где производилась реквизиция, и лицо, которому выдана реквизиционная квитанция</td><td rowspan="3">ЛИНИЯ ОТРЕЗА</td><td colspan="2">Реквизиционная квитанция
Интенданта « » корпуса
№ 1
Реквизиция
15-го марта 19 г.
Район реквизиций – город Х с пригородами</td></tr>
<tr><td rowspan="2"></td><td rowspan="2"></td><td rowspan="2"></td><td rowspan="2"></td><td rowspan="2"></td><td>Лицо, которому выдана квитанция</td><td>Представитель управл. гор. Х. (Фамилия)</td></tr>
<tr><td colspan="2">Реквизиционные средства.
Подпись производившего реквизицию</td></tr>
<tr><td colspan="8">Примечание. Квитанция для реквизиций средств заготовляются окружными довольствующими управлениями. Квитанции передаются в мирное время лишь в те части войск коим в период мобилизации необходимо произвести реквизицию.</td></tr>
</table>

посредственно на склады воинских частей. Лицо, производившее реквизицию, по окончании ее подробно докладывал начальнику, ее назначившую о количестве и ассортименте реквизированных средств, причинах замены одних продовольственных и фуражных продуктов другими, каким порядком проводилась реквизиция, каково отношение к ней местных жителей и властей, приходилось ли прибегать к мерам воздействия и каким.

Необходимо отметить, что в период мобилизации или с началом войны реквизиции производились в соответствии с расчетами, разработанными еще в мирное время, согласно отданным командующими войсками округов указаниям. Мобилизационные планы соответствующих частей, управлений, учреждений и заведений предусматривали реквизиции, подлежащие производству.

Самым распространенным и наиболее оптимальным вариантом проведения реквизиций являлся тот способ, в котором задействовался административный ресурс губернаторской власти. Он использовался в тех случаях, когда войска имели некоторый временной запас для восполнения материальных средств. Использование власти губернатора позволяло организованно проводить этот процесс, эффективно управлять им, обеспечить рациональное распределение реквизиционной нагрузки на местных жителей. Кроме того, оплата реквизиций производилась своевременно, а в случае каких-либо задержек принимались решительные меры по их устранению.

Управление реквизициями на уровне губернии осуществлялось по следующей схеме: военное ведомство – губернатор – уездные предводители дворянства – реквизиционные комиссии – непосредственные поставщики материальных средств.

Работа по проведению реквизиций требовала четкого управления, слаженности действий представителей военного ведомства и местных органов власти. Для оперативного выполнения данных работ в уездных городах под председательством уездных предводителей дворянства были организованы реквизиционные комиссии в составе: представителей городского управления и полиции, податного инспектора, местного уездного военного начальника, представителя от Государственного контроля в тех местах, где такие имелись. Распоряжение о проведении реквизиций сообщалось губернатору, который циркулярно по телеграфу доводил его до уездных предводителей дворянства. В уездах под руководством пред-

водителей дворянства реквизиционные комиссии развертывали работу на местах.

В целях своевременного информирования местного населения и недопущения негативных инцидентов в ходе реквизиций военные власти доводили порядок их осуществления. В объявлениях главного начальника Минского военного округа генерала от кавалерии барона Рауш-фон-Траубенберга сообщалось: «Объявляю, что все фабрики и заводы, склады и магазины, имеющие в своем распоряжении сукна казенных образцов, подходящие по качеству к солдатским сукнам, а также готовую к такому же употреблению верхнюю одежду, одеяла, а также бывшую в употреблении обувь, обмундирование и снаряжение казенного образца, обязаны в 3-х дневный срок со дня объявления предоставить в местное полицейское управление заявление о количестве и ценах, по которым они приобретали эти предметы. По представлению означенных сведений, местные власти по уравнительной раскладке определяют количество материалов, потребное для реквизиции, указав пункт, куда надлежит доставить эти материалы, деньги, за которые по установленным ценам будет уплачено немедленно по их приемке. Лица, не сделавшие указанные заявления или допустившие неправильные сведения об имеющихся у них материалах, будут подвергнуты в административном порядке штрафу до 3000 рублей или заключению в тюрьму, или крепость до 3-х месяцев, а самые материалы будут отобраны без уплаты за них вознаграждения» [3, с. 261].

В целях недопущения вывоза материальных средств из пределов губерний, что могло привести к срыву реквизиций, а в конечном итоге к перебоям в обеспечении войск, отдавались соответствующие распоряжения. Так, в сентябре 1914 года, на основании статей 152 и 415 пункта 6 «Положения о полевом управлении войск в военное время» для населения Двинского и Минского округов было издано обязательное постановление за подписью генерал-лейтенанта Данилова. Содержание его было следующим: «Воспрещается в каждой губернии, входящей в состав Минского и Двинского военных округов, вывоз из пределов этой губернии муки, зерна и скота. Виновные в нарушении настоящего постановления подвергаются в административном порядке денежному взысканию в размере до 3000 рублей или заключа-

ются в тюрьму, или в крепости до трех месяцев. Настоящее обязательное постановление вступает в силу со дня его опубликования» [4].

В случаях, когда сложившаяся обстановка требовала незамедлительных мер по восполнению запасов продовольствия, фуража, вещевого имущества на войсковых складах, использовался второй вариант проведения реквизиций. Он осуществлялся напрямую по схеме: воинская часть – непосредственные поставщики материальных средств. Этот способ позволял значительно сократить временные рамки проводимых реквизиций. Однако зачастую имели место просчеты в вопросах, касающихся выдачи вознаграждений населению. Документальным подтверждением этого служит приказ коменданта Гродненской крепости от 25 октября 1914 года № 121: «До моего сведения дошло, что некоторые войсковые части забирают у населения провиант, фураж и разные необходимые предметы без всякой оплаты их. Признавая подобные действия незаконными, а потому и безусловно нетерпимыми, предписываю начальникам всех степеней принять все зависящие от них меры, чтобы вверенные им части без всякого замедления тотчас же расплачивались наличными деньгами за взятые у населения продукты и товары» [3, с. 267].

Гродненскую губернию реквизиции материальных средств коснулись самым непосредственным образом. Общий надзор по проведению реквизиций в Гродненской губернии был возложен на непременного члена губернского по городским делам присутствия действительного статского советника Д.В. Ивашинцова [5, с. 2].

В письме директору департамента общих дел МВД А.Н. Воложину от 5 марта 1915 года губернатор В.Н. Шебеко сообщал, что с открытием военных действий на Гродненское губернское по городским делам присутствие была возложена обязанность по заготовкам и отчуждению для потребностей армии предметов вещевого довольствия и продуктов питания. В период с начала военных действий по 1 апреля 1915 года для потребностей армии отчуждено следующее количество предметов вещевого довольствия: сукна 26 720 аршин, фланели 44 аршина, равентуха и х/б тканей 1294 аршина, холста и других материй для заготовки белья 4877,5 аршина, шинелей 45 штук, полушубков 1521 штука, курток 2009 штук, шаровар 1798 штук, теплых рубах 5568 штук, фуфаек 1749 штук, одеял 5932 штук, валенок 160 пар, сапог 264 пары и т.д. [5, с. 4].

На основании распоряжения главного начальника Двинского военного округа, отданного 2 августа 1914 года, из общественных хлебозапасных магазинов Гродненского, Сокольского, Белостокского и Волковысского уездов, входящих в его состав была произведена реквизиция зерна (ржи, ячменя и овса). Для его эффективного и своевременного выполнения 3 августа 1914 года были даны циркулярные указания о создании реквизиционных комиссий по принятию, подвозке и погрузке зерна на ближайшие железнодорожные станции для отправки в Двинск, Вильно, Гродно. Первый транспорт овса из Гродненского уезда в Гродно был доставлен уже 15 августа 1914 года.

Таблица 3 – Количество зерна, отправленного из хлебозапасных магазинов

Наименование уездов	Количество магазинов	Озимых, (пуды)	Овса, (пуды)	Ячменя, (пуды)
Гродненский	43	28 161	6099	6271
Сокольский	56	1203	280	-
Бельский	70	44 767	18 212	-
Волковысский	171	81 056	36 741	-
ИТОГО:	340	155 187	61 332	6271

Кроме реквизиции зерна была произведена предварительная опись всего крупного рогатого скота на случай реквизиции. Предполагалось взять по реквизиции с населения 10 000 голов КРС, в том числе: в Гродненском уезде 2000 голов; в Сокольском уезде 1000 голов; в Белостокском уезде 2000 голов; в Бельском уезде 3000 голов; в Волковысском уезде 2000 голов [5, с. 3 – 6].

Помимо реквизиций, проводимых военным ведомством в районах, прилегающих к театру военных действий, Главным управлением землеустройства и земледелия осуществлялась заготовка продовольствия и других материальных средств для последующей централизованной поставки их в войска. Данное Управление разработало Инструкцию по заготовлению для армии хлеба в зерне, муки, крупы овса, утвержденную 11 августа 1914 года. Согласно нее «заготовка и закупка продовольственных продуктов по требованиям военного ведомства для армии, возложенные на время военных действий на Главное управление землеустройства и земледелия, согласно особому журналу Совета Министров 1-го августа 1914 года производится распоряжением назначенных для сего главноуправ-

ляющим землеустройством и земледелием главноуполномоченных его помощников и губернских уполномоченных, привлекаемых к этому делу из числа представителей местных земских и общественных учреждений». Инструкция определяла порядок разрешения, возникающих при заготовках продовольствия вопросов; способы заготовок; порядок участия земских учреждений; порядок установки покупных цен; порядок открытия кредитов; контроль за ходом заготовок; порядок приема продовольствия; ответственность должностных лиц; охрана продовольствия; порядок ведения учета; отчетность и т.д. [6, с. 7 – 10].

В ходе проведения реквизиций и заготовок на территории нынешней Беларуси не всегда просматривалось четкое разделение функций обоих ведомств, а также порой не были конкретно определены районы проведения заготовок и реквизиций для каждого из них. Это вызывало спекулятивный рост цен на продукты, а временами – опасную приостановку предложений в ожидании повышения цен; нередко отказ от исполнения заключенных сделок; затруднение железнодорожных перевозок при требовании разных ведомств вывоза с одних и тех же станций заготовок без взаимного согласования.

В целях недопущения подобных случаев 7 июля 1915 года было проведено особое совещание под председательством начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала от инфантерии Янушкевича, на котором присутствовали генералы от инфантерии: Шуваев, Маврин, Данилов; генерал-лейтенант Кондзеровский; генерал-майоры: Егорьев, Эрдман, Ронжин; полковник Немов; главноуправляющий землеустройством и земледелием тайный советник Глинка, а также его коллега, однофамилец общеизвестного носителя данной фамилии, Ленин.

В ходе его проведения было установлено, что Главному управлению землеустройства и земледелия при заготовках принадлежит исключительное право закупок хлеба и фуража для армии вне театра войны, а также в его тыловых районах. Вместе с тем, была признана необходимость «на театре войны заготовку также предоставить Главному управлению землеустройства и земледелия, однако без учета войсковых районов, которые находятся в распоряжении Военного ведомства. Установление границ этих районов предоставляется на усмотрение Главного Начальника Снабжения армий фронтов». Предусмотрено было таксирование на театре войны цен на продукты, заготовленные Главным управлением земле-

устройства и земледелия и военным ведомством. При этом, «предельные цены, объявляемые военным начальством на театре войны, нормировались ценами, установленными Главным управлением землеустройства и земледелия, для чего необходимо, чтоб последнее своевременно сообщало об этих ценах подлежащему начальству фронта» [7].

Отношение населения к реквизициям было неоднозначным по ряду причин. С одной стороны, местные жители прекрасно понимали, что от своевременного и полного обеспечения войск всем необходимым зависит успех любой военной кампании. А в случае отступления российских войск гражданское население могло потерять многое, если не все, независимо от того осталось бы оно на оккупированной территории или эвакуировалось вглубь страны. При этом не стоит забывать о патриотических настроениях, которые были свойственны гражданам Российской империи особенно на начальном этапе войны. Поэтому большинство населения было готово оказать посильную помощь армии. Подтверждением тому служат строки из доклада В.Н. Шебеко директору департамента общих дел Министерства внутренних дел: «Население Гродненской губернии, вошедшей значительною частью своей в театр военных действий, отзывчиво относится к нуждам раненых и больных воинов, и обеспечению их семейств и вообще пострадавших от войны, охотно понесло по первому призыву свои посильные пожертвования деньгами и предметами для отсылки на позиции. Одним лишь складом Гродненского губернатора отослано: рубах и фуражек 10 364 штук, кальсон разных 5073 штук, портянок 2736 пар, полотенец 281 штука, сапог 100 пар, наволочек 60 штук, носков 340 пар, рукавиц 104 пары, махорки 861 фунт, папирос 500 000 штук, спичек 25 600 коробков, копченого сала 26 пудов 8,5 фунтов, мыла 30 пудов» [5, с. 7].

С другой стороны, учитывая, что реквизиции затрагивали практически каждого, то для наименее обеспеченных слоев населения расставаться с собственностью, которая приобреталась зачастую непосильным трудом, было очень болезненно. Стоит отметить, что отношение населения к реквизициям во многом зависело от организации их проведения. В случаях, когда реквизиции проводились по установленным правилам, с предварительным оповещением населения, организацией разъяснительной работы, своевременной оплатой изъятых материальных средств, население с пониманием относилось к такого рода мероприятиям.

Летом 1915 года реквизиции стали преследовать несколько иную цель. Это было связано с тем, что по окончании первого года войны положение на северо-западном фронте значительно изменилось. Немецкие войска, проведя ряд наступательных операций, переместили линию фронта на территорию Российской империи. Вероятность захвата противником территории нынешней Беларуси возрастала с каждым днем. В этих условиях необходимость проведения реквизиций была вызвана не только потребностью в обеспечении воинских частей недостающими материальными средствами. Не менее важной, а в определенный момент главной целью реквизиций было недопущение попадания материальных ресурсов неприятельским войскам в случае захвата российских земель. Подтверждением тому служит Распоряжение о производстве реквизиций в районе 1 армии, отданное начальником Этапно-Хозяйственного отдела штаба 1 армии генерал-майором Шуцким в июле 1915 года. «В каждом корпусе должны быть организованы дивизионные реквизиционные комиссии под председательством дивизионных интендантов, в составе 3 – 4 членов по назначению Начальников дивизий, по возможности при представителе от контроля. Означенные комиссии до начала реквизиции выясняют количество предметов, подлежащих реквизиции и находящихся в реквизиционном районе. Реквизиции войсковыми комиссиями подлежат следующие предметы: медь, станки, машины и все запасы бездействующих заводов; медь у населения; продукты и фураж; скот; лошади; перевязочные средства; изделия из алюминия, свинца, цинка; вообще все предметы, которые неприятель может использовать для своей армии» [2, с. 4 – 5].

Во исполнение данного распоряжения уездным предводителям дворянства были отданы указания по подготовке реквизиционных комиссий в составе четырех человек: гражданского представителя администрации, представителя войск и двух понятых по выбору самих жителей. В распоряжении вице-губернатора Гродненской губернии Волковысскому уездному предводителю дворянства от 4 августа 1915 года за № 3438 указывалось: «Реквизиции будут подлежать: лошади и повозки, кроме потребных самим выселяющимся для себя и вывозимых собственных запасов, скот, продовольственные запасы, если их количество превышает месячную потребность населения. Посевы, заводские узкоколейные дороги, машины и станки, если они поддаются вывозу, заводские материа-

лы и обязательно вся медь в виде изделий и все медные части машин, не поддающихся вывозу; кроме того будут реквизированы и вывезены изделия из алюминия, свинца, цинка, сукно, кожа и сахар… Уничтожению или разрушению подлежат посевы и покосы, если они не могли быть убраны и вывезены и заводское оборудование, которое может принести противнику пользу… Желательно дать возможность населению убрать и быстро обмолотить посевы и тогда урожай реквизировать; при невозможности этого – покосы и посевы подлежат уничтожению с уплатой за скошенный посев, как за зрелый по оценке, произведенной теми же комиссиями» [2, с. 2 – 3].

Объем работ, выпавший на долю оценочных комиссий, был колоссальный. Попасть в оценочный список стремились, прежде всего, владельцы всех предприятий. Это давало им хоть какую-то надежду на спасение своих предприятий от уничтожения или получение денежной компенсации в случае их ликвидации [3, с. 284]. Ввиду обширности реквизиционного района и зажиточности местного населения комиссии не успевали реквизировать все имущество, подлежащее реквизиции, и потому оставшееся не реквизированным имущество, главным образом скот, уходящие в тыл беженцы брали с собой. Результатом этого явилось скопление в ближайшем тылу большого количества скота, пригнанного беженцами крестьянами и помещиками. Генерал-лейтенант Одишелидзе в докладе Командующему 1 армией об учреждении реквизиционных комиссий от 19 июля 1915 года № 6169 сообщал: «Принимая во внимание обширность района армии и наличия у населения больших запасов, полагалось с целью скорейшего удаления подлежащего реквизиции имущества и, главным образом скота из угрожаемого противником района, безотлагательно образовать, независимо от упомянутых выше дивизионных комиссий, еще и тыловые реквизиционные комиссии, причем формирование этих комиссий в потребном числе полагалось бы возложить на Начальника Этапно-Хозяйственного отдела штаба армии. Одновременно с сим полагалось бы необходимым предоставить командирам корпусов увеличить число реквизиционных комиссий в мере, действительной надобности» [2, с. 9].

Из Ведомости по ценам на продукты при производстве реквизиций в районе 2 армии от 5 августа 1915 года можно увидеть, в каком размере выплачивалась денежная компенсация населению. За один пуд нижеперечисленных продуктов полагалось: ржи – 1,17 руб., пшеницы – 1,80 руб., муки пшеничной – 2,40 руб., муки ржаной –

1,37 руб., овса – 1,60 руб., ячменя – 1,40 руб., гречихи – 1,80 руб., гороха – 1,75 руб., картофеля – 0,25 руб., мяса живым весом – 4,20 руб. [2, с. 26].

Последующее развитие исторических событий показало, что для проведения оценки имущества, подлежащего реквизиции было отведено очень мало времени. Решение о проведении предварительной оценки имущества, а затем и самих реквизиций было принято с большим опозданием. Деятельность оценочных комиссий по Гродненскому уезду началась 9 августа 1915 года. Однако начавшееся наступление немецких войск не позволило им выполнить поставленные задачи. Уже к 22 августа 1915 года работа по оценке имущества была свернута [3, с. 287]. По распоряжению военных властей в спешном порядке стали проводиться реквизиции материальных средств в районах, которые мог оккупировать неприятель. Основное внимание при этом уделялось реквизиции скота, лошадей, перевозочных средств, а также уничтожению продовольственных запасов, фуража и неубранных посевов. «Все это делалось при общем смятении, когда большинство населения снималось с мест и было озабочено только личным своим спасением от угрожавшей опасности. При таких условиях исполнения в точности при реквизиции всех формальностей было положительно невозможно» [3, с. 286]. При реквизиции продуктов и фуража остающемуся на местах населению оставлялись запасы продовольствия на 1 месяц. Продукты и фураж, сверх этого, подлежали реквизиции и отправке по указанию военных властей в интендантские магазины. Не угнанный населением скот был реквизирован и направлялся для пополнения войсковых, а затем армейских гуртов. Остающийся после этого скот и племенной скот направлялся гоном по указанию военных властей. Все лошади, неуказанные населением, подлежали реквизиции. По восполнении реквизированными лошадьми недостатка в конском составе войск, излишек направлялся гоном в конский запас по указанию военных властей.

За реквизируемые продукты и фураж, скот, лошадей и перевязочные средства выдавались реквизиционные квитанции формы № 1. Квитанции эти оплачивались комиссиями наличными деньгами и немедленно. При реквизиции меди, станков, машин, изделий из алюминия, свинца, цинка и других предметов, которые неприятель мог использовать для своей армии, выдавались реквизиционные квитанции формы № 2. В них вписывалось количество рекви-

зируемого имущества и, если были установлены цены на реквизируемые предметы, – то и его стоимость.

Таким образом, изучение архивных материалов, касающихся реквизиций в начальный период Первой мировой войны, позволяет сделать следующие выводы: 1) производство реквизиций осуществлялось в соответствии с «Положением о полевом управлении войск в военное время», «Положением о порядке производства реквизиций»; 2) реквизиции сыграли важную роль в своевременном и полном обеспечении войск необходимым продовольствием и вещевым имуществом, недопущении использования неприятелем ресурсов в случае захвата российских земель; 3) местная власть оказывала всемерное содействие войскам в проведении реквизиций; 4) население в основном с пониманием относилось к проводимым реквизициям; 5) несмотря на принимаемые меры по организованному проведению реквизиций, в полном объеме они произведены не были.

Список литературы

1. Черепица, В.Н. Прифронтовые будни города-крепости Гродно / В.Н. Черепица // Новая экономика. – 2006. – № 7 – 8 (июль – август).
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в г. Гродно. – Фонд 91. – Оп. 3. – Д. 21.
3. Черепица, В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности: моногр. / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2006. – 536 с.
4. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 301. – Оп. 1. – Д. 38.
5. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 1980.
6. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 31. – Оп. 1. – Д. 1250.
7. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 18. – Оп. 9. – Д. 247.

Павлов Леонтий Юрьевич, *начальник кафедры тылового обеспечения ГрГУ им. Я. Купалы, полковник.*

УДК 94(476).032.3

Л.Ю. Павлов

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОСТАВОК ПРОДОВОЛЬСТВИЯ РОССИЙСКОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Система снабжения войск продовольствием во все времена находилась в тесной связи со способом ведения войны. Складывалась она в зависимости от условий, в которых велись боевые действия.

Ключевые слова: продовольствие, поставки, снабжение, обеспечение, реквизиция, боевые действия, подрядчик, театр военных действий.

В древние времена и в средние века обеспечение войск продовольствием осуществлялось в основном за счет театра войны. Целые армии обеспечивали себя, насильственно изымая продукты у населения, которое проживало в районах, прилегающих к местам ведения боевых действий. В таких условиях каждая война заканчивалась полным опустошением страны, которая имела несчастье сделаться театром военных действий.

С изобретением огнестрельного оружия изменился способ ведения войны, иным стал порядок комплектования армий. Произошли серьезные изменения и в системе обеспечения войск. Возникла необходимость организации подвоза материальных средств. Появляется понятие «дневная дача продовольствия», впоследствии перемеинованная в «суточную дачу» – нормирование выдачи продовольствия на одного военнослужащего в сутки.

Уже к середине XVIII века практически во всех армиях сложились две системы снабжения войск продовольствием: магазинная и реквизиционная. Магазинная система представляла собой организацию поставок продовольствия из собственной страны, за исключением фуража для животных, который заготавливался из местных источников. Реквизиционная система, в противовес магазинной, предусматривала обеспечение войск за счет занятого края, «война должна питать войну» [1, с. 62]. В дальнейшем реквизиционная система претерпела изменения. Появилось два вида реквизиций: платные и бесплатные. Использование в чистом виде какой-либо одной системы снабжения войск продовольствием практически никогда не осуществлялось.

Обеспечение продовольствием Российской армии в годы Первой мировой войны также осуществлялось с использованием двух систем обеспечения. Организация заготовок продовольствия и фуража для обеспечения армии в этот период являлась одной из важнейших сфер деятельности Российского государства. Основные объемы заготовок и поставок продовольствия и фуража ложились на магазинную систему. Заготовка большинства продуктов осуществлялась вне театра военных действий. Эти функции были возложены на Главное управление землеустройства и земледелия (с 1915 года – Министерство земледелия), которое возглавлял тайный советник Глинка. Данное управление разработало Инструкцию по заготовке для армии хлеба в зерне, муки, крупы овса, утвержденную 11 августа 1914 года. Согласно нее «заготовка и закупка продовольственных продуктов по требованиям военного ведомства для армии, возложенные на время военных действий на Главное управление землеустройства и земледелия, согласно особому журналу Совета Министров 1-го августа 1914 года производится распоряжением назначенных для сего главноуправляющим землеустройством и земледелием главноуполномоченных его помощников и губернских уполномоченных, привлекаемых к этому делу из числа представителей местных земских и общественных учреждений» [2, с. 7]. Инструкция определяла порядок разрешения, возникающих при заготовках продовольствия вопросов; способы заготовок; порядок участия земских учреждений; порядок установки покупных цен; порядок открытия кредитов; контроль за ходом заготовок; порядок приема продовольствия; ответственность должностных лиц; охрану продовольствия; порядок ведения учета; отчетность и т.д. [2, с. 8 – 10].

Помимо Главного управления землеустройства и земледелия вопросами заготовок занималось Главное интендантское управление военного ведомства. Заготовительные мероприятия органов интендантства фронтов вне театра военных действий были запрещены. Войскам разрешалось производить заготовки продовольствия лишь в пределах войсковых районов. Были разработаны и утверждены положением Военного Совета «Правила покупки продовольственных и фуражных продуктов военным ведомствам от земств, землевладельцев и сельскохозяйственных общин». Доведены до местных властей кондиции на поставку провианта, овса и прессованного сена. В них были отражены следующие вопросы: предметы поставки и их количество; места исполнения подряда; сроки

подряда; пособие от казны подрядчикам; порядок исполнения подряда; размер неустойки на случай неисправности подрядчика и способ ее обеспечения; порядок освобождения залогов; неисправность подрядчика; порядок и степень ответственности подрядчика и казны за неисполнение обязательств; расходы по гербовому сбору; обязательность соответствующих делу законов [3, с. 5 – 6].

Заготовительные мероприятия во время войны приняли значительный размах. В период войны Главное интендантское управление непосредственно и через Главное управление землеустройства и земледелия заготовило колоссальное количество продовольствия и фуража. Так, до 1 января 1916 года было заготовлено: муки – 80,9 млн пудов, крупы и риса – 14,4 млн, сухарей и галет – 6,2 млн, мяса и сала – 8,2 млн пудов, скота – 390 тыс. голов, мясных и рыбных консервов – 117,9 млн порций, сахара – 2,7 млн пудов, чая – 434 тыс., овса – 120,7 млн и сена – 58,3 млн пудов [4, с. 8].

На органы железнодорожного транспорта были возложены задачи по отправке на фронт заготовленного продовольствия и фуража. Их доставка осуществлялась на продовольственные магазины, которые по своему предназначению делились на базисные, запасные, расходные, промежуточные и крепостные. В зависимости от предназначения они эшелонировались как по фронту, так и в глубину.

Базисные магазины предназначались для снабжения всех прочих магазинов. Один-два центральных базисных магазина с приписанными к ним запасными магазинами представляли собой фронтовой базисный район. В эти магазины из внутренних областей страны поступали все виды продовольствия и фуража, которые затем по мере необходимости переотправлялись в промежуточные и расходные магазины.

Запасные магазины служили не для текущего довольствия войск, а для удовлетворения их потребностей в особых условиях, например, для обеспечения предполагаемой операции или при недостатке складских помещений в базисных магазинах.

Расходные магазины создавались по одному на каждый армейский корпус и предназначались для непосредственного снабжения войск. Корпусные расходные магазины располагались в войсковом районе в двух – двух с половиной переходах от войск. В войсковом же районе располагались армейские магазины, находившиеся под контролем интенданта фронта.

Промежуточные магазины создавались при значительном удалении расходных магазинов от базисного магазина (более 500 км по железным дорогам и 100 км – по грунтовым).

Крепостные магазины предназначались для довольствия гарнизона крепости в период военных действий до осады и во время ее. Поэтому запасы этих магазинов подразделялись на расходный (для текущего довольствия войск крепости) и неприкосновенный (для довольствия войск при блокировании крепости врагом). Начальниками магазинов назначались смотрители из числа офицерского состава, которые были ответственными за доброкачественность принимаемых продуктов, целостность казенного имущества, хранящегося в магазине, и правильность его отпуска потребителям. Для противодействия насилию при магазинах содержался вооруженный караул [1, с. 63]. Так, приказом по Витебскому базисному продовольственному магазину от 17 июня 1915 года № 1 объявлялся список классных и нижних чинов, состоящих на 17 июня 1915 года в штате магазина и в прикомандировании к нему. В него входили: смотритель магазина – 1 (титулярный советник Константин Руденский), помощник смотрителя магазина – 1, делопроизводитель – 1, конторщик – 1, старший писарь – 1, младший писарь – 2, старший вахтер – 3, младший вахтер – 3, фельдшер – 1, служитель – 18, ратник – 27, прикомандированные ратники – 90 [5, с. 1 – 2]. Общая численность личного состава составляла 149 человек, из которых 117 человек (78 %) обеспечивали охрану и оборону магазина.

На нынешней территории Республики Беларусь продовольственные магазины размещались в городах Минск, Гродно, Брест, Могилев, Гомель, Витебск, Мосты, Полоцк, Двинск, Барановичи, Волковыск, Слоним, Малорита [6]. Для облегчения подвоза продовольствия и фуража базисные, промежуточные и запасные продовольственные магазины всегда размещались на железнодорожных станциях. Расходные корпусные магазины располагались по возможности на железнодорожных станциях, но нередко были случаи размещения их на грунтовых путях подвоза. Корпусные магазины в маневренный период войны постоянно перемещались в зависимости от боевой обстановки. Положение о продовольственных магазинах военного времени предусматривало содержание в них запасов по определенным нормам. Запасы продовольственных магазинов пополнялись из местных средств, подвозом из ближайших тыловых магазинов и подвозом из внутренних районов страны.

В связи с огромным объемом поставок продовольствия по железной дороге, одной из важнейших задача было сокращение сроков разгрузки вагонов и приема-передачи материальных средств по количеству и качеству. С этой целью продукты принимались комиссиями на местах погрузки. На каждый вагон составлялись удостоверения о количестве, качестве продовольствия. Грузы подлежали приему в магазины по приказу главного интенданта без исследований качества и сдавались особыми сдатчиками Главного управления землеустройства и земледелия, командированными уполномоченными из мест отправки. В телеграмме от 17 октября 1914 года № 59/201 на имя Гродненского губернатора главноуправляющий Глинка писал: «Ввиду затруднительности командирования значительного числа сдатчиков, необходимо возложить сдачу продуктов в магазины на местных чинов ведомства, главнейшая задача которых должна состоять: в личных сношениях со смотрителем магазина, осведомленности прибытия грузов, организации выдачи смотрителем квитанции о приеме грузов, отсылке квитанций подлежащим уполномоченным с изложением в квитанциях соответствий их накладным и составлении актов замеченных несоответствиях, недостатках, повреждениях. Вследствие сего сообщите по телеграфу список чинов ведомства, на которых можно возложить представительство при сдаче грузов в Волковысский, Белостокский, Брестский, Слонимский, Кобринский магазины» [2, с. 1 – 2]. При этом обращалось внимание «на необходимость особой тактичности, умения отличить формальности и мелочи от существенного, ставя на первый план работу о скорейшем снабжении армии доброкачественной продукцией» [2, с. 5]. Такими представителями были назначены: в г. Волковыске – Меленчук, в г. Белостоке – Казаченко, в г. Бресте – Скалбе, в г. Слониме – Крузенштерн, в г. Кобрине – Блажевич. После передачи продовольствия сдатчикам выдавались квитанции о принятии магазином продуктов, которые впоследствии предъявляли уполномоченным по закупкам хлеба для армии по той или иной губернии.

В начальный период войны деятельность Главного управления землеустройства и земледелия по заготовке и поставке продовольствия и фуража для нужд армии была вполне успешной. Подтверждением тому служит телеграмма от 9 апреля 1915 года № 1088, отправленная губернаторам в города Псков, Рига, Митава, Витебск, Гродно, Поневеж, Варшава: «Ввиду излишка муки в базисных магазинах и затруднительности подвоза продовольствен-

ных продуктов для населения, предполагается уступить из интендантских магазинов потребное для населения количество казенной ржаной муки за деньги по заготовительной стоимости, с провозом до магазинов, сто тридцать пять копеек пуд. Сообщая о сем по приказанию Главного Начальника Округа прошу спешно уведомить меня, находите ли нужным воспользоваться казенной мукой, каким количеством при условии немедленно оплатить и вывезти из магазинов» [7, с. 2]. После сбора необходимых данных, согласования условий поставки (место, срок, количество, транспорт) из Двинского магазина населению Гродненской губернии было отпущено шестьдесят тысяч пудов ржаной муки [7, с. 5].

Однако впоследствии, когда война приобрела затяжной характер, в вопросах заготовок и поставок продуктов питания стал возникать ряд проблем. Это было связано, прежде всего, с тем, что в предвоенный период в высших кругах России, а также других стран господствовало убеждение, что будущая война продлится не более 6 месяцев. Оно основывалось на том, что при многочисленных армиях и высокой технической оснащенности война потребует колоссального расхода материальных средств, которого не выдержит длительное время ни одна страна. Считалось вполне достаточным содержать запасы не более чем на полгода. В связи с этим, недооценивалось значение подвоза материальных средств, главная ставка была рассчитана на местные ресурсы [1, с. 214]. Вторым проблемным вопросом была слабо развитая сеть железных дорог, по которым осуществлялась львиная доля перевозок как живой силы, так и материальных средств. Накануне войны на 100 квадратных верст площади железных дорог имелось в Германии 12 верст, тогда как в России только 1,2 версты [1, с. 237]. В связи с сильным расстройством работы транспорта происходили частые срывы отправки на фронт уже заготовленного продовольствия и фуража. Так, в 1916 году было заготовлено провианта (муки, крупы) 376,5 млн пудов, а отправлено войскам только 171,9 млн пудов, фуража (овса, ячменя) заготовлено 393,3 млн пудов, а отправлено 347,2 млн пудов [4, с. 89]. На совещании в декабре 1916 года было установлено, что за ноябрь 1916 года для всех фронтов следовало погрузить 68 325 вагонов, а погружено только 46 644 вагона. На этом же совещании были представлены данные о значительном сокращении подвоза основных продовольственных грузов. Так, ежедневная потребность в муке составляла 720 вагонов, а Министерство земледелия могло предоставить лишь 703 вагона, жиров

ежедневно требовалось подвозить 57 вагонов, но ввиду невозможности заготовить их в нужном количестве подвозилось не более 43 вагонов. Ежедневная потребность в мясе составляла 146 тыс. пудов. Однако из Европейской России возможно было подвозить только 10 тыс. голов скота, что в переводе на мясо составляло 100 тыс. пудов. В Сибири и Казахстане имелось много скота, но, по заявлению Министерства путей сообщения, вывоз оттуда был крайне затруднен из-за недостатка подвижного состава. Все это негативно сказывалось на организации продовольственного обеспечения Российской армии.

Кроме того, в ходе проведения реквизиций и заготовок на территории нынешней Беларуси не всегда просматривалось четкое разделение функций обоих ведомств, ведавших вопросами заготовок продовольствия, а также порой не были конкретно определены районы проведения заготовок и реквизиций для каждого из них. Это вызывало спекулятивный рост цен на продукты, а временами – опасную приостановку предложений в ожидании повышения цен; нередко отказ от исполнения заключенных сделок; затруднение железнодорожных перевозок при требовании разных ведомств вывоза с одних и тех же станций заготовок без взаимного согласования. В целях недопущения подобных случаев 7 июля 1915 года было проведено особое совещание под председательством начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала от инфантерии Янушкевича, на котором присутствовали: генералы от инфантерии Шуваев, Маврин, Данилов; генерал-лейтенант Кондзеровский; генерал-майоры Егорьев, Эрдман, Ронжин; полковник Немов; тайные советники Глинка и Ленин. В ходе его проведения было установлено, что Главному управлению землеустройства и земледелия при заготовках принадлежит исключительное право закупок хлеба и фуража для армии вне театра войны, а также в его тыловых районах. Вместе с тем, была признана необходимость «на театре войны заготовку также предоставить Главному управлению землеустройства и земледелия, однако без учета войсковых районов, которые находятся в распоряжении Военного ведомства. Установление границ этих районов предоставляется на усмотрение главного начальника снабжения армий фронтов». Предусмотрено было таксирование на театре войны цен на продукты, заготовленные Главным управлением землеустройства и земледелия и Военным ведомством. При этом, «предельные цены, объявляемые военным начальством на театре войны, нормировались ценами, установлен-

ными Главным управлением землеустройства и земледелия, для чего необходимо, чтоб последнее своевременно сообщало об этих ценах подлежащему начальству фронта» [3, с. 7 – 9].

Также, имели место случаи поступления некондиционного продовольствия, что было вполне допустимо, учитывая огромные объемы поставок продовольствия и фуража, а также большие расстояния от районов заготовки до мест назначения. В таких случаях составлялся акт, в котором отражалось: точное обозначение документов, по которым принят груз (номер накладных, время отправки и станция отправления), точное наименование отправителя, количество груза, дефекты груза, причины порчи груза (недостаток укупорки, отсутствие брезентов и т.д.) [1, с. 22]. В первые годы войны, зачастую, большие партии разного рода продуктов, заготовленных для нужд действующих армий по преимуществу уполномоченными Главного управления землеустройства и земледелия, признавались некондиционными или негодными на основании освидетельствования лишь 5 % от общей партии продовольствия. При обнаружении недоброкачественности небольшой части продуктов, комиссиями магазинов оформлялось постановление о признании негодной и подлежащей нередко немедленному уничтожению всей предъявляемой к освидетельствованию партии. Данные факты помимо экономического ущерба, наносимого государству, вызвали нарекания со стороны заготовителей, ответственных за убытки казны. В целях недопущения подобных случаев главнокомандующим армиями Западного фронта генерал-адъютантом Эвертом был издан приказ от 25 января 1916 года № 2940, который предписывал:

«1. Чтобы ранее уничтожения припасов, поступивших для довольствия армий, но признанных негодными на основании подробного осмотра лишь части этих продуктов, все количество таковых подвергалось подробному осмотру в продовольственных магазинах и частях войск, со вскрытием, по возможности, всех помещений с продуктами и составлением о том актов.

2. Чтобы в тех случаях, когда при подробной браковке припасов, часть таковых окажется годной или имеющей некоторую ценность, были принимаемы меры к приведению припасов, путем сортировки или переработки в состояние, пригодное для использования в тех или других целях (например, годное сало свиное могло быть перетапливаемо); если же стоимость обработки по приведению припасов в годный для довольствия вид превысит половину стоимости самих припасов, то таковые продавать, совершенно негодные уничтожать установленным порядком.

3. Чтобы к актам об освидетельствовании припасов, признанных подлежащими уничтожению, были составлены и прилагаемы к отчетности акты о количестве фактически уничтоженных припасов» [1, с. 4 – 5].

Таким образом, исследовав проблему обеспечения продовольствием Российской армии в Первой мировой войне, можно сделать вывод, что оценить однозначно положительно или отрицательно деятельность государственных и военных органов по организации заготовок и поставок продуктов и фуража нельзя. Если в начальный период военных действий войска в полной мере обеспечивались всем необходимым. И связано это было, прежде всего, с тем, что использовались созданные заблаговременно запасы продовольствия, а также активно использовались сырьевая и промышленная базы войсковых районов. То в последствии, ситуация в вопросах поставок продовольствия стала изменяться в худшую сторону. Причинами такого положения дел стало то, что война приобрела затяжной характер, значительно истощились ресурсы войсковых районов, значительное увеличение численности армии потребовало значительных затрат, граничащих с подрывом экономики государства. Немаловажную роль сыграло большое удаление районов заготовок (восточные области Европейской России и Западная Сибирь), загруженность головных железнодорожных станций во фронтовой зоне. Кроме того, стало негативно сказываться отсутствие общего руководства органами различных министерств, ведавших заготовкой и подвозом продовольствия для действующей армии.

Список литературы

1. Вещиков, П.И. Военное хозяйство – Тыл Вооруженных Сил России (XVIII – XX вв.) / П.И. Вещиков; под ред. доктора военных наук, профессора Н.А. Малюгина. – М., 2003. – 460 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в г. Гродно. – Фонд 31. – Оп. 1. – Д. 1250.
3. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 18. – Оп. 9. – Д. 247.
4. НИАБ в г. Минске. – Фонд 3281. – Оп. 1. – Д. 1.
5. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 17. – Оп. 1. – Д. 491.
6. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 87. – Оп. 4. – Д. 701.
7. НИАБ в г. Минске. – Фонд 700. – Оп. 4. – Д. 7.

Павлов Леонтий Юрьевич, *начальник кафедры тылового обеспечения ГрГУ им. Я. Купалы, полковник.*

УДК 94(520).032.3/4.

А.Н. Глебов, М.Н. Тимошек

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ БОЕВЫХ ОТРАВЛЯЮЩИХ ВЕЩЕСТВ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются исторические аспекты применения отравляющих веществ в военных целях в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: отравляющие вещества, химия, граната, снаряд, хлор, фосген, газомет, иприт.

Случаи применения боевых отравляющих веществ (БОВ) во время Первой мировой войны являются первыми зафиксированными нарушениями Гаагской декларации 1899 и 1907 гг. Декларации запрещали «употреблять снаряды, имеющие единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы».

Инициатива в применении БОВ в широком масштабе, принадлежит Германии. Сразу после объявления войны Германия начала производить опыты (Физико-химический институт, Институт имени кайзера Вильгельма) с рядом химических веществ в целях возможности использования их в военном отношении [1, с. 28].

Центром производства БОВ в Германии стал Леверкузен, куда в 1915 г. перевели из Берлина Военную химическую школу. В ее лаборатории в Гюште работали безостановочно 300 химиков. Заказы на ОВ были распределены между различными заводами.

22 апреля 1915 г. Германия провела массированную хлорную атаку на Западном фронте в Бельгии у города Ипр, выпустив со своих позиций между пунктами Биксшуте и Лангемарк хлор из 5730 баллонов. Газовая атака продолжалась 5 – 8 минут.

Результатом сражения у Ипра, начавшегося газобаллонной атакой 22 апреля и продолжавшегося до середины мая, стало последовательное очищение союзниками значительной части территории Ипрского выступа. Союзники понесли значительные потери – 15 тысяч солдат получили поражения, из них 5 тысяч погибли. Газеты того времени так писали о действии хлора на человеческий организм: «заполнение легких водянистой слизистой жидкостью, которая постепенно заполняет все легкие, из-за этого происходит удушение, вследствие чего люди умирали в течение 1-го или 2-х дней» [2, с. 84].

Эта газовая атака стала полной неожиданностью для войск союзников, но уже 25 сентября 1915 г. Британские войска провели свою пробную хлорную атаку.

В дальнейшем, в газобаллонных атаках, применялись как хлор, так и смеси хлора с фосгеном. Впервые смесь фосгена с хлором была применена 31 мая 1915 г. под Болимовом (Польша) против русских войск. В русской армии имелись, полученные от перебежчиков, сведения о подготовке газовой атаки, но они остались без внимания и не были доведены до войск. Между тем, командование VI Сибирского корпуса и 55-й пехотной дивизии, оборонявших подвергнувшийся газобаллонной атаке участок фронта, знало о результатах атаки у Ипра и даже заказало противогазы в Москве. По иронии судьбы противогазы были доставлены 31 мая вечером, уже после атаки. В тот день, в 3 часа 20 минут, после короткой артподготовки немцы выпустили 264 т смеси фосгена с хлором. Приняв облако газа за маскировку атаки, русские войска усилили передовые окопы, и подтянули резервы. Полная неожиданность и неподготовленность со стороны русских войск привели к тому, что солдаты проявили больше удивления и любопытства к появлению облака газа, нежели тревоги. Вскоре окопы, представлявшие лабиринт сплошных линий, оказались заполненными мертвыми и умирающими. Потери от газобаллонной атаки составили 9146 человек, из них 1183 умерших от газов [3, с. 24].

Всего с апреля 1915 г. по ноябрь 1918 г. немецкими войсками было произведено более 50 газобаллонных атак, англичанами – 150, французами – 20.

С 1917 г. воюющими странами стали применяться газометы (прообраз минометов). Впервые они были применены англичанами в 1917 г. Немецкие газометы стали причиной «Чуда у Капоретто». Массированное применение газометов группой Крауса, наступающей в долине реки Изонцо, привело к быстрому прорыву итальянского фронта. В период с декабря 1917 г. по май 1918 г. немецкие войска произвели 16 атак на англичан с использование газометов. Однако их результат, в связи с развитием средств противохимической защиты, оказался уже не столь значительным.

Новый этап применения химического оружия начался с применения стойкого ОВ кожно-нарывного действия В,В'-дихлордиэтилсульфида, впервые опробованного немецкими войсками под бельгийским городом Ипр. 12 июля 1917 г. в течение 4 часов по позициям союзников было выпущено 60 тысяч снарядов, содержащих 125 тонн

В,В'-дихлордиэтилсульфида. Поражения различной степени получили 2490 человек. Наступление англо-французских войск на этом участке фронта было сорвано и смогло возобновиться лишь спустя три недели. Французами новое ОВ было названо «ипритом», по месту первого применения, а англичанами – «горчичным газом» из-за сильного специфического запаха. Всего же за 1917 – 1918 гг. противоборствующими сторонами было применено 12 тыс. т иприта, которым было поражено около 400 тыс. человек.

В русской армии верховное командование относилось к использованию ОВ отрицательно. Однако под впечатлением газовой атаки, произведенной немцами в районе Ипра, оно было вынуждено изменить свои взгляды.

3 августа 1915 г. появился приказ об образовании при Главном артиллерийском управлении (ГАУ) военного министерства России специальной комиссии «по заготовлению удушающих средств». В результате работы комиссии ГАУ в России в первую очередь было налажено производство жидкого хлора, который до войны привозился из-за границы.

В августе 1915 г. был впервые произведен хлор. В октябре того же года началось производство фосгена. С октября 1915 г. в России начали формироваться особые химические команды для выполнения газобаллонных атак.

В апреле 1916 г. при ГАУ был образован Химический комитет, в состав которого вошла и комиссия по «заготовлению удушающих средств». Благодаря энергичным действиям Химического комитета в России была создана обширная сеть химических заводов (около 200), в том числе и заводы для изготовления ОВ.

Первую газобаллонную атаку русские войска произвели 6 сентября 1916 г. в 3 часа 30 мин в районе г. Сморгони. На участке фронта протяженностью 1100 м установили 1700 малых и 500 больших баллонов. 25 октября к северу от Барановичей в районе Скробова была произведена еще одна газобаллонная атака со стороны русских войск. Допущенные при подготовке атаки повреждения баллонов и шлангов, привели к значительным потерям – только умершими насчитывалось 115 человек. Все отравленные были без противогазов [1, с. 23].

К концу 1916 г. проявилась тенденция к переносу центра тяжести химической борьбы с газобаллонных атак на химические снаряды.

Россия стала на путь применения в артиллерии химических снарядов с 1916 г., изготовляя 76-мм химические гранаты двух типов: удушающих, снаряженных смесью хлорпикрина с хлористым сульфурилом, и общетоксического действия – фосген с хлорным оловом. К осени 1916 г. требования русской армии на химические 76-мм снаряды удовлетворялись полностью – армия ежемесячно получала 15 000 снарядов. Что же касается газометов, с успехом применявшихся как новое средство химического нападения на французском и итальянском фронтах с начала 1917 г., то Россия газометов не имела. В минометной артиллерийской школе, сформированной в сентябре 1917 г., только предполагалось начать опыты по применению газометов.

В конце 1916 г. ГАУ выслало в действующую армию 9500 ручных стеклянных гранат с удушающими жидкостями для боевого испытания, а весной 1917 г. – 100 000 ручных химических гранат, которые были необходимы при обороне и особенно при отступлении, чтобы препятствовать преследованию противником. Русская артиллерия не была настолько богата химическими снарядами, чтобы применять массовую стрельбу, как это было у союзников и противников России. Она применяла 76-мм химические снаряды почти исключительно в обстановке позиционной войны как вспомогательное средство наряду со стрельбой обыкновенными снарядами.

В заключение следует отметить, что в течение Первой мировой войны химические вещества применялись в огромных количествах. Всего было произведено 180 тыс. т химических боеприпасов различных типов, из которых на поле боя было применено 125 тыс. т, в том числе 47 тыс. т – Германией. Боевую проверку прошло свыше 40 типов ОВ. Общие потери от химического оружия оцениваются в 1,3 млн человек, из них около 100 тыс. со смертельным исходом.

Список литературы

1. Болдырев, В.Н. Немецкие удушливые газы и меры борьбы с ними / В.Н. Болдырев. – М., 1917. – 63 с.
2. Ротшильд, Д. Оружие завтрашнего дня / Д. Ротшильд. – М., 1966. – 267 с.
3. Сошественский, Н.А. Токсикология боевых отравляющих веществ / Н.А. Сошественский. – М.: Сельхозгиз, 1933. – 355 с.
4. Краснознаменный Белорусский военный округ / под общ. ред. А.Г. Овчинникова. – Минск: Беларусь, 1973. – 674 с., ил. + 12 карт.
5. Мальцев, Л.С. Вооруженные Силы Республики Беларусь: История и современность / Л.С. Мальцев. – Минск: Асобны Дах, 2003. – 245 с.

6. О Вооруженных Силах, дислоцирующихся на территории Республики Беларусь: постановление Верховного Совета Республики Беларусь // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь, 11 января 1992 г., № 1403-XII.
7. Павловский, И.Г. Сухопутные войска СССР: Зарождение, развитие, современность / И.Г. Павловский. – М.: Воениздат, 1985. – 320 с., ил.

Глебов Андрей Николаевич, *студент 3 курса БГМУ.*
Тимошек Мария Николаевна, *студентка 3 курса БГМУ.*

БОЕВОЕ СОДРУЖЕСТВО СЛАВЯН В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941 – 1945 ГОДОВ

УДК 94(47).084.6

С.М. Орочко

ХАЛХИН-ГОЛ: РОЛЬ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ В РАЗГРОМЕ ЯПОНСКИХ ВОЙСК В БАИН-ЦАГАНСКОМ СРАЖЕНИИ

Японцы давно вынашивали планы захвата Монголии. Они считали, что овладение территорией МНР дает им крупные стратегические выгоды. Начальник штаба Квантунской армии генерал Итагаки говорил, что Монголия «является очень важной с точки зрения японско-маньчжурского влияния сегодняшнего дня, ибо она является флангом обороны Транссибирской железной дороги, соединяющей советские территории на Дальнем Востоке и в Европе. Если Внешняя Монголия будет объединена с Японией и Маньчжоу-Го, то советские территории на Дальнем Востоке окажутся в очень трудном положении и можно будет уничтожить влияние Советского Союза на Дальнем Востоке без особых усилий». Словом, японские стратеги считали, что прорвавшись через Монголию и дойдя до Байкала, они тем самым поставят под угрозу весь Советский Восток.

Ключевые слова: провокация, авантюра, диверсия, приграничный район, боестолкновения, укрепленный район, гарнизон, плацдарм.

Японских империалистов привлекали также и богатства Монголии: уголь, железо, скот, а также огромная территория, которая больше Англии, Франции и Германии вместе взятых. К походу на Монголию японцы готовились долгое время. Они не раз устраивали провокации на ее границе.

Японские войска организовывали всякого рода диверсии в приграничных с СССР районах. В 1936 – 1939 гг. на границе СССР и захваченной японцами Маньчжурии было зафиксировано 230 нарушений, из них 35 крупных боевых столкновений. Тревожная обстановка складывалась на участках Турий Рог и у озера Ханка, в Полтавском и Гродековском укрепленных районах, на р. Амур у городов Благовещенск и Хабаровск.

В Маньчжурии на границах с Советским Союзом и МНР японцы создали 11 укрепленных районов, в населенных пунктах вдоль государственных границ разместили сильные военные гарнизоны; они строили и совершенствовали шоссейные дороги. В Северной и

Северно-Восточной Маньчжурии сосредотачивалась основная группировка Квантунской армии. К лету 1939 г. ее численность здесь была доведена до 350 тыс. человек; в группировке имелось более тысячи артиллерийских орудий, 385 танков и 355 самолетов.

Все эти факты убедительно свидетельствовали, что Япония усиленно готовилась к агрессии против МНР и СССР.

Учитывая напряженность положения и угрозу военного нападения, правительства Советского Союза и МНР принимали меры дипломатического и военного характера. Еще 12 марта 1936 года был подписан советско-монгольский Протокол о взаимной помощи. В нем говорилось: «Правительства СССР и МНР обязуются в случае военного нападения на одну из договаривавшихся сторон оказать друг другу всяческую, в том числе и военную, помощь». В соответствии с этим соглашением в Монголию были отправлены части Красной Армии, из которых был сформирован 57-й особый корпус [1, с. 43].

Советское правительство позднее официально заявило, что «границу МНР, в силу заключенного между нами договора о взаимопомощи, мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную».

В этих целях были приняты действенные меры по надежной защите дальневосточных рубежей нашей страны и МНР. В частности, было решено увеличить численность советских войск на Дальнем Востоке. Приказом НКО СССР от 4 сентября 1938 г. Тихоокеанский флот и Краснознаменная Амурская флотилия были оперативно подчинены командующим отдельными армиями.

К лету 1939 г. в состав советских войск на Дальнем Востоке входили 1-я отдельная Краснознаменная армия под командованием командарма 2-го ранга Г.М. Штерна, 2-я отдельная Краснознаменная армия комкора И.С. Конева, Забайкальский военный округ (командующий комкор Ф.Н. Ремезов). Эти объединения подчинялись непосредственно наркому обороны СССР. В оперативном подчинении 1-й отдельной Краснознаменной армии находился Тихоокеанский флот, 2-й отдельной Краснознаменной армии – Краснознаменная Амурская флотилия и Забайкальского военного округа – 57-й особый корпус, дислоцировавшийся на территории МНР.

Большая работа отводилась по инженерному укреплению границ и повышению боевых возможностей войск. Было завершено строительство многих оборонительных районов на наиболее угрожаемых направлениях. Из авиационных частей и соединений было

создано новое оперативное объединение – 2-я воздушная армия. В стрелковые и кавалерийские соединения включались танковые батальоны и механизированные полки. Территориальные дивизии переводились на кадровое положение [2, с. 42].

Готовя агрессивную акцию против МНР, японское командование избрало объектом нападения восточный выступ республики в районе р. Халхин-Гол. Овладение этим районом дало бы японцам ряд преимуществ. Река Халхин-Гол шириной 100 – 130 метров и глубиной 2 – 3 метра имеет крутые спуски, во многих местах заболочена, а местами была труднодоступна для боевой техники. В нескольких километрах к востоку от нее тянется гряда высот, возвышающихся над местностью. Наряду с этим в долине реки много песчаных котлованов. В Халхин-Гол здесь впадает река Хайластын-Гол, разрезающая на две части район предстоящих боевых действий, что было невыгодно для советско-монгольских войск.

С Маньчжурской стороны к этому району близко подходили две железные дороги, ближайшая же железнодорожная станция снабжения советских и монгольских войск находилась на расстоянии 650 км. Степной и безлюдный район восточнее р. Халхин-Гол охранялся лишь отдельными пограничными дозорами, заставы находились на удалении 20 – 30 км от государственной границы.

После тщательной подготовки японское командование приступило к осуществлению своих планов. Пустив в ход излюбленный прием – провокацию, японские агрессоры объявили чужую территорию своей. 11 мая 1939 г. японские части неожиданно напали на заставы Монгольской Народной Армии восточнее р. Халхин-Гол в районе озера Буир-Нур. Монгольские войска вынуждены были отойти к реке. Бои здесь шли десять дней, но какого-либо успеха японцам они не принесли [2, с. 65].

После вероломного нападения японских захватчиков на МНР Советское правительство приняло срочные меры по усилению руководства войсками в районе боевых действий. В первых числах июня туда был направлен заместитель командующего войсками Белорусского военного округа по кавалерии комдив Г.К. Жуков с задачей – разобраться с обстановкой на месте, принять неотложные меры. Оценив обстановку в целом, он пришел к выводу, что «теми силами, которыми располагал 57-й особый корпус в МНР, пресечь японскую авантюру будет невозможно...». Советское Главное командование немедленно приняло решение об усилении корпуса. Его командиром был назначен Г.К. Жуков.

К началу июля японцами в районе р. Халхин-Гол была сосредоточена вся 23-я пехотная дивизия в составе трех пехотных и кавалерийского полков, два полка 7-й пехотной дивизии, 3-й и 4-й танковые полки, три баргутских полка Хинганской кавалерийской дивизии. Кроме штатной артиллерии пехотных дивизий были подтянуты 1-й отдельный и 7-й тяжелый артиллерийские полки, до двух дивизионов зенитной артиллерии и несколько противотанковых батарей. Действия наземных войск должна была прикрывать 2-я авиационная дивизия, насчитывающая в своем составе свыше двухсот самолетов.

К 1 июля в районе реки Халхин-Гол японцы сосредоточили около 38 000 солдат и офицеров. На вооружении имелось 158 станковых пулеметов, 186 легких и тяжелых орудий, 124 противотанковых орудия, 135 танков и 10 бронемашин, 225 самолетов [2, с. 57].

По плану японского командования предполагалось окружить и полностью уничтожить советско-монгольские войска, находящиеся на восточном берегу р. Халхин-Гол. Главный удар наносился правым флангом. Эта задача возлагалась на ударную группу генерал-майора Кобаяси в составе трех пехотных и одного инженерного полков с приданной артиллерией. Группа должна была обойти левый фланг советско-монгольских войск, выйти к р. Халхин-Гол и форсировать его в районе горы Баин-Цаган. Затем, продвигаясь на юг, во взаимодействии с японскими войсками, действующими с фронта, полностью разгромить советско-монгольские войска.

Группа под командованием генерал-лейтенанта Ясуока в составе трех пехотных батальонов, двух танковых полков, трех кавалерийских полков по плану, наступая в центре, должна была сковать монгольские войска с фронта, а затем, охватывая танками левый фланг плацдарма, а баргутской конницей – правый, завершить уничтожение советско-монгольских войск.

В этих условиях советское командование было вынужденно срочно провести ряд мер по предотвращению расширения военных действий. Одной из них явилась перестройка организационной структуры руководства войсками на Дальневосточном театре военных действий, с другой – увеличение их боевого и численного состава [1, с. 25].

К этому времени советско-монгольские войска занимали на восточном берегу р. Халхин-Гол плацдарм шириной по фронту примерно в 20 километров и глубиной до 10 километров. В центре находился стрелково-пулеметный батальон 11-й танковой бригады и

два батальона 149-го стрелкового полка, севернее располагалась 9-я мотоброневая бригада. Левый фланг плацдарма обеспечивала 6-я кавалерийская дивизия МНРА. Правый – 8-я кавалерийская дивизия МНРА. Остальные войска находились за 120 – 130 километров в районе Тамцаг-Булака.

Общая численность советско-монгольских войск, занимавших оборону у реки Халхин-Гол, составляла 12 541 человек. В их распоряжении было 139 пулеметов, 86 легких и тяжелых орудий, 23 противотанковых орудия, 186 танков и 266 бронемашин, 82 самолета.

Противник превосходил советско-монгольские войска по живой силе в три, по артиллерии в два с половиной, по противотанковым орудиям почти в шесть раз. Зато более чем в три раза уступал им по числу танков и бронемашин [2, с. 186].

Активные действия японской авиации в конце июня, а также данные разведки указывали на готовящееся противником новое наступление. Однако направление главного удара оставалось неизвестным.

В связи с этим комдив Г.К. Жуков приказал направить в ночь на 2 июля из Тамцаг-Булака в район, расположенный примерно в 20 километрах северо-западнее горы Баин-Цаган, 11-ю танковую бригаду, 7-ю мотоброневую бригаду и 24-й мотострелковый полк. Отсюда советские войска можно было сравнительно быстро направить на угрожаемый участок для отражения вражеского удара.

Еще утром 2 июля наблюдатели 149-го стрелкового полка заметили подозрительное оживление в расположении противника. Со стороны озера Удзур-Нур к высоте Номон-Хан-Бурд-Обо прошло несколько колонн автомашин, часто сновали связные мотоциклы. По приказанию командира полка майора И.М. Ремизова в окопах советско-монгольских войск объявили повышенную боевую готовность.

В 21 час на песчаных барханах севернее р. Хайластын-Гол с грохотом взметнулись черные клубы многочисленных разрывов: японцы начали артиллерийскую подготовку. Потом со стороны высоты Номон-Хан-Бурд-Обо показались японские танки, за ними двигались густые цепи пехоты. К исходу 2 июля противнику ценой огромных потерь удалось несколько потеснить на левом фланге батальоны 9-й мотоброневой бригады, а на правом – части 149-го стрелкового полка. Вклинившись в боевые порядки советских войск, японцы медленно продвигались вперед.

Около двух часов ночи 3 июля начала переправу через р. Халхин-Гол ударная группа генерал-майора Кобаяси. Вначале она пе-

реправлялась на лодках, плотах, вплавь, затем японские саперы навели понтонный мост в районе горы Баин-Цаган [1, с. 185].

Переправившимся японцам сравнительно легко удалось отбросить малочисленные дозоры 15-го полка 6-й кавалерийской дивизии МНРА. Уже к десяти часам утра основные силы Кобаяси были на западном берегу реки Халхин-Гол.

Еще вечером 2 июля командир 57-го особого стрелкового корпуса комдив Г.К. Жуков получил сведения о фронтальном наступлении японцев на восточном берегу р. Халхин-Гол. Комдив понимал, что это скорей всего отвлекающий маневр. Главный удар, видимо, последует с фланга.

В распоряжении Г.К. Жукова резервов было немного: 11-я танковая бригада, 7-я мотоброневая бригада и 24-й мотострелковый полк.

По приказу Г.К. Жукова 11-я танковая бригада направляется в район северо-восточнее озера Хух-Усу-Нур, с тем чтобы нанести удар с севера во фланг группе Ясуока. Южнее должен был действовать 24-й мотострелковый полк.

7-я мотоброневая бригада получила приказ выйти к отметке «752», расположенной в 12 километрах северо-западнее Хамар-Дабы. Бригада была резервом командующего корпусом для использования в случае необходимости как для усиления войск на плацдарме, так и для парирования возможных фланговых ударов противника. 6-я кавалерийская дивизия МНРА должна была перебросить свой 15-й кавалерийский полк на восточный берег р. Халхин-Гол для обеспечения левого фланга 9-й мотоброневой бригады. Таков был план. Действия же противника внесли в него существенные поправки [1, с. 52].

События утром 3 июля развивались стремительно. На рассвете японские войска, переправившись через р. Халхин-Гол, захватили гору. Комдив Г.К. Жуков быстро оценил создавшуюся обстановку. Советско-монгольские войска, которые должны были нанести удар во фланг японской группировке, наступавшей на восточном берегу р. Халхин-Гол, выходили навстречу японским войскам, пытавшимся зайти во фланг и тыл советским войскам. Назревал встречный бой.

Немедленно по тревоге были подняты все советские войска. 11-я танковая бригада под командованием комбрига М.П. Яковлева получила приказ атаковать противника с ходу. С ней должен был взаимодействовать 24-й мотострелковый полк майора И.И. Федюнинского. 7-я мотоброневая бригада майора А.Л. Лесового и бро-

недивизион 8-й кавалерийской дивизии МНРА должны были наносить удар по японцам с юга. Одновременно командир особого стрелкового корпуса отдал приказ артиллерии открыть огонь по японцам в районе горы Баин-Цаган и поднять бомбардировщики.

В 10 часов 45 минут 11-й танковой бригаде приказано: «Атаковать противника!».

Главные силы 11-й бригады – 1-й и 3-й батальоны стремительно рванулись в атаку. Первый батальон под командованием майора Г.М. Михайлова охватывал гору Баин-Цаган с северо-запада, а третий во главе с капитаном С.В. Канавиным совместно с пушечными бронемашинами бронедивизиона 6-й кавалерийской дивизии МНРА – с запада. В это же время второй танковый батальон и бронедивизион 8-й кавалерийской дивизии МНРА вели наступление с юга.

По плану командира корпуса одновременно с северо-запада удар по противнику должен был наносить 24-й мотострелковый полк и с юга – 7-я мотоброневая бригада. Но мотострелки несколько сбились с заданного направления и вступили в бой только около полудня. Еще через три часа с юга вступили в бой тяжелые пушечные бронеавтомобили 7-й мотоброневой бригады.

Совместной атакой с трех сторон японцы были отброшены к горе Баин-Цаган и прижаты к реке. Здесь они оказали отчаянное сопротивление. Бой длился весь день 3 июля. К заходу солнца напряжение несколько спало. Это был лишь короткий перерыв.

В 20 часов 30 минут с новой силой загрохотала советская артиллерия.

Через полчаса наши танки и пехота вновь рванулись вперед. Тяжелый, кровопролитный ночной бой продолжался до рассвета.

Утром 4 июля японцы, после трехчасовой артиллерийской подготовки, попытались перейти в контратаку. Одновременно в воздухе появились крупные силы авиации противника, чтобы нанести удар по советско-монгольским войскам. Навстречу им – краснозвездные истребители. В небе завязались напряженные воздушные бои. Потеряв около двадцати самолетов, противник обратился в бегство. Встреченные огнем советских танков, бронемашин и артиллерии, японские атаки захлебнулись.

В 17 часов советские войска после короткой артиллерийской подготовки начали решительное наступление. Бои продолжались всю ночь. Противник изо всех сил пытался удержаться на вершине горы Баин-Цаган. Только утром 5 июля сопротивление японцев на восточном берегу р. Халхин-Гол было сломлено.

Г.К. Жуков, непосредственно руководивший операцией советско-монгольских войск в районе горы Баин-Цаган, вспоминал: «Тысячи трупов, масса убитых лошадей, множество раздавленных и разбитых орудий, минометов, пулеметов и машин устилали гору Баин-Цаган. После четырехдневного кровопролитного боя японские войска, потеряв еще 5,5 тыс. человек убитыми и ранеными, вынуждены были отойти. Разгром японцев наши воины справедливо называли Баин-Цаганским побоищем.

В Баин-Цаганском сражении советские воины проявили исключительное мужество и героизм. Отбивая 2 июля фронтальную атаку, бронерота 9-й мотобронебригады в составе двенадцати пушечных бронеавтомобилей вступила в бой с шестьюдесятью вражескими танками и подбила двадцать шесть из них.

Баин-Цаганский разгром сильно подорвал военный престиж Японии в глазах основных империалистических государств. Небывалое поражение не могло не сказаться и на настроениях в японской армии. Когда весть о последствиях Баин-Цагана дошла до правительственных кругов Токио, один из высокопоставленных чиновников, приближенный императора Кито, записал в своем дневнике: «Армия в смятении, и все погибло» [2, с. 76].

5 июля Главный военный совет РККА принял решение об образовании в Чите нового органа стратегического руководства Вооруженными Силами, подчинив ему все войска, дислоцировавшиеся в то время на Дальнем Востоке. В соответствии с этим народный комиссар обороны издал приказ о создании фронтовой группы войск во главе с командующим – командармом 2-го ранга Г.М. Штерном. Совершенствование органов управления на Дальневосточном ТВД завершилось в середине июля 1939 года преобразованием 57-го особого корпуса в 1-ю армейскую группу под командованием комдива (с 31 июля комкора) Г.К. Жукова с подчинением ее непосредственно командующему фронтовой группой войск на Дальнем Востоке.

Список литературы

1. Новиков, М.В. Победа на Халхин-Голе / М.В. Новиков. – М.: Политиздат, 1971. – 213 с.
2. Шишкин, С.Н. Боевые действия Красной Армии у реки Халхин-Гол в 1939 году / С.Н. Шишкин. – М.: Воениздат, 1946.

Орочко Сергей Михайлович, *преподаватель общевойсковой кафедры ГрГУ им. Я.Купалы, полковник.*

УДК 711.559.67

Д.Г. Киенко

АЭРОДРОМНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПОВО В 1940 – 1941 гг.

В статье анализируется строительство аэродромов на территории Западного особого военного округа накануне Великой Отечественной войны. Автор выделяет методы строительства, этапы, проблемы, с которыми столкнулись военные организации при обустройстве театра военных действий на территории Западной Беларуси.

Ключевые слова: аэродром, округ, стройорганизации, взлетная полоса, бетонирование, ТВД, объект, рабочая сила.

Несмотря на издание достаточно большого количества публикаций, посвященных Великой Отечественной войне, не теряет своей актуальности история предвоенной подготовки будущего театра военных действий. Неотъемлемой частью такой подготовки было аэродромное строительство в Западном особом военном округе. Состояние подготовки аэродромов к войне характеризуется исследователями в основном на уровне констатации факта, что «многие из них к моменту начала войны еще не были закончены» [1, с. 39].

Однако глубокого и обстоятельного изучения состояния строительства и степени его завершения на сегодняшний день еще не проведено, хотя, проанализировав плановые сроки окончания и сдачи объектов можно было бы говорить о готовности ВВС РККА вести активные, в том числе наступательные действия.

Источниками для подготовки данной статьи послужили материалы, которые находятся в Государственном архиве общественных организаций Гродненской области (ГАООГО) и Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ). В фонде «Белостокский областной комитет КП(б)Б» (ГАООГО) содержатся документы, которые характеризуют состояние аэродромного строительства в Белостокской области. Партийные и советские органы пограничных областей должны были оказывать содействие так называемому оборонному строительству. Поэтому документы архива показывают, каким образом происходило обеспечение строительства военных объектов, раскрывают состояние взаимоотношений гражданских и военных властей накануне войны.

Объектом исследования в данной статье выбрано аэродромное строительство 9-й смешанной авиационной дивизии (САД). Это была одна из самых боеспособных дивизий РККА, находившаяся на ответственном рубеже – «Белостокском выступе» – и получавшая перед началом войны в первоочередном порядке военную технику нового образца. По мнению автора, интерес читателя к данной теме может вызвать и тот факт, что практически все аэродромы 9-й САД, после войны оказались на территории Польши, что затруднило их изучение.

На территории Беларуси (бывшем ЗапОВО) перед началом боевых действий располагался 61 аэродром [2, с. 19]. Для строительства приказом наркома внутренних дел № 00328 от 27 марта 1941 г. было образовано ГУАС (Главное Управление аэродромного строительства) во исполнение постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 24 марта 1941 г., по которому на НКВД СССР было возложено строительство аэродромов для Военно-Воздушных Сил Красной Армии. С момента организации начальником ГУАС НКВД СССР был военный инженер 1-го ранга В.Т. Федоров (пр. НКВД № 00328 от 27.03.41 г.) [3, с. 165].

В составе НКВД-УНКВД республик, краев и областей (в районах строительства аэродромов) были созданы управления (группы) аэродромного строительства (УАС НКВД-УНКВД). Начальниками УАСов стали начальники НКВД-УНКВД.

Работы велись силами заключенных лагерей, приговоренных к исправительно-трудовым работам (без содержания под стражей), строительных батальонов, и местным населением на условиях подряда.

На 15 июня 1941 г. на территории Советского Союза строилось 254 аэродрома, из них: в Белоруссии – 61, в Украине – 82, в Молдавии – 8, в Прибалтике – 23, в Мурманской области и Карелии – 10, на Дальнем Востоке – 19, в Закавказье – 10, в Ленинградской области – 12, в других областях СССР – 29. Строительство 156 обслуживали заключенные, 11 – военнопленные; на работах было занято 199 674 заключенных из ИТК и 44 490 из лагерных подразделений, 51 920 осужденных к исправительно-трудовым работам, 16 017 военнопленных [3, с. 167].

В справке секретаря ЦК КП(б)Б «О ходе строительства спецобъектов НКВД по состоянию на 10 – 15 мая 1941 года» перечислено 46 объектов в Беларуси [5, с. 6 – 20] (таблица 1).

Таблица 1 – Строящиеся аэродромы на территории Беларуси по состоянию на 10 – 15 мая 1941 г.

Белостокская область	9*
Брестская область	7
Барановичская область	14
Пинская область	4
Вилейская область	5
Могилевская область	1
Полесская область	4
Витебская область	3

В то же время в списке объектов НКВД БССР по состоянию на июнь 1941 г. указан 61 аэродром. В связи с возникающей у исследователей неясностью с некоторыми аэродромами, укажем объекты в Барановичской и Брестской областях (таблица 2).

Таблица 2 – Аэродромы в Барановичской и Брестской областях по состоянию на июнь 1941 г.

Номер объекта	Название объекта	Район (по состоянию на 1941 год)
1	2	3
Брестская область		
1	Задвораны	Порозовский
29	Пружаны	Пружанский
88	Засимовичи	Пружанский
109	Стригово	Кобринский
76	Кобрин	Кобринский
95	Рыбники	Берез-Картузский
111	Татарновичи	Дрогичинский район
259	Ивацевичи	Коссовский
Барановичская область		
80	Нача	Радуньский
145	Желудок	Желудокский

* По данным Белостокского обкома их было 11. В списке отсутствуют объекты № 101 (Гонендз) и № 253 (Кривляны).

Продолжение таблицы 2

1	2	3
151	Зельва	Зельвенский
168	Конюхи	Радунский
239	Лида	Лидский
189	Жемославль	Ивьевский
170	Седлиска	Вороновский
139	Дворец	Дятловский
166	Грудополь	Бытенский
2	Городея	Несвижский
43	Барановичи	Барановичский
103	Ивенец (Адамки)	Ивенецкий
310	Слоним (Деревянчицы)	Слонимский
273	Щучин	Щучинский

Поскольку Белостокская область находилась в составе БССР, то и условия строительства характерные для нее, были аналогичны и для «спецобъектов» в других областях БССР. Разница может заключаться лишь в приоритетности постройки аэродромов именно в данном регионе в силу его географического положения, которое, казалось бы, должно было обусловить повышенное внимание к самому процессу подготовки и более ответственному отношению к строительству. В то же время, если положение в строительстве на столь важном участке оказалось таким, как его зафиксировали официальные документы, то о положении дел в более отдаленных районах, на данном этапе можно делать только предположения, да и те не в лучшую сторону.

Разработанный к весне и изданный в апреле 1941 г., типовой план строительства аэродрома предусматривал следующее: сроки строительства были определены апрелем – сентябрем 1941 г. [4, л. 19]. Подготовительные мероприятия (разметка на местности, расчет необходимых материалов, определение карьеров и т.п.) проходили до конца мая. Подсобные работы: подготовка карьеров, проводка энергетических линий – ограничивались апрелем. Основные работы, от рыхления земли и съемки растительного слоя до засева, подготовленных к сдаче площадей, определялись рамками: май – конец сентября 1941 г. Сроки и объемы земляных работ для всей территории Беларуси определялись с 25 июня до 15 сентября [5, с. 57].

В составе 9-й САД находились 41-й ИАП (истребительный авиационный полк), 124-й ИАП, 126-й ИАП, 129-й ИАП, 13-й БАП (бомбардировочный авиационный полк). Все полки находились в административных границах Белостокской области.

Всего на территории Белостокской области строились 11 спецобъектов [6, с. 42] (таблица 3).

Таблица 3 – Аэродромы на территории Белостокской области

№ объекта	Место нахождения	Другое название	Районы (по состоянию на 1941 г.)
101	Гонендз	Кнышен	Кнышенский
117	Заблудув		Заблудувский
202	Тикотин	Яблоново	Лапский
227	Сколубово		Гродненский
253	Кривляны		Белостокский
270	Кватеры	Свислочь	Свислочский
294	Стоки		Свислочский
337	Скидель		Скидельский
360	Россь	Волковыск	Волковысский
400	Красняны	Соколка	Сокольский

Проектирование объектов было возложено на Белостокское управление НКВД, за исключением двух объектов, проектировку которых осуществлял Минск [6, с. 44]. Этими объектами были аэродромы Скидель (объект № 337) и Россь (объект № 360), которые являлись базовыми аэродромами соответственно для 127-го ИАПа и 13-го БАПа.

По ценам 1941 года, стоимость постройки одного аэродрома оценивалась в 16 000 000 руб, следовательно постройка всех 11 объектов на территории Белостокского выступа должна была стоить государству 176 000 000 руб [6, с. 44].

Проблемы начались уже к концу мая, в начальной фазе строительства, когда на объекте № 253 строительные работы не могли начаться ввиду того, что с ВПП (взлетно-посадочная полоса) продолжались полеты. Аналогичная ситуация была и на объекте 337 в Скиделе, где по состоянию на 10 – 15 мая продолжались полеты, вследствие чего строительство ограничилось лишь раскорчевкой пней [7, с. 19].

Для планового строительства прежде всего была необходима рабочая сила, в которой, казалось бы, СССР никогда не испы-

тывал недостатка. Однако уже в начале строительства обозначился ее дефицит. К этому времени на строительство было привлечено 6199 служащих строительный батальонов и 4292 заключенных исправительно-трудовых учреждений, недостаток по области на 21 мая оценивался в 7000 человек [8, л. 6]. Для того чтобы закончить строительство в срок, было необходимо привлечь 40 000 рабочих-строителей. Так как строителей не хватало, час простоя обходился бюджету потерей 200 000 руб.

Согласно первоначальному плану в мае обеспеченными оказались только те объекты, которые комплектовались преимущественно стройбатовцами: № 101, № 169, № 202, № 294, № 337. В то же время объекты, строительство которых должны были обеспечить заключенные, недополучили 8000 человек [8, с. 68]. Вызвано это было прежде всего тем, что основная масса заключенных должна была прибыть из центральной части РСФСР. Из тюрем Беларуси (Полоцк, Бронная Гора, Гродно, Барановичи) к 10 мая 1941 г. на строительство объекта № 360 прибыло 465 человек и ожидалось прибытие заключенных из Воронежа, Тамбова, Молотова, колоний № 16 и № 25 общей численностью около 1300 человек [6, с. 17 – 21]. Однако при отсылке из Гродненской тюрьмы не учитывалась специфика направления заключенных. Среди 113 прибывших 15 человек оказались больными гонореей, чесоткой, «сердечники» и даже беременные свыше 5 месяцев. В итоге все были отправлены обратно.

При выполнении работ, из-за безответственности руководства лагеря на протяжении 5 – 7 мая бригады общим количеством около 150 человек систематически опаздывали на работы, или же не возвращались к ним после обеденного перерыва. Как отмечал начальник управления НКВД по Белостокской области, капитан Фукин: *«В бытовом обеспечении забота об элементарных требованиях отсутствует – большинство заключенных не стрижены, не бриты, грязные. В то время как машинки для стрижки, и бритвы лежат на складе и не используются, а заказанная душевая установка не доставлена уже на протяжении 12 дней»* [6, с. 20].

Несмотря на то, что часть заключенных выполняла и даже перевыполняла производственные задания, до 8 мая (момента подачи докладной записки о недочетах лагпункта): *«не было организовано дифференцированное питание как передовики, так и рядовые работники-заключенные получали одинаковое количество пищи по 1000 – 1200 гр. хлеба, такое же положение было и с горячей пищей. Меры воздействия к лодырям и симулян-*

там не применяются, вследствие чего выражается недовольство руководством лагеря» [6, с. 17].

Плохо обстояло дело и с охраной лагпунктов. Так например, на объекте № 360 из 86 стрелков, которые должны были прибыть из Минска к началу строительных работ, 13 мая прибыло только 49, из них 2 человека прибыло в лаптях, часть не умела владеть оружием, т.к. не были в армии, да и оружия было всего 27 винтовок и 8 наганов [6, с. 17].

На том же объекте в начале мая отмечались систематические невыходы на работы, за что нес ответственность начальник лагеря Захаренко, (бывший моряк, до 1934 г. работал в системе лагерей), который в свою очередь, от работы самоустранился (впоследствии смещен с занимаемой должности).

Комплектование и обеспечение строительных батальонов (отрядов) РККА велось по остаточному принципу, поэтому часть прибывших на место оказалось с непригодным здоровьем (грыжа, чесотка), без обмундирования и обуви. Понятие «без обуви» необходимо понимать буквально, т.к. в «Справке о рабочей силе» дословно написано следующее: *«совершенно разутых прибыло: объект № 337 – 700 человек, № 169 – 1000, № 202 – 300, № 294 – 500»* [9, с. 69]. Комплектование отрядов происходило совершенно без учета специфики будущих работ, при остром дефиците каменщиков и бетонщиков, имелся переизбыток столяров и плотников, потребность в которых составляла лишь 10 % от всех рабочих [9, с. 69].

Примером состояния и готовности к выполнению работ на строительстве может послужить 446 строительный батальон, сформированный 16 апреля 1941 г. для работы на объекте № 337.

Рядовой состав в количестве 940 человек был призван из военнообязанных Вилейской области, а командно-политический мобилизован из запаса по спискам военкоматов Витебщины. По национальному составу батальон состоял: белорусов 630 человек, поляков – 181, литовцев – 20, русских – 27, евреев – 81. По профессиям главным образом преобладали крестьяне единоличники – 930 человек, плотников 60 чел., остальные по разнообразнейшим специальностям при полном отсутствии технических профессий и специальностей, необходимых в строительстве (каменщики, бетонщики и т.д.) [6, с. 19 – 22].

С бытовым обеспечением дела обстояли очень сложно. Постельные принадлежности были получены спустя месяц после фор-

мирования, а котловое довольствие было организовано также только на втором месяце формирования батальона. Обмундирование для бойцов было получено только в середине мая, из тысячи пар обуви, полученной для батальона, оказалось совершенно негодной 295 пар, которые были возвращены обратно, а 110 пар отправлены в починку.

В течение полутора месяцев батальон ничего не делал за исключением выполнения мелких работ на авиабазе и постройки временных сооружений, приступив к съемке грунта лишь 13 мая. Отсутствие опыта и навыков у стройармейцев привело к тому, что бойцы, имеющие некоторые навыки, за 8 часов набивали от 0,35 – 0,43 м^3 в то время как норма выработки была установлена в 0,75 м^3 за 8 часовой рабочий день [6, с. 19 – 22].

Управление объектом, вопреки указаниям, не обеспечило батальон нарядами работ на 10 дней, а выдавало наряды в процессе работы, что приводило к переброске людей в разгаре рабочего дня по мелким объектам, затрудняло контроль и мешало индивидуальному учету труда каждого бойца.

В политико-массовом и моральном обеспечении *«имелись большие неясности»*. Они выражались в незнании командованием стройбата структуры, обеспечивающей проведение политработы. Штаб 3-й армии сообщал, что политработа в батальоне находится на обеспечении 68-го укрепрайона, в то время как Управление района на запрос не отвечало.

В донесении командования батальона отмечалось, что: *«Преобладающим настроением является желание бойцов поскорее выехать на их местожительство. Отдельные военкоматы неверно ориентировали бойцов только на двухмесячном пребывании на сборе и наше разъяснение о том, что оно неверно, что до тех пор пока не будет приказа об освобождении от сбора никто никуда не поедет, пока воспринимаются слабо и все почему-то ждут 15 июня»* [6, с. 19 – 22]. Плохие бытовые условия и обслуживание, наличие в составе батальона большого количества солдат, родственники которых были репрессированы органами НКВД или находились за границей, послужили поводом для двух случаев группового дезертирства. [6, с. 20]. Хотя в целом моральное состояние бойцов оценивалось командирами как хорошее. Тут скорей всего проявилось желание командования выдать желаемое за действительное.

Местное население, привлеченное в качестве вольнонаемных возчиков стройматериалов со своей тягловой силой, уже к маю сократилось с апрельских 8000 подвод в день до 4000 к середине и 2700 в конце последнего весеннего месяца. И это при том, что необходимость привлечения по всем объектам области была 42 000 подвод в день. Вызвано это было тем, что при сдаче материалов, приемщики записывали на 10 – 15 % меньше, чем фактически было привезено, а деньги выдавались на руки лично по истечении недели, зачастую отказывая выплатить всю сумму одному или двум представителям отдаленной деревни.

Что же касается обеспеченностью транспортом и стройматериалами, то например, при огромной необходимости в камнедробильных машинах, для плановой сдачи объектов, камень приходилось дробить вручную. Данная практика моментально увеличила сроки сдачи объектов, и с каждым днем применения ручного дробления увеличивались на несколько дней сроки окончания работ, сдачи объектов. Для иллюстрации вышесказанного, автор предлагает сводную таблицу уровня потребности в стройматериалах в мае и июне – за 2 дня до начала войны, по ней можно судить о степени готовности объектов накануне войны (таблица 4).

Таблица 4 – Потребность в стройматериалах с 21.05. по 20.06.1941 г.

Стройматериалы	Дата	
	21.05.41 г.	20.06.41 г.
камень	46 %	95,3 %
гравий	3,9 %	11,5 %
песок	5,8 %	24,5 %

Для строительства на всех аэродромах предусматривалось по плану привлечь 768 грузовых машин. Со времени начала работ и до 21 мая были получены 528, но на них ощущалась острая нехватка шоферов, которых было всего лишь 350 [9, с. 46]. Да и по установившейся «традиции» присылали машины не «первой свежести», которые прибывали зачастую частично или полностью разукомплектованные. Очень часто, прибывшие машины по причине нехватки шоферов и вследствие некомплектности просто отказывались принимать и отправляли обратно. Таким образом, машинный парк при всей его нехватке еще и использовался на 60 – 65 %.

Подводя итог можно констатировать, что реконструируемые аэродромы на территории ЗапОВО не были подготовлены к приня-

тию самолетов. Мнение о том, что какая-то часть аэродромов могла к 22.06.1941 г. стать боеготовой не выдерживает критики, в силу того, что сроки их строительства согласно документам определялись весной-осенью 1941 г. Реконструкция всех аэродромов 9-й САД, как и других авиационных частей ЗапОВО не началась ранее весны 1941 г.

Даже в случае строгого выдерживания графика, аэродромы не были бы готовы к ведению боевых действий на 22 июня 1941 г. Причинами затягивания сроков сдачи объектов были: плохая организация производственных циклов и бытового обслуживания строительства и отсутствие налаженного руководства строительными работами, дефицит рабочей силы и ее низкая квалификация, отсутствие необходимого технического обеспечения (транспорта, камнедробильных механизмов, инструментов и т.п.), недостаточное обеспечение строительными материалами (нехватка гравия, песка, цемента, леса более 80 %). Одновременное строительство на территории административных единиц других военных объектов (трех укрепрайонов, складов, казарм, дорог, мостов) приводило к плохой координации со стороны военных и гражданских властей и использовании ими малоэффективных административно-командных методов руководства оборонным строительством.

Список литературы

1. Спик, М. Асы союзников / М. Спик. – Смоленск: Русич, 2000. – 238 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 21. – Д. 2369. – С. 19. Справка секретаря ЦК КП(б)Б Ганенко «О ходе строительства спецобъектов НКВД по состоянию на 10 – 15 мая 1941 года».
3. Смирнов, А. Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной войне / А. Смирнов. – М.: АСТ, 2006. – 574 с.
4. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 21. – Д. 2369. – Л. 19. Справка секретаря ЦК КП(б)Б Ганенко «О ходе строительства спецобъектов НКВД по состоянию на 10 – 15 мая 1941 года».
5. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 21. – Д. 2335. Письмо секретаря ЦК КП(б)Б Понаморенко в ЦК ВКП(б) по вопросу строительства и реконструкции аэродромов от 20 июня 1941 г.
6. Государственный архив общественных организаций Гродненской области. – Фонд 6195. – Оп. 1. – Д. 191. Материалы о состоянии работ на объектах спецстроительства и о ходе выполнения платной труд- гужповинности на оборонном строительстве (докладные, справки, сведения).
7. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 21. – Д. 2378. Типовой график строительства нового аэродрома апрель 1941 г.

8. Государственный архив общественных организаций Гродненской области. – Фонд 6195. – Оп. 1. – Д. 460. – Л. 6. Докладные, справки и сведения партийных, советских и хозяйственных организаций о ходе работ на объектах спецстроительства и расчеты обеспеченности материалами и рабочей силой. Том 2.
9. Государственный архив общественных организаций Гродненской области. – Фонд 6195. – Оп. 1. – Д. 191. Докладная записка «О недочетах комплектования лагпункта № 360 по состоянию на 13.05.1941 г.».

Киенко Дмитрий Геннадьевич, *магистр исторических наук, аспирант ГрГУ им. Я. Купалы.*

УДК 94(47).084.8:94(430).084.8

И.И. Талай

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ СССР И ГЕРМАНИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941 – 1945 гг.: ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье дается сравнительный анализ вооруженных сил СССР и Германии в годы Великой Отечественной войны. Автор сравнивает организационную структуру противоборствующих сторон, командный состав, подготовку кадров и мобилизационные планы.

Ключевые слова: кадры, прогноз, план, боеспособность, мобилизация, вермахт, трофеи, управление.

Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. занимает особое место не только в истории европейских государств, но и в мировой истории в целом. По своим масштабам советско-германский фронт был составной частью мировой войны, явившейся суровым испытанием материальных, технических, морально-психологических ресурсов всех участников войны.

В результате прогнозирования характера будущей войны, основные события которой предполагалось вести на континентальных театрах боевых действий, в Германии, у ее союзников, в СССР основу Вооруженных Сил составляли сухопутные войска и авиация. Военно-Морским Силам отводилась содействующая роль в решении боевых задач на континенте.

В организационно-штатных структурах вооруженных сил СССР, Германии, участников Второй мировой войны имелись диви-

зии – стрелковые, танковые, кавалерийские, моторизованные и другие. Главной особенностью этих формирований являлось то, что они представляли собой основные тактические единицы сухопутных войск и вооруженных сил в целом.

Вооруженные силы Германии перед нападением на Советский Союз насчитывали 8,5 млн человек [10, с. 41]. Общая численность сухопутных войск к началу войны составляла 5,2 млн человек, куда входили 179 пехотных и кавалерийских, 35 моторизованных и танковых дивизий и 7 бригад [10, с. 54]. Из них против СССР были развернуты 119 кавалерийских и пехотных (66,5 %), 33 танковые и моторизованные (94,3 %) дивизии и 2 бригады [10, с. 61]. Кроме того, в боевую готовность у границ Советского Союза были приведены 29 дивизий и 16 бригад союзников Германии – Финляндии, Венгрии, Румынии [10, с. 63]. Всего в восточной группировке войск Германии и ее союзников находилось 5,5 млн человек, 47,2 тыс. орудия и минометов, 4,3 тыс. танков и около 5 тыс. боевых самолетов [10, с. 71]. Кроме того, на вооружении вермахта находились трофейные танки Чехословакии и Франции.

К началу Великой Отечественной войны в Вооруженных Силах Советского Союза насчитывалось 303 дивизии и 22 бригады, из которых в западных военных округах размещалось 166 дивизий и 9 бригад. Боевой и численный состав войск СССР на западных границах к началу войны составлял 4,8 млн человек личного состава, 76,5 тыс. орудий и минометов, 22,6 тыс. танков, около 20 тыс. самолетов [10, с. 85].

Боеспособность, боевая мощь любой армии и флота слагалась из боевого и численного состава армии и флота, количества и качества вооружения и боевой техники, находящейся на оснащении войск, наличия и качества организационных структур, обеспечивающих использование боевых возможностей армии и флота в войне, степени стратегического развертывания вооруженных сил к началу войны, качества командных кадров. Важной составной частью боеспособности вооруженных сил является качество командных кадров и кадров армии в целом.

В Германии военные кадры готовились, совершенствовались в условиях милитаризации страны и подготовки ее к осуществлению замыслов гитлеровского руководства по «завоеванию мирового господства». Офицеры и генералы вермахта во второй половине 30-х годов XX века получили практику в тактическом, оперативном и стратегическом масштабах управления войсками, в органи-

зации их материального, технического и боевого обеспечения в реальных объемах и времени, требуемых войной, боевыми действиями [4, с. 200]. В германских вооруженных силах насчитывалось более 1500 генералов и адмиралов [6, с. 5].

Советские военные кадры получили боевой опыт в советско-финляндской войне, в боях на р. Халхин-Гол и в Западной Украине, и Западной Беларуси. Офицеры опытом управления войсками в боевых условиях и близким к ним не обладали. Таких в Вооруженных Силах Советского Союза было около 75 %. На подготовку и качество советских военных кадров неблагоприятно влияло их быстрое продвижение по воинским должностям без приобретения необходимого опыта пребывания на этих должностях [10, с. 105]. Более 55 % командных кадров перед войной находились на своих должностях менее, чем полгода и лишь четверть из них можно считать имеющими опыт, которые занимали должности более одного года [5, с. 156]. Такое тяжелое положение в Вооруженных Силах сложилось в результате увеличения численности Красной Армии с 1939 г. в 2 раза. Кроме того, происходило формирование танковых, авиационных, артиллерийских соединений, шло дальнейшее техническое оснащение Красной Армии, требовавшее перемещения кадров по должностям, в том числе из одного вида вооруженных сил или рода войск в другой. Из-за необходимости назначать на вакантные должности большого количества командиров, многие из них занимали посты, особенно в тактическом звене, не имея военного образования [5, с. 174].

Всего к началу Великой Отечественной войны в Вооруженных Силах СССР насчитывалось 1106 генералов и адмиралов. На протяжении войны к этим воинским званиям были представлены еще 3700 человек. Всего 4800 генералов и адмиралов. Из этого числа 235 генералов погибло в боевых действиях. По болезни, в результате несчастных случаев, репрессий потери генералов и адмиралов составили более 500 человек [1, с. 8].

По подсчетам немецкого исследователя Ж. Фольтмана, общие потери среди германских генералов и адмиралов, в том числе и небоевые потери, составили 963 человека, из них погибли в бою 223 генерала, в то время как советских – 72. Покончили жизнь самоубийством 64 немецких и 9 советских генералов. При этом в германских ВВС в боях погибли 20 генералов, а в советских – 7, на флоте – 18 немецких адмиралов, в советском ВМФ – в боях – 4, всего адмиралов в СССР погибло 9 [1, с. 8].

Общая численность погибших вермахта не установлена и по сегодняшний день. Генерал Буркхардт Мюллер-Гиллебрандт, который занимался в вермахте учетом личного состава, определил численность погибших военнослужащих Германии в 4 млн человек [9, с. 400].

За годы Великой Отечественной войны, в том числе и за кампанию на Дальнем Востоке в 1945 г. в Вооруженных Силах СССР было убито, умерло от ран и болезней, погибло в результате несчастных случаев, расстреляно по приговорам военных трибуналов, не вернулось из плена, пропало без вести 11 млн 285 тыс. человек военнослужащих списочного состава [10, с. 115]. Число военнослужащих Красной Армии и Военно-Морского Флота на советско-германском фронте и в войне с Японией попавших в плен, с учетом пропавших без вести, составило 4 455 620 человек [10, с. 132].

В 1990-е годы в России произошло не только открытие доступа к материалам и документам, бывшим ранее секретными, но и начался диалог между историками разных стран. Результатом такого диалога стало проведение ряда крупных международных конференций и издание коллективных трудов по истории военного плена. По данным Министерства обороны Российской Федерации, опубликованным в 2005 году, во время Великой Отечественной войны всего в плен попали 4,559 млн советских военнослужащих [10, с. 145].

Советские военнопленные, попавшие в плен, сначала содержались либо в прифронтовой зоне, либо в «дулагах», расположенных в оперативном тылу немецких войск. Оттуда их перемещали в стационарные лагеря для военнопленных – «шталаги», а командный состав – в офицерские лагеря – «офлаги» [5, с. 111].

Фронтовые лагеря и «дулаги» размещались в сельскохозяйственных постройках, складских помещениях, но чаще всего – на открытом пространстве – в оврагах, карьерах, низинах. Для строительства лагерей для советских военнопленных применялся чрезвычайно простой метод: открытое пространство площадью в несколько гектаров огораживали колючей проволокой и ставили вокруг сторожевые вышки. И лишь высокая смертность пленных впоследствии вынудила нацистов заселять советских солдат и офицеров в бараки или конюшни, где, однако, условия содержания были не намного лучше [5, с. 234].

Помимо ежедневного изматывающего физического труда тяжелое положение военнопленных обусловливалось также крайней скудностью питания. Так, по приказу Верховного Командования

сухопутных сил Германии от 8 октября 1941 года, норма советских военнопленных на 28 дней составляла 9 кг хлеба, мяса – 800 г, жиров – 250 г, сахара – 900 г [10, с. 153].

Для восстановления работоспособности каждый военнопленный получал на 6 недель: до 100 грамм искусственного меда в неделю, до 50 г трески в неделю, до 3500 г картофеля в неделю. Следует иметь в виду и то, что добавочное питание можно было получать только 6 недель. Во время маршей военнопленные гибли сотнями как из-за голода и физического истощения, так и в результате расстрелов при неповиновении или попытках побега [7, с. 4].

В советский плен в годы войны и после ее завершения попало около 3,2 млн военнослужащих. Большинство из них составляли солдаты, младшие командиры, менее 3 % составляли офицеры. Среди них – 376 немецких и 12 австрийских генералов. Из них 22 генерала попали в плен на территории Беларуси в ходе наступательной операции «Багратион» [12, с. 4].

Для содержания пленных немецких генералов на территории Советского Союза были образованы «генеральские лагеря и объекты». Первым таким лагерем был Лежневский № 48, образованный в июне 1943 г. в деревне Чернцы Ивановской области, где до лета 1944 г. содержался 21 немецкий генерал. Позже было создано еще 5 лагерей: Красногорский № 27 в Московской области, Суздальский № 160 во Владимирской области, Юрьевечский № 185 в Ивановской области, Сталинградский № 362 в Сталинградской области и Свердловский № 476 в Свердловской области [12, с. 5].

Условия содержания в генеральских лагерях были удовлетворительными. Генералы имели право на переписку с родными, на получение через Красный Крест посылок, соответствующее медицинское обеспечение. Питание для генералов, в соответствии с приказом НКВД СССР № 00683 – 1943 г. и распоряжением МВД СССР № 256 от 5 октября 1946 г., было организовано по норме, которая предусматривала суточное довольствие: хлеба – 600 г, мяса – 120 г, рыбы – 50 г, масла – 40 г, сыра – 20 г, сахара – 40 г, картофеля – 400 г, свежих овощей – 200 г, чай, сухофрукты. Кроме того, они имели право ежедневно получать 20 сигарет и ежемесячно 3 коробка спичек. Предусматривалось и культурное обслуживание: просмотр кинофильмов, использование библиотеки, занятие музыкой. Пока шла война, генералы имели права носить форму, знаки отличия и награды. В ноябре 1945 г. они бы лишены такого права [12, с. 6].

Война 1941 – 1945 гг. показала Советскому Союзу, Германии и всем участникам все просчеты и недостатки в построении, развитии и применении вооруженных сил. В общем итоге боевые действия на советско-германском фронте закончились для участников баталий несчетными и безвозвратными людскими, материально-техническими, морально-психологическими потерями. Превосходство Германии в вооружении, технике, в подготовке военных кадров над Вооруженными Силами Советского Союза было очевидным. Однако победу в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. одержал СССР. Пробелы в оснащении войск вооружением и техникой, в отсутствии квалифицированных военных кадров восполнялись сильным моральным духом советского народа, о чем свидетельствуют следующие факты Великой Отечественной войны: 26 воинов повторили подвиг А. Маресьева; летчиками советских ВВС было совершено 595 воздушных таранов и 506 наземных таранов; 470 воинов закрыли своими телами амбразуры вражеских дотов; 1206 героев взорвали себя гранатами, бросившись с ними под вражеские танки; на счету у советских военнослужащих 160 танковых и 16 морских таранов [2, с. 5].

Список литературы

1. Гареев, М. Творцы победы / М. Гареев // Красная звезда. – 2009. – 23 – 29 дек. – С. 8.
2. Зубов, И. Важнейший фактор / И. Зубов // Белорусская военная газета. – 2010. – 3 марта. – С. 5.
3. Иоффе, Э. Демографические потери Беларуси в годы Великой Отечественной войны / Э. Иоффе // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2007. – № 6. – С. 3 – 8.
4. Кривошеев, Г. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г. Кривошеев. – М.: Вече, 2009. – 384 с.
5. Кривошеев, Г.Ф. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Г.Ф. Кривошеев; под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: Воениздат, 1993. – 323 с.
6. Нехамкин, С. Можно ли установить сколько наших солдат погибло в войне? / С. Нехамкин // Известия науки. – 2005. – 6 мая. – С. 5.
7. Плугатарев, И. Очень-очень дорогая Победа в мае 1945-го / И. Плугатарев // Независимая газета. – 2009. – 2 июля. – С. 4.
8. Польскі, С. Цана перамогі / С. Польскі // ЛіМ. – 1990. – 6 ліп. – С. 4 – 6.
9. Пронько, В. Цена победы / В. Пронько // Война и общество, 1941 – 1945. Книга вторая. – М.: Наука, 2004. – С. 386 – 405.
10. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: soldat.ru/doc/casualties/book/preface.html. – Дата доступа: 14.02.2010.

11. Соколов, Б. 43 миллиона. Сколько мы потеряли в Великой Отечественной и как фальсифицируют историю / Б. Соколов // Новая газета. – 2009. – 22 июня. – С. 12.
12. Шаркоў, А. Генералы вермахта ў палоне / А. Шаркоў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 1. – С. 3 – 10.

Талай Игорь Иванович, *курсовой офицер батальона курсантов военного факультета ГрГУ им. Я. Купалы, старший лейтенант.*

УДК 94(47).084.8

И.Е. Буткевич

ВКЛАД ВОИНОВ-ПОГРАНИЧНИКОВ АВГУСТОВСКОГО ПОГРАНИЧНОГО ОТРЯДА В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941 – 1945 гг.

3 октября 2009 года исполнилось 65 лет Гродненской пограничной группе. История нашей части – это героическая летопись подвигов офицеров, прапорщиков, солдат, сержантов по защите и охране западного рубежа Беларуси. Все эти годы жизни и боевой деятельности были не только годами высокого напряжения моральных и физических сил, это были годы жарких схваток с многочисленными нарушителями государственной границы.

Ключевые слова: граница, погранотряд, погранполоса, комендатура, застава, нарущитель, наряд.

Формирование отряда (группы) начато 24 мая 1944 года в 12 км северо-восточнее г. Смоленска. Это был четвертый год Великой Отечественной войны, год решающих побед Советской Армии над немецкими захватчиками. На комплектование отряда поступал личный состав преимущественно из войск по охране тыла действующей армии, среди них были защитники Ленинграда, перенесшие тяжелое время блокады. Среди прибывших солдат, сержантов, офицеров были и защитники Советского Заполярья, которые с первых дней вероломного нападения фашистской Германии и финской военщины героически сражались на правом фланге советско-германского фронта. В течение 10 дней формирование части было закончено и к 5 июня 1944 года отряд состоял из 5 комендатур, 20 линейных и 5 резервных застав, маневренной группы, 4-х КПП, подразделений управления отряда: роты связи, саперного, автомобильного и хозяйственного взводов.

28 июля 1944 года личный состав выступил со станции Смоленск через Оршу – Минск – Молодечно – Вильно [1, с. 42].

5 августа в 5 часов утра эшелоном в 70 вагонов прибыл на станцию Гродно. Через сутки личный состав погранкомендатур и застав вышли в район дислокации и прохождения линии границы: 1-я комендатура – в населенный пункт Калеты, 2-я – поместье Радзивилки, 3-я – в деревню Лабно, 4-я – населенный пункт Индура. 5-я комендатура находилась в резерве и дислоцировалась в населенном пункте Каптевка.

19 августа комиссия Генерального штаба закончила работу по уточнению прохождения линии государственной границы, определив участок отряда, участки погранкомендатур и застав.

20 августа 1944 года в 6.00 утра пограничные наряды вышли впервые после очищения белорусской земли от фашистского нашествия на охрану государственной границы.

3 октября 1944 года пограничному отряду было вручено Боевое Знамя части. Его вручил начальник пограничных войск Белоруссии генерал-майор К.А. Антонов. С тех пор этот день отмечается как День части, как день рождения Гродненского пограничного отряда.

Граница здесь была и прежде. С 1939 года на этих рубежах стояли пограничные заставы 86, 87, 88 пограничных отрядов. Дислокация этих отрядов стала таковой после освободительного похода Красной Армии в сентябре 1939 года и воссоединения западных областей Белоруссии и Украины. В июне 1940 года в состав СССР возвратились Бессарабия, Северная Буковина, а в июле этого же года советскую власть провозгласили Литва, Латвия и Эстония. Граница СССР отодвинулась к берегам Балтийского моря и проходила по рекам – Западный Буг, Сан, Прут, Дунай. Управление Белорусского пограничного округа переместилось из Минска в г. Белосток, а управления частей стали находиться в Августове, Ломже, Шепетове, Таураге, Мариямполе, Бресте. Предшественником Гродненского пограничного отряда был Августовский пограничный отряд [1, с. 68 – 71].

Около 4-х часов 22 июня 1941 года тысячи фашистских орудий и минометов обрушили на советскую землю ураганный огонь. История еще не знала такой огромной армии вторжения – 5,5 млн солдат и офицеров, 120 отборных дивизий вторглись на нашу территорию. Пограничники первыми приняли на себя удар фашистских войск. Враг обходил наши заставы, уничтожал их, но не мог заста-

вить пограничников покинуть без приказа свои позиции. Стойкость и мужество, проявленные при защите границы вошли в летопись Великой Отечественной войны [2, с. 65].

Удар северного крыла фашистской группы армий «Центр» осуществлялся на участке Августовского пограничного отряда, который состоял из 5 комендатур, 20 линейных пограничных застав и 5 резервных.

Две немецкие дивизии ринулись через подразделения Августовского погранотряда. Лавина пехоты и танков при поддержке авиации и артиллерии обрушились на пограничные заставы. Враг рассчитывал смять их в самом начале боя, но пограничники сорвали замысел гитлеровцев.

Ожесточенный бой разгорелся на 1-й пограничной заставе под командованием старшего лейтенанта А.Н. Сивачева.

В бессмертие вошел подвиг 3-й заставы Августовского отряда под командованием лейтенанта В.М. Усова. Девять часов сдерживала натиск фашистов горстка храбрецов. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1965 года В.М. Усову присвоено звание Героя Советского Союза. Его имя носит 1-я застава Гродненского пограничного отряда.

Почти до вечера дрались с превосходящими силами противника бойцы 4-й заставы под командованием старшего лейтенанта Ф.П. Кириченко. Сегодня 2-я пограничная застава нашего отряда носит его имя.

Трагически сложилась судьба бойцов 2-й пограничной заставы. Получив сообщение, что на шоссе Сейны – Сопоцкин движутся большие силы немцев, начальник заставы младший лейтенант К.Ф. Васильев, собрав всех бойцов, вступил в неравный бой. Сколько продолжался этот бой неизвестно, как неизвестно и то, остался ли в живых хоть один пограничник.

Шесть атак отбили пограничники 5-й пограничной заставы во главе со старшим лейтенантом А.А. Морозовым. Более 45 минут продолжался артобстрел 11-й пограничной заставы, возглавляемой политруком П.С. Мамоновым. Более 4-х часов оборонялась застава и уничтожила 80 солдат и офицеров противника [1, с. 126].

Вспоминая эти события далеко ушедших от нас дней кажется, что в общем боевом строю нашего отряда плечом к плечу стоят пограничники погранзастав, погибших смертью храбрых в схватке с лютым врагом. Их героические подвиги воодушевляют погра-

ничников нашего отряда высоко держать честь и достоинство воина-пограничника.

И не случайно в г. Гродно был построен и открыт в июне 2004 года Мемориальный комплекс, посвященный подвигу пограничников Белорусского пограничного округа в первых боях Великой Отечественной войны. Символические слова на Мемориальном комплексе «Погибшим, но не побежденным» говорят о высокой силе духа старшего поколения, преданности своей родине и своему народу.

С первых же дней выхода на границу пограничники нашего отряда вели активные боевые действия. По лесам и болотам, в глухих хуторах, как голодные волки рыскали немецкие солдаты из разгромленных полков и дивизий. Часто, объединившись в отряды численностью 100 – 200 человек, стремились они с боями прорваться на соединение со своими частями, находившимися в Восточной Пруссии. Для облегчения выхода этих групп немецкое командование в нашем тылу разбрасывало с самолетов карты с описанием путей движения к линии фронта, а также продукты и медикаменты.

Такая группа немецких солдат и офицеров уже 9 августа 1944 года появилась на участке 1-й погранкомендатуры отряда. Пограничники 2-й заставы под командованием лейтенанта П.К. Перовских и 3-й заставы под командованием старшего лейтенанта А.В. Савченко в результате четкого взаимодействия, смелых и решительных действий полностью разгромили эту группу. С нашей стороны потерь не было.

Это было первое боестолкновение пограничников нашей части. Особенно в этой операции отличились командир отделения 2-й пограничной заставы сержант Н.П. Пунчин, рядовой Н.К. Мец, рядовые 3-й пограничной заставы – П.П. Кондратенко, Г.Г. Покусь, В.А. Горохощинский [2, с. 184].

В сложной оперативной, политической обстановке пограничники несли службу. В период с 1941 по 1944 годы немецкими оккупантами проводилась среди населения антисоветская пропаганда, сеялась межнациональная вражда, усиленно внедрялась немецкая агентура. Антисоветски настроенная часть населения охотно шла на службу к немецким оккупантам.

Немецкая агентура, а также их ставленники и пособники после разгрома немецких захватчиков остались на участке отряда с целью использования их иностранными разведывательными органами для шпионской и диверсионно-подрывной деятельности.

Кроме того, в 1942 – 1944 годах в результате деятельности бывшего польского эмигрантского правительства по указанию англо-американских разведок на всей территории, оккупированной немцами с польским населением, в т.ч. и на участке пограничного отряда, была создана и активно действовала националистическая организация «Армия Крайова» (АК).

В 1944 году по указанию американской и английской разведок АК стала проводить активную подрывную деятельность против СССР, ставя своей целью вооруженную борьбу за Польшу во главе с реакционным эмигрантским правительством и отторжение от СССР западных областей Белоруссии и Украины [2, с. 191].

Подрывная деятельность АК на участке отряда выражалась в сборе шпионских сведений, в совершении бандитско-террористических актов против представителей советской власти, местного актива, проведении националистической агитации. Нередко крупные бандитские формирования АК строили планы вооруженного нападения на пограничные заставы.

Обстановка на участке отряда в дни охраны пограничной линии осложнялась близостью прохождения советско-германского фронта.

Через границу проходили части Советской Армии, а также жители пограничных районов. В поисках работы они переходили границу целыми группами. Пользуясь этим потоком людей, вражеские агенты пытались перейти через границу одни из СССР, другие в СССР. Трудно было сказать, кто друг, а кто враг. Всех нарушителей разоблачали в штабе отряда. Все это требовало исключительной бдительности, сознательности пограничников отряда, чтобы правильно разобраться в трудной и сложной обстановке. Вот примеры задержания нарушителей в тот период.

31 августа 1944 года старшина 6 заставы В.Х. Тимофеев с местным жителем Змитровичем задержали двух вооруженных немцев.

7 сентября 1944 года пограничный наряд 12 заставы в составе рядовых М.П. Ищенко и В.В. Матвеева задержали агента немецкой разведки.

5 сентября пограничный наряд 13 заставы ефрейтор В.А. Жученко и рядовой И.А. Воробьев задержали 7 нарушителей границы.

11 сентября пограничный наряд 11 заставы (рядовые Ю.А. Пахомов и В.П. Янкевич) задержали 2-х вооруженных немцев.

Только в августе – сентябре 1944 года пограничники части задержали и уничтожили около тысячи нарушителей границы, а к

концу 1944 года количество нарушителей увеличилось до 1500 человек. Это означало, что на каждого пограничника приходилось по одному нарушителю границы.

Наряду со службой по охране границы личному составу отряда пришлось заниматься строительством и оборудованием застав. Рылись землянки для жилья, строились бани, конюшни. В этот период затрачены большие усилия на инженерно-техническое оборудование охраняемого участка. В результате совместных усилий офицеров, сержантов, солдат, с помощью местных жителей были созданы необходимые условия для охраны границы в первый период [1, с. 302].

В ноябре 1944 года государственная граница была восстановлена на всем протяжении от Баренцева до Черного моря.

В то время важнейшей задачей пограничников являлась борьба с националистическим бандитизмом, т.к. летом 1945 года начала отмечаться активизация враждебной деятельности националистического подполья.

На участке нашего отряда, на территории Польши действовала банда численностью 600 человек. На вооружении этих бандитов были автоматы, ручные и станковые пулеметы, артиллерия. Они совершали террористические акты над представителями советской власти.

В течение 1945 года отрядом было проведено 8 боевых операций по ликвидации бандгрупп.

28 июля 1945 года группа пограничников во главе со старшим лейтенантом К.В. Никифоровым разгромила банду численностью 40 человек.

В 1945 году наблюдался большой поток нарушителей государственной границы. Не проходило ни дня, чтобы пограничники то одной, то другой заставы не встречались лицом к лицу со шпионами и диверсантами.

Пограничники нашего отряда иногда по несколько дней вели поиски и преследования бандитов в лесных массивах, где имелись хорошо оборудованные и замаскированные схроны.

За образцовое выполнение задач по охране пограничной линии и проявленные при этом доблесть и мужество были награждены орденами и медалями 42 пограничника части. Среди них, майор М.О. Комшин, капитан А.Ф. Полторанов, капитан М.С. Пичугин, капитан К.С. Захлевный, старший лейтенант Д.И. Белошенко, младший сержант С.М. Заяц, красноармеец А.С. Егоров [2, с. 211].

Самоотверженная служба пограничников на границе, их высокая бдительность и специальное мастерство внесли свой вклад в победу над фашистской Германией. После окончания Великой Отечественной войны пограничники встали на охрану рубежей Родины по всей территории.

Список литературы

1. Споткай, Л.В. 90 лет на страже границ Отечества / Л.В. Споткай. – Минск: Международный центр культуры книги, 2008.
2. Мищенко, В.Г. Граница. Вехи истории пограничных войск Беларуси / В.Г. Мищенко. – Минск: Международный центр культуры книги, 2005.

Буткевич Игорь Евгеньевич, *командир войсковой части 2141, полковник.*

УДК 94(47).084.8

Н.А. Ярошевич

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА 13-й ЗАСТАВЫ 90-го ВЛАДИМИР-ВОЛЫНСКОГО ПОГРАНИЧНОГО ОТРЯДА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ЛЕЙТЕНАНТА А.В. ЛОПАТИНА

Герою Советского Союза, лейтенанту
Алексею Васильевичу Лопатину,
моему прадедушке посвящается.

В статье рассказывается о подвиге пограничников 13-й заставы 90-го Владимир-Волынского пограничного отряда под командованием лейтенанта А.В. Лопатина.
Ключевые слова: погранотряд, застава, комендатура, дозор, полоса, наряд, окружение.

Прошлое всегда с нами, и все, что мы собой представляем, все, что мы имеем, исходит из прошлого. Мы его творение, и мы живем, погруженные в него. Не понимать этого и не ощущать… значит, не понимать настоящее. Как верно заметил писатель Савва Дангулов, только тот народ жизнестоек, который помнит свое прошлое. В этом прошлом опыт, а вместе с тем урок и мысль [1, с. 148].

Не случайно поэтому, в год 65-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне, мы еще раз обращаемся к событиям, полным драматизма, горьких утрат и великих побед.

В июне сорок первого года артиллерийский удар на участке тринадцатой заставы был так же внезапен, как и по всему фронту западной границы. Но не дрогнули, не отступили пограничники. Израненные, в окровавленных бинтах, вновь и вновь отбивали они яростные и, казалось, нескончаемые атаки. Они были молоды, защитники Родины, и в бой их вел командир, начальник заставы Алексей Лопатин. Уже танки противника входили во Львов, уже колонны вражеской пехоты продвигались вглубь страны, а здесь, у окраины села Скоморохи, над заставой, на маленьком островке советской земли по-прежнему развевался красный флаг [2, с. 3]. В своем тщательно разработанном «плане Барбаросса» гитлеровские генералы рассчитывали за тридцать минут сломить сопротивление погранзастав на всем пространстве от Баренцева до Черного моря. Героическая тринадцатая застава оборонялась одиннадцать дней.

И для меня Алексей Васильевич Лопатин – не просто известное имя в истории, это мой родной прадедушка по материнской линии, родоначальник моей большой семьи.

Так сложилось, что Алексей Васильевич и многие бойцы тринадцатой заставы, родом из Ивановской области, защищали рубежи огромной Родины на украинской границе. А для нас, потомков Алексея Васильевича, родной стала Беларусь. Таким образом, историю нашей семьи объединяют эти три, уже независимые, славянские государства.

Цель данной работы – сквозь призму известных и малоизвестных фактов подвига Алексея Васильевича Лопатина, зачастую незначительных фактов реальной человеческой жизни, раскрыть ратный подвиг всего советского народа, вынесшего на себе всю тяжесть войны.

13-я линейная застава была расположена у села Скоморохи. Командовал заставой молодой офицер Алексей Лопатин. Заместителем по политической части был младший политрук П.И. Гласов, помощником – лейтенант Г.И. Погорелый.

В 21.00 21 июня 1941 года в районе города Сокаль на советскую сторону перешел солдат 222-го немецкого пехотного полка 75-й пехотной дивизии Альфред Лискоф. На допросе он сообщил, что в 4 часа 22 июня немецкая армия перейдет в наступление. О показа-

ниях перебежчика было тотчас информировано командование войск округа, 5-й армии, 87-й стрелковой и 41-й танковой дивизии. Комендантам участков было приказано держать заставы в полной боевой готовности.

На рассвете 22 июня на правом фланге участка заставы послышались ружейные и пулеметные выстрелы. Пограничники немедленно заняли оборону. Лейтенант Лопатин выслал лейтенанта Г.И. Погорелова с группой бойцов на правый фланг для выяснения обстановки. Подойдя к мосту, Погорелый обнаружил, что фашисты установили на нем станковый пулемет и ведут огонь по гарнизону 128-го стрелкового полка. Погорелый пробрался в тыл к немцам, почти в упор из автомата уничтожил весь пулеметный расчет. Потеряв 30 человек, фашистский эскадрон повернул обратно. Ошеломленное дерзкими действиями пограничников, фашистское командование бросило на мост группу танков и роту пехоты. Разгорелся жестокий бой с превосходящими силами врага. Лейтенант Погорелый и его бойцы пали в этом бою смертью храбрых [3, с. 101].

В 4 часа утра немецкие самолеты начали бомбить заставу. Здания ее запылали, связь с комендатурой и отрядом была прервана. Рота немецких автоматчиков пошла в наступление. Бой продолжался до глубокой ночи, но ни одному гитлеровцу не удалось прорваться на перепаханную снарядами территорию заставы.

В наступление на заставу была брошена рота эсэсовцев. Впереди они заставили идти жителя села Скоморохи Матвея Скачко, чтобы он уговорил пограничников сложить оружие. Но патриот, не доходя до заставы, отказался выполнить приказ эсэсовцев и был расстрелян. Рассыпавшись в цепь, эсэсовцы бросились в атаку. Когда они подошли на 50 – 60 метров, сержант Д.С. Максяков и рядовой Зикин открыли огонь из пулеметов, а другие бойцы из винтовок и автоматов. Во врагов полетели гранаты. Эсэсовцы в беспорядке отступили на исходные позиции, оставив вокруг двора заставы до 50 убитых и раненых. Наступила ночь, немцы прекратили атаки, но всю ночь ракетами освещали подступы к заставе.

На рассвете 23 июня артиллерийский и минометный обстрел заставы возобновился с еще большей силой. На третий день пограничники контратакой отбросили противника на 200 – 300 метров назад, уничтожив почти роту фашистов. На четвертый день немецкое командование бросило против заставы батальон автоматчиков и артиллерию. Пограничники, оставив в блокгаузах и ходах сообщения наблюдателей, перешли в просторный подвал. В этом

же подвале находились жены командиров с детьми. Фашисты открыли по заставе огонь прямой наводкой. Верхние этажи здания рухнули, повреждена часть окопов и ходов сообщения. Гитлеровцы сразу после артподготовки пошли в атаку. Пограничники в упор расстреливали врага. Атака была отбита с большими для фашистов потерями. В этом бою пал смертью храбрых заместитель начальника заставы по политчасти П.И. Гласов.

В ночь на 27 июня фашисты обстреляли заставу термитными снарядами. Пограничники выдержали и это испытание. Но боеприпасы были уже на исходе, и бойцам приходилось беречь каждый патрон.

29 июня лейтенант Лопатин решил пробиться через кольцо окружения. Произведя разведку, он убедился, что хорошо замаскированный запасной ход сообщения не был замечен немцами. Ночью, забрав с собой все вооружение, пограничники вышли из окружения. Вместе с ними вышли жены и дети пограничников. Когда А. Лопатин распрощался с семьей и повернул обратно к заставе, за ним последовали все пограничники.

И еще два дня сражалась застава. К концу одиннадцатых суток немцы проникли на заставу, забросали гранатами храбрецов и взорвали подвал. Лишь трое ее защитников – И.П. Котов, Е.М. Галченков и Д.С. Максяков, – раненные в ночь на 3 июля, выбравшись из развалин, добрались до своих и прошли затем через всю войну, до Дня Победы [4, с. 95].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 декабря 1958 года лейтенанту А.В. Лопатину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза с награждением Золотой Звездой Героя СССР и орденом Ленина. Его имя также присвоено одной из пограничных застав на Украине.

Сыновья Алексея Лопатина, Вячеслав и Анатолий Лопатины, пошли по стопам отца и стали верными защитниками Родины. На этом связь моей семьи с пограничной службой не прервалась. Моя мама, Лопатина Лидия Анатольевна, двоюродные братья, Алексей и Анатолий, пошли по стопам прадеда и деда. Сейчас они охраняют западные рубежи нашей Родины, неся службу в Гродненском пограничном отряде.

Список литературы

1. Витражи мудрости. – Минск, 1991. – С. 148.
2. Пограничник. – 1976. – № 9. – С. 3.

3. Первый день войны. – М., 1967. – С. 101 – 105.
4. Платонов, В. Пограничники в боях за Родину / В. Платонов. – М., 1960.

Ярошевич Наталья Андреевна, *ученица 11 класса ГУО «Лицей № 1 г. Гродно».*

УДК 94(47).084.8

С.А. Пивоварчик

АВГУСТОВСКИЙ РУБЕЖ: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В ИЮНЕ 1941 ГОДА

В статье рассматривается опыт боевых действий в начале Великой Отечественной войны. Имеющиеся источники (архивные, картографические, воспоминания участников и материалы полевых исследований) позволяют реконструировать события начала Великой Отечественной войны на Августовском канале с большой степенью достоверности. Боевые действия рассматриваются на примере опорного пункта № 2 первого узла обороны Гродненского укрепленного района.

Ключевые слова: начальный этап, реконструкция, план прикрытия, госграница, укрепленный район (УР), опорный пункт, узел обороны.

Осенью 1939 г. в Генеральном штабе Красной Армии и приграничных округах приступили к разработке плана прикрытия новой линии государственной границы. Было принято решение о строительстве 23 УРов на новой границе. Так называемый «Белостокский выступ» в Западном особом военном округе (ЗапОВО) должны были прикрывать четыре укрепленных района – 62-й Брестский, 64-й Замбровский, 66-й Осовецкий и 68-й Гродненский (дальше ГУР). Планировалось построить 85 опорных пунктов обороны с 2130 объектами долговременной фортификации.

Из четырех УРов, запланированных в ЗапОВО, Гродненский должен был быть наиболее мощным. По фронту в 80 км от р. Неман восточнее г. Сопоцкин и до г. Гонендза планировалось построить 606 дотов [1, с. 41]. С июля 1940 года началось строительство Гродненского укрепрайона. Оперативно-тактическое назначение ГУРа было прочное прикрытие со стороны Восточной Пруссии района Гродно, обеспечивая совместно с полевыми войсками направление Гродно – Волковыск и Гродно – Белосток. В соответствии с рекогносцировкой планировалось возведение 11 узлов обороны и двух

отдельных опорных пунктов [2, с. 1]. В пояснительной записке к Генеральной схеме полосы предполья Гродненского укрепрайона отмечалось, что госграница перед фронтом УРа имеет крайне изогнутое очертание предполья и является невыгодным в тактическом отношении рубежом для обороны. На своем протяжении граница дважды пересекает систему Августовского канала, причем шлюзы, обеспечивающие спуск воды из Августовского озера в восточную часть канала, проходящую перед передним краем УРа, находятся в руках немцев, что делает затруднительным полноценное использование канала для заболачивания. Маскировка работ и готовых ДОТов была исключительно трудной, так как немцы построили непосредственно у границы ряд наблюдательных вышек высотою до 50 м [3, с.1].

Долговременные фортификационные сооружения 68-го Гродненского укрепленного района протянулись длинной полосой от д. Головенчицы до д. Марковцы на территории Беларуси и далее до г. Гонендза в Польше (протяженность около 80 км). До начала войны удалось построить около 185 долговременных объектов из 606 запланированных. Имеющиеся источники (архивные, картографические, воспоминания участников и материалы полевых исследований) позволяют реконструировать события начала Великой Отечественной войны на Августовском канале с большой степенью достоверности. Рассмотрим боевые задачи на примере опорного пункта № 2 первого узла обороны Гродненского укрепленного района.

Опорный пункт размещался на очень важном участке прикрытия госграницы. Через него проходили шоссе Капчеместос – Сопоцкин – Гродно и дорога Калеты – Сопоцкин – Гродно, используя которые, немецкие моторизованные части могли очень быстро выйти к Гродно. Строительство этого опорного пункта началось одним из первых в июне 1940 г. и к началу войны он был наиболее подготовленным к боям. Размещая опорный пункт, советские военные инженеры удачно использовали характер местности. Передний край опорного пункта прошел по южному берегу р. Черная Ганьча и искусственного русла канала. Левый, правый фланги и тыл прикрывали ручьи и болото, что создавало мощную естественную преграду и давало возможность вести круговую оборону. По фронту протяженность обороны составляла 4 км, глубина – 3 км. Долговременные огневые сооружения (ДОТы), возведенные на берегу канала, были самых совершенных типов с мощным артиллерийско-пуле-

метным вооружением. Всего к 22 июня 1941 года во втором опорном пункте было построено 8 полукапониров (долговременных сооружений для ведения флангового огня), 13 ДОТов (долговременных сооружений для ведения фронтального огня), два ложных бетонных сооружения, один наблюдательный пункт (НП), а также вырыт котлован под командный пункт и подготовлены полевые позиции, состоящие из окопов, деревоземляных огневых точек, блиндажей, позиций для противотанковой артиллерии и минометов. Необходимо отметить, что многие ДОТы были только забетонированы, и не во всех было установлено вооружение и внутреннее оборудование в связи со срывом промышленностью их поставок. Этот опорный пункт, как ни один, был насыщен полевыми фортификационными сооружениями.

Согласно боевого расписания долговременные сооружения второго опорного пункта должны были занять бойцы третьей роты (командир – лейтенант И.А. Пономарев) 9-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона, а полевые позиции – 213-й полк 56-й стрелковой дивизии (командир – майор Т.Я. Яковлев), который с мая 1941 года располагался в долевом лагере возле деревень Тартак, Новоселки, Песчаны.

Строительство долговременных сооружений на правом фланге Гродненского укрепрайона производил 31-й строительный участок (начальник – военный инженер 3-го ранга П.Н. Кривенко, замполит – старший политрук А.Я. Сидоров, главный инженер – военный инженер 3-го ранга И.С. Жигачев). Участок имел самый большой план по строительству ДОТов и опережал другие стройучастки по выполнению плана работ. В апреле 1941 года сюда были переведены наиболее квалифицированные саперные подразделения: 23-й инженерный батальон (развернутый впоследствии в полк), 172-й саперный батальон 108-й стрелковой дивизии, 127-й отдельный саперный батальон 4-го стрелкового корпуса, 79-й саперный батальон 56-й стрелковой дивизии.

На правом фланге Гродненского УРа полоса предполья проходила по северному берегу Августовского канала. Оборудованием предполья занимались саперы 56-й дивизии, противотанковый ров копал первый батальон 184-го СП. Пульбатовцы были подняты по тревоге за 2 часа до начала войны, 213-й СП – в 3 часа 35 минут, за четверть часа до начала артподготовки немецких войск. Первый и третий батальоны заняли недостроенные ДОТы, второй – укрепления в предполье. На полевых оборонительных позициях расположи-

лись также строители и саперы. Первый удар приняли на себя батальоны, находившиеся на северном берегу канала – второй батальон 213-го СП и первый батальон 184-го СП. 371-й, 1111 161-й ПД вермахта атаковал позицию батальона 213-го СП [4, с. 110 – 111]. Атака была отражена с большими потерями для немцев. После подхода подкрепления гитлеровцы повторили атаку усиленным составом. Второй батальон 213-го СП начал отход за Августовский канал.

Палаточный лагерь первого батальона 184-го СП находился недалеко от д. Соничи, у вспаханной контрольно-следовой полосы. К вечеру 21 июня ров был выкопан, офицеры уехали на выходной в Гродно к семьям. Утром солдат разбудил грохот рвущихся снарядов. Батальон прибыл на земляные работы с зимних квартир с вооружением и боеприпасами. Преодолев контрольно-следовую полосу, солдаты быстро заняли оборону в предполье, установив станковые пулеметы в дзотах. Ружейно-пулеметная перестрелка длилась около часа, а когда боеприпасов не осталось, батальон начал отход за канал. Во время отхода батальон попал под огонь ДОТов третьей роты 9-го ОПАБа, расположенных на южном берегу канала во втором опорном пункте. В расположение ДОТов были посланы разведчики, однако все они погибли, не выполнив задания. Рядовой М.И. Алексеенко вызвался переплыть на южный берег канала и связаться с уровцами. Это ему удалось сделать со второй попытки. Однако находившиеся в ДОТах бойцы приняли его за немецкого лазутчика. В уровском батальоне не знали, что перед их главной позицией находится стрелковый батальон, попавший под перекрестный огонь своих и противника. Несколько раз М.И. Алексеенко переплывал Августовский канал под пулями, устно передавая взаимные требования, пока ДОТы не прекратили огонь. Наконец сильно поредевший первый батальон 184-го СП оказался на боевых позициях 9-го ОПАБа. Однако обороняться тут не пришлось – после непродолжительного отдыха батальон по правому берегу канала двинулся на поиски своего полка [1, с. 79 – 82].

По словам командира 9-го ОПАБа П.В. Жилы, после первой атаки противника позвонил командир 213-го полка майор Яковлев. Он сообщил, что немцы атакуют из-за канала со стороны д. Соничи, и просил поддержать его артогнем ДОТов правофланговой роты. По воспоминаниям солдат 213-го полка, ДОТы на южном берегу канала вели интенсивный огонь по противнику [5, с. 105]. Во время третьей атаки противнику удалось прорвать оборону укрепрайона

на липском участке и перерезать дорогу Сопоцкин – Гродно. Уровские батальоны оказались почти в полном окружении, незанятой оставалась полоса земли вдоль канала до Немана. П.В. Жила связался с комендантом УРа полковником Ивановым и попросил помощи в деблокировании батальонов. Однако комендант отказал, сославшись на отсутствие подвижных резервов [1, с. 34]. Тем не менее, немецкие источники свидетельствуют о том, что оборону советских войск в опорном пункте 68-го укрепрайона на южном берегу канала 83-й ПП 28-й пехотной дивизии вермахта не мог прорвать до вечера 24 июня [6, с. 266 – 271].

Проведенные нами полевые исследования показали, что большинство ДОТОв этого опорного пункта имеют боевые повреждения и разрушены в результате активных действий немецких саперов. Для подавления огневых точек немецкие войска применили специальные штурмовые отряды, самоходные мины, артиллерийское вооружение, огнеметы и авиацию.

Можно только представить, что творилось на берегу канала в июньские дни 1941 г. Немыми свидетелями тех событий остались разрушенные бетонные коробки ДОТов, таящие в себе неизвестные факты мужества и героизма советских солдат. В третьей роте по списочному составу перед войной было 140 солдат, сержантов и офицеров. Судьба предоставила им небольшой выбор – смерть в бою или в лагере военнопленных. И лишь единицам удалось выжить несмотря ни на что.

Командиром третьей роты был лейтенант Иосиф Агеевич Пономарев, уроженец Гомельской области. Сведений о его дальнейшей судьбе пока нет. Как нет и о судьбе заместителя командира роты по политчасти Клименкове Алексее Лазаревиче. В списках без вести пропавших значатся командиры артиллерийско-пулеметных взводов (они же коменданты долговременных сооружений) младший лейтенант Петр Егорович Ергунов, участник советско-финской войны младший лейтенант Василий Васильевич Пробкин, лейтенант Иван Федотович Лобода, лейтенант Петр Васильевич Румынский, лейтенант Кузьма Леонтьевич Митаенко. Попали в плен и погибли лекпом роты военфельдшер Николай Григорьевич Шаповалов, командир 3-го артпульвзвода лейтенант Василий Гаврилович Гаврилов (в плен попал в октябре 1941 г. в районе Брянска). Под Лидой был пленен младший лейтенант Мордух Семенович Соркин. До апреля 1942 г. находился в лагере военнопленных Stalag 324 (Гродно), где и погиб.

Прошли через фашистский плен, но остались в живых лейтенанты Владимир Иванович Ветохин и Михаил Сергеевич Витчинов. В третью роту они прибыли накануне войны 21 июня после окончания военных училищ – Гомельского стрелково-пулеметного и Харьковского связи. Раненые в боях на Августовском канале, отступали с остатками 56-й стрелковой дивизии и попали в плен под Лидой. Вырваться из окружения в приграничных боях удалось нескольким командирам третьей роты. Всю войну с боями прошел лейтенант Боряк Гордей Семенович. В апреле 1942 г. погиб в боях лейтенант Тарас Максимович Мухорденков, служивший в штабе 11-го кавалерийского корпуса. А вот лейтенант Николай Антонович Бойцов встретил войну не в расположении роты на Августовском канале. В ночь с 21 на 22 июня он был начальником караула на артиллерийском складе укрепрайона, который располагался в четвертом форту гродненской крепости. После выхода из окружения лейтенант находился в Череповецком спецлагере НКВД, был понижен в звании и отправлен на фронт. Сержант Н.А. Бойцов погиб четвертого июля 1944 г. под г. Оленец в ходе наступления войск Карельского фронта. В ночь на 24 июня 1941 года остатки 9-го пулеметно-артиллерийского батальона и 213-го полка вышли из окружения и к рассвету добрались до Немана в районе д. Гожа. Здесь под огнем противника переправились на противоположный берег и двинулись дальше на восток, надеясь соединиться со своими войсками. Для более успешного движения по тылам врага решено было разделиться на небольшие группы. Командиру 9-го ОПАБа капитану П.В. Жиле с небольшой группой офицеров и солдат удалось соединиться с регулярными частями Красной Армии в районе Речицы, а вот остатки 213-го полка были разгромлены в бою у д. Слижи недалеко от Лиды.

Список литературы

1. В июне 1941 г. Воспоминания участников первых боев на Гродненщине / ред. и отв. за выпуск Р.И. Карачун. – Гродно, 1997. – 286 с.

2. Российский государственный военный архив (РГВА). – Фонд 36967. – Оп. 1. – Д. 210.

3. РГВА. – Фонд 36967. – Оп. 1. – Д. 213.

4. Kippar, G. Das Kampfgeschehen der 161 (ostpr.) Infanterie-Division von der Ausfstellung 1939 bis zum Ende / G. Kippar. – Selbstverlag, 1994. – 827 z.

5. Воспоминания командира минометного расчета учебной роты 213-го стрелкового полка Б.М. Максименко, красноармейца 213-го полка П.Я. Слеткова // Архив С.А. Пивоварчика.

6. Kranz, B. Geschichte der Hirschberger Jager 1920 bis 1945. Vom Jagerbataillon des 7. (Preuss.) Infanterie-Regiments zum Jager-Regiment 83 / B. Kranz. – Dusseldorf, 1975. – 782 z.

Пивоварчик Сергей Аркадьевич, *доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и этнологии ГрГУ им. Я. Купалы.*

УДК 94(476).084.8

Jan Nikołajuk

WALKI 25. DYWIZJI PANCERNEJ W CZERWCU 1941 r. W REJONIE BIELSKA PODLASKIEGO

W artykule na podstawie analizy zrodel pisanych, wspomnienia uczestnikow i badan terenowych sa rekonstruowane walki 25 Dywizji Pancernej 13 Korpusu Zmechanizowanego 10 Armii. Dzial przed wojna stacjonowal na terenie dzisiejszej Polska i zostal pokonany w pierwszych dniach wojny.

Slowa kluczowe: zwichniecie, Korpus Zmechanizowany, siedziba, oddzial, pulk, batalion, plan wdrozenia.

W lutym 1941 r. w rejonie Bielska Podlaskiego rozpoczęto formowanie 13. Korpusu Zmechanizowanego Armii Czerwonej. Sformowano go na bazie 1. i 44. Brygady Pancernej. W kwietniu i maju 1941 r. skład osobowy korpusu został uzupełniony poborowymi nowego rocznika. Korpus składał się z:

· dowództwa korpusu,

· 18. pułku motocyklowego,

· 521. samodzielnego batalionu łączności,

· 77. samodzielnego zmotoryzowanego batalionu inżynieryjnego,

· 113. korpuśnej eskadry lotniczej,

· 25. Dywizji Pancernej (50. i 113. pcz, 25. pszmot, 25. pah, 25. sdaplot, 25. brozp,

· 25. sbł, 25. btransam, 25. brem-napr, 25. bpont, 25. bmed-san, 25. kompania regulacji ruchu),

· 31. Dywizji Pancernej (62. i 148. pcz, 31.pszmot, 31. pah, 31. sdaplot, 31. brozp, 31. sbł, 31. btransam, 31. brem-napr, 31. bpont-most, 31. bmed-san, 31. kompania regulacji ruchu),

· 208. Dywizji Zmotoryzowanej (752. i 760. pszmot, 128. pcz, 662. part, 33. sdappanc, 193. sdaplot, 277. brozp, 594. sbł, 376. binż, 367.

bmed-san, 683. btransam, 117. brem-napr, 206. artyleryjski park dywizyjny, 45. kompania regulacji ruchu) [1].

Korpus formowano z myślą o włączeniu go w skład tworzonej w głębi okręgu 13. Armii, ostatecznie jednak został podporządkowany 10. Armii. Pierwszym dowódcą korpusu był generał major Wasilij Iwanowicz Iwanow. W drugiej połowie maja dowództwo objął generał major Pietr Nikołajewicz Achlustin a generał Iwanow został jego zastępcą.

W planach radzieckiego dowództwa 13. Korpus Zmechanizowany w przypadku ataku wojsk niemieckich z kierunku Ostrołęki miał wspierać działania 6. Korpusu Zmechanizowanego z Białegostoku atakując w kierunku na Zambrów. W przypadku ataku wojsk niemieckich z rejonu Sokołowa i Siedlec i przerwania frontu w kierunku na Bielsk, Hajnówkę i Wołkowysk korpus miał ześrodkować się w rejonie Hajnówka, Czeremcha i przy wsparciu artylerii przeciwpancernej 100. Dywizji Strzeleckiej kontratakować w kierunku na Dziadkowice i Ciechanowiec w celu zniszczenia nieprzyjaciela i odcięcia mu dróg odwrotu. Następnie pozostałości sił niemieckich korpus miał odrzucił pod uderzenie 6. Korpusu Zmechanizowanego [2].

W połowie czerwca 1941 r. jednostki korpusu stacjonowały w następujących miejscowościach:

- Bielsk Podlaski – dowództwo korpusu, 521. sbł,
- Łapy – dowództwo 25. DPanc, 25. sbł, 25. sbmed–san, 25. sdaplot,
- Suraż – 25. bpont,
- Rajsk – 25. pszmot,
- Szepietowo – 50. i 113. pcz, 25. brem–napr.
- Pietkowo – 25. pah, 25. btransam,
- Brańsk – 25. sbrozp,
- Boćki – dowództwo 31. Dpanc, 31. sbł,
- Andryjanki – 62. pcz, 31. pszmot, 31. btransam, 31. brem-napr, 31. bmed-san,
- Dołubowo – 148. pcz,
- Dubno – 31. pah, 31. sbrozp, 31. sdaplot, 31. bpont-most,
- Hajnówka – 208. DZmot (dowództwo, 752. i 760. pszmot, 128. pcz, 662. part, 277. brozp, 594. sbł, 367. bmed-san, 683. btransam, 117. rem-napr, 206. artyleryjski park dywizyjny, 45. kompania regulacji ruchu),
- Orla – 376. binż,
- Dubiny – 193. daplot, 33. sdappanc,
- Podbiele – 18. pmotoc,
- Studziwody – 77. szmotbinż. [3].

Korpus nie zakończył procesu formowania i nie był przygotowany do prowadzenia działań bojowych jako całość. Z tego powodu w walkach wzięły udział tylko pojedyncze oddziały. Jednak z powodu braku łączności oddziały te walczyły odizolowane od głównych sił korpusu i nikt nie koordynował ich działań. W chwili rozpoczęcia działań wojennych korpus liczył 29 314 żołnierzy. Było to 86,2 % stanu etatowego. 70 % stanu stanowili żołnierze mający do jednego roku służby, w tym żołnierze z wiosennego poboru. Wśród nich znalazło się wielu mieszkańców miejscowości położonych w rejonie Bielska Podlaskiego.W 31. Dywizji Pancernej połowę stanu stanowili poborowi z kwietnia i maja 1941 r. W korpusie brakowało kadry oficerskiej. Większość oficerów młodszych stanowili absolwenci szkół, którym skrócono naukę i szkolenie. 15 czerwca do 521. samodzielnego batalionu łączności przybyło 6 lejtnantów, absolwentów szkoły łączności oraz 3 dowódców plutonów z rezerwy. Natomiast 20 czerwca do korpusu przybyło 16 lejtnantów, którzy ukończyli szkołę pancerną w Saratowie. W korpusie znajdowały się tylko 294 czołgi (263 typu T-26, 15 BT i 16 T-37/T-38) i 34 samochody pancerne (28 BA-20 i 6 BA-10). Wśród czołgów było 48 dwuwieżowych T-26 i 19 maszyn z miotaczem ognia. Radiostacje znajdowały się na wyposażeniu tylko 73 czołgów. W drugiej dekadzie czerwca 25. Dywizja Pancerna otrzymała pojedyncze T-34, które miały posłużyć do zapoznania żołnierzy z nowym sprzętem. Była to najlepiej wyposażona dywizja korpusu. Posiadała 228 czołgów (223 T-26 i 5 T-37/T-38). 31. Dywizja Pancerna posiadała 39 czołgów T-26 a 208. Dywizja Zmotoryzowana tylko 27 (16 BT, 1 T-26 i 11 T-37/T-38). Korpus posiadał 292 działai moździerze, jednak nie posiadał do nich środków transportu. Niewystarczające było też wyposażenie w środki transportu motorowego, które wynosiło do 26 % oraz w broń strzelecką. Przykładowo w 31. pułku strzelców zmotoryzowanych plutony posiadały tylko po 4 – 5 karabinów. Podobnie było w 521. samodzielnym batalionie łączności. Niedostateczne było też wyszkolenie bojowe żołnierzy. Z kolei 148. pułk czołgów posiadał pełny stan osobowy. Brak było jednak czołgów. Pułk miał być wyposażony w czołgi T-34. 10 czerwca połowa stanu pułku wyjechała do Charkowa po odbiór nowych czołgów. Byli to dowódcy czołgów i kierowcy – mechanicy. W ciągu miesiąca mieli przeszkolić się na T-34 i wrócić do pułku. Po ich wyjeździe w pułku pozostało tylko 11 czołgów T-26, 3 samochody pancerne BA-10, 30 samochodów i 50 karabinów. Dowódca pułku wieczorem 21 czerwca wyjechał do rodziny do Brześcia. Również inni dowódcy przebywali w tym czasie na przepustkach z dala od swoich oddziałów. Łączność radiowa prawie nie istniała. 521. samodzielny batalion łączności posiadał tylko

jedną radiostację typu 5 AK na samochodzie. Służyła ona do utrzymywania łączności z dowództwem 10. Armii i dywizjami korpusu. Ze względu na brak sprzętu pancernego w czerwcu 1941 r. zapadła decyzja o uzbrojeniu jednego pułku pancernego i korpuśnego batalionu rozpoznawczego w artylerię przeciwpancerną. Zabrakło jednak czasu [4].

Niemiecki wywiad nie posiadał informacji o tworzeniu korpusu. Rozpoznanie wskazywało na posiadanie przez Rosjan w tym rejonie trzech brygad pancernych. Z posiadanych informacji wynikało, że w rejonie Wysokiego Mazowieckiego rozmieszczone są 23. i 29. Brygady Czołgów oraz niezidentyfikowana brygada w rejonie na zachód od Bielska Podlaskiego.

Wojna

Opisanie przebiegu walk toczonych w czerwcu 1941 r. przez 13. Korpus Zmechanizowany jest niezwykle trudne, gdyż dokumentów dotyczących tych walkw archiwach rosyjskich nie ma [5]. Ustalenie przebiegu tych walk możliwe jest w oparciuo literaturę przedmiotu i relacje mieszkańców terenów na których korpus walczył. Są to jednak nadal materiały fragmentaryczne.

22 czerwca 1941 r. o godz. 2:00 w nocy w korpusie został ogłoszony alarm bojowy, jednak oddziały pozostały w miejscach dotychczasowego stacjonowania. Łączność została wkrótce przerwana.

O godz. 4:00 rano niemieckie lotnictwo zbombardowało miejsca stacjonowania sztabu i poszczególnych jednostek korpusu. Jako jeden z pierwszych został zbombardowany sztab korpusu w Bielsku Podlaskim. Po zakończeniu bombardowania sztab przeniesiono na polowe stanowisko dowodzenia, które zorganizowano w lesie na wschód od wsi Hołody. W tym czasie dowódca korpusu przebywał na ćwiczeniach sztabowych 10. Armii w Białymstoku. Do sztabu korpusu powrócił dopiero w południe. W czasie jego nieobecności korpusem dowodził generał Iwanow. Jednak z powodu braku łączności rano opuścił sztab korpusu i wyjechał do Brańska i Bociek aby na miejscu zapoznać się z sytuacją. Na miejscu stwierdził, że 31. Dywizja Pancerna pułkownika Kalichowicza broni Bociek, tocząc zaciekłe walki o to miasteczko z niemiecką 137. Dywizją Piechoty. Natomiast w rejonie Brańska walczyły oddziały 25. Dywizji Pancernej pułkownika Nikiforowa. Po swoim powrocie wieczorem zameldował dowódcy korpusu, że Niemcy atakują na długości całego frontu zajmowanego przez korpus a panowanie niemieckiego lotnictwa w powietrzu jest całkowite. Niemieckie samoloty bezkarnie atakowały pozycje zajmowane przez Rosjan [6].

22 czerwca

W ciągu dnia z Szepietowa w rejon Brańska przerzucono oba pułki czołgów 25. Dywizji Pancernej pułkownika Nikołaja Matwiejewicza Nikiforowa. Wspierał je stacjonujący w tym miasteczku 25. samodzielny batalion rozpoznawczy. Z południowego-zachodu w stronę miasteczka, wzdłuż drogi Pobikry – Brańsk zbliżały się oddziały niemieckiej 263. Dywizji Piechoty. Druga niemiecka jednostka, 268. Dywizja Piechoty nadchodziła z zachodu od strony Ciechanowca. W sztabie 10. Armii zapadła decyzja o obronie linii rzeki Nurzec. Rosjanie zdawali sobie sprawę ze szczupłości swoich sił w rejonie Brańska i dlatego dowódca 5. Korpusu Strzeleckiego wysłał do miasteczka 109. batalion rozpoznawczy z 86. Dywizji Strzeleckiej. Batalion dotarł na wyznaczone pozycje około godz. 16:00. Zanim jednak Rosjanie zdołali zająć wyznaczone pozycje, niespodziewanie pojawił się oddział czołowy z niemieckiej 263. Dywizji Piechoty. W rejonie wsi Olędy, położonej 6 km na południowy-zachód od miasteczka, Rosjanie powstrzymali na krótko nieprzyjaciela. W czasie tej walki stracili 9 czołgów T-26. Czołgi zostały zniszczone przez StuG-i z 3. baterii 226. dywizjonu dział szturmowych, który został przydzielony do wsparcia tej dywizji. Wkrótce Rosjanie przeprowadzili następny atak z północy. Od strony miejscowości Mień atakował radziecki 3. batalion 50. pułku czołgów. Jednak jego czołgi T-26 ugrzęzły w podmokłym terenie i zostały zniszczone ogniem StuG-ów i artylerii. Zaniepokojony obecnością tak dużej liczby radzieckich czołgów dowódca 268. Dywizji Piechoty przerwał natarcie i zajął pozycje obronne w odległości ok. 8 km na zachód od Brańska. Wykorzystując zamieszanie w szeregach przeciwnika, niemiecka 263. Dywizja Piechoty zaatakowała i jeden z jej oddziałów z zaskoczenia zajął most na rzece Nurzec. Niemcy wkroczyli do Brańska. Rozpoczęły się zacięte walki o miasteczko [7].

W walkach o miasteczko nie brały udziału główne siły 50. i 113. pułku czołgów. Czołgi z tych pułków pozostawały w odwodzie, ukryte w lasach w rejonie miejscowości Mień i Glinnik, położnych na północ od Brańska. Z nieznanych przyczyn pułk nie brał tego dnia udziału w walkach o Brańsk. Do dzisiaj nie ustalono, dlaczego tak duża siły pancerne pozostawały bierne przez dwa dni walk. Spowodowane to było prawdopodobnie błędnym rozpoznaniem sił niemieckich. Zaskoczeniem dla Rosjan były działa szturmowe StuG-III, które przydzielono do poszczególnych dywizji atakujących na kierunku bielskim. Ich pojawienie się w czasie walk Rosjanie odebrali prawdopodobnie jako pojawienie się w tym rejonie niemieckich dywizji pancernych. Potwierdzeniem tej tezy może być meldunek sztabu Frontu Zachodniego wysłany do Moskwy o

godz. 10:00 22 czerwca. W dokumencie tym gen. Klimowskij meldował, że w rejonie Ciechanowca w kierunku wschodnim atakują niemieckie czołgi [8]. Informacja ta została powtórzona również w meldunkach wysłanych do Moskwy o godz. 18:00 i 20:00. gen. Klimowskij tym razem meldował o dwóch dywizjach pancernych, które atakują w kierunku na Bielsk Podlaski. Jedna z nich o godz. 10:00 miała zająć Ciechanowiec [9]. Dziś wiadomo, że informacje te były fałszywe i w negatywny sposób zaważyły na proces decyzyjny zarówno w dowództwie 13. Korpusu Zmechanizowanego jaki w dowództwie 10. Armii.

23 czerwca

Dowódca 10. Armii nie znając rzeczywistej sytuacji na froncie i nie posiadając dokładnych informacji o siłach nieprzyjaciela 23 czerwca o godz. 9:00 wydał rozkaz o wycofaniu jednostek 13. Korpusu Zmechanizowanego i zajęciu przez nie nowej linii obrony wzdłuż rzeki Orlanka na odcinku Deniski – Pasynki – Orla – Rutka. Za linię Narwii wycofywały się również inne oddziały radzieckie. 86. Dywizja Strzelecka generała Zaszybałowa otrzymała zadanie obrony linii rzeki Narew na odcinku Baciuty – Suraż – Ryboły [10]. Z powodu braku łączności rozkaz ten do części oddziałów nie dotarł. Odwrót miał nastąpić w nocy z 23 na 24 czerwca. Oddziały wycofywały się w sposób nieskoordynowany, często odsłaniając skrzydło innych broniących się jeszcze oddziałów. Za wycofującymi się oddziałami radzieckimi ruszyło w pościg pięć niemieckich dywizji piechoty. 137. i 263. Dywizje Piechoty maszerowały w kierunku Bielska Podlaskiego, 268. w kierunku Rajska, 7. w kierunku Strabli a 23 w kierunku Suraża i Łap.

Tego dnia rano jednostki korpusu zajmowały następujące pozycje:

- dowództwo korpusu – las miedzy wsiami Hołody i Widowo,
- 25. Dywizja Pancerna – rejon miejscowości Mień, Brzeźnica, Brańsk,
- 31. Dywizja Pancerna – rejon miejscowości Boćki, Andryjanki, Lubiejki,
- 208. Dywizja Zmotoryzowana – rejon miejscowości Hajnówka, Dubiny, Nowosady,
- 25. pułk strzelców zmotoryzowanych – rejon miejscowości Rajsk, Haćki, Proniewicze [11].

23 czerwca korpus prowadził walki obronne wzdłuż linii: Mień – Brańsk – Boćki – Dydule. Na jego prawym skrzydle walczyła 86., a na lewym 113. Dywizja Strzelecka [12].

Drugiego dnia wojny nadal trwały zacięte walki o Brańsk. Utrata tego miasteczka oznaczała otwarcie Niemcom drogi na Bielsk Podlaski

a tym samym na tyły walczących na „występie białostockim» wojsk radzieckich. Sytuację utrudniał jeszcze fakt braku wiadomości o działaniach przeciwnika na odcinkach bronionych przez 113. i 49. Dywizji Strzeleckich. Rosjanie postanowili utrzymać Brańsk. Rano 23 czerwca na pomoc obrońcom Brańska 760. pułk strzelców zmotoryzowanych z 208. Dywizji Zmotoryzowanej. Walki były bardzo zaciekłe. Tego dnia miasteczko dwukrotnie przechodziło z rąk do rąk. Szczególnie zaciekłe walki trwały w nocy i rano 23 czerwca. Na pomoc obrońcom został wysłany również oddział ze 113. pułku czołgów dowodzony przez majora Koszkina. Dotarł on do Brańska, jednak wkrótce wycofał się z miasteczka w kierunku Bielska [13]. Ostatecznie miasteczko zajęli Niemcy.

Wczesnym rankiem 23 czerwca do Brańska przyjechał dowódca IX Korpusu Armijnego generał Geyer. W miasteczku trwały jeszcze walki. Broniły się nadal odizolowane grupy radzieckich żołnierzy, głównie w północnej części Brańska. Generał Geyer niespodziewanie natknął się na dwa czołgi T-26, które wdarły się do miasteczka. Czołgi wkrótce zostały zniszczone [14]. Niemcy meldowali o zniszczeniu w ciągu dwóch dni walko Brańsk 60 radzieckich czołgów [15]. 3. bateria dział szturmowych dowodzona przez oberlejtnanta Ejnbeka, która wspierała walki 263. Dywizji Piechoty, w ciągu dwóch dni walk zniszczyła 39 radzieckich czołgów. Załoga dowódcy baterii zniszczyła 7 czołgów, jednak rekord pobiła załoga lejtnanta Steimana, która zniszczyła 16 czołgów. Ten sukces bateria przypłaciła stratą 2 StuGów [16].

W tej sytuacji 23 czerwca około godz. 17:00 do Brańska został wysłany z Bielska oddział z 18. pułk motocyklowy liczący 3 czołgi T-26 i 100 motocykli. Dowodził nim kapitan Gromow. Oddział nie zdołał jednak dotrzeć do celu. Paweł Golicyn, dowódca plutonu motocyklowego tak opisuje przebieg walk pod Brańskiem:

„Pułk jechał szosą z niewielką prędkością. Odchodzące pododdziały ustępowały nam drogę. Skręciliśmy na drogę polną i osiągnąwszy las, zeszliśmy z motocykli. Pieszo doszliśmy na skraj lasu i około godziny 23, 23 czerwca rozwinęliśmy się w tyralierę i rozpoczęliśmy natarcie przez otwarte pole na nieduże miasteczko Brańsk, które było już zajęte przez Niemców. Mój pluton atakował na prawej flance kompanii, wzdłuż szosy biegnącej z Brańska na wschód. Gdy pułk dochodził do Brańska, Niemcy otworzyli silny ogień. Tyraliera zaległai otworzyła ogień z broni ręcznej na skraj miasteczka. Na lewo ode mnie nacierał pluton, którym dowodził młody lejtnant, który przybył do pułku ze szkoły oficerskiej tuż przed wybuchem wojny. Po pierwszej niemieckiej salwie, lejtnant głośno krzyknął „oj, jestem ranny, ranny».

Podczołgałem się do niego i z pomocą dwóch żołnierzy z jego plutonu opatrzyłem mu ranę na piersi. Rozkazałem żołnierzom, przenieść go na tył tyraliery i przekazać sanitariuszom. Po opatrzeniu rany lejtnant uspokoił się. Pojawili się następni ranni i ich również ewakuowano na tyły. Ani my, ani Niemcy nie mogliśmy ruszyć z miejsca. Tak minęło kilka godzin. O świcie ogień z obu stron zaczął słabnąć. Na szosie, pojawiła się pięcioosobowa grupa niemieckich cyklistów, która jechała w naszym kierunku. Podpuściwszy ich na najbliższą odległość otworzyliśmy ogień. 4 Niemców zabiliśmy, a 1 rannego wzięliśmy do niewoli i przekazaliśmy na tyły. W tym czasie, bez jakiegokolwiek rozkazu tyraliera pułku, grupami, zaczęła odchodzić. Niemcy otworzyli silny ogień do wycofujących się żołnierzy [17]».

W tych walkach pułk poniósł duże straty. Zginęło kilku oficerów, m. in. dowódca 2. kompanii st. lejtnant Twierdochleb, dowódca 4. kompanii Cwietkow oraz mł. lejtnant Mokałow [18]. O świcie 24 czerwca nadszedł rozkaz o wycofaniu pułku do w Bielska Podlaskiego.

Gdy żołnierze z pułku motocyklowego walczyli na wschodnich podejściach do Brańska, oddziały pozostające na północ od miasteczka rozpoczęły odwrót w kierunku Łap i Suraża. Po zapadnięciu zmroku inny oddział liczący około 100 czołgów opuścił zajmowane pozycje. Dowódca oddziału nie miał map i nie znał tego terenu, dlatego też przewodnikiem została mieszkanka jednej z okolicznych wsi. Czołgi minęły wieś Glinnik i skierowały się w kierunku Hodyszewa. Na podejściach do tej wsi zostały ostrzelane przez jeden z oddziałów niemieckiej 7. Dywizji Piechoty. Niemcy zniszczyli 2 T-26. W tej sytuacji oddział skręcił w prawo. Od południa ominął wsie Kiewłaki i Ściony a następnie przez wieś Sieśki skierował się w stronę Łap. Jednak w rejonie wsi Zalesie radzieckie czołgi znów napotkały nieprzyjaciela. W stoczonej walce niemiecki oddział z 7. Dywizji Piechoty zniszczył 26 czołgów T-26. Straty Niemców wyniosły 16 zabitych [19].

24 czerwca

Do rana 24 czerwca Rosjanie zajęli wyznaczone pozycje wzdłuż rzek Narewi Orlanka. Utrzymywali również wysunięte pozycje na zachodnich przedmieściach Bielska i w położonej 8 km na północ wsi Rajsk. Oddziały 25. pułku strzelców zmotoryzowanych zajęły pozycje na zboczu wzgórza na zachód od Rajska. Wspierały je dwa czołgi. Ustawiono je na szczycie wzgórza. Nie okopano ich i nie zamaskowano. Czołgiści powiedzieli mieszkańcom wsi, że walczyli wcześniej pod Brańskiem. Od

zachodu nadciągała niemiecka 268. Dywizja Piechoty, która poruszała się drogą Brańsk – Malesze – Rajsk. Rosjanie postanowili bronić wsi, gdyż jej zdobycie przez Niemców oznaczałoby przecięcie przez nich szosy Bielsk – Białystok, a tym samym otwarcie drogi na Białystok. Niemcy zaatakowali nadchodząc od wsi Stołowacz. Po krótkim przygotowaniu artyleryjskim niemiecka piechota ruszyła do ataku i wkrótce zajęła wieś. Działa przeciwpancerne ustawione za nasypem kolejowym zniszczyły czołgi. Rosjanie wycofali się i okopali na skraju lasu położonego na północ od wsi. Nie pogodzili się jednak z utratą wsi. Wkrótce otrzymali posiłki. Około południa korzystając ze wsparcia czołgów T-26 Rosjanie przeprowadzili kontratak. Ich natarcie wspierała artyleria, która prowadziła ogień z położonej 3 km na wschód wsi Chraboły. Atakiem dowodził oficer w stopniu majora, niestety autor nie zdołał ustalić jego nazwiska. Rosjanie na krótko odzyskali utracone pozycje. Na wzgórzu w centrum wsi doszło do walki wręcz. W czasie tego kontrataku zginęło 18 niemieckich żołnierzy oraz co najmniej 42 Rosjan. Zaskoczenie Niemców trwało krótko i wkrótce odzyskali oni wieś. Rosjanie zajęli pozycje ponownie na skraju lasu na północ od wsi oraz na położonym na wschodzie wzgórzu cmentarnym. Po zapadnięciu zmroku wycofali się za rzekę Narew. Na polu bitwy pozostało co najmniej 8 radzieckich czołgów [20].

Bielsk Podlaski około południa 24 czerwca został oddany bez walki. Rosjanie wycofali się na linię rzeki Orlanka. Do miasta wkroczyły oddziały niemieckie ze 137. i 263. Dywizji Piechoty. Po krótkim odpoczynku Bielsk opuściły również wojska niemieckie. Bezpośrednio na wschód w kierunku Hajnówki skierowała się 137. Dywizja Piechoty. Jej oddział czołowy „Wupper» napotkał silny opór Rosjan i został powstrzymany w rejonie wsi Hołody. Po zniszczeniu kilku radzieckich czołgów oddział opanował most na rzece Orlanka i zajął przyczółek na jej prawym brzegu. Powstała w ten sposób sytuacja zagrażająca bezpośrednio radzieckim oddziałom pozostającym na południe od Bielska. Rosjanie postanowili zlikwidować przyczółek. Wkrótce do ataku przystąpiła radziecka piechota wspierana przez czołgi i artylerię. Gdy sytuacja oddziału czołowego wydawała się już beznadziejna, nadeszło wsparcie. Na pomoc przybył 137. batalion saperów i kompania zmotoryzowana z 448. pułku piechoty. Przyczółek został utrzymany. Rosjanie jednak nie rezygnowali i kilkakrotnie ponawiali ataki. Nie przyniosły one jednak efektów. Ostatecznie po zapadnięciu zmroku Rosjanie się wycofali. Na miejscu walk pozostało 12 zniszczonych radzieckich czołgów [21].

Natomiast 263. Dywizja Piechoty skierowała się w kierunku miasteczka Narew. Około godz. 14:00 oddział rozpoznawczy dywizji dotarł do przedmieść tego miasteczka [22].

25 czerwca

15 km na północ od Bielska, na prawym brzegu rzeki Narew w pobliżu wsi Wojski, Ryboły i Kaniuki pozycje obronne zajęły oddziały z 25. pułku strzelców zmotoryzowanych i 86. Dywizji Strzeleckiej. Broniły one mostu przez rzekę Narew na drodze Bielsk – Białystok. Wśród obrońców było wielu mieszkańców miejscowości położonych w rejonie Bielska Podlaskiego. Zostali oni powołani do Armii Czerwonej w okresie od kwietnia do czerwca 1941 r. Ich przeciwnikiem była niemiecka 268. Dywizja Piechoty. Walki w obronie mostu rozpoczęły się około godz. 8:00 rano w środę i trwały do godz. 18:00. Na lewym brzegu rzeki Rosjanie przygotowali przyczółek, który miał powstrzymać pierwszy atak niemiecki. Główne siły zajęły pozycje na prawym brzegu Narwi. Piechota posiadała wsparcie artylerii i czołgów. Wczesnym rankiem oddział niemieckich cyklistów nadjechał szosą od strony Bielska Podlaskiego. Rosjanie postanowili powstrzymać go ogniem artylerii. Jednak źle podane namiary spowodowały ostrzelanie wsi Ploski, położonej 1 km na wschód od szosy. W tym czasie Niemcy się spieszyli i po krótkiej walce wyparli Rosjan z przyczółka. Gdy nadciągnęły główne siły, Niemcy okopali się na lewym brzegu rzeki. Pozycje Rosjan rozpoczęli ostrzeliwać z broni maszynowej i artylerii. Ich ostrzał wspierało lotnictwo. Łupem lotnictwa padła kolumna około 14 czołgów, która jechała szosą ze wsi Ryboły w kierunku mostu. W kilku czołgach załogi spłonęły żywcem. W tym czasie w Strabli przez rzekę Narew przeprawiły się oddziały 19. i 61. pułku piechoty z niemieckiej 7. Dywizji Piechoty, które następnie przez wsie Czerewki i Kożany skierowały się w kierunku Zabłudowa. Zagrożeni okrążeniem Rosjanie po południu wycofali się w kierunku wsi Pawły i dalej w kierunku Jałówki. Na polu bitwy pozostawili kilkuset zabitych i około 17 czołgów. Zginęło tam między innymi dwóch żołnierzy pochodzących ze wsi Proniewicze i trzech pochodzących z Ryboł [23]. Jednak nie wszyscy żołnierze radzieccy zdołali się wycofać i kilkuset z nich dostało się do niewoli. Kilku rannych żołnierzy uratowali mieszkańcy okolicznych wsi. Jednym z nich był żołnierz 25. pułku strzelców zmotoryzowanych Arkadij Lwowicz Feldman. Do tego dnia w jego kompanii pozostało już tylko 40 żołnierzy. Rannego w nogi i twarz żołnierza znaleźli mieszkańcy wsi Kaniuki, ukryli go i wyleczyli. Po odzyskaniu zdrowia Feldman wyruszył na wschód i przeszedł linię frontu. Do końca wojny walczył w 2. Mohylewsko – Gdańskiej Brygadzie Artylerii [24]. Ciała poległych żołnierzy kilka dni później (w piątek i sobotę), na polecenie władz niemieckich mieszkańcy okolicznych wsi pogrzebali w okopach i stanowiskach ogniowych. Straty niemieckie nie są znane. Świadkowie mówią o trzech namiotach, w których złożono

ciała żołnierzy niemieckich oraz o kilku zniszczonych niemieckich działach i pojazdach opancerzonych [25].

Zacięte walki trwały również w Surażu i Łapach, gdzie broniono mostów na Narwi. Suraża bronili żołnierze z 25. batalionu pontonowego i 86. Dywizji Strzeleckiej. Przygotowując się do obrony Rosjanie spalili most na Narwi. Zrobili jednak to zbyt wcześnie, gdyż do Suraża wycofywały się inne oddziały. W efekcie w lewobrzeżnej części Suraża Rosjanie porzucili wiele sprzętu i pojazdów mechanicznych. Przy moście porzucono m. in. 3 czołgi T-26. Dwa inne czołgi zatonęły w Narwi, gdy ich załogi próbowały sforsować rzekę po dnie. Swoje pozycje Rosjanie zajęli na wzgórzu zwanym Jaćwieską Górą. Oddziały niemieckiej 23. Dywizji Piechoty nadeszły drogą od strony szosy Brańsk- Łapy. Artyleria niemiecka rozpoczęła ostrzał wywołując w miasteczku wiele pożarów. Pod osłoną dymu Niemcy sforsowali rzekę i wdarli się do Suraża. Nie zdołali jednak wyprzeć Rosjan z zajmowanych pozycji. Po zapadnięciu zmroku Rosjanie wycofali się w kierunku Białegostoku. Ich straty nie są znane. Straty Niemców wyniosły około 72 żołnierzy [26].

Pozycje Rosjan w Łapach również zaatakowała 23. Dywizji Piechoty. Szczegóły walk nie są znane. Ze wspomnień kombatantów wiadomo jedynie, że w walkach tych Rosjanie stracili co najmniej 2 czołgi lekkie i jeden T-34.Załogę czołgu T-34 stanowili bracia Kriczewcow [27].

Z kolei na wschód od Bielska Rosjanie rano opuścili zajmowane pozycje nad Orlanką. Oddział liczący około 800 żołnierzy, dowodzony przez majora Dunajewa wycofywał się szosą prowadzącą do Hajnówki. Wkrótce dowódca oddziału otrzymał informację, że szosa do tego miasteczka została już zajęta przez oddziały niemieckie. Postanowił więc skręcić na północ w kierunku Narwi. Jednak na podejściach do wsi Czyże, na otwartej przestrzeni u stóp wzgórza zwanego Srebrną Górką radziecka kolumna zastała zaskoczona przez oddział niemiecki ze 137. Dywizji Piechoty. Rosjanie zostali ostrzelani ogniem karabinów maszynowych. Wkrótce Niemcy otrzymali wsparcie w postaci II. batalionu piechoty z 448. pułku piechoty oraz kilku dział z III. i IV. dywizjonu 137. pułku artylerii, które zablokowały Rosjan od północy. Z zachodu z pomocą przybył 447. pułk piechoty i I. dywizjon 137. pułku artylerii. Z Północy zaatakował I. batalion 448. pułku piechoty. Rosjanie zostali ostrzelani z trzech stron. Artyleria niemiecka strzelała jak na poligonie. Nie obyło się jednaj bez pomyłek. Jedna z niemieckich baterii została ostrzelana przez własną artylerię. Ostrzał artyleryjski sparaliżował a następnie zniszczył Rosjan. Przed zapadnięciem zmroku oddział przestał istnieć. W tej bitwie ginęło około 500 Rosjan a 150 dalszych zostało wziętych do niewoli. Niemcy

zniszczyli 18 czołgów, 13 armat, kilka samochodów i jeden samochód pancerny. Ponadto zdobyli baterię artylerii [28].

Po zakończeniu wojny mieszkańcy wsi Czyże na Srebrnej Górce postawili krzyż, na którym umieścili napis: „Pamiętnik postawlen w 1948 g, 1 maja w pamiat pogibszemu majoru Dunajewu i bojcam tankowych czastiej, pogibszym w bojach za Rodinu w 1941 g.»

Pamięć o bohaterstwie żołnierzy radzieckich nadal jest żywa wśród mieszkańców okolic Bielska Podlaskiego. W miejscu zwanym „Komarowka» proboszcz Parafii Prawosławnej w Rybołach, mitrat Grzegorz Sosna każdego roku w pierwszą niedzielę maja odprawia mszę za poległych w tym miejscu żołnierzy. W 2003 r. z inicjatywy mieszkańców tej parafii powstał Społeczny Komitet Budowy Pomnika Żołnierzy Armii Radzieckiej Poległych w Obronie Przeprawy na Rzece Narew w 1941 r. Przewodniczącym komitetu został wybrany sołtys wsi Wojski Jan Bruczko, a sekretarzem Walenty Gierasimiuk – syn żołnierza, który zginął w tym boju. W swojej działalności komitet napotyka na wiele przeszkód i do dnia dzisiejszego nie zdołał zrealizować swego głównego celu, tj. zbudowania pomnika. Jednak dzięki staraniom komitetu w czerwcu 2009 r. żołnierze batalionu poszukiwawczego Armii Białoruskiej przeprowadzili w rejonie Ryboł prace ekshumanicyjne, w trakcie których odnaleziono szczątki 16 żołnierzy radzieckich. Uroczysty pogrzeb odbył się 21 czerwca 2009 r. na cmentarzu wojennym żołnierzy Armii Czerwonej w Hajnówce [29].

Spis Literatury

1. Drig, J. Miechanizirowannyje korpusa w boju. Istoria awtobronietankowych wojsk Krasnoj Armii w 1940 – 1941 godach / J. Drig. – M., 2005. – S. 357 – 363.
2. Zapiska po planu diejstwij wojsk w prikrytii na tierytorii Zapadnogo Osobowo Wojennego Okruga. – http://rkka.ru/idocs.htm. Dokument nie datowany z czerwca 1941 r. podpisany przez gen. Pawłowa i gen. Fominych.
3. www.rkka.ru
4. Drig J., op. cit., S. 363 – 364/
5. Pismo Naczelnika Centralnego Archiwum Ministerstwa Obrony Federacji Rosyjskiej nr I/14535 z dnia 9.04.2001 r.
6. Nikołajuk, J. 13. Korpus Zmechanizowany na Podlasiu w czerwcu 1941 r. / J. Nikołajuk // Militaria XX wieku. – 2008. – № 2 (6).
7. Heydorn, V.D. Der sowjetische Aufmarsch im Bialystoker Balkon bis zum 22 Juni und der Kessel von Wolkowysk / V.D. Heydorn. – Munchen, 1989. – S. 174 – 175.
8. Bojewoje doniesienije sztaba Zapadnogo Osobogo Wojennogo Okruga Nr 004/op ot 22 ijunia 1941 g. o chodie bojewych diejstwij wojsk okruga // Sbornik bojewych dokumientow Wielikoj Otieczestwiennoj Wojny. – Moskwa, 1958. – Wypusk 35.
9. Bojewoje doniesienije sztaba Zapadnogo Fronta Nr 007/op k 18 czasam 22 ijunia 1941 g. o chodie bojewych diejstwij wojsk fronta; Razwiedywatielnaja swodka sztaba

Zapadnogo Fronta Nr 1 k 20 czasam 22 ijunia 1941 g. o dziejstwijach protiwnika Protów wojsk fronta // Sbornik bojewych dokumientow Wielikoj Otieczestwiennoj Wojny. – Moskwa, 1958. – Wypusk 35.
10. Opieratiwnaja swodka Sztaba 10. Armii Nr 2 k 9 czasam 23 ijunia 1941 g. o bojewych diejstwijach wojsk armii // Sbornik bojewych dokumientow Wielikoj Otieczestwiennoj Wojny. – Moskwa, 1958. – Wypusk 35.
11. Opieratiwnaja swodka Sztaba Zapadnogo Fronta Nr 2 k 10 czasam 23 ijunia 1941 g. o chodie bojewych diejstwij wojsk fronta // Sbornik bojewych dokumientow Wielikoj Otieczestwiennoj Wojny. – Moskwa, 1958. – Wypusk 35.
12. Opieratiwnaja swodka Sztaba Zapadnogo Fronta Nr 5 k 22 czasam 24 ijunia 1941 g. o chodie bojewych diejstwij wojsk fronta // Sbornik bojewych dokumientow Wielikoj Otieczestwiennoj Wojny. – Moskwa, 1958. – Wypusk 35.
13. Drig, J. op. cit., S. 365.
14. Geyer, H. IX Armiejskij Korpus w wostocznom pochodie 1941 goda / H. Geyer. – Moskwa, 2004. – S. 55.
15. Heydorn, V. D., op. cit., S. 176.
16. Kurowski, F. Szturmgeszutce w boju. Szturmowyje orudja Tretiego Reicha / F. Kurowski. – Moskwa, 2007. – S. 203 – 204.
17. www.poisk.slonim.org
18. Drig, J., op. cit., S. 365; W ijunie 1941-go. Wospominanija uczastnikow pierwych bojew na Grodnieńszczynie. Kniga wtoraja / I. Makiejewa (red.). – Grodno, 1999. – S. 35.
19. Heydorn, V.D., op. cit., S. 244. Relacja Zaniewski Marian // www.geipelnet.com
20. Relacje: Konstanty Siemieniuk, Mikołaj Kalinowski, Włodzimierz Jasiuk.
21. Meyer-Detring, W. Die 137. Infanteriedivision im Mittelabschnitt der Ostfront / W. Meyer-Detring. – Munchen, 1962. – S. 22 – 23.
22. Geyer H., op. cit., S. 62.
23. Relacje mieszkańców wsi Wojski i Ryboły nie są zgodne co do liczby poległych żołnierzy radzieckich. Mówią o liczbie od 100 do 300 żołnierzy radzieckich, którzy zginęli nad Narwią. W miejscu zwanym „Komarowka» tylko w jednym miejscu pogrzebano 40 żołnierzy. Wśród poległych znaleźli się Bazyl Gierasimiuk i Aleksy Wasilewski ze wsi Proniewicze oraz Mikołaj Mironiuk, Aleksy Leonowicz i Piort Dmitruk ze wsi Ryboły.
24. Gazeta Współczesna. Nr 146 (11141) z dnia 25.06.1987 r. oraz Nr 109 (11409) z dnia 11.05.1988 r. Oświadczenie Eliasza Ignatiuk.
25. Relacje: Mikołaj Ignatiuk, Grzegorz Daniluk, Piotr Panasiuk. Oświadczenia: Bazyli Siergiejuk, Jan Smolewski, Polikarp Mironiuk, Piotr Rudeczko, Andrzej Fiedoruk.
26. Relacje Jana Sianko i Zdzisława Byculewicza.
27. W ijunie 1941-go. Wospominanija uczastnikow pierwych bojew na Grodnieńszczynie. Kniga wtoraja / I. Makiejewa (red.). – Grodno, 1999. – S. 83.
28. Meyer-Detring, W., op. cit., S. 23. Relacja Jana Pawluczuk.
29. www.bialystok.uw.gov.pl

Николоюк Ян, *докторант Белостокского университета, подполковник.*

УДК 94(47).084.8:356.13

В.М. Кривчиков

ОТМОБИЛИЗОВАНИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассказывается об отмобилизовании приграничных железных дорог в начале Великой Отечественной войны, в каких условиях это происходило и к каким последствиям это привело.

Ключевые слова: мобилизация, развертывание, железные дороги, транспорт, станция, узел, подвижной состав.

В результате вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз железнодорожный транспорт на Западном театре военных действий оказался в тяжелом положении. Отмобилизование приграничных железных дорог и развертывание на них органов военных сообщений (ВОСО) было серьезно нарушено, а местами сорвано. Многим железнодорожным частям и соединениям пришлось менять пункты и районы отмобилизования. В силу этого они, как правило, не успевали вовремя развертываться. Работа органов ВОСО сильно усложнялась частыми неплановыми переадресовками оперативных эшелонов с одного направления на другое. Начавшиеся массовые эвакуационные перевозки вызвали небывалую загрузку железных дорог. В такой сложной обстановке малочисленные органы ВОСО не смогли взять на учет всю массу воинских эшелонов и транспортов, контролировать их продвижение и выгрузку. В силу этого управление перевозками часто нарушалось. Генеральный штаб, занятый решением множества неотложных оперативных вопросов на фронтах, которые вели тяжелые оборонительные бои, не всегда мог оказать существенную помощь органам военных сообщений.

Ставка Верховного Главнокомандования в спешном порядке перебрасывала на Западный фронт части и соединения резервных армий. Немецкая авиация совершала налеты на Смоленск, Оршу, Борисов и Минск ежедневно в одно и то же время, с 21 часа до 6 часов утра. При этом самолеты бомбили, как правило, только крупные узлы, где к вечеру сосредоточивалось большое количество поездов, и не отвлекались на удары по промежуточным станциям и поездам на перегонах.

Причина скопления поездов на узловых станциях обусловливалась годами вырабатывавшейся у железнодорожников привычкой обеспечить сдачу наибольшего количества вагонов к концу отчетных суток, истекающих на железных дорогах в 18 часов, а также надеждой, что железнодорожные узлы имеют хоть какое-то прикрытие от вражеской авиации. Руководство НКПС обращалось в Генеральный штаб и УПВОСО с просьбой обеспечить средствами ПВО узлы и крупные станции или хотя бы районы выгрузки. Но Генеральный штаб сделать этого не смог, так как средств ПВО не хватало для прикрытия более важных объектов [2, с. 169].

Чтобы ликвидировать «пробки» у железнодорожных узлов, надо было запретить сосредоточение эшелонов и поездов в ночное время на железнодорожных узлах. Систематические налеты на них вражеской авиации не только наносили разрушения железнодорожным путям (их легко восстановить), но и блокировали станции разбитыми вагонами и платформами, горящими цистернами или вагонами с рвущимися снарядами и минами. Эшелоны и поезда в ночное время необходимо было выводить на промежуточные станции или, в крайнем случае, отправлять на перегоны, и тогда разрушение узлов будет сведено к минимуму [2, с. 26].

Было рекомендовано начальникам станций не сосредоточивать на ночь эшелоны и поезда на железнодорожном узле.

Максимальная расчетная пропускная способность железных дорог, предусмотренная воинским графиком, с началом массовых воинских перевозок железными дорогами полностью не использовалась. Имевшиеся выгрузочные районы оказались не в состоянии освоить расчетный поток поездов из-за значительных повреждений транспортных объектов авиацией противника, перенасыщения многих участков вагонным парком, образования «пробок» на железнодорожных узлах.

Как выяснилось, поезда с вооружением и боеприпасами отправлялись малыми партиями (по 3 – 5 вагонов). По настоянию наркома путей сообщения Л.М. Кагановича и с согласия заместителя наркома обороны Маршала Советского Союза Г.И. Кулика УПВОСО перестало присваивать номера такому воинскому транспорту. Несведущему в вопросах транспорта Кулику показалось, что УПВОСО – лишняя промежуточная инстанция и, если ее обойти, перевозки будут осуществляться быстрее. В результате же поезда с остродефицитными грузами (автоматами, противотанковыми и зенитными пушками, снарядами и минами) оказывались вне учета

и контроля со стороны органов ВОСО и НКПС и нередко терялись среди составов с второстепенными грузами. Начальники же станций отправляли обычно бесконтрольные грузы в тупики, где они и простаивали длительное время [4, с. 41].

Несвоевременная доставка грузов фронтам, а также перебои с воинскими перевозками, которые возникали в первые недели войны, свидетельствовали о просчетах и упущениях в работе НКПС и органов ВОСО, а также отправителей грузов.

В те годы, годы культа Сталина, было принято, что за любые неполадки кто-то должен нести персональную ответственность. Требовалось обязательно найти «виноватого». В данном случае вину за перебои в работе железнодорожного транспорта, недочеты в обеспечении воинских перевозок свалили на начальника военных сообщений генерал-лейтенанта Н.И. Трубецкого. Приказом народного комиссара обороны от 8 июля 1941 года генерала Н.И. Трубецкого освободили от занимаемой должности. Его арестовали и репрессировали. В 1956 году он полностью был реабилитирован [4, с. 45].

Приказом народного комиссара обороны от 1 августа 1941 года Управление военных сообщений было выведено из состава Генерального штаба и передано в только что созданное Главное управление тыла Советской Армии.

В это время в Советской Армии были созданы органы тыла Центра и на местах. Был определен состав служб тыла. По указанию Верховного Главнокомандующего органы военных сообщений отнесли к числу тыловых служб. Начальник Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков, его заместитель генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин возражали. Волевым решением И.В. Сталина УПВОСО было включено в состав Главного управления тыла.

16 июля 1941 года штаты УПВОСО были значительно расширены. Вместо 9 отделов стало 12. Перевозками всех видов грузов стал ведать не один, а уже три отдела: перевозок боеприпасов, ГСМ и военно-технического имущества; перевозок интендантских служб; перевозок по укомплектованию и эвакуации. Был создан новый отдел – восстановления и заграждения железных дорог [3, с. 51 – 52].

К двум заместителям начальника УПВОСО, ведавшим воинскими перевозками и железнодорожными войсками, прибавился третий, который отвечал за военно-снабженческие перевозки. В августе и сентябре штат Управления дважды увеличивался. В самостоятельный отдел выделяется планирование перевозок горючего и

смазочных материалов, создаются новые отделы – снабжения войск железнодорожной техникой, санитарной эвакуации, отдел кадров и другие подразделения.

После значительной реорганизации структуры Управления заметно улучшилась работа органов военных сообщений. Упростилась связь УПВОСО с центральными довольствующими управлениями, ускорился процесс планирования воинских перевозок. Каждый отдел стал самостоятельно планировать перевозки, легче и быстрее мог вносить необходимые изменения в планы перевозок [4, с. 48].

Таким образом, отмобилизование приграничных железных дорог в начале Великой Отечественной войны проходило в сложных условиях и в полной мере не позволило решить задачи по эвакуации населения и материальных средств, а также полном и своевременном обеспечении действующей армии всем необходимым.

Список литературы

1. Анфилов, В.А. Бессмертный подвиг (исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны) / В.А. Анфилов. – М.: Наука, 1971. – 544 с.
2. Бартенев, С.А. Экономическая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне / С.А. Бартенев // Воен.-ист. журнал. – 1985. – № 4.
3. Гусаров, Ф.Ф. Техническое прикрытие железных дорог (По опыту первого периода Великой Отечественной войны) / Ф.Ф. Гусаров, Л.А. Бутаков // Воен.-ист. журнал. – 1988. – № 4. – С. 51 – 58.
4. Ковалев, И.В. Волевыми решениями… / И.В. Ковалев // Воен.-ист. журнал. – 1988. – № 12. – С. 38 – 50.

Кривчиков Владислав Михайлович, *доцент кафедры тылового обеспечения ГрГУ им. Я. Купалы, подполковник.*

УДК 94(47).084.8

В.М. Кривчиков

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ОПЕРАТИВНОГО ТЫЛА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассказывается, какое влияние оказала Великая Отечественная война на тыловое обеспечение Советской Армии, как работала служба снабжения и обеспечения. По каким причинам возникали перебои и даже срывы в материальном обеспечении войск и какие принимались решения по их устранению.

Ключевые слова: развертывание, мобилизация, тыловое обеспечение, резервы, склады, базы.

Тяжелые испытания выпали на долю Советской Армии в начальный период Великой Отечественной войны. Вероломное нападение немецко-фашистских захватчиков, крайне неудачное для советских войск начало боевых действий не позволили осуществить плановое развертывание оперативного тыла. Отмобилизование, выдвижение и развертывание соединений, частей и учреждений тыла пришлось проводить в ходе тяжелых оборонительных сражений, в условиях отхода наших войск, потерь значительной части территории, путей сообщения, людских и материально-технических ресурсов. Фронты и армии были вынуждены отражать удары немецко-фашистских войск при крайне ограниченных подвижных запасах материальных средств и неполном комплекте автомобильных, дорожных, медицинских, ветеринарных и других частей и учреждений. Возникла резкая диспропорция между потребностями действующих войск и реальными возможностями тыла.

В соответствии с предвоенными планами отмобилизование и развертывание фронтового и армейского тыла намечалось проводить на базе имевшихся в мирное время окружных тыловых частей и учреждений.

К началу войны в составе приграничных военных округов имелось значительное количество стационарных складов, транспортных, медицинских и других специальных частей и учреждений. При наличии времени для проведения мобилизационных мероприятий в угрожаемый период они позволяли своевременно развернуть оперативный тыл в полном составе. Однако вероломное нападение немецко-фашистских захватчиков сорвало плановое отмобилизова-

ние и развертывание. В связи с быстрым продвижением вражеских ударных группировок вглубь советской территории пришлось вносить коренные изменения в довоенные мобилизационные планы, назначать новые районы отмобилизования частей и учреждений, срочно перераспределять людские и материально-технические ресурсы. Это удлиняло сроки готовности частей и учреждений тыла, а иногда даже полностью срывало их отмобилизование.

По данным Управления устройства тыла и снабжения Генерального штаба на 5 июля было сорвано отмобилизование 68 головных складов, 20 батальонов обслуживания станций снабжения, 3 управлений госпитальных баз, 7 управлений подвижных эвакопунктов (УПЭП), 34 подвижных полевых госпиталей и целого ряда других специальных частей и учреждений.

В связи с быстрым продвижением противника на восток пришлось оставить или уничтожить значительное количество материальных средств. Только на Западном фронте за первую неделю боевых действий (с 22 по 29 июня) было потеряно 10 артиллерийских складов, что составило свыше 25 тыс. вагонов боеприпасов (30 % всех запасов), 25 складов и баз, где хранилось более 50 тыс. тонн (50 %) горючего, 14 складов с почти 40 тыс. тонн (50 %) продфуража и большое количество других материальных ресурсов [2, с. 74].

Фронтам и армиям пришлось вести напряженные боевые действия с ограниченным количеством частей и учреждений тыла, а иногда и без них. Так, 8 июля 1941 года военный совет 8-й армии (командующий генерал-лейтенант Ф.С. Иванов, член военного совета дивизионный комиссар И.Ф. Чухнов, начальник штаба генерал-майор Г.А. Ларионов) докладывал военному совету Северо-Западного фронта: «Никаких тыловых учреждений и частей обслуживания в армии нет, грунтовые дороги из-за отсутствия дорожных частей не обслуживаются». Не лучше положение складывалось и в армиях Западного и Юго-Западного фронтов. Например, 26-я армия (командующий генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко, член военного совета бригадный комиссар Д.Е. Колесников) Юго-Западного фронта вступила в сражение, имея всего один автотранспортный батальон с 45 автомобилями и один госпиталь. По состоянию на 28 июня 1941 года Южный фронт имел в автотранспортных частях подвоза только 280 автомобилей.

В целях более устойчивого обеспечения войск и ускорения развертывания тыла фронтам и армиям передавались находившие-

ся в их тыловых районах окружные и центральные склады, базы, части и учреждения. Например, 24 июня 1941 года по приказу наркома обороны Юго-Западному фронту было передано более 60 различных частей и учреждений окружного тыла, в их числе 16 госпиталей, 8 ветеринарных лазаретов и 19 различных складов с запасами материальных средств.

По распоряжению начальника Генерального штаба фронтам передавались также находившиеся в их тыловых районах склады, базы и холодильники Управления государственных резервов, Главнефтеснаба и Народного комиссариата мясомолпрома. Те из них, которые размещались ближе к государственной границе, в том числе и часть окружных складов, передавались в состав армий и использовались для обеспечения войск. Например, директивой по тылу Юго-Западного фронта от 30 июня 1941 года 5-й армии передавались артиллерийские склады с запасами боеприпасов в Овруче и Коростене, горючего – в Овруче, Коростене и Новоград-Волынском; 6-й армии – артиллерийские склады в Шепетовке, Чуднове-Волынском, Михайленках и Березовке, горючего – в Шепетовке, Хромине и Житомире, продовольственные – в Шепетовке и Житомире.

Большое напряжение боевых действий и резкие изменения оперативной обстановки во фронтах требовали особенно четкой, согласованной работы служб снабжения и обеспечения. Отсутствие же централизованного органа управления службами отрицательно сказывалось на всей системе обеспечения войск. Общевойсковые штабы, перегруженные оперативной работой, не смогли обеспечить твердого руководства тылом. Например, в приказе командующего войсками Юго-Западного фронта от 2 июля 1941 года указывалось: «...штабы дивизий, корпусов и армий вопросам организации тыла должного внимания не уделяют, совсем плохо управляют тылом. Постоянная связь с нижестоящими штабами и тылом не поддерживается, точного учета тыловых частей и запасов материальных средств в войсках и на складах не имеется, учет расхода материальных средств, потерь людского и конского состава и материальной части не ведется».

По этим причинам уже в первые дни боевых действий возникали перебои и даже срывы в материальном обеспечении войск. Так, 23 – 24 июня 1941 года при нанесении Западным фронтом контрудара по сувалковской группировке гитлеровцев 6-й и 11-й механизированные корпуса остались без горючего (израсходовано в

ходе марша) и боеприпасов в самый разгар боевых действий. Из-за отсутствия горючего не смогла участвовать в контрударе 23 июня 1941 года 28 танковая дивизия Северо-Западного фронта. Перебои в подвозе привели к тому, что в 3-й и 10-й армиях Западного фронта с 26 июня возник острый дефицит в боеприпасах, горючем и продовольствии. Неритмичность и срывы в материальном обеспечении войск имели место в этот период на Юго-Западном и Южном фронтах.

Сложилась парадоксальная ситуация: на складах и базах в тыловых районах фронтов и армий хранились большие запасы всех видов материальных средств, а из-за нераспорядительности, неорганизованности и отсутствия связи войска не знали об этом и испытывали острый недостаток в боеприпасах, горючем, продовольствии и вещевом имуществе.

Главный интендант Красной Армии генерал-лейтенант интендантской службы А.В. Хрулев 30 июня 1941 года докладывал начальнику Генерального штаба генералу армии Г.К. Жукову: «Дело организации службы тыла действующей армии находится в исключительно тяжелом положении. Ни я, как Главный интендант, ни Управление тыла и снабжения Генерального штаба на сегодняшний день не имеем никаких данных по обеспечению продовольствием и интендантским имуществом фронтов... Подвоза также нет, так как Главное интендантское управление не имеет данных, куда и сколько нужно и можно завозить».

Обстановка требовала решительного укрепления руководства делом обеспечения и снабжения войск. В начале июля народный комиссар обороны поручил Главному интенданту Красной Армии подготовить предложения по совершенствованию системы управления тылом. 30 июля нарком обороны И.В. Сталин утвердил положение «Об управлении тылом Красной Армии в военное время», а 1 августа подписал приказ об организации центральных и фронтовых (армейских) органов управления тылом [1, с. 19].

По приказу в Центре создавалось Главное управление Тыла, во фронтах и армиях – Управления во главе с начальником тыла – заместителем командующего, которому непосредственно подчинялись все основные тыловые службы. На должности начальников тыла фронтов были назначены авторитетные кадровые военачальники, имевшие большой опыт руководства войсками. В их числе генерал-лейтенанты В.К. Мордвинов (Северный фронт), М.Г. Снегов (Северо-Западный фронт), В.Н. Курдюмов (Западный фронт),

Ш.С. Хозин (Резервный фронт), И.Г. Советников (Юго-Западный фронт), М.А. Рейтер (Брянский фронт), И.К. Смирнов (Южный фронт) [3, с. 37].

Народный комиссар обороны рассматривал организацию тылового обеспечения войск фронтов как исключительно важную оперативную работу, неразрывно связанную с подготовкой и ведением боевых действий. При назначении первых начальников тыла фронтов он указывал: «Война требует железного порядка в снабжении войск. Этот порядок должен наводиться твердой рукой начальников тыла фронтов и армий. Вам нужно быть диктаторами в тыловой полосе своих фронтов, и это каждый должен хорошо усвоить».

Централизация управления тылом более полно отвечала условиям начавшейся войны, позволяла оперативнее решать вопросы организации материального обеспечения войск, подготовки путей сообщения, подвоза и эвакуации, организации охраны, обороны и поддержания порядка в отведенных районах. Руководство оперативным тылом существенно укрепилось. Позднее, в апреле 1942 года, начальник Тыла Красной Армии генерал А.В. Хрулев докладывал народному комиссару обороны: «Десятимесячная практика показала, что сформированные Управления тыла фронтов и армий оказались жизнеспособными и целиком оправдали свое назначение. Начальники тыла фронтов и армий на деле являются полномочными заместителями командующих по тылу и, обладая всей полнотой власти, являются единственными ответственными лицами за все вопросы тыловой службы» [3, с. 38].

Созданная в начале войны централизованная структура органов управления оперативным тылом в последующем продолжала совершенствоваться и укрепляться. Так, в августе 1941 года во фронтах и армиях были созданы политические отделы тыла. В ноябре 1941 года ЦК ВКП(б) принимает постановление о назначении одного из членов военных советов фронтов и армий ответственным за снабжение войск. Членами военных советов назначались, как правило, видные партийные и хозяйственные руководители тех областей и республик, на территории которых действовали войска фронтов (армий). Позднее, в мае 1942 года, во фронтах и армиях вместо организационно-плановых отделов были созданы штабы тыла.

Организационно-штатные мероприятия укрепляли систему управления тылом фронтов и армий, существенно повышали оперативность руководства тыловым обеспечением войск. Этому спо-

собствовало также и совершенствование состава оперативного тыла, повышение его технической оснащенности, мобильности и подвижности. Так, в августе 1941 года по решению НКО во фронтах и армиях сократилось количество стационарных складов, баз, мастерских и других громоздких учреждений. Вместо них развернулись полевые подвижные склады. Улучшилась структура и повысилась маневренность дорожных, железнодорожных, автомобильных войск, медицинских и других частей и учреждений. В армиях вместо 20 – 25 громоздких складов были созданы полевые армейские базы в составе 7 – 8 подвижных складов по основным видам снабжения. Одновременно подверглись пересмотру и значительному сокращению запасы на фронтовых и армейских складах. По новым нормам предусматривалось содержать на фронтовых (армейских) полевых складах: боеприпасов – 1 (0,75) боекомплект, горючего – 2 (1) заправки, продовольствия – 15 (5) сутодач [4, с. 21].

В это же время органы Центра, военных округов, фронтов и армий принимают дополнительные меры по ускорению отмобилизования и формирования автомобильных, дорожных и железнодорожных соединений и частей, медицинских, ветеринарных и ремонтных учреждений. Для их укомплектования во внутренних военных округах мобилизуется значительное количество автомобильного транспорта. Основная часть машин направляется в районы формирования железнодорожными эшелонами без водителей и горючего. По прибытии на станции выгрузки, которые к тому же часто менялись, эшелоны с автомобилями простаивали и нередко попадали под удары авиации и танков противника. Это задерживало формирование войск и учреждений тыла. К концу первого месяца войны в Центре удалось сформировать лишь пять автомобильных бригад и несколько отдельных автотранспортных полков и батальонов. На Северо-Западном фронте к середине июля было отмобилизовано только по одному отдельному дорожно-эксплуатационному, дорожно-строительному и мостостроительному батальону.

Создание во фронтах и армиях отдельных подвижных частей и учреждений тыла несколько укрепило оперативный тыл, повысило его возможности и маневренность. Органы управления тылом могли более быстро проводить маневр силами и средствами, улучшилось и укрепилось их взаимодействие с общевойсковыми штабами, командующими ВВС и начальниками родов войск, специальных войск и служб. Однако полностью проблема отмобилизования и развертывания оперативного тыла в начальный период войны не

была решена. Формирование и выдвижение соединений, частей и учреждений тыла фронтов и армии во внутренних военных округах продолжались вплоть до начала 1942 года.

Внезапно начавшиеся военные действия предъявили высокие требования к боевой готовности оперативного тыла. Имевшийся в предвоенные годы слабо укомплектованный войсковой тыл уже в первые дни войны не смог бесперебойно обеспечивать войска. Расчеты же на плановое отмобилизование и развертывание армейского и фронтового тыла в угрожаемый период не подтвердились. Возникли перебои в обеспечении войск материальными средствами.

Допущенные в подготовке оперативного тыла просчеты убедительно показали, что минимально необходимое количество частей и учреждений армейского и фронтового тыла следует готовить к войне еще в мирное время. Их состав, техническое оснащение и боевая готовность должны полностью соответствовать боевой готовности и задачам обеспечиваемых группировок войск. По своей подвижности, маневренности и производительности они должны быть способны немедленно развернуться и приступить к бесперебойному обеспечению войск. Органы управления оперативным тылом обязаны обеспечить эффективное использование этих частей и учреждений с первых же дней боевых действий.

Одной из важных задач заблаговременной подготовки оперативного тыла является тщательная разработка научно обоснованной теории тылового обеспечения войск в операциях начального периода войны, которая должна исходить из коренных качественных изменений в вооружении и техническом оснащении войск, из наиболее сложных вариантов возможного развязывания войны агрессором и ведения фронтами напряженных оборонительных операций по отражению вторжения противника с последующим переходом в решительное контрнаступление. Поэтому все основные вопросы подготовки и построения оперативного тыла должны решаться комплексно, чтобы при переходе войск от обороны к контрнаступлению не требовалось проводить крупных перегруппировок его сил и средств по направлениям и рубежам действий войск. Это может быть достигнуто путем более глубокого (на всю глубину оперативного построения группировок войск) и рассредоточенного размещения баз и складов с запасами материальных средств, подготовки разветвленной и устойчивой сети путей сообщения, а также за счет дальнейшего повышения подвижности и мобильности автомобильных, дорожных, железнодорожных, медицинских, ре-

монтных и других тыловых частей и учреждений. Их организационную структуру и техническую оснащенность следует максимально приблизить к потребностям военного времени [4, с. 27].

Поучительный урок минувшая война дала по вопросам подготовки и организации управления оперативным тылом. Децентрализованные и слабо подготовленные органы управления не смогли обеспечить твердого руководства тыловым обеспечением войск в сложной, быстро меняющейся обстановке. Централизованную и устойчивую систему управления тылом надо готовить заблаговременно, в мирное время, постоянно ее укреплять и совершенствовать с таким расчетом, чтобы она была способна немедленно взять управление на себя и оперативно руководить всеми службами, войсками и учреждениями тыла при любом варианте развязывания войны агрессором. Ни времени, ни возможностей для ее перестройки и переподготовки в начальный период современной войны не будет.

Список литературы

1. Вилинов, М.А. Тыл Западного фронта в битве под Москвой / М.А. Вилинов // Воен.-ист. журнал. – 2007. – № 4. – С. 18 – 21.

2. В июне 1941-го (воспоминания участников первых боев на Гродненщине). Книга вторая / Совет ветеранов Ленинского района г. Гродно; редкол.: И. Макеева [и др.]. – Гродно: Гродн. област. укруп. типография, 1999. – 208 с.

3. Голушко, И.М. Из опыта работы штаба тыла Советской Армии в годы Великой Отечественной войны / И.М. Голушко // Воен.-ист. журнал. – 1985. – № 10. – С. 37 – 44.

4. Пастуховский, Г.П. Развертывание оперативного тыла в начальный период войны / Г.П. Пастуховский // Воен.-ист. журнал. – 1988. – № 6. – С. 18 – 27.

Кривчиков Владислав Михайлович, *доцент кафедры тылового обеспечения ГрГУ им. Я. Купалы, подполковник.*

УДК 94(476).084.8

М.В. Васілючак

ТРЫВОЖНАЕ ЛЕТА 1944 ГОДА Ў МАЁЙ ПАМЯЦІ

Ва успамінах распавядаецца пра падзеі лета 1944 г., звязаныя з устанаўленнем Савецкай улады пасля трох гадоў фашысцкай акупацыі.

Ключавыя словы: успаміны, акупацыя, вызваленне, партызанскі рух, Савецкая ўлада, засада.

Гады ляцяць як маланка на небе, але летнія паддзеі 1944 года застаюцца у маёй памяці назаўсёды. Гэта быў перыяд як страху, трывогі, так і вялікай радасці, калі 8 ліпеня 1944 года мы, аднасяльчане, пасля крывавага бою паміж фашыстамі і савецкімі вайскамі сустракалі чырвонаармейцаў не толькі хлебам-соллю, але і кілішкам гарэлкі. Гэта і сёння я бачу запыленных, у запацелых рубашках артылерыстаў, якія гадзіну назад падавілі фашысцкую агнявую пазіцыю. Але ўсё па парадку.

У пачатку чэрвеня 1944 года вельмі ўзмацнілася разведка нашых (савецкіх) партызан, так і ноччу савецкіх самалётаў, якія часта на невысокай вышыні ляталі ў бок г. Ліды. У гэты час праяўлялі актыўнасць і фашысты: прыходзілі днём у маю вёску (Малыя Князікоўцы, Іўеўскага раёна), а ноччу за вёскай ва ўрочышчы Бусла ў галешніку рабілі засады на партызан, але сяляне пільна сачылі і асобымі знакамі перадавалі нашым партызанам аб засадзе. У маёй вёсцы непасрэдна ў партызанскіх атрадах з фашыстамі змагаліся Міхаіл Заруба, Міхаіл Новік, Уладзімір Паплёўка і Валянціна Барысевіч, якая ў гэты час выйшла замуж за партызана па прозвішчы Багданаў. І на працягу ўсёй акупацыі немцам не ўдалося знянацку напасць на партызан, а партызаны да нас прыходзілі амаль кожную ноч. І ў большых выпадках прыходзілі да бацькі Валянціны Барысевіч – Івана. Аднойчы сусед Барысевіча, які быў каталікам і чамусці спачуваў немцам і Арміі Краёвай, выдаў фашыстам, што ў хаце Івана Барысевіча начуе партызан зяць Івана. Немцы акружылі хату і пачалі шукаць гэтага партызана, але Багданаў у гэты час схаваўся ў склепе, дзе знаходзілася бульба. Лёг у бульбу і ўзвёў пісталет на баявы ўзвод і чакаў, калі яго знойдуць, то жывы ён не здацца; заб’е некалькі фашыстаў і пусціць сабе пулю ў лоб. І вось фашыст адкрыў дзверцы ў склеп і кажа моцным голасам сваім вайскоўцам, што тут няма партызана. Як пра гэты выпадак гава-

рылі аднавяскоўцы, што немец, магчыма, спачуваў партызанам. Такія выпадкі мелі месца пры растрэле 19 Князікоўскіх мужыкоў і 5 чырвонаармейцаў 30 чэрвеня 1941 года ва урочашчы Камарышскі-Падбярэзнік [1, с. 4].

Асабліва стала трывожга, калі 23 чэрвеня 1944 года пачалася аперацыя «Багратыён» па вызваленні Беларусі ад фашысцкай акупацыі. У гэтыя дні як днём, так і ноччу чуліся гукі нямецкіх самалётаў, якія рухаліся на ўсход з бомбамі, а ўсходу павялічвалася колькасць нямецкіх транспартных самалётаў, якія вывазілі сваю жывую сілу, галоўным чынам – параненых. І самалёты ляцелі невысока і над чыгункай Ліда – Маладзечна, таму шта ў гэты час узмацнілі баявыя дзеянні як партызаны, так і падпольшчыкі. Вядома, што за тры дні да пераходу ў наступленне савецкіх войскаў беларускія партызаны і падпольшчыкі распачалі трэці этап «рэйкавай вайны». У ноч з 19 на 20 чэрвеня 1944 года партызаны атакавалі чыгуначныя камунікацыі ворага па ўсёй тэрыторыі акупіраванай Беларусі і падарвалі 40 775 рэек, паралізаваўшы рух на важнейшых чыгунках. У гэтую лепту, ахвяруючы сваім жыццём, унеслі падпольшчыкі станцыі Гаўя. На станцыі масцерам працаваў Кузняцоў, які прыехаў на работу ў Заходнюю Беларусь з Усходняй Беларусі ў перадваенны перыяд. Калі пачалася Вялікая Айчынная вайна ён застаўся на Гаўі і працаваў. З паяўленнем партызанскага руху ён наладзіў цесную сувязь з камандаваннем партызанскай брыгады імя Кірава, а таксама і з некаторымі рабочымі. Пра дзейнасць падпольнай групы на станцыі Гаўя ў гады Вялікай Айчыннай вайны гаварыцца (пішацца) у данясеннях гэтай брыгады. А я сам бачыў у гэтыя чэрвеньскія дні, як цягнік выходзіў з станцыі Гаўя ў накірунку на Ліду і праехаўшы 2 – 3 вярсты, пасля ўзрыву ў топцы «чыхаў» і астанаўліваўся. Дзесьці так тры эшалоны былі падарваны. Фашысты ўжо пільна сачылі за рабочымі, якія абслугоўвалі цягнікі. Кузняцова і яго памочніка на месцы работы арыставалі і растралялі. Пра гэтых патрыётаў мне ячшэ расказваў рабочы-чыгуначнік з маёй вёскі Уладзімір Ткач. На жаль, у свой час пра гэта я не запісаў [2, с. 56 – 58].

Як фашысты не стараліся ўтрымаць нашу акупіраваную тэрыторыю, але гэта не ўдалося і час вызвалення набліжаўся. Сіламі 4 франтоў: 1-га Прыбалтыйскага,1-га, 2-га, 3-га Беларускіх 23 чэрвеня 1944 года галоўныя сілы гэтых франтоў пасля магутнай артылерыйскай падрыхтоўкі перайшлі ў наступленне па віцебскім, аршанскім і магілёўскім напрамку. А 24 чэрвеня пачалі наступаць войскі 1-га Беларускага фронту на бабруйскім напрамку. І ўжо 26 чэрвеня

быў вызвалены Віцебск, 29 чэрвеня – Бабруйск, 3 ліпеня – Мінск. Прыбліжаўся і час вызвалення Іўеўшчыны. Ужо 6 ліпеня 1944 года войскі 32 кавалерыйскай Смаленскай Чырвонасцяжнай дывізіі 3-га кавалерыйскага корпуса 3-га Беларускага фронту выйшлі на рубяжы Іўеўскага раёна: камандаваў корпусам генерал-лейтэнант Н. Аслікоўскі: Значную дапамогу Чырвонай Арміі ў вызваленні роднай зямлі аказалі партызаны і мясцовае насельніцтва. Яны правялі баявыя дзеянні па знішчэнню фашысцкіх камунікацый, а таксама аднавілі драўляныя масты на асноўных камунікацыях руху Чырвонай Арміі і аказалі ёй неабходную дапамогу. Напрыклад, партызаны брыгад А. Неўскага і «Наперад» аднавілі масты на дарогах Івянец – Бакшты – Ягадзень і іншыя. Пасля злучэння партызанскіх брыгад з Чырвонай Арміяй партызаны правялі значную работу па затрыманні шматлікіх груп немцаў, якія вырваліся з акружэння Мінскага «катла» і прабіваліся праз лясныя масівы на захад. Што датычыць вызвалення Іўе, то галоўную лепту ўнес 65 кавалерыйскі полк 32-й Смаленскай кавалерыйскай дывізіі, які 7 ліпеня 1944 года ў 17.00 завязаў бой за гэты раёны цэнтр і к 19.00 гадзінам, прычыняючы праціўніку значныя страты, авалодаў гэтым важным пунктам ў напрамку на Ліду [3, с. 135].

Маю вёску Малыя Князікоўцы Чырвоная Армія вызваліла ў 13.00 гадзін 8 ліпеня 1944 года. Пасля вызвалення Мінска фашысты планавалі астанавіць савецкія вайска на рубяжы Гаўя – Жыжма. І ўжо 4 ліпеня ў нашу вёску і ў другія населеныя пункты прыехала шмат немцаў і ўласаўцаў. Ад вёскі Новая Жыжма, каля вёсак Вялікія і Малыя Князікаўцы, ад чыгуначнага маста цераз рэчку Жыжма вёрст пяць па цячэнні немцы і ўласаўцы пачалі капаць акопы, бліндажы, устанаўліваць гарматы, мінамёты, кулямёты. Але спыніць імклівае наступленне Чырвонай Арміі фашыстам не ўдалося. Дзесьці каля 11 гадзін, а дзень быў сонечны, цёплы, пачалася артылерыйская дуэль паміж наступаючымі савецкімі вайскамі і немцамі. Праз 2 – 2,5 гадзіны супрацяўленне было зломлена. Коннікі Аслікоўскага з раёна Сонтак Ліпнішкоўскіх, якраз насупраць брацкай магілы фарсіравалі ўброд рэчку Жыжма і з ходу знішчылі некалькі нямецкіх агнявых кропак. Фашысты пакінулі шмат баявой тэхнікі, баяпрыпасаў, амуніцыі ва ўрочышчы Шнюры. Каля 14.00 гадзін немцы спрабавалі спыніць нашыя наступаючыя войскі ў раёне вёскі Бялундзі і каля былога маёнтка пана Лясковіча, але савецкія артылерысты трапным агнём знішчылі кулямётную кропку, якая знаходзілася на паддашку хаты, каля лесу Лысая гара. Пасля гэта-

га ўступілі ў дзеянне нашы слаўныя «кацюшы» і больш за 200 гітлераўцаў знайшлі свой канец на беларускай зямлі. Дарога на Ліду была адкрыта і савецкія войскі выйшлі на захад ад населеннага пункта Бердаўка і перарэзалі праціўніку адыход па шасейнай дарозе чераз Ліду. І сёння ў маёй памяці свецяцца радасцю вочы артылерыстаў, якія знішчылі фашысцкую кулямётную кропку другім снарадам. Пасля боя яны заехалі ў нашу вёску і астанавіліся на загуменной дарозе пад шчыльным заслонам пушыстых бяроз каля лаўнікавай хаты. Гармату вязлі 3 каня і сяляне частавалі артылерыстаў сваёй гарэлкай, а каней мурагом [4, с. 150].

Адначасова адбываліся сутычкі паміж часцямі Чырвонай Арміі і немцамі на шашы з мястэчка Ліпнішкі ў напрамку на Ліду. Неабходна заўважыць, што немцы ноччу 8 ліпеня ў 2 гадзіны ўзарвалі чыгуначныя і шашэйныя масты на рэчках Гаўя і Жыжма. Партызанам, на жаль, не удалося перашкодзіць немцам узарваць гэтыя масты. Таму нашым наступаючым часцям прышлося вельмі цяжка, так як мясцовасць была забалочаная. Немцы ператварылі Жыжмянскую царкву і мур у крэпасць і некалькі гадзін утрымлівалі гэтыя пазіцыі, нягледзячы на тое, што з боку вёскі сцігання савецкія артылерысты толькі ў царкву папалі двойчы. Але прабіць каменную сцяну не ўдалося і 100 мм снарадамі. Праўда, ад трапнага агня артылерыстаў засталіся дзве ўвагнутасці, якія пазней мой сусед Пётр Булей затынкаваў. І калі сёння вельмі добра паглядзець на сцяну з усходу, то можна ўбачыць сляды мінулай вайны. Затым немцы за могілкамі каля шашы пакінулі артылерыйскі разлік, які прыкрываў адыходзячыя нямецкія часці ў бок населеннага пункта Дворышча, што ў Лідскім раёне. А пакінутыя нямецкія артылерысты і іх гарматы засталіся навечна на Іўеўскай зямлі каля жыжмянскіх могілак. На жаль, былі ахвяры і з нашага боку. Так, экіпаж адной з «кацюш» загінуў пры настпленні на станцыю Гаўя. Некалькі гадоў рэйкі гэтай грознай зброі ляжалі на абочыне шасейнай дарогі на Ліпнішкі. Яшчэ неабходна заўважыць, што нашым коннікам удалося больш хутка зламаць супрацяўленне немцаў у раёне брацкай магілы не без дапамогі ўласаўцаў. Пра гэта сёння трэба сказаць. Ад брацкай магілы да хутара Астрэйкі, які знаходзіцца пры ўпадзенні рэчкі Жыжма ў Гаўю знаходзіліся са сваімі сем’ямі і каровамі, коньмі, скарбам сяляне з многіх бліжэйшых населенных пунктаў. Сяляне чакалі калі іх вызваліць Чырвоная Армія. Я ў гэты час таксама быў тут. Калі пачалася артылерыйская і кулямётная дуэль, то з боку леса Лысая гара прыйшла да сялян група (чалавек

15) уласаўцаў са зброяй. Яны хацелі здацца ў палон рэгулярным часцям савецкіх войскаў. Такім чынам, яны агалілі значны ўчастак абароны [5, с. 52 – 55].

Пасля вызвалення нашай мясцовасці ад фашыстаў яшчэ значны перыяд у жыцці аднавяскоўцаў быў вельмі трывожным, так як мірную працу парушалі як акаўцы, так і незабітыя фашысты, якія выхадзілі з акружэння з Мінскага «катла». Асбліва запомніўся бой паміж чырвонаармейцамі, якія будавалі новыя масты на рэчках Гаўя і Жыжма і фашыстамі-акружэнцамі. У выніку пераастрэлкі ў нашай вёскі згарэлі два гумна з сенам і жывёлай, а я папаў з маленькай (7 нядзель) сястрычкай Аняй пад перакросны агонь. У маім жыцці былі яшчэ такіе здарэнні. У гэтым баі загінула пяць немцаў, якія і па сённяшні дзень ляжаць на балоце, на сенажаце. І калі туды, дзе пакояцца ахвяры вайны, падыходзілі каровы, то яны паднімалі такі роў, што валасы паднімаліся на галаве і трэба было іх хутка адганяць ад гэтага месца, каб яны не пакалечылі адна другую.

Яшчэ неабходна заўважыць, што пасля вызвалення нас ад фашыстаў, у весцы была створана група аднасяльчан, якая атрымала зброю ад савецкай улады і ахоўвала пакой ад вылазак, галоўным чынам ад былых акаўцаў. Адзін мой сусед Валодзя Булей атрымаў карабін, другі Вінцук Малец – дзесяцізарадную вінтоўку. Асаблівы гераізм у гэты трывожны час праявіў Пеця Новік, які атрымаў кулямёт. Ён затрымаў шмат акружэнцаў. Аднойчы на хутары каля Сонтак, калі днём фашысты адпачывалі ў гумне ён арыставаў 15 чалавек і здаў савецкім уладам. Ноччу дзяжурыла ў вёсцы моладзь з карабінамі по 2 чалавека па чарзе, у тым ліку часта дзяжурыў і мой старэйшы брат Валодзя 1929 года нараджэння [6, с. 48].

Вось ўжо 65 гадоў, як адгрымелі артылерыйскія кананады. За гады вайны загінуў кожны чацвёрты беларус. Няхай наш брат беларус больш не ведае вайны. Не трэба нам ні перамог, ні брацкіх магіл. Мужчынам трэба расціць хлеб, будаваць дамы, а жанчынам радзіць здаровых, разумных дзетак і жыць з усімі ў міры і дружбе!

Спіс літаратуры

1. Памяць. Іўеўскі раён. – Мінск: БелТА, 2002.
2. Васілючак, М.В. Іўе: гісторыка-эканамічны нарыс / М.В. Васілючак [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 1991.
3. В Принеманских лесах. Воспоминания партизан и подпольщиков. – Минск, 1975.
4. Трагічнае лета 1941: напамін гісторыі: матэрыялы Міжнарод. навукова-тэарэтычнай канферэнцыі, Мінск, 22 чэрвеня 2001 г. Частка 2. – Мінск, 2003.

5. Памяць. Іўеўскі раён. – Мінск: БелТА, 2002.
6. З гісторыі вякоў і пакаленняў Іўеўскага краю: матэрыялы навукова-практычнай краязнаўчай канферэнцыі, Іўе, 15 лютага 1998 г. – Гродна, 1999. – 140 с.

Васілючак Міхаіл Вікенцьевіч, *кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі ГрДУ імя Я. Купалы.*

УДК 94(47).084.8:355.425.4:351.863.7

А.Н. Глебов, С.М. Лебедев

МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются особенности организации медицинского обеспечения партизанских формирований и героический подвиг медиков, работающих в подполье.

Ключевые слова: тыл врага, подпольщики, партизаны, отряд, бригада, эвакуация, медикаменты.

Партизанское движение играло важную роль в успешных действиях советских войск по разгрому немецко-фашистских захватчиков. Только к концу 1941 года в тылу врага уже действовало более 2 тыс. партизанских отрядов общей численностью свыше 30 тыс. человек, а всего в годы войны в тылу врага находилось более 6200 партизанских отрядов и подпольных групп, в которых сражалось свыше 1 млн партизан и подпольщиков [1, с. 15]. По данным И.А. Инсарова, назначенного вначале 1943 года начальником санитарного отдела Белорусского штаба партизанского движения, созданные на территории БССР первые партизанские отряды и группы имели весьма ограниченное число медицинских работников. Как правило, медицинские работники вначале прибывали в партизанские отряды не для выполнения профессиональных обязанностей, а как «народные мстители» и вместе с группами партизан участвовали в боевых операциях. При этом некоторые командиры партизанских отрядов считали, что медико-санитарная служба несовместима с условиями партизанского ведения войны [2, с. 102].

Комплектовалась медицинская служба партизанских отрядов за счет медицинского персонала местных органов здравоохране-

ния и медицинского состава воинских частей, которые оказались в тылу немецко-фашистских войск и присоединились к партизанским формированиям. В отрядах, имевших постоянную базу, было организовано стационарное лечение тяжелораненых и тяжелобольных партизан в лазарете отряда, или как его обычно называли «санитарную землянку». Обязательным условием работы лазарета была постоянная готовность к перемещению вместе с находившимися на лечении ранеными и больными в новый район базирования. Партизан, нуждающихся в госпитальном лечении, старались под видом местных жителей направлять в гражданские больницы.

Большие трудности испытывала в начале своего становления медицинская служба со снабжением медицинским имуществом, необходимым для лечения партизан. Добывали медицинское имущество благодаря медицинскому персоналу больниц и аптек, функционировавших на оккупированной территории, а также при налетах на вражеские гарнизоны и транспорт. Чаще всего приходилось использовать местные ресурсы: мох вместо ваты, парашютный шелк вместо бинтов, из тола готовилась мазь против чесотки, а спирт заменялся самогоном после двукратной перегонки.

Общее руководство медицинским обеспечением осуществлял санитарный отдел Центрального штаба партизанского движения во главе с народным комиссаром здравоохранения БССР М.И. Коваленко. Этот отдел выполнял задачи по пополнению медицинского состава и снабжения медицинским имуществом отрядов; организации эвакуации раненых и больных, нуждающихся в специализированной медицинской помощи и лечении.

С возникновением партизанских соединений – бригад, объединивших отряды и группы, в каждой бригаде создавался подвижный партизанский госпиталь на 50 – 100 мест, который состоял из хирургического, терапевтического отделений и изолятора для инфекционных больных. Такой госпиталь обычно размещался в глубине «партизанского края» [3, с. 67].

Вследствие тяжелых санитарно-бытовых условий в период немецкой оккупации население многих деревень почти поголовно было поражено сыпным тифом. В инфекционном госпитале в Лепельско-Ушачской зоне действия партизан число больных сыпным тифом в феврале 1944 г. доходило до 150 человек, а за период с ноября 1943 г. по май 1944 г. было госпитализировано 450 больных сыпным тифом.

Важным направлением в деятельности медицинской службы партизанских формирований явилось оказание медицинской помо-

щи гражданскому населению. Например, за врачами партизанского отряда «Народные мстители» Плещеницкого района Минской области были закреплены определенные населенные пункты для обслуживания гражданского населения. Только за 1943 год медицинская помощь была оказана более чем 2000 больным. За время существования Брестского партизанского соединения для обслуживания местного населения функционировали три больницы и одна амбулатория. В Минской области для оказания медицинской помощи жителям Бегомльского района медицинская служба партизанской бригады «Железняк» создала кустовые медицинские пункты по всей партизанской зоне.

Эвакуация тяжелораненых и больных из районов действия партизан осуществлялась с помощью самолетов ПО-2, а при наличии полевого партизанского аэродрома – более грузоподъемные и транспортные самолеты, доставляющие в партизанские соединения вооружение и боеприпасы. Так, после информации о заболеваниях сыпным тифом среди партизан Лепельско-Ушачской зоны, в течение двух дней самолетами туда было отправлено 600 кг медикаментов, а также сыпнотифозная вакцина и дезинфицирующие средства. Со второй половины 1943 г. санитарные отделы сумели организовать систематические рейсы санитарной и военно-транспортной авиации в партизанские отряды. Так, например, 1-й отдельный авиационно-санитарный полк совершал регулярные полеты на партизанские аэродромы по заданию Белорусского штаба партизанского движения. Только за период с января по август 1944 г. самолетами этого полка было перевезено 9 тыс. тяжелораненых и тяжелобольных, 1962 медицинских работника, 16 694 л. консервированной крови и кровозаменяющих жидкостей, 11 507 кг медикаментов и медицинского имущества, 6930 кг различных других грузов [4, с. 34].

За годы войны в партизанских формированиях Беларуси работало 570 врачей и 2095 средних медицинских работников. Многие из них погибли, спасая жизнь раненым и больным. В их числе зверски замученные фашистами профессора П.М. Буйко и Е.В. Клумов, которым посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В июне 1941 г., когда немецко-фашистская армия заняла Минск, шестидесятисемилетний профессор Е.В. Клумов остался в оккупированном городе вместе с больными, находящимися в его клинике. В начале 1942 г. Евгений Владимирович активно включился в подпольную работу и выполнял особо важные задания по оказанию

квалифицированной медицинской помощи четырем партизанским отрядам. Он помог оборудовать два партизанских госпиталя, передавал много медикаментов в распоряжение партизанских отрядов. Фашисты арестовали профессора, предложили ему работу в Германии, но Е.В. Клумов отказался покинуть Родину и в октябре 1943 года вместе с женой был казнен в газовой камере. В настоящее время у главного входа в 3-ю городскую больницу г. Минска висит мемориальная доска, посвященная профессору Е.В. Клумову.

Уроженец Беларуси Петр Михайлович Буйко с первых дней войны добровольно ушел на фронт, после ранения попал в плен, но ему удалось бежать. Работая в районной больнице в условиях оккупации, он тайно лечил раненых бойцов Красной Армии и партизан. В июне 1943 г. гестапо раскрыло подпольную деятельность профессора П.М. Буйко, но ему удалось уйти к партизанам. Фашисты охотились за ним и во время одной из засад, когда он пытался пройти в село, чтобы оказать медицинскую помощь тяжелораненым партизанам, был схвачен и на глазах жителей деревни казнен.

Героический подвиг совершила подпольщица Галина Аржанова. Работая в аптеке г. Бреста, она передала партизанам медикаментов более чем на 40 тыс. рублей, за что была казнена фашистами. Выполняя свой профессиональный долг, постоянно рискуя жизнью, медицинский персонал партизанских формирований и подпольных групп проявлял подлинный героизм.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны, впервые в истории военной медицины организационно формировалась и была успешно реализована своеобразная, динамичная система медицинского обеспечения партизанских формирований.

Список литературы

1. Георгиевский, А.С. Общие вопросы организации и тактики медицинской службы / А.С. Георгиевский. – Л., 1959. – 231 с.
2. Гладких, П.Ф. Краткий исторический очерк становления и развития системы медицинского обеспечения сухопутных войск России / П.Ф. Гладких. – СПб.: Телесфор, 1997. – 131 с.
3. Смирнов, Е.И. Война и военная медицина / Е.И. Смирнов. – М., 1979. – 219 с.
4. Чиж, И.М. Исторический опыт медицины в годы Великой Отечественной войны в 1941 – 1945 гг. / И.М. Чиж. – М., 2006. – 321 с.

Глебов Андрей Николаевич, *студент 3 курса БГМУ.*
Лебедев Сергей Михайлович, *заместитель начальника кафедры БГМУ, полковник медицинской службы.*

УДК 94(476).084.8

О.И. Усачёв

АНГЛИЙСКАЯ МИНА ДЛЯ НЕМЕЦКОГО ГЕНКОМИССАРА БЕЛАРУСИ ВИЛЬГЕЛЬМА КУБЕ

История убийства генерального комиссара Беларуси Вильгельма Кубе, до сих пор привлекает внимание историков, журналистов и представителей телевидения своими многочисленными белыми пятнами и противоречиями. Это было единственное убийство такого ранга высокопоставленного нациста в Беларуси и второе (после убийства Гейдриха заместителя Гиммлера) в Праге на оккупированных немцами территориях.

Ключевые слова: мина, партизанское движение, подпольщик, гауляйтер, взрыватель, версия, разведка, диверсия.

Известно, что Вильгельм Кубе (13.11.1887 г. – 23.09.1943 г.) был убит взрывом английской магнитной мины, доставленной из отряда «Димы» и подложенной в его кровать служанкой (не горничной) Еленой Мазаник (4.04.1914 г. – 7.04.1996 г.). Мину для Елены в отряде армейской разведки (РУ ГШ РККА) выдавал командир спецгруппы Петр Трошков. Достоверный макет мины, которой убили Кубе, сейчас хранится в Центральном архиве ГРУ ГШ ВС РФ, но до сих пор не опубликована ее фотография, что обусловило существование многих противоречащих друг-другу описаний мины, которой был убит генкомиссар Беларуси и отставной гауляйтер (партийное звание) Вильгельм Кубе.

Применение английских мин и взрывателей. Командир спецгруппы (ЦШПД) майор С. Казанцев в своем отчете о подготовке покушения на Кубе утверждал [1], что им планировалось в минском театре (им. Я. Купалы) недалеко от ложи Кубе заложить 10 кг взрывчатки с английским взрывателем замедленного действия.

Трофейная стандартная английская магнитная мина, а также химический английский взрыватель в комбинации с немецкой жидкой или пластичной взрывчаткой использовались в ряде неудавшихся покушений на Гитлера.

Магнитные мины в партизанских отрядах. Бывший начальник Высшей оперативной школы особого назначения Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), помощник начальника штаба по диверсиям (у П. Пономаренко) полковник ГБ И. Старинов (1900 – 2001 гг.) в своих мемуарах [2] отмечал, что в соответ-

ствии с мнением Сталина о необходимости повышения активности партизан путем перевода их на преимущественное самообеспечение, П. Пономаренко постепенно сократил годовой курс обучения забрасываемых диверсантов до 10 – 5 дней, а взрывчаткой и минами обеспечивал потребность партизанских отрядов не более, чем на 10 %.

Герой Советского Союза Г. Линьков в своей книге отмечал: «Механизм замедления в английской мине был построен на принципе разрыва свинцового прутика под действием пружины. В английской зажигалке под действием такой же пружины, тонкой проволокой, перерезалась свинцовая пластинка. Ни того, ни другого у нас не было в нужном количестве» [3].

Самодельные магнитные мины. В партизанских отрядах часто применяли и самодельные магнитные мины. Например, о наличии самодельных магнитных мин в отряде «Знамя» бригады «Разгром» в своих мемуарах [4] упоминала разведчица этого отряда Г. Финская. В Минске подпольный горком партии рекомендовал широко применить опыт сотрудничавших с Марией Осиповой (и погибших в 1943 г.) братьев Сенько, которые наладили изготовление самодельных магнитных мин.

Версии о мине, убившей Кубе.

Организатор убийства Троцкого в Мексике (1940 г.) и начальник 4-го управления НКВД (ГБ) (1941 – 1946 гг.) Павел Судоплатов в своих мемуарах ошибочно утверждал, что немецкий «гауляйтер Белоруссии» Кубе был убит миной с «часовым механизмом», которую «сконструировал» в его ведомстве начальник отдела оперативной техники майор ГБ Александр Эрастович Тимашков [5, 6, 7].

Представление к наградам за убийство Кубе составляли в возглавляемом Меркуловым НКГБ, который включил туда большое количество своих людей. В их числе был и Тимашков, получивший свой орден за убийство Кубе вместе с реальными участниками операции [8].

Мина СПМ. Полковник запаса Игорь Плугарев в своей обзорной статье по истории минного оружия в «Белорусской военной газете» (www.vsr.mil.by) [9] утверждал, что для убийства Кубе использовалась отечественная средняя прилипающая мина СПМ: «...СПМ была использована при уничтожении осенью 1943 года гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе. Одна из завербованных НКВД и партизанами горничных в его доме, Е. Мазаник, прикрепила заряд под кроватью видного нацистского чиновника, а сама под

благовидным предлогом ушла. «Прилипалка» взорвалась ночью, Кубе погиб на месте, чудом осталась жива его беременная супруга...» [10]. Было опубликовано несколько фотографий с подробным пояснительным текстом. На одной из них ветеранам ВОВ в Минском музее истории Великой Отечественной войны (БГМИВОВ) демонстрируют муляж отечественной малогабаритной магнитной поездной мины МПМ, с помощью которой был убит Кубе, и короткие отечественные механические взрыватели замедленного действия ВЗД для нее.

Мина и Ваупшасов. Часто повторяют неточное утверждение безуспешно охотившегося на Кубе и Готтберга командира партизанского отряда НКГБ «Местные» ГСС полковника ГБ Ваупшасова (15.07.1899 г. – 19.11.1976 г.): «Генеральному палачу Белоруссии не помогли ни засекреченность местонахождения, ни глубокая тайна поездок, ни частая смена машин и автомобильных номеров, ни многослойная охрана, ни сложная пропускная система. Разорванного на мелкие куски, его едва собрали в серебряный гроб и отправили на самолете в Берлин» [11,12]. Отмечалось, что в СССР английские мины поставлялись в запрашиваемом малом количестве и применялись в основном для диверсий на транспорте и « ... эта мина зарекомендовала себя вполне надежной, в отличие от таковых с химическим взрывателем, которые невозможно было запрограммировать на какое-то точное время... На квартиру Е. Мазаник Мария Осипова принесла одну магнитную мину английского производства с часовым механизмом, заводившимся на 24 часа.., ее примерный муляж экспонируется в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны.., магнитной миной английского производства с часовым механизмом (расчетное время – 24 часа), заложенной в матрац постели, в ночь на 22 сентября 1943 года был уничтожен палач белорусского народа гауляйтер Вильгельм Кубе». Т.о. в данной публикации утверждается, что внешний вид экспонируемого в музее ВОВ муляжа мины отличается от внешнего вида стандартной английской магнитной мины. При этом в статье не указано название английской мины, которой убили Кубе и не приведена ее фотография, позволяющая судить о степени отличия внешнего вида муляжа от реальной английской мины. В статье ошибочно утверждается, что в мине применялся настоящий («тикающий») часовой механизм, который можно было «запрограммировать» (т.е. установить как «будильник») на нужное время, а мину заложили в матрац, хотя в кровати Кубе он был наполнен

гусиными перьми (т.е не имел металлических пружин). Время взрыва мины в статье указано по берлинскому, а не местному (московскому) времени.

М. Осипова, летом 1997 г. [13] по белорусскому радио утверждала: «Я получила в отряде две магнитные мины английского производства. ... Эта мина была использована. Английская мина».

Английская магнитная мина. С началом Второй мировой войны в Англии было разработано и запущено в производство большое количество разных типов диверсионных мин: взрывные устройства спрятанные в куске угля, чучеле крысы, магнитные мины, мины-зажигалки и т.д. В соответствии с секретным соглашением между Англией и Россией от 30.09.1941 г. предусматривалась поставка в СССР английских магнитных мин и мин-зажигалок [12,14].

Английские историки утверждают, что в Россию в основном поставлялись магнитные диверсионные мины CLAM Mk 2.

Английская мина CLAM. Партизанам-подрывникам подробно не объясняли устройство английской мины, а обучали только правилам ее хранения и применения. Существовал строгий приказ о снятии невзорвавшихся английских мин и партизаны с риском для жизни выдергивали из нее отказавший взрыватель и выбрасывали его, а мину приносили в отряд для повторного использования. Бывший артиллерист Трошков, по аналогии с дистанционным взрывателем снаряда и английским названием «таймер-карандаш», неточно называл взрыватель мины «часовым механизмом». По словам бывших партизан и Трошкова по форме мина была похожа на половину разрезанного по высоте цилиндра диаметром около 10 см и высотой около 15 см. Мина размещалась в бакелитовом корпусе темно-серого цвета (под цвет железнодорожных цистерн для перевозки нефтепродуктов) и была сверху полукруглая, снизу – плоская. Плоское основание мины имело форму прямоугольника со сторонами около 100 х 150 мм. Масса взрывчатого вещества – около 300 г, а общая масса (вместе с взрывателем и магнитами) около 1 кг. По краям (у торца) нижней плоской части мины имелись прямоугольные отверстия для полюсов металлического магнита, которые в корпусе мины жестко не фиксировались и при изменении положения мины в пространстве еле слышно постукивали о корпус мины, что воспринималось, как очень тихий шорох. В верхней части торца мины была прямоугольного сечения выемка, в которую устанавливался взрыватель, всегда выступающий наружу приблизительно на 40 мм. Мины комплектовались либо химическим, либо

механическим взрывателем. Внешне механический взрыватель представлял собой латунную (или из сплава светлого цвета) трубочку диаметром около 10 мм и длиной около 150 мм. Для запуска механического взрывателя партизаны за кольцо (как у гранаты) выдергивали предохранительную чеку. Часто для надежности предохранительная чека с другой стороны фиксировалась небольшим кольцом, которое предварительно снимали перед ее выдергиванием. Химические и механические взрыватели имели малую точность по времени срабатывания, которая зависела от температуры окружающей среды, что учитывалось по специально составленным таблицам и графикам. За годы Второй мировой войны англичане выпустили около 12 млн механических взрывателей. Бывшие партизаны (Шиманович и Житкевич) упоминают [15] и о другой модификации английской мины с глухим круглым отверстием в торце корпуса без пружинящей накладки для фиксации взрывателя в корпусе мины. Об этой модификации упоминал и Трошков. Английские историки утверждают, что такая мина использовалась при неудавшемся покушении на Гитлера. Командир спецгруппы Трошков получил легкую контузию и небольшую потерю слуха во время случайного самоподрыва профессионального сапера ст. лейтенанта Щербины (1918 – 1942 гг.). Тогда из 40, стоявших (командиры партизанских отрядов, командиры групп, лучшие подрывники) возле Щербины и обучаемых обращению с новой доставленной из Москвы миной партизан, 7 погибло, а 22 было ранено. «Завхоз» Трошков в это время находился за спиной Щербины и сравнительно легко отделался, но на боевые операции его перестали пускать. После войны Трошков много лет уклонялся от написания своих воспоминаний для музея истории ВОВ. Возможно, Трошков не хотел противоречить мнению ГСС и депутата ВС БССР Марии Осиповой. Лишь после приезда (1963 г.) к нему в Гродно Мазаник и совместного их выступления во Дворце текстильщиков, многолетние и весьма настойчивые просьбы работников музея истории ВОВ в декабре 1963 г. завершились успешно и им удалось получить воспоминания Трошкова, но в них нет сведений о конструкции английской мины [16].

Осипова незамедлительно на воспоминания Трошкова 18.02.1964 г. написала для музея истории ВОВ в школьной тетради 17 листов своих замечаний [17,18]. Были опубликованы, написанные в декабре 1980 г., еще одни воспоминания Трошкова, хранящиеся в НАРБ [19].

В них приведено подробное описание конструкции английской магнитной мины и ее английского механического взрывателя, а также излагались события, связанные с передачей мины для Мазаник. Трошков утверждал, что механический взрыватель в мине для Кубе имел предохранительную чеку с 2 кольцами, которые нужно было выдернуть в определенной последовательности. При этом использовался отдельный детонатор, размещенный в трубочке диаметром около 10 мм и длиной около 40 мм. Описание конструкции английской мины у Трошкова соответствует описанию мины у партизан бригады «Дяди Коли», у американских и английских историков, но отличается от муляжа мины в БГМИВОВ наличием предохранительной чеки в большей длины взрывателе, о которой в своей книге упоминала и Елена Мазаник. Взрыватель у Трошкова выступал из отверстия в корпусе мины приблизительно на 40 мм, а не был как на муляже в музее ВОВ полностью утоплен в корпусе мины.

Бывший подрывник отряда «Димы» Юрий Волков [20, 21] в диверсиях на железной дороге английские мины не применял и полностью не знал их устройства. После прибытия Елены Мазаник в отряд он захотел узнать устройство английского механического взрывателя и выпросил у Трошкова редко применяемый одночасовой взрыватель. Он запустил его, а затем после его срабатывания разобрал на части. В своей книге он упоминал: «При вынимании предохранительной чеки, придерживаемая ею пружина начинает растягивать проволочку, выполненную из мягкого сплава, похожего на свинец. Постепенно растягиваясь, проволочка через определенное время, указанное на «карандаше», разрывается. Освобожденная пружина бойком разбивает пистон и происходит взрыв. Просто до гениальности! Не могу засвидетельствовать, что аналогично был устроен запал у мины, «примененной» Мазаник...».

Сомнения Волкова вызваны категоричным утверждением Осиповой об использовании в мине для Кубе английского химического взрывателя. Довоенный житель России он легко выучил белорусский и польский языки. Любивший читать польскую прессу Волков привел в своей книге фрагмент интервью Осиповой польской журналистке Веславе Загурска в журнале «Горизонты» [22]: «Это была магнитная мина, называли мы их минами с часовым механизмом, хотя никаких часов там не было. Но было специальное устройство: маленькая беленькая трубочка, в которой была какая-то кислота. А сверху была тонкая проволочка. Если ее тянуть, предположим в час дня, то после двадцати четырех часов произойдет

взрыв. Но это зависело также от температуры. Если бы день был более холодный, то механизм мог бы и подвести и не взорваться в обозначенное время». Это утверждение (о типе используемого взрывателя) Осиповой является неточным, т.к. полностью белый корпус был только у механического взрывателя и только у него была предохранительная чека.

Количество мин у Осиповой. Осипова утверждала, что с Еленой «мы договорились, что я достану 2 мины, а она положит одну под матрац Кубе, а другую – в кровать его жены». Осипова умолчала, что в отряде «Димы» учли большую (более 1 часа для суточного механического взрывателя) погрешность во времени его срабатывания, в результате которой срабатывание взрывателей даже из одной упаковки происходит неодновременно и с большой разницей во времени. В этом случае первой могла взорваться мина в кровати Аниты Кубе, а не ее мужа. Поэтому в отряде было принято решение об использовании только одной мины. Однако, 13.10.1945 г. Осипова в своем отчете о подпольной работе в Минске утверждала: «Получив мины с часовым механизмом в спецгруппе «Дима», я принесла и передала их Мазаник, предварительно ее проинструктировав. Точно в установленное время палач белорусского народа Кубе был взорван...» [13].

В 1990 г. Осипова в своих последних мемуарах упоминала, что она на встречу с сестрой Елены Мазаник Валентиной Щуцкой «... вышла... уже с одной миной, вторую оставила в резерве». Дубровский в своей книге приводит [13] фрагмент выступления Осиповой по белорусскому радио летом 1997 г., где она утверждала, что Федоров «... дал мне две мины с двадцатичетырехчасовым заводом. Я их принесла... И мины вручила Елене Мазаник». Елена же всегда утверждала, что Осипова передала ей яд (на случай провала) и только одну мину.

Доставка мины. Из мемуаров Осиповой следует, что она, проживавшая с 1942 г. у Дрозда, ходила (с сотрясением головного мозга и в течение короткого осеннего светового дня) за миной для Кубе в отряд «Димы» (д. Янушковичи в Логойском районе, около 60 км от Минска) в сопровождении Марии Грибовской-Дубровой (1908 – 1943 гг., соседка Дрозда). Осипова утверждала, что вечером в отряде «Димы» она встретилась с командиром отряда Николаем Федоровым, пообещавшем ей дать 2 мины. Утром Федоров послал Трошкова в соседнюю деревню за минами, которые он привез через 2 часа. Затем Федоров, его адъютант Сергей Хренов и др. обу-

чали ее обращению с миной. При этом Осипова утверждала, что она «инстинктивно» почувствовала (хотя время задержки указывалось на корпусе взрывателя и на бирочке) и сообщила Федорову, что переданные ей Трошковым взрыватели не 24-часовые. Федоров согласился с ней и послал Трошкова в соседний отряд Кузьмича обменять 2 взрывателя на нужные 24-часовые. Осипова утверждала, что в Минск она сама несла 2 мины на дне большой корзины, а 2 толстых взрывателя (длиной в 15 см, у каждого предохранительная чека с кольцами и бирочкой) она спрятала почему-то на голове в прическе. О достаточно большого размера детонаторах Осипова никогда не упоминала. 2 детонатора Осиповой, были впоследствии найдены немецким следствием [23, 24, 25, 26, 27] в сарае Дрозда. Следствие не указало тип и назначение этих найденных детонаторов, без которого мина не взорвется. После убийства Кубе в Минске долго ходил слух, что в спальне Кубе была найдена вторая невзорвавшаяся мина, но немецкое следствие о второй мине не упоминает. На малолюдном мосту у Сторожевского кладбища Осипову встретил Николай Дрозд (1888 – 07.11.1943 гг.), который сообщил, что сосед-сапожник Быков донес о проживании в его доме постороннего лица и ее теперь разыскивают немцы и полиция. Корзину с минами Дрозд понес к себе домой по улице, а Осипова пошла к нему в дом огородами. Через несколько дней она около 3 часов дня, взяв с собой одну мину, встретилась (20.09.1943 г., в рабочее время) у театра (напротив окон рабочего кабинета Кубе в генкомиссариате) в Александровском сквере с Валентиной Щуцкой (14.06.1918 – 20.06.1993 гг., сестрой Елены Мазаник), которая привела Осипову домой к Елене.

Осипова неточно утверждала: «Я сказала, что мину надо положить в самый центр матраца между пружин… Мы договорились, что она ночью с 20 на 21 сентября сорвет проволоку с часового механизма… Утром 21 сентября Елена спрятала мину у себя на груди и таким образом пронесла в дом Кубе» [28]. Елена же упоминала, [29] что мину в особняк Кубе она принесла в сумочке утром в среду 22.09.1943 г. Писатель Дубровский в своей книге отмечал, что Осипова принесла (вместе с Грибовской) в Минск 2 мины, а Дрозд одну мину закопал у себя на огороде. Но арестованный в день убийства (23.09.1943 г.) Кубе Дрозд заявил немецкому следствию, что мины закапывала Осипова.

Немецкое следствие о поисках закопанной в огороде у Дрозда мины не упоминало [25].

Дубровский в своей книге упоминает, [13] что после войны саперы искали эту мину в огороде Дрозда, но не нашли. Мазаник в своих мемуарах предположила, что вторую мину Осипова отнесла подпольщикам, жившим на Торгово-Набережной улице (д. 10). Это уточняет Финская, [30] упоминая, что Осипова в эти дни жаловалась на плохое состояние здоровья. Обычно Елена Дрозд (1896 г. – 7.11.1943 г., дев. Смольская, жена Дрозда) ни о чем не спрашивала проживавшую у нее Осипову и ничего не знала о содержимом ее`сумки. В сопровождении Осиповой она отнесла сумку с миной из своего дома по ул. Заславской в 2-х этажный кирпичный дом на Торгово-Набережной улице (возле пл. 8 Марта), где жила мать Финской. Елена Дрозд торопилась по своим делам и уходя сказала Александре Михайловне (матери Финской): «Муж просил передать вашей дочери, что подарок сделал «Дима», а принес его он, т.е. Дрозд». По этой причине Финская полагала, что мину в Минск из отряда принес Дрозд, часто ходивший в отряд «Димы». Дальше из дома Финских сумку с миной (также ничего не зная о мине в сумке) до дома Мазаник несла мать Финской в сопровождении Осиповой.

Мина и Петр Трошков. Командир спецгруппы Трошков в отряде «Димы» заведовал минновзрывным имуществом, сопровождал со своей группой прибывающих и убывающих связных, обеспечивал их размещение в отряде, а прибывших участников убийства Кубе охранял до самого вылета самолетом в Москву. Эти события он излагает по-другому и упоминает, что Осипова пришла в отряд вечером. Федоров находился в это время в соседнем отряде и Осипова попросила у Трошкова одну мину с 24-часовым взрывателем. Трошков поехал за ней в соседнюю деревню, но ее уже выдали другим по письменному приказу Федорова. Тогда Трошков на коне помчался в соседний отряд к Федорову, которого застал лежавшим с высокой (около 40 ^{0}С) температурой. По приказу Федорова Трошков ночью побывал в соседних отрядах, но там не нашлось нужного (суточного) взрывателя и утром без мины Трошков стоял перед Осиповой. В это время в отряд вернулся больной Федоров, а Трошков на его коне по совету партизан помчался в маленький проходящий отряд Кузьмича. Трошков у него просил 18- или 24-часовой взрыватель. Нашелся только один, редко применяемый 24-часовой взрыватель. Обращению с миной Осипову обучал Трошков, которому помогал Миша Елистратов и др. Осипова не замедлила написать свои замечания к воспоминаниям Трошкова, где противоречи-

ла себе утверждением, что Федоров обычно много пил и в это утро с ним было бесполезно разговаривать, а из отряда Кузьмича Трошков привез ей 2 мины с 2 взрывателями. Склонность Федорова к пьянству подтверждает в своей книге и бывший подрывник этого отряда Волков, стремившийся правдиво излагать все события. В ночь убийства (с 22 на 23.09.1943 г.) Кубе Минск был блокирован и в отряде несколько дней ничего не знали о результатах операции. Больше всех волновалась Осипова. Федоров приказал дать ей возможность все перепроверить. Осипова взяла у Трошкова мину, взрыватель и стала проверять у него правильность своего инструктажа: куда и как вставлять детонатор, как насаживать на него взрыватель, как выдергивать предохранительную чеку. После этого Трошков дал Осиповой взрыватель с малым временем задержки и попросил его запустить. От волнения Трошков вместо 3-часового дал Осиповой 6-часовой взрыватель. Спустя 6 часов, когда сработал взрыватель, сильно разволновавшийся Трошков понял свою ошибку, т.к. на корпусе взрывателя и на его бирочке указывалось время задержки срабатывания. Осипова в своих замечаниях к воспоминаниям Трошкова упоминала, что она затем еще раз без Трошкова все проверила, взяв уже у самого Федорова 24-часовой взрыватель и запустив его в присутствии Елены Дрозд, который сработал через сутки с лишним. Где для нее взяли еще один суточный (весьма дефицитный) взрыватель, Осипова не пояснила.

Мина вместо яда. В первые годы оккупации Елена Мазаник работала на фабрике-кухне. Вначале она на первом этаже варила еду для нуждающихся, которых кормили по талонам Белорусской народной самопомощи (БНС), а затем перевелась официанткой в офицерское казино к немцу-предпринимателю на 2 этаж. БНС считалась правопреемницей Белорусского Красного Креста и занималась преимущественно охраной здоровья и благотворительностью. Возглавлял БНС врач (бывший царский офицер) Иван Абрамович Ермаченко (1894 – 1970 гг.), работавший в генкомиссариате главным консультантом по Беларуси. Елена знала, что в конце марта 1942 г. Ермаченко в кофе насыпали мышьяк, но он чудом выжил. Первоначально в отряде «Димы» планировали отравить Кубе, но Елена предпочла мину. Она впервые услышала о магнитных минах замедленного действия от сотрудника минского СД во время работы официанткой в казино СД в университетском городке, которое она в своих мемуарах называла воинской частью. Позднее Елена в многочисленных беседах с Н. Троян (разведчицей из бригады «Дяди

Коли») окончательно пришла к выводу, что надежнее уничтожить Кубе с помощью мины, а не яда. Мазаник сказала Осиповой: «... мышьяк меня не устраивает. Если сумеешь, принеси мне мину, на что Осипова охотно согласилась» [29].

В протоколе допроса Елены в НКГБ от 21.10.1943 г. записано [13]:

«У меня... при себе был яд, которым снабдила Мария, чтобы... не попасть живой в руки к немцам». Осипова на допросах в НКГБ СССР на Лубянке (октябрь 1943 г.) утверждала, что она сама первой приняла самостоятельное решение вместо яда использовать магнитную мину [18].

Это же она утверждала и в своих мемуарах [28], что после ее первой беседы с Мазаник: «На следующий день я получила согласие Елены на убийство Кубе. Через день с Валентиной пошла в отряд. Командир отряда Кеймах дал нам отравы. Но с этим надо было действовать очень осторожно, так как Кубе не всегда ел первый. Я предложила Елене подорвать Кубе миной. Она согласилась». Сама Осипова никогда не упоминала, что вместе с миной она передала Елене мышьяк (дополнительно к полученному в отряде Валей). Следователи не стали уточнять многочисленные расхождения их утверждений, т.к. главной их целью было приписать своему ведомству (НКВД-ГБ) славу главных исполнителей приказа Сталина об уничтожении Кубе.

Представители многих отрядов приказывали Елене (как довоенной сотруднице НКВД) срочно убить Кубе. Лишь командир (РУ ГШ РККА) отряда «Димы» Кеймах и его заместитель Федоров поверили Елене. Только они согласись встретиться с ее сестрой Валей для обсуждения предстоящей операции. Они пообещали спасти Елену и ее родных после убийства Кубе, а Федоров (после убытия Кеймаха в Москву) выполнил это обещание. Но никто не позаботился о семье Дрозда, его соседях, Николае Похлебаеве и его друге Николае Фурсе, которые вскоре погибли. Прибывшему (июнь 1943 г.) в отряд «Димы» Федорову удалось осуществить операцию по убийству Кубе за весьма короткий срок – менее 2 недель, что использовал НКГБ СССР для неоправданных обвинений Федорова в присвоении чужих многомесячных трудов, выполненных до него сотрудниками НКВД-ГБ. По причине межведомственной борьбы Федорова за организацию убийства Кубе (вместе с И. Золотарем) наградили всего лишь орденом Ленина.

Елена и мина. Мазаник отмечала: «Мария ничего не сказала, как должна работать мина. А может и сама не знала…». Когда

Елена спросила у Осиповой о месте нахождения часового механизма в мине, то услышала неуверенный ответ: «Черт их знает, вроде внутри…».

А. Попов с удивлением отмечал, [25] что Елена перед установкой взрывателя в мину ковыряла его ножом «расширяя пазы», но не пояснил, что это означает. Елена в своих мемуарах утверждала, что для запуска взрывателя она разняла маленькое колечко, затем выдернула за большее кольцо предохранительную чеку и внутри взрывателя что-то легко щелкнуло, но часы внутри мины не затикали. Сестры долго безуспешно трясли и прогревали мину. Из-за большой погрешности (более 1 часа для задержки на одни сутки) во времени срабатывания взрывателя и под воздействием тряски и нагрева мина взорвалась раньше запланированного времени. Трошков утверждал, что взрыв планировался на 2 часа ночи.

Когда был взрыв. Елена еще в 1947 г. в своих воспоминаниях для музея [29] истории Великой Отечественной войны утверждала: «22 сентября 1943 года в 6 часов утра я иду на работу, беру с собой мину, заворачиваю в носовой платок и кладу в свою сумку». Это была среда – банный день для прислуги. Анита Кубе в беседе с белорусским писателем В. Яковенко (2004 г.) [31] вспоминала: «...мы уснули и минут через десять взрыв ...». Немецкое следствие утверждало, что взрыв произошел в 0 час. 40 минут, но это уже были другие сутки, т.е. 23.09.1943 г. Об убийстве Кубе сразу сообщили в Берлин, но там было (на 2 часа меньше) еще 22.09.1943 г. На памятнике В. Кубе [32] на маленьком старинном кладбище в Ланквице (сейчас Steglitz-Lankwitz, юго-западная окраина Берлина) указана дата его смерти по западноевропейскому (берлинскому) времени, а не местному (московскому) времени, действовавшем в оккупированном Минске. Уже несколько лет в немецкой справочно-энциклопедической литературе дата смерти Кубе указывается по местному времени, т.е. 23.09.1943 г.

После взрыва. Взрывом мины у Кубе оторвало левую руку с частью грудной клетки [25], т.е. мина была заложена на дальнем от его жены Аниты Кубе краю традиционной немецкой кровати с панцирной сеткой, а не под серединой кровати, как того хотела Осипова. Поверх панцирной сетки лежал набитый гусиными перьями матрас и пуховая перина. Беременная Анита спала рядом на соседней кровати. Тело Кубе, матрас и перина смягчили ударную волну. Бакелитовый корпус мины не создал осколков. Спавшую беременную Аниту [33] сбросило с кровати и она отделалась тяжелым

и продолжительным шоком. 12.10.1943 г. в Праге она родила здорового 4-го сына, впоследствии умершего раньше всех от лейкемии. Немецкое следствие отмечало, что тело Кубе сильно обгорело, а в спальне было настолько сильное задымление, что охране пришлось вызывать команду дымо-газозащиты, что характерно для термита и (запрещенного) фосфора, использовавшихся в английских диверсионных минах. Следствию из 3 сотрудников уголовной полиции удалось при просеивании образовавшегося при взрыве мусора обнаружить только один (так в нем. тексте) [34] маленький кусочек взрывателя. Оно установило, что это была часть взрывателя от английской магнитной мины. Тип взрывателя (механический или химический) следствие не определило. Не было найдено 2 металлических магнитов, представлявших собой самую крупную, прочную и тяжелую (около 600 г) часть мины. По этой причине тип взрывного устройства (стандартная или самодельная, русская или английская мина) следствие также не установило, что впоследствии обусловило существование большого количества противоречивых версий. Елена в 1947 г. заходила в особняк Янчевского, потом [29] нашла Елену Яцкевич из числа бывшей прислуги (горничную) Кубе. По утверждению Яцкевич взрывом мины в спальне вырвало только форточку.

Выводы. Исходя из воспоминаний Трошкова, выдававшего в отряде «Димы» Осиповой мину для Мазаник, утверждений немецкого следствия и описания английской магитной мины, можно утверждать, что Кубе был убит стандартной английской магнитной миной CLAM Mk3 со стандартным английским механическим взрывателем № 9 (Lead-beak, L-Delay) и детонатором № 8. Подтвердить или опровергнуть это утверждение можно по хранящемуся в архиве ГРУ макету мины, которой был убит Кубе. В отряде «Димы» не учли, что трудоголик Кубе обычно поздно ложился спать, а Елена будет прогревать и трясти мину, но и это не спасло от неизбежной гибели генкомиссара Кубе, о личности которого до сих спорят историки.

Список литературы

1. Селеменев, В. Охота на палача / В. Селеменев. – Минск: Литература и Искусство, 2007. – С. 235 – 236.
2. http://www.vrazvedka.ru.
3. Линьков, Г.М. Война в тылу врага. Воспоминания о прошлом с выводами на будущее / Г.М. Линьков. – М., 1961. – Ч. 3.

4. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (БГМИВОВ). Письмо Г. Финской на имя К. Мазурова от 25.05.1964 г. Машинопись на 17 стр. БГМИВОВ, н/в 7383.
5. datebase.library.by/library/cd 022/SUDOPLATOW/specoperacii.html
6. http://lib.rus.ec-Спецоперации (fb2)/Либрусек-Павел Анатольевич Судоплатов
7. www.hrono.info/... s/begin1.htm
8. Москаленко, Г. Убийство Кубе: чего мы не знаем / Г. Москаленко // Беларуская думка. – 2008. – № 9. – С. 84 – 91.
9. Плугарев, И. Проверено: мины будут! История оружия / И. Плугарев // Белорусская военная газета. – 2009. – 29 июля.
10. forum.axishistory.com/viewtopic.php?...(Wilhelm Kube)
11. Ваупшасов, С.А. Военная литература: militera.lib.ru Издание: На тревожных перекрестках: Записки чекиста / С.А. Ваупшасов [Электронный ресурс]. – М.: Политиздат, 1988. Книга на сайте: militera.lib.ru/memo/russian/vaupshasov/index.html
12. Романова, Е. Мина для гауляйтера Кубе / Е. Романова // Армия [Электронный ресурс]. – 2007. – № 6. – С. 43 – 45. – Режим доступа: www.mod.mil.by.
13. Дубровский, Н. Бессмертие подвига / Н. Дубровский. – Минск: Беларусь. – 2004. – С. 93, 94.
14. Английские мины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.millsgrenades.co.uk/Images/soe/clams2.jpg
15. Усачёв, О. Личный архив.
16. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (БГМИВОВ). Воспоминания Трошкова Петра Дмитриевича (от 15.12.1963 г., 70 с.). Несколько фактов из моей партизанской жизни. н/в 7362.
17. БГМИВОВ. Замечания ГСС М.Б. Осиповой на воспоминания П. Трошкова бр. «Димы», н/в 7362.
18. Селеменев, В. Охота на палача / В. Селеменев. – Минск: Литература и Искусство, 2007. – С. 275 – 278.
19. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4683. – Оп. 3. – Д. 1195. – Л. 10. Воспоминания Трошкова.
20. http://vadim-blin.narod.ru/papa/head.htm Волков Юрий Сергеевич.
21. http://vadim-blin.narod.ru/papa/13 otriad dimy.htm.
22. Загурска, В. Черная Мария / В. Загурска // Виднокреньги. – 1981. – № 3.
23. Копия отчета немецкого следствия. Bundesarchiv Berlin, Film 4121, Bl. 233 – 240.
24. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Фонд 625. – Оп. 1. – Д. 105. – Л. 185 – 195. Перевод копии отчета немецкого следствия.
25. Попов, А.Ю. Ликвидация гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе / А.Ю. Попов // Военно-исторический журнал. – 2001. – № 8. – С. 100 – 114.
26. Севрук, В. Заключительное донесение по вопросу о покушении на генерального комиссара Белоруссии гауляйтера майора запаса Вильгельма Кубе в ночь на 22. 09. 1943 г. / В. Севрук // 7 дней. – 2003. – 14 июня.
27. Москаленко, Г. Убийство Кубе: чего мы не знаем / Г. Москаленко // Беларуская думка [Электронный ресурс]. – 2009. – № 9. – С. 84 – 91. – Режим доступа: www.beldumka@belta.by.

28. Воспоминания ГСС Марии Борисовны Осиповой от 27.10.1990 г. Машинопись на 49 стр.
29. БГМИВОВ № 20-1-3. Как было подготовлено убийство Кубе. Беседа с ГСС Е. Мазаник. 01.07 – 07.07.1947 г. Машинопись на 7стр.
30. БГМИВОВ. Письмо Г. Финской на имя К. Мазурова от 25.05.1964 г. Машинопись на 17 стр. н/в 7383.
31. Валькевич, Е. Если бы Кубе не взорвали, он закончил бы в концлагере? / Е. Валькевич [и др.] // Комсомольская правда в Белоруссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kp.bekp.by. – Дата доступа: 28.04 – 04.05.2005.
32. Варанкова, І. Вераснёўскі выбух у Мінску: з гісторыі забойства Вільгельма Кубэ / І. Варанкова // Беларускі гістарычны часопіс. – 2005. – № 12. – С. 22 – 27.
33. Генеральный комиссариат в Минске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fpp.co.uk/Himmler/images/Minsk/.... 06.jpg ....10.jpg ... 63.jpg
34. Bundesarchiv Berlin, Film 4121, Bl. 233 – 240.

Усачёв Олег Иванович, *пенсионер.*

УДК 351.814.375.3

Ю.В. Шедов, Н.В. Кутафин, Ф.В. Филиппов

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ РАДИОСВЯЗИ

Если разобраться глубже, то радиосвязь (принято ее называть обобщенным словом «радио») началась не с А. Попова и Г. Маркони. Как и многие другие успехи в электричестве и магнетизме, она базируется на изобретениях и открытиях английского физика Майкла Фарадея (1791 – 1867 гг.) и работах выдающегося английского математика и физика Джеймса Клерка Максвелла (1831 – 1879 гг.).
Ключевые слова: радио, связь, электромагнитное поле, мачта, лампа, диод.

Среди многих открытий Фарадея было разъяснение им в 1831 г. принципа электромагнитной индукции. Обладая даром предвидения, он писал в 1832 г.: «Я полагаю, что распространение магнитных сил от магнитного полюса, волн на поверхности возмущенной воды и звука в воздухе имеют родственную основу. Иными словами, я считаю, что теория колебаний будет применима к этому явлению, равно как и к звуку и, весьма вероятно, к свету» [1, с. 26].

Максвелл был согласен с этим утверждением. Однако наука развивалась медленно, и лишь в 1855 г. он опубликовал статью «О силовых линиях Фарадея», а в 1864 г. дал миру свою ошеломляющую работу «Динамическая теория электромагнитного поля».

Эта статья содержала то, что мы сейчас называем уравнениями Максвелла. Она объясняла все известные явления электромагнетизма, а также предсказывала существование радиоволн и возможность их распространения со скоростью света.

22 ноября 1875 г. американский изобретатель и предприниматель Томас Алва Эдисон (1847 – 1931 гг.) наблюдал, как после возникновения сильной искры между полюсами индуктора в рассыпанных на столе угольных зернах проскакивали искры, он записал тогда в свой дневник о наблюдении «эфирной силы». Но потом както забыл об этом. По крайней мере до 1883 г.

В 1887 г. теоретические выводы Максвелла были экспериментально подтверждены немецким физиком Генрихом Рудольфом Герцем (Херцем) (1857 – 1894 гг.). Используя искровой передатчик и рамочную антенну с небольшим зазором (вибратор Герца) в качестве приемника, он передавал и принимал радиоволны в своей лаборатории в Карлсруэ. Более того, он применил отражательное устройство для обнаружения стоячих волн и показал, что радиоволны подчиняются всем законам геометрической оптики, включая рефракцию и поляризацию. Впервые дал описание внешнего фотоэффекта, разрабатывал теорию резонансного контура, изучал свойства катодных лучей и влияние ультрафиолетовых лучей на электрический разряд [2, с. 52].

Пионером самой идеи радиосвязи по праву можно считать и болгарского ученого Петра Атанасова (Хаджиберовича) Берона (1800 – 1871 гг.), который в приложении к III тому (с. 906 – 944) семитомной «Панепистемии» (панепистемия – всенаука, т.е. единая наука существующего мира; французское издание периода 1861 – 1870 гг. хранится в Национальной библиотеке св. Кирилла и Мефодия в Софии) приводит свой проект беспроволочной передачи сообщений как по суше, так и по воде. Проект содержал многие технические чертежи будущего беспроволочного телеграфа.

Строго говоря, практическая эра радиосвязи берет свой отсчет с 1883 г., когда Эдисон открыл названный его именем эффект, пытаясь продлить срок службы созданной им ранее лампы с угольной нитью введением в ее вакуумный баллон металлического электрода. При этом он обнаружил, что если приложить к электроду положительное напряжение, то в вакууме между этим электродом и нитью протекает ток. Это явление, которое, к слову сказать, было единственным фундаментальным научным открытием великого изобретателя, лежит в основе всех электронных ламп и всей элект-

роники дотранзисторного периода. Им были опубликованы материалы по так называемому эффекту Эдисона и был получен соответствующий патент. Однако Эдисон не довел свое открытие до конечных результатов.

Некоторые критики первой половины XX столетия выдавали данный факт за доказательство того, что он был просто настойчивым ремесленником, а не великим ученым. Защищая же Эдисона, историки отмечали, что в то время он был всецело занят многими другими изобретениями и организацией всевозможных производств в области электрорадиотехники: в 1882 г. при его участии была пущена первая электростанция на ул. Пирл-Стрит в Нью-Йорке, и в 1883 г. Эдисон был поглощен многими финансовыми, организационными и техническими проблемами. В последующие годы он создал множество приборов и устройств (в том числе мощные электрогенераторы, фонограф, прототип диктофона, железоникилиевый аккумулятор и др.) [3, с. 68].

Тем не менее с 1883 по 1904 гг. не только Эдисон, но и никто другой не догадались использовать вышеуказанный эффект для создания трехэлектродной вакуумной лампы (которую впоследствии, после ее изобретения в 1906 г., для простоты называли всеобъемлющим словом «усилитель»), способной детектировать и усиливать электрические сигналы. Возможно, к этому не было достаточных побудительных мотивов. Правда, изобретение усилителя позволило бы усовершенствовать телефон, что в конце концов и было сделано, однако тогда он успешно работал и без него.

Шотландский изобретатель Александер Грэхем Белл (1847 – 1922 гг.) – профессор физиологии органов речи Бостонского университета – в 1876 г. в США получил патент на изобретенный им телефон, в 1877 г. – патент на мембрану и арматуру, а в 1884 – 1886 гг. – ряд патентов в области записи и воспроизведения звука [3, с. 159].

В 1890 г. француз Эдуард Бранли изобрел когерер – прибор для регистрации электромагнитных колебаний. Правда, в его когерере приходилось каждый раз встряхивать железные опилки.

Автоматизировал этот процесс (присоединил к когереру Бранли встряхивающий его миниатюрный молоток) русский физик-электротехник и изобретатель Александр Степанович Попов (1858 – 1905/1906 гг.). Чтобы повысить чувствительность аппарата А.С. Попов один из выводов когерера заземлил, а другой подсоединил к высоко поднятому куску проволоки – создав таким образом первую антенну. Это устройство было продемонстрировано 7 мая 1895 г.

на заседании Русского физико-химического общества (РФХО) и вошло в историю как «грозоотметчик», ибо это было первое устройство, специально предназначенное для регистрации дискретных посылок электромагнитных волн, так как в то время еще отсутствовали радиопередатчики и была возможность регистрации посылок атмосферного характера.

12 марта 1896 г. в Санкт-Петербурге, на заседании РФХО А.С. Попов, используя вибраторные антенны с рефлекторами, передал первое радиосообщение, состоящее из двух слов – «Генрих Герц» – на расстояние 250 м. В 1900 г. на Международном электротехническом конгрессе в Париже Попову была присуждена Золотая медаль и диплом Всемирной выставки за аппаратуру беспроволочного телеграфа.

Передача сообщения стала возможной благодаря телеграфной азбуке, которую в 1838 г. изобрел американский инженер-изобретатель Самюэл Финли Бриз Морзе (1791 – 1872 гг.).

Независимо от А.С. Попова в этом же году в Понтеццио (возле Болоньи, Италия) итальянский радиотехник и предприниматель Гульельмо Маркони (1874 – 1937 гг.), используя заземленные антенны, передал по радио телеграфные сигналы на расстояние около 2,5 км (2 июля 1896 г. была подана патентная заявка и получен патент Великобритании в 1897 г. – «Усовершенствования в передаче электрических импульсов и сигналов в аппаратуре»).

Признанную ученым миром приоритетность Маркони перед Поповым, видимо, можно объяснить только тем, что Морское ведомство России, где служил Попов, быстро поняло потенциал его изобретения и все работы засекретило.

Внедрение дальней беспроволочной радиотелеграфии заняло еще несколько лет.

В 1898 г. Г. Маркони организовал радиосвязь между Францией и Англией.

В начале 1900 г. аппаратура беспроволочного телеграфа А. Попова (включая его «Телефонный приемник депеш», который в том же году был запатентован в Англии и во Франции, а в 1901 г. – в России) была применена для связи во время работ по ликвидации аварии броненосца «Генерал-адмирал Апраксин» вблизи шведского о. Гогланд и при спасении рыбаков, унесенных на льдине в море. При этом дальность связи достигла 45 км (в 1901 г., в реальных корабельных условиях, А.С. Попов уже получил дальность связи около 150 км).

В том же 1900 г. хорватский изобретатель (в то время гражданин Австро-Венгерской империи) Никола Тесла (1856 – 1943 гг.) продемонстрировал в Нью-Йорке дистанционное радиоуправление модели корабля и публично заявил о возможности передачи электроэнергии через Атлантический океан при помощи радиоволн. В основе его изобретения лежала идея электрического резонанса (что опережало аналогичные идеи Эдисона). Свое устройство он назвал «Мировая система». Колоссальная металлическая башня должна была аккумулировать электроэнергию и посылать по строго направленному лучу прямо «в руки» потребителю без всяких проводов. Но... известный американский миллиардер Джон Морган не стал финансировать этот проект. Есть версия, что секрет передачи электроэнергии без проводов у Теслы выкупил другой миллиардер – Форд, который опасался громадных убытков от изобретения в своей автомобильной индустрии [3, с. 203, 208].

Позднее, это послужило основанием в 1943 г. Верховному суду США принять решение об аннулировании соответствующего патента Г. Маркони, как не приоритетного в этой области. Не так давно американские ученые под руководством Джеймса Корума доказали, что идея Теслы – не такая уж фантастика, он действительно создал такое устройство... Получая награды в честь своего 80-летия, Никола Тесла как-то обмолвился, что он открыл метод выпрямления искривленного пространства и еще некоторые вещи, включая и крайне экономичное производство радия, ценою 2 доллара за килограмм. Также под руководством Теслы уже в 1899 г. была сооружена радиостанция мощностью 200 кВт в штате Колорадо.

12 декабря 1901 г. Г. Маркони осуществил одностороннюю «радиосвязь» через Атлантический океан – между Полдху (Корнуэлл в Англии, где ныне расположен клуб PARC) и мысом Код (ст. Сент-Джеймс в Ньюфаундленде, где ныне расположен исторический музей Signal Hill – VO1AA/VO1S). В Корнуэлле был установлен передатчик под условным названием «SS», который работал на принципе высокого искрового разряда на большую антенну (20 мачт высотой по 70 м).

4 августа 1903 г. в Берлине собралась Первая международная конференция по радиотелеграфии, решавшая вопросы регулирования и контроля работы радиостанций.

Эта конференция явилась следствием инцидента, который произошел в 1902 г., когда прусский принц Генри – брат кайзера, пытался передать по радио с военного корабля Deutschland президенту

США Франклину Рузвельту радиограмму с благодарностью за оказанное гостеприимство. Станция фирмы Marconi, расположенная на острове Нантакет, отказалась ее принять, так как корабль был оборудован радиоаппаратурой конкурирующей фирмы.

Конференция приняла постановление, которое гласило: «...каждая станция обязана поддерживать связь с любой другой станцией, не считаясь с тем, какая радиотелеграфная система принята на этой станции».

Таким образом, начав развиваться в XIX веке, в начале XX века радиосвязь настолько усовершенствовалась, что необходимость в хорошем усилителе принимаемых сигналов стала очевидной.

Если первым шагом на пути создания такого усилителя было открытие эффекта Эдисона, то вторым шагом – избретение английским ученым Джоном Амбрози Флемингом (1849 – 1945 гг.) в 1904 г. вакуумного диода (детектора). Д. Флеминг в 1877 – 1881 гг. работал под руководством Дж. Максвелла; с 1881 г. – научный консультант лондонской компании Edison Electric Light, а с 1899 г. – работает в Акционерном обществе Marconi Co. Диод им был изобретен после того, как он узнал в 1884 г. об эффекте Эдисона от самого Эдисона. Д. Флеминг назвал свой термоионный вентиль выпрямителем высокочастотного переменного тока. Он выпрямлял радиочастотные сигналы, но не был в состоянии их усилить.

Третий шаг в создании усилителя был осуществлен американским радиоинженером-изобретателем и предпринимателем Ли де Форестом (1873 – 1961 гг.), который 25 октября 1906 г. подал заявку на выдачу патента (патент от 1907 г.) на трехэлектродную вакуумную лампу – знаменитый аудион. Однако первые его приборы имели очень низкое усиление. Необходимы были дополнительные исследования, чтобы превратить аудион в действительно полезный усилитель.

На это ушло шесть лет. Этим новым устройством стала регенеративная схема американского ученого-радиотехника Эдвина Говарда Армстронга (1890 – 1954 гг., член клубной любительской радиостанции с позывным сигналом 1BCG), которую он создал на базе аудиона 22 сентября 1912 г., а затем и схему регенеративного приемника (одновременно с другими изобретателями: американцами Ли де Форестом и Ирвингом Ленгмюром, а также немцем Александром Мейснером), на которую в 1913 г. получил патент [1, с. 126].

В 1917 г. Армстронг был удостоен американским Институтом радиоинженеров (ИРИ) медали Почета за работы по регенерации

и генерации колебаний. Правда, после 20-летнего судебного разбирательства Верховный суд США признал авторитет Фореста в данных работах и Армстронг хотел вернуть медаль ИРИ, но его Совет директоров единогласным решением отказался ее принять и вновь подтвердил ее присуждение Армстронгу. В 1918 г. он создал сверхрегеративный приемник (и в настоящее время сверхрегенерация еще применяется в приемниках с параметрическим усилением, так как их относительно широкая полоса пропускания, устойчивость и высокое усиление используются для работы в так называмом S-диапазоне – длина волны 10 см), а в 1921 г. – супергетеродинный приемник; он был пионером в области частотной модуляции. Все его изобретения быстро принимались промышленностью, причем часто с нарушением его патентных прав. Из-за многолетних судебных тяжб с фирмой RCA Э. Армстронг трагически покончил жизнь самоубийством.

О необходимости радиосвязи уже никто не сомневался после катастрофы в апреле 1912 г. «Титаника», погибающий радист которого Филипс успел передать сигнал SOS, который был услышан и это дало возможность спасти часть пассажиров.

Во время Первой мировой войны все радиопередатчики работали с применением так называемого искрового разряда. Телеграфные сигналы, передаваемые этими станциями, легко перехватывались противником, так как занимали широкий частотный спектр. И вдруг произошло непонятное – все германские радиостанции, якобы, внезапно замолчали. Среди союзников Антанты разразилась настоящая паника: «Видимо, готовится какое-то наступление и немцы боятся утечки информации!».

Тайну же такого «молчания», разгадал русский ученый Михаил Васильевич Шулейкин, который установил, что немецкие радиостанции вместо применения искрового разряда перешли на передачу незатухающих колебаний на определенной частоте – использовался эффект поющей дуги (открыт ирландским инженером Дудделем, который, по существу, первым в мире применил в радиосвязи колебательный контур).

В 1915 г. был осуществлен исторический эксперимент, когда речевые сигналы успешно передавались из Арлингтона (штат Вирджиния) в Париж. Экспериментальная система использовала регенеративную схему как в приемнике, так и в передатчике. В аппаратуре стояли лампы со значительно повышенным коэффициентом усиления, которые за счет улучшения вакуума в баллоне создали

Ирвинг Лангмюр (фирма General Electric) и Гарольд Арнольд (фирма Western Electric).

Следует отметить, что один из «отцов» радиосвязи Г. Маркони предпочитал, чтобы «краеугольным камнем» его беспроволочного телеграфа оставалась азбука Морзе, а для беспроволочной передачи речи он не видел никакого полезного применения [3, с. 35 – 38].

В конце сентября – начале октября 1917 г. на кораблях Балтийского флота испытывался радиотелефон системы А.Т. Углова, который был изготовлен на Радиотелеграфном заводе Морского ведомства России. Была достигнута дальность радиосвязи в 25 верст.

После окончания Первой мировой войны многие радиолюбители вернулись домой из армии, сохранив большой интерес к радио. В значительной степени он возрос благодаря их знакомству в период нахождения в армии с современными разработками в этой области. Радиолюбители, число которых постоянно возрастало, составили на первых порах основную группу энтузиастов-радиослушателей, а их хобби – послужило «стартом» в развитии мирового радиовещания.

В 1920 г. американский радиолюбитель по фамилии Конрад (его имя и позывной, к сожалению, не известны), работавший в то время на фирме Westinghouse, переделал свою ЛРС, которая была им сконструирована в 1916 г., для работы на передачу в режиме «телефон» и начал вести вещательные передачи. Он объявил, что будет вести их по два часа в вечернее время по средам и субботам. В районе г. Питтсбурга его сообшение было встречено с большим интересом. Местный магазин закупил партию детекторных радиоприемников, которые были быстро распроданы желающим, что подготовило почву для решения о создании вещательной радиостанции [1, с. 41].

Харольд Х. Беверeдж (1893 – 1992 гг., позывной W2BML) совместно с Райсом и Келлогом, работая в фирме General Electric, в 1917 г. разработали приемную волновую антенну, которая впоследствии получила название Beverage. В 1920 г. он перешел на работу в RCA. Там в 1928 г. совместно с Х.О. Петерсоном и Дж.Б. Муром он стал соавтором очередного изобретения – разнесенного приема сигналов. В этой системе применялись три антенны, разнесенные на расстояние до 300 м друг от друга. Выпрямленные приемные сигналы на выходах трех отдельных приемников суммировались на общем сопротивлении нагрузки.

Бевередж был обладателем свыше 40 патентов, лауреатом многих почетных званий и наград – включая и награду Президента США, полученную в 1948 г.

Не достигший еще двадцати лет Харолд Олден Уилер (1903 – ?, позывной не известен), работая самостоятельно, придумал нейродинную схему приемника. Он не знал о создании Л.А. Хазелтайном в 1918 г. аналогичной схемы, которая тогда еще находилась в стадии патентования. Однако, получив патент, Хазелтайн предусмотрел денежные отчисления в пользу Уилера и пригласил молодого изобретателя работать в свою фирму. За работы по полному математическому расчету нейродинной схемы «Радиоклуб Америки» наградил в 1937 г. профессора Л.А. Хазелтайна медалью «Армстронга». Находясь дома, во время рождественских каникул 1925 г. Уилер создал схему автоматической регулировки усиления (АРУ) для радиоприемников с амплитудной модуляцией, которая обеспечивала практически постоянную громкость в широком диапазоне изменений уровня ВЧ-сигналов. Его схема АРУ была чудом простоты: один ламповый триод, включенный как диод, служил одновременно для детектирования сигнала и для создания смещения, регулирующего усиление. Данное изобретение Уилера было обнародовано в 1926 г. фирмой Hazeline, в которой он проработал на протяжении многих лет [2, с. 76].

С этого момента радиосвязь (как и вся радиотехника в целом) стала развиваться более стремительно: супергетеродин, однополосная связь, радионавигация, телевидение и т.д. – все это только часть изобретений первой половины XX века.

Список литературы

1. Сифоров, В.И. Электроника: прошлое, настоящее, будущее / В.И. Сифоров; пер. с англ.; под ред. чл.-корр. АН СССР В.И. Сифорова. – М.: Мир, 1980. – 296 с.
2. Члиянц, Г. У истоков мирового радиолюбительского движения (Хроника: 1898 – 1928) / Г. Члиянц. – Львов, 2000.
3. Члиянц, Г. Зарождение радиосвязи (хроника и роль радиолюбителей) / Г. Члиянц // Радиолюбитель. – 2001. – № 4.

Шедов Юрий Владимирович, *преподаватель общевойсковой кафедры ГрГУ им. Я. Купалы, подполковник.*

Кутафин Николай Викторович, *старший преподаватель общевойсковой кафедры ГрГУ им. Я. Купалы, подполковник.*

Филиппов Феликс Васильевич, *преподаватель общевойсковой кафедры ГрГУ им. Я. Купалы, подполковник.*

УДК 94(47).084.8:355.424.4

Д.П. Грушевский

РАЗВИТИЕ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ ВОЙСК В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В статье рассматривается состояние ПВО войск к началу войны, развитие средств противовоздушной обороны и ее организационных форм в ходе войны.

Ключевые слова: авиация, противовоздушная оборона, дивизион, батарея, бригада, наблюдение, оповещение.

Создание эффективной противовоздушной обороны, способной отразить массированные удары авиации противника и тем самым обеспечить своим войскам свободу маневра на поле сражения, в силу ряда причин составляло исключительно сложную проблему первой половины войны. В статье рассматривается состояние ПВО войск к началу войны, развитие средств противовоздушной обороны и ее организационных форм в ходе войны.

В ходе войны противовоздушная оборона войск развивалась в зависимости от количественного и качественного роста средств ПВО, особенно зенитной артиллерии и авиации.

В первые месяцы войны (июнь – октябрь 1941 года) значительная часть зенитной артиллерии, входившей в состав войск противовоздушной обороны территории страны, в связи с общим отступлением наших войск была включена в состав фронтов [1, с. 48]. Это в некоторой степени компенсировало недостаток зенитной артиллерии в войсках, но не могло коренным образом улучшить их противовоздушную оборону. К тому же ожесточенные сражения с воздушным противником мы вынуждены были вести в условиях, когда значительное количество зенитных частей не было полностью отмобилизовано, а авиация приграничных округов, находившаяся на стационарных аэродромах у самой границы, в первые же дни войны понесла большие потери и не смогла осуществить надежное прикрытие войск [1, с. 51]. Система воздушного наблюдения, оповещения и связи была также нарушена. Войска отходили и вели оборонительные бои в условиях полного господства в воздухе авиации противника, наносившей систематические удары по боевым порядкам войск, районам погрузки и выгрузки, воинским эшелонам, пунктам управления, аэродромам, железнодорожным узлам, пере-

правам и другим объектам группами от 3 до 40 бомбардировщиков с высот 1000 – 3000 м [1, с. 68].

Вследствие больших потерь авиации и невозможности ее массирования, противовоздушная оборона войск осуществлялась в основном зенитной артиллерией и стрелковым оружием, приспособленным для стрельбы по воздушным целям. Войска противовоздушной обороны в ходе операций несли большие потери в материальной части. Кроме того, значительное количество зенитного артиллерийского вооружения было использовано на укомплектование истребительно-противотанковых частей. Производство же зенитного артиллерийского вооружения в связи с начавшейся эвакуацией промышленных предприятий сократилось. Все это обусловило большой некомплект огневых средств в частях противовоздушной обороны. После расформирования стрелковых корпусов их зенитные артиллерийские дивизионы были обращены на доукомплектование зенитных дивизионов стрелковых дивизий и дивизионов противовоздушной обороны страны. Однако это мероприятие серьезно не повлияло на укомплектованность частей зенитной артиллерии, так как потери материальной части продолжали возрастать. В связи с невозможностью пополнения материальной частью зенитные артиллерийские дивизионы стрелковых дивизий в декабре 1941 года были реорганизованы в зенитные артиллерийские батареи в составе 6 – 37-мм зенитных пушек [1, с. 103]. С этого времени прикрытие войсковых группировок осуществлялось, как правило, лишь отдельными батареями зенитной артиллерии малого или среднего калибра.

Одним из наиболее существенных недостатков противовоздушной обороны войск в операциях 1941 – 1942 годов было исключительно слабое истребительно-авиационное прикрытие [1, с. 115]. Малочисленная истребительная авиация прикрывала главным образом тыловые объекты, резервы, вторые эшелоны, командные пункты. На прикрытие же боевых порядков войск первого эшелона оставалось очень мало сил. Так, из 4451 самолетовылета, совершенного военно-воздушными силами Западного фронта в ноябре 1941 года, для прикрытия боевых порядков войск было произведено только 325 самолетовылетов, т.е. 7,3 %, в то время как противник в полосе фронта в это же время совершил 2500 самолетовылетов [1, с. 131].

К числу недостатков следует также отнести слабое взаимодействие наземных средств противовоздушной обороны с авиаци-

ей, вследствие чего имели место случаи обстрела своих самолетов или ударов авиации по своим войскам; нечеткую работу системы воздушного наблюдения, оповещения и связи; отсутствие централизованного управления зенитной артиллерией при отражении налетов авиации противника; и, наконец, отсутствие единого руководства всеми средствами противовоздушной обороны.

К лету 1942 года с целью улучшения управления главным образом наземными средствами противовоздушной обороны был проведен ряд мероприятий. Началось формирование армейских полков противовоздушной обороны в составе – 4 батареи по четыре 37-мм зенитные пушки в каждой и одной зенитно-пулеметной роты крупнокалиберных пулеметов (16 пулеметов) [1, с. 140]. Несмотря на ряд мероприятий, проведенных с целью улучшения противовоздушной обороны войск, массирование зенитной артиллерии в масштабе фронта и армии продолжало оставаться слабым.

С осени 1942 года наступил перелом в работе военного производства страны. Войска во все больших количествах стали получать боевую технику. Например, если в 1942 году в войска поступило 3499 – 37-мм и 2761 – 85-мм зенитных орудии, то в 1943 году соответственно 5472 и 3713 [1].

Расширение производства зенитного артиллерийского вооружения дало возможность приступить с ноября 1942 года к формированию крупных соединений зенитной артиллерии – зенитных артиллерийских дивизий резерва Верховного Главнокомандования. Первоначально они создавались в составе четырех полков зенитной артиллерии малого калибра (типа армейского зенитного артиллерийского полка). Всего в дивизии было 64 – 37-мм зенитные пушки и 64 – 12,7-мм зенитных пулемета [1, с. 163]. Отсутствие зенитной артиллерии среднего калибра исключало участие подобных дивизий в борьбе с авиацией противника на высотах более 3000 м и являлось серьезным их недостатком [2, с. 36]. Кроме того, дивизии не имели своих тыловых подразделений, что было одной из причин частых перебоев в снабжении частей боеприпасами.

С мая 1943 года почти вся зенитная артиллерия была включена в резерв Верховного Главнокомандования и организационно вводила в зенитные дивизии, отдельные дивизионы резерва Главного Командования и армейские зенитные артиллерийские полки [2, с. 49]. Зенитные дивизии, как правило, прикрывали войска; отдельные дивизионы зенитной артиллерии среднего калибра – тыловые объекты; армейские же полки использовались для прикрытия войск и тыла

армии. Появилась возможность использовать зенитную артиллерию массированно на решающих направлениях.

В связи со значительным количественным ростом зенитной артиллерии повысилась эффективность противовоздушной обороны войск. Это объяснялось также и резким изменением условий, в которых приходилось осуществлять противовоздушную оборону. Советские Военно-Воздушные Силы, в том числе и истребительная авиация, намного выросли количественно и качественно, в то время как военно-воздушные силы немецко-фашистских войск были значительно ослаблены. Поступление самолетов-истребителей возрастало из года в год. В 1942 году авиационной промышленностью было выпущено 9844 истребителя, в 1943 году – 14 607, а в 1944 году – 17 872 [1, с. 201]. Соотношение сил быстро изменялось в пользу Советских Военно-Воздушных Сил. В борьбе за господство в воздухе, которая достигла наивысшего напряжения в первой половине 1941 года, Советские Военно-Воздушные Силы вышли победителями.

Наиболее важными факторами, оказывавшими влияние на улучшение противовоздушной обороны наших войск в наступательных операциях 1943 года, были: дальнейший рост количества и качества средств противовоздушной обороны, завоевание и удержание нашей авиацией господства в воздухе, а также рост мастерства командного состава.

Важнейшей особенностью противовоздушной обороны в операциях 1944 и 1945 годов было повышение эффективности оповещения и истребительно-авиационного прикрытия [2, с. 87]. Со второй половины 1943 года авиация и зенитная артиллерия фронтов начали оснащаться радиолокационными станциями, с помощью которых можно было обнаруживать самолеты противника на удалении до 80 – 120 км, что позволило значительно расширить границу действия нашей авиации и встречать самолеты на дальних подступах к линии фронта наших войск.

Вместе с повышением эффективности действий истребительной авиации заметно улучшалось и зенитное прикрытие войск. Искусное маневрирование и перераспределение зенитной артиллерии, решительное массирование средств на важнейших направлениях составляло основу боевого применения зенитной артиллерии в наступательных операциях 1944 – 1945 годов [1, с. 216].

В армиях накапливался опыт зенитного прикрытия подвижных войск мощными зенитными артиллерийскими группировками. Одна-

ко вместе с общим улучшением обстановки в воздухе противовоздушная оборона войск еще имела ряд недостатков. В ходе наступательных операций нередкими были случаи значительного отставания зенитной артиллерии и аэродромов от войск. В результате этого войска фронтов завершающий этап большинства операций проводили при ослабленном зенитном и истребительно-авиационном прикрытии. Авиация противника получала возможность наносить удары по нашим войскам значительными группами, задерживала их продвижение и тем самым содействовала своим войскам в стабилизации фронта. В подавляющем большинстве операций Великой Отечественной войны противовоздушная оборона войск усиливалась за счет сил и средств противовоздушной обороны территории страны. Неувядаемой славой покрыли себя воины-зенитчики. В борьбе с немецко-фашистскими захватчиками они проявляли образцы мужества и героизма. 54 воинам-зенитчикам присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Вспомним их поименно: М.Р. Абросимов, К.В. Аксенов, Н.В. Андрюшок, П.Я. Анучкин, А.В. Асманов, Э.М. Аянян, И.П. Бедин, М.И. Бондаренко, И.Н. Брусов, А.А. Брыкин, А.Г. Вавилов, Ф.В. Васькин, П.Т. Волков, В.В. Вольский, И.П. Горчаков, И.А. Графов, Д.Х. Губа, В.Т. Гурин, Г.Э. Гусейнов, А.Ф. Гребнев, Г.Б. Дерновский, Я.Т. Дидок, И.К. Егоров, В.И. Еременеев, П.А. Жулябин, А.А. Забронский, А.Ф. Зубарев, А.И. Казаков, П.С. Кандауров, В.М. Козлов, М.И. Козомазов, В.Ф. Колбнев, М.И. Комаров, П.Г. Лаврентьев, Л.С. Мерешко, А.С. Милютин, А.Я. Михайлов, П.П. Морозов, В.Ф. Мыцык, Н.М. Николаев, В.К. Олейник, А.С. Пешаков, Ф.М. Пузырев, И.С. Пьензин, Н.И. Рогов, Н.В. Ромашко, А.Е. Румянцев, П.А. Слабинюк, И.И. Сорокин, И.П. Сорокин, И.Ф. Степанов, В.И. Темчук, И.С. Фурсенко, В.А. Черношеин [3, с. 35].

Хотелось бы остановиться на некоторых подвигах героев-зенитчиков. Например, командир зенитно-пулеметного отделения 1995-го зенитного артиллерийского полка младший сержант И.Н. Брусов [3, с. 48]. На фронте с мая 1944 года. 25 января 1945 года его расчет в тяжелых боях по освобождению Польши прикрывал с воздуха переправу через р. Одер. При отражении атаки противника с воздуха его расчет сбил вражеский истребитель. Сам И.Н. Брусов был ранен. Превозмогая боль, он занял место наводчика и сбил еще один вражеский истребитель. Погиб в этом же бою. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно.

Наводчик орудия 1334-го зенитно-артиллерийского полка младший сержант А.Г. Вавилов сражался на фронтах Великой Отечественной войны с сентября 1942 года [3, с. 95]. Он отличился в боях за город Киев. Участвуя в отражении многочисленных атак противника с воздуха, 10 сентября 1943 года сбил один, а 27 и 29 сентября еще три вражеских бомбардировщика. 3 и 4 ноября, заменив раненого командира орудия, подбил три самолета. Звание Героя Советского Союза присвоено в феврале 1944 года.

Командир орудия 1346-го зенитного артиллерийского полка сержант В.Т. Гурин воевал с 1941 года [3, с. 107]. Отличился в боях за освобождение Сумской и Полтавской областей в августе 1943 года, где сбил со своим расчетом 4 самолета противника. В октябре 1943 года расчет В.Т. Гурина в составе батареи прикрывал огнем от налета вражеской авиации переправу на реке Днепр. При отражении очередного налета вражеских самолетов расчет был уничтожен. В.Т. Гурин остался один, но продолжал вести огонь, сбил бомбардировщик противника. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно.

В 2010 году отмечалась знаменательная дата – 65-летняя годовщина Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Хочется низко поклониться всем ветеранам, воевавшим на фронтах Великой Отечественной войны, отдавшим свои жизни за свободу и независимость нашей Родины. Они и сегодня в непростых для всех нас условиях активно передают свои знания, опыт, традиции новому поколению воинов-зенитчиков. Хочется от всего сердца высказать и свою благодарность, пожелать подольше оставаться в нашем строю и не стареть душой.

Список литературы

1. Фурса, Е. Зарождение и развитие противовоздушной обороны страны / Е. Фурса // Военно-исторический журнал. – 2000. – № 12.
2. Лозик, П. Войска противовоздушной обороны страны / П. Лозик. – М.: Военное издательство, 1968. – 211 с.
3. Гутеяхш, Г.И. Персидский коридор / Г.И. Гутеяхш. – М.: Политиздат, 1993. – 111 с.
4. Федорченко, С.А. Народ на войне / С.А. Федорченко. – М.: ЛИМ, 1990. – 213 с.

Грушевский Дмитрий Петрович, *начальник курса батальона курсантов ГрГУ им. Я. Купалы, майор*.

УДК 94(47).084.8

В.Н. Линкевич

ФОРМИРОВАНИЕ ШТРАФНЫХ ЧАСТЕЙ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе опубликованных источников и с учетом новейших достижений историографии рассматривается процесс формирования штрафных частей и подразделений Красной Армии в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: штрафник, дизертир, приказ, состав, искупление, вина, трибунал.

Тема штрафных формирований в СССР была на протяжении длительного времени закрытой, и даже в некоторой степени запретной для исследования. Всплеск интереса к ней начался со второй половины 80-х годов XX века, когда демократизация общественной жизни и объявление гласности позволили обратиться к «белым пятнам» истории. Различные аспекты темы получили освещение в публикациях в энциклопедических и справочных изданиях, материалах в сборниках документов по военной истории, воспоминаниях участников Великой Отечественной войны, в том числе тех фронтовиков, которые командовали штрафными частями или непосредственно воевали в них; а также в специальных монографиях и статьях исследователей, в т.ч. работах Ю. Рубцова [1, с. 18], И. Кузьмичева [2, с. 9], В. Дайнеса [3, с. 84], и др., где представлен широкий спектр мнений, порою диаметрально противоположных.

Особенно возрос интерес к истории штрафных частей после выхода на экраны телевидения в 2004 г. сериала «Штрафбат». Показ кинокартины вызвал неоднозначные, а со стороны большинства участников войны негативные отклики и обвинения в адрес ее авторов в искажении исторической действительности. Попытки искажения истории и спекуляции на теме штрафников, и необходимость удовлетворения общественного интереса к ней ставят перед историками задачу объективного и глубокого рассмотрения проблемы.

Введение штрафных формирований в СССР годы Великой Отечественной войны связывают обычно с приказом наркома обороны И.В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 г., который был подписан в связи с критической ситуацией, сложившейся на фронте после круп-

ных поражений советских войск и очередного наступления противника весной-летом 1942 г. Он предписывал военным советам фронтов создать от одного до трех штрафных батальонов (по 800 человек), в армии – 3 – 5 заградотрядов (до 200 человек в каждом) и от пяти до десяти штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой) [4, с. 74]. При их формировании, как пологают отдельные авторы, учитывалась практика создания и использования подобных военных частей в годы гражданской войны, а также немецкий опыт [3, с. 182 – 183].

На основании приказа № 227 26 сентября 1942 г. заместителем наркома обороны Г.К. Жуковым были утверждены положения о штрафных батальонах и штрафных ротах действующей армии, которые определяли порядок комплектования, управления и использования штрафных частей и подразделений, а также правовое положение военнослужащих-штрафников. Согласно им в штрафные роты следовало направлять провинившихся рядовых бойцов и младших командиров, а в штрафные батальоны – средних и старших командиров и соответствующих политработников. В штрафроты могли направлять и бывших офицеров, однако лишь в том случае, если они были лишены воинского звания по приговору военного трибунала. В дальнейшем, появились различные приказы и директивы, уточнявшие круг лиц, направляемых в данные формирования. Так, приказом № 323 от 16 октября 1942 г., подписанным заместителем наркома обороны Е.А. Шаденко, положения приказа № 227 были распространены на военные округа. В сентябре 1942 г. был издан приказ Сталина о направлении в штрафные части в пехоту летчиков-истребителей, уклонявшихся от боя с воздушным противником, в ноябре 1942 г. приказ зам. наркома обороны о предании суду и направлении в штрафные части военнослужащих, симулирующих болезнь и занимающихся членовредительством и др.

Всего за период войны в составе действующей армии насчитывалось 65 отдельных штрафных батальонов (ОШБ) и 1048 отдельных штрафных рот (ОШР) [3, с. 270; 5, с. 36]. При этом следует учитывать, что их численность была подвижной (одни создавались, другие ликвидировались, третьи объединялись). В ряде случаев процесс их формирования шел не так успешно, как требовало командование, иногда затягивался на несколько месяцев из-за некомплекта. В связи с чем, командующим фронтам было предписано сократить число штрафных рот в армиях, собрав штрафников в сводные роты. Поэтому с 1943 г. количество штрафных формирований уменьшается.

Что касается численности штрафников, то по последним сведениям, всего за годы Великой Отечественной войны в штрафные части были направлены 427 910 человек переменного состава [6, с. 441]. По годам их количество выглядит следующим образом: в конце 1942 г. насчитывалось 24 993 чел., в 1943 г. возросло до 177 694 чел., в 1944 г. уменьшилось до 143 457 чел., а в 1945 г. – до 81 766 человек [3, с. 265].

Личный состав штрафных формирований подразделялся на постоянный (командный) и переменный (непосредственно штрафники). Командиры не принадлежали к контингенту штрафников и назначались на должности в обычном порядке. Для переменников нахождение в штрафных частях носило временный характер от одного до трех месяцев. Освободиться они могли и досрочно – в случае ранения либо за боевое отличие. Поэтому, а также в связи со значительными боевыми потерями основной состав этих частей постоянно обновлялся.

Первоначально штрафные формирования предназначались для военнослужащих, нарушивших воинскую дисциплину по «трусости и неустойчивости». Они направлялись туда по приказу соответствующего командира или военным трибуналом, если были осуждены с отсрочкой исполнения приговора до окончания войны. К числу основных воинских преступлений относились такие проступки и деяния, как самовольные отлучки, дезертирство, неисполнение приказа, нарушение правил караульной службы, членовредительство и др. Иногда за них в штрафные переводились целые части. Так, в ноябре 1944 г. в таком состоянии оказался 214-й кавалерийский полк 63-й кавалерийской Корсуньской дивизии в связи с утерей знамени полка.

В дальнейшем число штрафников пополнялось также за счет военнослужащих, совершавших проступки (в том числе и в тылу), не связанные с выполнением боевого задания, в т.ч. такие как хищения имущества и продовольствия, драки, пьянство, мародерство, халатность и др.

Еще одним источником комплектования штрафных частей были красноармейцы, попавшие в немецкий плен, и окруженцы, отставшие при отступлении от своих войск и оставшиеся на оккупированной территории.

В штрафные формирования направлялись не только военнослужащие-мужчины, но и женщины [с. 3, с. 238, 257]. Однако опыт убедил, что делать это нецелесообразно. Поэтому 19 сентября 1943 г.

вышла директива Генштаба, которой было предписано «женщин-военнослужащих, осужденных за совершенные преступления, в штрафные части не направлять» [3, с. 223].

В настоящее время одной из наиболее дискуссионных и спорных тем является проблема отправки в штрафники лиц, освобожденных из исправительных колоний и лагерей. И здесь существует широкий спектр мнений: от полного отрицания подобных фактов до утверждений о массовом наличии среди них уголовников. Опубликованные в последние годы источники свидетельствуют о том, что среди штрафников были и бывшие заключенные. Однако их было не так много, как пытаются представить в отдельных средствах массовой информации. При этом большинство из них составляли лица, осужденные за нетяжкие преступления. Ряд авторов, в частности Ю. Рубцов, допускает, что и некоторые уголовники могли попасть в штрафные роты из-за нарушения режима содержания заключенных [1, с. 76]. Поэтому не случайно, что в январе 1944 г. был издан совместный приказ заместителя наркома обороны, наркомов внутренних дел и юстиции, и прокурора СССР о запрете направлять осужденных за уголовные преступления в действующую армию.

Представленный материал свидетельствует о том, что комплектование штрафных частей Красной Армии в данный период осуществлялось за счет разных источников. Однако основную массу штрафников составляли военнослужащие, нарушившие воинскую дисциплину.

Список литературы

1. Рубцов, Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. – М.: Вече, 2007.
2. Кузьмичев, И.В. Штрафники / И.В. Кузьмичев // Сержант. – 2000. – № 1. – С. 9 – 34.
3. Дайнес, В.О. Заградотряды и штрафбаты Красной Армии / В.О. Дайнес. – М., 2009.
4. Документы и материалы // Военно-исторический архив. – 1988. – № 8. – С. 73 – 80.
5. Рубцов, Ю.В. Путь в никуда, или Шанс для оступившегося? Штрафные части в письмах участников Великой Отечественной войны / Ю.В. Рубцов // Исторический архив. – 2007. – № 3. – С. 35 – 55.
6. Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. – М., 2001.

Линкевич Виктор Николаевич, *кандидат исторических наук, доцент кафедры истории славянских государств ГрГУ им. Я. Купалы.*

УДК 94(47).084.8

А.А. Шатров, И.Е. Логинов

ТЫЛОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН» В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируются особенности тылового обеспечения Белорусской наступательной операции «Багратион». Авторы рассматривают продовольственное и материально-техническое снабжение, медицинское обеспечение, боепитание, службу эвакуации поврежденной техники.

Ключевые слова: тыл, фронт, склад, обеспечение, эшелон, запасы, продовольствие, фураж.

Подготовка тыла к Белорусской стратегической наступательной операции осуществлялась задолго до ее начала. Непосредственная же подготовка длилась 23 дня.

В конце мая 1944 г. 1-й Прибалтийский, 1, 2 и 3-й Белорусские фронты получили директивы Генерального штаба и начальника Тыла Красной Армии, в которых указывался порядок организации тылового обеспечения войск. В основу организации тылового обеспечения фронтов в этой операции был положен принцип сосредоточения усилий на главных направлениях и максимального удовлетворения потребностей войск, действующих на этих направлениях. Поэтому 60 – 70 % фронтовых складов, железнодорожных, автотранспортных, дорожных, медицинских, ремонтных и других частей и учреждений тыла было развернуто на направлениях действий ударных группировок войск [1, с. 8].

Для того чтобы создаваемые группировки тыла были полностью автономны, способны наращивать свои усилия и бесперебойно обеспечивать ударные группировки войск на всю глубину операции, соединения, части и учреждения фронтового тыла развертывались в 2 – 3 эшелона. При этом первый эшелон фронтового тыла (отделения полевых складов с запасами боеприпасов и горючего, часть подвижных госпиталей) развертывался в 20 – 30 км; второй эшелон (основная часть сил и средств фронтового тыла) находился в 50 – 80 км, а третий (отдельные склады, медицинские, ремонтные и некоторые другие учреждения) – в 150 – 200 км и более от переднего края.

Построение армейского тыла также производилось с учетом предстоящих наступательных действий на большую глубину. Уда-

ление основных складов армий от переднего края в среднем составляло 20 – 40 км. Дивизионные обменные пункты в зависимости от местности располагались в 8 – 12 км от войск, а подразделения полкового тыла – в 5 – 8 км. Таким образом, благодаря рациональному эшелонированию запасов материальных средств по фронту и в глубину были созданы благоприятные условия для их подвоза в ходе наступления.

Силы и средства медицинской службы также максимально приближались к войскам и размещались: передовые госпитальные базы фронтов – в 30 – 40 км, основные – в 80 – 100 км и тыловые – в 150 – 200 км от переднего края. Госпитальные базы армий располагались в 15 – 25 км от войск. Госпитали этих баз в основном развертывались, а около 30 % их находилось в резерве. Полковые медицинские пункты в большинстве случаев развертывались в 2 – 3 км от переднего края [2, с. 15].

Размещение соединений, частей и учреждений фронтового и армейского тыла производилось с учетом начертания сети железных и автомобильных дорог. Характерным для этой операции было то, что фронтовые распорядительные станции находились не вблизи тыловой границы фронтов, как это было в предыдущих операциях, а в глубине тыловых районов на удалении 100 – 120 км от переднего края. Это ускоряло доставку материальных средств войскам.

Армиям выделялись станции снабжения, обычно по две на одну армию. Выгрузочные станции находились в непосредственной близости от линии фронта, нередко в 5 – 10 км. Некоторые из них одновременно являлись головными отделениями полевых армейских баз на железной дороге.

Созданию во фронтах необходимых запасов материальных средств для проведения операции уделяли постоянное внимание Генеральный штаб и центральные органы Тыла Красной Армии. Однако в результате того, что железные дороги не смогли справиться с перевозками в намеченные сроки Ставка ВГК перенесла начало Белорусской операции с 19 на 23 июня 1944 г. Это позволило увеличить запасы материальных средств во фронтах. К 23 июня они составили: по автобензину – 3 – 4 заправки; по дизтопливу – 6 – 8 заправок; по авиабензину – 4 – 10 заправок; по боеприпасам – 2 – 4,5 боекомплекта; по продовольствию – 15 – 20 сутодач. Вещевым имуществом войска были обеспечены полностью согласно нормам.

Наши части, вышедшие к Нареву и Висле, оказались совершенно без горючего. Из-за отсутствия горючего значительная часть

артиллерии отстала, танковые войска не могли вести активных действий и вынуждены были перейти к обороне. Несмотря на численное превосходство нашей авиации, она делала меньше вылетов, чем авиация противника, из-за недостатка горючего [3, с. 15 – 19].

В ходе Белорусской операции во фронтах восстанавливалось, как правило, по два железнодорожных направления, одно из которых проходило на направлении действий ударной группировки. На это направление выделялось основное количество железнодорожных войск и спецформирований фронта (до 70 – 75 %). Но войска в операции продвигались за сутки по 20 – 30 км (иногда до 40 – 50 км), а средний темп восстановления железных дорог, как правило, составлял 10 – 12 км в сутки. Это вызвало большой отрыв баз снабжения от наступающих войск.

Основной причиной низких темпов восстановления явились большие разрушения на железных дорогах, с которыми восстановительные части встретились сразу же с началом наступления. На отдельных участках, особенно в зоне обороны противника, были полностью разрушены пути на глубину 40 – 50 км. Поэтому темпы восстановления железных дорог в этой зоне были низкими – всего 3 – 7 км в сутки. Пока восстанавливались эти трудные участки, войска продвинулись до 150 км. Но там, где были приняты оперативные меры по сохранению железных дорог, разрушений было гораздо меньше, а темп их восстановления был высоким [4, с. 68].

Особенностью работы медицинской службы в период подготовки и проведения Белорусской операции явилась борьба с инфекционными заболеваниями, которые были распространены на территории освобожденной от оккупантов Белоруссии. Большая работа по борьбе с сыпнотифозной эпидемией была проведена медицинской службой 1-го Белорусского фронта. Вспышка эпидемии возникла вследствие того, что перед правым крылом фронта противник умышленно оставил концентрационные лагеря, в которых свирепствовала эпидемия сыпного тифа. Для ее ликвидации весь район был объявлен на чрезвычайном положении. Большую помощь медицинской службе оказывали белорусские партизаны, которые своевременно сообщали данные об эпидемиологическом состоянии района. В целом в операции по освобождению Белоруссии возврат раненых в строй увеличился.

В период наступления в целях маскировки части и учреждения тыла располагались в лесных массивах. При следовании по маршрутам в новые районы одиночные автомобили без надлежащей охраны не выпускались. Колонны возглавлялись офицерами и

обеспечивались вооруженной охраной. В ходе операции личному составу тыла помимо выполнения задач по тыловому обеспечению пришлось участвовать в ликвидации вражеских группировок, оказавшихся в тылу и на флангах наступающих войск. Это требовало от офицеров тыла умения организации и ведения боя.

Опыт Белорусской операции показал, что при проведении операций на территории, где действовали националистические элементы и многочисленные диверсионные группы противника, требуется дополнительное количество войск охраны тыла, оснащенных более мощным вооружением и техникой, особенно транспортными средствами для разведки и гибкого маневра боевыми подразделениями. Результатом этого явилось создание впоследствии частей охраны тыла [5, с. 41].

В условиях стремительного преследования противника существенно усложнилось управление тылом, так как возможности личного общения начальников тыла и служб были ограничены. Основными документами по управлению тылом в этой обстановке были краткие частные распоряжения, обычно передаваемые шифром. Практиковалась также высылка офицеров с отдельными заданиями. Во всех фронтах создавались оперативные группы тыла. Одна из них обычно находилась с первым эшелоном полевого управления фронта, а вторая занималась организацией тылового обеспечения подвижных групп, действующих в отрыве от войск в оперативной глубине обороны противника [6, с. 46, 81].

Список литературы

1. Великая Отечественная война Советского Союза 1941 – 1945: краткая история. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Воениздат, 1984. – 5600 с., ил.
2. Освобождение Белоруссии 1944. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1974. – 799 с.
3. Плотников, Ю.В. Освобождение Белоруссии / Ю.В. Плотников. – М.: Воениздат, 1984.
4. Операция «Багратион». Освобождение Беларуси. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.
5. Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне: военно-исторический очерк. – М.: Воениздат, 1958. – Т. 3.
6. История военного искусства: учебник. – М.: Воениздат, 1984.

Шатров Андрей Александрович, *преподаватель кафедры тылового обеспечения ГрГУ им. Я. Купалы, подполковник.*

Логинов Игорь Евгеньевич, *преподаватель кафедры тылового обеспечения ГрГУ им. Я. Купалы, майор.*

УДК 94(47).084.8

В.И. Шатько, А.Ю. Махоткин

ПОДГОТОВКА ВОЙСК (СИЛ) И ШТАБОВ К ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН»

В статье анализируются мероприятия по подготовке войск и штабов Красной Армии к операции «Багратион». Перед началом Белорусской операции проводилась тщательная, кропотливая работа по подготовке войск и штабов, которая заключалась в: доукомплектовании частей и подразделений личным составом, вооружением, техникой и пополнением запасов материальных средств; подготовке командиров и штабов; подготовке личного состава к наступательным действиям в трудных условиях лесисто-болотистой местности; подготовке вооружения и техники к боевому применению; проведении тактических учений на специально подготовленных учебных полях, применительно к характеру предстоящего боя и мероприятий партийно-политической работы. Особое внимание придавалось подготовке командиров и штабов.

Ключевые слова: операция, бой, род войск, личный состав, укомплектование, подготовка, боевая задача.

Военная история знает немало примеров, когда хорошие решения на проведение операции или боя не достигали успеха лишь потому, что не была проведена тщательная подготовка войск. Принять решения на операцию и бой, наметить направление ударов и определить группировку войск – это только часть содержания понятия «подготовка». Не менее важно осуществить всестороннюю подготовку войск, боевой техники и обеспечить их всем необходимым для выполнения задачи, а также добиться тесного взаимодействия между частями оперативного построения и боевого порядка.

Под подготовкой войск к выполнению боевой задачи понимается комплекс мероприятий, обеспечивающих своевременную готовность войск (сил) к боевым действиям. Является частью подготовки операции (боя). Проводится командующими (командирами), штабами, политорганами, начальниками родов войск, спецвойск и служб и включает: укомплектование соединений (частей, подразделений) личным составом, вооружением и военной техникой; доведение запасов материальных средств до установленных норм; подготовку оружия и военной техники к боевым действиям; ремонт, усиление проходимости техники, увеличение запаса хода; доведение боевой задачи до личного состава и его подготовку к выполне-

нию этой задачи. Объем, содержание и порядок подготовки определяется указаниями командующего (командира) [1, с. 56].

Под подготовкой штабов к выполнению боевых задач понимается обучение личного состава и подразделений штабов выполнению возлагаемых на них задач по управлению войсками (силами) [1, с. 78]. Она включает самостоятельную подготовку офицеров и подразделений штаба, а также слаживание штаба в целом как органа управления.

Перед началом Белорусской операции проводилась тщательная, кропотливая работа по подготовке войск и штабов, которая заключалась в: доукомплектовании частей и подразделений личным составом, вооружением, техникой и пополнением запасов материальных средств; подготовке командиров и штабов; подготовке личного состава к наступательным действиям в трудных условиях лесисто-болотистой местности; подготовке вооружения и техники к боевому применению; проведении тактических учений на специально подготовленных учебных полях, применительно к характеру предстоящего боя и мероприятий партийно-политической работы. Особое внимание придавалось подготовке командиров и штабов.

Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский вспоминал: «С командирами соединений и частей мы проводили занятия в поле и на рельефных картах той местности, на которой им в скором времени предстояло действовать. Накануне наступления были проведены штабные учения и военные игры от батальона до корпуса на тему «Прорыв обороны противника и обеспечение ввода в бой подвижных соединений». Нелегкое дело предстояло нашим солдатам и офицерам пройти эти гиблые места, пройти с боями, пройти стремительно. Люди готовили себя к этому подвигу. Пехотинцы невдалеке от переднего края учились плавать, преодолевать болота и речки на подручных средствах, ориентироваться в лесу. Было изготовлено множество мокроступов – болотных лыж, волокуш для пулеметов, минометов и легкой артиллерии, сделаны лодки и плоты. У танкистов – своя тренировка. Вместе с саперами танкисты снабдили каждый танк фашинами, бревнами и специальными треугольниками для прохода через широкие рвы. Не могу не вспомнить добрым словом наших славных саперов, их самоотверженный труд и смекалку. Только за двадцать дней июня они сняли 34 тысячи вражеских мин, в направлении главного удара проделали 193 прохода для танков и пехоты, навели десятки переправ через Друть и Днепр. На месте отрабатывалось все, что было связано с предсто-

ящим наступлением: управление войсками и в начале, и в ходе операции, маскировка движения наших войск, подвоз техники и боеприпасов, выбор и оборудование маршрутов и дорог, а также всяческие хитрости, которые бы ввели противника в заблуждение относительно наших намерений» [2, с. 75].

Проводились занятия по розыгрышу предстоящей операции с привлечением командиров корпусов, командиров дивизий и начальников родов войск. В ходе этих занятий детально отрабатывались задачи стрелковых и танковых соединений, план артиллерийского наступления и взаимодействие с авиацией. Основное внимание сосредоточивалось на тщательном изучении особенностей местности в полосе предстоящих действий войск.

В соответствии с теми задачами, которые войскам предстояло решать в наступлении, штабы армий разработали планы боевой подготовки войск. Внимание командиров приковывалось в первую очередь к боевому слаживанию стрелковых рот и батальонов, к отработке их взаимодействия с артиллерией и танками. Для проведения учений с боевой стрельбой подразделения поочередно выводились в тыл на 8 – 12 км от переднего края. В определенных районах были оборудованы примерно такие же участки обороны, которые предстояло штурмовать. До начала наступления с каждым батальоном из дивизий первого эшелона проводили около 10 учений. Войска и штабы настойчиво отрабатывали именно те задачи, которые им предстояло решать в бою. Четко организовывалось взаимодействие пехоты, артиллерии и танков. Пехотинцы научились «прижиматься» к разрывам снарядов своей артиллерии, а артиллеристы – ставить и перемещать огонь, сообразуясь с действиями пехоты и танков. В ходе совместных учений крепла боевая дружба представителей различных родов войск. Командиры батальонов и дивизионов становились лично знакомыми, а это было отнюдь не маловажно для дружной боевой работы [3, с. 19].

После тщательного изучения обороны противника, были составлены «индивидуальные» планы подготовки частей и подразделений. Так, командующий 39-й армией генерал-полковник И.И. Людников вспоминал «Мы знали: позиции в обороне противника состоят из трех траншей, а система опорных пунктов и узлов сопротивления неглубоко эшелонирована. Знали: почти вся немецкая пехота располагается на оборонительном рубеже глубиной не более трех километров. С учетом этих особенностей и велась тактическая подготовка наших частей и подразделений. Форсировав на учебных

занятиях речку, роты немедленно переходили в наступление. Командиры всех взводов и отделений имели иллюстрированные диаграммы плотности огня противника на отдельных участках нашего наступления. Солдатам объяснили, что самое сильное огневое воздействие неприятель окажет в первой четырехсотметровой полосе перед передним краем обороны. Значит, преодолеть ее надо как можно быстрей. Дальше плотность огня снизится, а за трехкилометровой зоной гитлеровцы и вовсе потеряют возможность управлять своей артиллерией. Чем выше темп наступления, тем меньше потерь, тем скорее будет достигнута цель. Солдаты твердо усвоили это. А перед наступлением каждый получил памятку. В ней четко изложены непреложные правила атаки. Вот как были сформулированы отдельные пункты этой памятки: «По команде «В атаку – вперед!» вскакивай быстро. Двигайся бегом и с ходу веди огонь. Не беда, что с ходу в немца не попадешь – к земле его прижмешь. Первую траншею перескочи – не давай немцу закрепиться на второй. Врага засевшего в траншеях и блиндажах, уничтожай гранатами. У тебя их пять штук. Расходуй с умом. Лишняя граната не помешает. Если придется драться в траншее – следи, чтобы земля в ствол не набилась. А главное – не медли! Ты присел в воронку, а враг уже окопался. Три километра за первый час одолеешь – врага добить сумеешь. Не прошел – враг ушел. Не медли, солдат!» [4, с. 56].

Большое место в работе командования и штабов занимали контроль и помощь войскам и штабам. Командующие фронтами и армиями, начальники штабов или их представители, как правило, участвовали на командно-штабных учениях в соединениях, на тактических учениях войск в поле и на командирских занятиях.

В стрелковых дивизиях самых опытных солдат и офицеров направляли в штурмовые батальоны, которые усиливали батареями полковой и дивизионной артиллерии, ротой саперов. Бойцов снабжали дополнительным количеством гранат. Этим батальонам предстояло самое трудное и опасное дело: первыми ворваться в расположение противника, штыком и огнем проломить брешь в его обороне.

Накануне наступления проводились крупные мероприятия, связанные с всесторонним обеспечением войск. Уже со второй половины мая 1944 г. из глубокого тыла страны к фронтам, действовавшим на центральном направлении, шли непрерывным потоком эшелоны с войсками, техникой и материальными средствами. Фрон-

там, готовившимся к Белорусской операции, ежедневно подавалось в среднем 90 – 100 поездов. Так, только за период с 1 по 23 июня 1944 г. фронтам было подано более 75 тысяч вагонов с войсками, техникой, боеприпасами и другими грузами.

Благодаря большим усилиям Советского правительства, самоотверженной работе тружеников тыла страны и фронтовых тыловых органов советские войска центрального направления были обеспечены всем необходимым для ведения боевых действий. Во фронтах были созданы значительные запасы боеприпасов – 3,5 – 4,5 боекомплекта, горючего – 3,5 – 4 заправки и продовольствия – 15 – 20 сутодач.

Важное место в тыловом обеспечении войск занимала подготовка медицинских учреждений к приему раненых и больных. Были тщательно спланированы мероприятия по эвакуации раненых солдат и офицеров, подготовлено достаточное количество коек в госпиталях. Только в четырех фронтах была развернута госпитальная база на 300 тыс. коек [5, с. 126].

В преддверии наступления военные советы фронтов, армий и политотделы уделяли большое внимание усилению партийно-политической работы. Главным содержанием ее явилось разъяснение личному составу его воинского долга, конкретных боевых задач, воспитание ненависти к врагу, обеспечение высокого наступательного порыва. В основу политической подготовки войск были положены задачи, поставленные на лето и осень 1944 г. советским руководством – очистить от фашистских захватчиков всю территорию СССР. Учитывалось также и то, что советские войска должны будут вступить на территорию союзной нам Польши и оказать помощь братскому народу в освобождении от фашистского ига. Главной опорой командиров и политработников в проведении партийно-политической работы являлись коммунисты и комсомольцы. Так, к концу июня 1944 г. в составе партийных организаций четырех фронтов насчитывалось 621 тыс. коммунистов, большинство из которых находилось в боевых подразделениях.

Важную роль в политической подготовке личного состава сыграли обращения военных советов фронтов и армий к войскам, тексты которых вручались за несколько часов до начала общего наступления каждому солдату, сержанту и офицеру. В этих обращениях разъяснялись конкретные политические задачи наступательной операции, а весь личный состав призывался к образцовому их выполнению. Одновременно с вручением обращений военных советов ко

всему личному составу частей первого эшелона доводились и боевые приказы их непосредственных командиров.

Все эти мероприятия подготовки операции «Багратион» сыграли определяющую роль в успехе действий советских войск по освобождению Белоруссии. Наши полководцы, генералы, офицеры еще раз показали умение готовить войска к операции, добывать победу не только превосходством в силах, но и военным искусством и воинским мастерством. В ходе боевых действий на территории Белоруссии советские войска продемонстрировали возросшее искусство вести боевые действия на широком фронте и в высоких темпах, что было бы невозможным без огромнейшей подготовительной работы. Опыт подготовки советских войск к операции «Багратион» является выдающимся примером в военной истории и остается актуальным и в наши дни и, несомненно, заслуживает тщательного изучения.

Список литературы

1. Советская военная энциклопедия. – М.: Воениздат, 1978. – Т. 6.

2. Рокоссовский, К.К. Солдатский долг / К.К. Рокоссовский. – М.: Воениздат, 1986. – 321 с.

3. Плотников, Ю.В. Освобождение Белоруссии / Ю.В. Плотников. – М.: Воениздат, 1984. – 384 с.

4. Операция «Багратион». Освобождение Беларуси. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 376 с.

5. Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне: военно-исторический очерк. – М.: Воениздат, 1958. – Т. 3. – 543 с.

Шатько Вячеслав Иванович, *кандидат военных наук, профессор, профессор кафедры тактики соединений и частей Военной академии Республики Беларусь, полковник.*

Махоткин Александр Юрьевич, *начальник цикла кафедры истории войн и военного искусства, кафедры тактики соединений и частей Военной академии Республики Беларусь, полковник запаса.*

УДК 94(47).084.8

П.И. Вещиков

ТЫЛ КРАСНОЙ АРМИИ В ЗАВЕРШАЮЩИХ ОПЕРАЦИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941 – 1945 гг.

В статье рассказывается о тыловом обеспечении в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Определяются задачи, которые возлагались на тыл Красной Армии, приводятся данные о подвозе материальных средств в ходе сражения за Правобережную Украину, наличии боеприпасов (в боекомплектах) и горючего (в заправках) к началу операции «Багратион», ресурсов боеприпасов в 1944 и 1945 гг.

Ключевые слова: народное хозяйство, промышленность, поставки, вооружение, техника, продовольствие, фураж, боеприпасы.

К началу 1944 г. было освобождено более половины ранее оккупированной территории страны. Народное хозяйство поставляло фронту достаточное количество вооружения, боевой и другой техники, была решена и проблема боеприпасов. Вооруженные Силы СССР по своему составу и боевому оснащению превзошли немецкую армию.

Победы на фронте обеспечивались непрерывно нараставшими трудовыми успехами советских людей. Промышленность оснащала наши Вооруженные Силы первоклассной боевой техникой, вооружением, обеспечивала боеприпасами и другими видами материальных средств, а сельское хозяйство продовольствием и сырьем для легкой промышленности. Развернулись восстановительные работы в освобожденных районах. Народное хозяйство страны шло по пути дальнейшего подъема.

Выпуск продукции тяжелой промышленности в 1943 г. возрос на 19 %, а валовой национальной продукции на 17 %. Производство танков и самоходно-артиллерийских установок увеличилось с 24 тыс. в 1943 г. до 29 тыс. в 1944 г., самолетов – с 34 900 до 40 300[1] . Если в основных наступательных операциях 1942 – 1943 гг. на одну стрелковую дивизию приходилось в среднем 180 – 200 орудий и минометов, 14 – 17 танков, 13 – 20 самолетов, то в 1944 г. – уже 200 – 245 орудий и минометов, 14 – 35 танков, 22 – 46 самолетов; к концу 1943 г. была решена проблема боеприпасов[2] .

---

[1] Великая Отечественная война Советского Союза 1941 – 1945 гг. Краткая история. – М., 1985. – С. 441.

[2] Красная звезда. – 1974. – 31 марта.

Одной из важнейших задач перед тылом в третий период войны продолжала оставаться задача по обеспечению новых формирований и выведенных в резерв Ставки ВГК на доукомплектование воинских частей, соединений и объединений. За период с 7 ноября 1943 г. по 9 апреля 1945 г. службами тыла было обеспечено формирование двух армий, двадцати пяти корпусов и девяти стрелковых дивизий, а также доукомплектовано 38 армий, 58 корпусов и 148 дивизий[3]. Увеличился объем работ по обеспечению иностранных формирований.

В третьем периоде войны было проведено три кампании: зимняя (январь – май), летне-осенняя (июнь – декабрь) 1944 г. и завершающая кампания в Европе (январь – май) 1945 г.

Тыл Центра, фронтов, армий и войск в этот период находился в крайне невыгодном положении. Операции начались сразу же после завершения летне-осенней кампании 1943 г., то есть без стратегической паузы. После почти пятимесячного беспрерывного наступления тыл фронтов растянулся на сотни километров, запасы материальных средств, особенно боеприпасов и горючего, снизились. Автомобильный транспорт отечественного производства, работавший всю войну износился, многие автомашины требовали среднего и капитального ремонта, а машины иностранных марок, полученные по ленд-лизу и импорту от наших союзников, не могли покрыть потребности фронтов. Рано наступившая весенняя распутица усложнила работу всех звеньев тыла.

Начавшееся наступление советских войск в условиях весенней распутицы оказалось полной неожиданностью для противника. Ломая сопротивление врага, они быстро продвигались вперед. В этих условиях органы управления, соединения, воинские части и учреждения тыла должны были не отставать от обеспечиваемых ими армий, корпусов и дивизий.

Отступая, противник стремился разрушать железные дороги, мосты, сооружать заграждения на реках, в горной местности… Поэтому использовать железные дороги удавалось не везде. Затруднен был в большинстве случаев и подвоз автотранспортом, так как частые дожди, начавшиеся на Украине в конце января 1944 г., и оттаивание почвы резко ухудшили состо-

[3] ЦАМО РФ. – Фонд 67. – Оп. 32174. – Д. 256. – Л. 16.

яние дорог, а дорожные воинские части не успевали приводить их в проезжее состояние.

Органы тыла в ходе проведения наступательных операций принимали все возможные меры для обеспечения войск материальными средствами для ведения боевых действий.

В гигантской битве за Правобережную Украину особое место занимает работа тыла. Условия подвоза материальных средств были крайне ограничены, поэтому железнодорожным транспортом, там, где это было возможно, грузы подавались непосредственно к войскам. Соединения и воинские части фронтового и армейского тыла нередко были развернуты в границах войсковых тыловых районов. Для подвоза боеприпасов, горючего, продовольствия использовались боевые машины, вьюки и вручную как военнослужащими, так и местным населением. Так для войск 53-й армии 2-го Украинского фронта воинами запасного полка и местным населением было перенесено на руках только боеприпасов 220 т[4]. Писатель С. Смирнов в книге «Сталинград на Днепре» описывает такой эпизод. Колонна автомашин со снарядами застряла в грязи и не могла продолжать движение. Помочь мог только трактор, но его не было. Автомобилисты увидели идущий танк и попросили танкиста вытянуть застрявшие машины. Танкист отказался, заявив, что у него срочный пакет. Тогда лейтенант, возглавлявший колонну машин, подбежал к танку и закричал: «Я тебе приказываю! Понял? Там наша бригада, слышишь, бой ведет. Ребята последние боеприпасы тратят, а ты машины со снарядами не хочешь вытянуть. Не пропущу! Поезжай через меня! Дави!».

Но каково же было смущение лейтенанта, когда он узнал, что танкистом был командующий фронтом генерал И. Конев. Командующий похвалил лейтенанта за настойчивость, расторопность и героизм.

Иногда для подвоза боеприпасов использовалась авиация, сбрасывались на парашютах. Только войскам 1-го Украинского фронта в ходе операции самолетами было подано более 400 т. боеприпасов. В течение января – апреля 1944 г. по плану Центра фронтам было подано около 80 тыс. вагонов с материальными средствами *(Таблица 1)*.

---

[4] Тыл и снабжение Советских Вооруженных Сил. – 1964. – № 4. – С. 87, 88.

Таблица 1 – Подвоз материальных средств в ходе сражения за Правобережную Украину, т[5]

№ п/п	Наименование	1-й Украин-ский	2-й Украин-ский	3-й Украин-ский	4-й Украин-ский	Итого
1.	Боеприпасы	7300	5029	4285	4367	20 981
2.	Горючее	12 613	6203	6148	6987	31 951
3.	Продовольствие и фураж	6076	3719	2794	3267	15 856
4.	Вещевое имущество	2109	1206	578	318	4211
5.	Прочие грузы	2654	1482	1269	1085	6490
	Всего	30 752	17 639	15 074	16 024	79 489

Эти грузы от фронтовых распорядительных станций после переработки транспортов направлялись дальше, до выгрузочных станций армий или до станций снабжения дивизий, на головные участки железных дорог. Поэтому внутри фронтовые снабженческие перевозки составили во 2-м Украинском фронте (начальник тыла генерал В.И. Вострухин) – 19 475 вагонов, в 3-м Украинском (начальник тыла генерал А.И. Шебинин) – 10 483 вагона и в 4-м Украинском (начальник тыла генерал И.М. Логунов) – 12 158 вагонов.

Наряду с обеспечением боевых действий войск весной 1944 г. войска фронтов и в первую очередь соединения и воинские части тыла, участвовавшие в освобождении Правобережной Украины, выполнили большой объем работ по оказанию помощи местному населению в проведении посевной кампании. «Весной 1944 г. силами частей 1-го Украинского фронта затрачено на оказание помощи колхозам, совхозам, МТС и единоличным хозяйствам – 28 150 человеко-дней и 262 500 коне-дней. Вспахано и засеяно 55 378 га, отпущено семян зерновых культур 4839 т.

Таблица 2 – Весна 1944 г. Работы, выполненные силами войск 1-го Украинского фронта[6]

№ п/п	Области	Вспахано и засеяно, га	Отпущено семян зерновых, т
1	2	3	4
1.	Ровенская	14 401	189
2.	Каменец-Подольская	4286	2734

[5] Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. – М., 1977. – С. 132.

[6] Там же.

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
3.	Тернопольская	19 291	229
4.	Винницкая	5000	1503
5.	Станиславская	7204	154
6.	Волынская	3906	-
7.	Черновицкая	290	-
8.	Киевская	550	6
9.	Житомирская	450	-
10.	Полтавская	-	15
Итого		55 378	4839

Для колхозов и семей красноармейцев отпущено около 5000 т (*Таблица 2*) семенного картофеля, обменено зерновых семян 2420 т, вывезено на поля 21 000 т удобрений, перевезено 2825 т посевного материала. Оказана помощь в обработке индивидуальных участков свыше 8000 семей, в том числе 7500 семей красноармейцев.

Передано 9000 лошадей, 1763 жеребенка, 264 племенных жеребца, 49 племенных быков, 48 тракторов. Отпущено керосина 300 т, лигроина 120 т, масла 67 т. Отремонтировано сеялок – 250, плугов – 425, борон – 115, телег – 316, тракторов – 80». Отпущено местным организациям ветеринарных материалов (трофейных) на сумму 24 000 рублей[7] . Значительная помощь в проведении весеннего сева была оказана областям Украины тылом 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов.

Аналогичная помощь проводилась и на территории Белорусской ССР. Так, Военный совет 1-го Белорусского фронта еще 25 февраля 1944 г. принял постановление «О мерах помощи со стороны фронта в восстановлении народного хозяйства Белорусской республики». Выполняя это постановление, тыл фронта выделил местным органам власти автомашины, тракторы, горючее, лошадей, упряжь, строительные материалы и своими силами отремонтировал большое количество сельскохозяйственного инвентаря, открыл больницы, ветлазареты. Все армии и отдельные воинские части направляли без ущерба для боевых действий возможное количество людей для проведения сельскохозяйственных работ.

Летне-осенняя кампания 1944 г. началась с наступления Ленинградского и Карельского фронтов. В сентябре – октябре 1944 г. войска Ленинградского, 3-го, 2-го и 1-го Прибалтийских фронтов,

[7] ЦАМО РФ. – Фонд 236. – Оп. 174768. – Д. 2. – Л. 265, 266.

при содействии Балтийского флота освободили Прибалтику. Но главные усилия советских войск переместились в этой кампании на центральное направление советско-германского фронта, где войска 1-го Прибалтийского, 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов в период 23 июня – 29 августа 1944 г. провели Белорусскую стратегическую наступательную операцию.

Условия работы тыла в летне-осенней кампании 1944 г. продолжали оставаться напряженными. Последовательное проведение глубоких операций требовало своевременного создания необходимых запасов материальных средств на различных участках фронта и осуществление сложного маневра силами и средствами тыла как из глубины, так и по фронту. Однако необходимо отметить, что потребности фронта теперь страна удовлетворяла полностью. Выпуск военной продукции продолжал расти. В первом полугодии 1944 г. было произведено 16 тыс. самолетов, около 14 тыс. средних и тяжелых танков и самоходно-артиллерийских установок, 26 тыс. орудий калибра 76 мм и выше (без зенитных), свыше 90 млн снарядов, авиабомб, мин[8].

При подготовке Белорусской стратегической наступательной операции «Багратион» была определена потребность фронтов в материальных средствах. По расчетам Генштаба войскам надлежало направить до 400 тыс. т боеприпасов, 300 тыс. т горюче-смазочных материалов, до 500 тыс. т продовольствия и фуража[9]. С учетом переноса начала операции с 19 на 23 июня 1944 г. фронты имели необходимое количество боеприпасов и горючего *(Таблица 3)*.

Таблица 3 – Наличие боеприпасов (в боекомплектах) и горючего (в заправках) к началу операции «Багратион»[10]

№ п/п	Наименование	1-й Прибалтийский фронт	3-й Белорусский фронт	2-й Белорусский фронт	1-й Белорусский фронт
1	2	3	4	5	6
	I. Боеприпасы				
1.	76-мм снаряды ПА	3,4	3,0	2,8	4,1
2.	76-мм снаряды ДА	3,0	2,8	2,2	2,5
3.	122-мм снаряды пушечные	5,0	3,0	2,6	3,8

[8] Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. – С. 341.

[9] Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления / Г.К. Жуков. – М., 1978. – Т. 2. – С. 247, 248.

[10] Военно-исторический журнал. – 1974. – № 8. – С. 25.

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6
4.	122-мм снаряды гаубичные	5,3	3,2	2,4	2,5
5.	152-мм снаряды гаубичные	6,1	8,3	4,3	7,7
6.	152-мм снаряды для пушек-гаубиц	5,1	3,4	2,2	3,8
7.	82-мм мины	4,1	2,6	3,1	2,8
8.	120-мм мины	5,4	6,9	2,6	3,3
	II. Горючее				
1.	Автобензин	4,1	3,4	2,5	4,1
2.	Дизтопливо	7,6	6,3	6,4	7,1
3.	Авиабензин	9,2	6,2	10,2	4,0

В войсках было сосредоточено 60 – 80 % общего наличия во фронтах снарядов и мин крупного калибра. Причем, около двух боекомплектов боеприпасов было выложено на землю у огневых позиций. В связи с увеличением размаха операций объем расхода материальных средств значительно возрос. Если, например, в контрнаступлении советских войск под Курском расход боеприпасов составил 110 тыс. т, то в Белорусской операции было израсходовано 400 тыс. т боеприпасов. В контрнаступлении под Сталинградом расход горючего равнялся 229 тыс. т, а в Белорусской – 287 тыс. т[11].

В целом же действующая армия расходовала в апреле, мае и ноябре 1944 г. от 4,9 до 6,3 тыс. вагонов боеприпасов; в июле, августе, октябре – от 12,2 до 13,8 тыс. вагонов; в январе – марте 1945 г. – от 14,6 до 16,9 тыс. вагонов[12]. Подобное положение требовало повышения маневренности и мобильности в работе тыла и службы артиллерийского снабжения.

Таблица 4 – Ресурсы боеприпасов в 1944 и 1945 гг. в сравнении с 1943 г.[13]

№ п/п	Наименование	Количество боеприпасов, вагонов		
		1943 г.	1944 г.	1945 г.
1	2	3	4	5
1.	Ресурсы боеприпасов, из них поступило от промышленности	161 059	202 459	138 420
		110 313	144 002	58 577

[11] Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. – М., 1959. – С. 808.

[12] ЦАМО РФ. – Фонд 81. – Оп. 174096. – Д. 104. – Л. 29, 34, 42.

[13] Там же. – Фонд 81. – Оп. 119120. – Д. 7. – Л. 152 – 172.

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5
2.	Отпущено фронтам, из них: израсходовано (боевые потери)	104 474	117 889	44 041
		100 504	111 062	65 812
		2161	2139	1156
3.	Отпущено военным округам	1361	3902	3515
4.	Отпущено для обеспечения формирований	17 502	13 150	2449
5.	Отпущено ПВО страны	3130	1852	114
6.	Отпущено артиллерийским и танковым заводам	4606	6214	2479
7.	Отпущено вне системы НКО	1854	1809	456
8.	Резерв боеприпасов центра	39 132	54 664	85 366

Для обеспечения боеприпасами применялись как плановые подачи транспортов, так и внеплановые, производившиеся с баз центра указаниями Ставки Верховного Главнокомандования. Маневр боеприпасами велся также за счет переадресовки транспортов в пути. Генерал-лейтенант Н.А. Антипенко – заместитель командующего войсками, начальник тыла 1-го Белорусского фронта – в беседе с преподавателями кафедры войскового и армейского тыла Военной академии имени М.В. Фрунзе (Общевойсковая военная академия Вооруженных сил Российской Федерации) рассказывал: «Когда шла подготовка Белорусской операции органы управления, соединения, воинские части и учреждения фронта делали все возможное, а подчас и невозможное, путем перенапряжения человеческих сил и возможностей. Все пересчитали, несколько раз перепроверили, казалось, что можно на мгновение расслабиться, и тут в планах операции появились уточнения, новые варианты выполнения боевых задач. Мы их могли материально обеспечить, но сокращаются резервы…

Сажусь на самолет и прямо на Москву, к начальнику Тыла Красной Армии А.В. Хрулеву. Принял он меня без промедления. Выслушал внимательно. Созвал исполнителей и тут же после уточнения отдает распоряжение: такие-то транспорты с боеприпасами, горючим, другими видами материальных средств переадресовать…». Трудно было, но мы справились, сказал Николай Александрович после глубокого вздоха.

Затем Николай Александрович рассказал какие меры принимались к тому, чтобы не оставлять боеприпасы выложенные на

грунт при перемещении артиллерии. В штабе тыла фронта один из офицеров организовывал проверку районов огневых позиций и докладывал начальнику Тыла. Так, четыре армии правого крыла фронта оставили боеприпасы в 110 пунктах. Виновные были строго наказаны, а Военный совет фронта вынужден был выделить около 400 автомобилей для их вывоза и они очень нам пригодились в ходе Висло-Одерской и даже в Берлинской операциях.

В связи с ростом технической оснащенности армии в третий период войны значительно увеличился вес заправки горючего фронтов. Если, например, на 1 мая 1943 г. вес заправки автомобильного бензина действующей армии равнялся 14,5 тыс. т, то в мае 1944 г. он достиг – 19 тыс. т, а в мае 1945 г. – 27 тыс. т[14] . Это предъявляло к службе снабжения горючим, органам управления Тыла повышенные требования при организации обеспечения операций в кампаниях 1944 и 1945 гг.

Расход горючего стремительно возрастал. Если в январе – марте 1944 г. было израсходовано авиационного, автомобильного бензина и дизельного топлива 670 тыс. т, то в июне – августе их расход равнялся 1009 тыс. т. В то же время производство бензина и дизельного топлива возросло лишь на 318 тыс. т[15] .

Накопление запасов горючего во фронтах шло главным образом за счет подвоза из глубины страны. Вместе с тем осуществлялась строжайшая его экономия на местах.

Например, на 1-м Белорусском фронте лимит расхода горючего в мае и июне был уменьшен на 30 % по сравнению с апрельским лимитом. Кроме того, среднесуточный пробег автомашин составил в июле – 56 км, августе – 40 км, октябре – 23 км, ноябре – 22 км, вместо возможных 100 км. Низкое использование автотранспорта имело место даже в условиях стремительного летнего наступления. В работе войскового тыла максимально использовался гужевой транспорт, применялось буксирование машин, устанавливалась материальная ответственность за бесцельный пробег машины. В связи с высоким размахом операций и участием в них больших масс войск возросла потребность действующей армии в продовольствии. По сравнению с началом 1943 г. вес суточной дачи продовольствия действующей армии в начале 1944 г. увеличился на 15 %, а в начале 1945 г. – на 34 %.

---

[14] ЦАМО РФ.– Фонд 67. – Оп. 267215. – Д. 14. – Л. 22.
[15] Там же. – Фонд 89. – Оп. 33747. – Д. 3. – Л. 82.

Фактические размеры продовольственных запасов действующих фронтов после 1943 г. постоянно поддерживались в среднем на уровне 30 суточных дач. По состоянию на 1 мая 1945 г. обеспеченность фронтов возрасла в среднем до 40 суточных дач, а по отдельным видам продуктов (сахару, муке, крупе) – до 100 и более суточных дач[16] .

В целях улучшения снабжения в 1944 г. был установлен ряд норм для некоторой части военнослужащих. Улучшение питания шло по линии перевода отдельных контингентов военнослужащих на довольствие по повышеным категориям пайков: в июле 1944 г. слушательский и постоянный состав военно-учебных заведений был переведен на курсантский паек (норма № 9), вместо тыловой нормы № 3. Воинские части ПВО, гвардейские минометные части и авиация дальнего действия, расположенные в тыловых военных округах, были переведены на нормы действующей армии. По этим же нормам стали обеспечиваться и вновь формируемые воинские части, а также находившиеся на переформировании и в резерве Ставки. Улучшилось питание раненых и больных в госпиталях тыла страны. С июня 1944 г. для тыловых госпиталей был создан 20-суточный переходящий запас продовольствия.

В военных действиях 1944 г. продовольственная служба Красной Армии обеспечивала наступающие войска в любых климатических условиях, в любое время года. Обеспечивались не только войска фронтов, но и стратегические резервы Ставки ВГК, не только советские войска, но и войска иностранных формирований, воинские части польских пехотных дивизий, одна румынская пехотная дивизия, три польские танковые бригады, три стрелковые и одна танковая бригада Чехословакии, французский авиационный полк и др. Обследуя в июне 1944 г. 1-ю Польскую армию, начальник штаба Тыла Красной Армии генерал-лейтенант М.П. Миловский доносил начальнику Тыла Красной Армии А.В. Хрулеву: «Польская армия хорошо питается. Никаких жалоб на питание ни один польский солдат не заявлял при многочисленных опросах и беседах»[17] .

Вещевым имуществом войска действующей армии были обеспечены полностью. Большое значение имел своевременный ремонт обмундирования и обуви. Всего за 1944 г., включая ремонт в войс-

---

[16] ЦАМО РФ. – Фонд 86. – Оп. 34009. – Д. 115. – Л. 69.
[17] Там же. – Фонд 67. – Оп. 20087. – Д. 368. – Л. 48.

ковых частях и учреждениях, было отремонтировано 8,1 млн шинелей, около 16 млн комплектов хлопчатобумажного обмундирования, 27,5 млн пар обуви кожаной и свыше 13,3 тыс. вагонов теплых вещей[18] .

Положительное значение при накоплении ресурсов имело дальнейшее снижение боевых потерь вещевого и обозного имущества. Если потери вещевого имущества в 1942 г. принять за 100 %, то в последующие годы войны они составили в среднем: 1943 г. – 53 %, в 1944 г. – 45 %, в 1945 г. – 30 %[19] . Однако качественное состояние вещевого имущества было весьма невысоким. Большое количество обмундирования и обуви было негодным или требовало капитального ремонта.

Военно-медицинская и ветеринарная службы проводили большую работу по развертыванию эвакуационно-лечебных учреждений, освобождению их от раненых и больных с тем, чтобы в ходе операции более эффективно использовать свои силы и средства.

Белорусская операция в вопросах тылового обеспечения имела свои особенности. Глубина тыловых районов фронтов, принимавших участие в операции, была определена директивой Генерального штаба в зависимости от конкретной обстановки, задач и условий местности. Например, 1-му Белорусскому фронту она была установлена 300 – 600 км, а остальным до 250 км.

Фронтовой тыл в исходном положении для наступления был развернут в два, три и даже четыре эшелона (1-й Прибалтийский фронт). Особое внимание уделялось подготовке тыла к обеспечению танковых армий, танковых корпусов, конно-механизированных групп, войск, которые должны были вводиться в прорыв и действовать в глубине обороны противника. В этих целях выдвигались вперед и располагались на грунте головные отделения фронтовых баз с запасами боеприпасов, горючего, продовольствия и зернофуража. Выделялся автомобильный транспорт, который был заранее загружен и находился в готовности следовать с подвижными группами в прорыв.

Особое внимание уделялось восстановлению мостов через водные преграды. Перечень высоководных мостов, подлежащих строительству и восстановлению в границах от линии Новосоколь-

---

[18] ЦАМО РФ. – Фонд 87. – Оп. 107442. – Д. 4. – Л. 8.

[19] Там же. – Фонд 87. – Оп. 120370. – Д. 470. – Л. 81.

ники, Витебск, Орша, Могилев, Гомель до бывшей государственной границы 1939 г. был утвержден начальником Тыла Красной Армии генералом А.В. Хрулевым. Центральный аппарат тыла принимал все меры, чтобы увеличить доставку материальных средств фронтам в ходе операции. В июле – августе было подвезено 48 280 вагонов различных грузов[20] .

Все эти меры позволили своевременно обеспечить войска боеприпасами, горючим, продовольствием и другими видами материальных средств для выполнения задач поставленных фронтам.

В ходе Белорусской операции, характерной динамизмом боевых действий дальнейшее развитие получила организация управления тылом. Во фронтах создавались оперативные группы. Одна из них, обычно во главе с заместителем начальника тыла фронта, находилась при первом эшелоне полевого управления фронта. Тыловым пунктом управления руководил начальник тыла фронта. Оперативная группа во главе с офицером штаба тыла занималась организацией тылового обеспечения подвижных групп фронта. Такая организация управления силами и средствами тыла фронта позволяла эффективно реагировать на изменение обстановки в ходе боевых действий.

С переносом боевых действий на территорию стран Восточной Европы перед Тылом Красной Армии возникли новые задачи, связанные с особенностями использования железных дорог, которые отличались от общесоюзной шириной колеи. В этих условиях было важно определиться, на какую колею восстанавливать железные дороги – на союзную 1524 мм или западноевропейскую 1435 мм. При нашей колее значительно возрастала потребность в подвижном составе, положение с которым и без того было напряженным (парк вагонов за годы войны уменьшился на 16 %, локомотивов – на 10 %). При западноевропейской можно было использовать подвижной состав этих государств, но требовалось срочно создавать мощные перегрузочные базы на стыках разной колеи.

Военный совет 1-го Белорусского фронта и ЦПУ ВОСО считали, что в полосе каждого фронта необходимо иметь одно направление на колее 1524 мм, по которому бы шел поток грузов из глубины нашей страны, а на других – колею 1435 мм с тем, чтобы

[20] Военно-исторический журнал. – 1974. – № 8. – С. 27.

использовать трофейный подвижной состав. Осенью 1944 г. Военный совет 1-го Белорусского фронта дважды обращался в ГКО, однако такое решение состоялось только 29 января 1945 г. Аналогичные решения были даны всем фронтам. Однако к этому времени восстановители продвинулись далеко на запад. Вот как об этом рассказал бывший начальник тыла 1-го Белорусского фронта генерал Н.А. Антипенко «… пришлось возвращать железнодорожные войска и потребовать от них новых, прямо таки не человеческих усилий…»[21] .

Предстояло по новому проводить заготовки сельскохозяйственных продуктов; содействовать восстановлению разрушенного войной хозяйства на территории государств, освобожденных от немецкой оккупации; оказывать помощь местному населению, обеспечивать всем необходимым репатриированных граждан и вызволенных из лагерей военнопленных различных стран.

Для оказания помощи народам освобожденных стран в восстановлении промышленности, налаживании работы транспорта, ремонтных учреждений решениями ГКО при начальнике Тыла Красной Армии были созданы специальные управления – органы руководства. Так, для восстановления и организации работы нефтяных районов Румынии создавалось управление (вначале группа), в работе которого участвовали специалисты Управления снабжения горючим Красной Армии и Главнефтесбыта. Восстановление Домбровского, Верхне-Силезского и Нижне-Силезского угольных бассейнов организовано управлением угольными бассейнами в Силезии (начальник генерал-лейтенант М.П. Миловский).

Особенностью тылового обеспечения войск в Висло-Одерской операции явилось приближение оперативного и войскового тыла к переднему краю. Это обусловливалось устойчивостью положения наших войск, и их превосходством над противником, что гарантировало части и учреждения тыла от всяких неожиданностей. Кроме того, такое решение диктовалось необходимостью создания благоприятных условий для войск при прорыве ими тактической зоны обороны противника и выхода их на оперативный простор, когда, как правило, был наибольший расход боеприпасов и наибольшее количество санитарных потерь *(Таблица 5)*.

---

[21] Антипенко, Н.А. На главном направлении / Н.А. Антипенко. – М., 1977. – С. 219.

Таблица 5 – Санитарные потери войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов в Висло-Одерской наступательной операции (12.01 – 7.02.1945 г.)[22]

№ п/п	Фронты	Раненые, контуженные, чел.	Обожженные, чел.	Обмороженные, чел.	Больные, чел.	Всего, чел.
1.	1-й Белорусский	69 611	314	116	8401	78 442
2.	1-й Украинский	80 081	272	197	13 115	93 665
	Итого	149 692	586	313	22 516	173 107

Наступление советских войск началось и проходило успешно. Вместо запланированного темпа наступления 15 – 16 км в сутки войска за первые четыре дня продвинулись на 100 км, в последующие дни темп наступления возрос до 33 км в сутки. Танковые армии иногда продвигались на 70 – 80 км в сутки.

При выходе войск 1-го Белорусского фронта к Одеру фронтовой тыл растянулся на 500 км, после перегруппировки четырех армий для отражения возможного контрудара противника со стороны Восточной Померании обеспеченность советских войск материальными средствами была низкой, и только благодаря наличию резерва Ставки и начальника тыла фронта, своевременному маневру ими удалось обеспечить войска на новом операционном направлении.

Все это положительно сказалось на успешном завершении Висло-Одерской и Восточно-Померанской операций, которые вошли в историю Великой Отечественной войны как пример удачного маневра силами и средствами тыла.

В ходе Берлинской и Пражской операций был использован весь накопленный опыт работы тыла. При подготовке наступления органы тыла решали одновременно несколько задач: обеспечивать войска, совершающие перегруппировки и ведущие боевые действия, осуществлять собственное перестроение в соответствии с замыслом операции и накапливать запасы материальных средств.

В Берлинской операции расход боеприпасов по сравнению с ранее проведенными был исключительно высоким – 0,5 – 0,8 боекомплекта в сутки. Задача состояла в том, чтобы своевременно доставлять боеприпасы нужных калибров на огневые позиции

---

[22] Основные показатели работы тыла Советских Вооруженных Сил в операциях Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. – С. 246.

артиллерии и в боевые порядки танковых и механизированных войск первого эшелона. Так, на подвозе боеприпасов для соединений и частей 1-го Белорусского фронта одновременно работало 3 тыс. автомашин фронтового, армейского и войскового подчинения[23].

Расход горюче-смазочных материалов в Берлинской операции был достаточно высоким *(Таблица 6)*.

Таблица 6 – Наличие горючего в войсках 2-го Белорусского, 1-го Белорусского, 1-го Украинского фронтов и его расход в Берлинской операции[24]

№ п/п	Наименование горючего	Наличие на 16.04.1945 г.		Расход 16.04 – 08.05.1945 г.		Наличие на 08.05.1945 г.	
		т	Заправок	т	Заправок	т	Заправок
1.	Высокооктановые бензины	28 899	9,5	32 781	10,0	23 015	6,5
2.	Бензины Б-70, КБ-70	7891	6,7	4734	3,7	6752	4,9
3.	Автобензин	56 114	4,1	71 573	5,2	43 077	3,1
4.	Дизтопливо	18 726	5,0	11 057	2,8	17 288	4,0
5.	Керосин, лигроин	6752	9,8	2289	3,3	5292	7,8

Во время штурма Берлина в непосредственной близости от города развернулись резервные армейские госпитали. Для эвакуации раненых и особенно их розыска среди развалин в городе были созданы специальные команды из санитаров и выделенных бойцов. Это позволило обеспечить быструю доставку раненых и больных в госпитали. Так, в 1-м Белорусском фронте более 68 % раненых было вынесено с поля боя в первые же два часа после ранения[25].

Потери личного состава в ходе Берлинской операции составили: 2-й Белорусский фронт 59 110 чел., 1-й Белорусский фронт – 179 490 чел., 1-й Украинский фронт – 113 825 чел., Днепропетровская военная флотилия – 27 чел.[26]. В том числе санитарные потери (*Таблица 7*).

[23] Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. – С. 1504.

[24] Основные показатели работы тыла Советских Вооруженных Сил в операциях Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. – С. 253.

[25] Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. – С. 151.

[26] Гриф секретности снят. – М., Воениздат, 1993. – С. 219.

Таблица 7 – Санитарные потери 1-го и 2-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов и Днепропетровской военной флотилии в Берлинской операции (16 апреля – 8 мая 1945 г.)[27]

Фронты	Санитарные потери				
	Раненые и контуженные	Обожжен-ные	Обморожен-ные	Больные	Всего
1-й Белорусский	113 881	474	-	15 104	129 459
1-й Украинский	60 312	297	1	15 409	85 019
2-й Белорусский	21 029	42	1	60 135	31 209
Днепропетровская военная флотилия	6	3	-	2	11
Всего					245 698

Особенностью Пражской операции в тыловом отношении явились повышенный расход горючего в период выдвижения войск, а также организация питания личного состава. Дозаправка техники и прием пищи осуществлялись на коротких остановках. Особого внимания заслуживает работа Тыла Красной Армии по выполнению решения Советского правительства об оказании на заключительном этапе войны в Европе, помощи национальным воинским частям и соединениям союзных и дружественных стран, и особенно продовольствием населению стран, освобожденных от немецкой оккупации.

Народное хозяйство страны через Тыл Вооруженных Сил обеспечивало всем необходимым национальные соединения и воинские части союзных и дружественных стран при их формировании на территории СССР и ведении боевых действий против общего врага. Всего национальным армиям Польши, Чехословакии, Югославии и других государств передано: 900 тыс. винтовок, карабинов и автоматов, 40 627 пулеметов, 16 502 орудия и миномета, 2346 самолетов, 1124 танка и САУ, свыше 900 тыс. т продовольствия, большое количество боеприпасов, различного имущества и снаряжения[28] .

В заключительных операциях органам Тыла Вооруженных Сил приходилось решать и новые, несвойственные им задачи. По решению Советского правительства на тыл возлагалась ответственность

[27] Основные показатели работы тыла Советских Вооруженных Сил в операциях Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. – М. 1970. – С. 268.

[28] Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. – С. 499.

за оказание помощи продовольствием населению таких городов, как Берлин, Вена, Будапешт, Белград, Прага и др. Особенно остро встал вопрос об обеспечении продовольствием населения Берлина, пленных немецких солдат и офицеров. Кроме того, органы тыла обеспечивали продовольствием 1 млн репатриированных советских, английских, французских, американских, польских, чешских, югославских и граждан других государств. Их нужно было накормить, одеть, оказать медицинскую помощь, транспортировать, тогда как органы тыла не имели для этих целей специального аппарата, да и свободных сил и средств.

Особого внимания заслуживает работа органов Тыла Красной Армии по выполнению решений правительства об оказании на заключительном этапе войны в Европе помощи, и особенно продовольствием, населению многих стран Европы, освобожденных от немецко-фашистской оккупации. Сразу же после освобождения столицы Польши Варшавы ее жителям в качестве безвозмездного братского дара от советского народа было передано 60 тыс. т хлеба, большое количество жиров, сахара, овощей, сухих фруктов[29]. Значительная помощь продовольствием была оказана и другим городам Польши. Советское командование передало властям Вроцлава 5,5 тыс. т муки[30]. Помимо этого осенью 1944 г. советским командованием было передано польскому народу 11 500 т муки, 1540 т мыла, 4950 т соли, 60 т чая, 15 млн коробок спичек и т.д.[31], а также большое количество сахара, жиров, круп и других продуктов питания. Продовольственная помощь Советского Союза освобожденной Польше дала возможность ее народу избежать голода и приступить к восстановлению разрушенной немецко-фашистскими оккупантами экономики своей страны.

По согласованию с временным правительством Польской республики органы Красной Армии оказали помощь в восстановлении работы угольной, металлургической, шерстяной, трикотажной, швейной, кожевенной, обувной и других отраслей промышленности. Советский Союз не только оказал техническую помощь, но и предоставил народной Польше сырье, полуфабрикаты и некоторые изделия, а также оказал помощь в деле организации руководства промышленностью.

[29] Известия. – 1945. – 2 февраля.
[30] ЦАМО РФ. – Фонд 587. – Оп. 14081. – Д. 8. – Л. 46.
[31] Там же. – Фонд 67. – Оп. 198025. – Д. 328. – Л. 13.

На вооружение и оснащение Войска Польского по состоянию на 1 мая 1945 г. было отпущено 700 тыс. винтовок, карабинов и автоматов, более 1800 автомашин, свыше 3,5 тыс. орудий, 1 тыс. танков, 1200 самолетов и много других видов вооружения и техники[32].

В апреле 1945 г. советское командование передало городскому самоуправлению Вены 7000 т хлебного зерна, 500 т кукурузы, 1000 т фасоли, 1000 т гороха, 200 т сахара, 300 т мяса, 200 т масла[33]. Австрийский народ принял этот дар Советского государства с огромным удовлетворением. В резолюции собрания рабочих и служащих одной из венских фабрик, адресованной Советскому правительству, говорилось: «Рабочие и служащие фабрики с неописуемой радостью восприняли весть о великодушном акте Советского правительства… Красная Армия не только дала нам свободу, она дает нам и насущный хлеб. Планы гитлеровского фашизма заморить голодом австрийский народ рушатся. Мы благодарим Красную Армию и Советское правительство и клянемся сделать все для того, чтобы до конца искоренить нацизм в Австрии»[34].

Большая помощь Советским Союзом была оказана народам Югославии. Еще до вступления наших войск на территорию Югославии только за период февраль – октябрь 1944 г. советскими самолетами было сброшено в партизанские районы 1000 т продовольствия, обмундирования, вооружения, медикаментов. После выхода наших войск на югославскую территорию в соответствии с решением Советского правительства для помощи остро нуждающемуся населению Белграда и других городов к началу декабря 1944 г. было привезено и передано Югославии 53 тыс. т зерна, в том числе 17 тыс. т в Белград[35] . Первые 800 т зерна были доставлены в Белград 19 октября – в этот день войска 4-го механизированного корпуса вступили в город. Народное управление города еще не было организовано. Поэтому тылу фронта пришлось организовывать размол зерна на муку, а для этого предварительно отремонтировать мельницы, городскую электростанцию, организовать добычу угля и его доставку на электростанцию. Затем встал вопрос о выпечке хлеба. В городе не было запасов соли, не работал водопровод. Для

[32] Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. – М., 1970. – С. 485.

[33] ЦАМО РФ. – Фонд 246. – Оп. 37385. – Д. 4. – Л. 75.

[34] Там же. – Фонд 243. – Оп. 195720. – Д. 12. – Л. 157.

[35] Там же. – Фонд 67. – Оп. 20089. – Д. 564. – Л. 141.

выпечки использовалось 1200 частных хлебопекарен, на которые вода доставлялась в цистернах воинами Красной Армии.

На 25 декабря 1944 г. Югославии было передано 53 587 т зерна и муки – на 3587 т больше, чем было определено постановлением ГКО. К этому же сроку были доставлены и переданы Народно-освободительной армии Югославии 350 самолетов, более 4 тыс. орудий и минометов, 65 танков Т-34, 500 крупнокалиберных пулеметов, около 53 тыс. винтовок и карабинов, около 67 тыс. автоматов, ручных и станковых пулеметов и много других материальных средств[36].

9 ноября 1944 г. югославская газета «Политика» писала: «Братский советский народ пришел на помощь нашему народу. Советское правительство послало нашему народу 50 тыс. т зерна. Народный Комитет Освобождения Югославии решил передать Белграду 14 тыс. т зерна, благодаря чему он будет обеспечен хлебом на четыре месяца – по 400 г на человека ежедневно».

После освобождения советскими войсками Чехословакии Советское правительство передало Чехословацкой республике 9000 т зерна для снабжения населения Праги, 4400 т хлеба и 375 т сахара для населения Брно, 3600 т хлеба, 325 т сахара и 125 т соли для населения города Моравска-Острава[37]. В результате оказанной помощи нормы выдачи продовольствия населению этих городов были повышены на 30 – 40 процентов[38].

Советский народ оказывал всемерную братскую помощь и народам Венгрии, Румынии, Болгарии, а также Германии, продовольственные запасы которых были разграблены гитлеровцами. В период боев в Будапеште наше военное командование выделило 15 т хлеба, 10 т крупы, 400 кг мяса и других продуктов для снабжения приюта детей, оставшихся без родителей[39]. Много детей было спасено от голодной смерти советскими солдатами, которые кормили их из полевых армейских кухонь. После освобождения столицы Венгрии советским командованием было передано населению 800 грузовиков с продовольствием, а также горючее для автомашин[40]. В конце октября 1944 г. командование советских войск отпустило для населения венгерского города Сегед 100 вагонов пшени-

[36] Советский тыл в Великой Отечественной войне: кн. 1. – С. 64.
[37] ЦАМО РФ. – Фонд 4459. – Оп. 1. – Д. 3312. – Л. 183.
[38] Там же. – Фонд 236. – Оп. 250385. – Д. 7. – Л. 35.
[39] Там же. – Фонд 243. – Оп. 125702. – Д. 3. – Л. 18.
[40] Там же. – Фонд 243. – Оп. 195702. – Д. 3. – Л. 19.

цы, 10 т сахара, 34 вагона угля, 2000 кг табака[41]. Весной 1945 г., когда венгерский народ, ограбленный оккупантами, оказался под угрозой голода, Советское правительство передало для городов Венгрии 15 тыс. т хлеба, 3 тыс. т мяса, 2 тыс. т сахара[42]. Болгарский народ после освобождения получил из Советской страны 130 тыс. т зерна[43].

Актом величайшего гуманизма явилось решение Советского правительства об оказании немедленной продовольственной и иной помощи голодающему населению Германии.

На последнем этапе войны организованное снабжение продуктами питания немецких городов было парализовано. Население фактически было лишено возможности жить и работать. Как справедливо указывала швейцарская газета «Люцернер тагблатт» от 12 апреля 1945 г., «руководители фашистской партии своим безумным решением продолжать до конца уже проигранную войну поставили немецкий народ под угрозу голодной смерти»[44].

Подвоз продовольствия в немецкую столицу с населением около 3 млн человек прекратился за 2 – 3 месяца до вступления войск Красной Армии, а за 10 – 15 суток не выдавался даже хлеб. Уже 9 мая 1945 г. в поверженный Берлин прибыли член ГКО А.И. Микоян и начальник Тыла Красной Армии А.В. Хрулев для организации снабжения населения города всем необходимым. Сложнейшая проблема была решена исключительно оперативно.

Советским командованием сначала были установлены для жителей Берлина временные нормы снабжения, а 11 мая 1945 г. согласно постановлению ГКО было принято решение обеспечить Берлин на пять месяцев, то есть до сбора нового урожая, продуктами питания и ввести с 15 мая повышенные нормы. Было запланировано отпустить: зерна для выработки крупы и муки – 105 тыс. т, мясопродуктов – 18 тыс. т, жиров – 4,5 тыс. т, сахара – 6 тыс. т, а также большое количество картофеля, соли, кофе и других продуктов. Только тылом 1-го Белорусского фронта населению Берлина было передано 50 тыс. т картофеля. Нормы снабжения населения немецких городов на ряд продуктов, в том числе на хлеб, были

---

[41] ЦАМО РФ. – Фонд 240. – Оп. 16392. – Д. 12. – Л. 259.

[42] Немеш, Деже. Освобождение Венгрии / Деже Немеш; пер. с венгерского. – М., 1957. – С. 181.

[43] Димитров, Георгий. Избранные произведения / Георгий Димитров. – М., 1957. – Т. 2. – С. 479.

[44] ЦАМО РФ. – Фонд 4459. – Оп. 1. – Д. 4143. – Л. 55.

установлены значительно выше, чем при гитлеровском режиме. Советское командование проявляло особую заботу о питании детей. Постановлением Военного совета 1-го Белорусского фронта от 31 мая 1945 г. было предусмотрено: «1. Организовать снабжение молоком детей до 8-летнего возраста за счет: а) использования молочных ресурсов пригородов Берлина в количестве ежедневно 70 тыс. л молока; б) передачи из трофейного скота 5 тыс. голов дойных молочных коров для размещения на молочных пунктах в районах Берлина…»[45].

Жители Берлина были поражены таким гуманным отношением армии-победительницы и выразили ей искреннюю благодарность.

Электромонтер Трюмберг заявил на собрании рабочих: «Кошмарные недели остались позади. Нацисты пугали нас, что русские отправят всех немцев в вечное рабство, в холодную Сибирь. Теперь мы видим, что это была наглая ложь. Мероприятия советского командования показывают, что русские не собираются оскорблять и уничтожать нас. У меня опять появилась перспектива в жизни»[46] .

Продовольственная помощь Советским Союзом была оказана также населению других немецких городов. По состоянию на июнь 1945 г. для снабжения Дрездена Советским правительством было отпущено: муки 3000 т, крупы 300 т, мяса 450 т, жиров 225 т, сахара 300 т, кофе 50 т, картофеля 7500 т[47].

Кроме того, Тыл Красной Армии взял на снабжение около 1 млн репатриированных граждан СССР и союзных государств, несколько сотен тысяч военнопленных. Всего по решению ГКО в 1944 г. и в первой половине 1945 г. населению восточноевропейских государств из резерва фронтов безвозмездно было передано: зерна и хлебопродуктов – 572 тыс. т, мясопродуктов – 60 тыс. т, сахара – 90 тыс. т, жиров – 3 тыс. т, картофеля и овощей – 146 тыс. т[48].

Таким образом, несмотря на то что наш народ сам испытывал в то время большие трудности в снабжении продовольствием, он немедленно пришел на помощь народам ряда стран, в том числе бывших вражеских государств, делился с ними по братски всем тем, что имел в своем распоряжении.

---

[45] Коммунист. – 1975. – № 4. – С. 71 – 73.
[46] Правда. – 1945. – 19 мая.
[47] ЦАМО РФ. – Фонд 236. – Оп. 425299. – Д. 6. – Л. 30.
[48] Там же. – Фонд 87. – Оп. 107442. – Д. 4. – Л. 12.

Особенно большое значение имела помощь советских войск освобожденным европейским государствам в проведении сева весной 1945 г. Выполнение этой задачи было сопряжено с большими трудностями. В это время в тыловом районе войск 1-го Белорусского фронта, восточнее реки Одер (Одра), местное население практически отсутствовало. Поэтому Военный совет 1-го Белорусского фронта, несмотря на большую занятость подготовкой наступательной операции, нашел время рассмотреть и эти весьма важные вопросы. Специальным постановлением от 1 апреля 1945 г. было предусмотрено организовать и провести сев зерновых и технических культур, картофеля и овощей на площади 250 тыс. га пахоты.

Всю работу по организации и проведению сева было приказано взять на себя войскам фронта и военным комендатурам. В постановлении Верховного Совета указывалось, что из 250 тыс. га земли войска должны освоить около 130 тыс. га. Остальная площадь должна быть освоена силами и средствами местного населения и репатриированных граждан. Были установлены плановые задания каждой армии и отдельным корпусам по проведению весеннего сева в крайне сжатые сроки на территории расположения их войск. Руководство севом возлагалось на интенданта фронта, а непосредственно выполнение этого задания – на начальника отдела заготовок продовольствия. Войска проводили сев обычно в прифронтовой полосе. В более отдаленных районах сев организовывали и провели советские военные комендатуры. Для посевной кампании весной 1945 г. фронтом было выделено свыше 18 тыс. солдат и офицеров, 165 тракторов, 16 тыс. лошадей, 1310 волов, отпущено 10 тыс. т семенного зерна и 350 т горючего. Это позволило в короткий срок завершить сев зерновых и посадку картофеля и овощей. Войска перевыполнили контрольные цифры весеннего сева, установленные Военным советом фронта. К 5 мая 1945 г. было засеяно 261 072 га, в том числе войсками – 163 612 га, то есть на 33 тыс. га больше, чем было предусмотрено планом.

Все это потребовало небывалых материальных и финансовых затрат. Для обеспечения Вооруженных Сил в годы войны израсходовано 582,4 млрд рублей, что составило 50,8 % всех расходов государственного бюджета[49]. Таков вклад экономики страны в победу над Германией.

На всем протяжении войны, даже в наиболее критические ее периоды, политическое и военное руководство Советского Союза

[49] Тыл Советской Армии. – М.: Воениздат, 1968. – С. 273.

внимательно следило за наличием материальных ресурсов. В книге «От Сталина до Ельцина» Н.К. Байбаков пишет так: «Руководство страны заглядывало дальше, заботясь, чтобы после войны страна не оказалась обескровленной, не способной на сопротивление… Мы должны были закончить войну, сохранив потенциал страны для быстрого и решающего роста экономики».

Что касается вооружения и боевой техники, то к концу войны в Советском Союзе имелось: 35,2 тыс. танков и САУ – в 1,6 раза больше, чем к началу Великой Отечественной войны; боевых самолетов 47,3 тыс. единиц – превышение в 2,4 раза; орудий и минометов 321,5 тыс. – в 2,9 раза больше, чем в начале войны. Государственные резервы характеризовались данными *(Таблица 8)*.

Таблица 8 – Материальные резервы Советского Союза в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

Виды резервов	Рост запасов по отношению к их объему на 1 января 1941 г., %			
	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Хлеб	107,7	122,5	93	137,8
Мясные консервы	108,3	94,5	117,3	141,2
Сахар	54,6	286	11,3	20,7
Медь	30,2	19,9	53,3	60,3
Цинк	80,2	67,2	215,5	226,2
Олово	112,8	300,0	382,9	468,0
Никель	200,0	300,0	533,3	466,6
Каучук натуральный	273,3	313,3	120,0	101,3
Автобензин	249,9	109,5	52,4	117,8
Уголь	79,2	51,6	55,7	42,7

Все достижения советской экономики в годы Великой Отечественной войны были бы невозможны без подлинного героизма людей, которые работали не жалея сил, не считаясь со временем, часто в очень тяжелых условиях, проявляя исключительную стойкость и упорство в выполнении поставленных задач, в освоении новых для себя профессий. Лишь благодаря самоотверженности тружеников тыла удалось сравнительно быстро преодолеть все сложности перестройки экономики СССР на военный лад и затем непрерывно наращивать производство вооружения всем необходимым для достижения победы.

Таким образом, в ходе Великой Отечественной войны экономическая система Советского Союза прошла суровую школу и,

несмотря на огромные трудности, выдержала величайшие испытания военного времени.

Ратные и трудовые подвиги воинов Тыла Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны были высоко оценены государством: 52 из них присвоено звание Героя Советского Союза и более 30 – Героя Социалистического Труда. Многие десятки тысяч генералов, офицеров, сержантов и солдат различных служб тыла награждены орденами и медалями. Большое число тыловых частей и учреждений награждено орденами, удостоено звания гвардейских и получило почетные наименования.

Великая Отечественная война со всей убедительностью подтвердила то, что «для ведения войны по настоящему необходим крепкий организованный тыл». Война показала также необходимость наличия в Вооруженных Силах централизованной системы управления тылом. Созданная в начале войны, она продолжала совершенствоваться в ходе военных действий в направлении большей концентрации усилий тыловых органов для решения все возрастающего объема сложных задач.

Заблаговременное создание материальной базы – накопление боеприпасов, горючего, продовольствия и их правильное эшелонирование – создавало благоприятные условия для материального обеспечения войск в ходе операций. Это положение нашло свое развитие при подготовке всех успешно проведенных операций.

Опыт Великой Отечественной войны подтвердил, что успех работы Тыла Красной Армии в военное время во многом зависит от соответствия теории тылового обеспечения официальным положениям по ведению боя, операций и войны в целом. В ходе войны был приобретен весьма ценный опыт по взаимодействию органов Тыла Красной Армии с народнохозяйственными органами в области планирования материального, технического и медицинского обеспечения Вооруженных Сил, особенно по восстановлению коммуникаций, заготовкам из местных ресурсов, использованию в интересах действующей армии промышленных, ремонтных, медицинских и других местных предприятий и учреждений.

Великая Отечественная война также показала, что при определенных условиях силы и средства тыла действующей армии могут привлекаться и для оказания всесторонней помощи народному хозяйству. В годы минувшей войны, особенно в завершающем ее периоде, наш тыл выполнил значительный объем различных работ в интересах народного хозяйства. Силами и средствами тыла

производилась заготовка угля и торфа, вывоз хлопка и зерна, строительство фабрик и заводов, изготавливалось вооружение, обмундирование, обувь и т.д., проведена огромная работа по восстановлению сельского хозяйства освобожденных от оккупации районов. Только автотранспортом Вооруженных Сил перевезено для народного хозяйства более 21 млн т различных грузов[50]. Силами войск было построено много жилых домов в освобожденных от врага населенных пунктах.

Министр Вооруженных Сил СССР в своем приказе № 38 от 25 августа 1946 г. указывал: «В Великой Отечественной войне личный состав органов тыла – интенданты, медицинские работники, автомобилисты, дорожники, работники военных сообщений, службы снабжения горючим и ветеринары – успешно справились с поставленными перед ними задачами по обеспечению фронта. Личный состав органов тыла достойно выполнил свой долг перед Родиной».

Вещиков Петр Иванович, *кандидат военных наук, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИВИ МО РФ, полковник в отставке.*

УДК 94(476)

А.А. Носова

РАБОТА СБОРНО-ПЕРЕСЫЛЬНЫХ ПУНКТОВ НКО СССР В БЕЛОРУССКОЙ ССР

В статье рассматривается процесс создания и функционирования сборно-пересыльных пунктов Народного Комиссариата Обороны (далее СПП НКО) СССР. Автор анализирует бытовые условия содержания репатриированных советских граждан на пунктах, находившихся на территории БССР, питание, медицинское обслуживание репатриантов, а также основное направление деятельности СПП – механизм проверки.

Ключевые слова: репатриация, фильтрация, комиссия, контрразведка, здравоохранение, НКВД, военный округ, дезинфекция.

Важная роль в проведении процесса репатриации отводилась армейским структурам. Следует отметить, что создание и функ-

[50] Тыл Советской Армии. – С. 283.

ционирование СПП проходило в сложных условиях перехода страны, в том числе и армии на мирные рельсы. В связи с этим проводилось переформирование военных округов. Зачастую получалось так, что один округ уже сложил свои обязанности, а другой еще не мог в полной мере заниматься вопросами деятельности СПП, что отрицательно сказывалось на их работе.

Белорусский военный округ (БВО) был создан в октябре 1943 г. (штаб – Смоленск, с августа 1944 г. – Минск). С декабря 1944 г. по июль 1945 г. именовался Белорусско-Литовским (занимал территорию Белоруссии и Литвы), а с 9 июля 1945 г. по 26 января 1946 г. был разделен на 2 округа – Минский и Барановичский (штаб в Бобруйске). Округ занимал территорию БССР и подчинялся Главкому Западного направления [1, с. 7]. До марта 1946 г. и с марта 1949 по апрель 1960 гг. Белорусский (Барановичский) военный округ возглавлял Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, с апреля 1946 г. по март 1949 г. – генерал-полковник С.Г. Трофименко [1, с. 16].

Сборно-пересыльные пункты были созданы в соответствии с Постановлением ГКО от 16 июня 1945 г., а также совместным Постановлением СНК и ЦК КП(б)Б от 23 июня 1945 г. «О мероприятиях по организации встречи, сопровождения и трудоустройства репатриируемых советских граждан» [2, с. 190]. Они располагались вдоль западной границы СССР. Всего было создано 35 пунктов НКО [3, с. 14]. 11 из них действовали на территории БССР: в Гродненской (Гродно – 3, Мосты – 1, Волковыск – 1), Брестской (в Бресте – 2, Березе – 2, Бронной Горе – 1) и Барановичской (на станции Лесная – 1) областях [2, с. 7].

Основной задачей, стоящей перед СПП, была организация проверки и учета репатриированных советских граждан. 14 мая 1945 г. нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия издал приказ № 00474 «О проверке и фильтрации освобождаемых нашими войсками советских граждан на фронтовых сборно-пересыльных пунктах». В соответствии с ним на СПП были организованы проверочно-фильтрационные комиссии из представителей НКВД СССР (председатель комиссии), контрразведки НКО «Смерш» и НКГБ СССР (члены комиссии). Срок проверки был установлен не более 1 – 2 месяцев. Всех проверенных на сборных пунктах предлагалось направлять: а) всех мужчин призывного возраста и бывших военнослужащих Красной Армии, не вызывающих подозрений, в распоряжение военного командования; б) гражданских лиц, не вызывающих подозрений и не подлежащих направлению в Красную Армию, к месту их

постоянного жительства. Но жителей пограничной полосы – Литовской ССР, БССР, УССР и Молдавской ССР следовало направлять в места их постоянного жительства только через соответствующие пограничные ПФП; в) бывших военнослужащих Красной Армии и мужчин призывных возрастов, служивших в немецких воинских формированиях, полиции и власовских частях, направлять в ПФЛ НКВД для дальнейшей их проверки; г) лиц, в отношении которых были получены достаточные данные об их вражеской работе, следовало арестовывать и направлять в соответствующие органы НКВД-НКГБ или НКО «Смерш» по месту совершения преступления или постоянного жительства для ведения следствия; д) остальных лиц, вызывающих подозрение, но не подвергаемых аресту в связи с недостаточностью материалов, направлять по месту постоянного жительства с пересылкой личных фильтрационных дел в соответствующие органы НКВД. Их брали на оперативный учет [2, с. 164 – 166].

С января 1945 г. репатриантов стали делить на семь категорий. В системе НКВД был создан специальный отдел «Ф» под руководством генерала П.А. Судоплатова, ответственный за проверку и фильтрацию советских и зарубежных репатриантов [2, с. 8].

Поступление репатриантов ожидалось с 15 июля 1945 г., но к 13 июля СПП еще не были подготовлены к их приему. Проблемы с благоустройством пунктов, медицинским обслуживанием репатриантов и многие другие были на протяжении всего периода их работы. СПП размещались в казармах военных городков, зданиях школ, сараях, навесах, гаражах [4, л. 19]. В некоторых пунктах люди находились в землянках, шалашах из одеял [5, с. 448, 459].

До сентября 1945 г. на СПП репатрианты обеспечивались питанием по четвертой военной норме за счет НКО СССР. В дорогу им давали сухой паек по третьей военной норме на срок от 3 до 10 суток, в зависимости от дальности следования [6, л. 54]. На одного человека в сутки предназначалось 700 г. хлеба, 50 г. пшеничной муки, 150 г. крупы (включая бобовые и макароны), 50 г. мяса и рыбы, 20 г. жиров, 30 г. сахара, 1 г. чая, 900 г. картофеля и овощей, 30 г. соли [6, л. 24].

Питание в СПП было организовано по-разному. К примеру, 311 лагерь г. Гродно отремонтировал 2 хлебопекарни производительностью 2,5 и 1,5 тонны хлеба в сутки соответственно. Пищеблок был оборудован на 6000 человек [2, с. 265]. На пунктах Брестской области репатриантам два раза в день выдавалось горячее питание, а на пункте № 310 – три раза в день [5, с. 428]. В Бронной Горе была

оборудована столовая на 6500 человек, которая обеспечивала двухразовое питание. Имелась также хлебопекарня, которая выпекала от 5 до 6 тонн хлеба в сутки [5, с. 451 – 452].

Медицинское обслуживание репатриантов на СПП проводил санитарный отдел военного округа совместно с Наркомздравом БССР. В середине лета 1945 г. Председатель Совнаркома БССР П.К. Пономаренко направил председателям Брестского, Барановичского, Гродненского облисполкомов телеграмму о переключении всех бань и санпропускников в местах расположения СПП на бесплатное обслуживание репатриантов и предоставлении органам здравоохранения помещений для развертывания дополнительных больниц. Учреждения здравоохранения не были рассчитаны на санитарную обработку многочисленного контингента. Городские бани действовали с перебоями из-за отсутствия топлива и электроэнергии. Баннопоезда с огромным потоком людей не справлялись, в СПП нередки были массовые заболевания [5, с. 402].

СПП просуществовали разное время. К примеру, СПП в Мостах был закрыт уже в сентябре 1945 г. [7, л. 31], к концу этого года – 311 пункт в г. Гродно [8, л. 6]. Волковысский СПП функционировал до 1947 г. [9, л. 31]. Дольше всех продолжал работу 312 лагерь в г. Гродно, который в 1953 г. был передан Министерству Госбезопасности [10, л. 7].

Таким образом, создание сети СПП диктовалось не только необходимостью тщательной проверки перемещенных лиц и выявления в их среде преступных элементов, но и рядом других причин. Тем самым значительно облегчалась задача постановки их на централизованное продовольственное снабжение; предотвращались возможные попытки устраивать самосуд над местным немецким, австрийским и другим населением. С медицинской точки зрения предварительная изоляция репатриантов была совершенно необходима в связи с распространением в их среде различных инфекционных заболеваний. Создание СПП обусловливалось и стремлением придать процессу репатриации организованные формы, не допустить анархии. Но на практике получалось, что репатрианты сталкивались на пунктах с дополнительными сложностями. С одной стороны, в разрушенных послевоенных городах невозможно было организовать достойные условия, пусть и временного пребывания репатриантов. Не хватало материальных средств, квалифицированных медицинских и других работников. С другой стороны, проанализировав массу документов, можно утверждать, что большую роль

здесь играл человеческий фактор. Люди, на которых были возложены обязанности по обеспечению работы СПП, зачастую халатно относились к службе, не выполняли приказов вышестоящих органов и т.п.

Список литературы

1. Феськов, В.И. Советская Армия в годы «холодной войны» (1945 – 1991) / В.И. Феськов, К.А. Калашников, В.И. Голиков. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. – 246 с.
2. Белорусские остарбайтеры: документы и материалы: в 3 кн. / сост.: Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 1998. – Кн. 3, ч. 1: Репатриация (1944 – 1951). – 368 с.
3. Филипповых, Д.Н. Из истории репатриации советских и иностранных граждан в 1944 – 1953 гг. /Д.Н. Филипповых. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.rin.ru/doc/i/73236p6.html. – Дата доступа: 07.04.2009.
4. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Фонд 787. – Оп. 2. – Д. 2. Постановления и распоряжения СМ БССР 10.03.1945 – 18.09.1947 гг.
5. Белорусские остарбайтеры: документы и материалы: в 3 кн. / сост.: Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 1998. – Кн. 3, ч. 2: Репатриация (1944 – 1951).
6. НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 3. – Д. 1912. Материалы о дислокации приемно-распределительных пунктов 10.01 – 12.12.1945 г.
7. Государственный архив общественных объединений Гродненской области. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 24. Протоколы № 52 – 56 заседаний бюро Обкома партии. Постановления и документы к ним 04.07 – 23.08.1945 г.
8. Государственный архив Гродненской области (далее ГАГО). – Фонд 1171. – Оп. 1а. – Д. 39. Переписка по вопросам переселения и репатриации граждан СССР 18.01. – 25.12.1946 г.
9. ГАГО. – Фонд 1171. – Оп. 1. – Д. 59. Переписка по вопросам переселения и репатриации советских граждан 16.01 – 22.10.1947 г.
10. ГАГО. – Фонд 1171. – Оп. 3а. – Д. 55. Постановления и распоряжения Совета Министров БССР 12.01 – 04.04.1953 г.

Носова Александра Александровна, *аспирантка факультета истории и социологии ГрГУ им. Я. Купалы.*

УДК 94(476.6).084.8

М.А. Журавков

СОБЫТИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ГРОДНЕНЩИНЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

В статье рассказывается о том, каким образом на Гродненщине сохранена память о войне, какие проводятся мероприятия для просвещения народа о тех страшных годах, вносятся некоторые предложения.

Ключевые слова: память, увековечение, мемориальный знак, медальон, поиск, жертвы.

Память о войне священна, возможно, даже и на генном уровне она прочно хранится у белорусов.

Памятники, обелиски, мемориальные знаки и доски – их тысячи на нашей прекрасной и многострадальной белорусской земле, только на территории Гродненщины их 780. Они, как боевые осколки напоминают нам о героических и трагических событиях минувшей войны, в которой 65 лет назад советский народ победил самого кровавого, хищного и сильного врага в мировой истории.

На территории Гродненской области в настоящее время учтено 630 захоронений защитников Отечества и жертв войн, из них 525 – Второй мировой войны. Количество захороненных – 178 687, из них военнослужащих – 52 316, партизан и подпольщиков – 1496, жертв войны – 124 875. Известны 23 874, неизвестны – 154 813 человек. Имеется 9 воинских кладбищ, 114 индивидуальных, 384 братских, 3 смешанных могил, 40 мест массового уничтожения и захоронения жертв войны*.

Каждый год выявляются неучтенные захоронения погибших защитников Отечества и жертв войны, поднимаются останки бойцов и командиров Красной Армии, партизан и подпольщиков; необходимо установить их имена, найти родных и близких погибших, отдать последние почести при перезахоронении. Последний пример – раскопки, проводившиеся в Фолюше отдельным 52-м поисковым батальоном, позволили найти и перезахоронить останки более чем 1300 солдат и офицеров, к сожалению, установлены только 102 из них.

---

* Сведения получены в Управлении по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь. – М. Журавков.

В послевоенных решениях и постановлениях советских и партийных органов работе по увековечению памяти защитников Отечества придавалось политическое значение. Думается, по прошествии 65 лет политическая значимость этой благородной деятельности не стала менее актуальной. Вопросы увековечения памяти защитников Отечества и жертв войн – это не только мемориализация мест гибели наших соотечественников. К сожалению, недостаточное внимание уделялось вопросам скрупулезного отношения к переносу останков погибших в братские могилы при их укрупнении, установлению имен павших, документальному сопровождению этого процесса, фиксации исполнителей перезахоронений [1, с. 21 – 69].

Такие факты имелись и на территории Гродненской области. Как свидетельствуют документы, ответственность за проводимые в послевоенное время перезахоронения возлагались на местные исполнительные и распорядительные органы, но руководящего и координирующего органа, который бы централизованно направлял и контролировал эту работу, создано не было.

Сразу после освобождения Беларуси количество одиноких и небольших групповых захоронений исчислялось тысячами, процесс переноса останков в братские могилы, скверы и парки в центрах городов и населенных пунктов (именно так требовало руководство СССР и БССР) был весьма трудоемким, имелись многочисленные факты недобросовестности отдельных руководителей, которым поручалась эта работа, замалчивания информации и т.п., да и просто в истерзанной фашистским нашествием стране не хватало для этого ни сил, ни средств. Например, 10.07.1950 г. ЦК КП(б)Б направил директиву секретарю Гродненского ОК КП(б)Б С.О. Притыцкому (исх. № 358 (ос. секретно) с требованием: доложить лично – почему работы по увековечению памяти защитников Отечества, намеченные на 1949 г., в Гродненской области не выполнены? [2, л. 17].

Особые трудности вызывает выявление и установление имен останков защитников Отечества начального периода войны – ведь до октября 1942 года у солдат и младших командиров Красной Армии не было даже красноармейских книжек, не говоря уже о медальонах, жетонах и т.п.

Изучение ранее недоступных архивных документов, в том числе и публикаций, конечно же, не позволит всем, кто ищет погибших близких им людей, найти недостающую информацию. Но изучать такие документы необходимо.

Уже 27.09.1944 г. было принято постановление исполкома Мостовского районного Совета депутатов трудящихся и бюро РК КП(б)Б об оформлении братских могил жертв немецкой оккупации; аналогичные решения принимались: 05.10.1944 г. – бюро РК КП(б)Б Щучинского района; 13.10.1944 г. – бюро РК КП(б)Б Кореличского района; 11.12.1944 г. – решение исполкома Гродненского горсовета. Речь шла о переносе останков погибших защитников Отечества в братские могилы, проектах памятников, определении ответственных лиц за эту работу. Было установлено шефство комсомольских органов, пионеров и школьников над захоронениями и т.п., причем для захоронений выделялись лучшие места в центрах городов и населенных пунктов, парках и скверах [3].

Аналогичные постановления и решения в 1944 – 1945 годах были приняты всеми районными и городскими государственными и партийными органами области, а решением бюро Гродненского ОК КП(б)Б № 39 от 02.03.1945 г. (под грифом «строго секретно») ответственность за содержание могил в надлежащем порядке возлагалась на городские, районные и сельские Советы депутатов трудящихся; в гор-, райисполкомах были заведены специальные книги, в которых регистрировались все места погребения бойцов, офицеров Красной Армии и партизан и данные о них. Была также создана областная комиссия для организации работ по увековечению памяти погибших воинов под председательством председателя Гродненского облисполкома П. Ратайко [7, л. 27].

Бои за освобождение Беларуси летом 1944 года были весьма тяжелыми и упорными, ведь Гитлер назвал белорусский регион «Восточным валом», десятки городов были объявлены крепостями. Например, бои за освобождение Гродно продолжались в течение недели с 16 по 24 июля. Мало кто знает, что начало Белорусской наступательной стратегической операции «Багратион» Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин перенес на неделю раньше намеченного срока, чтобы сорвать операции гитлеровцев по разгрому партизанских отрядов в Белоруссии [8, с. 2].

Западные историки и политики стараются всячески приуменьшить или просто не заметить в своих исследованиях значение наступления Красной Армии летом 1944 года, в том числе и для успешного продвижения союзников на восток, необоснованно преувеличивая и восхваляя действия десанта союзных войск в Нормандии, а ведь Гитлер в июне – июле 1944 года в спешном порядке перебросил 46 дивизий и 4 бригады с Западного фронта на Восточ-

ный, главный фронт Второй мировой войны, именно на территорию Беларуси, в том числе и элитную танковую дивизию СС «Мертвая голова», которая была разбита советскими войсками в боях под Гродно.

Об особом накале и напряженности боев за Гродно свидетельствует характерный эпизод. 21.07.1944 года в районе н.п. Индура сдался в плен командир 110-й пехотной дивизии вермахта генерал-лейтенант Э. фон Куровски, который в начале допроса попросил командующего 50-й армией генерал-полковника И.В. Болдина накормить его, он буквально заявил: «Господин генерал! Я не ел три дня хлеба». (Генерал-лейтенант Эберхарт фон Куровски – последний из двадцати двух плененных немецких генералов в ходе операции «Багратион»; в декабре 1947 года был осужден Военным трибуналом в Гомеле к 25 годам лагерей за особо тяжкие преступления, а в начале октября 1955 года был репатриирован в Германию. – *М.Ж.*).

В архивах обнаружено письмо командира 290-й стрелковой Могилевской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова дивизии 50-й армии, освобождавшей г. Гродно в июле 1944 г., генерал-майора И.Г. Гаспаряна секретарю Гродненского ОК КП(б)Б П.З. Калинину от 16.02.1946 г., в котором комдив пишет о тяжелейших боях, особенно в ночь с 16 на 17 июля 1944 г. за Гродно, и в последующем до 24 июля включительно, где отличились 882-й и 885-й стрелковые Краснознаменные полки его дивизии под командованием подполковников Ф.М. Стефаненко и В.И. Шипилова, где личный состав указанных полков проявил исключительное мужество и отвагу, успешно выполнил поставленные боевые задачи. «Боевые командиры – подполковники Стефаненко и Шипилов, командуя стрелковыми полками, прошли славный боевой путь. Под их командованием бойцы, сержанты и офицеры, форсируя р. Проня, прорвали 8-месячную оборону противника, форсировали Днепр, освободили Могилев, ликвидировали Минскую группировку немецких войск, освободили Гродно, Осовец, Остроленку, форсировали Нарев в районе Рожан. 14 и 15 октября 1944 года оба офицера погибли в районе Рожан от осколков вражеских снарядов. Не желая оставлять тела погибших боевых командиров на территории Польши и с целью увековечения их памяти как честных сыновей нашей Родины, отдавших жизнь за свободу и независимость советского народа, прекрасных коммунистов-офицеров, я похоронил их в г. Гродно в городском парке. 30 января 1946 г. я посетил могилы моих боевых друзей, с которыми провоевал три года, которых партия и прави-

тельство наградили орденами и медалями, которые отдали свои прекрасные жизни за счастье нашего народа. Мне тяжело и больно было видеть могилы этих дорогих мне людей, которые находятся в заброшенном состоянии. Забвение таких людей – преступление!». Генерал-майор Гаспарян попросил обком партии поставить вопрос об увековечении памяти подполковников Ф.М. Стефаненко и В.И. Шипилова, в частности:

- присвоить их имена улицам в г. Гродно или предприятиям;
- воздвигнуть на могиле памятники.

В случае необходимости комдив предложил вызвать его, указал номер своей полевой почты [9, л. 11].

Фамилии подполковников Ф.М. Стефаненко и В.И. Шипилова увековечены на памятнике в городском парке Гродно, но вызывает сомнение – действительно ли все указанные там воины Красной Армии реально захоронены? Старожилы города рассказывали мне, что сразу после освобождения погибших воинов хоронили в разных местах, в том числе и около старого корпуса аграрного университета (ул. Первого Мая) и вряд ли всех их перезахоранивали в братские могилы. Об этом говорила и незабвенная И.Е. Макеева, многие десятилетия отдававшая себя благородной работе по установлению имен погибших воинов, два года назад ушедшая из жизни. Эти сомнения высказывает также известный гродненский историк профессор В.Н. Черепица (Подполковники Ф.М. Стефаненко и В.И. Шипилов за освобождение г. Гродно награждены полководческими орденами Кутузова, как и их полки. Улицы их именами не названы. – *М.Ж.*).

Хотелось бы установить и фамилию первого коменданта г. Гродно после освобождения города от оккупации. Из журнала боевых действий 352-й с.д. 31-й армии от 16.07.1944 г.: «…Командир дивизии генерал-майор Стриженко назначен начальником гарнизона г. Гродно. Комендантом города назначен майор Елецкий» (По другим источникам – майор И.Ф. Елецких. – *М.Ж.*) [10, с. 59]. В архиве было обнаружено письмо Военного совета 50-й армии секретарю Гродненского обкома партии от 30.08.1944 г., исх. № 0624 с просьбой «разрешить в парке г. Гродно похоронить погибшего на боевом посту дважды орденоносца майора С.Ф. Пантюхина, бывшего первого коменданта г. Гродно после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков». Письмо подписал начальник штаба 50-й армии генерал-майор Брилев [11, л. 175]. (Гвардии майор Сергей Филиппович Пантюхин умер от ран 15.08.1944 г. Награж-

ден двумя орденами Красного Знамени (один – за освобождение г. Гродно) и орденом Красной Звезды. Захоронен в братской могиле в городском парке. – *М.Ж.*). Возможно, первоначально комендантом города был майор И.Ф. Елецкий (Елецких), а после него – гвардии майор С.Ф. Пантюхин.

Гражданам области и г. Гродно будет интересен такой факт. Постановлением № 7 Гродненского облисполкома и бюро Гродненского обкома партии от 16.02.1946 г. «В честь победы над фашистской Германией воздвигнуть при въезде в г. Гродно на шоссе Гродно – Индура Триумфальную Арку» [12, л. 152]. (Это решение было поддержано правительством БССР и ЦК КП(б)Б постановлением от 06.01.1948 г., городу было выделено 800 тысяч рублей на сооружение «Арки Победы». Что помешало сооружению Арки Победы – неизвестно. – *М.Ж.*).

В феврале 1948 г. республиканскими властями было принято решение об установлении в каждом городе Белоруссии, в честь освобождения которого столица СССР г. Москва производила салют, памятных досок с текстом соответствующего приказа Верховного Главнокомандующего. Такие доски были установлены в городах Гродно, Слоним, Лида и Волковыск нашей области. Почему бы их не восстановить к 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне [13, с. 206].

Архивные документы требуют более внимательного исследования некоторых, казалось бы, уже известных событий и фактов. Например, известно, что секретарь Гродненского подпольного горкома комсомола Ольга Соломова погибла в бою с немцами 02.02.1944 г., однако в отчете Белостокского подпольного обкома комсомола, направленном в ЦК ЛКСМБ секретарем обкома Т.Н. Стрижаком 20.08.1944 г., читаем: «секретарь Гродненского горкома комсомола т. Соломова Ольга Иосифовна убита польскими националистами». В отчете говорится об антисоветской террористической деятельности т.н. «Союза польских гоноровых офицеров», возглавляемом отъявленным террористом полковником Лехом, этот союз имел тесную связь с гестапо и вел открытую вооруженную борьбу с партизанами и белорусским народом [14, л. 3].

Весьма важной остается проблема установления имен бойцов и командиров Красной Армии, наших земляков, погибших и захороненных на территории других государств. В 2005 году УП «Издательство “Беларусь”» издан Каталог учтенных захоронений советских воинов, военнопленных и гражданских лиц, погибших на

территории зарубежных государств в годы Второй мировой войны, однако необходимо установить списки всех наших земляков, погибших при освобождении стран Европы, а также при обороне нынешних территорий других государств. Например, в Польше имеются 648 захоронений советских солдат, офицеров и военнопленных, 560 памятников. Однако туда не включены воины Красной Армии и пограничники, погибшие при обороне нынешних польских территорий – военнослужащие соединений и частей 3-й и 10-й армий Западного особого военного округа, а также Белорусского пограничного округа, штаб которого находился в г. Белосток и, в частности, 86-го Августовского пограничного отряда. В 1947 г. начальник 16-го погранотряда войск МВД Белорусского округа полковник Греков обратился в военный отдел Гродненского обкома партии с просьбой о перезахоронении останков погибших советских солдат в связи с новой демаркацией государственной границы с Польшей [15, л. 541]. (Письмо было отправлено в облвоенкомат, перезахоронить останки не успели, на территории РП остались могилы погибших военнослужащих Красной Армии и пограничников, а также многочисленные неизвестные захоронения. – *М.Ж.*).

Не может не вызвать недоумения и возмущения явно ангажированная (накануне Дня Победы) статья в газете «Вечерний Гродно» от 29.04.2009 г. «Тайна номера 200», касающаяся танка Т-34-85 на постаменте на Советской площади областного центра, мол, этот танк не участвовал в освобождении города, да и номеров таких не было на башнях, да и вообще убрать его надо с площади и т.д. Что же – мы видим, что творят с памятниками и мемориальными знаками советским воинам, освободившим мир от коричневой фашистской чумы в ряде европейских государств и некоторых бывших советских республиках. Вот и в Каунасе литовские власти снесли танк Т-34-85 с постамента, установленного в честь освободивших город частей и соединений 5-й армии. Несколько лет назад уже были попытки убрать танк с Советской площади. Тогда на его защиту встали ветераны войны и Вооруженных Сил, жители города, которых поддержал председатель Гродненского облисполкома В.Е. Савченко.

Следует напомнить, что этот танк был установлен в 1968 г. доблестным воинам 2-го и 3-го Белорусских фронтов, освободившим Гродно от немецко-фашистских захватчиков 16.07.1944 г. Легендарный Т-34-85 по праву считают главным символом Белорусской стратегической наступательной операции. Он появился на

фронтах войны в самом конце 1943 г., имел мощное бронирование, 85 мм танковую пушку вместо используемой ранее 76 мм пушки и пятого члена экипажа (первый танк Т-34 был испытан на полигоне под Москвой 17 марта 1940 г. – *М.Ж.*). Танк Т-34 окончательно превратился, по словам Маршала Победы Г.К. Жукова, в «самый решительный танк войны», способный исключительно эффективно решать весь спектр боевых задач – от разведки и сопровождения пехоты до борьбы с любыми (!) танками противника. «Тридцатьчетверка» – это, несомненно, по общему признанию, лучший танк Второй мировой войны.

В операции «Багратион» танковым частям отводилась важнейшая роль. Был создан мощнейший бронированный кулак: 2 танковых армии, 5 отдельных танковых и 2 отдельных механизированных корпуса, 16 отдельных танковых бригад, 39 отдельных танковых полков и более 70 полков самоходной артиллерии, всего более 5 200 танков и САУ.

В освобождении Гродненщины участвовали части 1, 2, 3-го гвардейских и 29-го танковых корпусов; 20 отдельных и линейных танковых бригад, 8 из которых были «гвардейскими», 12 отдельных танковых полков, были еще и отдельные танковые батальоны.

О танке Т-34 можно привести самые восторженные отзывы Маршалов Советского Союза И.С. Конева и И.И. Якубовского, легендарных советских «танковых» маршалов Рыбалко, Ротмистрова, Федоренко, Катукова, Богданова, Лосика, Полубоярова, Бабаджаняна и других. Оценка «тридцатьчетверки» пленного немецкого «танкового» генерала Э. Хофмайстера: «Т-34 – это дьявол и балерина в одном лице», сказано это было с нескрываемой злостью, речь, конечно же, шла об удачном сочетании боевой мощи советского танка и его исключительной маневренности и подвижности. (Командир 41-го танкового корпуса вермахта генерал-лейтенант танковых войск Эдмунд Франц Хофмайстер был пленен 4 июля 1944 года при ликвидации т.н. «Минского котла», прошел в колонне пленных немцев по Москве, в 1948 году был осужден судом Военного трибунала МВД Минской области к 25 годам лагерей, 20.02.1951 г. умер в Свердловском лагере № 476. – *М.Ж.*).

Что же касается непосредственно участия танковых частей в боях за г. Гродно, необходимо привести выдержку из приказа № 139 Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И.В. Сталина генералу армии Черняховскому и генерал-полковнику Захарову – командующим 3-м и 2-м Белорусскими фронтами от

16 июля 1944 г., войска которых штурмом овладели городом-крепостью Гродно. В приказе отмечены «отличившиеся танкисты – генерал-майор танковых войск Нецветайло, полковник Шмыров, подполковник Карпов, подполковник Хухрин, полковник Легеза, майор Гайдаенко». Г. Москва салютовала доблестным войскам 3-го и 2-го Белорусских фронтов, овладевшими Гродно, двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий [16]. (Генерал-майор т/в В.М. Нецветайло – командующий бронетанковыми войсками 31-й армии, полковник П.Н. Шмыров – командующий бронетанковыми войсками 50-й армии, подполковник А.Н. Карпов – командир 198-го отдельного танкового полка 3-го гв. к.к.; подполковник А.Н. Хухрин и подполковник Ф.А. Легеза (ошибочно в приказе полковник) – командиры 926-го и 927-го самоходных артиллерийских полков – в приказе записаны ошибочно как танкисты, они – артиллеристы; майор А.Ф. Гайдаенко – командир отдельного танкового батальона. За освобождение г. Гродно полковнику П.Н. Шмырову присвоено воинское звание генерал-майора танковых войск. Он, а также подполковник Карпов и майор Гайдаенко были награждены орденами Красного Знамени, генерал-майор т/в Нецветайло орденом Суворова II ст., кроме того – за овладение г. Гродно орденами Суворова II ст. был награжден командир 213-й отдельной танковой бригады полковник А.В. Цинченко, Кутузова II ст. – командир 23-й гвардейской танковой бригады полковник К.И. Бойко За освобождение Гродненской области звания Героя Советского Союза были удостоены воины-танкисты: командир танка 35-го гв. тбр гв. лейтенант Л.И. Царенко, командир танковой роты 17-й гв. тбр гв. лейтенант И.М. Сухомлин, был представлен к этому высокому званию и командир танковой роты 35-й гв. тбр старший лейтенант М.И. Шуйдин (впоследствии – народный артист СССР. – *М.Ж.*)).

Как видим, воины-танкисты показали себя самым достойным образом в боях за г. Гродно.

Бывший председатель Гродненского облисполкома Г.Ф. Фомичев, который как раз в 1968 г. был избран вторым секретарем Гродненского обкома партии, вспоминал об установке танка Т-34-85 на Советской площади: «Это место было выбрано исключительно удачно. Всем жителям Гродно, а также гостям, кто въезжает на центральную часть города по мосту через Неман, этот памятник напоминает об исключительном мужестве, героизме и стойкости воинов-освободителей, которые в июле 1944-го года вели тяжелейшие бои за освобождение города». Танк на высоком пьедестале и

расположенный за ним парк составляли единый органичный комплекс Советской площади. Причем, самое активное участие в выборе этого места принял находившийся в то время в городе наш легендарный земляк, первый заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза И.И. Якубовский – легендарный «танковый» комбриг Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза. В это же время, в 1968-м году в г. Гродно был заложен «Курган Вечной Славы», который был торжественно открыт в сентябре 1969-го года [17, л. 149].

На территории Беларуси на пьедесталы установлено 43 танка и 6 самоходок. Из них 2 танка – Т-34-76, 21 танк – Т-34-85; на территории Гродненской области установлено 6 танков и одно САУ СУ – 100 [18]. У каждого из вознесенных на пьедестал танков и САУ своя, порой очень интересная, героическая и неповторимая судьба. Эта тема заслуживает отдельной публикации. В 1995-м году в честь 50-летия Великой Победы танк Т-62 был установлен в г.п. Зельва. Огромные усилия предпринял для его установки в то время Зельвенский райвоенком подполковник В.М. Сытых. Танк этот находился в Борисове, а тягач-танковоз – в г. Плещеницы, а для него не было топлива, да и власти не горели особым желанием соорудить этот памятник защитникам Отечества, ссылаясь на имеющиеся экономические трудности начала 90-х годов – время становления молодого независимого государства. Владимир Михайлович Сытых сумел сделать это, за что ему благодарны жители Зельвенщины. Будучи райвоенкомом, подполковник В.М. Сытых создал в г.п. Зельва уникальный военно-патриотический клуб «Орден чести» для подростков 13 – 17 лет, в основном, из трудных семей. Четырнадцать (!) членов этого клуба поступили в Минское Суворовское военное училище. В.М. Сытых проводил активную работу по увековечению памяти защитников Отечества на Зельвенщине. Благодаря его инициативе и стараниям Межерицкая СШ Зельвенского района была названа именем Владимира Ляха, бывшего ученика школы, геройски погибшего в Афганистане. После увольнения в запас, В.М. Сытых работает в ГрГУ имени Я. Купалы, за три года он создал замечательный музей истории университета, ставший центром патриотического воспитания студенческой молодежи.

Автору статьи в газете «Вечерний Гродно» не понравился номер «200» на башне танка на Советской площади. Башенные номера «100» и «200» есть на советских танках-памятниках в н.п. Ной-

штрелитц и Шонхаузен, в бывшей ГДР, номер «200» имеется на борту советского танка Т-34-85 в деревне Старовички в Южной Моравии. Есть и совершенно необычные башенные номера на танках – «500» и «555».

Танк Т-34-85 – танк-победитель – занимает вполне законное и достойное место на Советской площади Гродно, и необходимо пресечь всякого рода спекулятивные разговоры о его сносе или переносе в другое место, ибо это не только неуважение к нашей памяти, нашему прошлому, это – неуважение к самому себе, это оскорбление великой когорты победителей фашизма.

Очень важно приобщать к поисковой, научно-исследовательской работе по увековечению памятников защитников Отечества учащихся и студентов. В ходе подготовки к празднованию 60-летия освобождения Беларуси и 60-летия Победы на основании соответствующего Указа Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в программу учебных заведений от школы до вуза был введен курс «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)», был издан соответствующий учебник под редакцией профессоров А.А. Ковалени и Н.С. Сташкевича.

В ходе изучения данного курса значительно повысился интерес учеников к военной истории, поисковой и научно-исследовательской работе, участию в патриотических акциях. Школьники внесли более 300 изменений и дополнений в изданные районные книги-хроники «Памяць», выяснили имена более 70 защитников Отечества и жертв фашизма, похороненных на территории Гродненщины. К 60-летию Победы в школах области было открыто 78 музеев и 220 музейный комнат, а на настоящий момент уже существует 196 музеев и 376 музейный комнат.

12 школьных музеев носят звание «народный», пять музеев собирают документы для получения этого почетного звания. За последние 3,5 года школьные музеи Гродненской области посетили более 17 тысяч человек. В 2008 году был открыт музей истории образования на Гродненщине. Гродненским областным институтом развития образования готовится к изданию монография «Адукацыя на Гродзеншчыне ў 1941 – 1945 гадах». В области действуют 175 патриотических клубов, 109 военно-патриотических классов. Большая заслуга в организации этой работы принадлежит начальнику управления образования Гродненского облисполкома А.И. Сегоднику. Вопросы патриотического воспитания учащихся на событиях Великой Отечественной войны неоднократно обсуж-

дались на коллегии управления образования Гродненского облисполкома. Так, было принято решение о том, что каждый школьник во время изучения курса «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)» должен написать сочинение-эссе на темы «Вайна ў маёй сям'і» и «Помнікі і абеліскі гавораць…». Дети в них задают явно «взрослые» вопросы. Например:

1. Почему в Беларуси не учрежден День партизанской славы? Нигде, ни в какой другой стране не было в годы войны такого массового, по-настоящему всенародного партизанского движения.

2. Почему в Беларуси нет могилы Неизвестного солдата, такой же, как в Москве? Ведь в белорусской земле похоронено около 1 700 000 неизвестных защитников Отечества и жертв войны.

3. Назрела необходимость создать в стране мемориал «Детство, опаленное войной» в честь подвига и памяти юных защитников Отечества, партизан и подпольщиков, а также малолетних узников нацистских концлагерей. (Решение о возведении мемориала принималось бюро ЦК КПБ еще в 1980 году. – *М.Ж.*). В Беларуси, единственной из постсоветских республик, до сих пор малолетние узники нацистских концлагерей не приравнены по статусу к участникам Великой Отечественной войны, ведь в соответствии с приговором Нюрнбергского трибунала малолетние узники были признаны участниками сопротивления национал-социалистической агрессии.

4. В Республике Беларусь необходимо учредить звание-статус «Город воинской славы» [19, с. 17].

С каждым годом остается все меньше участников Великой Отечественной войны, в настоящее время в Гродненской области их осталось 3631. Они – наш золотой фонд, племя победителей, племя героев.

В ряде городов Франции, Великобритании, Канады и Австралии каждый день по телевидению объявляют о скончавшихся участниках Сопротивления гитлеровской оккупации, воинах антигитлеровской коалиции. Почему бы это не сделать у нас? [20]. Люди, особенно молодое поколение, должны знать о тех, кто принес нам Великую Победу, которую надо передавать все новым поколениям молодежи исключительно бережно, как защитники Брест-ской крепости передавали с огромным смертельным риском добытую последнюю пригоршню воды из Муховца раненым бойцам.

В летописи войны точку поставить невозможно, пока лежат безымянные герои, пока под грифом «секретно» или «доступ огра-

ничен» находятся неизвестные для истории документы. Поиск продолжается…

Список литературы

1. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси 1941 – 2008 гг.: Документы и материалы. – Минск, 2008.
2. Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГО). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 256. – Л. 17.
3. ГАООГО. – Фонд 14. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 7, 7 об.
4. ГАООГО. – Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 11 – 12.
5. ГАООГО. – Фонд 2196. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 56 – 58.
6. ГАООГО. – Фонд 484. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 254.
7. ГАООГО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 27.
8. Гареев, М.А. Белорусская стратегическая наступательная операция «Багратион» / М.А. Гареев // Правда. – 2004. – 25 июня. – С. 2.
9. ГАООГО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 78. – Л. 11.
10. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка горада Гродна. – Мінск: БелЭН, 1999. – 422 с.
11. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Фонд 1171. – Оп. 1а. – Д. 6. – Л. 175.
12. ГАГО. – Фонд 1171. – Оп. 1. – Д. 58. – Л. 152.
13. Журавков, М.А. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв фашизма в учебно-воспитательном процессе в учреждениях образования / М.А. Журавков // Великая Победа: героизм и подвиг народов: материалы междунар. науч. конф. (Минск, 28 – 29 апреля 2005 г.): в 2 т. – Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2006. – Т. 2.
14. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 63п. – Оп.16. – Д. 31. – Л. 3.
15. ГАООГО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 136. – Л. 541.
16. Приказ Верховного Главнокомандующего генералу армии Черняховскому и генерал-полковнику Захарову // Красная звезда. – 1944. – 17 июля.
17. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 116. – Д. 11. – Л. 149.
18. Качук, Н.Н. Броня на пьедестале / Н.Н. Качук // Армия. – 2007. – № 3. – С. 46 – 47.
19. Кушнер, Васіль. Вайна. Народ. Перамога / Васіль Кушнер // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. – № 6.
20. Журавков, М.А. В летописи войны точку ставить рано / М.А. Журавков // Гродзенская праўда. – 2010. – 4 марта.

Журавков Михаил Александрович, *старший преподаватель кафедры инновационных технологий и частных методик ГУО «Гродненский областной институт развития образования».*

ВОЙНЫ И КОНФЛИКТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

УДК 94(476)(1945 – конец 50-х гг.)

С.М. Лотоцкий

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В БЕЛАРУСИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945 – КОНЕЦ 50-х гг.)

В статье дается обобщенная оценка организации работы белорусских историков по исследованию военной истории в Беларуси в послевоенный период и в первую очередь событий Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: историография, тема, идеология, подполье, партийное руководство, архив, партизанское движение.

В первую очередь те или иные события описывают их современники, участники или свидетели. Это характерно и для военной истории. Но для того, чтобы представить обобщающую картину по такой тематике в историографии Беларуси, как формирование белорусской военной историографии советского послевоенного периода, недостаточно только одних свидетельств современников. Формирование отечественной историографии происходило благодаря значительной работе профессиональных коллективов, отдельных авторов, которые не только собирали и сохраняли, но и научно обобщали документы, материалы и исследования.

На формирование в БССР исторических знаний по военной истории серьезное влияние оказали господство в отечественной науке коммунистической идеологии и атмосфера «холодной войны», запреты на многие темы.

Марксистский историзм, господствовавший в Беларуси вплоть до 90-х годов XX в., выражал диалектико-материалистический подход к историческому процессу. Его характерной чертой была политизированность, стремление противопоставлять себя иным формам на классовой основе. Отсюда его острая полемическая направленность против других направлений, претензии на научную исключительность. Уверенность марксистов в том, что их учение «есть высшее развитие всей исторической и экономической, и философ-

ской науки Европы», основывалась не столько на логических, сколько на политических аргументах [1, с. 40].

Послевоенный период вплоть до конца 50-х годов XX в. характеризуется в основном изучением истории Беларуси периода Великой Отечественной войны. По военной историографии всеобщей истории работы практически не велись.

Исследование проблем истории Второй мировой и Великой Отечественной войн в Беларуси началось уже непосредственно в годы войны. Основная работа по данной тематике проводилась в восстановленном, согласно Постановлению Совета Народных Комиссаров БССР и Центрального Комитета КП(б)Б от 31 октября 1944 г. «О мероприятиях по возобновлению работы Академии наук БССР», Института истории АН БССР. В планах работы коллектива института стержнем его деятельности была подготовка и издание «серии политических брошюр, имеющих военно-оборонное, политико-воспитательное значение и направленных к целям мобилизации всех сил нашего народа на борьбу против гитлеровской тирании» [2, л. 1]. Важнейшей считалась задача изучения проблем истории Великой Отечественной войны на территории Беларуси, партизанского движения, издание сборника статей, посвященных кровавому характеру «нового порядка», установленного оккупантами на временно захваченной территории Беларуси [3, с. 252]. Но реализация этих тем по отечественной истории в первые послевоенные годы, в силу многих причин, была не под силу малочисленному коллективу сотрудников института.

Но несмотря на многие трудности, на этом этапе значительно расширились возможности для работы с документами военных лет, были созданы первые научные подразделения по изучению истории войны в Институте истории при ЦК КПБ и в Институте истории АН БССР. Так, постановлением Президиума АН БССР в мае 1957 г. в Институте истории был создан сектор партизанского движения. В 1958 г. он переименован в сектор истории Великой Отечественной войны и партизанского движения.

Послевоенный этап исследования военной истории Беларуси характеризуется изучением накопленного документального материала, первыми пробами научного изучения отдельных вопросов борьбы населения Беларуси против немецко-фашистских захватчиков. В этот период выходит работа Л.Ф. Цанавы «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков» (ч. 1. Минск, 1949 г.; ч. 2. Минск, 1951 г.), И.С. Кравченко «Под-

польная большевистская печать в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» (1950 г.) и «Работа Компартии в тылу врага (1941 – 1944 гг.)» (1959 г.), П.П. Липилы «КПБ – организатор и руководитель партизанского движения в годы Великой Отечественной войны» (1959 г.), ряд сборников документов и материалов, воспоминания участников борьбы, которые положили начало углубленному изучению партийного подполья и партизанского движения на территории Беларуси.

Характерным для этого периода было стремление партийных органов, научных учреждений республики собрать, упорядочить и подготовить для последующего изучения весь комплекс документов и материалов, которые освещали борьбу народа Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Этому способствовали ряд принятых ЦК КП(б)Б постановлений, в том числе «О порядке хранения документов и материалов подпольных партийных организаций КП(б) Белоруссии, комсомольских и антифашистских организаций, а также партизанских бригад и отрядов» от 11 сентября 1945 г., «О передаче на хранение в партархив ЦК КП(б)Б документов и материалов партийных, комсомольских и антифашистских организаций, партизанских бригад и отрядов, которые действовали на временно занятой немцами территории Белоруссии» от 23 сентября 1947 г. Это способствовало тому, что работа по научному изучению и освещению деятельности Компартии Беларуси, в целом истории Беларуси периода Великой Отечественной войны должна была проводиться под бдительным оком ЦК Компартии Белоруссии. Данная практика существовала долгие годы, вплоть до распада СССР.

В связи с этим показательной является критическая рецензия на монографию директора Института истории АН БССР И.С. Кравченко «Работа Кампартыі ў тыле ворага». Рецензия была опубликована в центральном органе КПБ журнале «Коммунист Белоруссии» в 1959 г. и подписана четырьмя бывшими руководителями партизанского движения в Беларуси: А. Андреевым, И. Ветровым, И. Кожаром и В. Самутиным. В ней, обращая внимание на отдельные упущения и недостатки книги, делая не всегда бесспорные замечания, авторы стремятся дать «методологические» указания ученым института, занимающимся проблемами истории партизанского движения. «Недостатки книги тов. Кравченко, – говорится в рецензии, – свидетельствуют о том, что дело с разработкой вопросов истории партизанского движения в Институте истории АН БССР как следует не налажено, эта тема монополизирована узким кру-

гом людей. Необходимо, наконец, подумать руководителям Института истории АН БССР и Института истории партии при ЦК КПБ о привлечении к написанию истории партизанского движения, самих партизан, руководителей партийного подполья. Без этого нельзя обеспечить глубокое и всестороннее освещение борьбы белорусского народа и деятельности Компартии Белоруссии в период Великой Отечественной войны. Нужно оказать практическую помощь бывшим партизанам, людям, прославившим себя боевыми делами, выступить с воспоминаниями, чаще советоваться с ними при издании книг научных работников. Тогда в произведениях о партизанской войне в Белоруссии статистика и перечни имен и фамилий не будут затенять живые дела народных мстителей, их героизм и подвиги во имя Родины» [4, с. 67].

Литература и научные работы первого послевоенного десятилетия вплоть до конца 50-х годов в большинстве своем не имели обобщающего характера. В первую очередь это связано с ограничением круга авторов, допущенных к работе по сбору, подготовке и изданию документов и материалов по военной истории Беларуси в период Великой Отечественной войны. Согласно с принятым 30 июля 1946 г. постановлением ЦК КП(б)Б «О сборе, разработке и изданию документов и материалов о работе партийных организаций КП(б)Б и партизанского движения в Белоруссии в Великую Отечественную войну 1941 – 1945 гг.» был утвержден список из 38 лиц, которые должны были подготовить к изданию свои книги уже в 1947 году. Такие условия оказались невыполнимыми, к тому же речь могла идти не о научных исследованиях, а о воспоминаниях. Потребовались годы для опубликования мемуаров некоторых из утвержденных авторов.

Необоснованно были засекречены многие архивные материалы, ограничен доступ по их использованию, проводился жесткий идеологический контроль. Военная историография всеобщей истории практически не рассматривалась. В большинстве своем эти работы имели в своей основе партийно-идеологическую направленность. В основе своей освещалась руководящая роль Коммунистической партии в подпольной и партизанской борьбе, помощь советского тыла партизанам, идейная и массово-политическая работа советского подполья, жизнь и деятельность населения в партизанских зонах. В то же время ряд вопросов оставался вне поля зрения исследователей, «неудобные» темы с политической и идеологической точки зрения не подымались. Это касалось в первую очередь

некоторых вопросов оккупационного режима, взаимоотношений партизан и местного населения, проблема колобарационизма, роли церкви и конфессий в жизни народа во время войны, политических репрессий, военнопленных и т.д.

Сложившееся положение изменилось только в 1956 году, после XX съезда КПСС, который взял курс на демократизацию советского общества. Были сняты многие ограничения и запреты, в том числе и в исторической науке. Так, 31 марта 1956 г. было принято совместное постановление ЦК КПБ и Совета Министров БССР «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшего использования архивных материалов министерств и ведомств БССР», которое открыло доступ исследователям к недоступным ранее архивным документам, ликвидировало ряд ограничений и запретов на использование некоторых комплексов материалов.

Благодаря этому некоторые страницы военной истории вернулись из забытья, были оправданы многие участники антифашистского сопротивления на территории республики. Так, в героическую летопись борьбы народов Беларуси против немецко-фашистских захватчиков яркую страницу вписали подпольщики, действовавшие в г. Минске 1941 – 1944 гг. Минское антифашистское подполье существовало с июня 1941 г. по июль 1944 г. Его политической и идеологической основой были идеи советской общественной системы и антифашистского сопротивления. Но несмотря на это по отношению к Минским подпольщикам 1941 – 1942 гг. были предъявлены обвинения, порожденные по следам горячих событий и по не до конца изученным сведениям со стороны Центрального штаба партизанского движения, НКВД СССР и БССР, ЦК КП(б)Б военного времени.

Большая заслуга в снятии обвинительного уклона в отношении подполья принадлежит поисковой работе научных сотрудников Института истории партии при ЦК КПБ, Института истории АН БССР, членов специальной комиссии Минского ГК КПБ, которыми были проведены встречи активных участников Минского антифашистского подполья. Материалы зафиксированы стенографически. Эти материалы и сегодня являются ценным историческим источником.

В связи с самочинным характером образования Минского подпольного ГК КП(б)Б вопрос о признании деятельности в белорусской столице, под его руководством разветвленного подполья был рассмотрен лишь 7 сентября 1959 г. Результатом работы было принятие постановления ЦК КПБ, в котором отмечалось: 1. Одобрить изложенные в докладе т. Горбунова Т.С. (секретарь ЦК КПБ по

идеологии) выводы комиссии ЦК КПБ о деятельности руководителя подполья в г. Минске в годы Великой Отечественной войны. 2. Поручить Институту истории партии ЦК КПБ вместе с Институтом истории АН БССР обобщить материалы по Минскому коммунистическому подполью, а также подготовить историческую справку для публикации в печати [5, л. 3]. Постановление снимало с Минского подпольного ГК КП(б)Б все обвинения.

По Минскому подполью коллекция архивных документов была создана только в 60-х годах прошлого века под названием «Минский подпольный комитет КП(б)Б» [6, л. 46].

Все инициативы по подготовке к изданию работ по истории Беларуси периода Великой Отечественной войны претворялись в жизнь только с санкции или непосредственно исходили от ЦК КПБ. Об этом свидетельствует тот факт, что ЦК КПБ периодически принимал специальные постановления о необходимости исследования и издания трудов по истории партизанского движения в Белоруссии. В них не только аккумулировались основополагающие методологические и идейно-теоретические выводы, но и содержались программные научно-организационные мероприятия по исследованию этих проблем. Так, в постановлении ЦК КПБ от 13 мая 1958 года «О подготовке и издании работ по истории партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны» перед учеными-обществоведами республики ставилась задача подготовить в ближайшие годы сборник воспоминаний участников партизанского движения, ряд монографических исследований по проблеме, а также хронику важнейших событий борьбы белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

Таким образом, первое послевоенное десятилетие явилось периодом накопления документального материала. Научное обобщение и изучение материалов не выходило за рамки мемуаров, артикулов и популярных брошюр. Данная ситуация сложилась ввиду недостатков, которые возникли в организации научных исследований и свидетельствовала об объективных условиях, сдерживающих исследования сложных и противоречивых проблем, какими были проблемы военной истории.

Список литературы

1. Методологические проблемы истории: учеб. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов ист. и филос. специальностей учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / В.Н. Сидорцов [и др.]; под общ. ред. В.Н. Сидорцова. – Минск: ТетраСистемс, 2006. – 197 с.

2. ЦНА НАН Беларуси. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 91. – Л.1.
3. Шумейка, М.Ф. Арганізацыя навуковых даследаванняў па гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны ў 1940 – 90-я гады / М.Ф. Шумейка // Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны. Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства: зб. арт. – Мінск, 1999.
4. Андреев, А. Большая тема осталась не раскрытой... / А. Андреев, И. Ветров, И. Козлар, В. Самутин // Коммунист Белоруссии. – 1960. – № 6. – С. 67.
5. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 81. – Д. 1434. – Л. 3.
6. НАРБ. – Фонд 4386. – Д. 199.

Лотоцкий Сергей Михайлович, *доцент общевойсковой кафедры ГрГУ им. Я.Купалы, подполковник.*

УДК 327

Ч.С. Кирвель

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ МИРА И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЦЕНТРА РАЗВИТИЯ И СИЛЫ

В статье обоснована мысль, что процесс становления новой геоструктуры мира, нового мироустройства, имеет тенденцию не только к интеграции, но и к дезинтеграции, к формированию новых разделительных линий. Показано, что развернувшийся на нашей планете глобальный финансово-экономический кризис чрезвычайно ускорил регионализацию мира и стал вести к жестким противодействиям «схеме» всеобъемлющей, стандартизирующей глобализации. Выдвинута гипотеза, что регионы, выступающие, как правило, в виде коалиции стран, будут в послекризисный период представлять собой вполне самостоятельные образования, изначально направленные против глобализма, поставившего многие из них в докризисное время в крайне невыгодные условия. С учетом этого мирового контекста в работе подробно анализируются тенденции развития восточнославянских народов, их дальнейшая судьба и исторические перспективы.

Ключевые слова: регионализация, проблема формирования, восточнославянский центр, тенденция, социокультурный, интеграция, глобализация.

Развернувшиеся на нашей планете глобализационные процессы направили вектор развития экономической, политической, да и в целом социокультурной жизни в сторону создания «больших пространств». Если предшествующим этапом этого процесса было создание крупных национальных государств, то сегодня уже наблюдается тенденция выхода экономических систем за рамки нацио-

нально-территориальных образований. Границы национальных государств стали тесными для современного научно-технического и экономического развития. Но это совсем не означает, что для развития современных хозяйственных структур нужен обязательно «весь мир», вся наша планета. В действительности процессы экономической интеграции вполне успешно и эффективно сегодня протекают на континентальных и субконтинентальных пространствах, в географических регионах, населенных **родственными народами в цивилизационном и социокультурном отношениях.** И если исходить не из мифа о всепроникающей, о всепобеждающей глобализации, а из действительных фактов, то можно увидеть, что реальные интеграционные процессы и связи, будучи предоставленными самим себе, имеют тенденцию ограничиваться именно континентальными и субконтинентальными пространствами, **рамками локальных цивилизаций.** Наиболее ярким примером этого выступают страны Западной Европы, ряд государств Юго-Восточной Азии. В последнее время тенденция к региональной интеграции стала заметно проявлять себя и в Латинской Америке. Импульсивное и весьма обостренное стремление к политической консолидации, которое далеко не всегда коррелируется с экономической интеграцией, присуще некоторым лидерам, общественным и религиозным, деятелям исламского мира. Другое дело, что США и их союзники пытались и еще в какой-то степени пытаются навязать реальным интеграционным процессам свою версию направленности их развития, и создают свою систему их властного обеспечения. По сути дела, США стремились сконструировать свою систему глобальной регуляции мировой экономики, отнюдь не соответствующую действительному характеру и объективным тенденциям ее развития. Их целью был «однополярный» мир, которым можно было бы управлять из одного центра.

Сегодня ряд исследователей выдвигает вполне взвешенную и аргументированную точку зрения, согласно которой «мировой системе предстоит стать *полицентрической,* а самим центрам – *диверсифицированными,* т.е. разнообразными, так что глобальная структура силы окажется многоуровневой и многомерной (центры военной силы не будут совпадать с центрами экономической силы и т.п.) [1, с. 33]. Причем формирующийся новый миропорядок будет базироваться не на одной, а *«на нескольких дополняющих друг друга и в чем-то соперничающих ценностных системах»* [1, с. 35]. А его специфической чертой станет, скорее всего, отсут-

ствие универсального индивидуального лидерства. Ни одна страна, сколь бы сильна она ни была, вероятнее всего не сможет навязать миру свою линию развития. Кроме того, новый мировой порядок, по-видимому, будет иметь не одну, а несколько точек роста и изменяться одновременно в нескольких направлениях, в том числе и взаимоисключающих.

Глобализационный проект США, ориентированный на моноцентричность мира, оказался очередной эпохальной иллюзией, фантомом. В реальности идет интенсивный процесс **формирования самодостаточных региональных центров развития и силы**, объединяющих в себе целую группу государств. Сегодня бесспорным фактом является то, что на нашей планете наряду с существованием огромного количества стран Третьего и отчасти бывшего Второго мира, утративших способность к самостоятельному развитию, так называемых «падающих» или «несостоявшихся» государств, выявился целый ряд крупных стран, которые, несмотря на свое прошлое и даже нынешнее отставание от стран Первого мира – лидеров глобализации, быстро создают предпосылки для перехода на более высокую ступень в мировой иерархии и, соответственно, начинают активно воздействовать на процесс формирования нового миропорядка, новой геоструктуры мира. В специальной литературе эти государства сейчас принято называть «восходящими странами-гигантами». Пальма первенства среди этих стран, безусловно, принадлежит Китаю, масштабы территории, численность населения и темпы роста которого в своей совокупности просто беспрецедентны. В эту группу государств, наряду с Китаем чаще всего относят Индию, Бразилию и Россию. Появились даже особая аббревиатура, состоящая из начальных букв в названии данных государств: БРИК – Бразилия, Россия, Индия, Китай. Кроме этого, в последнее время стали с различной степенью определенности говорить о «втором эшелоне» выходящих стран-гарантов, к которым относят Мексику, Пакистан, Индонезию и ЮАР. Для обозначения этих стран «второго эшелона» также уже появилась своя аббревиатура – ЮПИМ [2, с. 51].

Восходящие страны-гиганты первого и второго «эшелона» весьма успешно преодолевают присущий им ранее «комплекс периферийности» и выходят на передовые рубежи. Уже сам факт их существования свидетельствует о неизбежности перехода от моноцентризма, навязываемого миру США, к полицентризму, от «однополярности» к «многополярности».

Похоже, наш мир будет еще долго, если не всегда оставаться «многополярным», полицентрическим. Ибо сама идея установления моноцентрического мира противоречит «логике социального», базирующегося, как и все в мире живого, на законе разнообразия. Ни глобальный характер современных информационных технологий, ни Интернет, ни скоростной транспорт не в состоянии сами по себе обеспечить единство мира, преодолеть его разорванность и противоречивость. В практике реальной жизни процесс становления новой геоструктуры мира, нового миропорядка, нового мироустройства имеет тенденцию не только к интеграции, но и к дезинтеграции, к формированию новых и весьма жестких разделительных линий. Иначе говоря, если раньше основными элементами геоструктуры мира являлись национальные государства, то сегодня таковыми все в большей мере начинают выступать региональные центры развития и силы, коалиции государств, группирующихся, как правило, вокруг каких-либо наиболее мощных региональных государств-гигантов. Оказалось, что глобализация вовсе не глобальна. Она не имеет вселенского охвата.

Важной причиной регионализации мира как характерного тренда первой половины XXI века явилось, наряду с прочим, следующее обстоятельство.

В современных условиях, прежде всего ввиду ограниченности ресурсов, ужесточается конкуренция по всем направлениям и азимутам. В ситуации ужесточения глобальной конкуренции на мировых рынках подавляющее большинство государств нашей планеты могут сохранить свой суверенитет и свою политическую субъективность только в союзе с другими государствами, путем создания коалиции государств, позволяющей им более успешно противостоять давлению глобальных монополий и различного рода другим глобальным опасностям и кризисам. Как говорится: всякому действию равно противодействие. У государств и народов мира существует инстинкт самосохранения. К сегодняшнему дню направление его действия уже наметилось: «это переход от глобализации к регионализации, то есть от формирования единого общемирового рынка к созданию системы региональных рынков. В их рамках в силу снижения остроты конкуренции смогут не только существовать, но и развиваться относительно менее эффективные общества» [3, с. 249].

Регионализацию можно рассматривать как реакцию стран на вызовы глобализации, как способ ограничить ее негативное влияние на национальную экономику посредством установления внут-

рирегиональных преференций, внешних барьеров и коллективного протекционизма. «Регионализм – один из способов справиться с глобальной трансформацией, поскольку большинству стран недостает сил и средств для того, чтобы одолеть такие проблемы на национальном уровне», – пишет шведский политолог Бьерн Хеттне [4, с. 5].

Некоторые авторы пишут даже о том, что сегодня обозначились контуры «мира без Запада». Этот новый мир покоится, с их точки зрения, «на углубляющихся быстрыми темпами взаимосвязях между развивающимися странами (через потоки товаров, денег, людей, идей), которые, на удивление, неподконтрольны Западу. В результате формируется новая, параллельная, международная система с собственными нормами, институтами и общепринятыми структурами власти. Она позволяет тем, кто в нее входит, брать от Запада то, что им нужно, в обход диктуемых Америкой правил мирового порядка. Восходящие державы начали выстраивать альтернативную архитектуру институтов и особые модели государственного управления, которые составляют каркас их собственного – и очень реального – устойчивого и легитимного (в глазах большей части остального мира) политико-экономического порядка» [5, с. 21].

В настоящее время все более значимым фактором международной конкуренции становится и «культурный барьер», разделение человечества по цивилизационному признаку. «Социализм и капитализм конкурировали в рамках единой культурно-цивилизационной парадигмы, и силовое поле, создаваемое биполярным противостоянием, удерживало в ее рамках все остальное человечество, оказывая на него мощное преобразующее влияние. Исчезновение биполярной системы уничтожило это силовое поле, высвободив сразу две цивилизационно-культурные инициативы: исламскую, несущую мощный социальный заряд, и китайскую» [3, с. 214 – 242]. В результате конкуренция стала стремительно приобретать характер конкуренции между цивилизациями – «и кошмарный смысл этого обыденного факта еще только начинает осознаваться человечеством» [3, с. 242].

Что же касается участников конкуренции между цивилизациями, то они разделены еще глубже, чем стороны межнационального конфликта. «Они не только преследуют разные цели разными методами, но и не могут понять ценности, цели и методы друг друга. Финансовая экспансия Запада, этническая – Китая и религиозная – ислама не просто развертывается в разных плоскостях: они не при-

нимают друг друга как глубоко чуждое явление, враждебное не в силу различного отношения к ключевому вопросу всякого развития – вопросу власти, но в силу самого своего образа жизни. Компромисс возможен только в случае изменения образа жизни, то есть уничтожения как цивилизации» [3, с. 242 – 243]. Конкуренция между цивилизациями предельно иррациональна, а потому сверхопасна и разрушительна.

И вот что особенно здесь интересно: развернувшийся на нашей планете финансово-экономический кризис стал чрезвычайно быстро ускорять процессы регионализации мира и вести к жестким противодействиям «схеме» всеобъемлющей, стандартизирующей глобализации (точнее было бы сказать – американизации). Регионализм находит свое выражение в стремлении властей и общественных институтов сохранить, укрепить или создать новую идентичность в рамках определенного региона, который могут составлять государства и группы государств, находящихся в одном географическом регионе. Похоже, мировой финансово-экономический кризис положит конец всяким разговорам о регионализации как ступени на пути к глобализму или о глобализации как процессе, осуществляющемся через регионализацию, как о процессе интеграции крупных регионов и их более тесном сотрудничестве друг с другом. Как представляется, есть все основания полагать, что регионы в послекризисный период будут представлять собой (они уже в значительной мере представляют) вполне самостоятельные образования, которые изначально, по своим целям и функциям будут направлены против глобализма, поставившего их в докризисное время в крайне невыгодные условия. А как может быть иначе, если после победы над Советским Союзом в «холодной войне» экономически развитые страны перекроили мир исключительно в интересах своих глобальных корпораций? И сделали они это так эгоистично и недальновидно, что лишили половину человечества возможностей для нормального развития. Такого рода геооперация вызвала не только глобальную напряженность, всплеск терроризма и миграций, но и ограничила возможности сбыта товаров, произведенных в самих этих странах. В результате, данные страны (прежде всего США) вызвали к себе не только всеобщую ненависть народов бедных государств, но и сами попали в объятия кризиса перепроизводства. При этом эффективность присущей евроатлантической цивилизации модели развития повсеместно стала подвергаться сомнению и критике. Вот некоторые суждения на этот счет.

Американский экономист Роджер Олтман, занимавший, кстати сказать, в 1993 – 1994 гг. должность заместителя министра финансов США, в своей статье «Геополитическое поражение Запада» пишет о том, что глобальный финансово-экономический кризис подорвал доверие к экономике Запада, что он уводит мир от однополярной системы и смещает мировой фокус в сторону от США. Он прямо говорит: «В среднесрочной перспективе глобальный плацдарм Соединенных Штатов будет уменьшаться, в то время как другие страны, особенно Китай, получат шанс ускорить свое восхождение» [6, с. 20]. Британский эксперт Андриан Пабст заключает: «Мир больше не будет тянуться за Западом. «Атлантическая однополярность»…уже не формирует и не направляет глобальную геополитику и геоэкономику» [7, с. 90]. Джордж Ео, министр иностранных дел Сингапура, отмечает: «Развивающиеся страны уже не станут устремлять свои взоры только на Запад как источник вдохновения; они тоже повернутся к Китаю и, может быть, к Индии» [8, с. 29]. А бывший премьер-министр Бельгии Ги Верхофстадт утверждает: «Совершенно очевидно, что однополярное мироустройство доказало свою неэффективность и нежелательность. Новый биполярный мир, созданный по лекалу холодной войны, также не выдерживает критики. Столь же неуместным представляется возвращение к опоре на национальное государство, если учесть следующее: несколько последних десятилетий продемонстрировали, что ни одно государство не может считаться достаточно крупным и богатым, чтобы в одиночку противостоять глобальным вызовам. Так что, нравится нам это или нет, мы в каком-то смысле возвращаемся к региональным империям и вступаем в новый век» [9, с. 26 – 27]. Алессандро Полити – директор лаборатории стратегических сценариев Института экономических исследований Nomisma (Болонья, Италия) пишет, что идеология рыночной экономики (невидимая рука, витальная сила и демократия рынка) подорваны. «Если все это, по его мнению, и не станет концом рыночной экономики по сути, мало сомнений в том, что управляемая рыночная экономика стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) будет разительно отличаться от евроатлантической. Сценарий упадка привычной системы может показаться пугающим, но лучше смоделировать его (и сделать выводы по изменению курса), чем идти на поводу у инерции мышления, интересов привилегированных кругов и невежества, которые стремятся заблокировать радикальные перемены» [10, с. 68]. Д. Белл, всемирно известный автор теории постиндустриального

общества, анализируя процессы регионализации мира, приходит к выводу о том, что наша эпоха становится «эпохой разобщенности». Он подчеркивает, что, несмотря на усилия некоторых политиков сконструировать однополярный мир, реальные события идут своим чередом. «Именно поэтому, согласно ему, мы наблюдаем сегодня прецеденты региональной интеграции. Европейский Союз, Североамериканская зона свободной торговли, интеграционные усилия в Юго-Восточной Азии... Регионы – вот те политические, социальные и культурные единицы, из которых будет строиться мир XXI века» [11, с. 6]. Английский исследователь Н. Фергюссон предсказывает: «Если события будут и далее развиваться так, как они развивались в последние несколько десятилетий, двухвековому доминированию Европы, а затем и ее гигантскому североамериканскому отпрыску, придет конец. Япония была лишь провозвестником азиатского будущего. Она оказалась слишком мала и слишком интравертна, чтобы изменить мир. Но те, кто идет вслед за ней – и, прежде всего, Китай, – свободны от этих недостатков... Европа была прошлым, США являются настоящим, а Азия, с доминирующим в ней Китаем, станет будущим мировой экономики» [12, с. 17]. Даже небезызвестный З. Бжезинский признает, что «500-летнее глобальное доминирование атлантических держав подходит к концу» [13, с. 115 – 117]. Таковы оценки сегодняшней ситуации в мире.

А теперь поставим вопрос: как быть, как действовать, с кем объединяться и с кем разъединяться России, Беларуси и Украине с учетом вот этого современного мирового контекста, связанного как с новыми интеграционными процессами, так и новыми разделительными линиями? Нам, восточным славянам, надо очень хорошо разобраться в том, что представляет собой современный мир, в каком направлении и как движется современная цивилизация. Это нам необходимо для того, чтобы в очередной раз не совершить тупиковый выбор, не попасть в историческую западню, чтобы верно определить надежную перспективу для своего дальнейшего развития.

К сожалению, славянский мир вступил в третье тысячелетие раздробленным и обессиленным, подверженным внутренним распрям и разрушительному внешнему воздействию на него. Резко сужается территориальное жизненное пространство славянских народов, сокращается их численность, прямо на глазах слабеет их экономический и оборонный потенциал. Процесс крушения советской сверхдержавы и сопутствующие ему геополитические переделы и обвалы значительно опережают процесс цивилизационного

самоопределения славянства и обретения теми или иными славянскими народами своей «идентичности». По сути дела идет деславянизация мира. Однако не только славянский мир в целом, но даже восточнославянская цивилизация в отдельности (восточнославянский суперэтнос), не выработала согласованных мер по противодействию всем этим негативным тенденциям и процессам.

Между тем, будущее восточнославянской цивилизации закладывается сегодня. Восточнославянским народам, чтобы не оказаться вытолкнутыми на обочину исторического процесса, в нищую мировую периферию и занять достойное место в геополитической (финансово-экономической, демографической, экологической и т.д.) обстановке XXI века, которая по всем имеющимся признакам обещает быть еще более противоречивой и конфликтной, чем в XX столетии, необходимо выработать и осуществить инновационную, прорывную стратегию развития.

Что конкретно наиболее важно в геостратегическом плане для восточнославянских народов в данный исторический момент?

Ответ один: формирование восточнославянского цивилизационного центра развития и силы на собственной культурно-исторической основе.

Объективно вопрос стоит так. Объединяющаяся и объединенная Европа однозначно не считает православные восточнославянские народы своими и, похоже, что и в обозримом будущем считать не будет. Мы для нее вечно чужие. Для «тигров» Азии (прежде всего Юго-Восточной Азии) и народов исламского мира мы тоже далеко не свои. В этой ситуации восточнославянским народам остается два пути: или они консолидируются, объединяются и создают свой собственный центр развития и силы, или они превращаются в «этнографический материал», почву и удобрение для развития других цивилизационных центров развития.

Мы, конечно, отдаем себе отчет в том, что события в настоящий момент трагически разворачиваются в совершенно другом направлении. В отличие от всех других регионов мира только один регион – восточнославянский идет не по пути интеграции, а по пути дезинтеграции. Нас разделяют, а мы и сами с энтузиазмом разделяемся.

Иные сказанному могут возразить, указав на то, что Беларусь и Украина изначально являются европейскими государствами. Это верно. Беларусь и Украина территориально принадлежат Европе. Однако следует четко различать два смысла понятия «Европа»:

географический, в котором Европа как часть света простирается до Уральских гор, и социокультурно-цивилизационный. В социокультурном и цивилизационном плане Европа разделена. Западные идеологи и политики, касаясь этого вопроса, прямо заявляют: «Европа заканчивается там, где заканчивается западное (протестантизм и католицизм) христианство и начинается православие и ислам» (С. Хантингтон, Ф. Болкестайн и др.). Западные идеологи, таким образом, нас однозначно к европейскому центру развития не относят. В действительности, существует несколько «Европ», которые крайне несхожи между собой. Первая Европа (Западная Европа) – это та, которая дала миру техногенную цивилизацию, то есть первая в мире осуществила индустриализацию и распространила (или навязала) по всему миру нормы и законы общества потребления. Первая Европа – это совершенно уникальный регион мира, омываемый Гольфстримом, и, соответственно, с характерным для него умеренно теплым океаническим климатом. В принципе Западная Европа неповторима нигде и никогда, поскольку она сложилась и структурировалась в результате действия многих факторов, которые во всей своей совокупности больше не обнаружили себя ни в каком другом регионе мира (об этом очень убедительно писал выдающийся немецкий социолог М. Вебер). Ко второй Европе, с некоторой долей условности, можно отнести Чехию и Венгрию. Эти государства ближе всего к Западной Европе и по географическому расположению, и по духу. Что касается Болгарии и Румынии, то они уже существенно иные по духу и ментальности. Польша находится где-то между второй и третьей Европой. Албанию и Косово придется отнести к четвертому лику Европы, ведь они представлены этносами, исповедующими ислам. Беларусь, Украина – тоже Европа, но по природно-климатическим, религиозным, ментально-духовным характеристикам они наиболее далеки от Западной Европы. Здесь в целом, конечно, обнаруживается такая тенденция: чем ближе к Западу, тем больше Европы; чем ближе к Востоку – тем меньше Европы. Нравится это кому, или нет, но Беларусь и Украина принадлежат не к западноевропейской протестантско-католической цивилизации, а имеют прямое отношение, от самых корней, из глубин к восточно-православной славяно-русской цивилизации. (Хотя оспорить этот тезис весьма трудно, но многие, тем не менее, будут пытаться это делать. Верно сказано, что если бы таблица умножения затрагивала чьи-либо интересы, правильность ее непременно ставилась бы под сомнение).

А теперь, исходя из всего сказанного, попробуем провести своего рода мыслительный эксперимент, включающий в себя осмысление двух сценариев относительно перспектив развития восточнославянских народов.

Сценарий 1. Предположим, Украина полностью отрывается от России, разрывает с нею все исторические, экономические, научно-технологические, военные, да и просто человеческие связи и отношения, отгораживается. Поставим вопрос: нужна ли Украина Западу и США? Нужна. Но нужна только в деструктивных целях: для того, чтобы ослабить Россию, набросить на нее петлю, не дать ей возможности создать свой самостоятельный центр развития и силы, и тем самым иметь беспрепятственный доступ к ее ресурсам, стать хозяином и распорядителем этих ресурсов. Во всех других отношениях Украина Западу совершенно не нужна, не только не нужна, но даже представляет для него определенную опасность. «Европейский дом» тесен. Для расширения «клуба избранных» на нашей планете просто нет ресурсов. **Став составной частью балто-черноморского проамериканского санитарного кордона, отделяющего Россию от Западной Европы, Украина может превратиться в глухую окраину Европы и изгоя Евразии. Украина представляет интерес для США только до тех пор, пока она окончательно не разорвет отношения с Россией, сделает налаживание добрососедства с ней в дальнейшем невозможным**. Европе не нужна Украина как конкурент в получении ресурсов из третьих стран, не нужна она ей и как конкурент и в области промышленного производства, особенно высокотехнологичного. Напротив, Западу необходимо любой ценой сохранить монополию на высокотехнологичное производство. Ибо это является важнейшим условием его доминирования в мире. **Но главное – Западной Европе не нужна Украина как чуждое духовно-ментальное и культурно-цивилизационное образование**. Так что после того, как Западу и США удастся взять под свой полный контроль Россию, Украине будет отведена роль самой жалкой периферии, самого дешевого рынка рабочей силы и места для сброса некачественных товаров, и, прежде всего, роль генно-биологической подпитки состарившихся западноевропейских этносов. Украине придется долго-долго догонять Болгарию и Румынию. Более того, нельзя совсем исключать и того обстоятельства, что так называемое вхождение Украины в «европейский дом» может на деле обернуться для нее полной утратой политической субъективности и су-

веренитета, гражданской войной восточных и западных областей, исламизацией юга страны, отделением Крыма сначала как автономии, а затем и как независимого татарского государства, окончательным разрушением промышленности, унаследованной ею от Советского Союза, и тому подобными разрушительно-негативными процессами. Если и Беларусь решит последовать примеру Украины, то и она станет такой же жалкой периферией. Космополитический и постмодернистский Запад никогда не будет беспокоиться о сохранении «белорусскости» и развитии национального самосознания у белорусского народа. Как представители другой цивилизации Беларусь и Украина никогда не достигнут реального равноправия со странами Западной Европы.

С другой стороны, одна Россия, без стратегического экономического, политического и военного союза с остальными восточнославянскими странами, вряд ли сможет сохранить свою территориальную целостность, удержать свою Западную и Восточную Сибирь – эту богатейшую в мире кладовую сырьевых и энергетических ресурсов – ей для этого просто не хватит населения. На этот регион с откровенным вожделением сегодня смотрят и США, и Япония, и Китай.

Итак, при реализации данного сценария будет достигнута цель раздробления восточнославянского мира, превращения его в колониальную или полуколониальную периферию других центров развития и силы. Именно над осуществлением этой цели сейчас и трудятся весьма напряженно все те, кто хочет поживиться, сохранить свои высокие стандарты потребления за счет восточнославянских народов. И как это ни трагично, на примере Украины, да и в некоторой степени и России, видно, что мы и сами помогаем мировым гегемонам в осуществлении этой цели. «Горько смотреть, – пишет украинский исследователь С.Н. Сидоренко в своей блестящей статье «Новая Россия и бывшая Малороссия», – как российская и украинская «элиты» наперегонки, отталкивая одна другую локтями, устремляются «в Европу», изо всех сил стараясь продемонстрировать перед Западом свою «цивилизованность». На Украине, по предписанию Запада, эта «цивилизованность» должна выражаться в отречении от своей тысячелетней русской истории, от созданного за эту тысячу лет духовного достояния, в предательстве русских интересов и т.д. От России же – в качестве проявления «цивилизованности» – Запад ожидает в первую очередь отказа ее от «имперских амбиций», а также трансформации ее духовной сущности, ос-

лабления тех духовных основ, на которых веками держалась русская жизнь. И, надо сказать, на протяжении всего послесоветского периода Россия очень старалась соответствовать предъявляемым требованиям, так что готова была жертвовать чем угодно, только бы признали ее «цивилизованность», только бы причислили ее к Европе...» [14, с. 136].

Сценарий 2. Беларусь, Россия, Украина создают свой самодостаточный региональный центр развития и силы. В орбиту их влияния, не исключено, будут вовлечены еще какие-то страны и народы. В этом случае Россия сможет сохранить территориальную целостность, а соответственно и богатства своих недр. И тут надо понять самое главное: недра Западной и Восточной Сибири, в случае тесного союза восточнославянских народов, станут их общим стратегическим ресурсом. В их освоении, в создании всех необходимых инфраструктур, наряду с русскими принимали активное участие и белорусы, и украинцы. Это наше общее достояние. Это наш общий потенциал для дальнейшего стабильного развития без ресурсного голода. В случае реализации этого сценария перед восточнославянскими странами открывается перспектива длительного и устойчивого развития. Тогда восточнославянскому миру, обладающему богатыми ресурсами, никто не сможет диктовать свои условия. Мы сами тогда сможем определять свой путь, свою стратегию, свою идеологию, свой перспективный «социальный проект».

В реальности Беларусь и Украина только в союзе с Россией и могут стать значимыми субъектами мировой политики; для Запада Украина и Беларусь – это всего лишь объекты манипулирования и разменная монета в большой игре против России. Кроме того, принципиально важно здесь и то, что вне традиционного союза трех братских славянских народов не только Украина и Беларусь рискуют утратить свою идентичность (малые и даже средние славянские народы, оказавшиеся включенными в орбиту влияния других, более древних цивилизаций, в конце концов, рано или поздно, как – свидетельствует исторический опыт, теряют изначально присущую им идентичность), но и Россия, в нашем агрессивно-конкурентном мире, тоже не застрахована от этого. Правильно пишет все тот же С.Н. Сидоренко: «Без Киева, из которого берет начало наша история, без единого православия, без русской культуры, которая является общим достоянием великороссов, малороссов, белорусов и других народов некогда великой страны, и Россия, и Украина внутренне бессмысленны и взаимно неполноценны» [14, с. 135]. Бела-

русь, Россия, Украина объективно, в силу своей исторической судьбы, являются в высшей степени естественными геополитическими союзниками.

Сегодня перед восточнославянскими странами стоит задача, чтобы не допустить такой ситуации, когда процесс нарастающей регионализации, консолидации региональных групп и центров силы будет происходить без них. Объективно, то есть независимо от устремлений наших геополитических конкурентов, восточнославянский регион, будучи в окружении экономически и политически более сильных конкурентов – Западной Европы и Китая, будет испытывать огромные трудности в процессе своей консолидации. И уж тем более в деле превращения в самостоятельный центр развития и силы, то есть в центр притяжения надежных союзников и партнеров. Это обстоятельство, безусловно, потребует от восточнославянских народов определенного рода сверхусилий, а от их элит и лидеров – духовной мобилизации, политической воли, смелости и целеустремленности. В противном случае восточнославянские народы могут оказаться кандидатами на утерю своей исторической и политической субъективности.

Смею высказать тезис: если Беларусь, Россия и Украина не смогут достичь тесного, специально подчеркнем, равноправного экономического, политического и военного союза, то есть стать самодостаточным центром развития и силы, то их ждет деградация и угасание. Их попросту, каждую по отдельности, раздавит или «каток» глобализации, или уже сформировавшиеся другие центры развития и силы. Но такого поворота событий восточнославянские народы не должны допустить ни при каких обстоятельствах.

Список литературы

1. Баталов, Э.Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа / Э.Я. Баталов // Полис. – 2003. – № 5.
2. Бобровников, А.В. Кто будет заказывать музыку? / А.В. Бобровников, В.М. Давыдов // Свободная мысль – XXI. – 2005. – № 2.
3. Делягин, М.Г. Предстоящий мир: некоторые базовые тенденции и требования к России / М.Г. Делягин // Мир в 2020 году / научн. ред. Ходорковский. – М., 2007.
4. Шишков, Ю.В. Регионализация и глобализация мировой экономики: альтернатива или взаимодействие / Ю.В. Шишков // Международная экономика и международные отношения. – 2008. – № 8.
5. Барма, Н. Мир без Запада / Н. Барма, С. Вебер, Э. Ратнер // Россия в глобальной политике. – 2008. – № 11.

6. Олтман, Р. Великий крах – 2008: геополитическое поражение Запада / Р. Олтман // Россия в глобальной политике. – 2009. – Том 7, № 1.
7. Пабст, А. Берлинская доктрина: от атлантической однополярности к панъевразийскому сообществу безопасности / А. Пабст // Россия в глобальной политике. – 2009. – Том 7, № 1.
8. Ео, Дж. Эпоха великой переоценки / Дж. Ео // Россия в глобальной политике. – 2009. – Том 7, № 1.
9. Верхофстадт, Ги. Три выхода для Европы: на пороге «нового века империй» / Ги Верхофстадт // Россия в глобальной политике. – 2009. – Том 7, № 1.
10. Полити, А. После «бушеномики». От бездержавной многополярности к текучим балансам / А. Полити // Россия в глобальной политике. – 2009. – Том 7, № 1.
11. Белл, Д. Эпоха разобщенности / Д. Белл // Свободная мысль – XXI. – 2006. – № 6.
12. International Herald Tribune. – 2008. – Dec. 17.
13. Фергюссон, Н. Мир без гегемона / Н. Фергюссон // Свободная мысль – XXI. – 2005. – № 1.
14. Сидоренко, С.Н. Новая Россия и бывшая Малороссия / С.Н. Сидоренко // Москва. – 2003. – № 11.

Кирвель Чеслав Станиславович, *доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии объединения кафедр социально-гуманитарных наук ГрГУ им. Я. Купалы.*

УДК 357.5

А.В. Дмитрук

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА В ОБЛАСТИ БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ МЕХАНИЗИРОВАННЫХ ВОЙСК В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В послевоенный период под воздействием изменения взглядов на характер ведения и боевое применение войск в современных войнах в Вооруженных Силах Республики Беларусь сформировался качественно новый род – механизированные войска.

Ключевые слова: род войск, механизированные войска, боевые действия, концепция, военное искусство, периодизация, Сухопутные войска.

В послевоенный период произошли коренные изменения в политическом устройстве мира, во взглядах на условия возникновения и характер ведения войн. Под воздействием научно-техниче-

ского прогресса были достигнуты существенные прорывы во многих областях современного знания.

Вооруженные Силы не могли находиться вне этих тенденций. В это время развивались существующие виды и рода ВС, появились новые. Как результат в настоящее время можно говорить о новом роде – механизированных войсках. Которые представляют собой современный гибкий военный организм способный самостоятельно вести боевые действия в любых условиях обстановки. Тем самым был пройден путь от простейших войск на механизированной тяге до органического сплава, включающего как мотострелковые (механизированные), так и танковые воинские части и подразделения. По этой причине, исследуя формирование современных механизированных войск, приходится учитывать тот факт, что танковые (бронетанковые) и стрелковые (мотострелковые) войска, ставшие основой этого нового рода войск, значительный период времени развивались самостоятельно по сходящимся направлениям.

Так сложилось, что в современной военно-исторической науке отсутствуют единые взгляды на периодизацию развития отечественного военного искусства после окончания Второй мировой войны.

Вместе с тем, отечественные Вооруженные Силы в целом и механизированные войска в частности являются составной и неотъемлемой частью военного устройства государства, поэтому их развитие проходит не в отрыве от процессов, происходящих в государстве и обществе, а является неизбежным их следствием.

На мой взгляд, в своем послевоенном развитии государство (СССР, Республика Беларусь) прошли три основные стадии: собственно окончание Второй мировой войны и переход государства на мирное устройство; создание ядерного оружия и «холодная война» между СССР и странами НАТО; и наконец, распад Советского Союза и строительство независимого государства Республики Беларусь.

В послевоенный период под воздействием, прежде всего этих политических факторов трансформировались принципы боевого применения, проходили изменения в организационно-штатной структуре и оснащении механизированных войск. Поэтому со значительной долей уверенности можно выделить также три, четко очерченных исторически, периода развития взглядов на боевое применение и строительство отечественных механизированных войск.

Первый (доядерный) период (1945 – 1952 гг.).

Второй (ядерный) период (1953 – 1991 гг.).

Третий (постсоветский) период (1992 г. – настоящее время).

При этом первые два периода механизированные войска проходили формирование (из танковых и мотострелковых войск) в составе – Краснознаменного Белорусского военного округа Советского Союза. Третий период развития и формирования войск проходит в составе Вооруженных Сил Республики Беларусь.

Общая направленность строительства механизированных войск Вооруженных Сил СССР определялась прагматическими соображениями, вытекающими из реально складывающейся военно-политической обстановки. Оно осуществлялось в соответствии с принятыми на определенный период взглядами на характер будущей войны, задачами по обеспечению военной безопасности государства, а также с учетом тенденций в строительстве вооруженных сил вероятного противника и реальных возможностей экономики своей страны [3, с. 275].

На протяжении всех послевоенных лет отечественное военное искусство развивалось под знаком противостояния с США и Организацией Североатлантического Договора. В этой связи и применение многих положений советского военного искусства формировались с учетом тех или иных военно-стратегических концепций Пентагона, получивших официальное признание в НАТО. При этом предусматривались как адекватные, так и несимметричные действия [3, с. 275]. В настоящее время на совершенствование боевого применения и развитие механизированных войск, большое влияние оказывает членство Республики Беларусь в ОДКБ и участие ВС Республики Беларусь в региональной группировке войск (сил) Союзного государства (Республики Беларусь и Российской Федерации). Непосредственное влияние на развитие отечественных механизированных войск также оказывали революционные достижения в военно-технической области.

Что же характерно и каковы тенденции каждого из периодов?

Первый (доядерный) период (1945 – 1952 гг.) характеризуется развитием взглядов на боевое применение и формирование механизированных войск в основном на опыте Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) и с учетом применения обычного оружия. Необходимо отметить, что все мероприятия военного строительства в этот период проходили под воздействием, а зачастую и в результате сокращения Вооруженных Сил, которое проводилось не только путем демобилизации личного состава. Расформировались многие соединения, отдельные части, военные училища, школы,

курсы, управления корпусов, армий. Оставшиеся соединения и части переводились на новые штаты, разработанные с учетом опыта войны, условий мирного времени и возможностей советской экономики [4, с. 477]. Общевойсковые армии в отличие от времен Великой Отечественной войны стали полностью механизированными объединениями, предназначенными для прорыва обороны и развития успеха в глубине. Танковые и механизированные корпуса были преобразованы соответственно в танковые и механизированные дивизии [2, с. 472]. Стрелковые дивизии хотя и продолжали существовать, но путем включения в состав танкосамоходных, артиллерийских полков и других воинских частей значительно повышались их огневые и маневренные возможности.

Второй (ядерный) период (1953 – 1991 гг.) связан с развитием военного искусства в условиях революции в военном деле и борьбой за достижение и сохранение военно-стратегического паритета между СССР и США, Организацией Варшавского Договора (ОВД) и НАТО. Этот период можно разделить на три этапа.

На первом этапе (1953 – 1971 гг.) развитие взглядов на боевое применение и формирование механизированных войск сопровождалось процессом перевооружения советских Вооруженных Сил на ракетно-ядерное оружие и отличалось коренным пересмотром взглядов на характер и способы ведения вооруженной борьбы [3, с. 274]. Внедрение в Сухопутные войска ракетно-ядерного оружия и другой новой боевой техники неизмеримо увеличило их огневую мощь, ударную силу и маневренность, резко повысило боевые возможности соединений и объединений, придало им большую самостоятельность в решении различных боевых задач. Вместе с тем военная теория была полностью ориентирована на ведение ядерной войны при явной недооценке возможности применения обычных средств поражения. Хотя и не отрицалось, что для окончательной победы после нанесенных ядерных ударов понадобится еще завершить полный разгром его вооруженных сил, лишить стратегических плацдармов, ликвидировать военные базы, а также не допустить вторжения сухопутных армий на территорию стран социализма [7, с. 217].

Второй этап второго периода (1972 г. – конец 1980-х гг.) проходил в условиях сохранения военно-стратегического паритета, дальнейшего совершенствования ядерного и обычного оружия, других средств вооруженной борьбы. В ходе этого этапа произошла переоценка роли и места ядерного оружия, окончательно утвердились

взгляды на возможность ведения как ядерной, так и войны с применением обычного оружия.

Главным направлением изменений организации общевойсковых соединений и объединений во втором периоде стало внедрение ядерного оружия, уже не только на оперативном, но и на тактическом уровне, повышение огневой мощи, увеличение удельного веса танков, возрастание подвижности мотострелковых дивизий и защищенности личного состава ведущего боевые действия на бронетранспортерах и боевых машинах пехоты.

Несмотря на значительные различия в тактике действий и ведение операций с участием механизированных войск на этих двух этапах стратегия ведения «будущей войны» по взглядам политического и военного руководства страны основывалась на постулатах наступательной военной доктрины. А это определяло соответствующие требования к структуре и организации войск. В этих условиях проблема повышения скорости и маневренности механизированных войск приобрела первостепенное значение. Наряду с увеличением огневой мощи, скорости, подвижности и проходимости танковых войск мотострелковые войска также оснастились скоростными, вездеходными, обладающими высокой живучестью боевыми машинами, что во многом и обусловило тенденцию к сближению этих родов войск.

Выделение третьего этапа (вторая половина 1980-х годов – 1991 г.) обусловлено принятием оборонительной военной доктрины, что повлекло за собой выдвижение на первый план проблем обороны в ущерб другим видам военных действий.

Отличительной чертой этого этапа является его незавершенность и проведение реформ в основном направленных на сокращение ВС. Отмечалось, что проводимые сокращения Вооруженных Сил и другие мероприятия очень важны, но они не являются реформой в целом, тем более, что все они не подчинены единой идее [5, с. 77]. Это в полной мере относилось и к мотострелковым, и танковым войскам, организационно-штатные структуры которых не претерпевали значительных изменений, но вместе с тем уже не в полной мере соответствовали оборонительной доктрине Советского государства.

Переходя к третьему периоду необходимо отметить, что Вооруженные Силы Республики Беларусь создавались не на пустом месте. Основой для создания молодой белорусской армии стали войска КБВО, а также учреждения, соединения и воинские части,

прибывающие в Республику Беларусь из групп войск, дислоцировавшихся в других странах «народной демократии».

При этом Верховным Советом Республики Беларусь были приняты своевременные меры к сохранению имеющегося как кадрового, так и материально-технического потенциала Вооруженных Сил. Уже в январе 1992 года Совету Министров Республики Беларусь было поручено подчинить себе все формирования Вооруженных Сил на территории Республики Беларусь.

Командующему КБВО генерал-полковнику А.И. Костенко предписывалось до назначения министра обороны Республики Беларусь осуществлять контроль над всеми Вооруженными Силами на территории Республики Беларусь, на него также возлагалась ответственность за сохранение материально-технической базы Вооруженных Сил на территории Республики Беларусь [6].

Третий (постсоветский) период (1992 г. – настоящее время) исторически связан с распадом Советского Союза, прекращением существования Организации Варшавского Договора и Вооруженных Сил СССР, созданием и реформированием Вооруженных Сил Республики Беларусь, разработкой новых концептуальных и доктринальных документов, а также переработкой руководств и наставлений.

Несмотря на свою относительную непродолжительность, беря за основу те качественные изменения, происходящие в развитии нашего государства в этом периоде можно выделить два основных этапа.

Первый этап (1991 – 1994 гг.) связан с началом создания и попытками реформирования Вооруженных Сил Республики Беларусь в эти годы.

Общевойсковые и танковые армии были преобразованы в армейские корпуса, мотострелковые и танковые дивизии – в отдельные механизированные бригады, а часть их – в базы хранения вооружения и техники. Вместе с тем, в военном строительстве были допущены серьезные ошибки концептуального характера [5, с. 93].

Второй (1995 г. – настоящее время) этап характеризуется завершением реформирования и продолжением строительства Вооруженных Сил Республики Беларусь.

На базе армейских корпусов сформированы Командование Сухопутных войск, Западное и Северо-Западное оперативные командования, базы хранения вооружения и техники переформированы в отдельные механизированные бригады. Идет постоянный поиск

оптимальной организационно-штатной структуры основной тактической единицы ВС отдельной механизированной бригады. С этой целью были сформированы отдельные механизированные группы, мотострелковые батальоны переформированы в механизированные, ряд механизированных и танковых воинских частей и подразделений неоднократно изменяли свои организационно-штатные структуры и условия содержания в мирное время. Основные направления в развитии боевого применения механизированных войск проходят апробацию на войсковых учениях, значительная часть которых проводятся как исследовательские.

С развитием цивилизации роль войн в жизни народов и государств не только не уменьшилась, а даже наоборот – все больше увеличивалась. Наиболее показательным в этом отношении оказался XX век, самый варварский и самый кровопролитный, век в котором эволюция войны как средство политики, по мнению ряда военных ученных, достигла своего высшего предела [1, с. 714]. Поэтому пока существует наше государство не завершиться процесс создания Вооруженных Сил Республики Беларусь, а его качество и эффективность в большой степени будет зависеть от оперативного и правильного реагирования военной науки на требования и вызовы современности, и, что не менее важно, от кропотливого анализа всей предшествующей истории строительства ВС. Только это позволит избежать ненужных ошибок и излишних затрат. Об этом же ярко свидетельствует путь проб и ошибок пройденный механизированными войсками при своем формировании в послевоенный период.

Список литературы

1. Золоторев, В.А. Военная история России / В.А. Золатарев, О.В. Саксонов, С.А. Тюшкевич. – М.: Кучково поле, 2001. – 735 с.
2. Лотоцкий, С.С. История войн и военного искусства: учеб. для слушателей высших военно-учебных заведений ВС СССР / С.С. Лотоцкий; под общ. ред. С.С. Лотоцкого. – М.: Военное издательство. – 1970. – 560 с.
3. История войн и военного искусства: проблемы стратегии, оперативного искусства и военного управления (XVIII – начало XXI вв.): учеб.: в 2 ч. / под общ. ред. И.П. Макара. – М.: РИО Военной академии Генерального штаба. – 2008. – Ч. 1. – 382 с.
4. Краснознаменный Белорусский военный округ / под общ. ред. А.Г. Овчинникова. – Минск: Беларусь, 1973. – 674 с., ил. + 12 карт.
5. Мальцев, Л.С. Вооруженные Силы Республики Беларусь: История и современность / Л.С. Мальцев. – Минск: Асобны Дах, 2003. – 245 с.

6. О Вооруженных Силах, дислоцирующихся на территории Республики Беларусь: постановление Верховного Совета Республики Беларусь // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь, 11 января 1992 г., № 1403-XII.
7. Павловский, И.Г. Сухопутные войска СССР: Зарождение, развитие, современность / И.Г. Павловский. – М.: Воениздат, 1985. – 320 с.

Дмитрук Александр Вячеславович, *начальник военного факультета ГрГУ им. Я. Купалы, полковник.*

УДК 327.56

А.В. Дмитрук

ОПЫТ ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙН И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ТАКТИКУ ДЕЙСТВИЙ МЕХАНИЗИРОВАННЫХ ВОЙСК

После Второй мировой войны в мире произошло более 250 локальных войн и вооруженных конфликтов. Наиболее крупные из них – войны в Корее (1950 – 1953 гг.), Вьетнаме (1945 – 1975 гг.), на Ближнем Востоке (1967, 1973, 1982 гг.), на Фолклендских островах (1982 г.), в Афганистане (1979 – 1987 гг.), в зоне Персидского залива (1991 г.) и вооруженные конфликты в Чечне (1994 – 1996 гг.), (1999 – 2000 гг.). Все эти войны и вооруженные конфликты, большие и малые, оказали существенное влияние на развитие тактики.

Ключевые слова: война, конфликт, вооруженная борьба, оружие, техника, поле боя, противоборство, сотрудничество.

Главным фактором развития тактики явилось интенсивное совершенствование в 50-х – 80-х годах средств вооруженной борьбы, обусловивших появление новых способов тактических действий.

Всего 5 лет прошло после окончания Второй мировой войны, как в 1950 г. была развязана война на Корейском полуострове. Но и за этот короткий срок существенно обновилась материальная база вооруженной борьбы, появилось немало новых видов оружия – управляемые самолеты-снаряды, на смену поршневым самолетам пришли реактивные, скорость которых в два раза превышала поршневые, в массовых масштабах стало применяться на поле боя зажигательное оружие (напалм), а также отдельные виды оружия массового поражения (бактериологическое и химическое) [1].

Развитие военной техники повлияло на способы ведения боя – зародилась тактика охвата противника по воздуху на вертолетах, тактика «туннельной обороны». В более широких масштабах, чем раньше, стали применяться морские десанты, разведывательно-диверсионные действия. Все это еще раз продемонстрировало ту закономерность, что развитие тактики идет в унисон с развитием оружия и боевой техники, при этом революционизирующим элементом совершенствования форм и способов вооруженной борьбы неизменно выступают изменения в материальной основе войск [1].

Еще более отчетливо это обстоятельство проявилось в ходе войны во Вьетнаме, где более широко и интенсивно стало использоваться новое управляемое оружие – ЗРК, управляемые авиабомбы, самонаводящиеся авиационные ракеты «Шрайк», боевые вертолеты, боеприпасы объемного взрыва, средства метеорологической и геофизической войны. Это повысило напряженность и решительность боевых действий [2].

В результате массового применения многоцелевых вертолетов во Вьетнаме войска обрели принципиально новое боевое качество – воздушную мобильность. В военном искусстве появился новый вид боевых действий сухопутных войск – аэромобильные операции. Для их ведения в американской армии было создано новое оргштатное формирование – аэромобильная дивизия, предшественница воздушно-штурмовой дивизии. Широкое применение на поле боя боевых вертолетов положило начало новому способу огневой поддержки войск на поле боя – поддержки с вертолетов.

Вьетнамская война дала большой импульс последующему развитию армейской авиации – вертолетов, легких самолетов, беспилотных летательных аппаратов. Стало интенсивно совершенствоваться вертолетное вооружение, на оснащение вертолетов стали поступать ракеты класса «воздух-воздух», комплексы ПТУР, отвечающие концепции «выстрелил – забыл»; повысилась защищенность и полезная нагрузка вертолетов, усовершенствовались их бортовые средства разведки, целеуказания и РЭБ.

Немало новых видов оружия и боевой техники испытывалось в вооруженных конфликтах на Ближнем Востоке (1967, 1973, 1982 гг.). В них участвовали массовые сухопутные армии, оснащенные более совершенными типами танков, артиллерии, авиации. В широком масштабе применялись управляемые ракеты (ПТУР, ЗУР, авиационные). Высокая эффективность применения ПТУР в

арабо-израильской войне 1973 г. дала повод назвать эту войну «войной ПТУР против танков» [3].

Состязание брони и снаряда в вооруженных конфликтах 70-х годов вступило в новую стадию, причем чаша весов все более стала склоняться в пользу превосходства новейших противотанковых средств над танком. Если в арабо-израильской войне 1967 г. потери танков составили 36 % от их общего состава, в войне 1973 г. – 51 %, то в войне 1982 г. потери танков увеличились до 80 %.

Существенно и то, что от одной локальной войны к другой все более интенсивно стали внедряться в войска новейшие системы вооружения. Если в войне в Корее было введено в действие 9 принципиально новых боевых систем, во Вьетнаме – 25, в войнах на Ближнем Востоке – 30, то в войне в зоне Персидского залива произошел резкий качественный скачок – здесь американцы испытали около 100 новых видов оружия и боевой техники, среди которых важное место заняли самолеты-«невидимки», управляемые авиационные бомбы с лазерной головкой самонаведения, новые противолокационные ракеты, боеприпасы объемного взрыва, крылатые ракеты морского базирования, разведывательно-ударные комплексы, самолеты РЭБ. И что особенно характерно – впервые в интересах войск на поле боя был использован космический фактор, причем не только в оперативно-стратегическом, но и в тактическом звене. Космические средства явились технической основой разведки США [1].

С учетом опыта вооруженных конфликтов американцы все более стали делать ставку на развитие высокоточных систем оружия. Начало этому было положено в войне во Вьетнаме. Об увеличении удельного веса ВТО свидетельствуют следующие показатели – если в операции «Буря в пустыне» (1991 г.) доля управляемых авиабомб составляла 8 %, то через 7 лет – при проведении операции против Ирака «Лис пустыни» (1998 г.) их удельный вес возрос до 70 %. В операции «Устрашающая сила» (1999 г.) против Югославии 90 % всех американских средств поражения составляли высокоточные.

Наряду с созданием новых суперсовременных средств поражения в ходе вооруженных конфликтов совершенствовались и так называемые «классические» рода войск – артиллерия, мотострелковые и танковые войска. Так, вдвое возросла боевая эффективность РСЗО вследствие повышения точности стрельбы, увеличения числа направляющих и применения кассетных боевых частей.

РСЗО и авиация стали использоваться для дистанционного минирования местности, что повысило эффективность воздействия на противника. Дальность стрельбы ствольной артиллерии возросла в 1,5 раза, а ее возможности по подавлению групповых и одиночных целей – в два раза. Вследствие этого длительный дальний огневой бой стал непременным условием обеспечения успеха боевых действий. Ближний бой, хотя и не потерял своего значения, но чаще всего стал превалировать в вооруженных конфликтах. Резко возросла роль высокоточного оружия, что положило началу периода так называемых «неконтактных» боевых действий. Разработка артиллерийского управляемого снаряда с лазерной системой наведения обеспечила прямое попадание в движущийся танк с первого выстрела на максимальную дальность стрельбы.

С принципиально новым, «нетипичным» характером боевых действий пришлось столкнуться советским войскам в ходе боевых действий в Афганистане, к которым они практически оказались не готовы. Учиться вести бой с противником – иррегулярными вооруженными формированиями, применяющими тактику партизанских действий, пришлось в ходе боев. Прежде всего возникла необходимость существенно перестраивать оргштатную структуру мотострелковых дивизий, поскольку из-за перегруженности тяжелой боевой техникой она оказалась мало приспособленной для действий в горно-пустынной местности в условиях очагового характера боевых действий, бездорожья, высоких температур, большой запыленности и безводья. Лишь в редких случаях дивизии приходилось выполнять боевые задачи, действуя в полном составе. Далеко не везде могли применяться танковые полки [3].

В условиях «расширенного поля боя», при наличии больших промежутков между боевыми порядками войск, стороны стремились «выиграть тыл», нанести удар во фланг, перерезать коммуникации противника, устраивая на них засады, минные заграждения, завалы.

Для борьбы с иррегулярными формированиями приходилось создавать сводные отряды с облегченной боевой техникой, основу которых составлял мотострелковый батальон, усиленный артиллерией, танками, саперами и поддерживаемый авиацией. В условиях труднодоступной горной местности значительно повысилась роль высокомобильного наземно-воздушного компонента – тактических воздушных десантов. Они высаживались обычно на глубину 15 – 50 км от передовых частей с задачами обеспечить захват и удер-

жание важных объектов местности (мостов, перевалов, переправ, населенных пунктов, ущелий), обеспечить пропуск войск, содействовать отсечению и окружению отрядов противника, воспрещать подход к ним резервов из глубины. Только в 1986 году в Афганистане было высажено 76 тактических воздушных десантов общей численностью 12 246 человек, в 1987 г. – 28 десантов численностью 8793 человека [2, с. 12].

При действиях в общем армейском операционном районе соединениям (частям) назначалась не полоса наступления или обороны, как обычно, а обширная зона ответственности. Так, например, 5 мсд определялась зона ответственности протяженностью – 640 км, для 108 мсд – 420 км, 201 мсд – 400 км. Зоны ответственности полков простирались до 100 – 120 км. Для батальонов назначались участки размером 30 – 40 х 10 – 15 км.

Сложность состояла в том, что средства управления, радиосвязи, разведки и обеспечения не были рассчитаны для возросшего размаха действий войск в сложных условиях. Из-за этого возникло немало особенностей в организации боевых действий. Командиру дивизии, например, приходилось проводить рекогносцировку путем облета местности на вертолетах. Перед войсками в зоне ответственности возникло много «нетиповых задач» таких, например, как ведение разведывательно-поисковых действий, отражение налетов формирований противника, захват опорных баз, борьба с засадами, охрана и оборона аэродромов, коммуникаций, боевое сопровождение колонн с грузом, осуществление блокирующих, сдерживающих и рейдирующих действий [1, с. 54].

В таких условиях требовалось обеспечивать высокую боевую самостоятельность подразделений. Возникла необходимость реконструировать структуру и техническое оснащение тыла, приспосабливать тыловые и технические подразделения к «самообороне», чтобы они могли самостоятельно решать не только тыловые, но и боевые задачи, связанные с отражением нападения противника. С этой целью автотранспорт, обеспечивающий подвоз материальных средств, особенно боеприпасов, требовалось оснастить броневой защитой, а личный состав – вооружением. Аналогичные требования предъявлялись к войскам обеспечения – инженерным подразделениям, подразделениям РХБЗ, связи, которые были весьма чувствительны и уязвимы от налетов диверсантов.

Практически с теми же проблемами, что и в Афганистане, российские войска столкнулись в чеченской военной кампании в

1994 – 1996 гг. Так как должные уроки из Афганской войны в свое время не были извлечены, то повторились те же ошибки, что имели место раньше. Прежде всего была допущена предвзятая оценка (вернее явная недооценка) сил и возможностей незаконных вооруженных формирований (НВФ) в самой Чечне, которые фактически представляли собой боеспособную регулярную армию. Сильными сторонами чеченской военной структуры являлись: высокие мобилизационные возможности; четкая система управления, обеспечившая централизацию руководства вооруженными формированиями при автономном характере их боевых действий; наличие чисто военных структурных формирований (мотопехотных, горнострелковых, танковых, артиллерийских, противовоздушных, а также разведывательных и тыловых частей). Цементировала боеспособность НВФ национально-этническая и религиозная общность военного контингента, тесная связь с местным населением [2, с. 13].

Главными причинами провала первой чеченской кампании являлись: неоправданная поспешность в ее подготовке, крайне неудачный выбор времени начала операции (декабрь); совершенно непродуманное информационно-психологическое обеспечение хода военных действий; слабое взаимодействие участвующих в совместных операциях разноведомственных федеральных структур (СВ, ВВ МВД, ФПС, МЧС, ФСБ, ЖД войск); невысокий уровень профессиональной подготовленности некоторых командиров, слабая обученность воинского контингента для действий в совершенно новых (специфических) условиях, их слабая подготовленность к решению задач в вооруженном конфликте.

Хотя в Афганистане и двух чеченских военных кампаниях в ограниченном количестве применялись новые виды оружия и боевой техники, тем не менее формы и способы тактических действий существенно обогатились. Новым здесь явилось то, во-первых, что сформировалась система взглядов на ведение боевых действий против иррегулярных формирований, применяющих тактику партизанских действий; во-вторых, возникло немало новых форм и способов тактических действий в виде разведывательно-поисковых, ударно-штурмовых, рейдово-блокирующих, проводимых совместно с формированиями других силовых структур (внутренними войсками МВД, ФПС, МЧС, ФСБ и др.); в-третьих, – утвердилась отрядно-групповая тактика действий в вооруженных конфликтах, появилось немало новых элементов боевого построения общевойсковых соединений и частей; в-четвертых, усовершенствовалась си-

стема огневого поражения противника применительно к условиям очагового противоборства; в-пятых, появился новый способ ведения обороны – сдерживающе-стабилизирующие действия; в-шестых, существенное развитие получили принципы общевойскового боя, обогатились содержание и методы работы командиров и штабов по его подготовке и ведению, управлению войсками, организации взаимодействия и всестороннего обеспечения [1].

Практикой боевых действий в вооруженных конфликтах была выработана новая форма оперативных действий – совместная специальная операция, представляющая собой совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, месту, времени и задачам войсковых, оперативных, режимных и погранпредставительских действий, проводимых согласованными боевыми усилиями формирований разноведомственных силовых структур под единым руководством, как правило, командования Сухопутных войск.

Что же касается наступления и обороны, то они тоже находили достаточно широкое применение в вооруженных конфликтах, но не в «классическом», а трансформированном виде. Так, оборона чаще всего велась не путем создания сплошных траншейных позиций и глубоко-эшелонированных полос, а по принципу очаговых действий, создания отдельных опорных пунктов, узлов обороны, заслонов с круговой системой огня и заграждений для перекрытия важных направлений.

Сущность наступательного боя составляли ударно-огневые действия в специфических формах, где не использовались позиционные методы противоборства (прорыв обороны, создание мощных ударных группировок, атака на сплошном фронте, наращивание боевых усилий путем ввода в бой вторых эшелонов и т.п.). Уничтожение крупных отрядов незаконных вооруженных формирований проводилось по схеме: дальнее огневое поражение – огневой удар в ближней зоне – кратковременная решительная атака. В некоторых случаях осуществлялся дальний огневой разгром НВФ без контактного вступления в бой с ними мотострелковых, танковых и воздушно-десантных подразделений [4, с. 43].

Условия очагового противоборства, отсутствие устойчивой линии фронта, ограниченность сил и средств для решения боевых задач наложили существенный отпечаток на построение боевого порядка войск в наступлении и обороне. Для действий в отрыве от базовых центров на удаленных, нередко изолированных направлениях требовалось обеспечить тактическую и огневую самостоя-

тельность мотострелковых и танковых подразделений. Это обусловило создание сводных тактических отрядов и групп по целевому назначению. Их основу составляли мотострелковые батальоны, усиленные танковыми, артиллерийскими, инженерными и огнеметными подразделениями.

Помимо сводных тактических групп и отрядов новыми элементами боевого порядка частей в вооруженном конфликте являлись: войсковые маневренные, ударно-огневые, истребительные, противодиверсионные, вертолетно-рейдовые группы, бронегруппы и подвижные группы минирования на вертолетах [4, с. 23].

Войсковые маневренные группы создавались для решения самостоятельных, внезапно возникающих задач в ходе боя, борьбы с мобильными отрядами и группами боевиков. Для выполнения специальных задач в их состав включались отряды и группы специального назначения, подразделения внутренних войск МВД, СОБР, ОМОН МВД. Ныне в войсках на основе опыта контртеррористической операции формируется облик войсковых маневренных групп. Предполагается, что их ядром в каждом полку должен быть «модернизированный» мотострелковый батальон, усиленный средствами огневой поддержки: гранатометами АГС-17 («Пламя»), ПТУРами, огнеметами.

Ударно-огневые группы, как правило, создавались в составе рейдовых, обходящих, штурмовых и блокирующих отрядов, а иногда и в составе сторожевых застав. Их основу составляли танковые, мотострелковые и артиллерийские подразделения, что обеспечивало сочетание огневого и броневого ударов.

Истребительные, а также противодиверсионные отряды и группы создавались для борьбы с диверсионно-разведывательными формированиями и террористическими группами НВФ при проведении специальных операций, прочесывании («зачистках») в населенных пунктах и при блокирующих действиях [1].

Вертолетно-рейдовые группы входили в состав рейдовых и обходящих отрядов, а также предназначались для боевого сопровождения автотранспортных колонн, борьбы с засадами. Они играли важную роль в предотвращении огневых налетов и диверсионно-террористических действий боевиков.

Бронегруппы включались в состав подвижных заслонов, обходящих отрядов, сторожевых застав, отрядов сопровождения автотранспортных колонн, засад, штурмовых отрядов при действии их в населенных пунктах.

Подвижные группы минирования на вертолетах обычно создавались при блокирующих действиях с целью быстрого устройства минно-взрывных заграждений на путях отхода боевиков и рубежах блокирования [4, с. 65].

Как видно из рассмотренного, тактика в локальных войнах и вооруженных конфликтах во второй половине XX столетия приобрела новое содержание как и военное искусство в целом.

Список литературы

1. 263-я отдельная разведывательная авиационная эскадрилья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:scucin-avia.narod.ru/units/10orap/10orap_dra.htm. – Дата доступа: 10.09.2009.
2. Качук, Н. Четырежды не награжденный / Н.Н. Качук // Армия. – 1999. – № 1. – С. 12 – 14.
3. 263-я оаэтр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.skywar.ru/afgan.html. – Дата доступа: 22.02.2010.
4. Воробьев, И.Н. Тактика – искусство боя / И.Н. Воробьев. – М.: Воениздат, 2002. – 323 с.

Дмитрук Александр Вячеславович, *начальник военного факультета ГрГУ им. Я. Купалы, полковник.*

УДК 32.019.51

А.С. Дубовік, А.В. Дзмітрук, В.У. Герасімчык

ТЭОРЫЯ «ІНФАРМАЦЫЙНАЙ ВАЙНЫ»

Прысвечаны тэорыі «інфармацыйнай вайны». У сучасных умовах войны прайграюцца яшчэ да моманту непасрэднага ўзброенага сутыкнення. Адным з ключавых фактараў у дадзеным напрамку і становіцца «інфармацыйная вайна».

Ключавые словы: інфармацыйная вайна, нацыянальная бяспека, канфрантацыя, інфраструктура, камунікацыйныя тэхналогіі, СМІ, інфармацыйныя тэхналогіі, электронныя сродкі.

Сучаснасць ставіць перад Чалавецтвам новыя выклікі. Традыцыйныя сілавыя спосабы вырашэння праблем паміж дзяржавамі, як формамі сацыяльна-палітыка-эканамічнай арганізацыі людзей, ва ўмовах наяўнасці арсеналаў ядзернай зброі ставіць пад пагрозу само існаванне Чалавека як біялагічнага віда. Але станаўленне «інфармацыйнага грамадства» (М. Порат, Й. Масуда) выводзіць

канфрантацыю на новы ўзровень, пераносячы яе ў свядомасць і нават падсвядомасць людзей. Увасабленнем дадзенай сітуацыі становіцца «інфармацыйная вайна» (далей – ІВ) як праблема нацыянальнай бяспекі.

Сам тэрмін ІВ як «information war» быў выкарыстаны вучоным-фізікам Т. Рэйнерам у 1976 годзе ў адносінах войн, якія ставяць на мэце перамогу над інфармацыйнымі сістэмамі. Тэрмін пачаў інтэнсіўна распрацоўвацца з сярэдзіны 80-х гг. XX ст. І ўпершыню на яго звярнулі ўвагу падчас вайны ў Персідскім заліве ў 1991 г. Але спецыялісты ЗША памянялі адценні дадзенага спалучэння слоў і сталі тлумачыць ІВ як «information warfare»: «інфармацыйная дзейнасць, якая прадпрымаецца палітычным утварэннем, каб аслабіць або знішчыць іншае палітычнае ўтварэнне» [1, с. 14]. Але да сённяшняга моманту паняцце ІВ носіць публіцыстычны характар і не ўвайшло ў шырокі навуковы ўжытак, што звязана з праблемаю яго тлумачэння. Так, беларускі даследчык А.А. Лазарэвіч зазначае, што ІВ «уяўляе сабою прынцыпіяльна новы від вайны» з дапамогай інфармацыі і інфармацыйных тэхналогій [2, с. 195]. В.Ю. Крыніна на аснове крытычнага аналіза прыходзіць да высновы, што інфармацыйная вайна – «камунікацыйная тэхналогія па ўздзеянню на масавую свядомасць з даўгачасовымі і кароткачасовымі мэтамі» [1, с. 36].

У 1997 годзе Міністэрства абароны ЗША прыйшло да высновы, што ІВ можа стаць значнай перавагаю і нават рашаючым відам ваеннага «супрацьборства», якое ажыццяўляецца ў асноўным (або выключна) шляхам праграмна-тэхнічнага, радыёэлектроннага і фізічнага паражэння ваеннай і грамадзянскай інфармацыйнай інфраструктуры дзяржавы-праціўніка, дэзарганізацыі яго сістэм дзяржаўнага і ваенна-палітычнага кіраўніцтва, аказання кантралюемага інфармацыйна-псіхалагічнага ўздзеяння на асабовы склад арміі і грамадзянскае насельніцтва як дзяржавы-праціўніка, так і яго саюзнікаў і суседніх дзяржаў пры адначасовай абароне ўласных аб’ектаў. Сутнасць такой вайны заключаецца ў нанясенні ваеннага паражэння праціўніку шляхам дасягнення і выкарыстання інфармацыйнай перавагі над ім.

Шэраг расійскіх аўтараў указваюць на тое, што тэрмін «інфармацыйная вайна» ў адносінах да сучасных інфармацыйных спосабаў вядзення вайны не зусім адпавядае стану рэчаў і было б больш правільна называць гэты від ваенных дзеянняў «інфармацыйнай барацьбой» як інфармацыйны кампанент узброенай барацьбы.

Большасць аўтараў адносіць інфармацыйную вайну да сферы геапалітычнага супрацьборства. Так, спецыялісты Міністэрства

замежных спраў РФ пад ІВ разумеюць «супрацьборства паміж дзяржавамі ў інфармацыйнай прасторы з мэтаю нанясення шкоды інфармацыйным сістэмам, працэсам і рэсурсам, крытычна важным структурам, падрыва палітычнай, эканамічнай і сацыяльнай сістэм, а таксама масіраванай псіхалагічнай апрацоўкі насельніцтва з мэтаю дэстабілізацыі грамадства і дзяржавы».

Панарын лічыць, што «у канцы XX ст. інфармацыйная вайна ёсць асноўны сродак сучаснай сусветнай палітыкі, дамінуючы спосаб дасягнення палітычнай і эканамічнай улады». Галоўнымі ж тэндэнцыямі інфармацыйнага супрацьборства ў свеце з'яўляюцца: барацьба за наасферу, у першую чаргу аб'ектамі яе стануць дзяржаўныя ідэі, духоўныя і нацыянальныя каштоўнасці, духоўная сфера жыццядзейнасці людзей; барацьба эліт; фінансавая вайна; супрацьборства ў інтэрнеце; інфармацыйнае супрацьборства падчас выбарчага працэса. Забеспячэнне бяспекі інфармацыйнага асяроддзя нашага грамадства – важная дзяржаўная задача.

Такім чынам, вылучаюць тры асноўныя разуменні паняцця інфармацыйнай вайны:

1. Асобныя інфармацыйныя мерапрыемствы і аперацыі, інфармацыйныя спосабы і сродкі кааператыўнай канкурэнцыі або вядзення міждзяржаўнага супрацьборства ці ўзброенай барацьбы.

2. Сфера ваеннага супрацьборства.

3. З'ява знешне мірнага перыяда міждзяржаўнага супрацьборства, якое дазваляе вырашыць знешнепалітычныя задачы несілавым у традыцыйным разуменні шляхам.

Элементы «інфармацыйна-псіхалагічнага ўздзеяння» для дасягнення сваіх мэтаў выкарыстоўваюцца людзьмі са старажытных часоў. Аб гэтым сведчыць вопыт старажытных рымлян. Так, перамога Рыма ў ходзе Пунічных войн вывела Італійскую дзяржаву на новую ступень – лідэра ў Заходнім Міжземнамор'і. Але галоўным сталася магчымасць выкарыстання перамогі ў якасці фактара ўздзеяння на сваіх ворагаў. «Карфаген павінен быць разбураны», – словы Катона, якія ён паўтараў пры любой магчымасці, пакуль адзін з першых зафіксаваных дэвізаў ІВ не быў рэалізаваны ў 146 г. да н.э. Вобраз Карфагена шырока выкарыстоўваўся рымлянамі як ўвасабленне «Імперыі Зла» свайго часу, а жыхарам Карфагена прыпісваліся адвергнутыя археалогіяй дадзеныя аб тым, што «пуны» забіваюць дзяцей у рытуальных мэтах.

Нягледзячы на выкарыстанне элементаў камунікацыйнага супрацьстаяння, толькі на сучасным этапе развіцця гісторыі Чала-

вецтва дасягнула стану, калі інфармацыя стала масавым жыццёва неабходным прадуктам спажывання. Тэндэнцыя да сімвалізацыі света з дамініраваннем вобразна-знакавых сістэм, пры якой уяўныя аб'екты замяняюць сапраўдныя, ставіць перад грамадствам праблему распазнавання праўдзівасці. Гэтая сітуацыя стварае магчымасць наўмыснай маніпуляцыі інфармацыяй з мэтаю ўздзеяння на свядомасць чалавека. Становішча чалавека, які выкарыстоўвае пры знаёмстве са светам вобразы вобразаў, а, у большасці выпадкаў, не вобразы рэальна атрыманыя ў выніку асабістага кантакта з аб'ектам (вобразы аб'ектаў) падымае праблему інфармацыйнай бяспекі.

Для існавання сённяшніх дзяржаўных інтытутаў у свеце неабходна суцэльнасць інфармацыйнага працэсу абмена інфармацыі не толькі ўнутры краіны, але і за мяжой. Ва ўмовах геапалітычных пагроз – гэта стала актуальнай праблемай, аб чым мы маем уяўленне на падставе Іракскай вайны. Так, размешчаная ў г. Атланта, штат Джорджыя, CNN забяспечвае ЗША спрыяльнае для іх асвятленне асноўных сусветных падзей. Амерыканскія спецыялісты зазначалі, што калі б арабы на пачатку XXI ст. валодалі каналам CNN, падзеі вакол Ірака атрымалі зусім іншы сусветны рэзананс [3, с. 29].

Я.С. Шаціла выдзяляе наступныя сродкі ўздзеяння на чалавека ў ходзе ІВ [4, с. 43]:

- сродкі масавай інфармацыі;
- літаратура;
- мастацтва;
- адукацыя;
- выхаванне;
- асабістыя зносіны.

Асаблівую ўвагу Я.С. Шаціла надае адукацыі [4, с. 92]. Так, рэфарміраванне сістэмы адукацыі ў суседняй РФ ён класіфіцыруе як элемент ІВ, выклікане жаданнем разбурыць традыцыйную сістэму расійскай адукацыі. Праблема ў адукацыйнай сферы маецца перад шэрагам дзяржаў былога СССР, «уцечка мазгоў» з рэгіёна на пачатку 90-х гадоў мінулага стагоддзя выклікала ўсплеск развіцця інфармацыйных тэхналогій на Захадзе. Таму перад Рэспублікай Беларусь як дзяржавай, якая ўвайшла ў XXI ст. стаіць праблема ў сферы адукацыі і прыцягнення таленавітай моладзі да супрацоўніцтва ў сферы высокіх тэхналогій. Беларуская «сіліконавая даліна» стала адным з першых крокаў на гэтым цярністым шляху, але неабходна прыкладаць значна болей намаганняў у дад-

зеным кірунку. Таму што калі эканоміку можна абнавіць, то інтэлектуальнае багацце страчваецца назаўжды.

Перад грамадствам узнікае праблема інфармацыйнай бяспекі – комплекс мер, накіраваных на абарону асобы і грамадства, дзяржавы і іх інтарэсаў ад негатыўнага інфармацыйна-псіхалагічнага ўздзеяння, у тым ліку з мэтаю прадухілення інфармацыйна-псіхалагічнай вайны [2, с. 190]. Інфармацыйная бяспека ўключае наступныя ўзроўні: інфармацыйная рызыка, пагроза, выклік, зброя, вайна. Загадам № 390 ад 17 ліпеня 2001 г. была зацверджана новая «Канцэпцыя нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь». Пытанням інфармацыйнай бяспекі ў Канцэпцыі прысвечаны асобны раздзел: «Бяспека Рэспублікі Беларусь у інфармацыйнай сферы», дзе адзначана залежнасць рэспублікі ад замежных сродкаў інфарматызацыі. Толькі супрацоўніцтва дзяржавы і грамадства дазволіць стварыць умовы, пры якіх прымяненне інфармацыйнай зброі (як прыклад, творы Суворава-Рэзуна) будуць мець мінімальны каэфіцыент дзеяння.

Застаецца канстатаваць, што пры ІВ лінія фронту праходзіць у галовах простых грамадзян. Таму неабходны пошук канструктыўных спосабаў вырашэння дадзенай праблемы, адным з накірункаў якой з'яўляецца пашырэнне ведаў пра гісторыю Бацькаўшчыны і выхаванне на ідэях патрыятызма.

Спіс літаратуры

1. Крынина, В.В. Дефиниции понятия «информационная война»: анализ российского и зарубежного опыта / В.В. Крынина // Новые технологии. – 2009. – № 3.
2. Лазаревич, А.А. Глобальное коммуникационное общество / А.А. Лазаревич. – Минск: Бел. наука, 2008. – 350 с.
3. Уткин, А.И. Новый мировой порядок / А.И. Уткин. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 640 с.
4. Шатило, Я.С. Информационная война третьего поколения / Я.С. Шатило // Научно-практический журнал. – 2009 – № 1 (4).
5. 263-я оаэтр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.skywar.ru/afgan.html. – Дата доступа: 22.02.2010.

Дубовік Аляксандр Сцяпанавіч, *старшы выкладчык агульнавайсковай кафедры ГрДУ імя Я. Купалы, падпалкоўнік.*

Дзмітрук Аляксандр Вячаслававіч, *начальнік ваеннага факультэта ГрДУ імя Я. Купалы, палкоўнік.*

Герасімчык Васілій Уладзіміравіч, *магістрант факультэта гісторыі і сацыялогіі ГрДУ імя Я. Купалы.*

УДК 94(47+597)

Р.А. Фурса

ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ СССР ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ (1965 – 1975 гг.)

В статье рассматриваются формы оказания помощи Советским Союзом правительству Демократической Республики Вьетнам в отражении американской агрессии.

Ключевые слова: бомбардировка, соглашения, дивизион, поставки, военно-техническое обеспечение, боевая позиция, комплекс.

5 августа 1964 г. американцы начали бомбардировки территории Демократической Республики Вьетнам (ДРВ) с целью подавления базы и источника снабжения национально-патриотических сил Фронта национального освобождения Южного Вьетнама (ФНОЮВ). Первая группа советских военных специалистов (около 200 человек) зенитчиков-ракетчиков из Бакинского округа ПВО прибыла во Вьетнам эшелоном вместе с техникой в конце апреля 1965 г. По условиям заключенного Межправительственного соглашения между СССР и ДРВ о поставках Вьетнаму зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) С-75, для отражения налетов американской авиации. В июле к ним на подкрепление прибыли самолетом еще 100 человек из Московского округа ПВО. Позже Группа СВС пополнилась летчиками, моряками, танкистами, связистами, медиками и др. военными специалистами [1, с. 126].

Недалеко от Ханоя были организованы два полковых Учебных центра: в 1-м (Московском) Учебном центре советские военные специалисты под руководством полковника М.Н. Цыганкова обучали летный состав первого (236-го) ЗРП Вьетнамской народной армии (ВНА), во 2-м (Бакинском) Учебном центре под руководством генерала Н.В. Баженова обучались ракетчики второго (238-го) ЗРП ВНА.

Ввиду сложившейся в тот момент тяжелой военной обстановки – ежедневные массированные бомбардировки американской авиацией территории Северного Вьетнама обучение вьетнамских ракетчиков велось в форсированном режиме, непосредственно на боевых позициях по принципу «Делай как я». Работать приходилось при сорокаградусной тропической жаре и 100 % влажности по 14 – 15 часов в сутки (даже ночью температура ниже 30 °С не опускалась). 24 июля 1965 г., из засады в 50 километрах северо-восточнее

Ханоя было сбито три американских самолета F-4C «Фантом». По Указу Президента ДРВ Хо Ши Мина этот день стал отмечаться как День зенитно-ракетных войск ВНА [4, с. 58].

Командирами зенитно-ракетных дивизионов, первыми принявших боевое крещение, были майор Б.И Можаев (стажер-дублер капитан Нгуен Ван Нинь) и майор Ф.П. Ильиных (стажер-дублер капитан Нгует Ван Тхан). Офицерами наведения у них были старший лейтенант Владислав Константинов (стажер-дублер лейтенант Ле Динь Тьи) и старший лейтенант Анатолий Бондарев. Операторами ручного сопровождения (РС) кабины «У» 63-го дивизиона были младший сержант Анатолий Бондаренко, ефрейторы Владимир Тимченко и Юрий Папушов, а 64-го дивизиона – младший сержант Петр Залипский, ефрейторы Валерий Малыга и Богданов. Возглавлял Группу СВС во Вьетнаме в этот период генерал А.М. Дзыза [2, с. 60].

С 24.07.1965 г. по март 1966 г. (до момента замены состава СВС полка) дивизионы под командованием подполковника Ф.П. Ильиных провели 18 боев и сбили 24 американских самолета, за что Федор Ильиных был представлен командованием к высокому званию Героя Советского Союза. 236 ЗРП за этот же период сбил 70 самолетов противника, израсходовав при этом всего 120 ракет. Расход менее 2-х ракет на 1 самолет (при норме 3) – это была по настоящему снайперская работа. Успешное применение советских зенитных ракет во Вьетнаме повергло американцев в шоковое состояние, особенно летный состав – господство в воздухе и безнаказанность бомбардировок Северного Вьетнама для них закончились. Опасаясь новых потерь, американцы вынуждены были на две недели полностью прекратить бомбардировки территории ДРВ и направлять туда для определения зоны действия зенитных ракет только беспилотные самолеты-разведчики, которые также успешно сбивались ракетчиками [5, с. 22].

Американские летчики очень боялись встречи с советскими ракетами и некоторые из них отказывались лететь бомбить территорию Северного Вьетнама, несмотря на то, что им вдвое увеличили доплату за каждый боевой вылет.

Командованию ВВС США пришлось заменить часть летного состава авианосцев и только после этого ожесточенные бомбардировки ДРВ возобновились. При этом одной из главных задач авиации США стало обнаружение и уничтожение зенитно-ракетных дивизионов любой ценой. В 1965 – 1967 гг. первые бои во вновь вводимых в строй ЗРП ВНА проводили советские боевые расче-

ты, а вьетнамские ракетчики, участвуя во всех операциях, были стажерами-дублерами. В последующих боях все операции по подготовке пуска и наведению ракет выполняли вьетнамцы, а советские ракетчики, подстраховывали их, оперативно исправляя возможные ошибки своих учеников. Ракетчики успешно применяли тактику действия из засад, быстро меняя позицию после каждого боя и искусно маскируясь, ЗРК встречали самолеты противника там, где они никак не ожидали встречи с советскими ракетами. На только что оставленных зенитно-ракетными дивизионами позициях вьетнамцы очень искусно оборудовали ложные ракетные позиции. Слегка замаскированные, окрашенные известью, бамбуковые «ракеты» и макеты кабин станции наведения ракет (СНР), были хорошей приманкой и настоящим капканом для авиации противника. Как правило, капкан срабатывал на следующий же день после ракетных пусков. При налете на ложную позицию американцы теряли еще несколько самолетов, так как такие позиции прикрывались ствольными зенитными батареями с хорошо обученными вьетнамскими расчетами, эффективно действующими по низколетящим целям [1, с. 187].

Находясь в засаде севернее 17-й параллели, 61-й зенитно-ракетный дивизион 236 ЗРП под командованием майора И.К. Проскурнина и капитана Хо Ши Хыу в своем первом бою в ночь с 11 на 12 августа 1965 г. 3-я ракетами сбил 4 американских самолета. Офицером наведения 61-го дивизиона был лейтенант Константин Каретников, а техником координатной системы лейтенант Нгуен Ван Тхан – будущий Командующий ПВО и ВВС ВНА. На следующий день ствольные зенитные батареи (более 100 стволов), прикрывавшие оставленную дивизионом ложную позицию ЗРК, сбили еще 3 самолета противника.

После проведения вьетнамскими расчетами нескольких успешных боев под контролем СВС, часть советских специалистов снималась с боевых позиций и приступала к обучению личного состава нового зенитно-ракетного полка. В допущенных к самостоятельным боевым действиям вьетнамских ЗРП оставались небольшие (10 – 12 чел.) комплексные группы из наиболее опытных советских военнослужащих, выполнявших роль инструкторов-наставников, ремонтников и советников одновременно. Это был своеобразный инженерно-интеллектуальный центр полка. В дальнейшем подготовка вьетнамских ракетчиков велась по такой же схеме и методике. Применение советских ЗРК во Вьетнаме привело к резкому

снижению эффективности налетов американской авиации на территорию ДРВ и заставило американцев спуститься со средних высот (3 – 5 тыс. м) на низкие (100 – 200 м), где они стали более уязвимыми для ствольных зенитных средств ПВО Вьетнама.

Широкое применение постановщиков пассивных и активных помех при налетах не помогало американцам и они вынуждены были постоянно искать и применять новые тактические приемы и технические средства подавления дивизионов ЗРК [3, с. 164].

В ответ на это Министерством обороны СССР совместно с ВПК были срочно сформированы и направлены во Вьетнам специальные группы, состоящие из военных и гражданских специалистов НИИ и КБ оборонных предприятий; в октябре 1965 г. – комплексная военно-научная группа по отбору и изучению трофейной американской военной техники и боеприпасов, в августе 1967 г. – научно-техническая группа специалистов разработчиков СНР, возглавляемая заместителем Главного конструктора системы С-75 А.М. Елисеевым и группа специалистов оборонной промышленности (3 бригады, всего 85 чел.) под руководством Ю.А. Вишнева. Огромный вклад в доработку и модернизацию зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) С-75 в полевых условиях внес майор И.П. Шавкун – легендарный человек, единственный из советских военных специалистов – полный кавалер вьетнамского ордена «За Боевой Подвиг» I, II, III степени.

За весь период вьетнамской войны в ней приняло участие более шести тысяч советских военнослужащих, до конца выполнивших воинский интернациональный долг. Некоторым из них не было суждено вернуться на Родину. По данным, полученным из различных источников, в период ведения боевых действий во Вьетнаме при исполнении служебных обязанностей погибло (умерло) семь человек. За мужество и отвагу, проявленные при выполнении интернационального долга в 1967 г., более 380 советских военных специалистов были награждены орденами и медалями СССР. 30 декабря 1972 г., понеся тяжелые потери, американцы прекратили эту операцию и вынуждены были 27 января 1973 г. подписать в Париже мирное соглашение о прекращении бомбардировок ДРВ и полном выводе своих войск из Вьетнама на условиях предложенных вьетнамской стороной. В марте 1973 г. американцы с позором ушли из Вьетнама. Окончательная точка в войне была поставлена 30 апреля 1975 г. В результате стратегической операции «Хо Ши Мин», блестяще проведенной Народными вооруженными силами, был

освобожден Сайгон. Над президентским дворцом взвился флаг Фронта национального освобождения Южного Вьетнама. Вьетнам стал единым и свободным государством [1, с. 216].

Список литературы

1. Егоров, Р.С. Боевая солидарность, братская помощь / Р.С. Егоров. – М., 1970. – 218 с.
2. Конорева, И.А. Из истории «холодной войны». Идеологическое противостояние США и СССР по проблемам Индокитая в 1954 – 1975 гг. / И.А. Конорева. – Курск, 2004. – 296 с.
3. Колесник, Н.Н. Советские ракеты в небе Вьетнама / Н.Н. Колесник // Боевое братство. – 2004. – № 4.
4. Полотов, В.Н. Война во Вьетнаме. Взгляд сквозь годы / В.Н. Полотов. – М., 2000. – 192 с.
5. Хюпенен, А.И. Боевое братство крепло под чистым небом Вьетнама / А.И. Хюпенен // Военно-исторический журнал. – 2002. – № 8. – С.19 – 27.

Фурса Руслан Александрович, *студент факультета истории и социологии ГрГУ им. Я. Купалы.*

УДК 94(437.093.1)(1968)

А.М. Стасевич

СОБЫТИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ 1968 ГОДА

После крушения «социалистического содружества» и мирной смены общественного строя в восточноевропейских странах, а затем и распада Советского Союза происходит переоценка многих явлений в нашем недавнем историческом прошлом, меняются подходы к его узловым моментам. Помимо потребностей политико-идеологических, проявляющихся во время всякой ломки общественных отношений и смены ориентиров, когда нередко переписывается история, имеется и более объективная – документальная основа для всесторонних обстоятельных выводов, так как для ученых и общественности открываются архивы бывших правящих партий и высших органов власти.

Ключевые слова: конфронтация, контрреволюция, содружество, кризис, интервенция, реформы, ревизионизм, соцлагерь.

В результате более свободного доступа в архивы существенно пополнились и изменились наши представления о многих важных событиях в сфере внутренней и внешней политики Советского Союза, о характере взаимоотношений с союзниками по Варшав-

скому Договору, о кризисах, не раз потрясавших фундамент, казалось бы незыблемого, здания мирового социализма, о конфронтации двух мировых военно-политических блоков.

Во время своих визитов в восточноевропейские страны в 1992 – 1993 гг. Президент России Б. Ельцин дал политические оценки таким противоправным действиям СССР, как вооруженное подавление восстания в Венгрии в 1956 г. и интервенция в Чехословакию в 1968 г. Произошел настоящий фейерверк многочисленных публикаций документов и материалов, ранее хранившихся за «семью печатями», – прежде всего в России, но и у наших соседей таким образом имеются условия для анализа и исследовательской работы, поскольку вопросов для ученых-историков все-таки остается немало [1, с. 461].

В истории мирового социализма «Пражская весна» 1968 г. занимает особое место. Оценки этого исторического явления за сравнительно короткое время – двадцать один год – изменились весьма круто – от «ползучей контрреволюции» до мирной демократической революции. Парадокс с самого начала заключался в том, что реформенный процесс, начатый коммунистами, правящей в стране компартией Чехословакии и с энтузиазмом поддержанный широкими массами населения, был вскоре, через 8 месяцев, подавлен военной силой тоже коммунистами, стоявшими у власти в соседних государствах-союзниках ЧССР по Варшавскому Договору. Идеи «Пражской весны» были вроде бы раздавлены танками и преданы забвению, но, как оказалось, они в немалой степени повлияли на зарождение, уже на новом витке истории, идей антитоталитарных массовых движений и революций, приведших в конце 80-х годов XX века к мирной смене общественного строя, в бывших социалистических странах [2, с. 43].

Что же это такое – «Пражская весна»? Революция или контрреволюция, заговор внутренних и внешних сил, пытавшихся «оторвать» Чехословакию от соцлагеря, косметическая попытка просоциалистических реформ или глубокий пореформенный процесс с непредсказуемыми последствиями?

В любом случае – это была не контрреволюция или некий зловещий заговор правых реакционных сил, задумавших сменить государственный и общественный строй в ЧССР. Вряд ли можно говорить и о серьезной попытке внешних сил, например, государств – членов НАТО использовать бурные общественные процессы в Чехословакии в 1968 г. для отрыва этой страны от социалистичес-

кого лагеря или содружества, хотя в целом их пропаганда активно обыгрывала события в Чехословакии для острой критики социализма.

В 1968 г. в Чехословакии в ходе «Пражской весны» речь шла в первую очередь о внутреннем общественном процессе, имевшем целью демократизацию режима, свободу печати, экономические, прежде всего рыночные реформы и защиту национальной независимости [3, с. 74].

В основе своей «Пражская весна» являлась общественным движением широких масс чехов и словаков, членов КПЧ, беспартийных, вызревшим в недрах социалистического строя, пораженного тяжелыми недугами, терявшего динамику и свои преимущества, не сумевшего преодолеть последствия сталинизма. Фактически движение обновления и реформ было инициировано внутри Компартии Чехословакии деятелями и группами номенклатурной элиты и просоциалистически настроенными представителями интеллигенции. Наиболее дальновидные деятели партократии, если пользоваться нынешними штампами, видели кризис системы власти и управления обществом и искали выход на основе современных достижений общественной мысли. В целом речь шла об улучшении социализма, о его возрождении.

В размышлениях реформаторов находили отражение уроки развития Чехословакии после 1948 г., т.е. муки строительства социализма по сталинской модели, трагический опыт народных выступлений в 1953 г. в ГДР и в 1956 г. в Венгрии, подавленных силой, а также югославский путь, в том числе принципы «общественного самоуправления». Они обращали свое внимание и на опыт европейской социал-демократии.

Нельзя забывать, что это был период 60-х годов – время ожиданий и надежд в социалистическом блоке. Первоначальный импульс попыткам реформ исходил от решений XX съезда КПСС, от хрущевской «оттепели» в Советском Союзе. Во всех соцстранах предпринимались шаги прежде всего по совершенствованию системы управления экономикой, шли дискуссии вокруг «косыгинской» реформы в СССР и экономических преобразований в Польше и Венгрии [4, с. 41].

В Компартии Чехословакии и вне ее рядов, особенно среди творческой интеллигенции, в студенческих организациях также возникали острые дискуссии по вопросам политики компартий, либерализации общественной жизни, отмены цензуры и т.д. Страна, из-

вестная своими демократическими традициями, имевшая развитую промышленность еще до Второй мировой войны, явно отставала от своих западных соседей. Попытки перемен в экономике были предприняты еще при правлении А. Новотного (1904 – 1975 гг.), хотя он был известен скорее как догматик, нежели реформатор. В частности, хозяйственная реформа, разработанная под влиянием О. Шика, имела рыночную направленность. Ее реализация создавала предпосылки для последующих перемен в политической системе, прежде всего изменения гипертрофированной роли Компартии.

Но внешним толчком к переменам, как обычно, послужили кадровые изменения на вершине власти. В 1966 – 1967 гг. шло неуклонное нарастание внутренних противоречий внутри высшего партийного руководства, что разыгрывалось на фоне экономических трудностей, споров вокруг десталинизации и демократизации, а также федеративного устройства государства.

На Пленуме ЦК КПЧ 3 – 5 января 1968 г. все это привело к уходу президента республики А. Новотного с поста первого секретаря ЦК. Против него сложился заговор более прогрессивных сил, объединились все группировки в ЦК. В Москве знали о ситуации, но решили сохранять нейтралитет, что означало, конечно, свободу рук для критиков Новотного. Л. Брежнев недолюбливал А. Новотного, считал его политику причиной нараставших трудностей в Чехословакии, к тому же не мог ему простить некоторых возражений в 1964 г. по форме освобождения Н. Хрущева от высших постов [5, с. 485].

Первым секретарем ЦК КПЧ стал А. Дубчек, до этого возглавлявший ЦК Компартии Словакии и выступавший за обновление политики партии. В Президиум ЦК КПЧ были введены четыре новых члена. Впервые Компартию Чехословакии возглавил словак. Это была своего рода сенсация, но по существу за это стоял компромисс различных сил внутри ЦК.

В Москве к этому выбору отнеслись спокойно. А. Дубчек был человеком известным, проведшим многие годы своей жизни в СССР, выпускником ВПШ при ЦК КПСС. Видимо, надеялись, что он будет управляемой фигурой из-за мягкости характера, покладистости.

Последующий период «Пражской весны» примерно до апреля 1968 г. был сравнительно тихим. В стране развертывались дискуссии о социалистическом возрождении, о будущем страны. Ослабли цензурные ограничения, появлялись новые органы печати и общественные объединения, в том числе «КАН» – Клуб беспартийных.

Манящее чувство свободы и независимости обретало новых и новых поклонников. Что же касается руководства КПЧ и правительства, то помимо общих слов о демократии, либерализации, новых идей и концепций по существу не высказывалось, а внутри шла «позиционная война» за перераспределение портфелей. Вот как пишет об этом один из идеологов «Пражской весны», основной разработчик программ политических реформ, бывший секретарь ЦК КПЧ З. Млынарж: «...на протяжении целых трех месяцев партийное руководство решало вопросы, связанные с распределением кресел в верхушке партийного и государственного аппарата, и именно поэтому невозможно было приступить к осуществлению продуманной политики реформ». Общественность же не могла ждать окончания борьбы за кресла министров и секретарей ЦК. Накопившиеся, но не решенные за многие годы проблемы, стали обсуждать открыто [6, с. 3].

Хотя руководство партии решило еще в январе подготовить «Программу действий КПЧ», и она была составлена в конце февраля, ее принятие затянулось до начала апреля.

Компартия как инициатор перемен по существу теряла время и уступала политическое пространство другим непартийным силам.

У А. Дубчека, очевидно, были на это свои причины. Он поощрял широкую критику недостатков и поддерживал атмосферу свободы выражения мыслей, но одновременно решал свои проблемы. Ему надо было укрепить свое положение как лидера и добиться изменения соотношения сил в свою пользу, оттеснить догматиков. Он не торопился и с созывом чрезвычайного съезда партии. И вообще готовил перемены без нажима и обострений. В конце марта был освобожден с поста президента А. Новотный, новым президентом ЧССР стал генерал Л. Свобода. До этого были вынуждены уйти в отставку несколько одиозных деятелей из ЦК и правительства.

4 апреля 1968 г. пленум ЦК КПЧ избрал новый состав Президиума и Секретариата ЦК, в котором было достаточно сторонников Дубчека, хотя имелись и «люди Москвы». 8 апреля Председателем правительства ЧССР стал О. Черник. 18 апреля Й. Смрковский был избран Председателем Национального собрания ЧССР [7, с. 74].

Но атмосфера в стране становилась другой, инициатива постепенно переходила в руки нетрадиционных политических сил, которые оказывали давление на партийно-государственное руковод-

ство через средства массовой информации и в целом вне рамок официальных структур. При этом общественность с восторгом поддерживала А. Дубчека и его сторонников, «прогрессистов», они находились на гребне волны общественного подъема. Президент Чехии, известный правозащитник В. Гавел так оценивал тогдашнее состояние лидеров «Пражской весны» и их взаимоотношения с населением: «...они постоянно оказывались в состоянии легкой шизофрении: они симпатизировали этому общественному подъему и одновременно боялись его, опирались на него и одновременно хотели его затормозить. Им хотелось открыть окна, но они боялись свежего воздуха, им хотелось реформ, но лишь в границах своих ограниченных представлений, чего народ в своей эйфории великодушно не замечал, а на это надо было обратить внимание. Так что они, скорее, просто семенили вслед за событиями, а не направляли их. Само по себе это не имело значения, общество могло обойтись и без их помощи. Опасность была в том, что руководство, не имея четкого представления о том, что происходит, не представляло себе, как это защитить. Будучи в плену своих иллюзий, они постоянно уговаривали себя, что им как-то удастся объяснить это советскому руководству, что они что-либо им пообещают и тем самым успокоят их...».

Однако параллельно шел другой процесс – росли недоверие и подозрительность со стороны союзников Чехословакии по Варшавскому Договору – СССР, ПНР, ГДР, НРБ и Венгрии. Разумеется, А. Дубчек не был наивным человеком в политике, он пытался маневрировать, прекрасно понимая, как важно для судьбы реформ найти общий язык с хозяевами Кремля. Вопрос о том, что это может стать вообще невозможным, в то время, похоже, еще не вставал.

В конце января А. Дубчек имел многочасовую встречу с Л. Брежневым. Постепенно знакомился с другими руководителями, наиболее дружественные контакты сложились у него с Я. Кадаром. На годовщину февральских событий 1948 г., когда коммунисты пришли к власти, в Прагу по просьбе А. Дубчека, поддержанной Москвой, прибыли все лидеры европейских соцстран, включая и Н. Чаушеску. Присутствовала даже делегация СКЮ. В начале марта новая встреча на высшем уровне, на этот раз на совещании Политического консультативного комитета Варшавского Договора в Софии. В ходе этих контактов союзники, с одной стороны, демонстрировали поддержку новому руководству Чехословакии, но с другой – пы-

тались предостеречь его от опасностей, от крутых виражей в реформировании политики Компартии [8, с. 4].

В конце марта 1968 г. ЦК КПСС разослал партактиву закрытую информацию о положении в Чехословакии. Этот документ отражал господствующие настроения.

«По инициативе ЦК КПСС на 20-летие празднования февральских событий в Прагу были направлены делегации братских партий европейских социалистических стран на высшем уровне. Во время пребывания делегаций состоялись беседы с руководящими деятелями КПЧ о положении в Чехословакии, выражена тревога по поводу многих проявлений антисоциалистического характера и сказано о необходимости отпора антипартийным выступлениям и обеспечения единства и сплоченности в руководстве КПЧ. Тов. А. Дубчек во всех случаях твердо заверял, что новое руководство ЦК КПЧ контролирует обстановку и не допустит нежелательного ее развития.

Однако в последнее время события развиваются в отрицательном направлении. В Чехословакии ширятся выступления безответственных элементов, требующих создать «официальную оппозицию», проявлять «терпимость» к различным антисоциалистическим взглядам и теориям. Неправильно освещается прошлый опыт социалистического строительства, выдвигаются предложения об особом чехословацком пути к социализму, который противопоставляется опыту других социалистических стран, делаются попытки бросить тень на внешнеполитический курс Чехословакии и подчеркивается необходимость проведения «самостоятельной» внешней политики. Раздаются призывы к созданию частных предприятий, отказу от плановой системы, расширению связей с Западом. Более того, в ряде газет, по радио и телевидению пропагандируются призывы «к полному отделению партии от государства», к возврату ЧССР к буржуазной республике Масарика и Бенеша, превращению ЧССР в «открытое общество» и другие...

В стране идет безответственное все обостряющееся обсуждение пригодности или непригодности значительной части руководящих деятелей партии и государства (президент республики, председатель правительства, министры иностранных дел, национальной обороны и др.)...

Следует отметить, что безответственные выступления в прессе, по радио и телевидению под лозунгом «полной свободы» выражения мнений, дезориентирующие массы, сбивающие их с правильного пути, не получают отпора со стороны руководства КПЧ...

Происходящие события в Чехословакии стремятся использовать империалистические круги для дискредитации политики КПЧ и всех достижений социализма в ЧССР, для расшатывания союза Чехословакии с СССР и другими братскими социалистическими странами».

23 марта в Дрездене состоялась встреча руководителей партий и правительств шести социалистических стран – СССР, Польши, ГДР, Болгарии, Венгрии и ЧССР. Первоначальный замысел встречи (и вообще более частых встреч руководителей) исходил от А. Дубчека, который еще в Софии предложил провести отдельную встречу стран-соседей Чехословакии по вопросам экономического сотрудничества. Руководство ЦК КПСС поддержало предложение, заведомо готовясь обсудить внутриполитическое положение в Чехословакии. Румын решили не звать из-за особой, сепаратистской линии Н. Чаушеску в соцсодружестве. Болгар пригласили по настоянию КПСС [9, с. 41].

В Дрездене на А. Дубчека был вылит ушат холодной воды. Напрасно он объяснял положения новой программы действий КПЧ «Путь Чехословакии к социализму», уверял, что партия не ошибается в оценке ситуации. Критику политики КПЧ начал В. Ульбрихт, добавил В. Гомулка, который заявил, что в Праге разгуливает контрреволюция. КПЧ не управляет страной. Л. Брежнев выступал мягче. Но заявил об обеспокоенности советского руководства. В Москве понимают, как могла сложиться нынешняя опасная обстановка. О какой либерализации рассуждает Дубчек? Что это такое обновление социалистического строя? Неужели в Праге не видят, что КПЧ хочет превратиться в оппозиционную партию? Страной руководит не партия, а Шик, Смрковский, Голдштюкер и другие. По мнению Брежнева, если не будут приняты меры, то речь идет о последнем шансе для КПЧ.

Наиболее сдержанно в Дрездене выступал Я. Кадар, который не согласился с оценками о наличии угрозы контрреволюции в Чехословакии, хотя не отрицал усиления негативных тенденций в стране. Он призвал к проведению главным образом политической работы, к разработке политико-идеологической платформы партии, сделав акцент на укреплении идейного и организационного единства КПЧ. Такая позиция соответствовала намерению руководства ВСРП быть посредником между КПЧ и остальными.

После совещания в Дрездене четко обрисовались два подхода к развитию обстановки в Чехословакии. Один – это путь реформ,

программа придания социализму «человеческого лица», за который выступали большинство руководителей Чехословакии, в тот период, включая и представителей промосковского крыла в партии. Они не отрицали наличия правых, антисоциалистических тенденций в ЧССР, но считали, что социализму в их стране не угрожает опасность, так как основное политическое направление является «просоциалистическим», а КПЧ в состоянии контролировать общественные процессы. Другой подход – это позиция руководства КПСС и поддерживавших его руководителей ГДР, Польши, Болгарии, которые были встревожены ходом общественных процессов в Чехословакии, усматривали в них угрозу социализму, считали, что КПЧ все более теряет власть, а А. Дубчек оказался слабым руководителем. Напрашивался вывод о необходимости изменить ситуацию, оказать помощь, пока еще не поздно [10, с. 9].

Несколько иной была позиция руководителей Венгрии. Они не отрицали опасностей, активизации антисоциалистических элементов, Я. Кадар даже проводил параллели с развитием обстановки в Венгрии перед октябрем 1956 г., но считали, что КПЧ и дубчековское руководство в состоянии справиться с нарастающим кризисом самостоятельно, без вмешательства извне, тем более военного. У лидеров Венгрии были свои резоны. За спиной у них была пережитая трагедия восстания 1956 г. Процветание страны, благополучие населения связывалось с результатами радикальной экономической реформы, которая только разворачивалась. Венгерским руководителям хотелось уберечь это свое детище от всяких холодных ветров. Что касается позиции Румынии, то ее «вождь» Н. Чаушеску возражал против всяческого вмешательства в дела Чехословакии и КПЧ не потому, что он был поборником демократии и плюрализма. Нет, он думал прежде всего об интересах Румынии и своего националистического курса, поэтому выступал в духе защиты полного суверенитета. Его внешнеполитическим расчетам отвечало усиление независимого от Москвы курса Праги, поэтому он старался поощрять лидеров Чехословакии к еще большей самостоятельности. СССР и его ближайшие союзники стремились нейтрализовать эти усилия Н. Чаушеску [11, с. 104].

После совещания в Дрездене советское руководство приступило к разработке вариантов действий, в том числе втайне военных мер. В. Ульбрихт, Т. Живков и В. Гомулка считали, что хороши все средства. В определенной мере они коллективно влияли на Л. Брежнева. Но до окончательного решения было еще далеко.

Рассматривая дальнейшее трагическое развитие событий вокруг Чехословакии, следует отметить, что после встречи в Дрездене усилились нападки Москвы и ее союзников на процесс демократизации в Чехословакии, а также активизировались попытки оказать давление на руководство реформаторов и одновременно сплотить оппозиционные ему просоветские силы в интересах «спасения социализма».

Что же касается происходившего в самой Чехословакии, то кадровые перестановки в правительстве, парламенте и руководстве общественных организаций, имевшие место в апреле, в целом означали усиление позиций А. Дубчека и реформаторских сил. Вместе с тем напряжение во взаимоотношениях с Москвой нарастало, хотя А. Дубчек не помышлял о разрыве с Советским Союзом.

В этой связи целесообразно проанализировать исходные мотивы поведения руководства Советского Союза и других «братских стран».

Прежде всего, вне всякого сомнения, Чехословакия как страна с демократическими традициями созрела для реформ. При этом большинство коммунистов-реформаторов, веря в реформируемость социализма, хотело провести их постепенно, шаг за шагом, без общественных потрясений и тем более без гражданской войны. Естественно, они не хотели, чтобы КПЧ утратила власть, предлагая поэтапное введение плюралистической демократии. Другие же силы, в основном вне КПЧ, вели дело к немедленной свободе действий других политических партий, к свободным выборам на многопартийной основе [12, с. 55].

Политики-прагматики понимали, что для глубоких реформ нужна благосклонность Москвы. А. Дубчек, видимо, был уверен, что заполучит ее. Но тогдашние чехословацкие руководители не учитывали, что в рамках жесткой союзнической системы Варшавского Договора, состоявшей из стран, придерживавшихся одной официальной идеологии – марксизма-ленинизма, любая трансформация политического курса допускалась в пределах пути или опыта, познанного в «центре» – Советском Союзе. На этом стоял и «новатор» Н. Хрущев, этого же придерживались Л. Брежнев, М. Суслов и Н. Подгорный, А. Кириленко. Заявлений о творческом применении марксистско-ленинского учения хватало, но о подлинных реформах в руководстве КПСС при Брежневе никто не помышлял. Тормозилась хозяйственная реформа, хотя за ней стоял А. Косы-

гин. Отдельные попытки к обновлению стиля и методов работы партии предпринимались молодой порослью номенклатуры, но ведь известно, что целое поколение так называемых комсомольских руководителей было в годы застоя отстранено от власти.

Догматизм, закостенелость прикрывались ссылками на Ленина, на постулаты, принятые на всемирных совещаниях компартий 1957 и 1960 гг.: пресловутые закономерности строительства социализма. Считалось, что из Праги шла ревизионистская крамола. Действовал и обычный инстинкт самосохранения, а как бы не повторился «венгерский вариант» 1956 г. За проявлением подобных настроений особенно наблюдали в кругах интеллигенции. Повод имелся – письмо академика Сахарова, попавшее на Запад. Настораживал и бунт студентов в Париже [13, с. 21].

Имперское мышление, психология осажденной крепости, усиленная годами «холодной войны» и взаимной гонки вооружений, доминировали в Москве в оценке последствий тех или иных реформ и новшеств для «реального социализма». Все просчитывалось с позиций соотношения сил и конфронтации в мире, а также ущерба для советской гегемонии. Сейчас в некоторых научных работах можно встретить мнение, что Политбюро ЦК КПСС тогда преувеличивало угрозу со стороны империалистических держав, ведь после кубинского кризиса 1962 г. «холодная война» пошла на убыль. Очевидно, это несколько упрощенное толкование. Страны Варшавского Договора сами проявили инициативу созыва общеевропейского совещания, но ведь в 1968 г. до СБСЕ, до Хельсинки было еще далеко. Недоверие и подозрительность были сильными и взаимными.

В 1968 г. были и свои конкретные внешнеполитические причины для нервной реакции руководства СССР – война, которую вели США во Вьетнаме, напряженные отношения с Китаем, националистическая линия Чаушеску, ослаблявшая ОВД. Не было еще «восточных договоров» с ФРГ, поэтому в официальной пропаганде все время звучала тема реваншизма в Бонне. Еще одно обстоятельство позволяет лучше понять позицию Кремля – разные подходы среди союзных стран. Фактом являлось наличие так называемого северного яруса ОВД – Берлин, Варшава, Москва и других более либеральных (Будапешт) или несогласных с Москвой (Бухарест) стран. Румыния после софийского совещания ПКК (в марте) сразу была исключена из союзнических обсуждений чехословацкой темы. Что касается позиции руководства ГДР, то В. Ульбрихт и другие

воспринимали все то, что происходило в Праге как отклонение от принципов марксизма-ленинизма, как отступление от руководящей роли Компартии и в целом видели в этом угрозу для «рабоче-крестьянской власти» в ГДР. Процесс демократизации в ЧССР, по оценке лидеров СЕПГ, нес опасность для ситуации в Восточной Германии, так как дестабилизация обстановки в ГДР вела в конечном итоге к усилению объединительных настроений среди населения, к присоединению республики к ФРГ. Берлин весьма нервно реагировал на попытки Праги активизировать связи с Западом, особенно с ФРГ. В. Ульбрихт все время напирал на вопрос о безопасности западных границ социалистического содружества. Была еще одна причина для решительного неприятия верхушкой СЕПГ процессов «Пражской весны». Идеи «демократического социализма» рассматривались в Берлине как социал-демократический уклон, как правый оппортунизм. Идеологический аппарат СЕПГ вел ожесточенную борьбу с идеологией Социал-демократической партии Германии, хотя В. Брандт был уже министром иностранных дел ФРГ. После коллективной встречи в Дрездене В. Ульбрихт и Г. Аксен попытались повлиять на А. Дубчека, но из этого, разумеется, ничего не вышло. Более того, появилась взаимная личная антипатия. Прекратился обмен информацией между ЦК КПЧ и СЕПГ [14, с. 54 – 57, 61].

Нечто подобное происходило и в Варшаве. В. Гомулка, прошедший непростой путь нормализации обстановки в стране после 1956 г., тоже опасался, что процессы в соседней ЧССР негативно скажутся на польском обществе. Обстановка в Польше была довольно напряженной, совсем недавно в марте полиция применила силу для разгона студенческих выступлений. Позиция В. Гомулки, в силу его импульсивности, иногда претерпевала изменения, но в целом он был сторонником решительных действий. Именно В. Гомулка заявил в июле, что соцстраны не могут позволить, чтобы контрреволюция взяла верх в Чехословакии. Западная печать летом 1968 г. иногда сообщала об умеренной позиции Болгарии в подходе к событиям в Чехословакии. На самом деле лидер этой страны Т. Живков занимал жесткую позицию, согласовывая ее с Москвой. Только в вопросе отношений с Румынией он маневрировал, стремясь сохранить нормальные контакты с Н. Чаушеску.

Но, конечно, определяющей была позиция высшего руководства КПСС. Окончательное, фатальное решение созревало постепенно. В течение апреля – мая советские лидеры еще действовали

главным образом политическими методами, пытаясь «образумить» Дубчека, заострить его внимание на опасности действий антисоциалистических сил. Применялись меры идеологического, дипломатического и военного давления. Вскоре Москве, – как пишет З. Млынарж, – удалось расколоть прежде единую «тройку» в чехословацком руководстве – А. Дубчек, премьер-министр О. Черник и член Президиума, секретарь ЦК Д. Кольдер. Усилилась ориентация на левую, промосковскую группу в руководстве партии – В. Биляк и А. Индра. Шел активный обмен информацией о положении в ЧССР. Вот несколько примеров. В начале апреля советские послы проинформировали высших партийно-государственных руководителей ГДР, ПНР, ВНР, НРБ о том, что в Чехословакии действует антигосударственная группа, в которую входят социал-демократ Черник, бывший член ЦК КПЧ Я. Прохазка, генерал Крейчи, писатели и публицисты Когоут, Вацулик, Кундера, Гавел и другие. Часть этих людей поддерживает связь с руководителем буржуазной эмиграции Тигридом. Буквально через несколько дней по линии КГБ всем руководителям, включая А. Дубчека, была передана информация о том, что в 1962 г. в США был разработан и ныне осуществляется оперативный план тайных операций против европейских соцстран. Я. Кадару, например, эту информацию излагал заместитель начальника внешней разведки КГБ генерал Ф. Мортин [15, с. 54].

В конце апреля в Прагу прибыл маршал И. Якубовский, Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран – участниц Варшавского Договора. Речь пошла о «подготовке маневров» на территории ЧССР.

«Телефонную дипломатию» осуществлял Л. Брежнев, информируя союзников о контактах с А. Дубчеком, договариваясь о совместных действиях. Например, 16 апреля он сказал Я. Кадару, что, по его мнению, Дубчек – честный человек, но слабый руководитель. А события в стране развиваются в направлении контрреволюции, антисоциалистические силы намерены восстановить республику масариковского типа. Если планировавшаяся советско-чехословацкая встреча ничего не даст, то придется собираться руководителям «пятерки». Тогда же он поднял вопрос о советско-польско-венгерских военных учениях на территории Чехословакии.

Встреча Л. Брежнева с А. Дубчеком прошла в Москве 4 мая. На ней с советской стороны было подвергнуто резкой критике развитие обстановки в Чехословакии, ослабление влияния КПЧ и антисо-

ветские выпады чехословацкой печати. Взаимопонимания достигнуто не было. Пожалуй, для Москвы какой-то результат состоял в том, что в материалах майского Пленума ЦК КПЧ было сказано о действиях в стране антисоциалистических сил.

8 мая в Москве прошла закрытая встреча лидеров СССР, ПНР, ГДР, НРБ и ВНР, во время которой состоялся откровенный обмен мнениями о мерах в связи с обстановкой в Чехословакии. Уже тогда прозвучали предложения о военном решении. Вновь проявилась особая позиция Венгрии. Ссылаясь на опыт 1956 г., Я. Кадар заявил, что чехословацкий кризис нельзя решить военными средствами, необходимо искать политическое решение. В то же время он не возражал против проведения командно-штабных учений ОВД на территории Чехословакии. В конце мая правительство ЧССР дало согласие на проведение учений, вряд ли подозревая, что готовится репетиция будущего вторжения на территорию страны.

Учения «Шумаво» состоялись 20 – 30 июня. В середине июня Л. Брежнев проинформировал лидеров союзных государств «пятерки», что в руководстве Чехословакии сформировалась ревизионистская группа – Кригель, Цисарж, Шик, Млынарж, Шимон. Он поднял вопрос о том, чтобы оторвать Дубчека и Черника от ревизионистов и убедить опираться на «здоровые силы» в партии.

В руководстве Советского Союза непрерывно обсуждался вопрос о вариантах действий. Собственно говоря, какие были исторические прецеденты? В 1948 – 1949 гг., несмотря на угрозы Сталина, Югославия ценой разрыва с СССР отстояла свой независимый курс. В 1956 г. в Польше был с трудом достигнут компромисс с новым руководством во главе с В. Гомулкой, но перед этим было и жестокое подавление выступления рабочих в Познани, и массированная советская военная демонстрация перед прилетом в Варшаву Н. Хрущева, 1956 г. – восстание в Венгрии, подавленное советскими войсками, которые были приглашены спешно сформированным правительством Я. Кадара. Отстранено от власти правительство И. Надя.

Венгерский пример все время маячил перед глазами, тем более что М. Суслов, Л. Брежнев и Ю. Андропов принимали самое активное участие в подавлении «контрреволюционного мятежа» в Венгрии. Рассуждали примерно так: да, было тяжело, но через несколько лет все пришло в норму.

Однако в 1968 г. советское руководство не хотело терять время, выжидать, как в Венгрии в 1956 г. Ведь когда иссякли надежды

на И. Надя, пришлось срочно бросать в бой против повстанцев войска Советской Армии, нести жертвы, предотвращая нейтралитет Венгрии и ее выход из Варшавского Договора.

Но Чехословакия – это не Венгрия, там стреляли, здесь реформы шли мирным путем. В 1968 г. была иной и международная обстановка, поэтому советским лидерам не хотелось брать ответственность за вмешательство на себя, имея, правда, мандат от остальных союзников.

Таким образом, налицо было стремление Москвы интернационализировать чехословацкий вопрос, связать его с интересами безопасности Варшавского Договора.

Л. Брежнев был инициатором многих консультаций с союзниками. Но постепенно рождалось силовое решение, возникали контуры пресловутой доктрины «ограниченного суверенитета». Нельзя исключать, что если бы рядом с Брежневым стоял крупный военный деятель, то Советский Союз ввел бы под благовидным предлогом еще в мае свои войска в Чехословакию, а заодно, возможно, и в Румынию [16, с. 9].

Политики продолжали искать методы воздействия на А. Дубчека, а по линии военных уже фактически с апреля велась разработка планов военной операции на территории Чехословакии. Главную роль должны были играть советские войска, армиям Польши, ГДР, Венгрии отводилась политическая, подчиненная миссия.

Тем временем в Праге обстановка, с точки зрения Москвы, осложнялась. Компартия все более погружалась в дискуссии и теряла влияние. Определенная часть коммунистов поворачивала в сторону югославского опыта. Возмущение Москвы вызывали статьи чехословацкой печати.

Демократическое движение все более поляризовывалось. В июне подали заявки на регистрацию более 70 политических организаций. Возник комитет по воссозданию социал-демократической партии. Бывшие буржуазные партии активизировались, росла их численность. Внепартийная оппозиция выдвигала требование создания многопартийной парламентской системы. В конце июня был опубликован знаменитый манифест «Две тысячи слов», составленный писателем Л. Вацуликом и подписанный многими известными общественными деятелями, в том числе и коммунистами. В этом либеральном по духу документе была подвергнута критике тоталитарная система, консервативная деятельность КПЧ и провозглашены идеи демократизации политической системы, введения поли-

тического плюрализма. Открыто говорилось о противниках демократизации, возможности советской интервенции.

Не надо объяснять, что во всех столицах пяти союзных государств «Две тысячи слов» были расценены как острый выпад против социализма. Осуждающее заявление Президиума ЦК КПЧ было вялым по тону. Между тем в партии началась подготовка к XIV (чрезвычайному) съезду КПЧ, намеченному на 7 сентября. Манифест «Две тысячи слов» своими требованиями перехватывал инициативу у Компартии.

В этой обстановке советское руководство решило провести новую коллективную встречу союзников с участием руководителей ЧССР для обсуждения обостряющейся ситуации в Чехословакии. В письме Л. Брежнева на имя А. Дубчека от 6 июля эту встречу предлагалось провести в Варшаве 10 или 11 июля. 9 июля последовал негативный ответ Президиума ЦК КПЧ со ссылкой на то, что проведение такой встречи осложнит работу КПЧ и обстановку в стране. Предлагалось заменить общую встречу двусторонними, в Праге, причем не только с пятью союзными странами, но и с Румынией и Югославией. Несмотря на новые предложения от имени «пятерки», Президиум ЦК КПЧ решил все-таки не участвовать во встрече в Варшаве, но предложил провести встречу руководителей КПЧ и КПСС, а затем и общую встречу [17, с. 6].

Многие историки «Пражской весны» считают отказ А. Дубчека и других руководителей прибыть на коллективную встречу крупной ошибкой, в результате которой окончательно нарушились отношения с СССР и союзниками.

В Варшаве линия Праги была подвергнута резкой критике. Открыто прозвучали предложения о военном вторжении, хотя раздавались и умеренные голоса, того же Кадара. Брежнев в своем выступлении дал тревожную оценку складывающейся обстановки, назвав новым моментом то, что Чехословакия отходит от социалистического содружества. От изложил мнение КПСС о коллективной ответственности за судьбы социализма в каждой стране, что позднее получило название доктрины «ограниченного суверенитета», или доктрины Брежнева, но все-таки призвал к политическим шагам, прежде всего ориентации на «здоровые силы» в КПЧ. Участники встречи направили в Прагу открытое коллективное письмо. Это был предупреждающий сигнал.

Следующим этапом на пути к трагедии стала встреча в Чиерне-над-Тисой 29 июля – 1 августа, в которой участвовали полные

составы Политбюро ЦК КПСС и Президиум ЦК КПЧ вместе с президентом Л. Свободой.

Понимало ли пражское руководство тенденцию развития отношений с СССР и его ближайшими союзниками? Очевидно, в Праге понимали далеко не все. Конечно, политики-центристы типа Дубчека и Черника отдавали себе отчет в том, что повторять действия венгерского премьер-министра И. Надя, идти на разрыв с СССР было бы опасно.

Понимали, что не следует шутить с принадлежностью Чехословакии к Варшавскому Договору. Но надеялись, что сумеют объясниться с Москвой, надеялись на свой авторитет. Полагали, что бесконфликтно пройдут путь до XIV съезда партии, хотя после Варшавы все осложнилось. Иллюзорным был расчет на поддержку со стороны Югославии и Румынии, на проведение международной конференции европейских компартий.

В конце июля была завершена подготовка военной операции, ее называли учениями. По данным журнала «Шпигель», к вторжению привлекались 26 дивизий, из них 18 советских, не считая авиации.

Но в Москве еще не было принято окончательное решение. Готовясь к переговорам с руководителями ЧССР, в Кремле исходили из того, что встреча будет проходить в условиях формирования в ЧССР национального единства на антисоветской основе, в условиях, как считалось, роста угрозы правого поворота в политике КПЧ и выхода на авансцену деятелей, настроенных более радикально, чем Дубчек. Москва опасалась, что власть в ЧССР может мирным путем перейти в руки «антисоциалистических сил».

В советском руководстве проявлялись и сомнения. Можно ли все-таки рассчитывать на Дубчека? Не попал ли он под влияние «правых» вроде Смрковского и Кригеля? Этих деятелей, а также Цисаржа, Пеликана, министра внутренних дел Павела пытались нейтрализовать и отстранить.

К тому времени поддерживались постоянные контакты с президентом ЧССР и с меньшинством в Президиуме, прежде всего с В. Биляком. Позицию, конечно, определяли Л. Брежнев и его окружение. Но руководство КПСС отнюдь не было монолитным. Разница в подходах ощущалась в советском посольстве в Праге, там были свои «ястребы», но имелись и умеренные.

Содержание переговоров в Чиерне-над-Тисой известно. Стенограмма занимает несколько сот страниц. Атмосфера была напряженной.

В целом руководители СССР стремились связать Дубчека определенными договоренностями относительно рамок демократизации, сохранения руководящей роли КПЧ, смены кадров, ограничения свободы деятельности СМИ и т.д.

Основные договоренности были достигнуты на встречах «четверок» – Брежнев, Подгорный, Косыгин, Суслов – Дубчек, Свобода, Черник, Смрковский.

Переговоры закончились внешне удовлетворительным для Москвы результатом [18, с. 68].

Чехословацкая делегация в основном выступала единым фронтом, но особой позиции придерживался В. Биляк. Для Москвы это было важно. Тогда же поступило личное письмо кандидата в члены Президиума ЦК КПЧ А. Капека с просьбой об оказании его стране «братской помощи» соцстран.

За Чиерне-над-Тисой сразу же последовала встреча руководителей шести партий в Братиславе 3 августа 1968 г. Накануне Л. Брежнев проинформировал союзников о содержании своих договоренностей с Дубчеком. Договоренности, достигнутые в Братиславе, после дискуссии с чехословацкой делегацией, рассматривались почти как успех. В принятом в Братиславе заявлении содержалась ключевая фраза о коллективной ответственности в деле защиты социализма.

После Братиславы наступила самая драматическая фаза кризиса в Чехословакии. Вроде бы ситуация несколько разрядилась. Был достигнут какой-то компромисс. Но ни советское руководство, ни Ульбрихт и Гомулка, наиболее активные критики «Пражской весны», не верили в способность и желание Дубчека и его сторонников «нормализовать» обстановку.

В Братиславе Л. Брежневу было передано письмо пяти членов руководства КПЧ – Индры, Кольдера, Капека, Швестки и Биляка с просьбой об оказании «действенной помощи и поддержки», чтобы вырвать ЧССР «из грозящей опасности контрреволюции». Правовая основа для вторжения была получена, хотя дело было не в формальном предлоге.

Но сначала решили проверить настроения А. Дубчека. Главную роль в этих контактах взял на себя Л. Брежнев, решительность которого по мере приближения радикального шага усиливалась. После Братиславы он отбыл на отдых в Крым в окружении своего личного штата, в Москве в ЦК «на хозяйстве» был оставлен А. Кириленко, которому Генсек полностью доверял. Функционировала

межведомственная рабочая группа. Активно действовали КГБ и ГРУ [19, с. 153].

8 августа поступила важная телеграмма от совпосла в Праге. Он сообщал после беседы с Дубчеком, что хотя руководители КПЧ и правительство в Чиерне и Братиславе обязались вести борьбу против правых и антисоциалистических сил в Чехословакии, а Дубчек подтвердил, что намерен значительно обновить состав ЦК и высшего руководства, однако полной уверенности в его действиях нет. Дубчек обвинялся в неискренности. Делался вывод, что к последовательным действиям против правых Дубчек еще не готов.

Брежнев из Ялты часто говорил по телефону с совпослом в Праге, с руководителями других соцстран. В Ялте 12 августа была, например, организована закрытая встреча Брежнева, Подгорного и Косыгина с Я. Кадаром. Его попросили вновь побеседовать с Дубчеком. Встречался с Дубчеком и В. Ульбрихт.

В середине августа Л. Брежнев дважды звонил А. Дубчеку и нажимно ставил вопросы: почему не выполняются договоренности, где же обещанные кадровые решения, почему не осуществляется разделение МВД и госбезопасности? Брежнев не просто напоминал своему собеседнику о договоренностях, а запугивал – «в Москве зарождается беспокойство», так как все опять идет по-старому, нужные решения не принимаются.

О наших шагах ставились в известность союзники и «здоровые силы». В Праге им рекомендовали действовать смелее, нажимать на Дубчека. Советовали подумать, какие могут понадобиться крайние меры, какие надо создавать чрезвычайные органы.

13 августа был предпринят еще один шаг – в Прагу было направлено обращение Политбюро ЦК КПСС по вопросу о недружественных выступлениях чехословацкой печати, срывающих договоренности, достигнутые в Чиерне-над-Тисой. Советское руководство информировало и президента Свободу.

В беседах с Брежневым А. Дубчек уклонялся от прямого ответа, ссылался на то, что кадровые дела решаются коллективно. Вот будет Пленум, там все и рассмотрим. Раздраженно заявлял, что не держится за свой пост. Говорил о трудностях. В ответ следовали брежневские упреки. Но было сделано и предупреждение: новая ситуация в ЧССР может заставить Москву принять самостоятельные решения. В конце концов А. Дубчек взорвался и в сердцах бросил в ответ: «Раз вы в Москве считаете нас обманщиками, то к чему разговоры. Делайте, что хотите». Его позиция была

ясной – свои проблемы мы в состоянии решить самостоятельно, без вмешательства извне.

Поведение А. Дубчека и пражского руководства было признано в Москве неудовлетворительным. Механизм военного решения заработал.

16 августа в Москве на заседании высшего советского руководства состоялось обсуждение положения в Чехословакии. Были одобрены предложения о вводе войск. Тогда же было принято письмо Политбюро ЦК КПСС в адрес Президиума ЦК КПЧ. Оно было вручено А. Дубчеку и О. Чернику 19 августа, разговор носил характер общения глухонемых. 17 августа посол С. Червоненко имел встречу с президентом Л. Свободой и сообщил в Москву, что в решающий момент президент будет вместе с КПСС и Советским Союзом.

18 августа в Москве состоялась закрытая встреча «пятерки». Союзники без особых возражений одобрили соображения ЦК КПСС о том, что со стороны КПСС и других братских партий исчерпаны все политические средства воздействия на руководство КПЧ, чтобы побудить его к отпору «правым, антисоциалистическим силам»; наступил момент для активных мер по защите социализма в Чехословакии. Они «согласились оказать необходимую военную помощь социалистической Чехословакии» и утвердили соответствующие мероприятия, в которых, в частности, предусматривалось и выступление «здоровых сил» КПЧ с просьбой о помощи и в целях смены руководства КПЧ.

Идея обращения чехословацких политиков, о котором рассказал Л. Брежнев, была поддержана на совещании. Я. Кадар подчеркнул, что открытое выступление левых чехословацких сил необходимо. Это – исходный пункт. Рассказывая о своей встрече с Дубчеком 17 августа, назвал ее бесплодной и безрезультатной. Дескать, Прага отступает от того, что было согласовано в Братиславе [20, с. 38].

В. Гомулка говорил о желательности публикации письма «здоровых сил», особенно на Западе. Но он предложил, чтобы число подписавшихся для убедительности было не менее 50.

В послании президенту ЧССР Свободе, направленном от имени участников совещания в Москве, в качестве одного из главных доводов отмечалось получение просьбы об оказании помощи вооруженными силами чехословацкому народу от «большинства» членов Президиума ЦК КПЧ и многих членов правительства ЧССР.

17 августа группе «здоровых сил» были направлены подготовленные в Москве материалы для текста Обращения к чехословацкому народу. Имелось в виду создать Революционное рабоче-крестьянское правительство (другого названия не придумали, работали по венгерской модели 1956 г.). Был заготовлен и проект обращения пяти правительств стран – членов ОВД к народу ЧССР, а также к чехословацкой армии. Был одобрен проект заявления ТАСС о вводе союзных войск. Советское руководство, упреждая негативную международную реакцию, за день предупредило советских послов о возможной акции в ЧССР со ссылкой на обращение группы чехословацких политиков.

Все было расписано. Военным рекомендовано захватить важнейшие точки в Праге. Аресты отводились на долю органов госбезопасности. На 21 августа было запланировано проведение Пленума ЦК КПЧ и сессии Национального собрания, где должно было смениться высшее руководство.

В осуществлении планов военной интервенции большая роль отводилась президенту Л. Свободе. Ему было направлено письмо от имени руководителей пяти соцстран. Специально звонил по телефону Л. Брежнев. Президент ЧССР не одобрил ввод войск, но заверил, что против союзников не пойдет и все сделает, чтобы не пролилась кровь. Свое обещание он выполнил. Армия получила указание президента и Президиума ЦК КПЧ не выступать против интервентов.

Военная операция прошла сравнительно гладко. Союзные войска заняли все пункты без применения оружия. Небольшие стычки имели место в Праге.

Но все политические планы провалились. Произошел явный сбой. Не удалось сформировать новое правительство и провести Пленум ЦК. 22 августа из Москвы была направлена информация Ульбрихту, Гомулке, Кадару и Живкову. В ней объяснялось, что планы так называемой инициативной группы в чехословацком руководстве не удалось осуществить. Во-первых, не были собраны «заказанные» 50 подписей под обращением. Расчеты строились на авторитетного Штроугала, но он отказался подписать. Сбор был прекращен где-то на 18 подписях.

Во-вторых, главные осложнения произошли на заседании Президиума ЦК КПЧ 20 августа ночью, когда стало известно о вводе войск пяти стран. Большинство – 7 против 4 – проголосовали за заявление Президиума, осуждающее вторжение. Только члены

Президиума Кольдер, Биляк, Швестка и Риго выступили по первоначальному плану. Барбирек и Пиллер поддержали Дубчека и Черника. А расчет был на перевес «здоровых сил» – 6 против 5.

С опозданием был установлен контроль над радио, ТВ и газетами. Их пришлось захватывать советским военнослужащим.

С помощью работников чехословацких органов госбезопасности, руководимых зам. министра В. Шалговичем, советскими десантниками были задержаны Дубчек, Черник, Смрковский, Кригель и Шпачек.

«Здоровые силы» укрылись в советском посольстве. Но совпосол не сумел уговорить их сформировать новые органы власти. Средства массовой информации уже успели объявить их предателями. Тем временем, по инициативе Пражского горкома, начал заседания XIV съезд КПЧ в Высочанах, правда, без делегатов из Словакии. Обстановка в стране становилась накаленной. Народ был потрясен и возмущен случившимся, нарастала волна протеста. Усиливались призывы к забастовкам и демонстрациям. Страна бурлила, требовала вывода войск союзников и возврата своих интернированных руководителей.

Находившийся в Праге в то время член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Предсовмина СССР К. Мазуров (его заместителем по пропаганде был назначен известный ныне всей России А. Яковлев) докладывал в Москву, что «здоровые силы» растерялись, да и как выяснилось, у них не было «достаточной опоры ни в партии, ни в стране».

Провал первоначальных политических планов заставил руководство Советского Союза менять тактику на ходу. Без переговоров с легитимными руководителями ЧССР нельзя было обойтись. А. Дубчек и его товарищи из «контрреволюционеров» опять стали партнерами. В Москву были доставлены почти все члены руководства ЦК КПЧ. Наилучшим выходом для Политбюро ЦК КПСС было предложение Л. Свободы об официальных переговорах. Он прибыл в Москву 23 августа вместе с Г. Гусаком, в тот момент являвшимся зампредом правительства ЧССР.

Брежнев, Косыгин и Подгорный провели отдельные беседы с президентом Л. Свободой, с Дубчеком и Черником, а также со Смрковским, Шимоном и Шпачеком. Наконец, состоялись пленарные переговоры.

Какие цели преследовали руководители Советского Союза? Они стремились подписать с чехословацкими руководителями документ, в котором бы прежде всего, оправдывался ввод войск как вынуж-

денная мера по причине невыполнения обязательств чехословацкой стороны, принятых по итогам переговоров в Чиерне-над-Тисой и Братиславе, и неспособности предотвратить правый переворот. Беседы проходили в обстановке нажима и скрытых угроз, хотя звучали и ритуальные заявления о дружбе народов. Никаких даже намеков на явное нарушение норм международного права, взаимоотношений соцстран не было. Все было предельно откровенно и бесцеремонно. Да, пришли незваные, да, положение трудное, да, нормализация затянется, но давайте смотреть вперед и совместно искать выход. Никаких извинений с советской стороны не последовало. Более того, Дубчеку пришлось выслушать немало упреков в свой адрес.

Во-вторых, было твердо поставлено условие, заранее согласованное со Свободой, – все основные руководители вернутся на свои места, если объявят решения партсъезда в Высочанах недействительными и вообще созыв нового съезда отложат.

В-третьих, дать гарантии выполнения договоренностей в Чиерне-над-Тисой и Братиславе о борьбе с антисоциалистическими силами и контроле над СМИ. Без этого союзные войска не уйдут, дескать, вновь обмануть союзников не удастся. Причем Брежнев жестко ставил эти вопросы, заявляя, что сопротивление будет сломлено, даже ценой кровопролития.

В-четвертых, вывод войск союзников будет поэтапным. Войска СССР остаются в ЧССР, об этом подписывается договор.

В-пятых, провести кадровые перемены, но «здоровые силы» не должны пострадать.

С момента вторжения и на переговорах в Москве руководители Чехословакии занимали оборонительную позицию, стремясь избежать столкновений, кровопролитий и жертв. Достаточно последовательно они заявляли, что ввод войск был неспровоцированным и неоправданным шагом, который повлечет тяжелые последствия, в том числе в международном плане. Такой же позиции придерживался и Г. Гусак, отметивший, что цели, которые ставили союзники, можно было достичь другими, невоенными средствами [21, с. 96].

Решив не уходить в трудный для страны час в отставку и спасать то, что можно было спасти, А. Дубчек и его товарищи обрекли себя на подписание унизительного Московского протокола. (Подписать его отказался только Ф. Кригель). К своим относительным успехам они могли отнести согласие Москвы с январским и майским (1968 г.) Пленумами ЦК КПЧ и обещание вывести союзные войска. Очевидно, опять возобладали иллюзии, что удастся что-то

сделать в будущем. Но Московский протокол и другие соглашения определяли рамки «нормализации» обстановки в Чехословакии, означали свертывание демократизации. И в этом процессе, как это быстро подтвердилось, уже не было места А. Дубчеку, Й. Смрковскому, а затем и О. Чернику. В апреле 1969 г. во главе КПЧ встал Г. Гусак, позднее избранный президентом ЧССР. В ходе наведения порядка, внутрипартийных чисток идеи «Пражской весны» предавались анафеме. Большинство населения, пережив потрясения августа 1968 г. и видя капитуляцию своих прежних героев, сравнительно быстро смирилось с новым положением, но память о «Пражской весне» жила.

Для Советского Союза удушение «Пражской весны» оказалось связанным со многими тяжелыми последствиями. Имперская «победа» в 1968 г. перекрыла кислород реформам, укрепив позиции догматических сил, усилила великодержавные черты в советской внешней политике, способствовала усилению застоя во всех сферах.

С началом перестройки в СССР в широких кругах чехословацкого общества возродилась надежда на перемены. Созвучие идей 1968 и 1985 гг. было значительным. Пражане с восторгом встречали М. Горбачева, прибывшего в 1987 г. с визитом. Но советский лидер на пересмотр оценок 1968 г. не пошел. Он хвалил Г. Гусака и делал ставку на М. Якеша.

Одним из главных требований «бархатной революции», победившей в ноябре 1989 г., были осуждение интервенции 1968 г. и вывод из страны советских войск.

Советские руководители с опозданием, что вообще было характерно для политики М. Горбачева, пошли на признание ошибочности и неоправданности вмешательства СССР и его союзников во внутренние дела Чехословакии в августе 1968 г. Переоценка прозвучала на встрече руководителей тогдашних соцстран в декабре 1989 г. в Москве. Общественное развитие в Восточной Европе шло уже по новому пути, идеи реформирования социализма оказались невостребованными. Вскоре рухнула прежняя система власти и в Советском Союзе [22, с. 19].

Список литературы

1. Азнакаев, Г.Н. Договор дружбы и безопасности народов / Г.Н. Азнакаев. – Киев: Политиздат Украины, 1977.
2. Бардин, А.Е. Варшавский Договор – надежный щит мира и безопасности в Европе / А.Е. Бардин. – Пермь: Знание, 1971. – 321 с.

3. Белоусов, М.М. Международные отношения и внешняя политика (1945 – 1970-е годы) / М.М. Белоусов. – Киев: Лебедь, 1999. – 433 с.
4. Варшавский Договор – союз во имя мира и социализма / под ред. В.Г. Куликова. – М.: Воениздат, 1980. – 295 с.
5. Воронцов, Г.Ф. Военные коалиции и коалиционные войны / Г.Ф. Воронцов. – М.: Воениздат, 1976.
6. Гетман, А. Согласная дружина гору свернет / А. Гетман // Красная звезда. – 1968. – 21 августа. – С. 3.
7. Гречко, А.А. Вооруженные Силы Советского государства / А.А. Гречко. – М.: Воениздат, 1974. – 412 с.
8. Грибков, А.И. Несостоявшийся юбилей / А.И. Грибков // Красная звезда. – 2005. – 18 мая. – С. 4.
9. Епишев, А.А. Партия и армия / А.А. Епишев. – М.: Политиздат, 1977. – 427 с.
10. Золотарев, В.А. Военная безопасность Государства Российского / В.А. Золотарев. – М.: Кучково поле, 2001. – 367 с.
11. Зуев, К.Е. Объективный и субъективный факторы в военном сотрудничестве социалистических стран / К.Е. Зуев. – Рига: РВКИУ, 1967. – 211 с.
12. Ивановский, Е.Ф. На страже Родины / Е.Ф. Ивановский. – М.: ДОСААФ, 1988. – 342 с.
13. Камбуров, Д. Двадцать лет на службе мира / Д. Камбуров. – София: Партиздат, 1975. – 211 с.
14. Карпиченко, Н.П. Критика западногерманских буржуазных и реформистских фальсификаций военно-политического сотрудничества государств-участников Варшавского Договора / Н.П. Карпиченко. – М.: ВПА, 1989. – 347 с.
15. Кириченко, М.С. Надежный страж мира / М.С. Кириченко. – Минск: Беларусь, 1975. – 387 с.
16. Колосков, И.А. Эскалация вооружений и судьбы Европы / И.А. Колосков. – М.: АПН, 1972. – 123 с.
17. Лушев, П.Г. Варшавский Договор: история и современность / П.Г. Лушев // Военная мысль. – 1990. – № 5. – С. 20 – 34.
18. Майоров, А.М. Вторжение. Чехословакия, 1968. Свидетельства командарма / А.М. Майоров. – М.: Права человека, 1998. – 226 с.
19. Савинов, К.И. Варшавский Договор – фактор мира, щит социализма / К.И. Савинов. – М.: Международные отношения, 1986. – 322 с.
20. Саввов, Е. Варшавский Договор. Организация мира, защитник социализма / Е. Саввов. – София: Партиздат, 1985. – 298 с.
21. Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы. Страницы истории / П.Н. Бобылев [и др.]; под общ. ред. П.Н. Бобылева. – М.: Политиздат, 1987. – 433 с.
22. Якубовский, И.И. Боевое содружество / И.И. Якубовский. – М.: Воениздат, 1971. – 331 с.

Стасевич Александр Михайлович, *старший преподаватель кафедры тылового обеспечения ГрГУ, им. Я. Купалы, подполковник.*

УДК 355.354(476)

Д.А. Дьяков

ВОЗДУШНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ БЕЛОРУССКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ

В статье рассматривается участие 2-й авиационной эскадрильи 10-го отдельного разведывательного авиационного полка в оказании интернациональной помощи Демократической Республике Афганистан. Показан процесс подготовки и участия в боевых действиях. На основании архивных материалов подведены итоги боевой деятельности.

Ключевые слова: авиация, эксплуатация, ограниченный контингент, база, аэродром, разведка, штурмовка.

С вводом войск в Демократическую Республику Афганистан (ДРА) для выполнения воздушной разведки была сформирована 263 отдельная разведывательная авиационная эскадрилья (263 ораэ) на самолетах МиГ-21Р с базированием на аэродроме Кабул.

За первые три года войны (с 1980 по 1983 гг.) по программе замены частей Военно-Воздушных Сил (ВВС) в ДРА (кодовое название «Эстафета») через 263 ораэ прошли боевое крещение летный и технический состав трех полков: 87 отдельный разведывательный авиационный полк (орап) (Карши, ТуркВО), 313 орап (Вазиани) и 293 орап (Возжаевка), а также 229 ораэ (Чортков) [1, с. 89].

В соответствии с Директивой Главкома ВВС № 123/300225 от 14 марта 1983 года, следующей сменой 263 ораэ была определена 2-я авиационная эскадрилья (аэ) 10 орап, (аэродром Щучин, ВВС Белорусского военного округа (БВО)) [2, с. 50].

Выбор этой эскадрильи был не случаен. Во-первых, на замену требовался летный состав, летающий на самолетах МиГ-21Р. Во-вторых, в ВВС БВО самолеты МиГ-21Р эксплуатировала только 2-я аэ 10 орап (1-я аэ летала на МиГ-25Р различных модификаций). В-третьих, во 2-й аэ был высокий уровень подготовки: 9 из 13 летчиков имели 1-й класс. К тому же, 2-я аэ под командованием майора В.Л. Рябова в течение нескольких лет признавалась лучшей в полку.

В начале 80-х годов новой методики, с учетом приобретенного боевого опыта в ДРА еще не существовало. В то же время в соответствии с курсом подготовки разведывательной авиации 1981 года,

полеты разведчиков на МиГ-21Р производились одиночно и в составе пары. При этом каждый летчик помимо различных упражнений по разведке должен был произвести всего 5 бомбометаний (калибр бомб от 50 до 100 кг) по наземным целям и 5 пусков неуправляемых ракет, что было недостаточно для предстоящих боевых действий. В связи с этим командиром эскадрильи была разработана программа, в основу которой был положен боевой опыт летчиков С.Н. Фирсова, С.М. Крошина и В.Ц. Рудницкого, которые служили в 10 орап и успели поучаствовать в боевых действиях в ДРА. Так, при выполнении бомбовых ударов, вылеты должны были выполняться в составе 10 самолетов снаряженными авиабомбами калибром от 250 до 500 кг.

Однако к предложениям разведчиков командование ВВС БВО отнеслось скептически. Так, для тренировок разрешили использовать не более 8 самолетов в группе, при этом калибр бомб был ограничен 250 кг.

В процессе интенсивной подготовки летный состав изучил особенности боевых действий в пустынной местности, отработал порядок полетов в горной местности и в условиях повышенных температур [3]. Особое внимание уделялось групповым полетам на полигоны («Неман» и «Полесский») с полной бомбовой нагрузкой и полетам на малой высоте на скоростях не менее 1000 км/ч, а так же заход на посадку по крутой траектории. Личный состав инженерно-авиационной службы так же был отобран по деловым и морально-политическим качествам и допущен органами КГБ. Были проведены практические навыки по подготовке к ремонту авиатехники и проведены практические занятия по подготовке самолетов по смежным специальностям. Кроме этого, все убывающие были обеспечены жилой площадью, а семьи, имеющие детей, обеспечены местами в детском садике. Все это значительно влияло на моральное состояние убывающих на войну авиаторов [3]. Следует отметить, что в ДРА отправлялись летчики не ниже 2-го класса. В то же время из 11 подготовленных летчиков, было два лейтенанта предыдущего года выпуска с 3-м классом. В связи с этим майору В.Л. Рябову пришлось лично отпрашивать их у Главкома ВВС СССР Главного маршала авиации П.С. Кутахова.

В соответствии с приказом командующего ВВС БВО № 046 от 22.6.83 г. 15 июля эскадрилья (без самолетов) убыла в ДРА [4, с. 5].

17 июля на транспортном самолете аэ прибыла на аэродром Кабул, где сменила летный и технический состав дальневосточной аэ из 293 орап (Возжаевка). Следует отметить, что в течение нескольких дней на аэродроме Кокайты (Узбекская ССР) личный состав проходил адаптацию к жаркому климату. На доукомплектование 263 ораэ из 799 орап (Варфоломеевка) прибыло семь летчиков. Кроме этого, был доукомплектован отдел обработки информации и рядовой состав. Всего в 263 ораэ числилось 149 человек личного состава, из них 18 летчиков. На вооружении имелось 14 боевых и 3 учебно-боевых самолетов [2, с. 50]. После изучения района боевых действий и передачи дел и должностей 263 ораэ (командир майор В.Л. Рябов, штурман майор В.М. Коваль, инженер майор Г.П. Борович) приступила к выполнению боевых вылетов. Интересно заметить, что позывной у командира 263 ораэ был «01», в то время как у командующего ВВС 40-й армии (А) – «001», а его заместителя – «09».

С 19 июля начались боевые вылеты. Летный день начинался с восходом солнца. Постановка задачи происходила с 4 до 5 утра. Причем задачу ставил непосредственно командующий ВВС 40-й армии. До полудня, когда температура воздуха достигала максимальных отметок, производили по 3 – 5 боевых вылетов. Разведка выполнялась главным образом для составления фотосхем, фотоальбомов населенных пунктов, дорог, перевалов, участков местности, укрепрайонов, крепостей; поиск караванов и банд мятежников, их фотографирование, а также фотоконтроль районов ведения боевых действий.

Кроме основного предназначения разведчики привлекались к бомбо-штурмовым ударам (около 80 % от общего количества вылетов). Сначала 18 экипажей были разделены на две части: 8 экипажей состоящие из молодых лейтенантов, занимались разведкой, а остальные 10 экипажей во главе с командиром – бомбометанием. Однако вскоре все экипажи привлекались к бомбовым ударам. Вооружение самолетов составляли бомбы калибром 250 – 500 кг, кассетные бомбы, зажигательные баки и неуправляемые реактивные снаряды (С-5, С-24). В связи с тем, что МиГ-21Р не создавался для бомбо-штурмовых ударов, тем более в горных условиях, прицеливание производилось на глаз – по спиртовому бачку, установленному перед кабиной под обтекателем.

В ноябре 1983 г. командиру 263 ораэ была поставлена срочная и сложная задача – уничтожить банду душманов и две пусковые

установки (около 40 ракет класса «земля-земля»), которые предназначались для удара по Кабулу. На подготовку дали 1 час. За операцией с самолета Ан-26 лично наблюдал командующий ВВС 40-й А. По данным наземной разведки в результате удара были уничтожены все ракеты и пусковые установки, а также около 190 боевиков. Следует отметить, что такие задачи 263 ораэ ставились не случайно – разведчики точно знали местоположение и подходы к цели. К тому же летным составом была разработана новая методика применения разведчиков для бомбометания. Так, для увеличения количества бомб по указанию командира 263 ораэ группа специалистов под руководством капитана Н.В. Ликанова дооборудовала четыре МиГ-21Р под подвеску четырех бомб (разведчик мог брать только две бомбы, а на двух других держателях подвешивались подвесные топливные баки). Вариант подвески состоял из двух фугасных (ФАБ) и двух осколочно-фугасных бомб (ОФАБ) калибром 250 кг. Ввод в пикирование производился с высоты 3000 м. Сброс одновременно четырех бомб на высоте 1100 м. При этом ФАБ обладая лучшей аэродинамикой, улетала на 150 м. дальше ОФАБ. Взрыв бомб производился практически одновременно. Благодаря такой методике резко повысилась эффективность бомбовых ударов, т.к от разрывов бомб на большой площади детонировали спрятанные под землей склады оружия. Перегрузка на выводе из пикирования иногда достигала на 20 – 30 % больше эксплуатационной. Однако, несмотря на то, что самолеты уже не первый год воевали в ДРА, никогда не подводили. А летный состав вместо противоперегрузочных костюмов использовал туго затянутый обычный офицерский ремень.

В январе 1984 г. 263 ораэ принимала участие в крупномасштабной операции в районе Ургуна. 16 января по тревоге всех командиров авиационных частей на самолете Ан-26 подняли в воздух, откуда командующий ВВС 40-й А генерал-майор Г. Колодий лично показал – кому, где и что бомбить. В течение двух дней было выполнено 6 групповых вылетов по 10 самолетов. На второй день операции майор В.Л. Рябов принял решение изменить маршрут и зайти в ущелье с территории Пакистана (что категорически запрещалось) причем со стороны солнца. В отличие от штурмовиков, которые пошли по прежнему маршруту и был сбит командир 200 отдельной штурмовой аэ майора П. Рубан, вся группа разведчиков удачно отбомбилась и без потерь вернулась на свой аэродром.

Для поиска караванов разведчики летали и ночью (остальная авиация в ночное время не применялась). Фотографирование производилось с применением фотопатронов, которые давали мощное освещение. Однако на аэродроме Кабул было выведено из строя все светооборудование, а при включении прожекторов подсветки посадочной полосы сразу начинался их обстрел. Пришлось начало полосы обозначать факелами, сделанными из гильз, а торец полосы – фарами автомобилей.

263 ораэ участвовала во многих боевых операциях, в таких как Кабульско-Чарикарской, в провинции Пактия и Кабул, по населенным пунктам Хоста, Суруби, Маланг, Митерлам, по горному хребту Пагмаз [5, с. 26].

В то же время душманы не оставались в долгу. В ноябре 1983 г. самолет майора В. Киселева при выходе из пикирования получил боевые повреждения топливной и гидравлической систем. Практически на неуправляемом самолете летчик смог дотянуть до аэродрома. Спустя три месяца серьезные повреждения получил самолет лейтенанта Ю. Ковтонюка. Пули, выпущенные из ДШК, попали в двигатель, вызвав падения тяги. Ведущий, капитан Г. Шевченко, подсказывая ведомому, помог правильно выбрать режим полета и дотянуть до аэродрома. Следует отметить, что практически каждый самолет имел боевые повреждения, которые своевременно устранялись инженерно-техническим составом.

В 1984 г. командование приняло решение заменить МиГ-21Р на более современный Су-17М3Р. Поэтому срок пребывания 2-й аэ 10 орап был уменьшен на 3 месяца. В конце марта 1984 г. на смену прибыла аэ из 87-го орап (Карши) [6, с. 84].

27 марта были выполнены последние боевые вылеты, а 29 марта личный состав и все МиГ-21Р были выведены на аэродром Карши, 30 марта вернулись домой.

За 8 месяцев и 12 дней боевой работы личный состав 2-й аэ 10 орап участвовал в 21 операции, выполнил 3135 боевых вылетов на воздушную разведку и нанесение бомбо-штурмовых ударов с налетом 2195 часов. Сфотографировано 54 800 км^2 фотопленки. За этот период сброшено 4760 бомб, обнаружен 191 караван и 28 банд мятежников, уничтожено 27 складов с боеприпасами и 2154 мятежников [4, с. 4].

За период пребывания в Афганистане личному составу было вручено 70 боевых наград. Необходимо отметить, что командир эскадрильи трижды представлялся к званию Герой Советского Со-

юза, однако ни один воздушный разведчик за войну в ДРА этого звания не получил [2, с. 53].

Резюмируя вышесказанное необходимо отметить, что весь личный состав 2-й аэ майора В.Л. Рябова вернулся домой в полном составе и без потерь.

Список литературы

1. 263-я отдельная разведывательная авиационная эскадрилья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:scucin-avia.narod.ru/units/10orap/10orap_dra.htm. – Дата доступа: 10.09.2009.
2. Качук, Н.Н. Четырежды не награжденный / Н.Н. Качук // Армия. – 1999. – № 1.
3. Центральный архив Министерства обороны Республики Беларусь (далее ЦАМО РБ). – Фонд 2035. – Оп. 71245. – Д. 15.
4. ЦАМО РБ. – Фонд 2390. – Оп. 85145. – Д. 8.
5. Альбом «Воины-интернационалисты 10-го отдельного авиационного полка», музей СШ № 3, г. Щучин.
6. 263-я оаэтр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.skywar.ru/afgan.html. – Дата доступа: 22.02.2010.

Дьяков Дмитрий Александрович, *старший преподаватель Минского государственного авиационного колледжа, подполковник.*

УДК 355.354(47+57)

Д.А. Дьяков, Д.Ю. Мягков

УЧАСТИЕ АВИАЦИОННЫХ ЧАСТЕЙ ВВС БВО В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ АФГАНИСТАНА

В статье рассматриваются авиационные части Военно-Воздушных Сил Белорусского военного округа, которые участвовали в оказании интернациональной помощи в Демократической Республике Афганистан.

Ключевые слова: конфликт, вооруженная борьба, ВВС, эскадрилья, полк, транспорт, аэродром, база.

За 66 лет, прошедших после Великой Отечественной войны, советские Вооруженные Силы (ВС) участвовали во многих военных конфликтах за пределами СССР. Кроме этого, большое коли-

чество военных специалистов в качестве военных советников помогали осваивать боевую технику, поставляемую из Советского Союза.

Однако в связи с закрытостью многих архивных документов в Российской Федерации, данная проблема еще не получила широкого освещения как в зарубежной, так и в отечественной историографии.

Военно-Воздушные Силы (ВВС) Белорусского военного округа (БВО) (до 1980 г. 26-я ВА) состояли из истребительной, бомбардировочной, истребительно-бомбардировочной, разведывательной, вспомогательной авиации и напрямую подчинялись командующему БВО.

Расположение БВО на главном западном направлении, выдвигало особые требования к оснащению и уровню подготовки летного состава. Авиационные части округа в числе первых в СССР перевооружались на новую авиационную технику. На территории БВО проводились практически все крупные учения ВС СССР, в которых активно участвовали авиаторы округа. На базе частей ВВС БВО формировались новые авиационные полки, главным образом для Группы советских войск в Германии и Забайкальского военного округа.

До 1980 г. авиационные части БВО в боевых действиях не участвовали.

Однако высокий уровень подготовки личного состава был востребован для выполнения специальных командировок. Так, в сентябре 1962 года в рамках стратегической операции «Анадырь» 1-я авиационная эскадрилья (аэ) 927 истребительного авиационного полка (иап) убыла в составе 213 иап на остров Куба для несения боевого дежурства и подготовки кубинских летчиков [1, с. 190]. В 1967 г. подразделения полка оказывали практическую помощь Сирийской Республике в военном конфликте с Израилем [2, с. 2]. В 1969 г. в связи с обострением обстановки на советско-китайской границе 927 иап в полном составе из Березы прибыл на аэродром Степь Забайкальского военного округа и в течение месяца находился рядом с китайской границей.

В этот же период в связи с вводом советских войск в Чехословакию 3-я аэ 10 отдельного разведывательного авиационного полка (орап) в полном составе убыла на аэродром Миловице (ЧССР).

В 1978 г. 12 летчиков 927 иап и 2 летчика 10 орап убыли на остров Куба для замены кубинских летчиков, которые выполняли свой интернациональный долг в Народной Демократической Рес-

публике Эфиопия. В Эфиопию также убыл инженерно-технический состав 927 иап.

Спустя год вновь обострились советско-китайские отношения. Поднятый по тревоге 927 иап в полном составе перебазировался на территорию Монголии, где находился две недели.

Кроме авиационных частей и подразделений в спецкомандировки в качестве советников отправлялись военнослужащие сроком на 2 – 3 года. По нашим подсчетам в 25 странах Ближнего Востока и Африки авиаторы ВВС БВО помогали осваивать советскую военную технику.

Однако серьезным испытанием за весь послевоенный период стала война в Демократической Республике Афганистан (ДРА).

За 10 лет Афганской войны (1979 – 1989 гг.) боевой опыт получили почти все летчики фронтовой, военно-транспортной и дальней авиации ВВС СССР. Советская авиация выполнила около миллиона боевых вылетов, потеряв при этом 107 самолетов и 333 вертолета [3, с. 26].

На территории ДРА из состава авиации СССР постоянно базировалось два авиационных и три вертолетных полка: 50-й отдельный смешанный авиационный полк (осап); 181 (Кундуз), 280 (Кандагар), 335 отдельные вертолетные полки (овп) и 378 отдельный штурмовой авиационный полк (ошап), а также пять отдельных эскадрилий: 254, 262, 302 и 339 отдельные вертолетные эскадрильи (овэ); 263 отдельная разведывательная авиационная эскадрилья (ораэ) [4, с. 378].

В связи с тем, что срок пребывания в ДРА был ограничен одним годом, личный состав этих полков и эскадрилий в соответствии с директивой ГШ № 312/4/239 от 17.04.1980 г. [5, с. 79] постоянно менялся. Программа замены получила условное название «Эстафета».

От ВВС БВО в Афганской войне участвовали экипажи и военнослужащие практически всех вертолетных частей и отдельных эскадрилий, а также подразделения семи авиационных частей: 927 иап (Береза), 10 орап и 979 иап (Щучин), 206 ошап и 330 овп (Засимовичи), 65 овп (Кобрин) и 276 овп (Боровцы).

Для контроля воздушного пространства в ДРА и противовоздушной обороны на аэродромах Баграм, Шинданд и Кандагар базировались истребительные эскадрильи [6, с. 236].

С 25 июня 1983 г. по 23 июля 1984 г. на этих аэродромах базировался 927 иап. 1-я аэ находилась в Баграме, а 2-я аэ в Шинданде

[7, с. 54]. Кроме этого, в Кандагаре стояло дежурное звено. Спустя два года на аэродром Кандагар прибыла 1-я аэ 979 иап (1986 – 1987 гг.), а через год ее сменила 2-я аэ этого же полка (1987 – 1988 гг.) [8, с. 62].

Из-за повышения активности банд мятежников основными задачами истребителей стали ракетно-бомбовые удары по наземным целям. Так 927 иап за год совершил 7300 боевых вылетов при этом израсходовано 11 000 бомб, 6856 неуправляемых ракет и 52 600 снарядов.

Аналогичные задачи выполняла 2-я аэ 10 орап. Эскадрилья с 17 июля 1983 г. по 29 марта 1984 г. входила в состав 263 ораэ и выполнила 3135 боевых вылета, главным образом на подавление банд мятежников и уничтожение наземных целей [9, с. 78].

С октября 1988 г. по 1989 г. в ДРА находился личный состав 206 ошап в составе двух эскадрилий (входили в состав 378 ошап, Баграм). В течении пяти месяцев полк выполнил 6628 боевых вылетов с общим налетом 7300 часов [10, с. 2].

Следует отметить, что в ДРА 927 иап, 979 иап и 2-я аэ 10 орап боевых потерь в личном составе не имели. В 206 ошап погиб старший лейтенант К. Павлюков (посмертно удостоен звания Герой Советского Союза).

Иначе дела обстояли с вертолетными частями, которые вынесли всю тяжесть Афганской войны. В отличие от авиационных полков вертолетчики убывали в ДРА в составе экипажей и эскадрилий. При этом они вливались в состав полков и отдельных вертолетных эскадрилий, которые постоянно базировались на территории ДРА.

Так, из 65 овп уже в январе 1980 г. 14 офицеров, 7 прапорщиков и 9 солдат убыли в ДРА на формирование 50 осап (Кабул). В 1982 – 1983 годах личный состав 4-й вертолетной эскадрильи (вэ) находился в составе 280-го овп (Кандагар). В 1983 г. 1-я вэ направлена в 50 осап. В 1985 сразу две вэ убыли в ДРА: 3-я вэ в состав 181 овп (Кундуз), 2-я вэ в состав 302 овэ (Шинданд). В течение последующих четырех лет 1-я вэ (1986 – 1987 гг.) и 2-я вэ (1988 – 1989 гг.) входили в состав 50 осап [11, с. 5]. По данным юбилейного буклета, посвященного 40-летию 65 овп, за период оказания интернациональной помощи в ДРА погибло 9 человек.

Личный состав 276 овп участвовал в войне в течение 1984 – 1989 гг. Первые 8 экипажей с инженерно-техническим составом в 1984 г. убыли в ДРА на аэродром Баграм и вошли в состав 262 овэ.

[5, с. 79]. Через два года убыла 1-я вэ в полном составе. Всего более 300 человек полка участвовали в боевых действиях [12, с. 29].

Отдельные экипажи 330 овп были направлены в ДРА в начале войны, а в августе 1982 г. личный состав, сдав технику, убыл в состав 335 овп (Джелалабад) [13, с. 3].

Следует отметить, что вертолетчиков из Группы советских войск в Германии сразу в ДРА не направляли. Сначала их выводили в Союз, где они вливались в состав вертолетных полков военных округов и только после этого убывали в ДРА. Так, в апреле 1984 г. произошла ротация вертолетных эскадрилий: в состав 225 овп (Брандис, ГСВГ) прибыла вэ из 330 овп (Засимовичи), в свою очередь из 225 овп в 330 овп прибыло 26 экипажей с инженерно-техническим составом. В июле эта вэ была направлена в состав 50 осап (Кабул) [5, с. 80].

В боевых действиях участвовали и экипажи транспортной авиации. Из состава 248 отдельной смешанной авиационной эскадрильи (осаэ) на протяжении всей войны направлялись экипажи транспортных самолетов Ан-26. В 1987 г. экипаж капитана М. Мельникова был сбит над Джелалабадом. Погибло шесть человек [14, с. 39].

В процессе вывода войск из ДРА на территорию Беларуси были перебазированы три полка и одна эскадрилья: 50 осап (Липки), 378 ошап (Поставы), 181 овп (Засимовичи) и 302 овэ (Кобрин).

В заключение отметим, что проблема участия авиаторов ВВС БВО требует дальнейшего исследования с привлечением новых архивных документов, а также воспоминаний участников тех событий. Кроме этого, на сегодняшний день нет точной цифры количества военнослужащих, участвовавших в оказании интернациональной помощи от ВВС БВО. Нет также и количества погибших при исполнении интернационального долга.

Список литературы

1. Исаев, С.М. Страницы истории 32-го гвардейского Виленского орденов Ленина и Кутузова 3 ст. истребительного авиационного полка / С.М. Исаев. – М.: АРБОР, 2006. – 219 с.

2. Центральный архив Министерства обороны Республики Беларусь (далее ЦАМО РБ). – Фонд 3137. – Оп. 91821.

3. Матюх, А. Размышления о сути боевых потерь авиатехники в Афганистане / А. Матюх // Мир Авиации. – 2007. – № 2.

4. Афганистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.skywar. ru/Aviashelfs.html. – Дата доступа: 27.02.2010.

5. ЦАМО РБ. – Фонд 2035. – Оп. 92133. – Д. 5.
6. Истребительная авиация в Афганистане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.airwar.ru/lokwar.html. – Дата доступа: 27.02.2010.
7. Рассказы истребителя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.airforce.ru/staff/fighter.html. – Дата доступа: 26.02.2010.
8. ЦАМО РБ. – Фонд 2416. – Оп. 1. – Д. 1.
9. ЦАМО РБ. – Фонд 2390. – Оп. 85145. – Д. 8.
10. Кандарль, И. В афганском небе / И. Кандарль // Белорусская военная газета. – 2010. – 19 февр. – С. 2.
11. ЦАМО РБ. – Фонд 3339. – Оп. 100550. – Д.1.
12. ЦАМО РБ. – Фонд 4107. – Оп. 98064. – Д.1.
13. Данилов, А. 750 встреч со смертью / А. Данилов // Белорусская военная газета. – 2008. – 10 апр. – С. 3.
14. Качук, Н.Н. В небе Афганистана / Н.Н. Качук // Армия. – 2000. – № 3. – С. 39.

Дьяков Дмитрий Александрович, *старший преподаватель Минского государственного авиационного колледжа, подполковник.*

Мягков Дмитрий Юрьевич, *кандидат технических наук, заместитель начальника факультета по учебной и научной работе – первый заместитель начальника военного факультета Минского государственного авиационного колледжа, полковник.*

УДК 355(47+57)

И.А. Гордейчик

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ ИЗ ОПЫТА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В РЕСПУБЛИКЕ АФГАНИСТАН

В статье анализируется опыт боевых действий в Афганистане и делается вывод о важности и актуальности условий специфического вооруженного противоборства сообразуясь с конкретными условиями обстановки.

Ключевые слова: боевые действия, ограниченный контингент, договор, оппозиция, провинция, бандформирования, интернациональная помощь, крупномасштабная операция.

События, связанные более чем с 9-летним присутствием советских войск на территории Афганистана, являются одной из наиболее трагических и вместе с тем героических страниц в новейшей отечественной военной истории. Они и в настоящее время

привлекают внимание как военных профессионалов, так и самые широкие слои общественности. И такой интерес не случаен. По сути дела, это был первый случай после Второй мировой войны, когда столь крупный контингент советских войск в течение длительного времени принимал самое непосредственное участие в локальных боевых действиях за рубежом нашей Родины [1, с. 4].

В период нахождения в Афганистане советскими войсками накоплен богатый опыт решения различных задач в сложных военно-политических, физико-географических и природно-климатических условиях, применения разнообразных образцов оружия и военной техники. Этот опыт заслуживает самого пристального внимания и всестороннего учета в процессе совершенствования организационной структуры и оснащения наших Вооруженных Сил, обучения и воспитания войск в современных условиях.

Но прежде о том, почему был осуществлен и как готовился ввод ОКСВ в Афганистан [1, с. 15].

1. Политическое решение о вводе ОКСВ в Афганистан принималось в строгом соответствии со статьей 4 советско-афганского договора от 5 декабря 1978 г. и в ответ на неоднократные просьбы правительства ДРА об оказании помощи в защите от внешней агрессии. При этом следует понимать, что ни Советский Союз и ни ввод контингента его войск инициировали развязывание войны в Афганистане. По признанию одного из лидеров непримиримой афганской оппозиции Г. Хекматияра, оппозиционные формирования «уже полтора года вели борьбу, когда в страну вступили советские войска» [2, с. 81].

Ввод войск в Афганистан был предпринят советским военно-политическим руководством главным образом для устранения Х. Амина и замены его на, как считалось, «более прогрессивного лидера», каким в то время виделся Б. Кармаль. Этим шагом предполагалось укрепить позиции и влияние СССР в Центральноазиатском регионе. Данный вывод подтверждается небольшим первоначальным составом контингента советских войск, его укомплектованием преимущественно резервистами, а также намерением политического руководства СССР в феврале 1980 г. вывести ОКСВ из Афганистана, как выполнившего свою основную задачу [3, с. 35].

2. Руководство Министерства обороны и Генерального штаба ВС СССР вплоть до принятия политического решения придерживалось мнения о нецелесообразности ввода войск в Афганистан,

в отличие, например, от точек зрения представителей Министерства иностранных дел и КГБ. Поэтому в принятии решения на ввод войск в Афганистан авторитетные военные специалисты участия не принимали, цели ввода и конкретные задачи ОКСВ в это время не определялись. «Оказание интернациональной помощи дружественному афганскому народу и создание благоприятных условий для воспрещения возможных антиафганских акций со стороны сопредельных государств» нельзя рассматривать вразумительной задачей воинскому контингенту [4, с. 185].

3. Отмобилизование соединений, частей и учреждений, предназначавшихся для ввода в Афганистан, осуществлялось под предлогом призыва на сборы приписного личного состава отдельными распоряжениями Генерального штаба ВС СССР командующим войсками ТуркВО и САВО на основе устных указаний министра обороны СССР. То есть, никакого государственного акта на отмобилизование не издавалось. В ходе отмобилизования, проведенного в целом организованно, был выявлен низкий уровень подготовки офицеров запаса, особенно тыловых и технических служб (более 70 % призванных офицеров никогда не служили в армии).

С первых дней пребывания в Афганистане на ОКСВ возлагалось выполнение широкого круга задач: оказание содействия в упрочении местных органов власти; охрана народнохозяйственных и военных объектов, основных автомобильных дорог и обеспечение прохождения по ним автоколонн с грузами в интересах ОКСВ, вооруженных сил, министерств и ведомств Афганистана; ведение совместно с афганскими войсками боевых действий по разгрому отрядов и групп вооруженной оппозиции; прикрытие госграницы Афганистана с Пакистаном и Ираном от проникновения в ДРА караванов и отрядов моджахедов; оказание помощи вооруженным силам ДРА в подготовке штабов, войск и др [5, с. 17].

Следует заметить, что первоначально руководство СССР уклонялось от удовлетворения просьб правительства ДРА об оказании помощи в вооруженной борьбе с оппозицией. Однако уже 10 – 11 января 1980 г. несколько подразделений ОКСВ были привлечены к боевым действиям. В феврале 1980 г., учитывая участившиеся случаи нападений на колонны и обстрелов гарнизонов советских войск, командованию 40-й армии (А) последовало официальное указание: «Начать совместно с армией ДРА активные действия по разгрому отрядов оппозиции», а в марте была проведена первая крупная операция в приграничной провинции Кунар (восточнее города

Джелалабад). В последующем боевые действия против формирований оппозиции стали главной задачей ОКСВ в Афганистане [5, с. 7].

Боевые действия, в которых участвовали советские войска на территории Афганистана, подразделялись на плановые (проводимые по утвержденным министром обороны СССР планам) и неплановые.

Плановые боевые действия, как правило, были крупномасштабными и предпринимались в целях разгрома особо опасных группировок или объединенных отрядов оппозиции, ликвидации их районов дислокации, а также крупных баз с запасами оружия и боеприпасов. Крупномасштабные операции проводились чаще всего в районах, где условия местности затрудняли противнику маневр и лишали его возможности выйти из-под удара. Как правило, это были изолированные горные долины или высокогорные районы. Однако советским войскам неоднократно удавалось создавать выгодные условия для окружения и разгрома противника в широких долинах и на горных плато. Всего советские войска участвовали в 416 крупномасштабных операциях. Крупнейшие боевые операции, проведенные советскими войсками в Афганистане:

1. Ущелье Панджшер (8 операций) (1980 – 1986 гг.).
2. Зеленая зона Джабаль – Уссарадж, Черикар (провинция Парван), Махмудараки (провинция Каниса) (январь – февраль 1982 г.).
3. Кандагар (январь 1982 г.).
4. Уезд Ниджраб (провинция Каниса) (апрель 1983 г.).
5. Провинции Баглан, Каниса, Парван (октябрь 1985 г.).
6. Провинция Кунар (1985 г.).
7. Провинция Герат (1986 г.).
8. Провинция Кандагар (апрель – сентябрь 1987 г.).
9. «Магистраль» – провинция Пактия и округ Хост (декабрь 1987 г. – январь 1988 г.).
10. Провинция Джаузджан (декабрь 1981 г.).
11. Провинция Нимроз (апрель 1982 г.).
12. Округ Хост (февраль – апрель 1986 г.)[8].

Главным содержанием плановых операций являлось по возможности одновременное поражение противника огневыми ударами на всю глубину выполнения задачи с последующим расчленением и уничтожением его группировки по частям сухопутными войсками и воздушными десантами, высаживаемыми разновременно и непоследовательно в тылу. Для проведения таких операций требовалось привлекать значительные контингенты войск. Поскольку

большая часть ОКСВ выполняла задачи по охране различных объектов и коммуникаций, на период операции обычно создавались группировки войск смешанного состава [9, с. 63].

Районы крупномасштабных операций делились на полковые и батальонные зоны, в которых части и подразделения действовали в рамках общего замысла самостоятельно по решениям своих командиров. При этом практиковались различные, исходя из конкретных условий обстановки, приемы и способы действий войск: блокирование населенных пунктов и небольших зеленых зон с их последующим прочесыванием; разведывательно-поисковые рейды с задачей обнаружения и уничтожения складов противника; засады обходящих отрядов; авиационные удары и артиллерийский огонь по труднодоступным горным районам в целях поражения отходящих и подходящих групп противника [10, с. 2].

Большинство крупномасштабных операций завершалось разгромом противника, нанесением ему больших потерь в людях и вооружении, достижением поставленных целей. Однако в отдельных случаях не удавалось полностью решить поставленные задачи. Чаще всего это объяснялось утечкой данных о районе и сроках проведения операций при ее совместном планировании с афганскими штабами. Такое положение вынуждало руководителей боевых действий организовывать разработку боевых документов только советскими офицерами, выдавая афганцам исключительно дозированную информацию и в самый последний момент.

Наряду с крупномасштабными плановыми операциями советские войска в Афганистане почти непрерывно вели неплановые боевые действия, которые были ограниченными по привлекаемым силам, средствам, размаху и продолжительности. Они готовились в сжатые сроки и на основе самых свежих разведданных [11, с. 31].

К неплановым боевым действиям относились так называемые частные боевые действия (операции) соединений и частей, рейдовые действия усиленных батальонов, боевые действия дежурных подразделений в зонах ответственности, досмотры караванов, засадные действия на караванных маршрутах и путях перемещения противника внутри страны, налеты, самостоятельные боевые действия авиации по поражению группировок и объектов противника.

Одной из важнейших и наиболее сложных задач ОКСВ в Афганистане являлась охрана народнохозяйственных и военных объектов, основных автомобильных дорог и проводка по ним транспортных колонн. Эту задачу ОКСВ выполнял с первых дней пребывания

на территории сопредельного государства, однако только к 1981 г. сложилась стройная система охраны объектов и коммуникаций:

1. Создание вокруг объектов 15-км режимных зон – 21.

2. Постоянные сторожевые заставы (20 – 25 чел.) – 862 (20 200 чел.).

3. Сторожевые заставы (ЗУ-23-2 – 3 ед., до мсв).

4. Специфические боевые действия (где нет постоянных сторожевых застав):

- непосредственная охрана колонн;
- временные сторожевые заставы [11, с. 10].

В целях обеспечения безопасности и общественного порядка, предупреждения и пресечения враждебных действий сил оппозиции, решением руководства Афганистана вокруг важных административных центров, аэродромов, электростанций, тоннелей создавались пятнадцатикилометровые режимные зоны. Обеспечением порядка в режимных зонах, по замыслу, должны были руководить афганские армейские командиры совместно с работниками местных партийных и государственных органов. Однако главная роль в охране такого рода объектов принадлежала советским войскам. Для этого использовались постоянные сторожевые заставы, а также специально сформированные батальоны охраны.

Постоянные сторожевые заставы представляли собой укрепленные пункты, приспособленные для длительного проживания личного состава и несения им боевой службы. Подходы к заставам прикрывались минными полями и проволочными заграждениями с использованием сигнальных средств. В заставы назначались мотострелковые, воздушно-десантные, десантно-штурмовые, а иногда танковые, артиллерийские, противотанковые и другие подразделения. Их смена при охране автодорог и государственных объектов, обычно осуществлялась через три месяца, а военных городков – через месяц. Всего силами 40-й А на маршрутах и в 21 режимных зонах были созданы 862 сторожевые заставы, на которых несли службу более 20 тыс. чел. [12, с. 3].

Основу ОКСВ составляли мотострелковые, воздушно-десантные и десантно-штурмовые соединения и части, которые несли главную боевую нагрузку, выполняя разнообразные задачи. Однако в Афганистане накоплен весьма ценный специфический опыт применения других родов сухопутных войск.

Накопленный в Афганистане опыт позволяет сделать ряд общих выводов, не потерявших значения для условий современного

противоборства. В качестве основных выводов из опыта боевой деятельности ОКСВ в Афганистане, актуальных для современности, следует отметить следующие.

1-й вывод – о соответствии организационно-штатных структур выполняемым боевым задачам. Введенная в Афганистан группировка советских войск оказалась в весьма специфических условиях. В связи с тем, что ведение активных боевых действий против афганской оппозиции первоначальными планами не предусматривалось, соединения и части ОКСВ развертывались в стандартной оргштатной структуре. По боевому составу 40-я армия была готова отражать внешнюю агрессию против Афганистана. Однако ей пришлось втянуться в боевые действия против внутренней оппозиции, которой использовались методы партизанской войны. При этом первые месяцы боевых действий показали, что ОКСВ «перегружен» танками, крупнокалиберной и пушечной артиллерией, противотанковыми средствами, малоэффективными в горных районах Афганистана. Неоправданно большим оказалось количество зенитных ракетных средств, а ракетные дивизионы дивизий из-за отсутствия фугасных и осколочных головных частей участия в боевых действиях принять не могли, но требовали значительных сил для охраны. Одновременно в армии ощущался недостаток мотострелковых подразделений, подразделений охраны и обслуживания. Несмотря на то, что войска ТуркВО предназначались для действий преимущественно в горах, штатных горных (альпийских) подразделений в их составе не оказалось, отсутствовало и специальное горное снаряжение. Все эти несоответствия устранялись уже в ходе боевой деятельности ОКСВ.

2-й вывод – о соответствии форм и способов применения войск условиям обстановки. Специфика советского военного присутствия в Афганистане потребовала выработки и освоения командным составом ОКСВ нетипичных для отечественной военной теории и практики тех лет форм, способов и приемов боевых действий. В Афганистане советским войскам пришлось выполнять разнообразные задачи, которые для командиров всех степеней, от командующего армией до командира взвода, оказались новыми, так как действовавшими в то время уставами и наставлениями не предусматривались. Вырабатывать соответствующую тактику приходилось непосредственно в ходе боевой деятельности. Практика боевых действий ОКСВ против вооруженных отрядов и групп оппозиции показала, что основным тактическим подразделением для реше-

ния специфических задач являлся батальон. Даже в крупномасштабных операциях батальоны, как правило, имели зоны ответственности и действовали в них самостоятельно.

В ходе боевой деятельности советские войска, наряду с типовыми, широко применяли новые приемы, обусловленные местными условиями и характером действий противника. Так, развитие получила тактика засадных действий против караванов противника с оружием и боеприпасами, широко применялись такие непредусмотренные руководящими документами элементы боевых порядков подразделений, как бронегруппы.

3-й вывод – о важности знания обстановки и противника. Для повышения эффективности возложенных на ОКСВ задач важное значение имело тщательное изучение командным составом внутриполитической обстановки в стране пребывания, сложившейся оперативно-тактической обстановки и особенно характера, форм и способов противодействия со стороны вооруженной афганской оппозиции.

4-й вывод – о значении подготовки войск. Боевые действия в Афганистане, особенно в первое время, выявили серьезные недостатки в подготовке солдат, сержантов и офицеров. Причины заключались главным образом в несовершенстве программ их обучения, неоправданной экономии материальных средств (боеприпасов, горючего и т.п.). Личный состав ОКСВ показывал слабую физическую выносливость и невысокую психологическую устойчивость при действиях в горах, при высоких температурах и ночью. Наиболее подготовленными в этом отношении оказались солдаты и сержанты ВДВ, частей СпН и разведывательных подразделений. Недостатки подготовки офицеров определялись, как показал опыт, длительным прохождением ими службы в сокращенных частях и частях кадра. В работе командиров и штабов зачастую наблюдалось стремление применять классические формы и способы боевых действий без учета ТВД и тактики противника. Все эти недостатки следовало устранить в кратчайшие сроки. Поэтому в этот период сложилась оправдавшая себя система подготовки офицерского и личного состава, предназначавшегося для прохождения службы в составе ОКСВ. Задача решалась в двух взаимосвязанных направлениях – до отправки в Афганистан и непосредственно на месте. С направляемыми в Афганистан офицерами с осени 1984 г. стали проводиться занятия по специальной программе продолжительностью до одного месяца. С октября 1985 г. в ТуркВО для этой

цели были созданы штатные подразделения резерва офицерского состава. Солдаты срочной службы, кроме направлявшихся в ОКСВ из учебных частей, проходили первоначально двух, с весны 1984 г. – трех, а с мая 1985 г. – пятимесячную подготовку. По прибытии в Афганистан все военнослужащие проходили 10-дневные учебные сборы: офицеры – 4 дня при штабе 40-й А и 6 дней при штабе дивизии (полка); солдаты и сержанты – 5 дней при части и 5 дней в подразделении.

5-й вывод – о роли управления не только в ходе боевой, но и в повседневной деятельности. В ходе афганских событий руководство ВС СССР столкнулось с проблемами организации управления боевой и повседневной деятельности ОКСВ, координации и согласования его усилий с представительствами, советническими аппаратами и должностными лицами различных министерств и ведомств СССР и Афганистана. В работе командующего 40-й армии и командиров всех степеней значительное место занимали вопросы повседневной деятельности войск, взаимодействия с органами местной власти, афганскими войсками, местным населением.

6-й вывод – о важности всестороннего обеспечения боевых действий. В период советского военного присутствия в Афганистане приобретен уникальный опыт организации систем связи, РЭБ, сбора, обработки и своевременной реализации разведывательной информации, проведения маскировочных мероприятий, а также инженерного, химического, тылового, технического и медицинского обеспечения боевой деятельности ОКСВ. Кроме того, афганский опыт дает немало примеров эффективного информационно-психологического воздействия на противника как внутри страны, так и за ее пределами.

Через Афганистан прошли около 620 тыс. офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат. В том числе в составе ОКСВ – 525,2 тыс., от ПВ и других формирований КГБ СССР – около 90 тыс., от МВД СССР – около 5 тыс. чел. Из них 546 тыс. – непосредственные участники боевых действий. Кроме того, на должностях рабочих и служащих в составе ОКСВ находилось до 21 тыс. чел.

Общие безвозвратные людские потери ВС СССР в Афганистане составили 14 453 чел. При этом органы управления, соединения и части ОКСВ потеряли 13 833 чел. В Афганистане попали в плен и пропали без вести 417 военнослужащих, из которых 119 чел. освобождены из плена. Санитарные потери составили 469 685 чел., в том числе: ранено, контужено и травмировано 53 753 чел. (11,44 %);

заболело 415 932 чел. (88,56 %). Потери техники и вооружения составили: самолетов – 118; вертолетов – 333; танков – 147; БМП, БМД, и БТР – 1314; орудий и минометов – 433; радиостанций и КШМ – 1138; инженерных машин – 510; автомобилей – 11 369 [13, с. 14].

В целом, приобретенный в Афганистане боевой опыт оценивается неоднозначно. И это закономерно. При всей важности и актуальности для условий специфического вооруженного противоборства, в практике широкого его использования необходимо подходить исключительно осмотрительно, сообразуясь с конкретными условиями обстановки.

Список литературы

1. Исаев, С.М. Страницы истории 32-го гвардейского Виленского орденов Ленина и Кутузова 3 ст. истребительного авиационного полка / С.М. Исаев. – М.: АРБОР, 2006. – 219 с.
2. Центральный архив Министерства обороны Республики Беларусь (далее ЦАМО РБ). – Фонд 3137. – Оп. 91821.
3. Матюх, А. Размышления о сути боевых потерь авиатехники в Афганистане / А. Матюх // Мир Авиации. – 2007. – № 2.
4. Афганистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.skywar. ru/Aviashelfs.html. – Дата доступа: 27.02.2010.
5. ЦАМО РБ. – Фонд 2035. – Оп. 92133. – Д. 5.
6. Истребительная авиация в Афганистане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.airwar.ru/lokwar.html. – Дата доступа: 27.02.2010.
7. Рассказы истребителя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.airforce.ru/staff/fighter.html. – Дата доступа: 26.02.2010.
8. ЦАМО РБ. – Фонд 2416. – Оп. 1. – Д. 1.
9. ЦАМО РБ. – Фонд 2390. – Оп. 85145. – Д. 8.
10. Кандарль, И. В афганском небе / И. Кандарль // Белорусская военная газета. – 2010. – 19 февр. – С. 2.
11. ЦАМО РБ. – Фонд 3339. – Оп. 100550. – Д.1; ЦАМО РБ Фонд 4107. – Оп. 98064. – Д. 1.
12. Данилов, А. 750 встреч со смертью / А. Данилов // Белорусская военная газета. – 2008. – 10 апр. – С. 3.
13. Качук, Н.Н. В небе Афганистана / Н.Н. Качук // Армия. – 2000. – № 3. – С. 14.

Гордейчик Иван Аркадьевич, *первый заместитель начальника Учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь», генерал-майор.*

УДК 94(497.1)

А.В. Зиновьев

ПРИЧИНЫ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В ЮГОСЛАВИИ

В статье рассматриваются причины возникновения вооруженного конфликта в Югославии в 90-е годы XX столетия. Проведен анализ применения объединенных сил НАТО и выполнения поставленных целей в ходе операции «Решительная сила».

Ключевые слова: внешнеполитический курс, федерация, кризис, противоречия, потенциал, анклав, соглашения, суверенитет.

Установление «нового мирового порядка» в Восточной Европе началось в 90-е годы XX века и характеризовалось деструктивными, кризисными процессами.

На сегодняшний день можно с уверенностью констатировать, что катализатором этих процессов является внешнеполитический курс США и стран НАТО, направленный на создание условий для распада федеративных, многонациональных образований (Чехословацкая Социалистическая Республика, Социалистическая Федеративная Республика Югославия), подогревания конфликта и оказания практической помощи этносам, стремящимся к выходу из стран, созданных после Второй мировой войны, и воссоединению с другими странами (албанцев Косово с Албанией, венгров Воеводины, Трансильвании, Словакии с Венгрией, молдаван с Румынией и т.д.) [1, с. 9].

Предыстория югославского кризиса берет свое начало с резкого обострения глубоких внутренних противоречий на межнациональной и религиозной почве в 1991 году. К этому времени в составе СФРЮ было шесть союзных республик: Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Македония, Черногория, Сербия. В составе Сербии два края: Косово и Воеводина. В начале кризиса, вплоть до середины 1991 года, все мировое сообщество выступало за сохранение единой Югославии и ничто не предвещало возможности трагического хода развития событий. Однако в конце XX века мир стал перед фактом беспрецедентного вмешательства во внутренние дела Югославии ряда западных стран. Так, вначале Германия, Австрия и Ватикан стали оказывать давление в пользу признания независимости Словении и Хорватии, с которыми поддерживали традицион-

ные связи. Страны Запада недолго «сопротивлялись» этому нажиму. И это стало началом катастрофы, ибо был грубо попран один из главных принципов Хельсинских соглашений 1975 года – признание нерушимости границ в Европе.

В целом изначально просматривалась антисербская направленность действий стран НАТО. Первые предпосылки к этому уже были видны, когда весной – летом 1992 года, в Хорватии, Боснии и Герцеговине разместились силы ООН. Более 30 стран выделили силы для охраны анклавов компактного проживания боснийских мусульман и хорватов.

Проводимый США и странами НАТО курс военно-политического вмешательства во внутренние дела СФРЮ привел к ее распаду. На территории бывшей СФРЮ появился ряд суверенных государств и государственно-этнических образований:

1. Республика Словения (провозглашена 25 июня 1991 года).
2. Республика Босния и Герцеговина (провозглашена 1 марта 1992 года).
3. Республика Македония (провозглашена 20 ноября 1991 года).
4. Республика Хорватия (провозглашена 25 июня 1991 года).
5. Союзная Республика Югославия (СРЮ) в составе Сербии и Черногории (провозглашена 27 апреля 1992 года) [2, с. 41].

В результате последовательной целенаправленной антисербской политики США и НАТО, начиная с 1991 года по настоящее время, произошел распад государства, обладавшего мощным военно-экономическим потенциалом, единственного среди государств бывшей социалистической ориентации не следовавшего в фарватере политики США и не выражавшего стремления к вступлению в североатлантический альянс. Так, правопреемница СФРЮ – Союзная Республика Югославия потеряла почти 60 % территории, крупные и важные экономические центры, районы. И в дальнейшем вся политика западных стран на Балканах была направлена на исключение предпосылок для воссоединения сербских общин суверенных государств, возможности создания в далекой перспективе государства наподобие СФРЮ.

Применение объединенных сил НАТО под эгидой ООН в бывшей Югославии началось в марте 1991 года с доставки гуманитарной помощи населению в восточные районы Боснии и Герцеговины, а с апреля авиация приступила к выполнению задач воздушной разведки и контроля воздушного пространства.

В период с 1991 по 1995 год были проведены следующие операции с участием самолетов объединенных сил:

1. «Парашют».
2. «Закрытое небо».
3. «Освобожденная сила».

Кроме того, осуществлялись неоднократные выборочные удары в период с 30 июня 1993 года по 29 августа 1995 года. Авиация НАТО принимала активное участие в военных операциях, проводимых вооруженными силами Хорватии по ликвидации самопровозглашенной Республики Сербская Краина – «Блеск» (01.05 – 03.05.1995 г.) и «Буря» (04.08 – 10.08.1995 г.) [3].

Самой крупной воздушной операцией была «Освобожденная сила». Основной целью этой операции являлось уничтожение военно-экономического потенциала боснийских сербов. В налетах участвовало около 200 боевых самолетов (всего была создана группировка численностью более 300 самолетов).

В ходе операции самолеты НАТО совершили около 3500 боевых вылетов. Было выпущено более 130 управляемых ракет «Мейверик» и сброшено более 400 бомб свободного падения и 462 управляемых авиационных бомб типа ОВЦ-Ю; -12; -15. Кроме того, по сербским позициям выпушено до 10 тысяч 20-мм, 30-мм снарядов из бортовых пушек истребителей-бомбардировщиков и штурмовиков, а по радиорелейной станции севернее Баня-Лука применены 13 крылатых ракет морского базирования «Томахок» [4, с. 11].

Впервые задачи подавления сил и средств ПВО боснийских сербов выполнены самолетами палубной авиации (17 F/A-18C «Хорнет»). Выход на позиции средств противовоздушной обороны осуществлен в режиме «радиомолчания» ночью на предельно малой высоте (до 200 м); более 50 % примененного бортового оружия было управляемым.

Отработаны вопросы: взаимодействия при нанесении ударов авиаэскадрильями различной национальной принадлежности; интенсивного применения авиации в ночных условиях (напряженность в отдельных случаях достигала 5 самолето-вылетов в сутки); координации действий самолетов тактической и палубной авиации; планирования и распределения усилий в создаваемых временных межнациональных тактических группах ВВС.

Основным способом боевых действий явилось: нанесение ракетно-бомбовых ударов мелкими компактными группами в составе 2 – 4 ударных самолета, 1 – 2 самолета прикрытия.

Групповые и одиночные удары наносились по заранее разведанным наземным целям после предварительной нейтрализации сил

и средств противовоздушной обороны, осуществляющих непосредственное их прикрытие [5, с. 58].

Слабые стороны: бортовые прицельно-навигационные системы даже современных самолетов не обеспечивали полет в сложных метеоусловиях и высокогорной местности в дождь, при низком тумане и т.д.

Результаты операции «Освобожденная сила»: авиация НАТО совершила 3500 самолето-вылетов, сброшено более 400 обычных бомб, 462 управляемых авиационных бомб типа ОВЦ-10; -12; -15, выпущено до 10 000 авиаснарядов, 130 управляемых ракет «воздух-земля» типа «Мейверик». Крейсер УРО (управляемым ракетным оружием) нанес удар 13 крылатыми ракетами «Томахок» BGM-109C.

По оценкам представителей Пентагона, в ходе проведения операции «Освобожденная сила» был нанесен:

• «существенный» ущерб – системе противовоздушной обороны боснийских сербов, их командным пунктам, узлам связи; а также складам боеприпасов;

• «умеренный» ущерб – складам материальных ресурсов, площадкам хранения боевой техники;

• «незначительный» ущерб – линиям коммуникаций, железнодорожным путям и мостам.

Потери авиации НАТО: самолет F-16C ВВС США сбит ЗРК SA-6 («Квадрат»), «Мираж» 2000 ВВС Франции – ПЗРК. Два БЛА БП «Предатор»: один сбит во время разведки над боевыми порядками, второй, получивший повреждение, был наведен для самоликвидации на скалы.

Испытание новых образцов вооружения и военной техники: многофункциональный БЛА (беспилотные летательные аппараты) «Тайер-2» («Предатор»), КРМБ (крылатая ракета морского базирования) «Томахок» в условиях горно-лесистой местности, боевой самолет управления и целеуказания «Джей-старс» новой модификации Е-8С, ПРР (противорадиолокационная ракета) типа «Харм» новой модификации AGM-88C.

По результатам испытаний обоснована: целесообразность развитая беспилотных летательных аппаратов семейства «Тайер», «Тайер-2» («Глоубал Хок») и «Тайер-3» («Дарк Стар»), сформировано две разведовательные эскадрильи БЛА. Рассмотрен вопрос возможности использования информации беспилотных летательных аппаратов для планирования ударов крылатых ракет.

Определены направления модернизации крылатых ракет «Томахок» (внедрение нового процессора для согласованной работы

систем управления и снижение воздействия помех на конечном участке в условиях высокогорной местности).

Выявлены недостатки в работе бортовой радиолокационной станции Е-8С (поставлена задача по устранению около 20 технических недостатков).

Подтверждена эффективность противорадиолокационных ракет «Харм» AGM-88C с расширенным рабочим диапазоном (от 7,5 мм до 60 см), с усовершенствованной боевой частью.

Цели операции НАТО в Югославии «Решительная сила»:

а) политические:

• смена руководства СРЮ, единственного государства бывшей социалистической ориентации, расположенного на южном фланге НАТО, не следующего в фарватере политики США и не выражающего стремления к вступлению в альянс;

• создание условий для постепенной интеграции Балканских государств, образовавшихся после распада СФРЮ, в военно-политические структуры Запада;

• демонстрация мировому сообществу своей силы и того факта, что в проведении «миротворческих» операций для НАТО нет границ;

• более тесная привязка внешнеполитического курса стран-участниц блока НАТО к политике США.

б) военные:

• отработка сценариев применения ОВС НАТО в локальных войнах и вооруженных конфликтах для защиты интересов США и их союзников по блоку;

• «обкатка» новой модели создания группировок войск в кризисных районах – оперативных мобильных формирований, создаваемых на коалиционной основе;

• повышение качества взаимодействия национальных ВС альянса и практическая проверка в реальных условиях располагаемого боевого арсенала НАТО.

Для выполнения поставленных геополитических задач руководством альянса была создана многонациональная группировка войск НАТО под условным наименованием «Силы в Косово», сокращенно KFOR, со штабом в Скопье (Македония).

По состоянию на 19.03.1999 г. сухопутная группировка KFOR, дислоцированная на территории Македонии, составляла 12 тысяч военнослужащих [6, с. 97].

Как планировалась операция.

Судя по сообщениям в печати, военное руководство НАТО намеревалось на первом этапе в течение 2 – 3 суток ударами с воздуха преимущественно в темное время суток заблокировать авиацию ВВС СРЮ на аэродромах, дезорганизовать систему военного и государственного управления и подавить основные силы и средства ПВО; нанести значительный ущерб основным группировкам войск в районах ППД (пунктах постоянной дислокации), изолировать группировку войск в Косово.

На следующем этапе (7 – 10 суток) предполагалось перейти к нанесению точечных ударов по войсковым группировкам, действующим в Косово, лишить их боеспособности и полностью нарушить связь с Белградом, систему снабжения ГСМ и ВП группировки войск в Косово.

На третьем этапе (7 – 10 суток) путем нанесения интенсивных ударов нанести окончательное поражение группировке ВС СРЮ в Косово, подавить их сопротивление, вытеснить остатки войск за пределы края, не допустив встречного сражения с войсками альянса при вводе их в район конфликта.

Продолжительность операции и ее размах.

Первый удар в рамках операции «Решительная сила» был нанесен 24 марта в 21.50, последний удар – 9 июня в 21.30. 10 июня, с началом вывода группировки войск СРЮ с территории Косово, руководство НАТО приняло решение о переводе авиации на режим круглосуточного контроля за выводом войск и готовности к нанесению (возобновлению) ударов в случае необходимости. 22 июня руководство НАТО официально объявило о завершении операции «Решительная сила». Общая продолжительность операции «Решительная сила» составила 90 суток, воздушные удары наносились в течение 77 суток.

Авиационная группировка включала подразделения и части 13 стран НАТО, группировка боевых кораблей – 10 стран, сухопутная группировка – в начальной стадии 7 стран (на завершающем этапе 18 стран). Кроме того, в ходе операции под давлением руководства США Болгария и Румыния были фактически втянуты в конфликт, предоставив свое воздушное пространство и аэродромы для авиации НАТО [7, с. 78].

Операция НАТО в зоне косовского конфликта, начатая 24 марта 1999 года, носила условное наименование «Джойнт гардиан»

(«Общий опекун»). Военная акция против Союзной Республики Югославии получила условное наименование «Решительная сила».

Список литературы

1. Военные знания: научно-популярный массовый журнал. – М.: Военные знания, 1991 – 1999.
2. Зарубежное военное обозрение: ежемесячный информационно-аналитический журнал Министерства обороны РФ. – М.: Красная звезда, 1991 – 1999.
3. Ориентир: журнал Министерства обороны РФ. – М.: Красная звезда, 1991 – 1999.
4. Техника и вооружение: научно-популярный журнал. – М.: Техинформ, 1991 – 1999.
5. Нарочницкий, А.Л. Россия. Сербия и Черногория в начале XIX в. / А.Л. Нарочницкий // Новая и новейшая история. – 1980. – № 3.
6. Международные отношения на Балканах: сб. ст. / редкол.: В.Н. Виноградов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1974. – 331 с.
7. Грачев, В.П. История первого сербского восстания 1804 – 1813 гг. в собрании В. Богишича / В.П. Грачев // Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время: сб. статей. – М.: Наука, 1974.

Зиновьев Андрей Викторович, *начальник военной кафедры Саратовского ГТУ, полковник.*

УДК 94(470):94(497.1)

А.В. Пигулевская

УЧАСТИЕ РОССИИ В МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ В 1992 – 1999 гг.

В статье рассматривается участие российского контингента в миротворческих операциях на территории бывшей Югославии в 1992 – 1999 гг., в том числе на территории Хорватии, Боснии и Герцеговины и Косово. Показана роль Российской Федерации в разрешении югославского кризиса 90-х годов XX века. Рассмотрены основные аспекты политико-дипломатических и силовых форм участия РФ в разрешении югославского кризиса, включая участие в миротворческих операциях под эгидой ООН и в рамках сотрудничества с НАТО.

Ключевые слова: миротворческие силы, операция, контингент, регламент, альянс, оперативное командование, пост, разграничение.

Особое место в российской деятельности на балканском направлении в 1992 – начале 1999 г. занимала военная сторона ее уча-

стия в урегулировании югославского кризиса, его основных составляющих.

Россия впервые включилась в операцию по поддержанию мира миротворческих сил ООН на основании постановления Верховного Совета РФ «Об участии российского контингента в операции ООН по поддержанию мира в Югославии» от 6 марта 1992 г. [1, с. 347].

Для участия в составе «Сил ООН по охране» (СООНО – ЮНПРОФОР) был выделен один батальон ООН № 554 (Русбат-1). Русбат-1 был размещен в секторе, который охватывал Восточную Славонию и Баранью с городами Вуковар, Осиек, Винвовцы. Согласно регламенту миротворческой миссии, контроль Русбата происходил только за сербской зоной. С осени 1994 г. российские миротворцы стали объектом провокационных действий как со стороны хорватских властей, так и психологической кампании по дискредитации Русбата-1, развернутой штабом СООНО. Совпадение во времени этих действий может свидетельствовать об их скоординированности [1, с. 348].

Российские миротворцы сумели в своем районе достигнуть значительно больших успехов, чем миротворцы в других секторах. Они первыми установили контрольные посты, линии разграничения между противоборствующими сторонами, отвели сербские и хорватские войска от линии фронта, обеспечили сбор тяжелого оружия на складах под охраной сил ООН [3, с. 198].

В феврале 1994 г. во время т.н. сараевского кризиса часть российского воинского контингента была переброшена в район Сараево. 25 февраля того же года Совет Федерации РФ одобрил предложение о направлении дополнительного воинского контингента для участия в составе сил ООН – батальон ООН № 629 (Русбат-2), который дислоцировался в буферной зоне между сербами и мусульманами с задачей обеспечения разъединения сторон, контроля за соблюдением соглашения о прекращении огня [1, с. 354].

Россия также принимала участие в миротворческой операции в Боснии и Герцеговине (БиГ) под руководством и контролем НАТО на условиях, определенных Дейтонскими соглашениями конца 1995 г. В военно-политическом и дипломатическом плане официальный российский курс в операции Сил по выполнению соглашения (Сил по стабилизации – с декабря 1996 г.) в БиГ был направлен на налаживание партнерских отношений с альянсом, но расходился в отстаивании собственной позиции по вопросам урегулирования конфликта в Косово. Основой для принятия решения о присоединении России

к операции Сил по выполнению соглашения скорее всего стали опасения тогдашнего российского руководства окончательно утратить российское присутствие на Балканах [2, с. 290].

Мандатом СБ ООН политическое руководство операцией в БиГ было возложено на совет НАТО. 8 ноября 1996 г. министры обороны России и США одобрили особый механизм командования и управления российскими войсками. Согласованные принципы участия России и многонациональных сил по выполнению Дейтонских соглашений – ИФОР включали: единоначалие (единая система командования); наличие общей задачи; общие правила применения силы; единую систему контроля за воздушным пространством и движением в воздухе; единую систему управления наземным движением; обмен разведывательными сведениями и др. [5, с. 189].

Согласно договоренностям, российская бригада должна была участвовать в операции самостоятельно, но в географической зоне ответственности американской дивизии и под тактическим контролем командира этой дивизии. Правом оперативного управления российским контингентом наделялся только главнокомандующий ОВС НАТО в Европе через заместителя командующего по российским войскам генерала Л. Шевцова [4, с. 513 – 518].

НАТО и Россия в ходе выполнения Дейтонских соглашений продемонстрировали общую заинтересованность в разрешении конфликта. Изучение уроков взаимодействия России и НАТО (США) в составе Сил по выполнению соглашений в БиГ позволило российскому военному руководству обратить особое внимание на тот факт, что вертикаль военного командования операцией может стать эффективной в том случае, если она будет надежно вписываться в согласованную вертикаль политической ответственности за операцию по принуждению к миру. Был сделан вывод о том, что для действий по принуждению к миру с применением военной силы должно быть полное исчерпание политико-дипломатических средств мирного урегулирования, а также очевидные негативные последствия продолжения конфликта для региональной безопасности [4, с. 521].

Однако эти выводы не повлияли в дальнейшем на руководство США и НАТО при принятии решений о военных действиях против СРЮ в 1999 г. Уже наметились кризисные черты, связанные с расхождением позиций по вопросам косовского урегулирования. Т.н. «превентивная дипломатия» должна была по логике привести к выработке совместной программы мирного урегулирования в крае в ходе достижения приемлемых договоренностей между ко-

совскими албанцами и руководством СРЮ. Однако этого не произошло. Россия в рамках работы Контактной группы и в СБ ООН выступила против международного вмешательства во внутренние дела «малой» Югославии. Она заявила о недопустимости выхода Косово из состава СРЮ, о необходимости прекращения военных действий противоборствующих сторон и необходимости переговоров о статусе Косово в Югославии. Следует отметить, что российская сторона последовательно выступала за мирное урегулирование кризиса [3, с. 201].

Несмотря на активные усилия российской дипломатии, чтобы не допустить применения силы НАТО против СРЮ под предлогом «наказания» С. Милошевича за «геноцид» против албанцев и «гуманитарную катастрофу», решения и деятельность НАТО игнорировали позицию Россию.

Военная операция НАТО против Югославии, начавшаяся 24 марта 1999 г., имела широкие последствия для российско-натовских отношений. В России они были восприняты в контексте разрушения принципов доверия, зафиксированных в программе «Партнерство ради мира». 24 марта 1999 г. последовало заявление Президента России Б.Н. Ельцина, в котором действия НАТО против СРЮ именовались «неприкрытой агрессией». Россия потребовала созвать в срочном порядке СБ ООН. В заявлении Президента РФ говорилось о том, что в случае разрастания конфликта Россия оставляет за собой право принять адекватные меры, в том числе и военного характера, для обеспечения собственной и общеевропейской безопасности [1, с. 368].

26 марта 1999 г. по требованию России состоялось официальное заседание СБ ООН. Однако внесенный проект резолюции, подготовленный совместно Россией и Индией, осуждавший агрессию НАТО и требовавший немедленного его прекращения, не был принят [4, с. 675].

Следует отметить, что еще в декабре 1998 г. Россия и Югославия подписали протоколы о военно-техническом и научно-техническом сотрудничестве в области обороны. Но поставки боевой российской техники привели бы к нарушению резолюции СБ о запрете на поставки вооружения в Югославию, за которую голосовала и Россия. Поэтому Россия решила не втягиваться в конфликт на Балканах, но продолжать готовить новые мирные инициативы для урегулирования косовского кризиса [3, с. 210].

Россия продолжила свою роль посредника между Белградом и НАТО как единственная из крупных европейских держав, не-

посредственно не вовлеченная в конфликт и в военные действия. В ходе переговоров между НАТО, Белградом и РФ, Россия предложила различные варианты проекта выхода из кризиса, которые сводились к тому, что прекращение бомбардировок должно произойти немедленно, еще до принятия соответствующей резолюции СБ ООН; принятие всех решений, связанных с размещением в Косово миротворческого контингента, проходит только под эгидой ООН; вывод югославских войск из Косово осуществляется синхронно с вводом миротворческих сил и с разоружением ОАК. В ходе переговорного процесса НАТО категорически отвергло предложенный Россией компромисс, который удовлетворял югославскую сторону. В итоге был утвержден план, удовлетворявший интересы НАТО [1, с. 372].

В период с 27 по 29 июня 1999 г. на конференции представителей штаба Верховного главнокомандования ОВС НАТО в Европе и Генерального штаба ВС РФ были согласованы вопросы, касающиеся планирования участия российского воинского контингента в миротворческой операции в Косово и Метохии. Местами базирования российских миротворцев в Косово и Метохии были Косово поле, Милишево, община Косовска Каменица и Каменица, а также аэродром под Приштиной. Соглашение предусматривало участие российских войск в КФОР на условиях, установленных для всех национальных компонентов в рамках НАТО [1, с. 375].

5 мая 2003 г. Президент РФ В. Путин подписал Указ о выводе на территорию РФ до 1 августа 2003 г. контингента Вооруженных Сил РФ, принимавшего участие в миротворческой операции в БиГ и в международном присутствии в Косово.

В ходе участия российских подразделений в миротворческой операции под эгидой ООН в бывшей Югославии в период с 1992 по 1999 г. был накоплен большой опыт подготовки воинских контингентов к выполнению миротворческих задач, освоены различные способы переброски людей и техники в районы конфликта, их быстрого развертывания в зонах ответственности. Миротворцы приобрели практику действий в сложных условиях обстановки, характерной для операций по поддержанию мира, в строгом соответствии с уставом ООН и международными нормами.

Список литературы

1. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX в. / редкол.: Н.В. Васильева (гл. ред.) [и др.]. – М.: Звонница – МГ, 2005. – 423 с.

2. Васильева, Н. Балканский тупик? (Историческая судьба Югославии в XX веке) / Н. Васильева, В. Гаврилов. – М.: Гея итэрум, 2000. – 480 с.
3. Глушков, В.В. Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества / В.В. Глушков, Ю.В. Морозов, А.А. Шаравин. – М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 2001. – 376 с.
4. Гуськова, Е. История югославского кризиса (1990 – 2000) / Е. Гуськова. – М.: Русское право; Русский Национальный Фонд, 2001. – 720 с.
5. Мартынова, М. Балканский кризис: народы и политика / М. Мартынова. – М.: Старый Сад, 1998. – 219 с.

Пигулевская Александра Валерьевна, *студентка факультета истории и социологии ГрГУ им. Я. Купалы.*

УДК 930

И.И. Талай

СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН-УЧАСТНИЦ ОРГАНИЗАЦИИ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА В ВОЕННОЙ ОБЛАСТИ В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ

Военное сотрудничество стран Варшавского Договора, как одно из ключевых направлений в деятельности ОВД, находило отражение практически во всех работах, авторы которых занимались изучением этого военно-политического союза.

Ключевые слова: военное сотрудничество, Организация Варшавского Договора (ОВД), историография, оборонительное сотрудничество.

В первую очередь рассматривались проблемы военного и политического сотрудничества государств-участников ОВД, а также их взаимодействия с международными организациями на европейском континенте. Анализ многочисленных источников и литературы позволяет говорить о существовании нескольких подходов к исследованию вопросов военного сотрудничества. Один из основных подходов состоит в том, что авторы раскрывали данную проблему через определенные категории, такие как принципы, направления, формы, методы, основы военного сотрудничества. Сторонники другого подхода исследовали эти вопросы путем описания деятельности, функционирования соответствующих военных органов – Штаба Объединенных вооруженных сил, Объединенного командования.

Проведенный анализ историографии военного сотрудничества свидетельствует, что оно, по мнению советских авторов, было направлено на укрепление оборонного потенциала Варшавского Договора и способствовало сохранению мира и безопасности в Европе. Обращает на себя внимание отсутствие конкретного определения понятия военное сотрудничество, часто в этом значении употребляются такие понятия, как боевое содружество, оборонительное сотрудничество и даже военная защита социализма. По содержанию они очень близки, а в работах некоторых авторов тождественны. Свои определения данного явления предлагают М.С. Кириченко [15, с. 45], К.Е. Зуев [11, с. 21], А.Е. Бардин [2, с. 74].

Научные подходы, которые реализуют авторы при рассмотрении вопросов военного сотрудничества ОВД, базируются, как правило, на теоретико-методологической и деятельно-практической основах. В работах, авторы которых опираются на теоретико-методологическую основу, можно выделить ряд научных подходов.

Сторонники дистрибутивного подхода начинали исследование с выяснения приоритетности между военным и политическим сотрудничеством. По мнению П.Г. Лушева [17, с. 12], М.М. Белоусова [3, с. 91], главенствующим было военное сотрудничество. В данном случае речь идет об экстрамилитаристском направлении. Определенное внимание представители этого научного подхода уделяли выяснению соотношения между национальными и интернациональными интересами в военном сотрудничестве. Авторы из стран-участниц Организации Варшавского Договора и некоторые западные авторы считали несомненным главенство интернационального аспекта. Такой точки зрения придерживаются К.Е. Зуев [11, с. 84], А. Гетман [6, с. 3].

На приоритетности национальных интересов в военном сотрудничестве настаивали некоторые российские авторы, работы которых появились в постсоветский период, в частности А.М. Майоров [18, с. 12], А.И. Грибков [8, с. 2].

В рамках дистрибутивного подхода исследуются также объективные и субъективные факторы, их место и роль в военном сотрудничестве. Эта проблема нашла отражение в работах К.Е. Зуева [11, с. 29].

Большое внимание исследователи уделяли рассмотрению основ военного сотрудничества. Наиболее часто в числе основ называли три: политические или социально-политические, экономические и идеологические. Этот подход может быть определен как

тривиумальный. С таких позиций подходили к рассмотрению этого вопроса М.С. Кириченко [15, с. 14], К.Е. Зуев [11, с. 35], Е.Ф. Ивановский [12, с. 65]. Наряду с этими основами М.С. Кириченко [15, с. 104], И.И. Якубовский [22, с. 31] выделяли также военно-теоретическую и международно-правовую основы.

Сторонники партийно-императивного подхода исходили из того, что основой военного сотрудничества являлась координация деятельности коммунистических и рабочих партий. Такой точки зрения придерживаются П.Н. Бобылев [21, с. 78], В.П. Бокарев [21, с. 81], С.В. Липицкий [21, с. 90], М.Е. Монин [21, с. 93].

Представители идемического или тождественного подхода при рассмотрении вопросов военного сотрудничества отождествляли его основы с принципами. С таких позиций подходили к рассмотрению этого вопроса И.А. Колосков [16, с. 37].

При рассмотрении принципов военного сотрудничества просматривались три основные научные подхода: социально-демократический, интернационально-социалистический и демократический.

Среди сторонников социально-демократического подхода, выделяющих в военном сотрудничестве как принцип социалистического интернационализма, так и общедемократические принципы, авторы коллективных работ «Боевое содружество братских народов и армий», «Варшавский Договор – союз во имя мира и социализма» [4, с. 108], а также Г.Н. Азнакаев [1, с. 20], Е. Саввов [20, с. 41].

Представители демократического подхода акцентировали внимание на общедемократических принципах военного сотрудничества. Это авторы коллективной работы «Варшавский Договор: история и современность», а также Б. Ломский.

В работах, авторы которых опираются на деятельно-практическую основу, преобладает дескрипционный или описательный подход. Его сторонники рассматривали различные стороны военного сотрудничества через описание работы основных институтов этого военно-политического союза. В рамках данного подхода можно выделить несколько направлений.

Описывая деятельность различных органов военного управления ОВД, авторы, работы которых вышли в советский период, как правило, акцентировали внимание исключительно на положительных сторонах военного сотрудничества. Это идиллическое направление нашло отражение в работах Г.Ф. Воронцова [5, с. 56], И.И. Якубовского [22, с. 203], К.И. Савинова [19], а также в коллективных трудах «Боевое содружество братских народов и армий»,

«Варшавский Договор – союз во имя мира и социализма» [4, с. 45], «Боевой союз братских армий», «Варшавский Договор: история и современность».

Некоторыми отечественными авторами, а также авторами из ближнего зарубежья, работы которых появились после распада Советского Союза, предпринимались попытки всесторонне оценить работу органов военного управления ОВД, обращали внимание не только на положительный опыт, но и выявляли негативные моменты в военном сотрудничестве ОВД. Среди представителей этого конструктивного направления были В.А. Золоторев [10, с. 96], М.М. Белоусов [3, с. 57].

Отдельные западные авторы, в частности Э. Каррер д'Анкос, пришел к выводу, что военное сотрудничество армий стран ВД являлось не средством защиты от угрозы империалистической агрессии, а способом сохранения существующих социалистических режимов. В данном случае речь идет об интериор-дефенсиальном направлении [4, с. 85].

При рассмотрении исследователями вопросов, связанных с созданием новых органов военного управления – Комитета министров обороны, Военного совета, Технического комитета, просматривалось несколько направлений. В работах М.С. Кириченко [15, с. 55], коллективных трудах «Боевой союз братских армий», «Военная история», опубликованных в советский период подчеркивалась коллегиальная работа этих органов, атмосфера братской дружбы и полного взаимопонимания при принятии обсуждаемых решений, то есть реализовывалось идиллическое направление.

Большое внимание уделялось исследованию вопросов связанных с учениями Объединенными вооруженными силами Организации Варшавского Договора. Их рассмотрение осуществлялось в рамках дистрибутивного направления, акцентировалось внимание на различных аспектах учений.

Ряд авторов сосредоточивали внимание исключительно на военных вопросах отрабатываемых на учениях. С таких позиций его рассматривали А.А. Гречко [7, с. 28], Н.П. Карпиченко [14, с. 87], Д. Камбуров [13, с. 54].

Наряду с военными, некоторые авторы выделяли также и политические (политико-воспитательные) вопросы, решаемые в ходе учений. Эта точка зрения нашла отражение в работах А.А. Епишева [9, с. 125], П.Г. Лушева [17, с. 33], М.С. Кириченко [15, с. 65], Е. Саввова [20, с. 13].

Отдельные авторы подчеркивали важную самостоятельную значимость политических вопросов на учениях. Такого взгляда придерживаются Г.Ф. Воронцов [5, с. 62], А.И. Грибков [8, с. 4], Г.Н. Азнакаев [1, с. 21].

Некоторые авторы, рассматривая рост масштабов и количества учений союзников по ОВД, связывают это с усилением могущества ОВС. Такая точка зрения характерна для М.С. Кириченко [15, с. 73]. Западные исследователи связывают усиление военной активности ОВС ВД, выражавшейся в увеличении количества учений и росте их масштабов с внешнеполитическими факторами.

Круг источников, содержащих те или иные сведения об Организации Варшавского Договора, достаточно многообразен. К ним относятся газетные и журнальные статьи 1955 – 1991 гг., документы договоров, деклараций, фотодокументы. Изучение многочисленных научных исследований, различных источников и литературы по проблемам связанным с Варшавским Договором, показывает, что основное внимание советские и российские авторы сосредоточивали на военно-политической деятельности этого союза. Особое внимание уделялось вопросам военного и политического сотрудничества государств-участников Организации Варшавского Договора, а также их взаимодействию с международными организациями для сохранения мира на европейском континенте. Советские и российские исследователи выделяют несколько подходов в изучении вопросов военного сотрудничества. Один из основных заключается в раскрытии данной проблемы через определенные категории: принципы, направления, формы, методы, основы военного сотрудничества. Сторонники другого подхода исследуют эти вопросы путем описания деятельности, функционирования органов военного управления Организации Варшавского Договора.

Список литературы

1. Азнакаев, Г.Н. Договор дружбы и безопасности народов / Г.Н. Азнакаев. – Киев: Политиздат Украины, 1977. – 279 с.
2. Бардин, А.Е. Варшавский Договор – надежный щит мира и безопасности в Европе / А.Е. Бардин. – Пермь: Знание, 1971. – 321 с.
3. Белоусов, М.М. Международные отношения и внешняя политика (1945 – 1970-е годы) / М.М. Белоусов. – Киев: Лебедь, 1999. – 433 с.
4. Варшавский Договор – союз во имя мира и социализма / под ред. В.Г. Куликова. – М.: Воениздат, 1980. – 295 с.
5. Воронцов, Г.Ф. Военные коалиции и коалиционные войны / Г.Ф. Воронцов. – М.: Воениздат, 1976. – 234 с.

6. Гетман, А. Согласная дружина гору свернет / А. Гетман // Красная звезда. – 1968. – 21 августа. – С. 3.
7. Гречко, А.А. Вооруженные Силы Советского государства / А.А. Гречко. – М.: Воениздат, 1974. – 412 с.
8. Грибков, А.И. Несостоявшийся юбилей / А.И. Грибков // Красная звезда. – 2005. – 18 мая.
9. Епишев, А.А. Партия и армия / А.А. Епишев. – М.: Политиздат, 1977. – 427 с.
10. Золотарев, В.А. Военная безопасность Государства Российского / В.А. Золотарев. – М.: Кучково поле, 2001. – 367 с.
11. Зуев, К.Е. Объективный и субъективный факторы в военном сотрудничестве социалистических стран / К.Е. Зуев. – Рига: РВКИУ, 1967. – 211 с.
12. Ивановский, Е.Ф. На страже Родины / Е.Ф. Ивановский. – М.: ДОСААФ, 1988. – 342 с.
13. Камбуров, Д. Двадцать лет на службе мира / Д. Камбуров. – София: Партиздат, 1975. – 211 с.
14. Карпиченко, Н.П. Критика западногерманских буржуазных и реформистских фальсификаций военно-политического сотрудничества государств-участников Варшавского Договора / Н.П. Карпиченко. – М.: ВПА, 1989. – 347 с.
15. Кириченко, М.С. Надежный страж мира / М.С. Кириченко. – Минск: Беларусь, 1975. – 387 с.
16. Колосков, И.А. Эскалация вооружений и судьбы Европы / И.А. Колосков. – М.: АПН, 1972. – 123 с.
17. Лушев, П.Г. Варшавский Договор: история и современность / П.Г. Лушев // Военная мысль. – 1990. – № 5.
18. Майоров, А.М. Вторжение. Чехословакия, 1968. Свидетельства командарма / А.М. Майоров. – М.: Права человека, 1998. – 226 с.
19. Савинов, К.И. Варшавский Договор – фактор мира, щит социализма / К.И. Савинов. – М.: Международные отношения, 1986. – 322 с.
20. Саввов, Е. Варшавский Договор. Организация мира, защитник социализма / Е. Саввов. – София: Партиздат, 1985. – 298 с.
21. Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы. Страницы истории / П.Н. Бобылев [и др.]; под общ. ред. П.Н. Бобылева. – М.: Политиздат, 1987. – 433 с.
22. Якубовский, И.И. Боевое содружество / И.И. Якубовский. – М.: Воениздат, 1971. – 331 с.

Талай Игорь Иванович, *курсовой офицер батальона курсантов военного факультета ГрГУ им. Я. Купалы, старший лейтенант.*

УДК 323.415

А.А. Никитин

МЕСТО И РОЛЬ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В СИСТЕМЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ

Взаимодействие и содружество вооруженных сил славянских государств всегда были актуальны в вопросах достижения Победы. Благодаря взаимодействию славянских государств были одержаны победы в Отечественной войне 1812 г., Первой мировой войне 1914 – 1918 гг, Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг., а также в борьбе с международным терроризмом.

Ключевые слова: терроризм, система коллективной безопасности, борьба, военное сотрудничество, наемник, антитерроризм, координация, силовые структуры.

В настоящее время в военном сотрудничестве государств СНГ борьба с международным терроризмом играет важную роль.

С 2001 года в рамках СНГ проведено шесть Антитеррористических учений государств СНГ по организации и взаимодействии борьбы с терроризмом и более 12 КШУ, с участием 10 государств.

Цель данных учений была одна – согласование совместных усилий по борьбе с терроризмом, государств-участников СНГ.

Остановимся на итогах учений, проведенных антитеррористическим центром СНГ в период 2001 – 2008 годах и совместных боевых действиях в 1999 – 2000 году на территориях Кыргызстана и Узбекистана. Выводы из них.

1. Место и роль борьбы с терроризмом в системе коллективной безопасности государств-участников СНГ [1, с. 78].

Анализ военно-политической обстановки в мире и на территории СНГ показывает, что в последние годы терроризм приобретает все более разнообразные формы и угрожающие масштабы. По подсчетам специалистов, в настоящее время более чем в 70 странах действуют около тысячи групп и организаций, использующих в своей деятельности методы терроризма. Крупные террористические вооруженные формирования имеют свои базы, центры управления и подготовки террористов, налаженные связи с зарубежными организациями, поставляющими наемников, оружие, материальные и финансовые средства. Поэтому применение военной силы выступает одним из способов противодействия такому злу, как глобаль-

ное распространение террористических и экстремистских движений и групп [2, с. 3 – 4].

В процессе своего развития террор из орудия сопротивления жестоким режимам превратился в эффективное средство завоевания политической власти и распространения влияния на международные процессы. Масштабы терроризма и его межгосударственный и военный характер обусловили необходимость объединения усилий государств в борьбе с этим явлением, налаживание международной, региональной и национальной системы противодействия терроризму. В решении данной проблемы активно взаимодействуют и государства – участники СНГ.

Борьба с терроризмом в рамках Содружества Независимых Государств была поставлена на повестку дня до 11 сентября 2001 г. Именно Россия в начале 90-х годов прошлого века первой из стран Европейского континента столкнулась с терроризмом. В тот период радикальный ваххабизм начал формировать на российской земле террористическую армию. Только слабость российской центральной власти позволила главарям бандитов Дудаева безнаказанно убить командира 42-го армейского корпуса Корецкого, вице-премьера правительства РФ Поляничко, которые пытались урегулировать возникающие в Северокавказском регионе первые конфликты. Эти безнаказанные преступления позволили сепаратистам и откровенным бандитам осмелеть и устроить в Чечне настоящий геноцид русского населения [3, с. 2 – 3].

Рецидивы терроризма стали проявляться и в других странах СНГ, особенно в тех, которые расположены в Центральноазиатском регионе. Покушение в 2002 г. на президента Туркмении С. Ниязова, а также перманентные террористические акты, имевшие в последние годы место в Ташкенте, Бухаре и других городах Узбекистана, свидетельствуют о наличии в этих государствах террористических организаций. По мнению исследователя М. Эсенова, создание системы региональной безопасности в Центральной Азии сталкивалось и сталкивается с определенными трудностями, на что существуют объективные причины [4, с. 4].

В январе 1993 года на совещании глав государств СНГ был рассмотрен вопрос об укреплении внешних границ Содружества (в первую очередь, таджикско-афганского участка), как одна из важнейших мер противодействия распространению международного терроризма.

Решением Совета глав государств СНГ от 22 января 1993 года определено, что для выполнения этой задачи необходимо, в дополнение к пограничным войскам, привлечь контингенты вооруженных сил четырех государств: Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Узбекистан, в частности усилить Группу пограничных войск Российской Федерации в Таджикистане четырьмя батальонами (по одному из каждого из названных государств) численностью по 500 человек каждый [5, с. 34].

С 1994 года для эшелонированной поддержки пограничных войск на наиболее опасных направлениях таджикско-афганской границы и усиления их, в кризисных ситуациях использовались также Коллективные миротворческие силы СНГ (КМС) в Республике Таджикистан (Решение Совета глав государств от 15 апреля 1994 года). Такие действия КМС, хотя и не совсем соответствуют порядку применения миротворческих сил, были вполне оправданы в сложившихся условиях обстановки, и достигнутыми результатами.

До настоящего времени поддержку пограничных подразделений на таджикско-афганском участке границы совместно осуществляют тактические группы 201 мсд России и Вооруженных сил Таджикистана.

Последнее из подразделений государств региона, введенных в приграничье в 1993 году, – отдельный сводный стрелковый батальон ВС Республики Казахстан завершил выполнение задач на калайхумбском направлении в феврале 2001 года.

Однако для того, чтобы полностью исключить проникновение террористических групп на территорию государств региона подобных мер становится недостаточно. Тем более, что нерешенные социально-экономические, национально-этические, религиозные и другие проблемы создают для них благодатную почву, а действия радикальных сил все больше приобретают скоординированный характер и получают поддержку извне.

В 1999 и 2000 годах Кыргызстан и Узбекистан вынуждены были противостоять вооруженным формированиям международных террористов уже на своей собственной территории. Несмотря на то, что для их уничтожения коалиционные группировки войск (сил) в то время не создавались, военные ведомства и силовые структуры государств региона действовали согласованно, прилагали совместные усилия.

Для координации их действий развертывались оперативные группы: в 1999 году в г. Ош (Кыргызстан) с участием представите-

лей Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан, в 2000 году – в г.Исфара (Таджикистан) с участием представителей Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан. В интересах вооруженных сил Кыргызской Республики в 1999 году использовалась военная авиация Узбекистана – для нанесения бомбоштурмовых ударов и Казахстана – для проведения аэрофотосъемки. Военно-техническая помощь Кыргызстану Таджикистану в экстренном порядке была оказана Арменией, Беларусью, Казахстаном, Россией и Украиной.

Принятые коллективные меры позволили достаточно оперативно устранить возникшие угрозы национальной и региональной безопасности. В то же время события тех лет показали очевидное несовершенство существующей в государствах и в Содружестве нормативно-правовой базы, недостатки в структуре и подготовке войск и сил, организации управления и взаимодействия.

Несогласованность правовых норм затрудняла или вовсе исключала возможность перемещения воинских формирований, вооружения, военной техники и материальных средств через границы, применение национальных вооруженных сил на территории других государств.

В целях преодоления этих юридических барьеров были разработаны и подписаны «Соглашение о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности», «Соглашение об основных принципах военно-технического сотрудничества», подготовлен ряд модельных договоров и соглашений.

7 октября 2002 года Советом глав государств Содружества подписан Протокол об утверждении Положения о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств-участников СНГ, разработанный сотрудниками Антитеррористического центра государств-участников СНГ (АТЦ СНГ). В документе закреплены правовые основы проведения таких мероприятий, определены цели и задачи при их проведении, порядок создания и компетенция органа управления, правовой статус и меры социальной защиты их участников [5, с. 45].

Одним из главных практических шагов по совершенствованию системы коллективной безопасности в Центральноазиатском регионе, сделанным с учетом полученного за эти годы опыта противодействия международному терроризму, стало создание КСБР ЦАР.

Они созданы во исполнение Решения Совета коллективной безопасности от 25 мая 2001 года как компонент коалиционной (региональной) группировки войск (сил), предназначенный для выполнения задач по обеспечению военной безопасности государств-участников ДКБ Центральноазиатского региона. В том числе для участия в отражении внешней военной агрессии и проведения совместных контртеррористических операций.

В настоящее время формирование КСБР ЦАР завершено. В их состав вошли части и подразделения постоянной готовности сухопутных войск и военной авиации Республики Казахстан, Российской Федерации, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан, оснащенные сопрягаемыми системами вооружения и связи. Группировка КСБР ЦАР, в зависимости от характера угрозы, может иметь различную структуру, состав и средства усиления.

Сейчас постоянная группировка насчитывает в своем составе девять батальонов с приданными подразделениями, общая численность военнослужащих в составе постоянной оперативной группы достигла четырех с половиной тысяч [6, с. 14 – 16].

Решение на доразвертывание и применение КСБР ЦАР принимается Советом коллективной безопасности на основе консенсуса по просьбе одного или нескольких государств Центральноазиатского региона коллективной безопасности.

Список литературы

1. Орлов, А. В поисках модели безопасности. Военно-политическое сотрудничество на постсоветском пространстве / А. Орлов // Военно-исторический журнал. – 2003. – № 4.
2. Балуевский, Ю. Роль СИЛ в борьбе с терроризмом / Ю. Балуевский // Белорусская военная газета. – 2009. – 13 февраля. – С. 3 – 4.
3. Абрамян, А.С. Военная сила в борьбе с терроризмом / А.С. Абрамян // Белорусская военная газета. – 2008. – 2 февраля. – С. 2 – 3.
4. Соглашение о концепции военной безопасности государств-участников Содружества Независимых Государств // Белорусская военная газета. – 2010. – 3 марта. – С. 4.
5. Никитин, А.А. Военно-политические аспекты борьбы с терроризмом в рамках СНГ.
6. Фаличев, О. Противостоять терроризму / О. Фаличев // Военно-исторический журнал. – 2009. – № 4. – С. 14 – 16.

Никитин Анатолий Алексеевич, *кандидат политических наук, генерал-майор.*

УДК 329.733

О.М. Кот

ЕДИНОЕ ОБОРОННОЕ ПРОСТРАНСТВО В РАМКАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

В статье анализируется процесс формирования единого оборонного пространства в рамках Содружества Независимых Государств, определяются цели, задачи, методы и формы деятельности.

Ключевые слова: единое оборонное пространство, соглашение, договор, суверенитет, геополитика.

8 декабря 1991 года в Вискулях под Брестом, путем подписания главами БССР, РСФСР и УССР Соглашения о создании Содружества Независимых Государств (известное в СМИ как Беловежское соглашение), было основано СНГ.

В документе, состоявшем из Преамбулы и 14 статей, констатировалось, что Союз ССР прекращал свое существование как субъект международного права и геополитической реальности. Однако, основываясь на исторической общности народов, связях между ними, учитывая двусторонние договоры, стремление к демократическому правовому государству, намерение развивать свои отношения на основе взаимного признания и уважения государственного суверенитета, стороны договорились об образовании Содружества Независимых Государств [1, с. 14].

Содружество Независимых Государств (СНГ) – межгосударственное объединение (договор о сотрудничестве между независимыми странами) большинства бывших союзных республик СССР.

СНГ основано на началах суверенного равенства всех его членов, поэтому все государства-члены являются самостоятельными субъектами международного права. Содружество не является государством и не обладает наднациональными полномочиями [1, с. 42].

Основными целями организации являются:

1) сотрудничество в политической, экономической, экологической, гуманитарной, культурной и иных областях;

2) всестороннее развитие государств-членов в рамках общего экономического пространства, межгосударственной кооперации и интеграции;

3) обеспечение прав и свобод человека;

4) сотрудничество в обеспечении международного мира и безопасности, достижение всеобщего и полного разоружения;

5) взаимная правовая помощь;

6) мирное разрешение споров и конфликтов между государствами организации [3, с. 198].

Одним из пунктов в сфере совместной деятельности государств-членов является:

• сотрудничество в области оборонной политики и охраны внешних границ.

15 мая 1992 года, государствами СНГ на основе Договора о Коллективной Безопасности (ДКБ), был создан военно-политический союз. На московской сессии ДКБ 14 мая 2002 года было принято решение о преобразовании ДКБ в полноценную международную организацию – Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Договор продлевается автоматически каждые пять лет.

Целями и задачами ОДКБ является защита общекультурного, экономического и территориального остаточного постсоветского пространства (СНГ) совместными военными методами армий и вспомогательных подразделений министерств и ведомств стран-участниц СНГ (Армении, России, Казахстана, Беларуси, Киргизии) от любых внешних военно-политических агрессоров, международных террористов, а также от природных катастроф крупного масштаба.

Одной из самых надежных оборонных структур должна была стать, Объединенная система ПВО СНГ.

Объединенная система ПВО государств-участников СНГ (ОС ПВО СНГ) создана на основе соглашения десяти стран содружества, подписанного 10 февраля 1995 г. в Алма-Ате.

В нее вошли Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан и Украина. Не являются участниками Азербайджан и Молдавия.

Срок действия соглашения не ограничен, оно открыто для присоединения других стран, разделяющих положения Концепции охраны воздушного пространства государств-участников СНГ и Плана взаимодействия сил и средств Объединенной системы ПВО.

Задачи ОС ПВО СНГ:

1) охрана воздушных границ государств СНГ;

2) совместный контроль за использованием воздушного пространства;

3) оповещение о воздушно-космической обстановке;

4) предупреждение о ракетном и воздушном нападении;

5) согласованное его отражение.

Для этого осуществляется автоматизированный обмен информацией о воздушной обстановке между командными пунктами ВВС и ПВО России, Беларуси, Казахстана, Украины и Узбекистана. Обмен информацией с ПВО остальных стран-участниц происходит время от времени из-за отсутствия у них современных АСУ. Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия и Узбекистан осуществляют совместное боевое дежурство сил ПВО.

Северо-западное направление воздушных границ России давно уже прикрывается системой ПВО Беларуси. Собственных войск на северо-западе и западе у РФ практически не осталось. Этот регион – зона ответственности объединенной российско-белорусской системы ПВО, где ведущая роль принадлежит белорусам.

На территории Беларуси расположен целый ряд объектов военно-технической инфраструктуры, оказывающих влияние на поддержание стратегической безопасности в центре Европы. В их числе радиолокационная станция под Барановичами – станция предупреждения о ракетном нападении (СПРН). Это – одна из восьми подобных российских станций. Станция под Барановичами предназначена для раннего предупреждения стартов баллистических ракет, в частности, с территории Германии, Франции, Великобритании. Она поставлена на боевое дежурство в 2002 году и отслеживает небо практически над всей Западной Европой.

Еще одним российским военным объектом на территории Беларуси является пункт управления подлодками в Вилейке. Станция в Вилейке предназначена для ретрансляции сигналов на российские корабли и подводные лодки, находящиеся в Центральной и Северной Атлантике.

Учитывая последние события, происходящие в мире, страны – участники ОДКБ, 4 февраля 2009 года согласовали и подписали проект решения по созданию Коллективных сил оперативного реагирования (совместные военные силы стран-участников ОДКБ).

Их предполагается использовать для «отражения военной агрессии, проведения специальных операций по борьбе с международным терроризмом, транснациональной организованной преступностью, наркотрафиком, а также для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций».

Планируется, что военная компонента КСОР должна состоять из соединений и частей постоянной боевой готовности. Они будут способны к мобильной переброске в любую точку зоны ответственности ОДКБ. КСОР также получит в свое распоряжение силы специального назначения, которые будут состоять из органов

внутренних дел, внутренних войск, органов безопасности и специальных служб, а также органов по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Размещаться подразделения будут в местах постоянной дислокации. Войска КСОР подчиняются исключительно национальным командованиям своих стран, в случае наступления момента выполнения своих союзнических обязательств действия войск союзников исполняются по согласованию сторон ОДКБ. Войсковые формирования КСОР оснащены единой камуфлированной формой и военным снаряжением, а также общими опознавательными знаками, выступают под флагами СНГ и ОДКБ.

В конце 2009 года КСОР провели в казахстанско-китайском приграничье, на военном полигоне Матыбулак, масштабные совместные учения. В учениях были задействованы все рода войск, подразделения МЧС, а также спецподразделения.

Хочется отметить, проведение совместных российско-белорусских военных учений «Запад-2009». Учения завершились 29 сентября 2009 года на Обуз-Лесновском военном полигоне в районе города Барановичи.

Они длились три недели, охватили Балтийское море, Калининградскую область и западные территории Беларуси. В учениях приняли участие около 12,5 тысяч военнослужащих: 6,5 тысяч из Беларуси, на пятьсот человек меньше – от Вооруженных сил России, 30 военнослужащих прибыли из Казахстана.

И это самый положительный пример сотрудничества государств. Без громких заявлений военные ведомства спланировали и уже давно проводят «операцию» по созданию единого оборонного пространства.

И в этом совместном служении Отечеству куется боевое братство, продолжается важная историческая традиция.

Список литературы

1. Николаенко, В.Д. Организация Договора о коллективной безопасности (истоки, становление, перспективы) / В.Д. Николаенко. – Минск: Асар, 2004. – С. 67 – 99.
2. Интернет-газета «Взгляд» / Коллективные силы оперативного реагирования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// ru. wikipedia. org / wiki. – Дата доступа: 25.01.2010.
3. Федеральный электронный справочник «Оружие России» / В ОДКБ будут сформированы силы оперативного реагирования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www. arms-expo. ru. – Дата доступа: 25.01.2010.

Кот Олег Михайлович, *преподаватель кафедры тылового обеспечения ГрГУ им. Я. Купалы, подполковник.*

УДК 355.2

А.В. Мантур

РОЛЬ ВОЕННЫХ КОМИССАРИАТОВ В ПОДГОТОВКЕ ВОЕННО-ОБУЧЕННЫХ РЕЗЕРВОВ

После победы Октябрьской революции одной из важнейших задач стало создание Вооруженных Сил, способных защитить завоевания революции. Необходимым условием организации могучей армии было создание ее военно-административных органов. С первых дней своего существования Советская республика была окружена враждебными силами, которые предрекали ей скорейшую гибель. С развертыванием натиска империалистов на республику добровольческий принцип комплектования армии себя изжил. Страна должна была перейти к всеобщей воинской обязанности. Обстановка требовала в короткие сроки обучить военному делу миллионы граждан, для чего необходимо было создать стройную систему военного обучения, которая обеспечила бы подготовку массовых резервов для действующих фронтов.

Ключевые слова: военный комиссариат, подготовка военно-обученных резервов, призывной возраст, военнообязанный, допризывная подготовка, военная специальность.

В апреле 1918 г. был издан декрет «О всеобщем военном обучении трудящихся», в котором основной задачей государства являлось принятие самых энергичных мер «для всестороннего, систематического всеобщего обучения взрослого населения без различия пола, военным знаниям и военным операциям». Согласно документу, обязательному военному обучению подлежали все граждане школьного, подготовительного и призывного возрастов от 16 до 40 лет. Обучение подготовительного и призывного возрастов было возложено на Народный Комиссариат по военным делам, а школьного – на Народный Комиссариат просвещения. Лица, прошедшие курс обязательного военного обучения, ставились на учет как военнообязанные и предназначались для комплектования частей и соединений Рабоче-Крестьянской Красной Армии (далее – РККА) [3, с. 4].

В июне 1918 г. состоялся I Всероссийский съезд по всеобщему военному обучению, который принял «Положение об обязательном военном обучении», где рассматривались все вопросы организации управления Всеобщего военного обучения (далее – Всеобуч) в стране. Программа обучения предусматривалась в объеме 96 часов. Уже к началу 1919 г. на территории Советской республики насчитывалось 4616 пунктов (бюро) военного обучения. Около 50 ты-

сяч инструкторов военного дела передавали свои знания населению. Органы местного военного управления (военные комиссариаты) развернули широкую сеть специальных сборных пунктов, где граждане проходили военное обучение. Всеобуч стал школой массовой подготовки боевых резервов республики.

Самоотверженная, полная напряжения работа военных комиссариатов принесла свои плоды: уже к 1920 году Всеобуч подготовил 5 миллионов человек военно-обученных резервов, состоящих из призывного и допризывного возрастов. В распоряжение командования Красной Армии было направлено более миллиона красноармейцев, что позволило сформировать 200 полков для борьбы с внутренним и внешним врагом.

После гражданской войны, в период военной реформы 1924 – 1925 гг. и последующие годы местные органы военного управления провели большую сложную работу по организации допризывной и вневойсковой подготовки, по призыву военнообязанных на сборы и на службу в территориальные части, в которых проходили военную подготовку основные контингенты мужского призывного населения. Важное значение приобретала работа, проводимая добровольными оборонными обществами и военными кружками под непосредственным контролем военных комиссариатов. В кружках и клубах Осоавиахима готовились летчики, планеристы, парашютисты, значкисты ГТО, ПВХО, снайперы, мотоциклисты. С молодежью проводились военизированные походы, игры, соревнования [5, с. 14].

В 1930 г. в систему подготовки молодежи к службе в армии были внесены некоторые изменения. По закону об обязательной военной службе 1930 г. к допризывной подготовке стали привлекаться юноши двух возрастов – 18 и 19 лет.

В соответствии с этим Законом занятия с молодежью, работающей на производстве, проводились на учебных сборах при военных комиссариатах общей продолжительностью в два учебных месяца. С учащейся молодежью допризывного возраста подготовка проводилась в учебных заведениях – в старших классах по 40-часовой программе, в техникумах и институтах по 60-часовой программе. Дальнейшее развитие эта система подготовки получила в Законе о всеобщей воинской обязанности, принятом Верховным Советом СССР 1 сентября 1939 г. Этим Законом вводилась начальная военная подготовка для учащихся 5 – 7 классов, допризывная подготовка и допризывная военная подготовка для учащихся трех старших классов средних школ и других учебных заведений.

На начальную и допризывную военную подготовку отводилось 80 часов в год. К военным занятиям привлекались как юноши, так и девушки. В школах была введена штатная должность военного руководителя, на которого возлагались задачи по проведению занятий по военному делу и физическому воспитанию учащихся [6, с. 32].

В Народном Комиссариате обороны для руководства начальной и допризывной подготовкой было создано Управление начальной и допризывной подготовки при Главном управлении кадров РККА, в котором разрабатывались программы обучения и табели учебного вооружения и имущества, а также осуществлялся контроль за состоянием этой подготовки на местах.

Допризывная военная подготовка молодежи, работающей на производстве и в сельском хозяйстве, проводилась в учебных организациях Осоавиахима. Комплектование учебных групп и контроль за качеством подготовки молодежи осуществляли военные комиссариаты.

С началом Великой Отечественной войны вопрос о подготовке военно-обученных резервов приобрел решающее значение.

Обучение населения военному делу, которое проводилось в первые месяцы войны организациями Осоавиахима, не обеспечивало потребности фронта ни в количественном, ни в качественном отношении. В связи с этим Государственный Комитет обороны СССР 17 сентября 1941 г. вынес постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», в котором говорилось «… каждый гражданин Союза ССР, способный носить оружие, должен быть обучен военному делу, чтобы с оружием в руках защищать свою Родину…».

Организация обязательного военного обучения граждан возлагалась на Народный Комиссариат обороны СССР и его органы на местах, для чего в составе Наркомата обороны было сформировано Главное управление всеобщего военного обучения, а в военных округах, областных, краевых и республиканских военных комиссариатах созданы отделы всеобщего военного обучения. В районных и городских военкоматах вводились по 2 – 3 должности инструкторов Всеобуча. Отделы Всеобуча в военных округах и военкоматах свою работу строили в тесном взаимодействии с местными органами власти, отделами народного образования, управлениями трудовых резервов, отделами физкультуры и спорта и воинскими частями.

К военному обучению привлекались граждане мужского пола в возрасте от 16 до 50 лет. Военному делу обучались также и женщины-добровольцы. Обучение строилось по территориально-производственному принципу на военно-учебных пунктах, которые создавались не только при военкоматах, но и на крупных фабриках, заводах, совхозах и колхозах. В зависимости от числа обучающихся на военно-учебном пункте, личный состав сводился в отдельные взводы, роты, батальоны и полки.

Обучение граждан осуществлялось без отрыва от производства. Занятия проводились по 110-часовой программе, которая давала военные знания и практические навыки в объеме подготовки одиночного бойца.

В качестве инструкторов для проведения занятий привлекался средний и младший командный состав запаса, пользующийся отсрочками от призыва по мобилизации, а также наиболее подготовленный рядовой состав старших возрастов, не призванный в армию.

Вся организация и практическая работа по созданию военно-учебных пунктов, их материального обеспечения, подбор инструкторского состава и контроль за качеством подготовки возлагались на военные комиссариаты. В первую очередь к военной подготовке были привлечены допризывники 17 – 18-летнего возраста и военнообязанные из числа необученных в возрасте до 45 лет [7, с. 4].

Всего по стране на 1 октября 1941 г. подлежало военному обучению свыше 7 миллионов человек, из них около 60 % на военно-учебных пунктах, остальные преимущественно учащаяся молодежь от 16 до 20 лет, – в учебных заведениях.

Подготовка населения до 1942 г. проводилась в основном по программе бойца-стрелка. И только в феврале 1942 г. в системе Всеобуча была введена подготовка специалистов: истребители танков, снайперов, подрывников, автоматчиков, пулеметчиков, минометчиков, танкистов.

С наступлением первой военной зимы военные комиссариаты провели большую работу по подбору и подготовке на военно-учебных пунктах бойцов для лыжных подразделений и частей РККА.

Великая Отечественная война выдвинула новую военную специальность снайперов-истребителей. Военные комиссариаты начали готовить опытных руководителей по этой специальности. Всего для фронта подготовлено было 9534 специалиста-инструктора снайперского дела, в том числе 3 тыс. женщин [8, с. 91].

В августе 1942 г. Государственный комитет обороны вынес постановление «О мобилизации молодежи в воздушно-десантные и другие части РККА», по этому документу, в сравнительно короткий срок, военные комиссариаты отобрали и призвали в воздушно-десантные части 144 тыс. юношей в возрасте от 19 до 27 лет, 12 600 девушек бойцов-стрелков, 300 тыс. медицинских сестер и санитарных дружинниц, 20 тыс. радисток, телефонисток, телеграфисток. 20 тыс. из них прошли парашютную подготовку.

Всего в этот период прошли обучение 1 миллион 150 тысяч 210 человек, но война требовала все в более возрастающих размерах военно-обученные кадры. Поэтому в октябре 1942 года постановлением Совета Народных Комиссаров было утверждено «Положение о начальной и допризывной военной подготовке учащихся 5 – 10 классов неполных средних, средних школ и техникумов».

На начальную военную подготовку в 5 – 7 классах отводилось по 3 часа в неделю (99 часов в год), на допризывную военную подготовку в 8 – 9 классах средних школ и 1 – 2 курсов техникумов – по 4 часа (132 часа в год) и в 10 классах (3 курсах) – по 5 часов в неделю (165 часов в год). Кроме того, для юношей 8 – 9 классов (1 – 2 курсов) были введены в период летних каникул двухнедельные лагерные сборы по специальной программе.

Большая работа военными комиссариатами проводилась по организации учебных сборов учащихся средних школ и техникумов. Только в 1943 году на учебные сборы было привлечено 450 815 учащихся, которыми было впоследствии укомплектовано около 600 полков [9, с. 4 – 5].

Таким образом, ко второй половине 1943 года была создана стройная система военной подготовки населения, которая в достаточном количестве обеспечивала подготовку военно-обученных резервов для РККА.

Военные комиссариаты тесно связывали военное обучение с гражданско-патриотическим воспитанием граждан. В подразделениях Всеобуча регулярно проводились политинформации, беседы, читались доклады на политические и военные темы, устраивались встречи с участниками боев, Героями Советского Союза, выпускались боевые листки. В беседах широко использовались материалы фронтовых газет, кино-, фотодокументы, письма граждан повествующие о зверствах фашистов на оккупированных территориях, письма воспитанников Всеобуча – участников боев [11, с. 3 – 4].

Десятки тысяч бойцов, прошедших обучение в подразделениях Всеобуча, были награждены орденами и медалями, 273 человека удостоены звания Героя Советского Союза.

Введение Всеобуча со всей допризывной и призывной молодежью сыграло положительную роль во время Великой Отечественной войны. Военные комиссариаты во многом способствовали победоносному завершению войны, обеспечивая на всем ее протяжении беспрерывное пополнение войск обученным личным составом и выполняли другие большой государственной важности задачи [13, с. 22 – 23].

Список литературы

1. Моисеев, М. Вооруженные Силы: перестройка, проблемы, замыслы / М. Моисеев // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 2. – С. 11 – 14.
2. Гареев, М. О военной науке и военном искусстве / М. Гареев // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 3. – С. 3 – 6.
3. Макаров, П. Подчиняя всю систему власти интересам обороны / П. Макаров // Военно-исторический журнал. – 2000. – № 5.
4. Чалдымов, Н. Первейший долг перед народами / Н. Чалдымов // Красная звезда. – 1987. – 22 августа. – С. 6.
5. Новопашин, Ю.С. Размышление о нашем недавнем прошлом / Ю.С. Новопашин // Вопросы истории. – 2001. – № 6.
6. Погоржельский, Д. Предотвратить отравление Европы / Д. Погоржельский // Новое время. – 1984. – № 4.
7. Никаноров, В. Инструмент коллективной безопасности / В. Никаноров // Гудок. – 1987. – 14 мая. – С. 4.
8. Марченко, Е.Т. Тактика в боевых примерах / Е.Т. Марченко. – М.: Воениздат, 1974. – 184 с.
9. Лобов, В.Н. И только правда ко двору / В.Н. Лобов // Известия. – 1989. – 8 мая. – С. 4 – 5.
10. Ивановский, В. Извлечь бы уроки / В. Ивановский // Правительственные вести. – 1992. – № 8. – С. 7.
11. Жмырев, Л. Нет задачи важнее / Л. Жмырев // Правда. – 1985. – 21 октября. – С. 3 – 4.
12. Владимиров, А. Общеевропейский союз безопасности / А. Владимиров // Международная жизнь. – 1990. – № 9. – С. 78 – 80.
13. Гладков, П. Реквием по договору / П. Гладков // Новое время. – 1991. – № 9. – С. 22 – 23.

Мантур Александр Владимирович, *военный комиссар военного комиссариата Гродненской области, полковник.*

УДК 378.1:355.08

В.М. Ивашин, И.А. Полуян, А.К. Лушневский, В.И. Гавроник

АДАПТАЦИЯ КУРСАНТОВ К УЧЕБНО-БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются цели, задачи и предполагаемые результаты исследования по изучению влияния психоэмоциональных, физических нагрузок и других особенностей жизнедеятельности, воздействующих на функциональное состояние и показатели развития военнослужащих в процессе адаптации к учебно-боевой деятельности.

Ключевые слова: функциональное состояние, работоспособность, патология, здоровье, заболевания, стресс, организм, деятельность, адаптация.

Один из подходов к оценке качеств человека, устойчивых на определенном временном интервале, связан с понятием функционального состояния. Чаще всего функциональное состояние рассматривают с позиций его взаимосвязи с работоспособностью. Функциональное состояние организма в интервале между нормой и патологией определяет риск возникновения и развития болезни. Чем выше уровень здоровья, тем ниже риск развития заболеваний [1, с. 5]. Проблема оценки текущего уровня индивидуального здоровья и контроля за его изменениями приобретает все более важное значение для населения в целом, но особенно для лиц, подверженных высоким психоэмоциональным и физическим нагрузкам.

Организм человека, испытывающий в условиях современного научно-технического прогресса непрерывные стрессорные воздействия (производственные, психоэмоциональные и др.), необходимо рассматривать как динамическую систему, которая непрерывно приспосабливается к условиям окружающей среды путем изменения уровня функционирования отдельных систем и соответствующего напряжения регуляторных механизмов. Приспособление или адаптация к новым условиям достигается ценой затраты функциональных ресурсов организма, за счет определенной «биосоциальной платы» [2, с. 78]. Адаптация как одно из фундаментальных свойств живой материи является результатом и средством разрешения внутренних и внешних противоречий, она существует и фор-

мируется на грани жизни и смерти, здоровья и болезни, за счет их столкновения и взаимоперехода.

Изучение функционального состояния организма военнослужащих Вооруженных Сил Республики Беларусь представляет актуальную в практическом отношении, но недостаточно разработанную научную проблему. До настоящего времени остается не до конца изученным характер изменений функционального состояния организма и роль отдельных его звеньев в процессе адаптации к военно-профессиональной деятельности.

Из проведенного патентно-информационного поиска по белорусским, российским и зарубежным источникам, можно сделать вывод, что данная тема разработана недостаточно. Найдено 18 патентов. Для анализа отобрано 9. По научно-медицинской литературе и в БД «MEDLINE», «Current Contents», БД «Пантелеймон», БД «Российская медицина» найдено 287 работ. Для анализа отобрано 97.

Цель данного исследования – изучить функциональное состояние организма курсантов военного факультета, оценить уровень адаптационных ресурсов организма в условиях военно-профессиональной деятельности.

Задачи исследования:

- изучить антропометрический статус курсантов в различные периоды служебной и учебной деятельности;
- определить динамику уровня физического развития военнослужащих;
- оценить уровень функционирования системы кровообращения, определить ее адаптационный потенциал в различные периоды военной службы;
- разработать практические рекомендации по дальнейшему совершенствованию медицинского обеспечения военнослужащих в процессе адаптации к военно-профессиональной деятельности.

Отработка методик по определению антропометрического статуса, показателей функционального состояния сердечно-сосудистой системы, физического развития проводилась на 28 студентах 2-го курса лечебного, медико-психологического и педиатрического факультетов Учреждения образования «Гродненский государственный медицинский университет» (ГрГМУ).

Клинико-антропометрическое обследование проводилось по общепринятой унифицированной методике [3, с. 30]. Дополнитель-

но вычислялись индекс массы тела, силовой индекс. Для оценки психологической адаптации использовался опросник САН. Артериальное давление (АД) и частоту сердечных сокращений (ЧСС) определяли в положении сидя методом Короткова и пальпаторно на лучевой артерии. Функциональное состояние организма оценивалось по результатам проведенных проб Руфье, Штанге, Генчи, определения индекса Робинсона, Руфье, функциональных изменений, уровня физического состояния, вегетативного индекса [4, с. 73].

Для оценки уровня физической подготовленности использовались результаты тестирования по физической подготовке (бег 100 м, 1000 м, подтягивание на перекладине).

Во втором полугодии 2008 года было обследовано 38 курсантов, которые поступили на 1-й курс военного факультета Учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (ГрГУ им. Я. Купалы), (контрольная группа).

В таблицах 1 – 4 представлены основные показатели антропометрии, уровня физического развития, показателей функционального состояния сердечно-сосудистой системы, психологического состояния и уровня физической подготовленности студентов ГрГМУ и курсантов ГрГУ им. Я. Купалы.

Показатели		Студенты n = 28	Курсанты n = 38
Рост		1,80 ± 0,07	1,83 ± 0,07
Масса тела		77,86 ± 10,58	80,33 ± 10,57
Объем гр. клетки		94,11 ± 6,92	95,46 ± 7,01
Мышечная сила кистей	правой	46,00 ± 9,03	44,83 ± 9,69
	левой	43,14 ± 7,50	41,04 ± 7,72
Индекс массы тела		23,90 ± 2,54	23,99 ± 2,46
Силовой индекс	правой	59,20 ± 10,80	56,52 ± 13,02
	левой	56,05 ± 10,30	51,53 ± 10,30

Показатели	Студенты n = 28	Курсанты n = 38
Самочувствие	5,74 ± 0,66	4,90 ± 1,02
Активность	5,18 ± 1,10	4,54 ± 0,92
Настроение	5,84 ± 0,66	5,46 ± 0,66
Общее состояние	5,59 ± 0,62	4,93 ± 0,72

Таблица 1 – Показатели физического развития

Показатели	Студенты n = 28	Курсанты n = 38
ЧСС (пульс) (уд./мин)	85,04 ± 15,39	76,00 ± 10,01
АД с (мм. рт. ст)	132,00 ± 13,10	127,38 ± 15,71
АД д (мм. рт. ст)	78,07 ± 9,00	78,58 ± 10,64
АД пульс (мм. рт. ст)	53,93 ± 9,29	48,79 ± 9,72
АД средн. (мм. рт. ст)	96,05 ± 9,52	93,68 ± 14,02
Индекс Руфье	15,60 ± 26,28	9,84 ± 3,05
Проба Штанге	60,11 ± 19,14	63,76 ± 26,12
Проба Генчи	37,46 ± 11,95	39,92 ± 10,64
Уровень физ. состояния	0,58 ± 0,18	1,10 ± 1,91
Индекс функц. изменений	4,05 ± 0,39	3,91 ± 0,40
Индекс Робинсона	112,48 ± 24,62	93,41 ± 23,16
Вегетативный индекс	5,62 ± 18,39	- 5,54 ± 21,72

Таблица 2 – Показатели психологической адаптации

Показатели	Студенты n = 28	Курсанты n = 38
Бег 100 м (с)	14,2 ± 2,39	13,9 ± 3,01
Бег 1000 м (мин)	3,02 ± 1,10	3,21 ± 1,71
Подтягивание на перекладине	14 ± 9,00	14 ± 10,64

Таблица 3 – Показатели функционального состояния организма
Таблица 4 – Показатели уровня физической подготовленности

Отработка методик по определению антропометрического статуса, показателей функционального состояния сердечно-сосудистой системы, физического развития предоставила возможность проводить изучение антропометрического статуса, уровня физического развития, показателей функционального состояния сердечно-сосудистой системы у военнослужащих первого периода службы.

Полученные результаты исследования будут использованы сотрудниками военной кафедры ГрГМУ и военного факультета ГрГУ им. Я. Купалы для статистического анализа с проводимыми в дальнейшем исследованиями опытных групп и разработки научно обоснованных предложений по совершенствованию медицинского обеспечения военнослужащих в мирное время, внедрением результатов НИР в учебный процесс на

военной кафедре Гродненского государственного медицинского университета, военном факультете Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (учебные пособия, методические рекомендации и др.).

Список литературы

1. Агаджанян, Н.А. Эколого-физиологические проблемы адаптации: материалы VIII междунар. симп. / Н.А. Агаджанян. – М., 1998.
2. Глушко, А.Н. Психофизиологические подходы к повышению работо- и боеспособности военнослужащих / А.Н. Глушко // Воен.-мед. журнал. – 2004. – Т. 325, № 1.
3. Разницын, А.В. Врачебный контроль за физическим воспитанием и состоянием здоровья студентов / А.В. Разницын. – Гродно, 2002. – 72 с.
4. Баевский, Р.М. Оценка адаптационных возможностей организма и риск развития заболеваний / Р.М. Баевский, А.П. Берсенева. – М.: Медицина, 1997. – 236 с.

Лушневский Андрей Казимирович, *начальник учебной части военного факультета ГрГУ им. Я. Купалы, полковник.*

Гавроник Владислав Иванович, *старший преподаватель кафедры тылового обеспечения ГрГУ им. Я. Купалы, подполковник.*

Ивашин Василий Михайлович, *доцент военной кафедры ГрГМУ, полковник медицинской службы.*

Полуян Игорь Михайлович, *старший преподаватель военной кафедры ГрГМУ, майор медицинской службы.*

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

БОЕВОЕ БРАТСТВО СЛАВЯН
НА ЗАЩИТЕ МИРА

Сборник научных статей

Ответственный за выпуск *И.В. Сивакова*
Компьютерная вёрстка: *И.Г. Сороквашин, М.И. Верстак*
Дизайн обложки: *О.В. Канчуга*

Подписано в печать 16.06.2011. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Ризография. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 26,51. Уч.-изд. л. 27,84. Тираж 60 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение:
Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».
ЛИ № 02330/0549484 от 14.05.2009.
ЛП № 02330/0494172 от 03.04.2009.
Пер. Телеграфный, 15а, 230023, Гродно.

ISBN 978-985-515-432-8